

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СКАЗКИ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

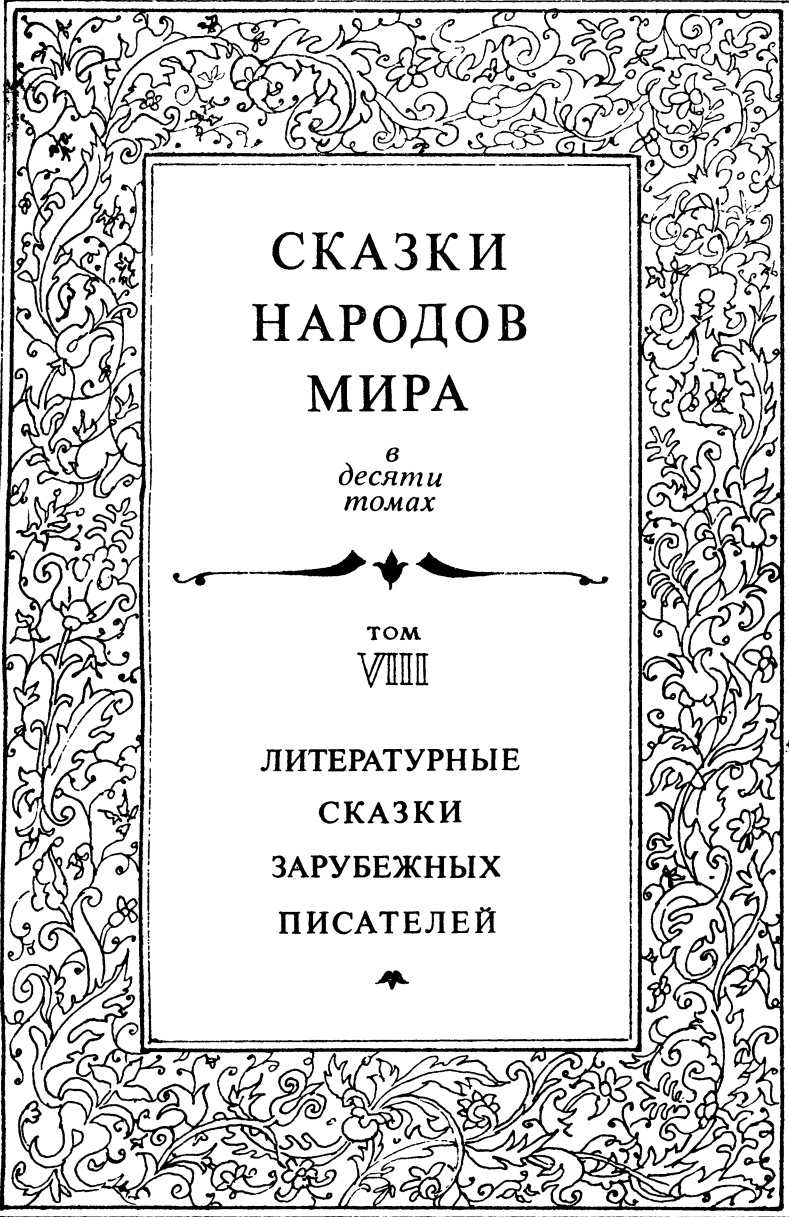

ТОМ
VIII

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1994

The entire cover is framed by a wide, intricate border of black line art. This border features a dense, repeating pattern of stylized flowers, leaves, and scrolling vines, reminiscent of Art Nouveau or traditional folk art designs. The central text is contained within a rectangular frame defined by a thin double-line border.

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

в
десяти
томах

ТОМ
VIII

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СКАЗКИ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

ББК 84.4
Л64

Редакционный совет издания

«СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА»

Аникин В. П.	Никулин Н. И.
Ващенко А. В.	Путилов Б. Н.
Кор-оглы Х. Г.	Рифтин Б. Л.
Михалков С. В.	Шатунова Т. М.
Налепин А. Л.	

Автор вступительной статьи
Л. З. ЛУНГИНА

Оформление серии
Б. А. ДИОДОРОВА

Художник
Н. ГОЛЪЦ

Л 4804010100—235 Подписн. изд.
М101(03)-94

ISBN 5-08-001996-4

ISBN 5-08-001848-8

© Л. Лунгина.
Вступительная статья, 1993
© Н. Гольц.
Иллюстрации, 1993
© Состав.
Издательство «Детская литература», 1993

Поговорим о сказке

1. «Сказка — ложь, да в ней намек, Добрым молодцам урок!»

Когда сказка вошла в вашу жизнь? На этот вопрос вам, наверное, трудно ответить, потому что с тех пор, как вы себя помните, вы помните и сказки. Сперва их вам рассказывали бабушки и дедушки, мамы и папы, укладывая вас спать. Со всем простенькие сказки про всяких там зверюшек, говорящих по-человечески. Потом, когда вы стали чуть старше, у вас появились книжки с завораживающими картинками, которые хотелось подолгу рассматривать, и вы бегали за взрослыми, прося почитать вслух, причем вы не уставали слушать одну и ту же сказку сотни раз. Да, да, сотни раз. Вспомните! Это были уже более сложные истории, от них замирало сердце, вы твердили про себя новые слова — Баба Яга, Кощей Бессмертный, фея, гном, — и ваш мир обретал другое измерение, в нем творились чудеса, превращения, он был полон волшебства. Вашим первым чтением, едва вы научились складывать слоги, тоже стали сказки, разные сказки. Вы тогда еще, наверное, не обращали внимания на то, что на одних книжках есть имя автора, а на других — нет, потому что это сборники народных сказок.

Все вы, конечно, знаете русскую народную сказку про Сивку-бурку или, скажем, про Царевну-лягушку. Но кто их сочинил, установить невозможно, их происхождение уходит

в глубь веков, у них нет автора, вернее, авторов у них великое множество: сказки эти, как и все другие народные сказки всех континентов, передавались из уст в уста, от поколения к поколению, и каждый, кто их пересказывал — в России таких людей называли сказителями, — вносил что-то свое, какие-то подробности добавляя, а какие-то упуская. Так они на протяжении столетий просеивались сквозь сито времени. Известны очень старые записи народных сказок, но подлинно широкий интерес к устному народному творчеству возник лишь в XIX веке в связи с пробудившимся общим интересом к народной жизни. Именно к этому времени и относятся систематические записи народных сказок и их изучение. Так возникла новая наука — фольклористика.

У всех народов герои сказок вступают в поединок с разнообразными чудовищами (вспомните, например, русскую сказку о том, как Иван — третий сын сражался с чудовищным змеем, или английскую о Джеке — победителе великанов), дарят людям огонь, находят воду, поэтому многие ученые считают, что сказка — это как бы осколок древних мифов — народных сказаний о богах, героях, происхождении мира — и что зародилась она еще в доисторические, первобытные времена.

Когда стали сравнивать сказки разных народов, то обнаружили, что они сходны. Вот, скажем, русская сказка о волке и семерых козлятах существует не только во многих европейских странах, но и у таджиков на Памире (но только там ее рассказывают с другими подробностями и у всех козлят есть имена — Улюль, Булюль и т. д., а самого маленького козленка звали Хиштаки-Саританур). И сказку про золотую рыбку тоже можно встретить на самых разных языках. Из подобных наблюдений возникла теория о заимствовании сказочных сюжетов. Однако вскоре убедились, что у народов, заведомо никогда не приходивших в соприкосновение, расположенных на разных континентах, тоже встречаются похожие сказки. Поэтому фольклористы пришли к выводу, что сходство сюжетов объясняется не только тем, что народы передают их друг другу, но и тем — и это куда существенней, — что условия жизни различных народов во многом сходны, повсюду люди сталкиваются с суровой природой, с бедностью и богатством, преодолевают одни и те же трудности, и у них те же радости и горести, стремления и надежды. И повсюду есть герои и предатели, храбрецы и трусы.

Народная сказка и стала той почвой, на которой вырос и расцвел чудо-цветок литературной сказки, или, как ее еще называют, сказки авторской, то есть имеющей автора, сочиненной писателем.

А что такое вообще сказка? Можно ли ее словесно определить, а значит, и осмыслить как явление?

Скорее всего, вы скажете, что это история, в которой происходят чудеса. Таково распространенное мнение. Ну а как же сказки про бравого солдата или ловкого купеческого сына, где герой добивается своей цели безо всякой волшебной фантастики, а исключительно благодаря уму и необычайной находчивости? Или, скажем, русские народные сказки, похожие на анекдот, про бедного крестьянина или работника, где, как правило, высмеиваются барин или поп, — в них тоже дело обходится безо всяких чудес.

Так все же что такое сказка? Чем она отличается, с одной стороны, от мифа, легенды, предания, а с другой — от рассказа, новеллы?

Вот великий русский критик В. Г. Белинский считал, а вслед за ним это повторил В. Я. Пропп, выдающийся советский исследователь фольклора, что основополагающим признаком сказки является то, что ни исполнитель ее (или автор в случае литературной сказки), ни слушатель (или читатель) не верят в реальность того, что рассказано. Иными словами, сказка повествует о заведомо невозможном. Того же мнения придерживался и Пушкин. Помните: «Сказка — ложь...» Однако именно он ввел сказку в большую литературу, причем не как случайную гостью, а на правах подлинного равноправия с другими жанрами. И он писал своему брату в 1824 году из Михайловского: «Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» Слушал он, как вы понимаете, народные сказки, а из-под пера его выходили уже авторские: «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке»... В каком смысле надо понимать слова Пушкина о том, что сказка — ложь, становится ясно из следующей за ними строчки: «...да в ней намек». Конечно, то, что говорится в сказке, никак нельзя воспринимать буквально, такого в жизни не бывает, но в ней намек, то есть ориентир, путеводная нить, шкала ценностей.

Сказка глубинно связана с действительностью образами, и дело здесь вовсе не в том, что многие чудеса ее оказались пророческими (ковер-самолет, волшебное зеркальце или

магический кристалл, с помощью которых можно видеть на расстоянии, тысячемильные сапоги — да всего не перечислишь), а, скорее, в том, что в ней заложен как бы спрессованный опыт человечества, она выражает народную мудрость, народное представление о добре и зле, народную мечту о справедливости и счастье. И пушкинское уточнение «добрым молодцам урок» тоже надо понимать не буквально, не узко, не как нравоучение. Вы сами, наверное, заметили, что от чтения сказок вы лучше понимаете окружающий вас мир, столь далекий, казалось бы, от сказочного, правильнее оцениваете людей и их поступки, а может быть, становитесь даже смелее и находчивее.

И вот все это богатство народной сказки переняла в своих высших достижениях и литературная сказка. Конечно, одни писатели-сказочники более явно связаны с фольклором, другие — менее, у одних сохраняется понятие сказочного времени (во времена давние-стародавние) и сказочного пространства (в тридевятом царстве, в тридесятом государстве), у других — нет, одни не обходятся без чудес, без традиционных сказочных персонажей (злых волшебников, колдунов, оборотней), без всякой волшебной бутафории (волшебные палочки, перья жар-птицы, скатерти-самобранки и прочее), другие прекрасно без всего этого обходятся, но во всех случаях народное творчество остается живой питательной средой для литературной сказки. И в первую очередь она позаимствовала у народной сказки образ героя — «героя, не подающего надежд», по меткому выражению фольклориста Мелитинского. Помните «младших братьев» народных сказок, бедных, слабых, по молве — глупых, над которыми старшие братья не устают потешаться? Люди как бы никчемные, вроде Емели из сказки «По щучьему веленью», но которые в конечном счете оказываются сильнее, смысленнее и удачливее «умных-разумных», поскольку именно они, при всей своей невзрачности и беспечности, добывают жар-птицу или там волшебное яблочко, отгадывают головоломные загадки, выполняют в указанный срок непосильную работу и получают в награду царскую дочь. В этой защите чудаков, столь характерной для фольклорной сказки, находит свое отражение народная мудрость, понимание того, что в «странных» натурах таятся часто скрытые возможности и что есть ситуации, где житейский «здравый» смысл бессилен. А кроме того, в такой неожиданной счастливой развязке сказывается и народное чувство справедливости, потребность защитить

смешных и слабых, вознести их на самый верх социальной лестницы, дать им восторжествовать над благополучной посредственностью. Литературная сказка вслед за народной тоже встала на защиту тех, кто «не как все», ее герои тоже часто смешны, нелепы и невзрачны. Достаточно вспомнить хотя бы «Золушку» Перро или «Гадкого утенка» Андерсена. Этот глубокий и гуманный подход к человеку, это утверждение права каждого идти в жизни не проторенными дорожками обывательского существования, а своим собственным путем литературная сказка, несомненно, почерпнула из сокровищницы фольклора. Вот он в чем «урок» «добрым молодцам».

II. Он ввел Золушку во дворец

Вы думаете, это я о принце? Вы думаете, я пересказываю сказку, которую, не сомневаюсь, вы и так все знаете наизусть? Нет, нет, это я о Шарле Перро, знаменитом сказочнике, который написал «Золушку» и все самые известные, самые любимые сказки, что вошли в вашу жизнь, прежде чем вы научились читать: «Красная Шапочка», «Спящая красавица», «Мальчик с пальчик», «Кот в сапогах». Написал в XVII веке, почти на два века раньше Гофмана, Гауфа и Андерсена, когда ещё никто всерьез не интересовался ни народной жизнью, ни народным творчеством.

Чтобы понять всю невероятность того, что совершил Шарль Перро, вы должны себе представить двор «короля-солнца» — так называли тогда Людовика XIV, — при котором он служил. Версальский дворец, торжественные анфилады роскошно убранных залов, дамы в кринолинах, придворные в напудренных париках, блеск и изысканность во всем. И вот в эти стены, где признавали лишь «высокое» искусство, почтенный академик и прославленный в те годы поэт Шарль Перро ввел Золушку, а значит, и всех остальных своих героев. Автор волшебных сказок, Перро, казалось, сам перенял от них некий колдовской дар: стоило ему коснуться своим волшебным пером Золушки-сказки, как она тут же превратилась в Принцессу-сказку и, потеснив оды и басни, равная среди равных, заняла свое почетное место в большой литературе, куда ей до тех пор вход бы заказан.

Конечно, и до Перро издавались сборники сказок, но они были «низменным», «детским» чтением, недостойным взрос-

лых людей, и к миру прекрасного, где царил «высокий стиль», никакого отношения не имели. А вот сборник сказок, который Шарль Перро выпустил анонимно, то есть без своего имени, в 1697 году (отдельные его сказки стали публиковаться уже с 1691 года), образованное, утонченное, пресыщенное светское общество тех лет встретило просто восторженно.

И все же старый академик, ученый-филолог, автор многотомных трудов, придворный поэт, сочинявший торжественные оды к случаю и галантные послания в духе времени, не решался поставить свое имя на сборник сказок, озаглавленный: «Истории или сказки былых времен с поучениями, или Сказки Матушки Гусыни», боясь, видимо, испортить свою такую устойчивую литературную репутацию. Поскольку в предпосланном сказкам «Посвящении» упомянуто имя Пьера Дарманкура, восемнадцатилетнего сына Перро, то авторство сперва приписывали ему. Однако обман вскоре раскрылся. И подумайте, какая ирония судьбы: именно эти сказки, которых Перро как бы стыдился, от которых до поры до времени отрекся, и прославили его, сделали бессмертным, — сказки, а вовсе не тяжеловесные поэмы, где он воспевал «век Людовика Великого», и не то кресло, которое занимал во Французской академии — академии бессмертных, как ее называют, — и которым так гордился.

«Несмотря на свою несколько щепетильную, старофранцузскую грацию, сказки Перро заслуживают почетное место в детской литературе. Они веселы, занимательны, непринужденны, не обременены ни излишней моралью, ни авторской претензией; в них еще чувствуется веяние народной поэзии, их некогда создавшей; в них есть именно та смесь непонятно-чудесного и обыденно-простого, которая составляет отличительный признак настоящего сказочного вымысла». К этим таким точным словам Ивана Сергеевича Тургенева, который перевел сказки Перро на русский язык, хочется добавить лишь следующее: Шарль Перро не случайно заинтересовался народными сказками. Его привлекли не только их острые сюжеты, которые он сумел так изящно разработать, не только увиденные там художественные возможности, но и соображения принципиального характера.

Перро утверждал, что искусство не должно больше подражать античным образцам, и выступал за обновление тематики, за возврат к национальной почве. И он обратился к народным сказкам, противопоставляя их античным мифам, как к новому, национально окрашенному источнику.

Однако, пожалуйста, не думайте, что Перро был собирателем фольклора. Ничего похожего. Оставаясь в основном верным сюжету и духу народных сказок, которые он, как и большинство французов, изустно знал с детства, сохраняя простоту их языка, он в остальном обращался с ними свободно, давал волю своей фантазии и становился их подлинным автором. Вот почему вы находите в его сказках описания пейзажей, убранства комнат, портреты действующих лиц и даже подчас их психологические характеристики, не говоря уже о неоднократных попытках разумного объяснения чудес, что уж совсем не свойственно устному народному творчеству. Сказкам Перро присуще также удивительное чувство меры во всем и хороший вкус, впрочем, эти качества обусловлены эпохой, а вот своим неповторимым очарованием они прежде всего обязаны благодушно-иронической интонации их автора, его особому юмору, разрушающему всякое наизидание. Вчитайтесь получше в такие вот фразы: «Все шестеро проворно вскочили на запятки кареты с таким важным видом, словно всю свою жизнь служили выездными лакеями и никогда не были ящерицами...» Или: «И сейчас же все, кого коснулась волшебная палочка феи, заснули... Заснули даже куропатки и фазаны, которые поджаривались на огне. Заснул вертел, на котором они вертелись. Заснул огонь, который их поджаривал. И все это случилось в одно-единственное мгновение. Феи знают свое дело: взмах палочки — и готово!»

Ну разве это не прелесть? Воистину стоило вводить Золушку во дворец!

III. «Чудное изделие чудного гения»

Вот какими словами определил Белинский сказку Гофмана «Грызун орехов и царек мышей». Под этим заглавием был издан в 1840 году первый перевод «Щелкунчика» на русский язык. Но прежде чем разобрать эту сказку, мне хочется обратить ваше внимание на то, что каждый писатель, при всей самобытности таланта, все же принадлежит своему времени.

Посудите сами: после светлого, разумного, устойчивого мира сказок Перро, несомненно отражающего ясное, логичное мышление XVII века с его верой в безграничную силу разума, вы, открыв сказку Гофмана, уже чуть ли не с третьей

страницы погружаетесь в сумрачную, смутную и зыбкую стихию таинственного, необъяснимого, столь характерного в целом для немецкого романтизма первой трети XIX века, — в ту стихию, где, несмотря на крепкий бюргерский (обывательский) уклад, солидно и надежно обрамляющий действие, вас сразу же охватывает какое-то непонятное смятение.

Это смятение, которое мы испытываем от сказок Гофмана, связано прежде всего с самой личностью автора. Редко можно встретить писателя, который так походил бы на то, что пишет. Порой кажется, что он сам каким-то чудом выскочил из мира своих новелл.

Эрнст Теодор Гофман родился в 1776 году в Кенигсберге, в бюргерской семье, где все мужчины из поколения в поколение были чиновниками, получил, как и полагалось в той среде, юридическое образование, однако университетские занятия рассматривал всегда как тяжкую повинность, ибо с ранних лет им владела страсть к музыке, владела настолько, что в возрасте тридцати трех лет он официально добавил к своим двум именам, которые получил при крещении, имя Амадей в честь Амадея Моцарта, своего божества. Так он стал Эрнст Теодор Амадей Гофман. Хотя из всех искусств музыка была ему дороже всего, он очень скоро сложился в разностороннего художника в духе Возрождения: он не только сочинял музыку (его опера «Ундины», первая немецкая романтическая опера, пользовалась большим успехом), был не только совершенно блестящим музыкальным критиком и дирижером, но и талантливым рисовальщиком и живописцем, делал декорации для театра и даже настенные фрески, а за карикатуры на начальство был уволен в Познани со службы. После разгрома Пруссии наполеоновскими войсками и изгнания ее из Польши, как и все немецкие чиновники, он потерял свое место в Варшаве и в течение восьми лет скитался по свету, жил в нищете, случайными заработками, главным образом уроками музыки, работал в театре, сотрудничал в газетах, сочинял новеллы. За эти годы он накопил огромный жизненный опыт, узнал, как мало кто, прусскую действительность; и вымысел, который занимает такое огромное место во всем, что он пишет, надо понимать не как уход от окружающей реальности, а лишь как способ более глубокого в нее проникновения и ее осмысления в образах.

Помните, как начинается сказка о Щелкунчике? Сочельник в богатом доме советника медицины Штальбаума. Умиротворенные, радостные взрослые. Счастливые дети, полные

трепетного ожидания чудесных подарков. И вот открывается дверь; Фриц и Мари с сияющими глазами застывают от восхищения на пороге при виде сверкающей елки, увешанной золотыми и серебряными яблоками. Эта сцена — воплощение устойчивого бытия, благополучия, счастья, однако она лишь вступление в тему, подготовка того, что последует, фон для подробнейшего описания главного подарка, который приготовил для детей их крестный, старший советник суда Дроссельмейер, умеющий не только чинить любые часы, но и мастерить затейливые игрушки. Ширма убрана, и дети снова застывают, на этот раз в еще большем восхищении. «На зеленой, усеянной цветами лужайке стоял замечательный замок со множеством зеркальных окон и золотых башен. Заиграла музыка, двери и окна распахнулись, и все увидели, что в залах прохаживаются крошечные, но очень изящно сделанные кавалеры и дамы в шляпках с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который весь так и сиял (столько свечек горело в серебряных люстрах!), под музыку плясали дети в коротких камзолчиках и юбочках. Господин в изумрудно-зеленом плаще выглядывал из окна, раскланивался и снова прятался, а внизу, в дверях замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмейер, только ртом он был с папин мизинец, не больше».

Дети долго с восторгом, с замиранием сердца разглядывали это хитроумное чудо, однако вскоре им наскучило просто глядеть, им захотелось поиграть с этими человечками, от однообразия и заданности их поведения повеяло тоской, а когда крестный объяснил, что изменить тут ничего нельзя, что они будут всегда так прохаживаться по залу, повторяя одни и те же жесты, Фриц и Мари потеряли к этому подарку всякий интерес.

Этот эпизод — один из самых важных не только для понимания сказки, но и для всего творчества Гофмана. Прекрасный замок, где люди двигаются механически, по раз и навсегда заданному кругу, где нет никакой свободы воли, где все кем-то «срежиссировано», — этот образ навеян, конечно, прежде всего прусским обществом с его бюрократическим засильем, подавляющим личность, сводящим ее к роли куклы. Но вместе с тем этот образ имеет и более широкий и даже в чем-то пророческий смысл. Прекрасный замок с его рукотворным, сделанным механистическим миром — это как бы и обобщенный образ всей нашей цивилизации, он свидетельствует об ее огромных возможностях (ведь сперва он вызы-

вает всеобщее восхищение) и вместе с тем предупреждает об опасности, которую она в себе таит,— опасности полного порабощения человека, превращения его в механическую куклу. И то, что дети, как олицетворение живой жизни, отворачиваются от этой игрушки, полно значения.

Механическое у Гофмана всегда ужасает, особенно когда оно вытесняет живое. В новелле «Необычайные страдания одного директора театра» Серый (оба директора обозначены там по цвету сюртука) долго жалуется на то, что ему очень трудно сладить со своей труппой, а Коричневый говорит в ответ, что его труппа не доставляет ему никаких хлопот, актеры подчиняются беспрекословно и он на них не нарадуется: это марионетки.

Крестный Дроссельмейер, «ростом с папин мизинец», который все входит и выходит из замка, как бы окончательно разрушает ту идиллию, с которой началась сказка;— он здесь тревожный знак, предвестник грядущих событий, и они не замедлили свершиться.

Оказывается, у вещей и людей есть второе лицо и вторая, тайная, ночная жизнь, полная страстей и борьбы. В этой ночной жизни, в этом сказочном пространстве крестный Дроссельмейер, которого мы до сих пор видели в двух ипостасях (видах)— сморщенный старичок-чиновник с золотыми руками и механический человечек, все входящий и выходящий из замка;— обретает свою третью, главную ипостась — он могущественный маг и сидит на часах вместо бронзовой совы, свесив полы своего желтого сюртука по обеим сторонам, словно крылья. Тем самым Гофман говорит нам, что быт, общество, его социальное бытие во всем ограничивает человека, лишает его личности и силы, ослабляет его, превращает в заурядность. В современной Пруссии грозный волшебник, которому все подвластно, неизбежно становится обывателем, и, вместо того чтобы повелевать судьбами, он мастерит игрушки — вот и все, что осталось от его былой колдовской силы. Мы видим три этапа распада личности: маг, бюргер, автомат.

Мари, душу которой еще не исказили ни проза, ни практицизм повседневной убогой жизни, легко постигает скрытую суть вещей, понимает язык оживших предметов, совершенно естественно включается в ход ночной сказки и даже спасает от верной гибели своего любимца Щелкунчика.

Эта «двуликость» каждого существа и предмета, расхождение их видимости и сущности, их «дневной», зримой, и

«ночной», до поры до времени скрытой жизни и является главным открытием, которое мы делаем, читая сказку Гофмана. И именно отсюда и возникает та смятенность, о которой мы уже говорили. А еще она усиливается тем, что вещи, окружающие героев, постепенно разрастаются и наступают на человека, теснят его, и как-то незаметно меняются все масштабы.

Обратите внимание, что все герои сказки — и родители, и крестный, и даже брат Мари Фриц — предельно упрощены, они никак психологически не разработаны, а просто обозначены, как действующие лица в пьесе, это скорее роли, нежели живые образы, потому что они представляют некую категорию (группу) — категорию мам, пап и т. д. Они не индивидуальны, и это сближает Гофмана, с одной стороны, с фольклорной традицией, а с другой — со сказочниками следующего поколения, прежде всего с Андерсеном и Гауфом.

Итак, сведение трехмерного, объемного мира к двумерному, к заведомому примитиву, подмена большого, важного мелочным — это любимая игра Гофмана, прием, с помощью которого он заставляет смеяться нас с вами. В «Щелкунчике» есть вставная сказка о твердом орехе, которую крестный Дроссельмейер рассказывает детям. Действие ее происходит в некоем государстве, где король убегает с государственного совета, чтобы своим золотым скипетром помешать в котле, набитом колбасами, а потом, во время колбасного пира, на который соседние короли и принцы съезжаются на белых конях и в хрустальных каретах, рыдает и едва не лишается чувств из-за того, что в кровяной колбасе не хватает сала. Из-за каких-то жалких кусочков сала и возникает государственный конфликт и родовая вражда. На этом же приеме построена и сцена боя между семиглавым мышиным королем, мстящим за свою мать Мышильду, и юным доблестным Дроссельмейером. Весь ход военных действий описан очень точно, с серьезным знанием стратегии и тактики, словно речь идет о настоящем бое, но то, что все эти атаки и перегруппировки происходят в детской и в них участвуют игрушки, делает эту сцену комичной. Можно не сомневаться, что Гофман здесь сознательно высмеивает прусскую военщину.

И последнее. Мы говорили с вами о двойственности мира у Гофмана, о его как бы «дневном» и «ночном» плане. Однако планы эти не разграничены, а, напротив, сознательно перепутаны, и нам порой трудно разобраться, где рубеж, отделяющий фантазию от реальности, ибо вымысел все время раство-

ряется в быте и герои свободно переходят из одного мира в другой. Мало того, что игрушечный Щелкунчик, которого Мари получила в сочельник и полюбила с первого взгляда, оказался заколдованным племянником крестного и сразил ночью игрушечной саблей Мышиного Короля; мало того, что он же герой вставной сказки о твердом орехе, — он должен обязательно возникнуть и в «дневной» жизни, чтобы окончательно спутать все карты, сбить с толку, стереть грань. И он появляется, причем именно в тот момент, когда Мари, глядя на игрушечного Щелкунчика, произнесла сокровенную фразу из сказки о твердом орехе: «Я не отвергла бы вас, как принцесса Пирлипат, за то, что из-за меня вы потеряли свою красоту». Да, в самом деле, из Нюрнберга вдруг приезжает племянник старшего советника суда. Благовоспитанный молодой человек привез детям подарки, а за столом щелкает всей компании орешки... Вот и разберитесь, где правда, а где вымысел, тем более что Мари становится невестой Дроссельмейера, а через год он увозит ее в золотой карете, запряженной серебряными лошадьми, а на свадьбе у них пляшут двадцать две тысячи нарядных кукол.

IV. «Сердце человеچه»

«Маленький Мук», «Карлик Нос», «Калиф-аист»... Помните эти тоненькие книжечки, выпущенные «Детской литературой» и набранные крупным шрифтом? Они наверняка были среди тех первых, которые вы прочли уже сами, усердно шевеля губами и отказываясь идти спать. Сказки эти, да и многие другие, которые вы тоже наверняка знаете, написал Вильгельм Гауф.

Гауф прожил очень короткую жизнь — он умер в двадцать пять лет, однако успел стать известным писателем. Как и Гофман, он примыкал к школе немецких романтиков, писал новеллы и романы (исторические, из средневековой жизни, и пародийные), которые имели шумный успех у современников, и все же только благодаря сказкам обрел он свой оригинальный писательский почерк. Два «Альманаха сказок» (так Гауф называл свои сборники) вышли при жизни автора, а третий — уже посмертно, в 1828 году. Опубликованные в них сказки, написанные для взрослых (только потом они «спустились» в литературу для детей и стали классикой), составляют три самостоятельных цикла, причем каждый из них сопро-

вождается «обрамляющим» рассказом. Этот прием был очень распространен у романтиков — вспомним хотя бы «Серапионовы братья» Гофмана, — но сказки Гауфа решительно не похожи на сказки Гофмана. Мир сказок Гауфа не сумрачен, не двулик и даже не таинствен, несмотря на всю свою волшебность, он, наоборот, ясен, однозначен и, скорее, наивен. То, что Гауф хочет сказать читателям, он говорит прямо, без всяких обиняков, словами, а не зашифрованными образами.

Так в чем же секрет его притягательной силы? Почему от его сказок так трудно оторваться? Да потому, скажете вы, что там происходят всякие удивительные события и очень хочется знать, чем кончатся невероятные приключения героев. Что ж, верно, сказки Гауфа — это прежде всего увлекательное чтение. Сюжеты он черпал отчасти из немецкого фольклора, отчасти из арабских сказок «Тысячи и одной ночи» и разрабатывал их с большой находчивостью и фантазией, расцвечивая забавными, смешными подробностями и экзотическими красками. Что и говорить, Гауф блестящий рассказчик. И все же одной занимательностью нельзя объяснить то, что вот уже скоро два века дети всего мира зачитываются сказками Гауфа.

Чем же еще они нас привлекают? Доверительностью интонации, обращенной как бы не ко всем вместе, а к каждому в отдельности? Приглашением к размышлению? Да, пожалуй, если вспомнить, например, «Маленького Мука», где трогательная и смешная история карлика обрамлена личным воспоминанием автора о пережитых минутах стыда. И каждый, кто прочел этот маленький шедевр, невольно вспоминает что-то' похожее, но свое. Помните, мы уже говорили о том, что сказка защищает тех, кто не как все? Иными словами, Гауф-сказочник создает особый нравственный климат и подводит нас к оценке чужих поступков, а значит, и своих тоже.

Сказка «Холодное сердце», невзирая на все чудеса, на лесных духов и прочее волшебство, похожа на притчу, на иносказательный рассказ о том, что же в жизни имеет настоящую цену. Ее герой Петер Мунк — потомственный угольщик, а значит, бедняк. Ему надоело терпеть нужду и жить с матерью в убогой, развалившейся хижине. «Что за жалкая участь быть черным, грязным угольщиком! — думал Петер. — То ли дело ремесло стекольщика, часовщика или башмачника!» С этого бунта, с нежелания смириться, быть тем, кем суждено от роду, и начинается действие. Петер

отправляется за лучшей долей, за чужой судьбой. Он идет в горы и заклинает лесных духов помочь ему. Михель-Великан, носитель зла, предлагает сделку: если Петер отдаст ему свое сердце, он получит столько золота, сколько захочет. И вот вместо живого, горячего сердца у Петера Мунка в груди лежит камень. Вы, конечно, не раз слышали выражения «бессердечный человек» или «каменное сердце». Их, естественно, употребляют как иносказание, чтобы осудить того, кто жесток, себялюбив, равнодушен, не знает сострадания. А вот у Петера в результате колдовства сердце стало в самом деле каменным, он стал теперь бессердечным не в переносном, а в буквальном смысле слова, он — «овеществленная метафора», как это называют в литературоведении. Отдать свое живое сердце — вот цена, которую у него потребовали за осуществление всего, о чем он мечтал. Но мы видим, что ни путешествия по белу свету, ни кутежи, ни богатство, ни власть не приносят ему никакой радости, все оказывается скучным и ненужным. Он больше никого не любил, никого не жалел, и, главное, он разучился смеяться, а без этого, как выясняется, жизнь теряет всякий смысл.

То, что приключилось с Петером, — это тоже сказочное превращение, оно сродни тому, что случается с Калифом и визирем в сказке «Калиф-аист» или с Якобом в сказке «Карлик Нос», но только это превращение не внешнего облика, а самой человеческой сути; из парня пусть недалекого, но с добрым, отзывчивым сердцем и веселым нравом он превращается в чудовище, в нелюдь. И как все остальные заколдованные герои Гауфа, Петер жаждет лишь одного — вернуть себе прежнее естество. И когда это ему удастся, он теряет богатство и власть, вновь становится угольщиком, зато обретает наконец счастье и покой. Состарившись, он так заканчивал рассказ о своей жизни: «Беден я был, когда был богат, богат — когда беден. Были у меня раньше каменные палаты, да зато и сердце в моей груди было каменное. А теперь у меня только домик с печью, да зато сердце человечесь». Оказывается, вот они, высшие ценности жизни: быть самим собой и хранить как зеницу ока свое живое, горячее сердце. Но вывод этот, хоть он и сформулирован автором, вам не навязан, он как бы приходит сам, по мере развития действия, которое всецело захватывает читателя. Гауфу чуждо прямое назидание, нравоучение, их вытесняет юмор: «Мирза даже не пытался вернуть себе человеческий вид. Он рассудил, и, пожалуй, рассудил правильно, что если уж сидишь в клетке,

то лучше быть птицей». Или: «И хотя крыльев у них теперь уже не было, они летели, как на крыльях». Фразы такого рода придают сказкам Гауфа какую-то особую прелесть, уют, что ли, их мог сочинить только тот, у кого «человечье сердце».

V. «Гадкий утенок»

Помните ли вы, как кончается сказка Андерсена о гадком утенке, которого на птичьем дворе щипали утки, пинали ногой птичницы, поучали самодовольный кот и безмозглая курица? Его отовсюду безжалостно гнали, все над ним зло насмехались только за то, что он был не как все. Вконец измучившись, он уже готовился умереть, как вдруг увидел в чистой как зеркало воде свое собственное отражение. «Он был уже не гадким темно-серым утенком, а красивым белым лебедем... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик: «Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!»

Ганс Христиан Андерсен сам был гадким утенком долгие-долгие годы, и он тоже не мечтал тогда о той мировой славе, которая его ожидала.

Сын бедного сапожника и прачки из датского городка Оденсе, он стал рассказывать сказки раньше, чем научился писать, и лишь в девятнадцать лет сел за парту в латинской школе рядом с восьмилетними. Долговязый, нескладный, в нелепой одежде, этакий Гулливер среди лилипутов. Вот уж воистину гадкий утенок! Можете себе представить, как его все шпыняли, как над ним потешались. Но он все мужественно вытерпел, потому что хотел научиться грамоте и стать писателем. И что самое удивительное — он стал писателем. Да не просто писателем, а с мировым именем. Недаром свою биографию Андерсен назвал: «Сказка моей жизни».

В 1835 году, вернувшись из Италии, куда он отправился на первые заработанные деньги, Андерсен опубликовал роман «Импровизатор», однако не эта книга переломила его судьбу, хотя она и имела некоторый успех, а вышедший в том же году сборник, озаглавленный «Сказки для детей». «Огниво», «Принцесса на горошине», «Русалочка», «Новый наряд короля»... Одни шедевры! И состоялось чудо: гадкий утенок стал лебедем, родился великий сказочник, на весь мир прославивший свою родину. «Есть на свете страна, которую мы

начинаем любить с самого раннего возраста,— писал С. Маршак.— Дания, маленькая северная страна, с трех сторон окруженная морем, пленяет нас с детства, потому что в ней жил величайший сказочник мира Ганс Христиан Андерсен. Он входит в наши дома, прежде чем мы научились читать, входит легкой, почти неслышной поступью, как прославленный им волшебник, мастер снов и сказок, маленький Оле-Лукойе».

За первыми сказками последовали другие, не менее прекрасные: «Стойкий оловянный солдатик», «Соловей», «Гадкий утенок», «Снежная королева»... В 1843 году вышел сборник «Новых сказок», а с 1852 года Андерсен стал называть то, что он сочинял, уже не сказками, а историями, потому что он все дальше уходил от волшебной народной сказки и голос его звучал более сурово и печально. С годами Андерсен терял благодушие, меньше стало у него иллюзий и надежд, но все же он до конца дней своих творил свой особый, неповторимый мир, где Дюймовочка, появившись на свет в распустившемся тюльпане, дружит с ласточкой и танцует с эльфами, где Смерть улетает в окно от пения невзрачного соловья, где лесная ворона, оставшись вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и сетует на свою судьбу, где горячие слезы Герды растопляют лед сердца Кая, а Воротничок сватается то к Подвязке, то к Утюгу, то к Ножницам, где знатные иностранцы-тролли кладут нож в тарелки и тушат блуждающие огоньки, где... Да разве все перечислишь?

Так из чего же складывается этот удивительный дар Андерсена? Прежде всего из умения видеть в повседневной жизни, в самом обыденном и привычном — чудеса, волшебство, то есть находить живую душу во всем, решительно во всем, что нас окружает: в цветах, в деревьях, в предметах, даже самых, казалось бы, неподходящих. Вспомните сказку про кроткую, сердобольную Ромашку, пожалевшую птичку-пленницу. Или про неугомонную, любопытную Елку, которая не ценила привольной жизни в лесу, а все рвалась куда-то, все искала, где лучше. Или про болтливую штопальную иглу, которая важничала, словно была швейной иглой. А разве ромашка, елка, штопальная игла не напоминают вам каких-то знакомых? Да иначе и быть не может, потому что характеры эти, как и все остальные у Андерсена, взяты прямо из жизни, они подмечены острым, зорким наблюдателем, и его коротенькие сказки часто раскрывают современную ему действительность куда правдивее и полнее иных пухлых быто-

писательских романов. Недаром Бузинная матушка говорит: «Из действительности-то и вырастают самые чудесные сказки. Иначе мой прекрасный куст не вырос бы из чайника». Приглядитесь повнимательней, как прямо на ваших глазах творится чудо, как под пером Андерсена оживает любой предмет, как естественно рождается сказка буквально из чего попало: «Свинья-копилка, тугο набитая мелочью, занимала очень высокое положение — она стояла на шкафу и смотрела на все сверху вниз». Кажется, нет на свете такой вещи, из которой Андерсен не мог бы сочинить сказку, все ему пригодится, все пойдет впрок: «Жила-была монетка. Она только что вышла из чеканки — чистенькая, светленькая, покатилась и зазвенела: «Ура! Теперь пойду гулять по белу свету!..» И вот она, сказка...

Обладал Андерсен еще и другим, не менее великим и редким талантом — чувствовать себя в мире чудес совсем как дома, будто все это волшебство — «пустяки, дело житейское», как говорил Карлсон, который живет на крыше, и нечем тут ни восторгаться, ни удивляться, ни тем более пугаться, будто бал на дне морском, или дворец весь из тончайшего фарфора, или Снежная королева, сидящая посреди пустынной залы на зеркале разума, — вещи самые обыкновенные. Поэтому Андерсен и рассказывает про волшебные чудеса так, словно речь идет о чем-то повседневно. Ну, скажите, кто, кроме Андерсена, мог бы написать: «В эту минуту волшебный холм раскрылся и оттуда, семена, вышла старая лесная дева. Спина у нее была голая, но в остальном она была одета вполне прилично. Она была дальней родственницей старого лесного царя, служила у него экономкой и носила на лбу янтарное сердце». Или: «Царь морской давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, только больно уж гордившаяся своей родовитостью: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть». Этот слегка насмешливый тон свидетельствует, что Андерсен на короткой ноге со своими героями, и населенное ими сказочное пространство становится от этого как бы обжитым, мы чувствуем себя там по-домашнему просто и уютно. Это чувство «обжитости» усиливается еще и тем, что, в отличие от народной сказки, место действия у Андерсена всегда показано очень зримо и обязательно в цвете: «Далеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло» («Русалочка»).

Или: «На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски...» («Гадкий утенок»). Но мало того, что мы все это видим, мы еще очень многое и слышим: «Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два!» Так начинается сказка «Огниво», и вы сразу видите и солдата, и дорогу, и то, как он чеканит шаг. «Очутился лен на прялке. Жжж» («Лен»). «Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!» — только и мог сказать сынок жабы» («Дюймовочка»). «Майские жуки гудели: «Жуу! Жуу!» «Кряк! Кряк! Кряк!» — закрикали смешливые утки» («Оле-Лукойе»). «А резные трубачи... казалось, трубили изо всех сил, и щеки их так и раздувались: «Ту-ру-ру! Мальчик идет! Ту-ру-ру!» («Старый дом»). Так Андерсен приближает свои сказки и к детской игре, и к театральному зрелищу, делает их доступными даже маленьким. Однако исчерпать все богатство их содержания, оценить по достоинству ироничность интонации, емкость образов, остроту и тонкость их социальной сатиры могут, пожалуй, только взрослые.

Что ж, получается, что Андерсен, следуя фольклорным традициям, обращался в своих сказках ко всем, надеясь, что каждый, от мала до велика, найдет там что-то для себя. Он стремился выразить в образах свое представление о том, что хорошо и что плохо, и это его тоже роднит с народной сказкой. И в самом деле, если бы из всего андерсеновского наследства сохранились бы только четыре сказки — «Стойкий оловянный солдатик», «Снежная королева», «Огниво» и «Новый наряд короля», — то вы все равно знали бы, каким, по убеждению великого сказочника, должен быть человек: стойким, как оловянный солдатик, верным, как Герда, бесстрашным, как солдат из сказки «Огниво», и прямодушным, как мальчик в «Новом наряде короля». А еще Андерсен верил, что искусство — маленькая живая птичка, а не механическая игрушка — может одолеть зло.

VI. «Апостол красоты»

Так называли современники английского поэта и писателя Оскара Уайльда, блестящего выпускника Оксфордского университета, еще со студенческих лет ставшего для своего поколения законодателем мод в самом широком

смысле этого слова. Его обожали и ненавидели, многие пытались ему подражать, но он был воистину неподражаем: никто не мог с ним сравниться по блеску ума, по умению вести искрометную беседу. В двадцать семь лет Оскар Уайльд опубликовал свой первый сборник стихов, который вызвал фурор, однако еще больше он прославился своими публичными выступлениями, утверждая красоту высшей и единственной жизненной ценностью. Его короткую жизнь тоже можно назвать сказкой, но только с печальным концом, что, как мы знаем, нарушает сказочную традицию. Впрочем, он вообще был великим мастером нарушать всяческие традиции, он стремился не только удивлять людей, но и шокировать, он сознательно бросал вызов общественному мнению.

Парадокс — «мнение странное, на первый взгляд дикое, озадачивающее, противное общему», как определяет Толковый словарь это слово, — стал для Уайльда излюбленным средством выражения своих мыслей. Он дразнил всех и всяческих обывателей, в том числе и просвещенных, парадоксами такого рода: «Ненужные вещи в наш век единственно нам нужные», «Душа родится дряхлой, но становится все моложе», «Если скажешь правду, все равно рано или поздно попадешься», «Время — потеря денег».

Как тонко заметил К. И. Чуковский в своей замечательной статье об Уайльде, такие парадоксы создавать, казалось бы, не трудно — это как бы вывернутые наизнанку общие места, ходячие истины, укоренившиеся в сознании людей представления. Однако создавал их Уайльд не из желания прослыть оригиналом. Для него это была форма протеста против окаменелого уклада преуспевающих английских деловых людей, против их культа сытого благополучия, против утраты во второй половине XIX века духовного начала в жизни общества. «Всей мятежностью моей души я восставал против всего на свете», — писал Оскар Уайльд.

В своих сказках (они были опубликованы в двух сборниках — «Счастливый принц и другие сказки» и «Гранатовый домик») Оскар Уайльд вводит нас в мир изысканной красоты, однако мы сразу замечаем, что у него совсем другое понимание красоты, чем у Андерсена, хотя он и явно стремится подражать великому датскому сказочнику. Сказка «Замечательная Ракета», например, повторяет излюбленный андерсеновский прием: она построена на разговоре Ракеты с Шутихами, Огненным Фонтаном и прочими предметами пиротехники; однако не ищите ни в этой сказке, ни в других простоты и

безыскусственности. Напротив, здесь все выдуманно в полном отрыве от живой жизни; и сюжет, и ситуация — все сработано, но сработано на огромном мастерстве, и мы не можем не залюбоваться вместе с автором красотой описанных вещей, блеском драгоценных камней, переливами парчи, сиянием золота. Вот с какого описания начинается эта сказка, хотя никакого отношения к дальнейшему развитию сюжета эта сцена не имеет. «Сани были из чистого золота и имели форму лебедя, а меж крыльев лебедя возлежала маленькая Принцесса». Или вот начало сказки «Счастливый Принц»: «На высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукоятке его шпаги». Казалось бы, в сказках Уайльд в соответствии со своими взглядами занимается лишь воспеванием красоты, но почему же тогда статуя Счастливого Принца отдает все эти драгоценности и даже велит ласточке выколоть себе глаза, чтобы спасти больного ребенка, талантливого юношу, девочку, торгующую спичками? А когда ласточка увидела бледные лица истощенных, голодных детей, Принц велел ей снять с себя золото, листок за листком, и раздать его бедным. Вот и выходит, что Уайльд, утверждавший в своих декларациях свободу искусства от всяких нравственных норм, как художник призывает нас к доброте, к милосердию, к состраданию. В сказке «Соловей и Роза» Соловей, мечтавший спеть прекрасную песню, пронзает свое сердце шипом. Этот образ символичен и означает, что искусство — не игра, не холодное мастерство, за прекрасную песнь надо расплатиться кровью.

Оскар Уайльд, этот «апостол красоты», этот проповедник «искусства для искусства», в своих сказках, наперекор всем своим теориям, выступает против самого себя, против им сформированного идеала бездушного искусства. И это лишь еще одно свидетельство того, что как бы далеко литературная сказка ни уходила от фольклора, в лучших своих образцах она не может отречься от нравственных основ народной сказки.

Л. З. Лунгина

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СКАЗКИ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Шарль Перро

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Жила-была в одной деревне маленькая девочка, такая хорошенькая, что лучше ее и на свете не было. Мать любила ее без памяти, а бабушка еще больше.

Ко дню рождения подарила ей бабушка красную шапочку. С тех пор девочка всюду ходила в своей новой, нарядной красной шапочке. Соседи так про нее и говорили:

— Вот Красная Шапочка идет!

Как-то раз испекла мама пирожок и сказала дочке:

— Сходи-ка ты, Красная Шапочка, к бабушке, снеси ей этот пирожок и горшочек масла да узнай, здорова ли она.

Собралась Красная Шапочка и пошла к бабушке в другую деревню.

Идет она лесом, а навстречу ей — серый Волк. Очень захотелось ему съесть Красную Ша-

почку, да только он не посмел — где-то близко стучали топорами дровосеки. Облизнулся Волк и спрашивает девочку:

— Куда ты идешь, Красная Шапочка?

А Красная Шапочка еще не знала, как это опасно останавливаться в лесу и разговаривать с волками. Поздоровалась она с Волком и говорит:

— Иду к бабушке и несу ей вот этот пирожок и горшочек масла.

— А далеко ли живет твоя бабушка? — спрашивает Волк.

— Довольно далеко, — отвечает Красная Шапочка. — Вон в той деревне, за мельницей, в первом домике с краю.

— Ладно, — говорит Волк, — я тоже хочу проведать твою бабушку. Я по этой дороге пойду, а ты ступай по той. Посмотрим, кто из нас раньше придет.

Сказал это Волк и побежал что было духу по самой короткой дорожке.

А Красная Шапочка пошла по самой длинной дороге. Шла она не торопясь, по пути то и дело останавливалась, рвала цветы и собирала в букеты.

Не успела она еще и до мельницы дойти, а Волк уже прискакал к бабушкиному домику и стучится в дверь: тук-тук!

— Кто там? — спрашивает бабушка.

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка, — отвечает Волк тоненьким голоском. — Я к вам в гости пришла, пирожок принесла и горшочек масла.

А бабушка была в это время больна и лежала в постели. Она подумала, что это и в самом деле Красная Шапочка, и крикнула:

— Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется!

Волк дернул за веревочку — дверь и открылась. Бросился Волк на бабушку и разом проглотил ее. Он был очень голоден, потому что три дня ничего не ел.

Потом закрыл дверь, улегся на бабушкину постель и стал поджидать Красную Шапочку. Скоро она пришла и постучалась: тук-тук!

— Кто там? — спрашивает Волк.

А голос у него грубый, хриплый.

Красная Шапочка испугалась было, но потом подумала, что бабушка охрипла от простуды и оттого у нее такой голос.

— Это я, внучка ваша, — говорит Красная Шапочка. — Принесла вам пирожок и горшочек масла.

Волк откашлялся и сказал потоньше:

— Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется.

Красная Шапочка дернула за веревочку — дверь и открылась. Вошла девочка в домик, а Волк спрятался под одеяло и говорит:

— Положи-ка, внучка, пирожок на стол, горшочек на полку поставь, а сама приляг рядом со мной. Ты, верно, очень устала.

Красная Шапочка прилегла рядом с Волком и спрашивает:

— Бабушка, почему у вас такие большие руки?

— Это чтобы покрепче обнять тебя, дитя мое.

— Бабушка, почему у вас такие большие уши?

— Чтобы лучше слышать, дитя мое.

— Бабушка, почему у вас такие большие глаза?

— Чтобы лучше видеть, дитя мое.

— Бабушка, почему у вас такие большие зубы?

— А это чтоб скорее съесть тебя, дитя мое!

Не успела Красная Шапочка и охнуть, как злой Волк бросился на нее и проглотил вместе с башмачками и красной шапочкой.

Но, по счастью, в это самое время проходили мимо домика дровосеки с топорами на плечах.

Услышали они шум, вбежали в домик и убили Волка. А потом распоролы ему брюхо, и оттуда вышла Красная Шапочка, а за ней и бабушка — обе целые и невредимые.

РИКЕ С ХОХОЛКОМ

Жила когда-то королева, у которой родился сын, такой безобразный, что долгое время сомневались — человек ли он. Волшебница, присутствовавшая при его рождении, уверяла, что все обернется к лучшему, так как он будет весьма умен; она даже прибавила, что благодаря особому дару, полученному им от нее, он сможет наделить всем своим умом ту особу, которую полюбит более всего на свете.

Это несколько утешило бедную королеву, которая весьма была огорчена тем, что родила на свет такого гадкого малыша. Правда, как только этот ребенок научился лепетать, он сразу же стал говорить милые вещи, а во всех его поступках было столько ума, что нельзя было не восхищаться. Я забыл сказать, что родился он с маленьким хо-

холком на голове, а потому его и прозвали: Рике с хохолком. Рике было имя всего его рода.

Лет через семь или восемь у королевы одной из соседних стран родились две дочери. Та из них, что первой явилась на свет, была прекрасна, как день; королеве это было столь приятно, что окружающие опасались, как бы ей от слишком сильной радости не стало худо. Та самая волшебница, которая присутствовала при рождении Рике с хохолком, находилась и при ней и, дабы ослабить ее радость, объявила, что у маленькой принцессы вовсе не будет ума и что насколько она красива, настолько она будет глупа. Это очень огорчило королеву, но несколько минут спустя она испытала огорчение еще большее: она родила вторую дочь, и та оказалась чрезвычайно некрасивой.

— Не убивайтесь так, сударыня,— сказала ей волшебница,— ваша дочь будет вознаграждена иными качествами, и будет у ней столько ума, что люди не заметят в ней недостатка красоты.

— Дай бог,— ответила королева,— но нельзя ли сделать так, чтобы старшая, такая красивая, стала немного поумнее?

— Что до ума, сударыня, я ничего не могу для нее сделать,— сказала волшебница,— но я все могу, когда дело идет о красоте, а так как нет такой вещи, которой я бы не сделала для вас, то она получит от меня дар — наделять красотой того, кто ей понравится.

По мере того как обе принцессы подрастали, умножались и их совершенства, и повсюду только и было речи что о красоте старшей и об уме младшей. Правда и то, что с годами весьма усиливались и их недостатки. Младшая дурнела прямо на глазах, а старшая с каждым днем становилась все глупее. Она или ничего не отвечала, когда ее о чем-либо

спрашивали, или говорила глупости. К тому же она была такая неловкая, что если переставляла на камине какие-нибудь фарфоровые вещицы, то одну из них непременно разбивала, а когда пила воду, то половину стакана всегда выливала себе на платье.

Хотя красота — великое достоинство в молодой особе, все же младшая дочь всегда имела больший успех, чем старшая. Сперва все устремлялись к красавице, чтоб поглядеть на нее, полюбоваться ею, но вскоре уже все шли к той, которая была умна, потому что ее приятно было слушать; можно было только удивляться, что уже через четверть часа, даже раньше, никого не оставалось подле старшей, а все гости окружали младшую. Старшая, хоть и была весьма глупа, замечала это и не пожалела бы отдать всю свою красоту, лишь бы наполовину быть такой умной, как ее сестра. Королева, как ни была разумна, все же порой не могла удержаться, чтобы не попрекнуть дочь ее глупостью, и бедная принцесса чуть не умирала от этого с горя.

Как-то раз в лесу, куда она пошла поплакать о своей беде, к ней подошел человек очень уродливой и неприятной наружности, одетый, впрочем, весьма пышно. Это был молодой принц Рике с хохолком: влюбившись в нее по портретам, которые распространены были во всем мире, он оставил королевство своего отца ради удовольствия повидать ее и поговорить с нею. В восторге от того, что встретил ее здесь совсем одну, он подошел к ней и представился как только мог почтительнее и учтивее. Он приветствовал ее как подобает и тут, заметив, что принцесса очень печальна, сказал ей:

— Не понимаю, сударыня, отчего это особа столь прекрасная, как вы, может быть столь печальна? Хотя я и могу похвалиться, что видел множество прекрасных особ, все же, надо сказать,

не видел ни одной, чья красота напоминала бы вашу.

— Вы так любезны, сударь,— ответила ему принцесса и больше ничего не могла придумать.

— Красота,— продолжал Рике с хохолком,— столь великое благо, что она все остальное может нам заменить, а когда обладаешь ею, то, мне кажется, ничто уже не может особенно печалить нас.

— Я бы предпочла,— сказала принцесса,— быть столь же уродливой, как вы, но быть умной, вместо того чтобы быть такой красивой, но такой глупой.

— Ничто, сударыня, не служит столь верным признаком ума, как мысль об его отсутствии, и такова уж его природа, что чем больше его имеешь, тем больше его недостает.

— Не знаю,— сказала принцесса,— знаю только, что я очень глупа, оттого-то и убивает меня печаль.

— Если только это огорчает вас, сударыня, я легко могу положить конец вашей печали.

— А как вы это сделаете? — спросила принцесса.

— В моей власти, сударыня,— сказал Рике с хохолком,— наделить всем моим умом ту особу, которую я полюблю более всего на свете. А так как эта особа — вы, сударыня, то теперь от вас одной зависит стать умной, лишь бы вы согласились выйти замуж за меня.

Принцесса была совсем озадачена и ничего не ответила.

— Вижу,— сказал Рике с хохолком,— что это предложение смущает вас, но я не удивляюсь и даю вам сроку целый год, чтобы вы могли принять решение.

Принцессе настолько не хватало ума и в то же время ей так сильно хотелось иметь его, что она вообразила, будто этому году никогда не будет конца, — и вот она приняла сделанное ей предложение. Не успела она пообещать Рике, что выйдет за него замуж ровно через год, как почувствовала себя совсем иною, нежели раньше. Теперь она с поразительной легкостью могла говорить все, что хотела, и говорить умно, непринужденно и естественно. В ту же минуту она начала с принцем Рике любезный и легкий разговор и с таким блеском проявила в нем свой ум, что Рике с хохолком подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил себе самому.

Когда она вернулась во дворец, весь двор не знал, что и подумать о таком внезапном и необыкновенном превращении; насколько прежде все привыкли слышать от нее одни только глупости, настолько теперь удивлялись ее здравым и бесконечно остроумным речам. Весь двор был так обрадован, что и представить себе нельзя; только младшая сестра осталась не очень довольна, потому что, уже не превосходя теперь умом сестру, она рядом с нею казалась всего лишь противным уродом.

Король стал слушаться советов старшей дочери и нередко в ее покоях совещался о делах. Так как слух об этой перемене распространился повсюду, то молодые принцы из всех соседних королевств стали пытаться заслужить ее любовь и почти все просили ее руки; но ни один из них не казался ей достаточно умным, и она выслушивала их, никому ничего не обещая. Но вот к ней явился принц столь могущественный, столь богатый, столь умный и столь красивый, что принцесса не могла не почувствовать к нему расположения. Отец ее, заметив это, сказал, что предоставляет ей выбрать жениха и что решение зависит только от нее. Чем умнее

человек, тем труднее принять решение в таком деле, а потому, поблагодарив отца, она попросила дать ей время на размышление.

Случайно она пошла гулять в тот самый лес, где встретила принца Рике, чтобы на свободе подумать о том, что ей предпринять. Гуляя там в глубокой задумчивости, она вдруг услышала глухой шум под ногами, как будто какие-то люди ходят, бегают, суеются. Внимательно прислушавшись, она разобрала слова. Кто-то говорит:

— Принеси мне этот котелок.

А кто-то другой:

— Подай мне тот котелок.

А третий:

— Подложи дров в огонь.

В тот же миг земля разверзлась, и у себя под ногами принцесса увидела большую кухню, которую наполняли повара, поварята и все прочие, без кого никак не приготовить роскошного пира. От них отделилась толпа человек в двадцать или тридцать; то были вертельщики, они направились в одну из аллей, расположились там вокруг длинного стола и, со шпиговальными иглами в руках, в шапках с лисьими хвостиками на головах, дружно принялись за работу, напевая благозвучную песню. Принцесса, удивленная этим зрелищем, спросила их, для кого они трудятся.

— Это, сударыня,— отвечал самый видный из них,— для принца Рике, завтра его свадьба.

Принцесса удивилась еще больше и, вспомнив вдруг, что сегодня исполнился ровно год с того дня, как она обещала выйти замуж за принца Рике, еле устояла на ногах. Не помнила она об этом оттого, что, давая обещание, была еще глупой и, получив от принца ум, который он ей подарил, забыла все свои глупости.

Она продолжала свою прогулку, но не успела пройти и тридцати шагов, как пред ней предстал Рике с хохолком, исполненный отваги, в великолепном наряде, ну, словом, как принц, готовящийся к свадьбе.

— Вы видите, сударыня,— сказал он,— я свято сдержал слово и не сомневаюсь, что вы тоже пришли сюда затем, чтобы исполнить ваше обещание и сделать меня самым счастливым среди людей, отдав мне вашу руку.

— Признаюсь вам откровенно,— ответила принцесса,— я еще не приняла решения, какое хотелось бы вам, и не думаю, чтобы когда-нибудь приняла.

— Вы удивляете меня, сударыня! — сказал ей Рике с хохолком.

— Верю,— ответила принцесса,— и конечно уж, если бы я имела дело с человеком грубым или глупым, то была бы в великом затруднении. «Слово принцессы свято,— сказал бы он мне,— и вы должны выйти за меня замуж, раз вы мне обещали!» Но я говорю с человеком самым умным во всем мире, а потому уверена, что вас удастся убедить. Вы знаете, что, когда я еще была глупой, я все-таки и тогда не решалась выйти за вас замуж,— так как же вы хотите, чтобы теперь, обладая умом, который вы мне дали и от которого я стала еще разборчивее, чем была прежде, я приняла решение, какое не смогла принять даже в ту пору? Если вы и вправду собирались на мне жениться, то напрасно вы избавили меня от моей глупости и научили во всем разбираться.

— Если глупому человеку, как вы только что сказали,— возразил Рике с хохолком,— было бы позволено попрекать вас изменой вашему слову, то почему же мне, сударыня, вы не разрешаете посту-

пить так же, когда дело идет о счастье моей жизни? Какой смысл в том, чтобы люди умные оказывались в худшем положении, чем те, у которых вовсе нет ума? Вы ли это говорите, вы, у которой столько ума и которая так хотела поумнеть? Но давайте вернемся к делу. Если не считать моего уродства, что не нравится вам во мне? Вы недовольны моим родом, моим умом, моим нравом, моим поведением?

— Ничуть, — отвечала принцесса, — мне нравится в вас все, что вы перечислили сейчас.

— Если так, — сказал Рике с хохолком, — я очень рад, потому что вы можете сделать меня самым счастливым из смертных.

— Как же это может быть? — удивилась принцесса.

— Так будет, — ответил принц Рике, — если вы полюбите меня настолько, что пожелаете этого, а чтобы вы, сударыня, не сомневались, знайте: от той самой волшебницы, что в день моего рождения наградила меня волшебным даром и позволила мне наделить умом любого человека, которого мне заблагорассудится, вы тоже получили дар — вы можете сделать красавцем того, кого полюбите и кого захотите удостоить этой милости.

— Если так, — сказала принцесса, — я от души желаю, чтоб вы стали самым прекрасным и самым любезным принцем на всей земле, и, насколько это в моих силах, приношу вам в дар красоту.

Не успела принцесса произнести эти слова, как принц Рике уже превратился в самого красивого, самого стройного и самого любезного человека, какого ей случалось видеть.

Иные уверяют, что чары волшебницы здесь были ни при чем, что только любовь произвела это превращение. Они говорят, что принцесса, пораз-

мыслив о постоянстве своего поклонника, о его скромности и обо всех прекрасных свойствах его ума и души, перестала замечать, как уродливо его тело, как безобразно его лицо: горб его стал теперь придавать ему некую особую важность, в его ужасной хромоте она теперь видела лишь манеру склоняться чуть набок, и эта манера приводила ее в восторг. Говорят даже, будто глаза его казались ей теперь еще более блестящими оттого, что были косы, будто в них она видела выражение страстной любви, а его большой красный нос приобрел для нее какие-то таинственные, даже героические черты.

Как бы то ни было, принцесса обещала Рике тотчас же выйти за него замуж, лишь бы он получил согласие ее отца. Король, узнав, сколь высоко его дочь ставит принца Рике, который к тому же был ему известен как принц весьма умный и рассудительный, был рад увидеть в нем своего зятя. Свадьбу отпраздновали на другой день, как и предвидел Рике с хохолком, и в полном согласии с приказаниями, которые он успел дать задолго до того.

ЗОЛУШКА,
ИЛИ
ХРУСТАЛЬНАЯ ТУФЕЛЬКА

ил-был один почтенный и знатный человек. Первая жена его умерла, и он женился во второй раз, да на такой сварливой и высокомерной женщине, какой свет еще не видывал.

У нее были две дочери, очень похожие на свою матушку и лицом, и умом, и характером.

У мужа тоже была дочка, добрая, приветливая, милая — вся в покойную мать. А мать ее была женщина самая красивая и добрая.

И вот новая хозяйка вошла в дом. Тут-то и показала она свой нрав. Все было ей не по вкусу, но больше всего невзлюбила она свою падчерицу. Девушка была так хороша, что мачехины дочери рядом с нею казались еще хуже.

Бедную падчерицу заставляли делать всю самую грязную и тяжелую работу в доме: она чистила котлы и кастрюли, мыла лестницы, убирала комнаты мачехи и обеих барышень — своих сестриц.

Спала она на чердаке, под самой крышей, на колючей соломенной подстилке. А у обеих сестриц были комнаты с паркетными полами цветного дерева, с кроватями, разубранными по последней моде, и с большими зеркалами, в которых можно было увидеть себя с головы до ног.

Бедная девушка молча сносила все обиды и не решалась пожаловаться даже отцу. Мачеха так прибрала его к рукам, что он теперь на все смотрел

ее глазами и, наверно, только побранил бы дочку за неблагодарность и непослушание.

Вечером, окончив работу, она забиралась в уголлок возле камина и сидела там на ящике с золой. Поэтому сестры, а за ними и все в доме прозвали ее Золушкой.

А все-таки Золушка в своем стареньком платьице, перепачканном золою, была во сто раз милее, чем ее сестрицы, разодетые в бархат и шелк.

И вот как-то раз сын короля той страны устроил большой бал и созвал на него всех знатных людей с женами и дочерьми.

Золушкины сестры тоже получили приглашение на бал. Они очень обрадовались и сейчас же принялись выбирать наряды и придумывать, как бы причесаться, чтобы удивить всех гостей и понравиться принцу.

У бедной Золушки работы и заботы стало еще больше, чем всегда. Ей пришлось гладить сестрам платья, крахмалить их юбки, плоить воротники и оборки.

В доме только и разговору было что о нарядах.

— Я,— говорила старшая,— надену красное бархатное платье и драгоценный убор, который мне привезли из-за моря.

— А я,— говорила младшая,— надену самое скромное платье, но зато у меня будет накидка, расшитая золотыми цветами, и бриллиантовый пояс, какого нет ни у одной знатной дамы.

Послали за искуснейшей модисткой, чтобы она соорудила им чепчики с двойной оборкой, а мушки купили у самой лучшей мастерицы в городе.

Сестры то и дело подзывали Золушку и спрашивали у нее, какой выбрать гребень, ленту или пряжку. Они знали, что Золушка лучше понимает, что красиво и что некрасиво.

Никто не умел так искусно, как она, приколоть кружева или завить локоны.

— А что, Золушка, хотелось бы тебе поехать на королевский бал? — спрашивали сестры, пока она причесывала их перед зеркалом.

— Ах, что вы, сестрицы! Вы смеетесь надо мной! Разве меня пустят во дворец в этом платье и в этих башмаках!

— Что правда, то правда. Вот была бы умора, если бы такая замарашка явилась на бал!

Другая на месте Золушки причесала бы сестриц как можно хуже. Но Золушка была добра: она причесала их как можно лучше.

За два дня до бала сестрицы от волнения перестали обедать и ужинать. Они ни на минуту не отходили от зеркала и разорвали больше дюжины шнурков, пытаясь потуже затянуть свои талии и сделаться потоньше и постройнее.

И вот наконец долгожданный день настал. Мачеха и сестры уехали.

Золушка долго смотрела им вслед, а когда их карета исчезла за поворотом, она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Ее крестная, которая как раз в это время зашла навестить бедную девушку, застала ее в слезах.

— Что с тобой, дитя мое? — спросила она.

Но Золушка так горько плакала, что даже не могла ответить.

— Тебе хотелось бы поехать на бал, не правда ли? — спросила крестная.

Она была фея — волшебница — и слышала не только то, что говорят, но и то, что думают.

— Правда, — сказала Золушка, всхлипывая.

— Что ж, будь только умницей, — сказала фея, — а уж я позабочусь о том, чтобы ты могла

побывать сегодня во дворце. Сбегай-ка на огород да принеси мне оттуда большую тыкву!

Золушка побежала на огород, выбрала самую большую тыкву и принесла крестной. Ей очень хотелось спросить, каким образом простая тыква поможет ей попасть на королевский бал, но она не решилась.

А фея, не говоря ни слова, разрежала тыкву и вынула из нее всю мякоть. Потом она прикоснулась к ее желтой толстой корке своей волшебной палочкой, и пустая тыква сразу превратилась в прекрасную резную карету, позолоченную от крыши до колес.

Затем фея послала Золушку в кладовую за мышеловкой. В мышеловке оказалось полдюжины живых мышей.

Фея велела Золушке приоткрыть дверцу и выпустить на волю всех мышей по очереди, одну за другой. Едва только мышь выбегала из своей темницы, фея прикасалась к ней палочкой, и от этого прикосновения обыкновенная серая мышка сейчас же превращалась в серого, мышастого коня.

Не прошло и минуты, как перед Золушкой уже стояла великолепная упряжка из шести статных коней в серебряной сбруе.

Не хватало только кучера.

Заметив, что фея призадумалась, Золушка робко спросила:

— Что, если посмотреть, не попалась ли в крысоловку крыса? Может быть, она годится в кучера?

— Твоя правда, — сказала волшебница. — Поди посмотри.

Золушка принесла крысоловку, из которой выглядывали три большие крысы.

Фея выбрала одну из них, самую крупную и уса-
тую, дотронулась до нее своей палочкой, и крыса

сейчас же превратилась в толстого кучера с пышными усами — таким усам позавидовал бы даже главный королевский кучер.

— А теперь, — сказала фея, — ступай в сад. Там за лейкой, на куче песка, ты найдешь шесть ящериц. Принеси-ка их сюда.

Не успела Золушка вытряхнуть ящериц из фартука, как фея превратила их в выездных лакеев, одетых в зеленые ливреи, украшенные золотым галуном.

Все шестеро проворно вскочили на запятки кареты с таким важным видом, словно всю свою жизнь служили выездными лакеями и никогда не были ящерицами...

— Ну вот, — сказала фея, — теперь у тебя есть свой выезд и ты можешь, не теряя времени, ехать во дворец. Что, довольна ты?

— Очень! — сказала Золушка. — Но разве можно ехать на королевский бал в этом старом, испачканном золой платье?

Фея ничего не ответила. Она только слегка прикоснулась к Золушкиному платью своей волшебной палочкой, и старое платье превратилось в чудесный наряд из серебряной и золотой парчи, весь усыпанный драгоценными камнями.

Последним подарком феи были туфельки из чистейшего хрусталя, какие и не снились ни одной девушке.

Когда Золушка была уже совсем готова, фея усадила ее в карету и строго-настрого приказала возвратиться домой до полуночи.

— Если ты опоздаешь хоть на одну минутку, — сказала она, — твоя карета снова делается тыквой, лошади — мышами, лакеи — ящерицами, а твой пышный наряд опять превратится в старенькое, залатанное платьице.

— Не беспокойтесь, я не опоздаю! — ответила Золушка и, не помня себя от радости, отправилась во дворец.

Принц, которому доложили, что на бал приехала прекрасная, но никому не известная принцесса, сам выбежал встречать ее. Он подал ей руку, помог выйти из кареты и повел в зал, где уже находились король с королевой и придворные.

Все сразу стихло. Скрипки замолкли. И музыканты, и гости невольно загляделись на незнакомую красавицу, которая приехала на бал позже всех.

— Ах, как она хороша! — говорили шепотом кавалер кавалеру и дама даме.

Даже король, который был очень стар и больше дремал, чем смотрел по сторонам, и тот открыл глаза, поглядел на Золушку и сказал королеве вполголоса, что давно уже не видел такой обворожительной особы.

Придворные дамы были заняты только тем, что рассматривали ее платье и головной убор, чтобы завтра же заказать себе что-нибудь похожее, если только им удастся найти таких же искусных мастеров и такую же прекрасную ткань.

Принц усадил свою гостью на самое почетное место, а чуть только заиграла музыка, подошел к ней и пригласил на танец.

Она танцевала так легко и грациозно, что все залюбовались ею еще больше, чем прежде.

После танцев разносили угощение. Но принц ничего не мог есть — он не сводил глаз со своей дамы. А Золушка в это время разыскала своих сестер, под села к ним и, сказав каждой несколько приятных слов, угостила их апельсинами и лимонами, которые поднес ей сам принц.

Это им очень польстило. Они и не ожидали такого внимания со стороны незнакомой принцессы.

Но вот, беседуя с ними, Золушка вдруг услышала, что дворцовые часы бьют одиннадцать часов и три четверти. Она встала, поклонилась всем и пошла к выходу так быстро, что никто не успел догнать ее.

Вернувшись из дворца, она еще сумела до приезда мачехи и сестер забежать к волшебнице и поблагодарить ее за счастливый вечер.

— Ах, если бы можно было и завтра поехать во дворец! — сказала она. — Принц так просил меня...

И она рассказала крестной обо всем, что было во дворце.

Едва только Золушка переступила порог и надела свой старый передник и деревянные башмаки, как в дверь постучали. Это вернулись с бала мачеха и сестры.

— Долго же вы, сестрицы, гостили нынче во дворце! — сказала Золушка, зевая и потягиваясь, словно только что проснулась.

— Ну, если бы ты была с нами на балу, ты бы тоже не стала торопиться домой, — сказала одна из сестер. — Там была одна принцесса, такая красавица, что и во сне лучше не увидишь! Мы ей, должно быть, очень понравились. Она подсела к нам и даже угостила апельсинами и лимонами.

— А как ее зовут? — спросила Золушка.

— Ну, этого никто не знает... — сказала старшая сестрица.

А младшая прибавила:

— Принц, кажется, готов отдать полжизни, чтобы только узнать, кто она такая.

Золушка улыбнулась.

— Неужели эта принцесса и вправду так хороша? — спросила она. — Какие вы счастливые!.. Нельзя ли и мне хоть одним глазком посмотреть на нее? Ах, сестрица Жавотта, дайте мне на один

вечер ваше желтое платье, которое вы носите дома каждый день!

— Этого только не хватало! — сказала Жавотта, пожимая плечами. — Дать свое платье такой замарашке, как ты! Кажется, я еще не сошла с ума.

Золушка не ждала другого ответа и нисколько не огорчилась. В самом деле: что бы стала она делать, если бы Жавотта вдруг расщедрилась и вздумала одолжить ей свое платье?

На другой вечер сестры опять отправились во дворец — и Золушка тоже... На этот раз она была еще прекраснее и наряднее, чем накануне.

Принц не отходил от нее ни на минуту. Он был так приветлив, говорил такие приятные вещи, что Золушка забыла обо всем на свете, даже о том, что ей надо уехать вовремя, и спохватилась только тогда, когда часы стали бить полночь.

Она поднялась с места и убежала быстрее лани.

Принц бросился за ней, но ее и след простыл. Только на ступеньке лестницы лежала маленькая хрустальная туфелька. Принц бережно поднял ее и приказал расспросить привратников, не видал ли кто-нибудь их них, куда уехала прекрасная принцесса. Но никто никакой принцессы не видал. Правда, привратники заметили, что мимо них пробежала какая-то бедно одетая девушка, но она скорее была похожа на нищенку, чем на принцессу.

Тем временем Золушка, задыхаясь от усталости, прибежала домой. У нее не было больше ни кареты, ни лакеев. Ее бальный наряд снова превратился в старенькое, поношенное платье, и от всего ее великолепия только и осталось что маленькая хрустальная туфелька, точно такая же, как та, которую она потеряла на дворцовой лестнице.

Когда обе сестрицы вернулись домой, Золушка спросила у них, весело ли им было нынче на балу и

приезжала ли опять во дворец вчерашняя красавица.

Сестры наперебой стали рассказывать, что принцесса и на этот раз была на балу, но убежала, чуть только часы начали бить двенадцать.

— Она так торопилась, что даже потеряла свой хрустальный башмачок,— сказала старшая сестрица.

— А принц поднял его и до конца бала не выпускал из рук,— сказала младшая.

— Должно быть, он по уши влюблен в эту красавицу, которая теряет на балах башмаки,— добавила мачеха.

И это была правда. Через несколько дней принц приказал объявить во всеуслышание, под звуки труб и фанфар, что девушка, которой придется впору хрустальная туфелька, станет его женой.

Разумеется, сначала туфельку стали мерить принцессам, потом герцогиням, потом придворным дамам, но все было напрасно: она была тесна и герцогиням, и принцессам, и придворным дамам.

Наконец очередь дошла и до сестер Золушки.

Ах, как старались обе сестрицы натянуть маленькую туфельку на свои большие ноги! Но она не лезла им даже на кончики пальцев. Золушка, которая с первого взгляда узнала свою туфельку, улыбаясь, смотрела на эти напрасные попытки.

— А ведь она, кажется, будет впору мне,— сказала Золушка.

Сестрицы так и залились злым смехом. Но придворный кавалер, который примерял туфельку, внимательно посмотрел на Золушку и, заметив, что она очень красива, сказал:

— Я получил приказание от принца примерить туфельку всем девушкам в городе. Позвольте вашу ножку, сударыня!

Он усадил Золушку в кресло и, надев хрустальную туфельку на ее маленькую ножку, сразу увидел, что больше примерять ему не придется: башмачок был точь-в-точь по ножке, а ножка — по башмачку.

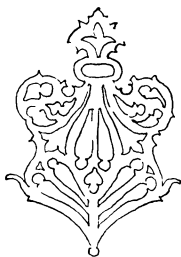
Сестры замерли от удивления. Но еще больше удивились они, когда Золушка достала из кармана вторую хрустальную туфельку — совсем такую же, как первая, только на другую ногу — и надела, не говоря ни слова. В эту самую минуту дверь отворилась, и в комнату вошла фея — Золушкина крестная.

Она дотронулась своей волшебной палочкой до бедного платья Золушки, и оно стало еще пышнее и красивее, чем было накануне на балу.

Тут только обе сестрицы поняли, кто была та красавица, которую они видели во дворце. Они кинулись к ногам Золушки, чтобы вымолить себе прощение за все обиды, которые она вытерпела от них. Золушка простила сестер от всего сердца — ведь она была не только хороша собой, но и добра.

Ее отвезли во дворец к молодому принцу, который нашел, что она стала еще прелестнее, чем была прежде.

А через несколько дней сыграли веселую свадьбу.

ПОДАРКИ ФЕИ

ила когда-то на свете вдова, и были у нее две дочери. Старшая — вылитая мать: то же лицо, тот же характер. Смотришь на дочку, а кажется, что видишь перед собой матушку. Обе, и старшая дочь, и мать, были до того грубы, спесивы, заносчивы, злы, что все люди, и знакомые и незнакомые, старались держаться от них подальше.

А младшая дочка была вся в покойного отца — добрая, приветливая, кроткая, да к тому же еще красавица, каких мало.

Обычно люди любят тех, кто на них похож. Поэтому-то мать без ума любила старшую дочку и терпеть не могла младшую. Она заставляла ее работать с утра до ночи, а кормила на кухне.

Кроме всех прочих дел, младшая дочка должна была по два раза в день ходить к источнику, который был по крайней мере в двух часах ходьбы, и приносить оттуда большой, полный доверху кувшин воды.

Как-то раз, когда девушка брала воду, к ней подошла какая-то бедная женщина и попросила напиться.

— Пейте на здоровье, тетушка, — сказала добрая девушка.

Сполоснув поскорее свой кувшин, она зачерпнула воды в самом глубоком и чистом месте и подала женщине, придерживая кувшин так, чтоб удобнее было пить.

Женщина отпила несколько глотков воды и сказала девушке:

— Ты так хороша, так добра и приветлива, что мне хочется подарить тебе что-нибудь на память. (Дело в том, что это была фея, которая нарочно приняла вид простой деревенской женщины, чтобы посмотреть, так ли эта девушка мила и учтива, как про нее рассказывают.) Вот что я подарю тебе: с нынешнего дня каждое слово, которое ты промолвишь, упадет с твоих губ либо цветком, либо драгоценным камнем. Прощай!

Когда девушка пришла домой, мать стала бранить ее за то, что она замешкалась у источника.

— Простите, матушка,— сказала бедная девушка.— Я нынче и вправду запоздала.

Но едва только она проронила эти слова, как с губ ее упали несколько роз, две жемчужины и два крупных алмаза.

— Смотрите-ка! — сказала мать, широко раскрыв глаза от удивления.— Мне кажется, вместо слов она роняет алмазы и жемчуга... Что это с тобой приключилось, дочка? (Первый раз в жизни она назвала свою меньшую тоже дочкой.)

Девушка попросту, не таясь и не хвалясь, рассказала матери обо всем, что с ней случилось у источника. А цветы и алмазы так и сыпались при этом с ее уст.

— Ну, если так,— сказала мать,— надо мне послать к источнику и старшую дочку... А ну-ка, Фаншон, посмотри, что сыплется с губ твоей сестры, чуть только она заговорит! Неужели тебе не хочется получить такой же удивительный дар? И ведь нужно для этого всего-навсего сходить к источнику и, когда бедная женщина попросит у тебя воды, вежливо подать ей напиться.

— Ну вот еще! Охота мне тащиться в этакую даль! — отвечала злюка.

— А я хочу, чтобы ты пошла! — прикрикнула

Шарль Перро.
Кот в сапогах.

на нее мать.— И сию же минуту, без разговоров!

Девушка нехотя послушалась и пошла, так и не переставая ворчать. На всякий случай она захватила с собой серебряный кувшинчик, самый красивый, какой был у них в доме.

Едва успела она подойти к источнику, как навстречу ей из лесу вышла нарядно одетая дама и попросила глоток воды. (Это была та же самая фея, но только на этот раз она приняла облик принцессы, чтобы испытать, так ли груба и зла старшая сестра, как о ней рассказывают).

— Уж не думаете ли вы, что я притащилась сюда, чтобы дать вам напиться? — сказала девушка дерзко.— Ну конечно, только для этого! Я и серебряный кувшинчик нарочно захватила, чтобы поднести воду вашей милости!.. А впрочем, мне все равно. Пейте, если хотите...

— Однако вы не очень-то любезны, — сказала спокойно фея.— Ну что ж, какова услуга, такова и награда. С нынешнего дня каждое слово, которое сорвется с ваших губ, превратится в змею или жабу. Прощайте!

Как только девушка вернулась домой, мать кинулась к ней навстречу:

— Это ты, доченька? Ну как?

— А вот так, матушка! — буркнула в ответ дочка, и в то же мгновение две гадюки и две жабы плюхнулись на порог.

— Ах, боже мой! — вскрикнула мать.— Да что же это такое? Откуда?.. А, знаю! Это твоя сестра во всем виновата. Ну, поплатится же она у меня!..— И она кинулась на младшую дочку с кулаками.

Бедняжка в страхе бросилась бежать и укрылась в соседнем лесу.

Там и встретил ее молодой принц, сын короля этой страны.

Возвращаясь с охоты, он нашел в чаще прекрасную девушку и, подивившись ее красоте, спросил, что она делает в лесу совсем одна и о чем так горько плачет.

— Ах, сударь,— ответила красавица,— матушка прогнала меня из дому!..

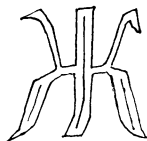
Королевский сын заметил, что с каждым словом девушка роняет из уст цветок, жемчужину или алмаз. Он изумился и попросил объяснить, что это за чудо. И тут девушка рассказала ему всю свою историю.

Королевский сын влюбился в нее. К тому же он рассудил, что дар, которым фея наделила красавицу, стоит дороже любого приданого, какое могла бы принести ему другая невеста. Он увез девушку во дворец, к своему отцу, и женился на ней.

Ну а старшая сестра с каждым днем становилась все противнее и несноснее. В конце концов даже собственная мать не выдержала и прогнала ее из дому. Несчастливая нигде и ни у кого не могла найти пристанища и умерла, отвергнутая всеми.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

или на свете король с королевой. У них не было детей, и это их так огорчало, что и сказать нельзя. Уж каких только

обетов они не давали, ездили и на богомолье, и на целебные воды — все было напрасно.

И вот наконец, когда король с королевой потеряли всякую надежду, у них вдруг родилась дочка.

Можете себе представить, что за праздник устроили в честь ее рождения! В гости к маленькой принцессе позвали всех фей, каких удалось найти в стране. Дело в том, что у фей в те времена был прекрасный обычай: наделять своих крестниц различными чудесными дарами. А так как фей оказалось семь, то принцесса должна была получить от них в приданое не меньше семи достоинств или добродетелей.

Фей и другие приглашенные съехались в королевский дворец, где для почетных гостей был накрыт праздничный стол.

Перед феями поставили великолепные обеденные приборы и по ящичку из литого золота. В каждом ящичке лежали ложка, вилка и ножик — тоже из чистого золота самой тонкой работы, усыпанные алмазами и рубинами.

И вот, когда гости уселись за стол, дверь вдруг отворилась, и вошла старая фея — восьмая по счету, — которую забыли позвать на крестины.

А забыли ее позвать потому, что больше пятидесяти лет она не выходила из своей башни и все думали, что она давно умерла.

Король приказал, чтобы ей тоже подали прибор. Слуги исполнили это в одно мгновение, но золотого ящичка с ложкой, вилкой и ножиком на ее долю не хватило. Этих ящичков было приготовлено только семь — по одному для каждой из семи фей.

Старая фея, разумеется, очень обиделась. Она подумала, что король с королевой невежливые люди и встречают ее без должного уважения. Отод-

винув от себя тарелку и кубок, она пробормотала сквозь зубы какую-то угрозу.

К счастью, юная фея, которая сидела рядом с ней, услышала ее бормотание, и, опасаясь, как бы старуха не вздумала наделить маленькую принцессу каким-нибудь очень неприятным подарком, она, чуть только гости встали из-за стола, пробралась в детскую и спряталась там за пологом кровати. Она знала, что в споре обычно побеждает тот, за кем остается последнее слово, и хотела, чтоб ее пожелание было последним.

Когда кончился обед, наступила самая торжественная минута праздника: феи пошли в детскую и одна за другой стали преподносить крестнице свои дары.

Младшая из фей пожелала, чтобы принцесса была прекраснее всех на свете. Другая фея наградила ее нежным и добрым сердцем. Третья сказала, что каждое ее движение будет вызывать восторг. Четвертая обещала, что принцесса будет превосходно танцевать, пятая — что она будет петь, как соловей, а шестая — что она будет играть на всех музыкальных инструментах с одинаковым искусством.

Наконец очередь дошла до старой феи. Старуха наклонилась над кроватью и, тряся головой больше от досады, чем от старости, сказала, что принцесса уколёт себе руку веретеном и от этого умрет.

Все так и вздрогнули, узнав, какой страшный подарок припасла для маленькой принцессы злая колдунья. Никто не мог удержаться от слез.

И вот тут-то юная фея появилась из-за полога и громко сказала:

— Утешьтесь, король и королева! Ваша дочь останется жива. Правда, я не так сильна, чтобы сказанное сделать несказанным. Принцесса должна

будет, как это ни грустно, уколоть себе руку веретеном, но от этого она не умрет, а только заснет глубоким сном и будет спать ровно сто лет — до тех пор, пока ее не разбудит прекрасный принц.

Это обещание немного успокоило короля с королевой.

Однако король решил все же попытаться убедить принцессу от несчастья, которое предсказала ей старая злая фея. Для этого особым указом он запретил всем своим подданным под страхом смертной казни прясть пряжу и хранить у себя в доме веретена и прялки.

Прошло пятнадцать или шестнадцать лет. Как-то раз король с королевой и дочерью отправились в один из своих загородных дворцов.

Принцессе захотелось осмотреть древний замок, и, бегая из комнаты в комнату, она наконец добралась до самого верха дворцовой башни.

Там в тесной каморке под крышей сидела за прялкой какая-то старушка и преспокойно пряла пряжу. Как это ни странно, она ни от кого ни слова не слыхала о королевском запрете.

— Что это вы делаете, тетушка? — спросила принцесса, которая в жизни не видывала прялки.

— Пряду пряжу, дитя мое, — ответила старушка, вовсе и не догадываясь о том, что говорит с принцессой.

— Ах, это очень красиво! — сказала принцесса. — Дайте я попробую, выйдет ли у меня так же хорошо, как у вас.

Принцесса быстро схватила веретено и не успела прикоснуться к нему, как предсказание феи исполнилось: она уколола палец и упала замертво.

Перепуганная старушка принялась звать на помощь. Люди сбегались со всех сторон.

Чего только они не делали! Брызгали принцессе

в лицо водой, хлопали ладонями по ее ладоням, терли виски душистым уксусом королевы венгерской — ничто не помогало.

Побежали за королем. Он поднялся в башню, поглядел на принцессу и сразу понял, что печальное событие, которого они с королевой так опасались, свершилось.

С грустью приказал он перенести принцессу в самую красивую залу дворца и уложить там на постель, украшенную серебряным и золотым шитьем.

Трудно описать словами, как хороша была спящая принцесса. Она нисколько не побледнела. Щеки у нее были розовые, а губы красные, точно кораллы. И хоть глаза у нее были плотно закрыты, слышно было, что она тихонько дышит.

Стало быть, это и в самом деле был сон, а не смерть.

Король приказал не тревожить принцессу до тех пор, пока не наступит час ее пробуждения.

А добрая фея, которая спасла свою крестницу от смерти, пожелав ей столетнего сна, была в то время очень далеко от королевского замка.

Но она сразу же узнала об этом несчастье от маленького карлика-сорохода, у которого были семимильные сапоги (это такие чудесные сапоги, что стоит их надеть — и вы за один шаг будете проходить по семи миль).

Фея сейчас же пустилась в путь. Не прошло и часу, как ее огненная колесница, запряженная драконами, уже появилась возле королевского дворца. Король подал ей руку и помог сойти с колесницы.

Фея, как могла, постаралась утешить короля и королеву. А затем, так как это была очень предусмотрительная фея, она сразу же подумала, как грустно будет принцессе, когда через сто лет бед-

няжка проснется в этом старом замке и не увидит возле себя ни одного знакомого лица.

Чтобы этого не случилось, фея сделала вот что.

Своей волшебной палочкой она прикоснулась ко всем, кто был во дворце (кроме короля и королевы). А там были придворные, фрейлины, гувернантки, горничные, дворецкие, повара, поварята, скороходы, солдаты дворцовой стражи, привратники, пажи и лакеи.

Дотронулась она своей палочкой и до лошадей на королевской конюшне, и до конюхов, которые расчесывали лошадям хвосты. Дотронулась до больших дворцовых псов и до маленькой кудрявой собачки, по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног спящей принцессы.

И сейчас же все, кого коснулась волшебная палочка феи, заснули. Заснули ровно на сто лет, чтобы проснуться вместе со своей хозяйкой и служить ей, как служили прежде. Заснули даже куропатки и фазаны, которые поджаривались на огне. Заснул вертел, на котором они вертелись. Заснул огонь, который их поджаривал.

И все это случилось в одно-единое мгновение. Феи знают свое дело: взмах палочки — и готово!

После этого король с королевой поцеловали свою спящую дочку, простились с ней и тихо вышли из залы.

Возвратившись к себе в столицу, они издали указ о том, чтобы никто не смел приближаться к заколдованному замку.

Но этого можно было бы и не делать, потому что в какие-нибудь четверть часа вокруг замка выросло столько деревьев, больших и маленьких, столько колючего кустарника — терновника и шиповника, — и все это так тесно переплелось вет-

вами, что ни человек, ни зверь не мог бы пробраться сквозь такую чашу.

И только издали, да еще с горы, можно было увидеть верхушки башен старого замка.

Все это фея сделала для того, чтобы ничье любопытство не потревожило покоя милой принцессы.

Прошло сто лет. Много королей и королев сменилось за эти годы.

И вот в один прекрасный день сын короля, который царствовал в то время, отправился на охоту.

Вдалеке, над густым дремучим лесом, он увидел башни какого-то замка.

— Чей это замок? — спросил он. — Кто там живет?

Каждый отвечал ему то, что сам слышал от других. Одни говорили, что это старые развалины, в которых живут привидения, другие уверяли, что все ведьмы в округе справляют в заброшенном замке свой шабаш. Но большинство сходилось на том, что старый замок принадлежит людоеду. Этот людоед будто бы ловит заблудившихся детей и уносит к себе в башню, чтобы съесть без помехи, так как никто не может проникнуть вслед за ним в его логовище — ведь только он один на свете знает дорогу сквозь заколдованный лес.

Принц не знал, кому и верить, но тут к нему подошел старый крестьянин и сказал, кланяясь:

— Добрый принц, полвека тому назад, когда я был так же молод, как вы, я слышал от моего отца, что в этом замке спит непробудным сном самая прекрасная принцесса на свете и что спать она будет еще полвека, до тех пор, пока ее суженый, сын какого-то короля, не придет и не разбудит ее.

Можете себе представить, что почувствовал принц, когда он услышал эти слова!

Сердце у него в груди так и загорелось. Он сразу решил, что ему-то и выпало на долю счастье пробудить от сна прекрасную принцессу!

Не долго думая, принц дернул поводья и поскакал в ту сторону, где виднелись башни старого замка, куда влекли его любовь и слава.

И вот перед ним заколдованный лес. Принц соскочил с коня, и сейчас же высокие, толстые деревья, колючий кустарник, заросли шиповника — все расступилось, чтобы дать ему дорогу.словно по длинной прямой аллее, пошел он к замку, который виднелся вдали.

Принц шел один. Никому из его свиты не удалось последовать за ним — деревья, пропустив принца, сразу же сомкнулись за его спиной, а кусты опять переплелись ветвями.

Такое чудо могло испугать кого угодно, но принц был молод и влюблен, а этого довольно для того, чтобы быть храбрым.

Еще сотня шагов — и он очутился на просторном дворе перед замком. Принц посмотрел направо, налево, и кровь похолодела у него в жилах. Вокруг него лежали, сидели, стояли, прислонившись к стене, какие-то люди в старинной одежде. Все они были неподвижны, как мертвые.

Но, взглядевшись в красные, лоснящиеся лица привратников, он понял, что они вовсе не умерли, а просто спят. В руках у них были кубки, а в кубках еще не высохло вино, и это ясно показывало, что внезапный сон застиг их в ту минуту, когда они собирались осушить чаши до дна.

Принц миновал большой двор, вымощенный мраморными плитами, поднялся по лестнице, вошел в залу дворцовой стражи. Латники спали стоя, выстроившись в ряд, с карабинами на плечах и храпели вовсю.

Он прошел множество покоев, полных разодетыми придворными дамами и нарядными кавалерами. Все они тоже крепко спали, кто стоя, кто сидя.

И вот наконец он вошел в комнату с золочеными стенами и золоченым потолком. Вошел и остановился.

На постели, полог которой был откинут, покоилась прекрасная юная принцесса лет пятнадцатishестнадцати (если не считать того столетия, которое она проспала).

Принц невольно закрыл глаза: красота ее так сияла, что даже золото вокруг нее казалось тусклым и бледным. Дрожа от восторга, он приблизился и опустился перед ней на колени.

В это самое мгновение час, назначенный доброй феей, пробил.

Принцесса проснулась, открыла глаза и взглянула на своего избавителя.

— Ах, это вы, принц? — сказала она. — Наконец-то! Долго же вы заставили себя ждать!..

Не успела она договорить эти слова, как все кругом пробудилось.

Первая подала голос маленькая собачка по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног принцессы. Она звонко залаяла, увидев незнакомого человека, и со двора ей ответили грубыми голосами сторожевые псы.

Заржали в конюшне лошади, заворковали голуби под крышей. Огонь в печи загудел что было мочи, и фазаны, которых повара не успели дожарить сто лет тому назад, зарумянились в одну минуту.

Слуги под присмотром дворецкого уже накрывали на стол в зеркальной столовой. А придворные дамы в ожидании завтрака поправляли растрепав-

шиеся за сто лет локоны и улыбались своим заспанным кавалерам.

В зале дворцовой стражи латники снова занялись своим обычным делом — затопали ботфортами и загремели оружием. А привратники, сидевшие у входа во дворец, наконец осушили кубки и опять наполнили их добрым винцом, которое за сто лет стало, конечно, старше и лучше.

Весь замок — от флага на башне до винного погреба — ожил и зашумел.

А принц и принцесса ничего не слышали. Они глядели друг на друга и не могли наглядеться. Принцесса позабыла, что ничего не ела уже целый век, да и принц не вспоминал о том, что у него с утра не было во рту маковой росинки. Они разговаривали целых четыре часа и не успели сказать даже половины того, что хотели.

Но все остальные не были влюблены и поэтому умирали от голода.

Наконец старшая фрейлина, которой хотелось есть так же сильно, как и всем другим, не вытерпела и доложила принцессе, что завтрак подан.

Принц подал руку своей невесте и повел ее в столовую.

Принцесса была великолепно одета и с удовольствием поглядывала на себя в зеркала, а влюбленный принц, разумеется, ни слова не сказал ей о том, что фасон ее платья вышел из моды по крайней мере лет сто назад и что такие рукава и воротники не носят со времен его прапрабабушки.

Впрочем, и в старомодном платье она была лучше всех на свете.

Жених с невестой уселись за стол. Самые знатные кавалеры подавали им различные кушанья старинной кухни. А скрипки и гобои играли для них прелестные, давно забытые песни прошлого века.

Придворный поэт тут же сочинил новую, хотя немного старомодную песенку о прекрасной принцессе, которая сто лет проспала в заколдованном лесу. Песня очень понравилась тем, кто ее слышал, и с тех пор ее стали петь все от мала до велика, от поварят до королей.

А кто не умел петь песни, тот рассказывал сказку. Сказка эта переходила из уст в уста и дошла наконец до нас с вами.

КОТ В САПОГАХ

Было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего только мельницу, осла и кота.

Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили все их небогатое наследство. Старшему досталась мельница. Среднему — осел. Ну а уж младшему пришлось взять себе кота.

Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

— Братья могут честно заработать себе на хлеб,— говорил он.— А что станется со мною после того, как я съем своего кота и сделаю из его шкурки муфту? Прямо хоть помирай с голоду.

Кот услышал эти слова, но виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

— Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок да закажите пару сапог, чтобы легче было бродить по лесу, и вы увидите, что вас не так уж обделили, как вам это сейчас кажется.

Хозяин кота и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался этот плут, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мертвым, то повиснув на задних лапах, то зарывшись чуть ли не с головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва только кот получил все, что ему было нужно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок и, придерживая его за шнурки передними лапами, зашагал в заповедный лес, где водилось множество кроликов. А в мешке у него были отруби и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мертвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь глупый кролик, ещё не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберется в мешок, чтобы полакомиться припасенным для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький, доверчивый простачок кролик сразу же прыгнул в мешок.

Не долго думая, кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приема у короля.

Его ввели в королевские покои.

Кот отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

— Государь, вот кролик из лесов маркиза де

Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

— Поблагодари своего господина, — ответил король, — и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошел на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

На этот раз к нему в ловушку попались две куropатки. Он живо затянул шнурки на мешке и понес обеих к королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал наградить кота.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз кот узнал, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

— Согласны вы послушаться моего совета? — спросил он своего хозяина. — В таком случае счастье у вас в руках. Все, что от вас требуется, — это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил все, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно.

В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился к ней и закричал что было мочи:

— Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услышал этот крик, приоткрыл дверцу

кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал своих слуг выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у его господина во время купанья воры украли все до нитки. (А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным доставить для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и впору и к лицу, а так как маркиз и без того был малый хоть куда — красивый и статный, — то, приодевшись, он, конечно, стал еще лучше, и принцесса, поглядев на него, нашла, что он как раз в ее вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в сторону королевской дочки два-три взгляда, весьма почтительных, но в то же время очень нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу ее молодой маркиз тоже пришелся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге от того, что все идет как по маслу, и весело побежал перед каретой. По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

— Эй, люди добрые, — крикнул он на бегу, — если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят на куски, словно начинку для пирога! Так и знайте.

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

— Чей это луг вы косите?

— Маркиза де Карабаса! — в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

— Однако, маркиз, у вас тут славное именье! — сказал король.

— Да, государь, этот луг каждый год дает отличное сено, — скромно ответил маркиз.

А между тем кот бежал все вперед и вперед, пока не увидел жнецов, работающих на поле.

— Эй, добрые люди, — крикнул он, — если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу, так и знайте: всех вас изрубят на куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи это поля они жнут.

— Поля маркиза де Карабаса, — был ответ.

И король опять порадовался за господина маркиза.

А кот все бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: «Это дом маркиза де Карабаса», «Это мельница маркиза де Карабаса», «Это сад маркиза де Карабаса».

Король не мог надивиться богатствам молодого маркиза.

И вот наконец кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан-людоед. Никто на свете не видал великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чем его сила, и попросил допустить его к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

— Меня уверяли, — сказал кот, — что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться в льва или слона...

— Могу! — рявкнул великан. — И чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом. Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хоть это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по гладкой черепице. Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страха.

— А еще меня уверяли, — сказал он, — но уж этому-то я никак не могу поверить, что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

— Ах вот как! Невозможным? — переспросил великан. — А ну-ка, погляди!

И в то же мгновение великан превратился в мышь. Мышка проворно забегала по полу, но кот — на то ведь он и кот! — погнался за ней, разом поймал и проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил прекрасный замок и пожелал войти туда.

Кот услышал, как гремят на подъемном мосту колеса королевской кареты, и, выбежав навстречу, сказал королю:

— Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

— Как, господин маркиз? — воскликнул король. — Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте же посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и

повел ее вслед за королем, который, как полагается, шел впереди.

Все втроем они вошли в большую залу, где был приготовлен великолепный ужин. Как раз в этот день людоед пригласил к себе приятелей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина де Карабаса почти так же, как его дочка. А та была от маркиза просто без ума. Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрасных владений маркиза и, осушив пять-шесть кубков, сказал:

— Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я — согласен.

Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот в сапогах стал знатным вельможей и с тех пор охотится на мышей только изредка — для собственного удовольствия.

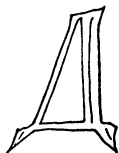

Эрнст Теодор Амадей Гофман

ЩЕЛКУНЧИК И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

ЕЛКА

Двадцать четвертого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц таинственным шепотом сообщил сестренке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в закрытых комнатах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький темный человек с большим ящиком под мышкой; но Фриц наверное знает, что это их крестный, Дроссель-

мейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный?

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой: это был маленький, сухонький человечек с морщинистым лицом, с большим черным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла¹, и притом чрезвычайно искусно. Крестный сам был великим искусником, он знал толк в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов начинали капризничать и переставали петь какие-нибудь часы, всегда приходил крестный Дроссельмейер, снимал стеклянный парик, стаскивал желтенький сюртучок, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой Мари было их очень жалко; но вреда часам он не причинял, наоборот — они снова оживали и сейчас же принимались весело тиктикать, звонить и петь, и все этому очень радовались. И всякий раз у крестного в кармане находилось что-нибудь интересное для ребят: то человечек, ворочающий глазами и шаркающий ножкой, так что на него нельзя смотреть без смеха, то коробочка, из которой выскакивает птичка, то еще какая-нибудь штучка. А к Рождеству он всегда мастерил красивую, затейливую игрушку, над которой много трудился. Поэтому родители тут же заботливо убирали его подарок.

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный? — воскликнула Мари.

Фриц решил, что в нынешнем году это непременно будет крепость, а в ней будут маршировать и

¹ То есть из стеклянного волокна.

обучаться ружейным приемам прехорошенькие нарядные солдатики, а потом появятся другие солдатики и пойдут на приступ, но те солдаты, что в крепости, отважно выпалят в них из пушек, так что поднимется шум и грохот.

— Нет, нет,— перебила Фрица Мари,— крестный рассказывал мне о прекрасном саде. Там большое озеро, по нему плавают чудо какие красивые лебеди с золотыми ленточками на шее и распевают красивые песни. Потом из сада выйдет девочка, подойдет к озеру, приманит лебедей и будет кормить их сладким марципаном...

— Лебеди не едят марципана,— не очень вежливо перебил ее Фриц,— а целый сад крестному и не сделать. Да и какой толк нам от его игрушек? У нас тут же их отбирают. Нет, мне куда больше нравятся папины и мамины подарки: они остаются у нас, мы сами ими распоряжаемся.

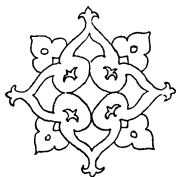
И вот дети принялись гадать, что им подарят родители. Мари сказала, что мадемуазель Трудхен (ее большая кукла) совсем испортилась: она стала такой неуклюжей, то и дело падает на пол, так что у нее теперь все лицо в противных отметинах, а уж водить ее в чистом платье нечего и думать. Сколько ей ни выговаривай, ничто не помогает. И потом, мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась Гретиным зонтиком. Фриц же уверял, что у него в придворной конюшне как раз не хватает гнедого коня, а в войсках маловато кавалерии. Папе это хорошо известно.

Итак, дети отлично знали, что родители накупили им всяких чудесных подарков и сейчас расставляют их на столе.

Совсем стемнело. Фриц и Мари сидели, крепко прижавшись друг к другу, и не смели проронить ни слова; им чудилось, будто над ними веют тихие

крылья и издалека доносится прекрасная музыка. Вдруг светлый луч скользнул по стене. И в то же мгновение прозвучал тонкий серебряный колокольчик: динь-динь, динь-динь! Двери распахнулись, и елка засияла таким блеском, что дети с громким криком «Ах, ах!» замерли на пороге.

ПОДАРКИ

Я обращаюсь непосредственно к тебе, благосклонный читатель или слушатель — Фриц, Теодор, Эрнст, все равно как бы тебя ни звали,— и прошу как можно живее вообразить себе рождественский стол, весь заставленный чудными, пестрыми подарками, которые ты получил в нынешнее Рождество,— тогда тебе нетрудно будет понять, что дети, обомлев от восторга, замерли на месте и смотрели на все сияющими глазами. Только минуту спустя Мари глубоко вздохнула и воскликнула:

— Ах, как чудно, ах, как чудно!

А Фриц несколько раз высоко подпрыгнул, на что был большой мастер. Уж наверно, дети весь год были добрыми и послушными, потому что еще ни разу они не получали таких чудесных, красивых подарков, как сегодня.

Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные

орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сласти. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали на темных ветках, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло. И чего там только не было! Не знаю, кому под силу это описать!.. Мари увидела нарядных кукол, хорошенькую игрушечную посуду, но больше всего обрадовало ее шелковое платьице, искусно отделанное цветными лентами и висевшее так, что Мари могла любоваться им со всех сторон; она и любовалась им всласть, то и дело повторяя:

— Ах, какое красивое, какое милое, милое платьице! И мне позволят, наверное позволят, в самом деле позволят его надеть!

Фриц тем временем уже три или четыре раза галопом и рысью проскакал вокруг стола на новом гнедом коне, который, как он и предполагал, стоял на привязи у стола с подарками. Слезая, он сказал, что конь — лютый зверь, но ничего: уж он его вышколит. Потом он произвел смотр новому эскадрону гусар; они были одеты в великолепные красные мундиры, шитые золотом, размахивали серебряными саблями и сидели на таких белоснежных конях, что можно было подумать, будто и кони тоже из чистого серебра.

Только что дети, немного уgomонившись, хотели взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, чтобы можно было любоваться разными замечательными цветами, пестро раскрашенными людьми и хорошенькими играющими детками, так натурально изображенными, будто они и впрямь живые и вот-вот заговорят, — так вот, только что дети хотели взяться за чудесные книжки, как опять

прозвенел колокольчик. Дети знали, что теперь черед подаркам крестного Дроссельмейера, и подбежали к столу, стоявшему у стены. Ширмы, за которыми до тех пор был скрыт стол, быстро убрали. Ах, что увидели дети! На зеленой, усеянной цветами лужайке стоял замечательный замок со множеством зеркальных окон и золотых башен. Заиграла музыка, двери и окна распахнулись, и все увидели, что в залах прохаживаются крошечные, но очень изящно сделанные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который весь так и сиял (столько свечек горело в серебряных люстрах!), под музыку плясали дети в коротких камзолчиках и юбочках. Господин в изумрудно-зеленом плаще выглядывал из окна, раскланивался и снова прятался, а внизу, в дверях замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмейер, только ростом он был с папин мизинец, не больше.

Фриц положил локти на стол и долго рассматривал чудесный замок с танцующими и прохаживающимися человечками. Потом попросил:

— Крестный, а крестный! Пусти меня к себе в замок!

Старший советник суда сказал, что этого никак нельзя. И он был прав: со стороны Фрица глупо было проситься в замок, который вместе со всеми своими золотыми башнями был меньше его. Фриц согласился. Прошла еще минутка, в замке все так же прохаживались кавалеры и дамы, танцевали дети, выглядывал все из того же окна изумрудный человечек, а крестный Дроссельмейер подходил все к той же двери.

Фриц в нетерпении воскликнул:

— Крестный, а теперь выйди из той, другой двери!

— Никак этого нельзя, милый Фрицхен,— возразил старший советник суда.

— Ну, тогда,— продолжал Фриц,— вели зеленому человечку, что выглядывает из окна, погулять с другими по залам.

— Этого тоже никак нельзя,— снова возразил старший советник суда.

— Ну, тогда пусть спустятся вниз дети! — воскликнул Фриц.— Мне хочется получше их рассмотреть.

— Ничего этого нельзя,— сказал старший советник суда раздраженным тоном.— Механизм сделан раз навсегда, его не переделаешь.

— Ах та-ак! — протянул Фриц.— Ничего этого нельзя... Послушай, крестный, раз нарядные человечки в замке только и знают, что повторять одно и то же, так что в них толку? Мне они не нужны. Нет, мои гусары куда лучше! Они маршируют вперед, назад, как мне вздумается, и не заперты в доме.

И с этими словами он убежал к праздничному столу, и по его команде эскадрон на серебряных конях начал скакать туда и сюда — по всем направлениям, рубить саблями и стрелять сколько душе угодно.

Мари тоже потихоньку отошла: и ей тоже наскучили танцы и гулянье куколок в замке. Только она постаралась сделать это незаметно, не так, как братец Фриц, потому что она была доброй и послушной девочкой. Старший советник суда сказал недовольным тоном родителям:

— Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок.

Но тут мать попросила показать ей внутреннее устройство и удивительный, очень искусный механизм, приводивший в движение человечков. Дроссельмейер разобрал и снова собрал всю игрушку.

Теперь он опять повеселел и подарил детям несколько красивых коричневых человечков, у которых были золотые лица, руки и ноги; все они превкусно пахли пряниками. Фриц и Мари очень им обрадовались. Старшая сестра Луиза по желанию матери надела подаренное родителями нарядное платье, которое ей очень шло, а Мари попросила, чтоб ей позволили, раньше чем надевать новое платье, еще немножко полюбоваться на него, что ей охотно разрешили.

ЛЮБИМЕЦ

А на самом деле Мари потому не отходила от стола с подарками, что только сейчас заметила что-то, чего раньше не видела; когда выступили гусары Фрица, до того стоявшие в строю у самой елки, очутился на виду замечательный человек. Он вел себя тихо и скромно, словно спокойно ожидая, когда дойдет очередь и до него. Правда, он был не очень складный: чересчур длинное и плотное туловище на коротеньких и тонких ножках, да и голова тоже как будто великовата. Зато по щегольской одежде сразу было видно, что это человек благовоспитанный и со вкусом. На нем был очень красивый блестящий фиолетовый гусарский доломан, весь в пуговичках и позументах, такие же рейтузы и столь щегольские сапожки, что едва ли доводилось носить подобные и офицерам, а тем паче студентам; они сидели на тоненьких ножках так ловко,

будто были на них нарисованы. Конечно, нелепо было, что при таком костюме он прицепил на спину узкий неуклюжий плащ, словно выкроенный из дерева, а на голову нахлобучил шапчонку рудокопа, но Мари подумала: «Ведь крестный Дроссельмейер тоже ходит в прескверном сюртуке и в смешной шляпе, но это не мешает ему быть милым, дорогим крестным». Кроме того, Мари пришла к заключению, что крестный, будь он даже таким же щеголем, как человек, все же никогда не сравняется с ним по миловидности. Внимательно вглядываясь в славного человечка, который полюбился ей с первого же взгляда, Мари заметила, каким добродушием светилось его лицо. Зеленоватые, навывкате глаза смотрели приветливо и доброжелательно. Человечку очень шла тщательно завитая борода из белых бумажных ниток, окаймлявшая подбородок, — ведь так заметнее выступала ласковая улыбка на его алых губах.

— Ах! — воскликнула наконец Мари. — Ах, милый папочка, для кого этот хорошенький человечек, что стоит под самой елкой?

— Он, милая деточка, — ответил отец, — будет усердно трудиться для всех вас: его дело — аккуратно разгрызать твердые орехи, и куплен он и для Луизы, и для тебя с Фрицем.

С этими словами отец бережно взял его со стола, приподнял деревянный плащ, и тогда человечек широко-широко разинул рот и оскалил два ряда очень белых, острых зубов. Мари всунула ему в рот орех, и — щелк! — человечек разгрыз его, скорлупа упала, и у Мари на ладони очутилось вкусное ядрышко. Теперь уже все — и Мари тоже — поняли, что нарядный человечек вел свой род от шелкунчиков и продолжал профессию предков. Мари громко вскрикнула от радости, а отец сказал:

— Раз тебе, милая Мари, Щелкунчик пришелся по вкусу, так ты уж сама и заботься о нем и береги его, хотя, как я уже сказал, и Луиза и Фриц тоже могут пользоваться его услугами.

Мари сейчас же взяла Щелкунчика и дала ему грызть орехи, но она выбирала самые маленькие, чтобы человечку не приходилось слишком широко разевать рот, так как это, по правде сказать, его не красило. Луиза присоединилась к ней, и любезный друг Щелкунчик потрудился и для нее; казалось, он выполняет свои обязанности с большим удовольствием, потому что неизменно приветливо улыбался.

Фрицу тем временем надоело маршировать и скакать на коне. Когда он услышал, как весело щелкают орешки, ему тоже захотелось их отведать. Он подскочил к сестрам и от всего сердца расхохотался при виде потешного человечка, который теперь переходил из рук в руки и неустанно разевал и закрывал рот. Фриц совал ему самые большие и твердые орехи, но вдруг раздался треск — крак-крак! — три зуба выпали у Щелкунчика изо рта, и нижняя челюсть отвисла и зашаталась.

— Ах, бедный, милый Щелкунчик! — закричала Мари и отобрала его у Фрица.

— Что за дурак! — сказал Фриц. — Берется орехи щелкать, а у самого зубы никуда не годятся. Верно, он и дела своего не знает. Дай его сюда, Мари! Пусть щелкает мне орехи. Не беда, если и остальные зубы обломает, да и всю челюсть в придачу. Нечего с ним, бездельником, церемониться!

— Нет, нет! — с плачем закричала Мари. — Не отдам я тебе моего милого Щелкунчика. Посмотри, как жалостно глядит он на меня и показывает свой больной ротик! Ты злюка, ты бьешь своих лошадей и даже позволяешь солдатам убивать друг друга.

— Так полагается, тебе этого не понять! — крикнул Фриц. — А Щелкунчик не только твой, он и мой тоже. Давай его сюда!

Мари разрыдалась и поскорее завернула больного Щелкунчика в носовой платок. Тут подошли родители с крестным Дроссельмейером. К огорчению Мари, он принял сторону Фрица. Но отец сказал:

— Я нарочно отдал Щелкунчика на попечение Мари. А он, как я вижу, именно сейчас особенно нуждается в ее заботах, так пусть уж она одна им и распоряжается и никто в это дело не вмешивается. Вообще меня очень удивляет, что Фриц требует дальнейших услуг от пострадавшего на службе. Как настоящий военный он должен знать, что раненых никогда не оставляют в строю.

Фриц очень сконфузился и, оставив в покое орехи и Щелкунчика, тихонько перешел на другую сторону стола, где его гусары, выставив, как полагается, часовых, расположились на ночлег. Мари подобрала выпавшие у Щелкунчика зубы; пострадавшую челюсть она подвязала красивой белой ленточкой, которую отколола от своего платья, а потом еще заботливее укутала платком бедного человечка, побледневшего и, видимо, напуганного. Баюкая его, как маленького ребенка, она принялась рассматривать красивые картинки в новой книге, которая лежала среди других подарков. Она очень рассердилась, хотя это было совсем на нее не похоже, когда крестный стал смеяться над тем, что она нянчится с таким уродцем. Ей пришлось на ум странное сходство с Дроссельмейером, которое она отметила уже при первом взгляде на человечка, и она очень серьезно сказала:

— Как знать, милый крестный, как знать, будь ты таким же красивым, как мой милый Щелкун-

чик, даже если бы принарядился не хуже его и надел такие же щегольские, блестящие сапожки?

Мари не могла понять, почему так громко рассмеялись родители, и почему у старшего советника суда так зарделся нос, и почему он не смеется вместе со всеми. Верно, на то были свои причины.

ЧУДЕСА

Как только войдешь к Штальбаумам в гостиную, тут, сейчас же у двери налево, у широкой стены, стоит высокий стеклянный шкаф, куда дети убирают прекрасные подарки, которые получают каждый год. Луиза была еще совсем маленькой, когда отец заказал шкаф очень умелому столяру, а тот вставил в него такие прозрачные стекла и вообще сделал все с таким умением, что в шкафу игрушки выглядели, пожалуй, даже еще ярче и красивей, чем когда их брали в руки. На верхней полке, до которой Мари с Фрицем было не добраться, стояли замысловатые изделия господина Дроссельмейера; следующая полка была отведена под книжки с картинками; две нижние Мари и Фриц могли занимать чем им угодно. И всегда выходило так, что Мари устраивала на нижней полке кукольную комнату, а Фриц над ней расквартировывал свои войска. Так случилось и сегодня. Пока Фриц расставлял наверху гусар, Мари отложила внизу к сторонке мадемуазель Трудхен, посадила новую нарядную куклу в отлично обставленную комнату и

напросилась к ней на угощение. Я сказал, что комната была отлично обставлена, и это правда; не знаю, есть ли у тебя, моя внимательная слушательница Мари, так же как у маленькой Штальбаум — ты уже знаешь, что ее тоже зовут Мари, — так вот, я говорю, что не знаю, есть ли у тебя, так же как у нее, пестрый диванчик, несколько прехорошеньких стульчиков, очаровательный столик, а главное, нарядная, блестящая кровать, на которой спят самые красивые на свете куклы... Все это стояло в уголке в шкафу, стенки которого в этом месте были даже оклеены цветными картинками, и ты легко поймешь, что новая кукла, которую, как в этот вечер узнала Мари, звали Клерхен, чувствовала себя здесь прекрасно.

Был уже поздний вечер, приближалась полночь, и крестный Дроссельмейер давно ушел, а дети все еще не могли оторваться от стеклянного шкафа, как мама ни уговаривала их идти спать.

— Правда, — воскликнул наконец Фриц, — беднягам тоже пора на покой (он имел в виду своих гусар), а в моем присутствии никто из них не посмеет клевать носом, в этом уж я уверен!

И с этими словами он ушел. Но Мари просила:

— Милая мамочка, позволь мне побыть здесь еще минутку, одну только минутку! У меня так много дел, вот управлюсь и сейчас же лягу спать...

Мари была очень послушной, разумной девочкой, и потому мама могла спокойно оставить ее еще на полчаса одну с игрушками. Но чтобы Мари, заигравшись новой куклой и другими занимательными игрушками, не позабыла погасить свечи, горевшие вокруг шкафа, мама все их задула, так что в комнате осталась только лампа, висевшая посреди потолка и распространявшая мягкий, уютный свет.

— Не засиживайся долго, милая Мари. А то тебя завтра не добудешь,— сказала мама, уходя в спальню.

Как только Мари осталась одна, она сейчас же приступила к тому, что уже давно лежало у нее на сердце, хотя она, сама не зная почему, не решилась признаться в задуманном даже матери. Она все еще баюкала укутанного в носовой платок Щелкунчика. Теперь она бережно положила его на стол, тихонько развернула платок и осмотрела раны.

Щелкунчик был очень бледен, но улыбался так жалостно и ласково, что тронул Мари до глубины души.

— Ах, Щелкунчик, миленький,— зашептала она,— пожалуйста, не сердись, что Фриц сделал тебе больно: он ведь не нарочно. Просто он огрубел от суровой солдатской жизни, а так он очень хороший мальчик, уж поверь мне! А я буду беречь тебя и заботливо выхаживать, пока ты совсем не поправишься и не повеселеешь. Вставить же тебе крепкие зубки, вправить челюсть — это уж дело крестного Дроссельмейера: он на такие штуки мастер...

Однако Мари не успела договорить. Когда она упомянула имя Дроссельмейера, Щелкунчик вдруг скорчил злую мину, и в глазах у него сверкнули колющие зеленые огоньки. Но в ту минуту, когда Мари собралась уже по-настоящему испугаться, на нее опять глянуло жалобно улыбающееся лицо доброго Щелкунчика, и теперь она поняла, что черты его исказил свет мигнувшей от сквозняка лампы.

— Ах, какая я глупая, ну чего я напугалась и даже подумала, будто деревянная кукла может корчить гримасы! А все-таки я очень люблю Щелкунчика, ведь он такой потешный и такой добрый... Вот и надо за ним ухаживать как следует.

Эрнст Теодор Амадей Гофман.
Щелкунчик и Мышиный Король.

С этими словами Мари взяла своего Щелкунчика на руки, подошла к стеклянному шкафу, присела на корточки и сказала новой кукле:

— Очень прошу тебя, мамзель Клерхен, уступи свою постель бедному больному Щелкунчику, а сама переночуй как-нибудь на диване. Подумай, ты ведь такая крепкая, и потом, ты совсем здорова — ишь какая ты круглолицая и румяная. Да и не у всякой, даже очень красивой куклы есть такой мягкий диван!

Мадемуазель Клерхен, разряженная по-праздничному и важная, надулась, не проронив ни слова.

— И чего я церемонюсь! — сказала Мари, сняла с полки кровать, бережно и заботливо уложила туда Щелкунчика, обвязала ему пострадавшую челюсть очень красивой ленточкой, которую носила вместо кушака, и накрыла его одеялом по самый нос.

«Только незачем ему здесь оставаться у невоспитанной Клары», — подумала она и переставила кроватку вместе с Щелкунчиком на верхнюю полку, где он очутился около красивой деревни, в которой были расквартированы гусары Фрица. Она заперла шкаф и собралась уже уйти в спальню, как вдруг... Слушайте внимательно, дети!.. Как вдруг во всех углах — за печью, за стульями, за шкафами — началось тихое-тихое шушуканье, перешептывание и шуршание. А часы на стене зашипели, захрипели все громче и громче, но никак не могли пробить двенадцать. Мари глянула туда: большая золоченая сова, сидевшая на часах, свесила крылья, совсем заслонила ими часы и вытянула вперед противную кошачью голову с кривым клювом. А часы хрипели громче и громче, и Мари явственно расслышала:

— Тик-и-так, тик-и-так! Не хрипите громко

так! Слышит все Король Мышиный. Трик-и-трак, бум-бум! Ну, часы, напев старинный! Трик-и-трак, бум-бум! Ну, пробей, пробей, звонок: королю подходит срок!¹

И... бим-бом, бим-бом! — часы глухо и хрипло пробили двенадцать ударов. Мари очень струсила и чуть не убежала со страху, но тут она увидела, что на часах вместо совы сидит крестный Дроссельмейер, свесив полы своего желтого сюртука по обеим сторонам, словно крылья. Она собралась с духом и громко крикнула плаксивым голосом:

— Крестный, послушай, крестный, зачем ты туда забрался? Слезай вниз и не пугай меня, гадкий крестный!

Но тут отовсюду послышалось странное хихиканье и писк, и за стеной пошла беготня и топот, будто от тысячи крошечных лапок, и тысячи крошечных огонечков глянули сквозь щели в полу. Но это были не огоньки, нет, а маленькие блестящие глазки, и Мари увидела, что отовсюду выглядывают и выбираются из-под пола мыши.

Вскоре по всей комнате пошло: топ-топ, хоп-хоп! Все ярче светились глаза мышей, все несметнее становились их полчища; наконец они выстроились в том же порядке, в каком Фриц обычно выстраивал своих солдатиков перед боем. Мари это очень насмешило; у нее не было отвращения к мышам, как у иных детей, и страх ее совсем было улегся, но вдруг послышался такой ужасный и пронзительный писк, что у нее по спине забегали мурашки. Ах, что она увидела! Нет, право же, уважаемый читатель Фриц, я отлично знаю, что у тебя, как и у мудрого, отважного полководца Фрица Штальбаума, бесстрашное сердце, но если бы ты увидел то, что предстало взо-

¹ Перевод стихов в сказке сделан В. А. Зоргенфрей.

рам Мари, право, ты бы удрал. Я даже думаю, ты бы шмыгнул в постель и без особой надобности натянул бы одеяло по самые уши. Ах, бедная Мари не могла этого сделать, потому что — вы только послушайте, дети! — к самым ногам ее, словно от подземного толчка, посыпались песок, известка и осколки кирпича, и из-под пола с противным шипением и писком вылезли семь мышиных голов в семи ярко сверкающих коронах. Вскоре выбралось целиком и все туловище, на котором сидели эти семь голов, и все войско хором трижды приветствовало громким писком огромную, увенчанную семью коронами мышь. Теперь войско сразу пришло в движение и — хоп-хоп, топ-топ! — направилось прямо к шкафу, прямо на Мари, которая все еще стояла, прижавшись к стеклянной дверице.

От ужаса у Мари уже и раньше так колотилось сердце, что она боялась, как бы оно тут же не выпрыгнуло из груди, — ведь тогда бы она умерла. Теперь же ей показалось, будто кровь застыла у нее в жилах. Она зашаталась, теряя сознание, но тут вдруг раздалось: клик-клак-хрр!.. — и посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В ту же минуту она почувствовала жгучую боль в левой руке, но у нее сразу отлегло от сердца: она не слышала больше визга и писка. Все мигом стихло. И хотя она не смела открыть глаза, все же ей подумалось, что звон стекла испугал мышей и они попрятались по норам.

Но что же это опять такое? У Мари за спиной, в шкафу, поднялся странный шум и зазвенели тоненькие голосочки:

— Стройся, взвод! Стройся, взвод! В бой вперед! Полночь бьет! Стройся, взвод! В бой вперед!

И начался стройный и приятный перезвон мелодичных колокольчиков.

— Ах, да ведь это же мой музыкальный ящик! — обрадовалась Мари и быстро отскочила от шкафа.

Тут она увидела, что шкаф странно светится и в нем идет какая-то возня и суетня.

Куклы беспорядочно бегали взад и вперед и размахивали ручками. Вдруг поднялся Щелкунчик, сбросил одеяло и, одним прыжком соскочив с кровати, громко крикнул:

— Щелк-щелк-щелк, глупый мыший полк! Тот будет толк, мыший полк! Щелк-щелк, мыший полк прет из щелей — выйдет толк! — И при этом он выхватил свою крохотную сабельку, замахал ею в воздухе и закричал: — Эй, вы, мои верные вассалы, други и братья! Постоите ли вы за меня в тяжком бою?

И сейчас же отозвались три паяца, смешной Панталоне, четыре трубочиста, два бродячих музыканта и барабанщик:

— Да, наш государь, мы верны вам до гроба! Ведите нас в бой — на смерть или на победу!

И они ринулись вслед за Щелкунчиком, который, горя воодушевлением, отважился на отчаянный прыжок с верхней полки. Им-то было хорошо прыгать: они не только были разряжены в шелк и бархат, но и туловище у них было набито ватой и опилками; вот они и шлепались вниз, будто кулечки с шерстью. Но бедный Щелкунчик уж наверное переломал бы себе руки и ноги; подумайте только — от полки, где он стоял, до нижней было почти два фута¹, а сам он был хрупкий, словно выточенный из липы. Да, Щелкунчик уж наверное переломал бы себе руки и ноги, если бы в тот миг, как он прыгнул, мадемуазель Клерхен не соскочила

¹ Ф у т — мера длины, равная примерно 30 см.

с дивана и не приняла в свои нежные объятия потрясающего мечом героя.

— О милая, добрая Клерхен! — в слезах воскликнула Мари. — Как я ошиблась в тебе! Уж конечно, ты от всего сердца уступила кроватку дружку Щелкунчику.

И вот мадемуазель Клерхен заговорила, нежно обнимая юного героя:

— Разве можно вам, государь, идти в бой, навстречу опасности, больным и с не зажившими еще ранами! Взгляните, вот собираются ваши храбрые вассалы, они рвутся в бой и уверены в победе. Паяц, Панталоне, трубочисты, музыканты и барабанщик уже внизу, а среди куколок с сюрпризами у меня на полке заметно сильное оживление и движение. Соболаговолите, о государь, отдохнуть возле меня или же согласитесь созерцать вашу победу с высоты моей шляпы, украшенной перьями.

Так говорила Клерхен, но Щелкунчик вел себя совсем неподобающим образом и так брыкался, что Клерхен пришлось поскорее поставить его на полку. В то же мгновение он весьма учтиво опустился на одно колено и пролепетал:

— О прекрасная дама, и на поле брани не позабуду я оказанные мне милость и благоволение!

Тогда Клерхен нагнулась так низко, что схватила его за ручку, осторожно приподняла, быстро развязала на себе расшитый блестками кушак и собралась нацепить его на человечка, но он отступил на два шага, прижал руку к сердцу и произнес весьма торжественно:

— О прекрасная дама, не извольте расточать на меня ваши милости, ибо... — Он запнулся, глубоко вздохнул, быстро сорвал с плеча ленточку, которую повязала ему Мари, прижал ее к губам, повязал на руку в виде шарфа и, с воодушевлением размахивая

сверкающим обнаженным мечом, прыгнул быстро и ловко, словно птичка, с края полки на пол.

Вы, разумеется, сразу поняли, мои благосклонные и весьма внимательные слушатели, что Щелкунчик еще до того, как по-настоящему ожил, уже отлично чувствовал любовь и заботы, которыми окружила его Мари, и что только из симпатии к ней он не хотел принять от мадемуазель Клерхен ее пояс, несмотря на то что тот был очень красив и весь сверкал. Верный, благородный Щелкунчик предпочитал украсить себя скромной ленточкой Мари. Но что-то дальше будет?

Едва Щелкунчик прыгнул на пол, как вновь поднялся визг и писк. Ах, ведь под большим столом собрались несметные полчища злых мышей, и впереди всех выступает отвратительная мышь о семи головах!

Что-то будет?

БИТВА

— Барабанщик, мой верный подданный, бей общее наступление! — громко скомандовал Щелкунчик.

И тотчас же барабанщик начал выбивать дробь искуснейшим образом, так что стеклянные дверцы шкафа задрожали и задребезжали. А в шкафу что-то загремело и затрещало, и Мари увидела, как разом открылись все коробки, в которых были расквартированы войска Фрица, и солдаты выпрыгнули из них прямо на нижнюю полку и там выстроились блестящими рядами. Щелкунчик бегал

вдоль рядов, воодушевляя войска своими речами.

— Где эти негодяи трубачи? Почему они не трубят? — закричал в сердцах Щелкунчик. Затем он быстро повернулся к слегка побледневшему Панталоне, у которого сильно трясся длинный подбородок, и торжественно произнес: — Генерал, мне известны ваши доблесть и опытность. Все дело в быстрой оценке положения и использовании момента. Вверяю вам командование всей кавалерией и артиллерией. Коня вам не требуется — у вас очень длинные ноги, так что вы отлично поскачете и на своих на двоих. Исполняйте свой долг!

Панталоне тотчас всунул в рот длинные сухие пальцы и свистнул так пронзительно, будто звонко запели сто дудок враз. В шкафу послышалось ржание и топот, и — гляди-ка! — кирасиры и драгуны Фрица, а впереди всех новые, блестящие гусары выступили в поход и вскоре очутились внизу, на полу. И вот полки́ один за другим промаршировали перед Щелкунчиком с развевающимися знаменами и с барабанным боем и выстроились широкими рядами поперек всей комнаты. Все пушки Фрица, сопровождаемые пушкарями, с грохотом выехали вперед и пошли бухать: бум-бум!.. И Мари увидела, как в густые полчища мышей полетело драже, напудрив их добела сахаром, отчего они даже растерялись. Но больше всего вреда нанесла мышам тяжелая батарея, въехавшая на мамину скамеечку для ног и — бум-бум! — непрерывно обстреливавшая неприятеля круглыми пряничками, от которых полегло немало мышей.

Однако мыши всё наступали и даже захватили несколько пушек; но тут поднялся шум и грохот — трр-трр! — и из-за дыма и пыли Мари с трудом могла разобрать, что происходит. Одно было ясно: обе армии бились с большим ожесточением, и

победа переходила то на ту, то на другую сторону. Мыши вводили в бой все свежие и свежие силы, и серебряные пилюльки, которые они бросали весьма искусно, долетали уже до шкафа. Клерхен и Трудхен метались по полке и в отчаянии ломали ручки.

— Неужели я умру во цвете лет, неужели умру я, такая красавица! — вопила Клерхен.

— Не для того же я так хорошо сохранилась, чтоб погибнуть здесь, в четырех стенах! — причитала Трудхен.

Потом они упали друг другу в объятия и так громко разрыдались, что их не мог заглушить даже бешеный грохот битвы.

Вы и понятия не имеете, дорогие мои слушатели, что здесь творилось. Раз за разом бухали пушки: прр-прр!.. Др-др!.. Трах-тарарах-трах-тарарах!.. Бум-бурум-бум-бурум-бум!.. И тут же пищали и визжали Мышиный Король и мыши, а потом снова раздавался грозный и могучий голос Щелкунчика, командовавшего сражением. И было видно, как сам он обходит под огнем свои батальоны.

Панталоне провел несколько чрезвычайно доблестных кавалерийских атак и покрыл себя славой. Но мышиная артиллерия засыпала гусар Фрица отвратительными, зловонными ядрами, которые оставляли на их красных мундирах ужасные пятна, почему гусары и не рвались вперед. Панталоне командовал им «налево кругом» и, воодушевившись ролью полководца, сам повернул налево, а за ним последовали кирасиры и драгуны, и вся кавалерия отправилась восвояси. Теперь положение батареи, занявшей позицию на скамеечке для ног, стало угрожаемым; не пришлось долго ждать, как нахлынули полчища противных мышей и бросились в атаку столь яростно, что перевернули скамеечку вместе с пушками и пушкарями. Щелкунчик, по-

видимому, был очень озадачен и скомандовал отступление на правом фланге.

Подобный маневр означает чуть ли не то же самое, что бегство с поля брани, и ты вместе со мной уже сокрушаешься о неудаче, которая должна была постигнуть армию маленького любимца Мари — Щелкунчика. Но отврати свой взор от этой напасти и взгляни на левый фланг Щелкунчиковой армии, где все обстоит вполне благополучно и полковник и армия еще полны надежды. В пылу битвы из-под комода тихонечко выступили отряды мышиной кавалерии и с отвратительным писком яростно набросились на левый фланг Щелкунчиковой армии; но какое сопротивление встретили они! Медленно, насколько позволяла неровная местность, ибо надо было перебраться через край шкафа, выступил и построился в каре корпус куколок с сюрпризами под предводительством двух китайских императоров. Эти brave, очень пестрые и нарядные великолепные полки, составленные из садовников, тирольцев, тунгусов, парикмахеров, арлекинов, купидонов, львов, тигров, мартышек и обезьян, сражались с хладнокровием, отвагой и выдержкой. С мужеством, достойным спартанцев¹, вырвал бы этот отборный батальон победу из рук врага, если бы некий brave вражеский ротмистр не прорвался с безумной отвагой к одному из китайских императоров и не откусил ему голову, а тот при падении не задавил двух тунгусов и мартышку. Вследствие этого образовалась брешь, куда и устремился враг; и вскоре весь батальон был перегрызен. Но мало выгоды извлек неприятель из этого злодеяния. Как только кровожадный солдат мышиной кавалерии

¹ С п а р т а н ц ы — мужественный народ, жители древнегреческого государства Спарты.

перегрызал пополам одного из своих отважных противников, прямо в горло ему попадала печатная бумажка, отчего он умирал на месте. Но помогло ли это Щелкунчиковой армии, которая, раз начав отступление, отступала все дальше и дальше и несла все больше потерь, так что вскоре только кучка смельчаков со злосчастливым Щелкунчиком во главе еще держалась у самого шкафа?

— Резервы, сюда! Панталоне, Паяц, барабанщик, где вы? — взывал Щелкунчик, рассчитывавший на прибытие свежих сил, которые должны были выступить из стеклянного шкафа. Правда, оттуда прибыло несколько коричневых куколок из Торна с золотыми лицами и в золотых шлемах и шляпах; но они дрались так неумело, что ни разу не попали во врага и, вероятно, сбили бы с головы шапочку своему полководцу Щелкунчику. Неприятельские егеря вскоре отгрызли им ноги, так что они попадали и при этом передавили многих соратников Щелкунчика.

Теперь Щелкунчик, со всех сторон теснимый врагом, находился в большой опасности. Он хотел было перепрыгнуть через край шкафа, но ноги у него были слишком коротки. Клерхен и Трудхен лежали в обмороке — помочь ему они не могли. Гусары и драгуны резво скакали мимо него прямо в шкаф. Тогда он в предельном отчаянии громко воскликнул:

— Коня, коня! Полцарства за коня!

В этот миг два вражеских стрелка вцепились в его деревянный плащ, и Мышиный Король подскочил к Щелкунчику, испуская победный писк из всех своих семи глоток.

Мари больше не владела собой.

— О мой бедный Щелкунчик! — воскликнула она, рыдая, и, не отдавая себе отчета в том, что

делает, сняла с левой ноги туфлю и изо всей силы швырнула ею в самую гущу мышей, прямо в их короля.

В тот же миг все словно прахом рассыпалось, а Мари почувствовала боль в левом локте, еще более жгучую, чем раньше, и без чувств упала на пол.

БОЛЕЗНЬ

Когда Мари очнулась после глубокого забытья, она увидела, что лежит у себя в постельке, а сквозь замерзшие окна в комнату светит яркое, искрящееся солнце.

У самой ее постели сидел чужой человек, в котором она, однако, скоро узнала хирурга Вендельштерна. Он сказал вполголоса:

— Наконец-то она очнулась...

Тогда подошла мама и посмотрела на нее испуганным, пытливым взглядом.

— Ах, милая мамочка,— пролепетала Мари,— скажи: противные мыши убрались наконец и славный Щелкунчик спасен?

— Полно вздор болтать, милая Марихен! — возразила мать. — Ну на что мышам твой Щелкунчик? А вот ты, нехорошая девочка, до смерти напугала нас. Так всегда бывает, когда дети своевольничают и не слушаются родителей. Ты вчера до поздней ночи заигралась в куклы, потом задремала, и, верно, тебя напугала случайно проشمывнувшая мышка: ведь вообще-то мышей у нас не водится. Словом, ты расшибла локтем стекло в шкафу и

поранила себе руку. Хорошо еще, что ты не порезала стеклом вену! Господин Вендельштерн, который вынимал у тебя из раны застрявшие там осколки, говорит, что ты на всю жизнь осталась бы калекой и могла бы даже истечь кровью. Слава Богу, я проснулась в полночь, увидела, что тебя все еще нет в спальне, и пошла в гостиную. Ты без сознания лежала на полу у шкафа, вся в крови. Я сама со страху чуть не потеряла сознание. Ты лежала на полу, а вокруг были разбросаны оловянные солдатики Фрица, разные куклы и пряничные человечки. Щелкунчика ты держала в левой руке, из которой сочилась кровь, а неподалеку валялась твоя туфелька...

— Ах, мамочка, мамочка! — перебила ее Мари. — Ведь это же были следы великой битвы между куклами и мышами! Оттого-то я так испугалась, что мыши хотели забрать в плен бедного Щелкунчика, командовавшего кукольным войском. Тогда я швырнула туфлей в мышей, а что было дальше, не знаю.

Доктор Вендельштерн подмигнул матери, и та очень ласково стала уговаривать Мари:

— Полно, полно, милая моя детка, успокойся! Мыши все убежали, а Щелкунчик стоит за стеклом в шкафу, целый и невредимый.

Тут в спальню вошел советник медицины и завел долгий разговор с хирургом Вендельштерном, потом он пощупал у Мари пульс, и она слышала, что они говорили о горячке, вызванной раной.

Несколько дней ей пришлось лежать в постели и глотать лекарство, хотя, если не считать боли в локте, она почти не чувствовала недомогания. Она знала, что милый Щелкунчик вышел из битвы целым и невредимым, и по временам ей, как сквозь

сон, чудилось, будто он очень явственным, хотя и чрезвычайно печальным голосом говорит ей:

«Мари, прекрасная дама, многим я вам обязан, но вы можете сделать для меня еще больше».

Мари тщетно раздумывала, что бы это могло быть, но ничего не приходило ей в голову. Играть по-настоящему она не могла из-за больной руки, а если бралась за чтение или принималась перелистывать книжки с картинками, у нее рябило в глазах, так что приходилось отказываться от этого занятия. Поэтому время тянулось для нее бесконечно долго, и Мари едва могла дожидаться сумерек, когда мать садилась у ее кровати и читала и рассказывала всякие чудесные истории.

Вот и сейчас мать как раз кончала занимательную сказку про принца Факардина, как вдруг открылась дверь и вошел крестный Дроссельмейер.

— Ну-ка, дайте мне поглядеть на нашу бедную раненую Мари,— сказал он.

Как только Мари увидела крестного в обычном желтом сюртуке, у нее перед глазами со всей живостью всплыла та ночь, когда Щелкунчик потерпел поражение в битве с мышами, и она невольно крикнула старшему советнику суда:

— О крестный, как ты гадко поступил! Я отлично видела, как ты сидел на часах и свесил на них свои крылья, чтобы часы били потише и не спугнули мышей. Я отлично слышала, как ты позвал Мышиного Короля. Почему ты не поспешил на помощь Щелкунчику, почему ты не поспешил на помощь мне, гадкий крестный? Во всем ты один виноват. Из-за тебя я порезала руку и теперь должна лежать больная в постели!

Мать в страхе спросила:

— Что с тобой, дорогая Мари?

Но крестный скорчил странную мину и заговорил трескучим, монотонным голосом:

— Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука. Трик-и-трак! Всегда и впредь должен маятник скрипеть, песни петь. А когда пробьет звонок: бим-и-бом! — подходит срок. Не пугайся, мой дружок. Бьют часы и в срок и кстати, на погибель мышьей рати, а потом слетит сова. Раз-и-два и раз-и-два! Бьют часы, коль срок им выпал. Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука. Тик-и-так и трик-и-трак!

Мари широко открытыми глазами уставилась на крестного, потому что он казался совсем другим и гораздо более уродливым, чем обычно, а правой рукой он махал взад и вперед, будто паяц, которого дергают за веревочку. Она бы очень испугалась, если бы тут не было матери и если бы Фриц, проشمгнувший в спальню, не прервал крестного громким смехом.

— Ах, крестный Дроссельмейер, — воскликнул Фриц, — сегодня ты опять такой потешный! Ты кривляешься совсем как мой Паяц, которого я давно уже зашвырнул за печку.

Мать по-прежнему была очень серьезна и сказала:

— Дорогой господин старший советник, что за странная шутка? Что вы имеете в виду?

— Господи Боже мой, — ответил Дроссельмейер, смеясь, — разве вы позабыли мою любимую песенку часовщика? Я всегда пою ее таким болезненным, как Мари. — И он быстро подсел к кровати и сказал: — Не сердись, что я не выцарапал Мышиному Королю все четырнадцать глаз сразу, — этого нельзя было сделать. А зато я тебя сейчас порадуя.

С этими словами старший советник суда полез в карман и осторожно вытащил оттуда — как вы

думаете, дети, что? — Щелкунчика, которому он очень искусно вставил выпавшие зубки и вправил больную челюсть.

Мари громко вскрикнула от радости, а мать сказала, улыбаясь:

— Вот видишь, как заботится крестный о твоём Щелкунчике...

— А все-таки сознайся, Мари,— перебил крестный госпожу Штальбаум,— ведь Щелкунчик не очень складный и непригож собой. Если тебе хочется послушать, я охотно расскажу, как такое уродство появилось в его семье и стало там наследственным. А может быть, ты уже знаешь сказку о принцессе Пирлипат, ведьме Мышильде и искусном часовщике?

— Послушай-ка, крестный! — вмешался в разговор Фриц.— Что верно, то верно: ты отлично вставил зубы Щелкунчику, и челюсть тоже уже не шатается. Но почему у него нет сабли? Почему ты не повязал ему саблю?

— Ну, ты, неугомонный,— проворчал старший советник суда,— никак на тебя не угодишь! Сабля Щелкунчика меня не касается. Я вылечил его — пусть сам раздобывает себе саблю где хочет.

— Правильно! — воскликнул Фриц.— Если он храбрый малый, то раздобудет себе оружие.

— Итак, Мари,— продолжал крестный,— скажи, знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

— Ах, нет! — ответила Мари.— Расскажи, милый крестный, расскажи!

— Надеюсь, дорогой господин Дроссельмейер,— сказала мама,— что на этот раз вы расскажете не такую страшную сказку, как обычно.

— Ну конечно, дорогая госпожа Штальбаум,— ответил Дроссельмейер.— Напротив, то,

что я буду иметь честь изложить вам, очень занятно.

— Ах, Расскажи, Расскажи, милый крестный! — закричали дети.

И старший советник суда начал рассказывать.

СКАЗКА О ТВЕРДОМ ОРЕХЕ

Мать Пирлипат была супругой короля, а значит, королевой, а Пирлипат как родилась, так в тот же миг и стала прирожденной принцессой. Король налюбоваться не мог на почивавшую в колыбельке красавицу дочурку. Он громко радовался, танцевал, прыгал на одной ножке и то и дело кричал:

— Хейза! Видел ли кто-нибудь девочку прекраснее моей Пирлипатхен?

А все министры, генералы, советники и штаб-офицеры прыгали на одной ножке, как их отец и повелитель, и хором громко отвечали:

— Нет, никто не видел!

Да, по правде говоря, и нельзя было отрицать, что с тех пор, как стоит мир, не появлялось еще на свет младенца прекраснее принцессы Пирлипат. Лицо у нее было словно соткано из лилейно-белого и нежно-розового шелка, глазки — живая сияющая лазурь, а особенно украшали ее волосики, вившиеся золотыми колечками. При этом Пирлипатхен родилась с двумя рядами беленьких, как жемчуг, зубов, которыми она два часа спустя после рождения впиалась в палец рейхсканцлера, когда он

пожелал поближе исследовать черты ее лица, так что он завопил: «Ой-ой-ой!» Некоторые, впрочем, утверждают, будто он крикнул: «Ай-ай-ай!» Еще и сегодня мнения расходятся. Короче, Пирлипатхен на самом деле укусила рейхсканцлера за палец, и тогда восхищенный народ уверился в том, что в очаровательном, ангельском тельце принцессы Пирлипат обитают и душа, и ум, и чувство.

Как сказано, все были в восторге; одна королева неизвестно почему тревожилась и беспокоилась. Особенно странно было, что она приказала неусыпно стеречь колыбельку Пирлипат. Мало того, что у дверей стояла стража,— было отдано распоряжение, чтобы в детской, кроме двух нянюшек, постоянно сидевших у самой колыбельки, ежедневно дежурило еще шесть нянек, и — что казалось совсем нелепым и чего никто не мог понять — каждой няньке приказано было держать на коленях кота и всю ночь гладить его, чтобы он не переставая мурлыкал. Вам, милые детки, нипочем не угадать, зачем мать принцессы Пирлипат принимала все эти меры, но я знаю зачем и сейчас расскажу и вам.

Раз как-то ко двору короля, родителя принцессы Пирлипат, съехалось много славных королев и пригожих принцев. Ради такого случая были устроены блестящие турниры, представления и придворные балы. Король, желая показать, что у него много и золота и серебра, решил как следует запустить руку в свою казну и устроить нечто, достойное его. Поэтому, выведав от обер-гофповара, что придворный звездочет возвестил время, благоприятное для колки свиней, он задумал задать колбасный пир, вскочил в карету и самолично пригласил всех окрестных королев и принцев всего-навсего на тарелку супа, мечтая затем поразить их роскоше-

ством. Потом он очень ласково сказал своей супруге-королеве:

— Милочка, тебе ведь известно, какая колбаса мне по вкусу...

Королева уже знала, к чему он клонит речь: это означало, что она должна лично заняться весьма полезным делом — изготовлением колбас, — которым не брезговала и раньше. Главному казначею приказано было немедленно отправить на кухню большой золотой котел и серебряные кастрюли; печь растопили дровами сандалового дерева; королева повязала свой кухонный передник. И вскоре из котла потянуло вкусным духом колбасного навара. Приятный запах проник даже в государственный совет. Король, весь трепеща от восторга, не вытерпел.

— Прошу извинения, господа! — воскликнул он, побежал на кухню, обнял королеву, помешал немножко своим золотым скипетром в котле и, успокоенный, вернулся в государственный совет.

Наступил самый важный момент: пора было разрезать на ломтики сало и поджаривать его на золотых сковородах. Придворные дамы отошли в сторонку, потому что королева из преданности, любви и уважения к царственному супругу собиралась лично заняться этим делом. Но как только сало начало зарумяниваться, послышался тоненький, шепчущий голосок:

— Дай и мне отведать сальца, сестрица! И я хочу полакомиться — я ведь тоже королева. Дай и мне отведать сальца!

Королева отлично знала, что это говорит госпожа Мышильда. Мышильда уже много лет проживала в королевском дворце. Она утверждала, будто состоит в родстве с королевской фамилией и сама правит королевством Мышляндия, вот почему она и

держала под печкой большой двор. Королева была женщина добрая и щедрая. Хотя вообще она не почитала Мышильду особой царского рода и своей сестрой, но в такой торжественный день от всего сердца допустила ее на пиршество и крикнула:

— Вылезайте, госпожа Мышильда! Поешьте на здоровье сальца.

И Мышильда быстро и весело выпрыгнула из-под печки, вскочила на плиту и стала хватать изящными лапками один за другим кусочки сала, которые ей протягивала королева. Но тут нахлынули все кумовья и тетушки Мышильды и даже ее семь сыновей, отчаянные сорванцы. Они набросились на сало, и королева с перепугу не знала, как быть. К счастью, подросла обер-гофмейстерина и прогнала непрошенных гостей. Таким образом уцелело немного сала, которое, согласно указаниям призванного по этому случаю придворного математика, было весьма искусно распределено по всем колбасам.

Забили в литавры, затрубили в трубы. Все короли и принцы в великолепных праздничных одеяниях — одни на белых конях, другие в хрустальных каретах — потянулись на колбасный пир. Король встретил их с сердечной приветливостью и почетом, а затем, в короне и со скипетром, как и полагается государю, сел во главе стола. Уже когда подали ливерные колбасы, все заметили, как все больше и больше бледнел король, как он возводил очи к небу. Тихие вздохи вылетали из его груди; казалось, его душой овладела сильная скорбь. Но когда подали кровяную колбасу, он с громким рыданием и стонами откинулся на спинку кресла, обеими руками закрыв лицо. Все повскакали из-за стола. Лейб-медик тщетно пытался нащупать пульс

у злосчастливого короля, которого, казалось, снедала глубокая, непонятная тоска. Наконец после долгих уговоров, после применения сильных средств вроде жженных гусиных перьев и тому подобного король как будто начал приходить в себя. Он пролепетал едва слышно:

— Слишком мало сала!

Тогда неутешная королева бухнулась ему в ноги и простонала:

— О мой бедный, несчастный царственный супруг! О, какое горе пришлось вам вынести! Но взгляните: виновница у ваших ног — покарайте, строго покарайте меня! Ах, Мышильда со своими кумовьями, тетушками и семьей сыновьями съела сало, и...

С этими словами королева без чувств упала навзничь. Но король вскочил, пылая гневом, и громко крикнул:

— Обер-гофмейстерина, как это случилось?

Обер-гофмейстерина рассказала, что знала, и король решил отомстить Мышильде и ее роду за то, что они сожрали сало, предназначенное для его колбас.

Созвали тайный государственный совет. Решили возбудить процесс против Мышильды и отобрать в казну все ее владения. Но король полагал, что пока это не помешает Мышильде, когда ей вздумается, пожирать сало, и потому поручил все дело придворному часовых дел мастеру и чудодею. Этот человек, которого звали так же, как и меня, а именно Христиан-Элиас Дроссельмейер, обещал при помощи совершенно особых, исполненных государственной мудрости мер на веки вечные изгнать Мышильду со всей семьей из дворца.

И в самом деле, он изобрел весьма искусные машинки, в которых на ниточке было привязано

поджаренное сало, и расставил их вокруг жилища госпожи салоежки.

Сама Мышильда была слишком умудрена опытом, чтобы не понять хитрости Дроссельмейера, но ни ее предостережения, ни ее увещания не помогли: все семь сыновей и много-много Мышильдиных кумовьев и тетушек, привлеченные вкусным запахом жареного сала, забрались в дроссельмейеровские машинки и только хотели полакомиться салом, как их неожиданно прихлопнула опускающаяся дверца, а затем их предали на кухне позорной казни.

Мышильда с небольшой кучкой уцелевших родичей покинула эти места скорби и слез. Горе, отчаяние, жажда мести kloкотали у нее в груди.

Двор ликовал, но королева была встревожена: она знала Мышильдин нрав и отлично понимала, что та не оставит неотмщенной смерть сыновей и близких.

И в самом деле, Мышильда появилась как раз тогда, когда королева готовила для царственного супруга паштет из ливера, который он очень охотно ел, и сказала так:

— Мои сыновья, кумовья и тетушки убиты. Берегись, королева, как бы королева мышей не загрызла малютку принцессу! Берегись!

Затем она снова исчезла и больше не появлялась. Но королева с перепугу уронила паштет в огонь, и во второй раз Мышильда испортила любимое кушанье короля, на что он очень разгневался...

Ну, на сегодняшний вечер довольно. Остальное доскажу в следующий раз,— неожиданно закончил крестный.

Как ни просила Мари, на которую рассказ произвел особенное впечатление, крестного Дроссельмейера продолжать, он был неумолим и со словами:

«Слишком много сразу — вредно для здоровья. Продолжение завтра» — вскочил со стула.

В ту минуту, когда он собирался уже выйти за дверь, Фриц спросил:

— Скажи-ка, крестный, это на самом деле правда, что ты выдумал мышеловку?

— Что за вздор ты городишь, Фриц! — воскликнула мать.

Но старший советник суда очень странно улыбнулся и тихо сказал:

— А почему бы мне, искусному часовщику, не выдумать мышеловку?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ
О ТВЕРДОМ ОРЕХЕ

— Ну, дети, теперь вы знаете, — так продолжал на следующий вечер Дроссельмейер, — почему королева приказала столь бдительно стеречь красоточку принцессу Пирлипат. Как же было ей не бояться, что Мышильда выполнит свою угрозу — вернется и загрызет малютку принцессу! Машинка Дроссельмейера ничуть не помогала против умной и предусмотрительной Мышильды, а придворный звездочет, бывший одновременно и главным предсказателем, заявил, что только род кота Мура может отвадить Мышильду от колыбельки. Поэтому каждой няньке приказано было держать на коленях одного из сынов этого рода, которых, кстати сказать, пожаловали чином тайного советника посольства, и облегчать им бремя государственной службы учтивым почесыванием за ухом.

Как-то, уже в полночь, одна из двух нянюшек, которые сидели у самой колыбельки, вдруг очнулась, словно от глубокого сна. Все вокруг было охвачено сном. Никакого мурлыканья — глубокая, мертвая тишина, только слышно тиканье жучка-точильщика. Но что почувствовала нянька, когда прямо перед собой увидела большую противную мышь, которая поднялась на задние лапки и положила свою зловещую голову принцессе на лицо! Нянька вскочила с криком ужаса, все проснулись, но в тот же миг Мышильда — ведь большая мышь у колыбельки Пирлипат была она — быстро шмыгнула в угол комнаты. Советники посольства бросились вдогонку, но не тут-то было: она шмыгнула в щель в полу. Пирлипатхен проснулась от суматохи и очень жалобно заплакала.

— Слава Богу, — воскликнули нянюшки, — она жива!

Но как же они испугались, когда взглянули на Пирлипатхен и увидели, что случилось с хорошеньким нежным младенцем! На тщедушном, скорчившемся тельце вместо кудрявой головки румяного херувима сидела огромная бесформенная голова; голубые, как лазурь, глазки превратились в зеленые, тупо вытаращенные гляделки, а ротик растянулся до ушей.

Королева исходила слезами и рыданиями, а кабинет короля пришлось обить ватой, потому что король бился головой об стену и жалобным голосом причитал:

— Ах я несчастный монарх!

Теперь король, казалось, мог бы понять, что лучше было съесть колбасу без сала и оставить в покое Мышильду со всей ее запечной родней, но об этом отец принцессы Пирлипат не подумал — он просто-напросто свалил всю вину на придворного

часовщика и чудадея Христиана-Элиаса Дроссельмейера из Нюрнберга и отдал мудрый приказ: Дроссельмейер должен в течение месяца вернуть принцессе Пирлипат ее прежний облик или, по крайней мере, указать верное к тому средство — в противном случае он будет предан позорной смерти от руки палача.

Дроссельмейер не на шутку перепугался. Однако он положился на свое умение и счастье и тотчас же приступил к первой операции, которую почитал необходимой. Он очень ловко разобрал принцессу Пирлипат на части, вывинтил ручки и ножки и осмотрел внутреннее устройство, но, к сожалению, он убедился, что с возрастом принцесса будет все безобразнее, и не знал, как помочь беде. Он опять старательно собрал принцессу и впал в уныние около ее колыбели, от которой не смел отлучаться.

Шла уже четвертая неделя, наступила среда, и король, сверкая в гневе очами и потрясая скипетром, заглянул в детскую к Пирлипат и воскликнул:

— Христиан-Элиас Дроссельмейер, вылечи принцессу, не то тебе несдобровать!

Дроссельмейер принялся жалобно плакать, а принцесса Пирлипат тем временем весело щелкала орешки. Впервые часовых дел мастера и чудадея поразили ее необычайная любовь к орехам и то обстоятельство, что она появилась на свет уже с зубами. В самом деле, после превращения она кричала без умолку, пока ей случайно не попался орешек; она разгрызла его, съела ядрышко и сейчас же уgomонилась. С тех пор няньки то и дело унимали ее орехами.

— О святой инстинкт природы, неисповедимые симпатии и антипатии! — воскликнул Христиан-

Элиас Дроссельмейер.— Ты указуешь мне врата тайны. Я постучусь, и они откроются!

Он тотчас же испросил разрешения поговорить с придворным звездочетом и был отведен к нему под строгим караулом. Оба, заливаясь слезами, упали друг другу в объятия, так как были закадычными друзьями, затем удалились в потайной кабинет и принялись рыться в книгах, где говорилось об инстинкте, симпатиях и антипатиях и других таинственных явлениях.

Наступила ночь. Придворный звездочет поглядел на звезды и с помощью Дроссельмейера, великого искусника и в этом деле, составил гороскоп¹ принцессы Пирлипат. Сделать это было очень трудно, ибо линии запутывались все больше и больше, но — о радость! — наконец все стало ясно: чтобы избавиться от волшебства, которое ее изуродовало, и вернуть себе былую красоту, принцессе Пирлипат достаточно съесть ядрышко ореха Кракатук.

У ореха Кракатук была такая твердая скорлупа, что по нему могла проехаться сорокавосемифунтовая пушка и не раздавить его. Этот твердый орех должен был разгрызть и, зажмурившись, поднести принцессе человек, никогда еще не брившийся и не носивший сапог. Затем юноше следовало отступить на семь шагов, не споткнувшись, и только тогда открыть глаза.

Три дня и три ночи без устали работали Дроссельмейер со звездочетом, и как раз в субботу, когда король сидел за обедом, к нему ворвался радостный и веселый Дроссельмейер, которому в воскресенье утром должны были снести голову, и возвестил, что найдено средство вернуть принцессе

¹ Гороскоп — предсказание судьбы по звездам.

Пирлипат утраченную красоту. Король обнял его горячо и благосклонно и посулил ему бриллиантовую шпагу, четыре ордена и два новых праздничных кафтана.

— После обеда мы сейчас же и приступим, — любезно прибавил король. — Позаботьтесь, дорогой чудодей, чтобы небритый молодой человек в башмаках был под рукой и, как полагается, с орехом Кракатук. И не давайте ему вина, а то как бы он не споткнулся, когда, словно рак, будет пятиться семь шагов. Потом пусть пьет вволю!

Дроссельмейера напугала речь короля, и, смущаясь и робея, он пролепетал, что средство, правда, найдено, но что обоих — и орех, и молодого человека, который должен его разгрызть, — надо сперва отыскать, причем пока еще очень сомнительно, возможно ли найти орех и щелкунчика. В сильном гневе потряс король скипетром над венчанной главой и зарычал, как лев:

— Ну, так тебе снесут голову!

На счастье поверженного в страх и горе Дроссельмейера, как раз сегодня обед пришелся королю очень по вкусу, и поэтому он был расположен внимать разумным увещаниям, на которые не поскупилась великодушная королева, тронутая судьбой несчастного часовщика. Дроссельмейер приободрился и почтительно доложил королю, что, собственно, разрешил задачу — нашел средство к излечению принцессы и тем самым заслужил помилование. Король назвал это глупой отговоркой и пустой болтовней, но в конце концов, выпив стаканчик желудочной настойки, решил, что оба — часовщик и звездочет — тронутся в путь и не вернутся обратно, пока у них в кармане не будет ореха Кракатук. А человека, нужного для того, чтобы разгрызть орех, по совету королевы решили разо-

быть путем многократных объявлений в местных и заграничных газетах и ведомостях с приглашением явиться во дворец...

На этом крестный Дроссельмейер остановился и обещал досказать остальное в следующий вечер.

КОНЕЦ СКАЗКИ
О ТВЕРДОМ ОРЕХЕ

И в самом деле, на следующий день вечером, только зажгли свечи, явился крестный Дроссельмейер и так продолжал свой рассказ:

— Дроссельмейер и придворный звездочет странствовали уже пятнадцать лет и все еще не напали на след ореха Кракатук. Где они побывали, какие диковинные приключения испытали, не пересказать, детки, и за целый месяц. Этого я делать и не собираюсь, а прямо скажу вам, что, погруженный в глубокое уныние, Дроссельмейер сильно стосковался по родине, по милому своему Нюрнбергу. Особенно сильная тоска напала на него как-то раз в Азии, в дремучих джунглях, где он вместе со своим спутником присел выкурить трубочку табака.

— О дивный, дивный Нюрнберг мой, кто не знаком еще с тобой, пусть побывал он даже в Вене, в Париже и Петервардейне, душою будет он томиться, к тебе, о Нюрнберг, стремиться — чудесный городок, где в ряд красивые дома стоят...

Жалобные причитания Дроссельмейера вызвали глубокое сочувствие у звездочета, и он тоже разре-

велся так горько, что его слышно было на всю Азию. Но он взял себя в руки, вытер слезы и спросил:

— Досточтимый коллега, чего же мы здесь сидим и режем? Чего не идем в Нюрнберг? Не все ли равно, где и как искать злополучный орех Кракатук?

— И то правда,— ответил, сразу утешившись, Дроссельмейер.

Оба сейчас же встали, выколотили трубки и из джунглей в глубине Азии прямехонько отправились в Нюрнберг.

Как только они прибыли, Дроссельмейер сейчас же побежал к своему двоюродному брату — мастеру игрушек, резчику по дереву, лакировщику и позолотчику Кристофу-Захариусу Дроссельмейеру, с которым не виделся уже много-много лет. Ему-то и рассказал часовщик всю историю про принцессу Пирлипат, госпожу Мышильду и орех Кракатук, а тот то и дело всплескивал руками и несколько раз в удивлении воскликнул:

— Ах, братец, братец, ну и чудеса!

Дроссельмейер рассказал о приключениях на своем долгом пути, рассказал, как провел два года у Финикового короля, как обидел и выгнал его Миндальный принц, как тщетно запрашивал он Общество естествоиспытателей в Городе Белок,— короче говоря, как ему нигде не удалось напасть на след ореха Кракатук. Во время рассказа Кристоф-Захариус не раз прищелкивал пальцами, вертелся на одной ножке, причмокивал губами и приговаривал:

— Гм, гм! Эге! О! Вот так штука!

Наконец он подбросил к потолку колпак вместе с париком, горячо обнял двоюродного брата и воскликнул:

— Братец, братец, вы спасены, спасены, говорю я! Слушайте: или я жестоко ошибаюсь, или орех Кракатук у меня!

Он тотчас же принес шкатулочку, откуда вытащил позолоченный орех средней величины.

— Взгляните,— сказал он, показывая орех двоюродному брату,— взгляните на этот орех. История его такова. Много лет назад, в сочельник, пришел сюда неизвестный человек с полным мешком орехов, которые он принес на продажу. У самых дверей моей лавки с игрушками он поставил мешок наземь, чтоб легче было действовать, так как у него произошла стычка со здешним продавцом орехов, который не мог потерпеть у нас чужого торговца. И, как на грех, мешок переехала тяжело нагруженная фура. Все орехи были передавлены, за исключением одного, который чужеземец, странно улыбаясь, и предложил уступить мне за цванцигер 1720 года. Мне это показалось загадочным, но я нашел у себя в кармане как раз такую монетку, какую он просил, купил орех и позолотил его. Сам хорошенько не знаю, почему я так дорого заплатил за орех, а потом так берег его.

Всякое сомнение в том, что орех двоюродного брата — это действительно орех Кракатук, который они так долго искали, тут же рассеялось, когда подоспевший на зов придворный звездочет аккуратно соскоблил с ореха позолоту и отыскал на скорлупе слово «Кракатук», вырезанное китайскими письменами.

Радость путешественников была огромна, а двоюродный брат Дроссельмейера почел себя счастливейшим человеком в мире, когда Дроссельмейер уверил его, что счастье ему обеспечено, ибо отныне сверх значительной пенсии он будет получать золото для позолоты даром.

И чудодей и звездочет — оба уже нахлобучили ночные колпаки и собирались укладываться спать, как вдруг последний, то есть звездочет, повел такую речь:

— Дражайший коллега, счастье никогда не приходит одно. Поверьте, мы нашли не только орех Кракатук, но и молодого человека, который разгрызет его и преподнесет принцессе ядрышко — залог красоты. Я имею в виду не кого иного, как сына вашего двоюродного брата. Нет, я не лягу спать! — вдохновенно воскликнул он. — Я еще сегодня ночью составлю гороскоп юноши! — С этими словами он сорвал колпак с головы и тут же принялся наблюдать звезды.

Племянник Дроссельмейера был в самом деле пригожий, складный юноша, который еще ни разу не брился и не надевал сапог. В ранней молодости он, правда, изображал два Рождества кряду паяца; но этого ничуть не было заметно — так искусно был он воспитан стараниями отца. На святках он был в красивом красном, шитом золотом кафтане, при шпаге, держал под мышкой шляпу и носил превосходный парик с косичкой. В таком блестящем виде стоял он в лавке у отца и со свойственной ему галантностью щелкал барышням орешки, за что они и прозвали его Красавчик Щелкунчик.

Наутро восхищенный звездочет упал в объятия Дроссельмейера и воскликнул:

— Это он! Мы раздобыли его, он найден! Только, любезнейший коллега, не следует упускать из виду двух обстоятельств: во-первых, надо сплести вашему превосходному племяннику солидную деревянную косу, которая была бы соединена с нижней челюстью таким образом, чтобы ее можно было сильно оттянуть косою; затем по прибытии в столицу надо молчать о том, что мы привезли с

собой молодого человека, который разгрызет орех Кракатук,— лучше, чтобы он появился гораздо позже. Я прочел в гороскопе, что, после того как многие сломают себе на орехе зубы без всякого толку, король отдаст принцессу, а после смерти и королевство в награду тому, кто разгрызет орех и возвратит принцессе утраченную красоту.

Мастер игрушек был очень польщен, что его сыночку предстояло жениться на принцессе и самому сделаться принцем, а затем и королем, и потому он охотно доверил его звездочету и часовщику. Коса, которую Дроссельмейер приделал своему юному многообещающему племяннику, удалась на славу, так что тот блестяще выдержал испытание, раскусив самые твердые персиковые косточки.

Дроссельмейер и звездочет немедленно дали знать в столицу, что орех Кракатук найден, а там сейчас же опубликовали воззвание, и, когда прибыли наши путники с талисманом, восстанавливающим красоту, ко двору уже явилось много прекрасных юношей и даже принцев, которые, полагаясь на свои здоровые челюсти, хотели попытаться снять злые чары с принцессы.

Наши путники очень испугались, увидев принцессу. Маленькое туловище с тощими ручонками и ножками едва держало бесформенную голову. Лицо казалось еще уродливее из-за белой нитяной бороды, которой обросли рот и подбородок.

Все случилось так, как прочитал в гороскопе придворный звездочет. Молокососы в башмаках один за другим ломали себе зубы и раздирали челюсти, а принцессе ничуть не становилось легче; когда же затем их в полуобморочном состоянии уносили приглашенные на этот случай зубные врачи, они стонали:

— Поди-ка раскуси такой орех!

Наконец король в сокрушении сердечном обещал дочь и королевство тому, кто расколдует принцессу. Тут-то и вызвался наш учтивый и скромный молодой Дроссельмейер и попросил разрешения тоже попытать счастья.

Принцессе Пирлипат никто так не понравился, как молодой Дроссельмейер; она прижала ручки к сердцу и от глубины души вздохнула:

— Ах, если бы он разгрыз орех Кракатук и стал моим мужем!

Вежливо поклонившись королю и королеве, а затем принцессе Пирлипат, молодой Дроссельмейер принял из рук обер-церемониймейстера орех Кракатук, положил его без долгих разговоров в рот, сильно дернул себя за косу и — шелк-шелк! — разгрыз скорлупу на кусочки. Ловко очистил он ядрышко от приставшей кожуры и, зажмурившись, поднес, почтительно шаркнув ножкой, принцессе, затем начал пятиться. Принцесса тут же проглотила ядрышко, и — о чудо! — уродец исчез, а на его месте стояла прекрасная, как ангел, девушка, с лицом, словно сотканным из лилейно-белого и розового шелка, с глазами, сияющими, как лазурь, с вьющимися колечками золотыми волосами.

Трубы и литавры присоединились к громкому ликованию народа. Король и весь двор танцевали на одной ножке, как при рождении принцессы Пирлипат, а королеву пришлось опрыскивать одеколоном, так как от радости и восторга она упала в обморок.

Поднявшаяся суматоха порядком смутила молодого Дроссельмейера, которому предстояло еще пятиться положенных семь шагов. Все же он держался отлично и уже занес правую ногу для седьмого шага, но тут из подполья с отвратительным

писком и визгом вылезла Мышильда. Молодой Дроссельмейер, опустивший было ногу, наступил на нее и так споткнулся, что чуть не упал.

О злой рок! В один миг юноша стал так же безобразен, как до того принцесса Пирлипат. Туловище съежилось и едва выдерживало огромную бесформенную голову с большими вытаращенными глазами и широкой, безобразно разинутой пастью. Вместо косы сзади повис узкий деревянный плащ, при помощи которого можно было управлять нижней челюстью.

Часовщик и звездочет были вне себя от ужаса, однако они заметили, что Мышильда, вся в крови, извивается на полу. Ее злодейство не осталось безнаказанным: молодой Дроссельмейер крепко ударил ее по шее острым каблуком, и ей пришел конец.

Но Мышильда, охваченная предсмертными муками, жалобно пищала и визжала:

— О твердый, твердый Кракатук, мне не уйти от смертных мук!.. Хи-хи... Пи-пии... Знай, Щелкунчик-хитрец, и тебе придет конец. Мой сынок, Король Мышиный, не простит моей кончины, отомстит тебе за мать мышья рать. О жизнь, была ты светла, но смерть за мною пришла... Квик!

Пискнув в последний раз, Мышильда умерла, и королевский истопник унес ее прочь.

На молодого Дроссельмейера никто не обращал внимания. Однако принцесса напомнила отцу его обещание, и король тотчас же повелел подвести к Пирлипат юного героя. Но когда бедняга предстал перед ней во всем своем безобразии, принцесса закрыла лицо обеими руками и закричала:

— Вон, вон отсюда, противный Щелкунчик!

И сейчас же гофмаршал схватил его за узкие плечики и вытолкал за дверь.

Король распалился гневом, решив, что ему хо-

тели навязать в зятя Щелкунчика, во всем винил незадачливых часовщика и звездочета и на вечные времена изгнал обоих из столицы. Это не было предусмотрено гороскопом, составленным звездочетом в Нюрнберге, но он не преминул снова приступить к наблюдению за звездами и прочитал, что юный Дроссельмейер отменно будет вести себя в своем новом звании и, несмотря на все свое безобразие, сделается принцем и королем. Но его уродство исчезнет лишь в том случае, если семиголовый сын Мышильды, родившийся после смерти своих семи старших братьев и ставший Мышиным Королем, падет от руки Щелкунчика и если, несмотря на уродливую наружность, юного Дроссельмейера полюбит прекрасная дама...

Говорят, что и в самом деле на святках видели молодого Дроссельмейера в Нюрнберге в лавке его отца — хотя и в образе Щелкунчика, но все же в сане принца.

Вот вам, дети, сказка о твердом орехе. Теперь вы поняли, почему говорят: «Поди-ка раскуси такой орех!» — и почему щелкунчики столь безобразны...

Так закончил старший советник суда свой рассказ.

Мари решила, что Пирлипат — очень гадкая и неблагодарная принцесса, а Фриц уверял, что если Щелкунчик и вправду храбрец, он не станет особенно церемониться с Мышиным Королем и вернет себе былую красоту.

Кому из моих высокоуважаемых читателей или слушателей случилось порезаться стеклом, тот знает, как это больно и что это за скверная штука, так как рана заживает очень медленно. Мари пришлось провести в постели почти целую неделю, потому что при всякой попытке встать у нее кружилась голова. Все же в конце концов она совсем выздоровела и опять могла весело прыгать по комнате.

В стеклянном шкафу все блистало новизной — и деревья, и цветы, и дома, и по-праздничному расфуфыренные куклы, а главное, Мари нашла там своего милого Щелкунчика, который улыбался ей со второй полки, скаля два ряда целых зубов. Когда она, радуясь от всей души, глядела на своего любимца, у нее вдруг защемило сердце: а что, если все, что рассказал крестный, — история про Щелкунчика и про его распрю с Мышильдой и ее сыном, — что, если все это правда? Теперь она знала, что ее Щелкунчик — молодой Дроссельмейер из Нюрнберга, пригожий, но, к сожалению, заколдованный Мышильдой племянник крестного Дроссельмейера.

В том, что искусный часовщик при дворе отца принцессы Пирлипат был не кто иной, как старший советник суда Дроссельмейер, Мари ни минуты не сомневалась уже во время рассказа.

«Но почему же дядя не помог тебе, почему он не помог тебе?» — сокрушалась Мари, и в ней все сильнее крепло убеждение, что бой, при котором она присутствовала, шел за Щелкунчиково королевство и корону.

«Ведь все куклы подчинялись ему, ведь совершенно ясно, что сбылось предсказание придворного

звездочета и молодой Дроссельмейер стал королем в кукольном царстве».

Рассуждая так, умненькая Мари, наделившая Щелкунчика и его подданных жизнью и способностью двигаться, была убеждена, что они и в самом деле вот-вот оживут и зашевелиются. Но не тут-то было: в шкафу все стояло неподвижно по своим местам. Однако Мари и не думала отказываться от своего внутреннего убеждения — она просто решила, что всему причиной колдовство Мышильды и ее семиголового сына.

— Хотя вы и не в состоянии пошевелиться или вымолвить словечко, милый господин Дроссельмейер, — сказала она Щелкунчику, — все же я уверена, что вы меня слышите и знаете, как хорошо я к вам отношусь. Рассчитывайте на мою помощь, когда она вам понадобится. Во всяком случае, я попрошу дядю, чтобы он помог вам, если в том будет нужда, своим искусством!

Щелкунчик стоял спокойно и не трогался с места, но Мари почудилось, будто по стеклянному шкафу пронесся легкий вздох, отчего чуть слышно, но удивительно мелодично зазвенели стекла, и тоненький, звонкий, как колокольчик, голосок пропел:

— Мария, друг, хранитель мой! Не надо мук — я буду твой.

У Мари от страха по спине забегали мурашки, но, как ни странно, ей было почему-то очень приятно.

Наступили сумерки. В комнату вошли родители с крестным Дроссельмейером. Немного погодя Луиза подала чай, и вся семья, весело болтая, уехала за стол. Мари потихонечку принесла свое креслице и села у ног крестного. Улучив минутку, когда все замолчали, Мари посмотрела большими

голубыми глазами прямо в лицо старшему совету суда и сказала:

— Теперь, дорогой крестный, я знаю, что Щелкунчик — твой племянник, молодой Дроссельмейер из Нюрнберга. Он стал принцем или, вернее, королем: все так и случилось, как предсказал твой спутник, звездочет. Но ты ведь знаешь, что он объявил войну сыну госпожи Мышильды, уродливому Мышиному Королю. Почему ты ему не поможешь?

И Мари снова рассказала весь ход битвы, при которой присутствовала, и часто ее прерывал громкий смех матери и Луизы. Только Фриц и Дроссельмейер сохраняли серьезность.

— Откуда только девочка набралась такого вздору? — спросил советник медицины.

— Ну, — ответила мать, — у нее просто богатая фантазия. В сущности, это бред, порожденный сильной горячкой.

— Все это неправда, — сказал Фриц. — Мои гусары — не такие трусы, не то я бы им показал!

Но крестный, странно улыбаясь, посадил крошку Мари на колени и заговорил ласковее, чем обычно:

— Ах, милая Мари, тебе дано больше, чем мне и всем нам. Ты, как и Пирлипат, — прирожденная принцесса: ты правишь прекрасным, светлым царством. Но много придется тебе вытерпеть, если ты возьмешь под свою защиту бедного уродца Щелкунчика! Ведь Мышиный Король стережет его на всех путях и дорогах. Знай: не я, а ты, ты одна можешь спасти его. Будь стойкой и преданной.

Никто — ни Мари, ни остальные — не поняли, что подразумевал Дроссельмейер; а советнику медицины слова крестного показались такими странными, что он пощупал у него пульс и сказал:

— У вас, дорогой друг, сильный прилив крови к голове: я вам пропишу лекарство.

Только супруга советника медицины задумчиво покачала головой и заметила:

— Я догадываюсь, что имеет в виду господин Дроссельмейер, но выразить это словами не могу.

ПОБЕДА

Прошло немного времени, и как-то лунной ночью Мари разбудило странное постукивание, которое, казалось, шло из угла, словно там перебрасывали и катали камешки, а по временам слышался противный визг и писк.

— Ай, мыши, мыши, опять тут мыши! — в испуге закричала Мари и хотела уже разбудить мать, но слова застряли у нее в горле.

Она не могла даже шевельнуться, потому что увидела, как из дыры в стене с трудом вылез Мышиный Король и, сверкая глазами и коронами, принялся шмыгать по всей комнате; вдруг он одним прыжком вскочил на столик, стоявший у самой кровати Мари.

— Хи-хи-хи! Отдай мне все драже, весь марципан, глупышка, не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика! — пищал Мышиный Король и при этом противно скрипел и скрежетал зубами, а потом быстро скрылся в дырку в стене.

Мари так напугало появление страшного Мышиного Короля, что наутро она совсем осунулась и от волнения не могла вымолвить ни слова. Сто раз

собиралась она рассказать матери, Луизе или хотя бы Фрицу о том, что с ней приключилось, но думала: «Разве мне кто-нибудь поверит? Меня просто поднимут на смех».

Однако ей было совершенно ясно, что ради спасения Щелкунчика она должна будет отдать драже и марципан. Поэтому вечером она положила все свои конфеты на нижний выступ шкафа.

Наутро мать сказала:

— Не знаю, откуда взялись мыши у нас в гостиной. Взгляни-ка, Мари, они у тебя, бедняжки, все конфеты поели.

Так оно и было. Марципан с начинкой не понравился прожорливому Мышиному Королю, но он так обглодал его острыми зубками, что остатки пришлось выбросить. Мари нисколько не жалела о сладостях: в глубине души она радовалась, так как думала, что спасла Щелкунчика. Но что она почувствовала, когда на следующую ночь у нее над самым ухом раздался писк и визг! Ах, Мышиный Король был тут как тут, и еще отвратительнее, чем в прошлую ночь, сверкали у него глаза, и еще противнее пропищал он сквозь зубы:

— Отдай мне твоих сахарных куколок, глупышка, не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика!

И с этими словами страшный Мышиный Король исчез.

Мари была очень огорчена. На следующее утро она подошла к шкафу и печально поглядела на сахарных куколок. И горе ее было понятно! Ведь ты не поверишь, внимательная моя слушательница, какие расчудесные сахарные фигурки были у Мари Штальбаум: премиленькие пастушок с пастушкой пасли стадо белоснежных барашков, а рядом резвилась их собачка; тут же стояли два почтальона

с письмами в руках, и четыре очень миловидные пары — щеголеватые юноши и разряженные в пух и прах девушки — качались на русских качелях. Потом шли танцоры, а совсем в уголке стоял краснощекий младенец — любимец Мари... Слезы брызнули у нее из глаз.

— Ах, милый господин Дроссельмейер, — воскликнула она, обращаясь к Щелкунчику, — чего я только не сделаю, лишь бы спасти вам жизнь, но ах как это тяжело!

Однако у Щелкунчика был такой жалобный вид, что Мари, которой и без того чудилось, будто Мышиный Король разинул все свои семь пастей и хочет проглотить несчастного юношу, решила пожертвовать ради него всем.

Итак, вечером она поставила всех сахарных куколок на нижний выступ шкафа, куда до того клала сласти. Поцеловала пастуха, пастушку, овец; последним достала она из уголка своего любимца — краснощекого младенца — и поставила его позади всех других куколок.

— Нет, это уж слишком! — воскликнула на следующее утро госпожа Штальбаум. — Видно, в стеклянном шкафу хозяйничает большая, прожорливая мышь: у бедняжки Мари погрызены и обглоданы все хорошенькие сахарные куколки!

Мари, правда, не могла удержаться и заплакала, но скоро улыбнулась сквозь слезы, потому что подумала: «Что же делать, зато Щелкунчик цел!»

Вечером, когда мать рассказывала господину Дроссельмейеру про то, что натворила мышь в шкафу у детей, отец воскликнул:

— Что за гадость! Никак не удастся извести мерзкую мышь, которая хозяйничает в стеклянном шкафу и поедает у бедной Мари все сласти.

— Вот что,— весело сказал Фриц,— внизу, у булочника, есть прекрасный серый советник посольства. Я заберу его к нам наверх: он быстро покончит с этим делом и отгрызет мыши голову, будь то хоть сама Мышильда или ее сын, Мышинный Король.

— А заодно будет прыгать на столы и стулья и перебьет стаканы и чашки, и вообще с ним беды не оберешься! — смеясь, закончила мать.

— Да нет же! — возразил Фриц. — Этот советник посольства — ловкий малый. Мне бы хотелось так ходить по крыше, как он!

— Нет уж, пожалуйста, не нужно кота на ночь,— попросила Луиза, не терпевшая кошек.

— Собственно говоря, Фриц прав,— сказал отец. — А пока можно поставить мышеловку. Есть у нас мышеловки?

— Крестный сделает нам отличную мышеловку: ведь он же их изобрел! — закричал Фриц.

Все рассмеялись, а когда госпожа Штальбаум сказала, что в доме нет ни одной мышеловки, Дроссельмейер заявил, что у него их несколько, и действительно сейчас же велел принести из дому отличную мышеловку.

Сказка крестного о твердом орехе ожила для Фрица и Мари. Когда кухарка поджаривала сало, Мари бледнела и дрожала. Все еще поглощенная сказкой с ее чудесами, она как-то даже сказала кухарке Доре, своей давней знакомой:

— Ах, ваше величество королева, берегитесь Мышильды и ее родни!

А Фриц обнажил саблю и заявил:

— Пусть только придут, уж я им задам!

Но и под плитой, и на плите все было спокойно. Когда же старший советник суда привязал кусочек сала на тонкую ниточку и осторожно поставил

мышеловку к стеклянному шкафу, Фриц воскликнул:

— Берегись, крестный-часовщик, как бы Мышиный Король не сыграл с тобой злой шутки!

Ах, каково пришлось бедной Мари на следующую ночь! У нее по руке бегали ледяные лапки, и что-то шершавое и противное прикоснулось к щеке и запищало и завизжало прямо в ухо. На плече у нее сидел противный Мышиный Король; из семи его разверстых пастей текли кроваво-красные слюни, и, скрежеща зубами, он прошипел на ухо оцепеневшей от ужаса Мари:

— Я ускользну — я в щель шмыгну, под пол юркну, не трону сала, ты так и знай. Давай, давай картинки, платьице сюда, не то беда, предупреждаю: Щелкунчика поймаю и искусаю... Хи-хи!.. Пипи!.. Квик-квик!

Мари очень опечалилась, а когда наутро мать сказала: «А гадкая мышь все еще не попала!» — Мари побледнела и растерялась, а мама подумала, что девочка грустит о сладостях и боится мыши.

— Полно, успокойся, деточка,— сказала она,— мы прогоним гадкую мышь! Не помогут мышеловки — пускай тогда Фриц приносит своего серого советника посольства.

Как только Мари осталась в гостиной одна, она подошла к стеклянному шкафу и, рыдая, заговорила со Щелкунчиком:

— Ах, милый, добрый господин Дроссельмейер! Что могу сделать для вас я, бедная, несчастная девочка? Ну, отдам я на съедение противному Мышиному Королю все свои книжки с картинками, отдам даже красивое новое платьице... Но ведь он будет требовать с меня еще и еще, так что под

конец у меня ничего не останется, и он, пожалуй, захочет загрызть и меня вместо вас. Ах я бедная, бедная девочка! Ну что мне делать, что мне делать?!

Пока Мари так горевала и плакала, она заметила, что у Щелкунчика на шее с прошлой ночи осталось большое кровавое пятно. С тех пор как Мари узнала, что Щелкунчик на самом деле молодой Дроссельмейер, племянник советника суда, она перестала носить его и баюкать, перестала ласкать и целовать, и ей даже было как-то неловко слишком часто до него дотрагиваться, но на этот раз она бережно достала Щелкунчика с полки и принялась заботливо оттирать носовым платком кровавое пятно на шее. Но как оторопела она, когда вдруг ощутила, что дружок Щелкунчик у нее в руках потеплел и шевельнулся! Быстро поставила она его обратно на полку. Тут губы у него приоткрылись, и Щелкунчик с трудом прошептал:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, верная моя подруга, сколь многим я вам обязан! Нет, не приносите в жертву ради меня книжки с картинками, праздничное платье — раздобудьте мне саблю... Саблю! Об остальном позабочусь я сам, даже будь он...

Тут речь Щелкунчика прервалась, и его глаза, только что светившиеся глубокой печалью, снова померкли и потускнели. Мари ни капельки не испугалась, напротив — она запрыгала от радости. Теперь она знала, как спасти Щелкунчика, не принося дальнейших тяжелых жертв. Но где достать для человечка саблю?

Мари решила посоветоваться с Фрицем, и вечером, когда родители ушли в гости и они вдвоем сидели в гостиной у стеклянного шкафа, она рассказала брату все, что приключилось с ней из-за

Щелкунчика и Мышиного Короля и от чего теперь зависит спасение Щелкунчика.

Больше всего огорчило Фрица, что его гусары плохо вели себя во время боя, как это выходило по рассказу Мари. Он очень серьезно переспросил ее, так ли оно было на самом деле, и, когда Мари дала ему честное слово, Фриц быстро подошел к стеклянному шкафу, обратился к гусарам с грозной речью, а затем в наказание за себялюбие и трусость срезал у них у всех кокарды с шапок и запретил им в течение года играть лейб-гусарский марш. Покончив с наказанием гусар, он обратился к Мари:

— Я помогу Щелкунчику достать саблю: только вчера я уволил в отставку с пенсией старого полковника, и, значит, его прекрасная, острая сабля ему больше не нужна.

Упомянутый полковник проживал на выдаваемую ему Фрицем пенсию в дальнем углу, на третьей полке. Фриц достал его оттуда, отвязал и впрямь щегольскую серебряную саблю и надел ее Щелкунчику.

На следующую ночь Мари не могла сомкнуть глаз от тревоги и страха. В полночь ей послышалась в гостиной какая-то странная суматоха, звяканье и шорох. Вдруг раздалось: «Квик!»

— Мышиный Король! Мышиный Король! — крикнула Мари и в ужасе соскочила с кровати.

Все было тихо, но вскоре кто-то осторожно постучал в дверь, и послышался тоненький голосок:

— Бесценная мадемуазель Штальбаум, откройте дверь и ничего не бойтесь! Добрые, радостные вести.

Мари узнала голос молодого Дроссельмейера, накинула юбочку и быстро отворила дверь. На пороге стоял Щелкунчик с окровавленной саблей в правой руке, с зажженной восковой свечкой —

в левой. Увидев Мари, он тотчас же опустился на одно колено и заговорил так:

— О прекрасная дама! Вы одна вдохнули в меня рыцарскую отвагу и придали мощь моей руке, дабы я поразил дерзновенного, который посмел оскорбить вас. Коварный Мышиный Король повержен и купается в собственной крови! Соблаговолите милостиво принять трофеи из рук преданного вам до гробовой доски рыцаря.

С этими словами Щелкунчик очень ловко стряхнул семь золотых корон Мышиного Короля, которые он нанизал на левую руку, и подал Мари, принявшей их с радостью.

Щелкунчик встал и продолжал так:

— Ах, моя бесценнейшая мадемуазель Штальбаум! Какие диковинки мог бы я показать вам теперь, когда враг повержен, если бы вы соблаговолили пройти за мною хоть несколько шагов! О, сделайте, сделайте это, дорогая мадемуазель!

КУКОЛЬНОЕ ЦАРСТВО

Я думаю, дети, всякий из вас, ни минуты не колеблясь, последовал бы за честным, добрым Щелкунчиком, у которого не могло быть ничего дурного на уме. А уж Мари и подавно — ведь она знала, что вправе рассчитывать на величайшую благодарность со стороны Щелкунчика, и была убеждена, что он сдержит слово и покажет ей много диковинок. Вот потому она и сказала:

— Я пойду с вами, господин Дроссельмейер, но

только недалеко и ненадолго, так как я совсем еще не выпалась.

— Тогда,— ответил Щелкунчик,— я выберу кратчайшую, хотя и не совсем удобную дорогу.

Он пошел вперед. Мари — за ним. Остановились они в передней, у старого огромного платяного шкафа. Мари с удивлением заметила, что дверцы, обычно запертые на замок, распахнуты; ей хорошо было видно отцовскую дорожную лисью шубу, которая висела у самой дверцы. Щелкунчик очень ловко вскарабкался по выступу шкафа и схватил большую кисть, болтавшуюся на толстом шнуре сзади на шубе. Он изо всей силы дернул кисть, и тотчас из рукава шубы спустилась изящная лесенка кедрового дерева.

— Не угодно ли вам подняться, драгоценнейшая мадемуазель Мари? — спросил Щелкунчик.

Мари так и сделала. И не успела она подняться через рукав, не успела выглянуть из-за воротника, как ей навстречу засиял ослепительный свет, и она очутилась на прекрасном, благоуханном лугу, который весь искрился словно блестящими драгоценными камнями.

— Мы на Леденцовом лугу,— сказал Щелкунчик.— А сейчас пройдем в те ворота.

Только теперь, подняв глаза, заметила Мари красивые ворота, возвышавшиеся в нескольких шагах от нее посреди луга; казалось, что они сложены из белого и коричневого, испещренного крапинками мрамора. Когда же Мари подошла поближе, она увидела, что это не мрамор, а миндаль в сахаре и изюм, почему и ворота, под которыми они прошли, назывались, по уверению Щелкунчика, Миндально-Изюмными воротами. На боковой галерее этих ворот, по-видимому сделанной из ячменного сахара, шесть обезьянок в красных куртках

составили замечательный турецкий военный оркестр, который играл так хорошо, что Мари, сама того не замечая, шла все дальше и дальше по мраморным плитам, прекрасно сделанным из сахара, сваренного с пряностями.

Вскоре ее овеяли сладостные ароматы, которые струились из чудесной рощицы, раскинувшейся по обоим сторонам. Темная листва блестела и искрилась так ярко, что ясно были видны золотые и серебряные плоды, висевшие на разноцветных стеблях, и банты, и букеты цветов, украшавшие стволы и ветви, словно веселых жениха и невесту и свадебных гостей. При каждом дуновении зефира, напоенного благоуханием апельсинов, в ветвях и листве поднимался шелест, а золотая мишура хрустела и трещала, словно ликующая музыка, которая увлекала сверкающие огоньки, и они плясали и прыгали.

— Ах, как здесь чудесно! — воскликнула восхищенная Мари.

— Мы в Рождественском лесу, любезная мадемуазель, — сказал Щелкунчик.

— Ах, как бы мне хотелось побыть здесь! Тут так чудесно! — снова воскликнула Мари.

Щелкунчик ударил в ладоши, и тотчас же явились крошечные пастухи и пастушки, охотники и охотницы, такие нежные и белые, что можно было подумать, будто они из чистого сахара. Хотя они и гуляли по лесу, Мари их раньше почему-то не заметила. Они принесли чудо какое хорошенькое золотое кресло, положили на него белую подушку из пастилы и очень любезно пригласили Мари сесть. И сейчас же пастухи и пастушки исполнили прелестный балет, а охотники тем временем весьма искусно трубили в рога. Затем все скрылись в кустарнике.

— Простите, дорогая мадемуазель Штальба-

ум,— сказал Щелкунчик,— простите за такие жалкие танцы. Но это танцоры из нашего кукольного балета — они только и знают, что повторять одно и то же. А теперь не угодно ли вам пожаловать дальше?

— Да что вы, балет был просто прелесть какой и мне очень понравился! — сказала Мари, вставая и следуя за Щелкунчиком.

Они шли вдоль ручья, бегущего с нежным журчанием и лепетом и наполнявшего своим чудным благоуханием весь лес.

— Это Апельсинный ручей,— ответил Щелкунчик на расспросы Мари,— но, если не считать его прекрасного аромата, он не может сравниться ни по величине, ни по красоте с Лимонадной рекой, которая, подобно ему, вливается в озеро Миндального Молока.

И в самом деле, вскоре Мари услышала более громкий плеск и журчание и увидела широкий лимонадный поток, который катил свои гордые светло-желтые волны среди сверкающих, как изумруды, кустов. Необыкновенно бодрящей прохладой, услаждающей грудь и сердце, веяло от прекрасных вод. Неподалеку медленно текла темно-желтая река, распространявшая необычайно сладкое благоухание, а на берегу сидели красивые дети, которые удили маленьких толстых рыбок и тут же поедали их. Подойдя ближе, Мари заметила, что рыбки были похожи на ломбардские орехи. Немножко подальше на берегу раскинулась очаровательная деревушка. Дома, церковь, дом пастора, амбары были темно-коричневые, с золотыми кровлями, а многие стены были расписаны так пестро, словно на них налепили миндалины и лимонные цукаты.

— Это село Пряничное,— сказал Щелкунчик,— расположенное на берегу Медовой реки.

Народ в нем живет красивый, но очень сердитый, так как все там страдают зубной болью. Лучше мы туда не пойдем.

В то же мгновение Мари заметила красивый городок, в котором все дома сплошь были пестрые и прозрачные. Щелкунчик направился прямо туда, и вот Мари услышала беспорядочный веселый гомон и увидела тысячу хорошеньких человечков, которые разбирали доверху нагруженные телеги, теснившиеся на базаре. А то, что они доставали, напоминало пестрые разноцветные бумажки и плитки шоколада.

— Мы в Конфетенхаузене, — сказал Щелкунчик. — Сейчас как раз прибыли посланцы из Бумажного королевства и от Шоколадного короля. Не так давно бедным конфетенхаузенцам угрожала армия комариного адмирала, поэтому они покрывают свои дома дарами Бумажного государства и возводят укрепления из прочных плит, присланных Шоколадным королем. Но, бесценная мадемуазель Штальбаум, мы не можем посетить все городки и деревушки страны — в столицу, в столицу!

Щелкунчик заторопился дальше, а Мари, сгорая от нетерпения, не отставала от него. Вскоре повеяло дивным благоуханием роз, и все словно озарилось нежно мерцающим розовым сиянием. Мари заметила, что это был отблеск розово-алых вод, со сладостно-мелодичным звуком плескавшихся и журчавших у ее ног. Волны все прибывали и прибывали и наконец превратились в большое прекрасное озеро, по которому плавали чудесные серебристо-белые лебеди с золотыми ленточками на шее и пели прекрасные песни, а бриллиантовые рыбки, словно в веселой пляске, ныряли и кувыркались в розовых волнах.

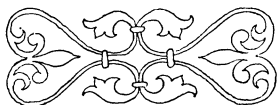
— Ах, — в восторге воскликнула Мари, — да

ведь это же то самое озеро, какое пообещал мне сделать крестный! А я — та самая девочка, которая должна была забавляться с миленькими лебедями.

Щелкунчик улыбнулся так насмешливо, как еще ни разу не улыбался, а потом сказал:

— Дяде никогда не смастерить ничего подобного. Скорее вы, милая мадемуазель Штальбаум... Но стоит ли над этим раздумывать! Лучше переправимся по Розовому озеру на ту сторону, в столицу.

СТОЛИЦА

Щелкунчик снова захлопал в ладоши. Розовое озеро зашумело сильнее, выше заходили волны, и Мари заметила вдали двух золотых дельфинов, впряженных в раковину, сиявшую яркими, как солнце, драгоценными камнями. Двенадцать очаровательных арапчат в шапочках и передниках, сотканных из радужных перышек колибри, соскочили на берег и, легко скользя по волнам, перенесли сначала Мари, а потом Щелкунчика в раковину, которая сейчас же понеслась по озеру.

Ах, как чудно было плыть в раковине, овеваемой благоуханием роз, омываемой розовыми волнами! Золотые дельфины подняли морды и принялись выбрасывать хрустальные струи высоко вверх, а когда эти струи ниспадали с вышины сверкающими и искрящимися дугами, чудилось, будто поют два прелестных, нежно-серебристых голоса:

— Кто озером плывет? Фея вод! Комарики, дуду-дуду! Рыбки, плеск-плеск! Лебеди, блеск-блеск! Чудо-птичка, тра-ла-ла! Волны, пойте, вея, млея, —

к нам плывет по розам фея; струйка резвая, взметнись — к солнцу, ввысь!

Но двенадцати арапчатам, вскочившим сзади в раковину, видимо, совсем не нравилось пение водных струй. Они так трясли своими зонтиками, что листья финиковых пальм, из которых были сплетены зонтики, мялись и гнулись, а арапчата отбивали ногами какой-то неведомый такт и пели:

— Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп! Мы по водам хороводом! Птички, рыбки — на прогулку, вслед за раковиной гулкой! Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп!

— Арапчата очень веселый народ, — сказал несколько смущенный Щелкунчик, — но как бы они не взбаламутили мне все озеро!

И правда, вскоре раздался громкий гул, удивительные голоса, казалось, плыли над озером. Но Мари не обращала на них внимания, она смотрела в благоуханные волны, откуда ей улыбались прелестные девичьи лица.

— Ах, — радостно закричала она, хлопая в ладоши, — поглядите-ка, милый господин Дроссельмейер: там принцесса Пирлипат! Она так ласково мне улыбается... Да поглядите же, милый господин Дроссельмейер!

Но Щелкунчик печально вздохнул и сказал:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, это не принцесса Пирлипат, это вы. Только вы сами, только ваше собственное личико ласково улыбается из каждой волны.

Тогда Мари быстро отвернулась, крепко зажмурила глаза и совсем сконфузилась. В то же мгновение двенадцать арапчат подхватили ее и отнесли из раковины на берег. Она очутилась в небольшом лесочке, который был, пожалуй, еще прекраснее, чем Рождественский лес, — так все тут сияло и

 искрилось; особенно замечательны были редкостные плоды, висевшие на деревьях, редкостные не только по окраске, но и по дивному благоуханию.

— Мы в Цукатной роще,— сказал Щелкунчик,— а вон там — столица.

Ах, что же увидела Мари! Как мне описать вам, дети, красоту и великолепие представшего перед глазами Мари города, который широко раскинулся на усеянной цветами роскошной поляне? Он блистал не только радужными красками стен и башен, но и причудливой формой строений, совсем не похожих на обычные дома. Вместо крыш их осеняли искусно сплетенные венки, а башни были увиты такими прелестными пестрыми гирляндами, что и представить себе нельзя.

Когда Мари и Щелкунчик проходили через ворота, которые, казалось, были сооружены из миндального печенья и цукатов, серебряные солдатики взяли на караул, а человечек в парчовом халате обнял Щелкунчика со словами:

— Добро пожаловать, любезный принц! Добро пожаловать в Конфетенбург!

Мари очень удивилась, что такой знатный вельможа называет господина Дроссельмейера принцем. Но тут до них донесся гомон тоненьких голосков, шумно перебывавших друг друга, долетели звуки ликования и смеха, пение и музыка, и Мари, позабыв обо всем, сейчас же спросила Щелкунчика, что это.

— О любезная мадемуазель Штальбаум,— ответил Щелкунчик,— дивиться тут нечему: Конфетенбург — многолюдный, веселый город, тут каждый день веселье и шум. Будьте любезны, пойдете дальше.

Через несколько шагов они очутились на боль-

шой, удивительно красивой базарной площади. Все дома были украшены сахарными галереями ажурной работы. Посередине, как обелиск, возвышался сладкий пирог, обсыпанный сахаром, а вокруг из четырех искусно сделанных фонтанов били вверх струи лимонада и других вкусных прохладительных напитков. Бассейн был полон сбитых сливок, которые так и хотелось зачерпнуть ложкой. Но лучше всего были очаровательные человечки, во множестве толпившиеся тут. Они веселились, смеялись, шутили и пели; это их веселый гомон Мари слышала еще издали. Тут были нарядно разодетые кавалеры и дамы, армяне и греки, евреи и тирольцы, офицеры и солдаты, и монахи, и пастухи, и паяцы — словом, всякий люд, какой только встречается на белом свете.

В одном месте на углу поднялся страшный гвалт: народ кинулся врассыпную, потому что как раз в это время проносили в паланкине Великого Могола¹, сопровождаемого девяноста тремя вельможами и семьястами невольниками. Но надо же было случиться, что на другом углу цех рыбаков, в количестве пятисот человек, устроил торжественное шествие, а, на беду, турецкому султану как раз вздумалось проехаться в сопровождении трех тысяч янычар² по базару; к тому же прямо на сладкий пирог надвигалась со звонкой музыкой и пением «Слава могучему солнцу, слава!» процессия прерванного торжественного жертвоприношения. Ну и поднялась же суматоха, толкотня и визг! Вскоре послышались стоны, так как в суматохе какой-то рыбак сшиб голову брамину³, а Великого Могола

¹ Великий Могол — индийский правитель, падишах.

² Янычары — турецкая пехота.

³ Брамин — индийский жрец.

чуть было не задавил паяц. Шум становился все бешеней и бешеней, уже началась толкотня и драка, но тут человек в парчовом халате, тот самый, что у ворот приветствовал Щелкунчика в качестве принца, взобрался на пирог и, трижды дернув звонкий колокольчик, трижды громко крикнул: «Кондитер! Кондитер! Кондитер!» Сутолока мигом улеглась; всякий спасался, как мог, и, после того как распутались спутавшиеся шествия, когда вычистили перепачкавшегося Великого Могола и снова насадили голову брамину, опять пошло шумное веселье.

— В чем тут дело с кондитером, любезный господин Дроссельмейер? — спросила Мари.

— Ах, бесценная мадемуазель Штальбаум, кондитером здесь называют неведомую, но очень страшную силу, которая, по здешнему поверью, может сделать с человеком все, что ей вздумается, — ответил Щелкунчик. — Это тот рок, который властвует над этим веселым народцем, и жители так его боятся, что одним упоминанием его имени можно уговорить самую большую сутолоку, как это сейчас доказал господин бургомистр. Тогда никто уже не помышляет о земном, о тумакх и шишках на лбу, всякий погружается в себя и говорит: «Что есть человек и во что он может превратиться?»

Громкий крик удивления — нет, крик восторга вырвался у Мари, когда она вдруг очутилась перед замком с сотней воздушных башенок, светившимся розово-алым сиянием. Там и сям по стенам были рассыпаны роскошные букеты фиалок, нарциссов, тюльпанов, левкоев, которые оттеняли ослепительную, отливающую алым светом белизну фона. Большой купол центрального здания и остроконечные крыши башен были усеяны тысячами звездочек, сверкающих золотом и серебром.

— Вот мы и в Марципановом замке,— сказал Щелкунчик.

Мари не отрывала глаз от волшебного дворца, но все же она заметила, что на одной большой башне не хватало крыши, над восстановлением которой, по-видимому, трудились человечки, стоявшие на помосте из корицы. Не успела она задать вопрос Щелкунчику, как он сказал:

— Совсем недавно замку грозила большая беда, а может быть, и полное разорение. Великан Сладкоежка проходил мимо. Быстро откусил он крышу вон с той башни и принялся уже за большой купол, но жители Конфетенбурга умилиствовали его, поднеся в виде выкупа четверть города и значительную часть Цукатной рощи. Он закусил ими и отправился дальше.

Вдруг тихо зазвучала очень приятная, нежная музыка. Ворота замка распахнулись, и оттуда вышли двенадцать крошек пажей с зажженными факелами из стеблей гвоздики в руках. Головы у них были из жемчужин, туловища — из рубинов и изумрудов, а передвигались они на золотых ножках искусной работы. За ними следовали четыре дамы почти такого же роста, как Клерхен, в необыкновенно роскошных и блестящих нарядах; Мари мигом признала в них прирожденных принцесс. Они нежно обняли Щелкунчика и при этом воскликнули с искренней радостью:

— О принц, дорогой принц! Дорогой братец!

Щелкунчик совсем растрогался: он утирал часто набегавшие на глаза слезы, затем взял Мари за руку и торжественно объявил:

— Вот мадемуазель Мари Штальбаум, дочь весьма достойного советника медицины и моя спасительница. Не брось она в нужную минуту башмачок, не добудь она мне саблю вышедшего на пенсию

полковника, меня загрыз бы противный Мышиный Король, и я лежал бы уже в могиле. О мадемуазель Штальбаум! Может ли сравниться с ней красотой, достоинством и добродетелью Пирлипат, несмотря на то что та — прирожденная принцесса? Нет, говорю я, нет!

Все дамы воскликнули: «Нет!» — и, рыдая, принялись обнимать Мари:

— О благородная спасительница нашего возлюбленного царственного брата! О несравненная мадемуазель Штальбаум!

Затем дамы отвели Мари и Щелкунчика в покои замка, в зал, стены которого сплошь были сделаны из переливающегося всеми цветами радуги хрустала. Но что понравилось Мари больше всего — это расставленные там хорошенькие стульчики, комодики, письменные столики.

Принцессы уговорили Мари и Щелкунчика присесть и сказали, что они собственноручно приготовят им угощение. Они тут же достали разные горшочки и мисочки из тончайшего японского фарфора, ложки, ножи, вилки, терки, кастрюльки и прочую золотую и серебряную кухонную утварь. Затем они принесли такие чудесные плоды и сласти, каких Мари и не видывала, и очень грациозно принялись выжимать белоснежными ручками фруктовый сок, толочь пряности, тереть сладкий миндаль — словом, принялись так славно хозяйничать, что Мари поняла, какие они искусницы в кулинарном деле и какое роскошное угощение ожидает ее. Прекрасно сознавая, что тоже кое-что в этом понимает, Мари втайне желала сама принять участие в занятии принцесс. Самая красивая из сестер Щелкунчика, словно угадав тайное желание Мари, протянула ей маленькую золотую ступку и сказала:

— Милая моя подружка, бесценная спасительница брата, потолки немножко карамелек.

Пока Мари весело стучала пестиком, так что ступка звенела мелодично и приятно, не хуже прелестной песенки, Щелкунчик начал подробно рассказывать о страшной битве с полчищами Мышиного Короля, о том, как он потерпел поражение из-за трусости своих войск, как потом Мышиный Король во что бы то ни стало хотел загрызть его, как Мари пришлось пожертвовать многими ее подданными, которые были у нее на службе...

Во время рассказа Мари чудилось, будто слова Щелкунчика и даже ее собственные удары пестиком звучат все глуше, все невнятнее, и вскоре глаза ей застлала серебряная пелена — словно поднялись легкие клубы тумана, в которые погрузились принцессы... пажи... Щелкунчик... она сама... Где-то что-то шелестело, журчало и пело; странные звуки растворялись вдали. Вздыхающиеся волны несли Мари все выше и выше... выше и выше... выше и выше...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Та-ра-ра-бух! — и Мари упала с невероятной высоты. Вот это был полет! Но Мари тут же открыла глаза. Она лежала у себя в постельке. Было совсем светло, а рядом стояла мама и говорила:

— Ну можно ли так долго спать! Завтрак давно на столе.

Мои глубокоуважаемые слушатели, вы, конечно, уже поняли, что Мари, ошеломленная всеми виденными чудесами, в конце концов заснула в зале Марципанового замка и что арапчата или пажи, а может быть, и сами принцессы отнесли ее домой и уложили в постельку.

— Ах, мамочка, милая моя мамочка, где только я не побывала этой ночью с молодым господином Дроссельмейером! Каких только чудес не насмотрелась!

И она рассказала все почти так же подробно, как только что рассказал я, а мама слушала и удивлялась.

Когда Мари окончила, мать сказала:

— Тебе, милая Мари, приснился длинный прекрасный сон. Но выкинь все это из головы.

Мари упрямо твердила, что видела все не во сне, а наяву. Тогда мать подвела ее к стеклянному шкафу, вынула Щелкунчика, который, как всегда, стоял на второй полке, и сказала:

— Ах ты глупышка, откуда ты взяла, что деревянная нюрнбергская кукла может жить и двигаться?..

— Но, мамочка,— перебила ее Мари,— я ведь знаю, что крошка Щелкунчик — молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, племянник крестного!

Тут оба — и папа и мама — громко расхохотались.

— Ах,— чуть не плача, продолжала Мари,— теперь ты, папочка, смеешься над моим Щелкунчиком, а он так хорошо отзывался о тебе! Когда мы пришли в Марципановый замок, он представил меня принцессам — своим сестрам и сказал, что ты весьма достойный советник медицины!

Хохот только усилился, и теперь к родителям

присоединились Луиза и даже Фриц. Тогда Мари побежала в другую комнату, быстро достала из своей шкатулки семь корон Мышиного Короля и подала их матери со словами:

— Вот, мамочка, посмотри: вот семь корон Мышиного Короля, которые прошлой ночью поднес мне в знак своей победы молодой господин Дроссельмейер!

Мама с удивлением разглядывала крошечные коронки из какого-то незнакомого, очень блестящего металла и такой тонкой работы, что едва ли это могло быть делом рук человеческих. Господин Штальбаум тоже не мог насмотреться на коронки. Затем и отец и мать строго потребовали, чтобы Мари призналась, откуда у нее коронки, но она стояла на своем.

Когда отец стал ее журить и даже обозвал лгуней, она горько разрыдалась и только жалобно приговаривала:

— Ах я бедная, бедная! Ну что мне делать?

Но тут открылась дверь и вошел крестный.

— Что случилось? Что случилось? — спросил он. — Моя крестница Марихен плачет и рыдает? Что случилось? Что случилось?

Папа рассказал ему, что случилось, и показал крошечные короны. Старший советник суда, как только увидел их, рассмеялся и воскликнул:

— Глупые выдумки, глупые выдумки! Да ведь это же коронки, которые я когда-то носил на цепочке от часов, а потом подарил Марихен в день ее рождения, когда ей минуло два года! Разве вы позабыли?

Ни отец, ни мать не могли этого припомнить...

Когда Мари убедилась, что лица у родителей опять стали ласковыми, она подскочила к крестному и воскликнула:

— Крестный, ведь ты же все знаешь! Скажи, что мой Щелкунчик — твой племянник, молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, и что он подарил мне эти крошечные короны.

Крестный нахмурился и пробормотал:

— Глупые выдумки!

Тогда отец отвел маленькую Мари в сторону и сказал очень строго:

— Послушай, Мари, оставь раз навсегда выдумки и глупые шутки! И если ты еще раз скажешь, что уродец Щелкунчик — племянник твоего крестного, я выброшу за окно не только Щелкунчика, но и всех остальных кукол, не исключая и мамзель Клерхен.

Теперь бедняжка Мари, разумеется, не смела и заикнуться о том, что переполняло ее сердце: ведь вы понимаете, что не так-то легко было Мари забыть все прекрасные чудеса, приключившиеся с ней. Даже, уважаемый читатель или слушатель Фриц, даже твой товарищ Штальбаум сейчас же поворачивался спиной к сестре, как только она собиралась рассказать о чудесной стране, где ей было так хорошо. Говорят, что порой он даже бормотал сквозь зубы: «Глупая девчонка!» Но, издавна зная его добрый нрав, я никак не могу этому поверить; во всяком случае, доподлинно известно, что, не веря больше ни слову в рассказах Мари, он на публичном параде формально извинился перед своими гусарами за причиненную обиду, приколол им вместо утраченных знаков отличия еще более высокие и пышные султаны из гусиных перьев и снова разрешил трубить лейб-гусарский марш. Ну, а мы-то знаем, какова была отвага гусар, когда отвратительные пули насажали им на красные мундиры пятна.

Говорить о своем приключении Мари больше не

смела, но волшебные образы сказочной страны не оставляли ее. Она слышала нежный шелест, ласковые, чарующие звуки; она видела все снова, как только начинала об этом думать, и, вместо того чтобы играть, как бывало раньше, могла часами сидеть смирно и тихо, уйдя в себя,— вот почему все теперь звали ее маленькой мечтательницей.

Раз как-то случилось, что крестный чинил часы у Штальбаумов. Мари сидела около стеклянного шкафа и, грезя наяву, глядела на Щелкунчика. И вдруг у нее вырвалось:

— Ах, милый господин Дроссельмейер, если бы вы на самом деле жили, я не отвергла бы вас, как принцесса Пирлипат, за то, что из-за меня вы потеряли свою красоту!

Советник суда тут же крикнул:

— Ну, ну, глупые выдумки!

Но в то же мгновение раздался такой грохот и треск, что Мари без чувств свалилась со стула. Когда она очнулась, мать хлопотала около нее и говорила:

— Ну можно ли падать со стула? Такая большая девочка! Из Нюрнберга сейчас приехал племянник господина старшего советника суда, будь умницей.

Она подняла глаза: крестный снова нацепил свой стеклянный парик, надел желтый кафтан и довольно улыбался, а за руку он держал, правда, маленького, но очень складного молодого человека, белого и румяного, в великолепном красном, шитом золотом камзоле, в туфлях и белых шелковых чулках. К его жабо был приколот хорошенький букетик, волосы были тщательно завиты и напудрены, а вдоль спины спускалась превосходная коса. Крошечная шпага у него на боку так и сверкала, словно

вся усеянная драгоценными камнями, под мышкой он держал шелковую шляпу.

Молодой человек проявил свой приятный нрав и благовоспитанность, подарив Мари целую кучу чудесных игрушек и прежде всего вкусный марципан и куколок взамен тех, что погрыз Мышиный Король, а Фрицу — замечательную саблю. За столом любезный юноша щелкал всей компании орешки. Самые твердые были ему нипочем; правой рукой он совал их в рот, левой дергал себя за косу, и — щелк! — скорлупа разлеталась на мелкие кусочки.

Мари вся зарделась, когда увидела учтивого юношу, а когда после обеда молодой Дроссельмейер предложил ей пройти в гостиную, к стеклянному шкафу, она стала пунцовой.

— Ступайте, ступайте играть, дети, только смотрите не ссорьтесь. Теперь, когда все часы у меня в порядке, я ничего не имею против! — напутствовал их старший советник суда.

Как только молодой Дроссельмейер очутился наедине с Мари, он опустил на одно колено и повел такую речь:

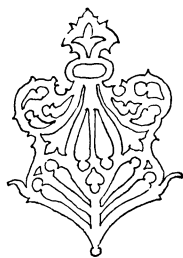
— О бесценная мадемуазель Штальбаум, взгляните: у ваших ног — счастливый Дроссельмейер, которому на этом самом месте вы спасли жизнь. Вы изволили вымолвить, что не отвергли бы меня, как гадкая принцесса Пирлипат, если бы из-за вас я стал уродом. Тотчас же я перестал быть жалким Щелкунчиком и обрел мою былую, не лишённую приятности наружность. О превосходная мадемуазель Штальбаум, осчастливьте меня, скажите, что я достоин вашей руки! Разделите со мной корону и трон, будем царствовать вместе в Марципановом замке.

Мари подняла юношу с колен и тихо сказала:

— Милый господин Дроссельмейер! Вы кроткий, добросердечный человек, да к тому же еще царствуете в прекрасной стране, населенной прелестным веселым народцем, — ну разве могу я не согласиться, чтобы вы были моим женихом!

И Мари тут же стала невестой Дроссельмейера. Рассказывают, что через год он увез ее в золотой карете, запряженной серебряными лошадьми, что на свадьбе у них плясали двадцать две тысячи нарядных кукол, сверкающих бриллиантами и жемчугом, а Мари, как говорят, еще и поныне королева в стране, где, если только у тебя есть глаза, ты всюду увидишь сверкающие цукатные рощи, прозрачные марципановые замки — словом, всякие чудеса и диковинки.

Вот вам сказка про Щелкунчика и Мышиного Короля.

Вильгельм Гауф

КАЛИФ-АИСТ

I

БЫЛО это давным-давно, в незапамятные времена, в далеком городе Багдаде.

Однажды, в прекрасное послеобеденное время, калиф багдадский Хасид предавался отдыху. Он даже успел немного вздремнуть, утомленный дневным зноем, и теперь был в самом лучшем расположении духа. Полеживая на диване, он курил длинную трубку розового дерева и попивал кофе из чашечки китайского фарфора. Кофе был отличный, и после каждого глотка калиф от удовольствия поглаживал бороду. Словом, он был, что называется, наверху блаженства. В такой час ему что хочешь говори, о чем хочешь проси — калиф все выслушает благосклонно и ни на что не разгневается.

Это отлично знал великий визирь калифа — Мансор. Поэтому он всегда являлся к калифу

со всеми делами и просьбами в час его послеобеденного отдыха.

Так было и в тот день, о котором идет речь. Визирь пришел в свое урочное время, но только на этот раз он не стал просить за виновных, не стал жаловаться на правых, а низко поклонился калифу и молча отошел в сторону.

Калиф очень удивился. Он выпустил изо рта трубку и сказал:

— Чем озабочен ты, великий визирь? Почему на лице твоём такая печаль?

Визирь скрестил руки на груди и, низко поклонившись своему повелителю, сказал:

— Великий государь! Я не знаю, печально ли мое лицо или нет, но хорошо знаю, что у ворот дворца стоит бродячий торговец со всякими диковинными товарами. И еще знаю, что я не могу купить у него даже самую ничтожную безделицу, потому что мне нечем за нее заплатить.

Но даром о калифе шла слава, что, пока в чашке у него есть кофе, а в трубке табак, милости его нет конца.

Тотчас кликнул он раба и приказал привести торговца в свои покои.

Торговец пришел. Это был маленький тучный человечек, одетый в рваное тряпье, с тяжелым сундуком за плечами. Торговец поставил сундук у ног калифа и открыл крышку. Великий аллах! Чего только тут не было! И ожерелья из жемчуга, и самоцветные перстни, и оружие в серебряной оправе, и золотые кубки, и роговые гребни.

Калиф и визирь все пересмотрели, все перетрогали, а потом калиф выбрал себе и визирю по красивому кинжалу, а для жены визиря — гребень, разукрашенный сверкающими камнями.

О цене он даже не стал спрашивать, а просто

велел насыпать торговцу полный кошель золота.

Торговец хотел было уже укладывать свои товары в сундук, как вдруг калиф увидел маленькую коробочку вроде табакерки.

— А это что такое? — спросил калиф. — Покажи-ка!

Почтительно склонившись, торговец протянул коробочку. С виду в ней не было ничего примечательного, но когда калиф открыл ее, он увидел, что коробочка до краев полна каким-то черным порошком, а сверху лежит пожелтевший клочок пергамента, весь испещренный непонятными знаками.

— Скажи мне, что тут написано? — спросил калиф.

— Да простит меня великий повелитель, но этого никто не знает, — сказал разносчик. — Много лет тому назад один богатый купец дал мне эту коробочку, а сам он нашел ее на улице священного города Мекки. Если господин пожелает, я готов отдать эту безделицу даром, ибо какая же ей цена, если никто не знает, на что она годится.

Калиф был большой любитель всяких редкостей, даже тех, в которых ничего не понимал. Поэтому он взял коробочку, а разносчику прибавил еще десять золотых монет и милостиво отпустил его на все четыре стороны.

Разносчик ушел, а калиф все еще вертел коробочку, словно пытался разгадать тайну, которая в ней была заключена.

— Однако неплохо бы узнать, что тут такое написано, — сказал он, рассматривая со всех концов клочок пергамента. — Не знаешь ли ты, визирь, кто бы мог прочесть эти письма?

— Всемиловитейший господин и повелитель, — ответил визирь, — у Большой мечети живет человек, по имени Селим, по прозванию Ученый. Он

может прочесть всякую книгу. Прикажи позвать его: может быть, он проникнет в тайну этих загадочных знаков.

Калиф так и сделал.

Само собой разумеется, что ему не пришлось долго ждать Селима, — если тебя требует к себе сам калиф, ноги несут тебя так же быстро, как птицу крылья!

И вот когда Селим явился, калиф сказал ему так:

— Послушай, Селим, люди говорят, что ты человек мудрый и ученый. Взгляни-ка на эту рукопись — может быть, ты разберешь, что тут написано. Если разберешь — получишь от меня новый халат, а не разберешь — получишь двенадцать палочных ударов по пяткам, за то что люди незаслуженно именуют тебя Ученым.

Селим поклонился и сказал:

— Да исполнится воля твоя, о господин!

Долго рассматривал он пожелтевший листок и вдруг воскликнул:

— Прикажи меня повесить, господин, если это не по-латыни!

— Что ж, по-латыни так по-латыни, — милостиво сказал калиф. — Говори, что там написано!

Слово за словом Селим стал переводить загадочные письма.

И вот что он прочел:

— «О смертный, ты, который держишь в своих руках этот клочок пергамента, возблаговари аллаха за его милость. Ибо вместе с этим ничтожным клочком пергамента ты держишь в своих руках великую тайну: если ты понюхаешь черный порошок из этой коробочки и произнесешь священное слово «Мутабор», ты можешь обернуться всяким зверем лесным, всякой птицей небесной, всякой рыбой морской и

будешь понимать язык всех живых существ на земле, в небе и в воде. Когда же ты пожелаешь снова принять образ человека, поклонись три раза на восток и снова произнеси священное слово «Мутабор». Но горе тому, кто, приняв образ птицы или зверя, засмеется. Заветное слово навсегда исчезнет из его памяти, и уже никогда не стать ему снова человеком. Помни об этом, смертный! Горе тому, кто смеется не вовремя!»

Калиф был очень доволен. Он взял с ученого Селима клятву, что тот никому не откроет этой великой тайны, подарил ему халат не хуже своего и отпустил с миром домой.

Потом он сказал своему визирю:

— Вот это славная покупка! Теперь я буду знать, о чем говорят в моей стране даже птицы и звери. Ни один калиф, с тех пор как стоит Багдад, не мог похвалиться таким могуществом! Приходи ко мне завтра пораньше, пойдем вместе погулять, понюхаем чудесный порошок да послушаем, о чем говорят в воздухе и воде, в лесах и долинах.

II

На другой день, чуть только калиф успел одеться и позавтракать, как визирь, послушный его приказанию, уже явился, чтобы сопровождать своего повелителя во время прогулки.

Калиф сунул за пояс коробочку с волшебным порошком и без всякой свиты, вдвоем с визирем, вышел из дворца.

— Великий калиф! — сказал визирь. — Не пойти ли нам к прудам, что находятся на окраине города? Я не раз видел там аистов. Это презабавные птицы, у них всегда такой важный вид, как будто они первые советники вашей милости. К тому же они очень

разговорчивы и постоянно о чем-то болтают на своем птичьем языке. Если ваша милость пожелает, мы можем испробовать наш чудодейственный порошок, послушаем, о чем говорят аисты, а заодно испытаем, каково быть птицей.

— Неплохо придумано, — согласился калиф, и они отправились в путь.

Не успели они подойти к пруду, как увидели аиста. Аист с важным видом расхаживал взад и вперед, выискивая лягушек, и то и дело пощелкивал клювом. Но что он хотел этим сказать, было совершенно непонятно.

Через минуту калиф и визирь увидели в небе другого аиста, который летел прямо на них.

— Клянусь бородой, всемилостивейший государь, что эти длинноногие заведут сейчас прелюбопытный разговор! — воскликнул визирь. — Не прервемся ли нам в аистов?

— Что ж, я не прочь, — согласился калиф. — Только сначала повторим, что надо сделать, чтобы снова стать людьми. Как там сказано? Надо поклониться три раза на восток, а потом произнести: «Мутабор». Тогда я снова стану калифом, а ты визирем. Но смотри не смейся, а то мы пропали.

В это время второй аист пролетел у них над самой головой и стал медленно спускаться на землю, громко курлыкая.

Калиф, которого уже разбирало любопытство, поспешно достал из-за пояса коробочку, взял оттуда щепотку порошка и передал коробочку визирю. Тот тоже отсыпал себе на понюшку. Потом оба зашмыгали носами и, когда втянули весь волшебный порошок, до последней пылинки, громко воскликнули:

— Мутабор!

И тотчас ноги у них стали тонкими, как спицы,

длинными, как ходули, и вдобавок покрылись красной шершавой кожей. Их прекрасные туфли превратились в плоские когтистые лапы, руки стали крыльями, шеи вытянулись чуть не на аршин, а бороды, которыми они так гордились, исчезли совсем. Зато у них выросли предлинные твердые носы, на которые можно было опираться, как на палки.

Калиф от удивления просто глазам своим не верил. Наконец он пришел в себя и сказал:

— Ну и славный же у тебя нос, великий визирь! Клянусь бородой пророка, я в жизни своей не видел ничего подобного. Для великого визиря такой нос — истинное украшение.

— Вы льстите мне, о мой властелин! — сказал визирь и поклонился. При этом он стукнулся носом о землю. — Но осмелюсь доложить, что и вы ничего не потеряли, превратившись в аиста. Я бы даже позволил себе сказать, что вы стали еще красивее. Но не угодно ли вам послушать, о чем говорят наши новые сородичи, если только правда, что мы теперь можем понимать их речь?

Тем временем второй аист уже спустился на землю. Он почистил клювом свои ноги, оправил перья и зашагал к аисту, который его поджидал.

Калиф и визирь кинулись к ним со всех ног. Правда, они еще не привыкли ходить на таких тонких и длинных ногах и поэтому все время спотыкались.

Они притаились в густых кустах и прислушались. Да! Все было так, как обещала таинственная надпись на пергаменте, — они понимали каждое слово, которое произносили птицы.

Это были две вежливые, хорошо воспитанные аистихи.

— Мое почтение, любезная Длинноножка! —

сказала аистиха, которая только что прилетела.— Так рано, а вы уже на лугу!

— Мое почтение, душенька Щелкунья! Я прилетела пораньше, чтобы полакомиться свежими молодыми лягушатами. Может быть, вы составите мне компанию и скушаете лягушачью ножку или хвостик ящерицы?

— Покорнейше благодарю, но мне, право, не до завтрака. Сегодня у моего отца званый вечер, и мне придется танцевать перед гостями. Поэтому я хочу еще раз повторить некоторые сложные фигуры.

И молодая аистиха пошла прохаживаться по лужайке, выкидывая самые затейливые коленца. Под конец она поджала одну ногу и, стоя на другой, принялась раскланиваться вправо и влево, помахивая при этом крыльями.

Тут уж калиф и визирь не могли удержаться и, забыв обо всем на свете, громко расхохотались.

— Вот это потеха так потеха! — воскликнул калиф, переведя наконец дух.— Да, такое представление не увидишь ни за какие деньги! Жаль, что глупые птицы испугались нашего смеха, а то бы они, чего доброго, еще начали петь! Да ты погляди-ка, погляди на них!

Но визирь только махнул крылом.

— Великий государь,— сказал он.— Боюсь, что мы не к добру развеселились. Ведь нам нельзя было смеяться, пока мы обращены в птиц.

Тут и калиф забыл о веселье.

— Клянусь бородой пророка,— воскликнул он,— это будет плохая шутка, если мне придется навсегда остаться аистом! А ну-ка припомни это дурацкое слово. Что-то оно вылетело у меня из головы.

— Мы должны трижды поклониться на восток и сказать: «Му... му... мутароб».

— Да, да, что-то в этом роде, — сказал калиф.

Они повернулись лицом к востоку и так усердно стали кланяться, что их длинные клювы, точно копыя, вонзались в землю.

— Мутароб! — воскликнул калиф.

— Мутароб! — воскликнул визирь.

Но — горе! — сколько ни повторяли они это слово, они не могли снять с себя колдовство.

Они перепробовали все слова, какие только приходили им на ум: и муртубор, и мурбутор, и мурбурбур, и муртурбур, и мурбурут, и мутрубут, — но ничто не помогало. Заветное слово навсегда исчезло из их памяти, и они как были, так и остались аистами.

III

Печально бродили калиф и визирь по полям, не зная, как бы освободиться от колдовства. Они готовы были вылезти из кожи, чтобы вернуть себе человеческий вид, но все было напрасно — аистинная кожа вместе с перьями крепко приросла к ним. А вернуться в город, чтобы все видели их в таком наряде, было тоже невозможно. Да и кто бы поверил аисту, что он — сам великий багдадский калиф! И разве согласились бы жители города, чтобы ими правил какой-то длинноногий, длинноносый аист?

Так скитались они много дней, подбирая на земле зерна и вырывая корешки, чтобы не ослабеть от голода. Если бы они были настоящие аисты, они могли бы найти себе что-нибудь и повкуснее: лягушек и ящериц тут было сколько хочешь. Но калиф и визирь никак не могли примириться с мыслью, что болотные лягушки и скользкие ящерицы — это самое лучшее лакомство.

Одно было у них теперь утешение: они могли летать.

И они каждый день летали в Багдад и, стоя на крыше дворца, смотрели, что делается в городе.

А в городе царило смятение. Шутка сказать — средь бела дня исчез сам калиф и его первый визирь!

На четвертый день, когда калиф-аист и визирь-аист прилетели на багдадские крыши, они увидели торжественное шествие, которое медленно двигалось ко дворцу. Гремели барабаны, трубили трубы, пели флейты. Окруженный пышной свитой, на коне, убранном парчою, ехал какой-то человек в красном золототканом плаще.

— Да здравствует Мизра, властитель Багдада! — громко выкрикивали его приближенные.

Тут калиф и визирь переглянулись.

— Теперь я все понимаю! — печально воскликнул калиф. — Этот Мизра — сын моего заклятого врага, волшебника Кашнура. С тех пор как я прогнал Кашнура из дворца, он поклялся отомстить мне. Он и торговца подослал, чтобы избавиться от меня и посадить на мое место своего сына.

Калиф тяжело вздохнул и замолчал. Визирь тоже молчал повесив нос.

— Все-таки не следует терять надежду на спасение, — сказал наконец калиф. — Летим, мой верный друг, в священный город Мекку; может быть, молитва, вознесенная аллаху, снимет с нас колдовство.

Они поднялись с крыши и полетели на восток. Но летели они, как желторотые птенцы, хотя по виду были совсем взрослые аисты.

Часа через два визирь-аист совсем выбился из сил.

— О господин! — простонал он. — Я не могу

угнаться за вами, вы летите чересчур быстро. Да к тому же становится темно, не мешало бы нам подумать о ночлеге.

Калиф не стал спорить со своим визирем, он и сам едва держался на крыльях.

К счастью, они увидели внизу, прямо под ними, какие-то развалины, где можно было укрыться на ночь. И они спустились на землю.

Все говорило о том, что когда-то на этом месте стоял богатый и пышный дворец. То там, то тут торчали обломки колонн, кое-где уцелели узорчатые своды.

Калиф и его визирь бродили среди развалин, выбирая место для ночлега, как вдруг визирь-аист остановился.

— Господин и повелитель, — прошептал он, — может быть, это и смешно, чтобы великий визирь, а тем более аист, боялся привидений, но, признаюсь, мне становится как-то не по себе. Не кажется ли вам, что тут кто-то стонет и вздыхает?

Калиф остановился и прислушался. И вот в тишине он ясно услышал жалобный плач и протяжные стоны.

Сердце у калифа застучало от страха. Но ведь теперь он был не только калифом, он был еще и аистом. А всем известно, что аист — птица любопытная. Поэтому калиф-аист, не долго раздумывая, ринулся туда, откуда слышались эти жалобные стоны.

Напрасно визирь пытался помешать ему. Он умолял калифа не подвергать себя новой опасности, он даже пустил в дело свой клюв и, точно щипцами, схватил калифа за крыло.

Однако калифа ничто не могло остановить, он рванулся вперед и, оставив в клюве своего визиря несколько перьев, исчез в темноте.

Но недаром визирь называл себя правой рукой калифа. И хотя теперь у калифа не было ни правой руки, ни левой, визирь не покинул своего господина и бросился за ним.

Скоро они различили в темноте какую-то дверь.

Калиф толкнул дверь клювом и от удивления остановился на пороге. В тесной камере, едва освещенной слабым светом, проникавшим сквозь крошечное решетчатое окошко, он увидел большую сову. Сова горько плакала. Из желтых круглых глаз ее текли крупные, как орех, слезы.

Но, увидев калифа и визиря, она радостно вскрикнула и захлопала крыльями — совсем так, как хлопают в ладоши дети.

Потом она вытерла одним крылом слезы и, к великому удивлению калифа и визиря, заговорила на чистейшем арабском языке:

— Добро пожаловать, дорогие аисты! Как я рада вас видеть! Мне давно предсказали, что аисты принесут мне счастье.

Калиф поклонился как можно почтительнее, красиво изогнув длинную шею, и сказал:

— Прелестная совушка! Если я правильно понял твои слова, мы с тобою товарищи по несчастью. Но — увы! — напрасно ты надеешься на нашу помощь. Выслушай нашу историю, и ты поймешь, что мы сами нуждаемся в помощи так же, как ты.

IV

Когда калиф кончил свою грустную повесть, сова тяжело вздохнула и сказала:

— Да, я вижу, что несчастье, постигшее вас, не меньше моего. Вы, наверное, догадываетесь, что и я от рождения не была совой. Отец мой — властитель Индии, а я его единственная дочь. Злой волшебник

Кашнур, который заколдовал вас, заколдовал и меня. Однажды он явился к моему отцу сватать меня за своего сына Мизру. Мой отец очень рассердился и приказал выгнать Кашнура. И вот тогда Кашнур поклялся отомстить моему отцу. Он переоделся в платье раба и проник во дворец. Как раз в это время я гуляла в саду, и мне захотелось пить. Он поднес мне какое-то питье, и не успела я сделать глоток, как стала отвратительной птицей, которую вы видите перед собой. Я хотела закричать, позвать на помощь, но от страха лишилась голоса. А злой Кашнур схватил меня и принес сюда.

«Здесь,— сказал он,— ты будешь жить до конца твоих дней, чтобы пугать всех зверей и птиц своим уродством. Впрочем, ты можешь не терять надежды на спасение,— добавил он со смехом.— Если кто-нибудь согласится взять тебя в жены — вот такую, какая ты сейчас, с круглыми злыми глазами, с крючковатым носом и острыми когтями,— ты снова станешь человеком. А пока явится к тебе избавитель, сиди здесь. Может быть, теперь ты пожалеешь о том, что твой отец не захотел выдать тебя за моего сына».

Тут сова замолчала и вытерла крылом слезы, которые снова закапали из ее глаз.

Калиф и визирь тоже молчали, не зная, как утешить несчастную принцессу.

— О, если бы мне снова стать человеком! — воскликнул калиф.— Я отомстил бы за тебя этому отвратительному колдуну! Но что я могу сделать теперь, когда я сам — жалкая длинноногая птица! — И он горестно опустил свой клюв.

— Государь! — воскликнула сова.— Мне кажется, не все еще потеряно. Забытое слово ты можешь узнать! И когда колдовские чары будут сняты с тебя, может быть, тогда и я избавлюсь от беды.

Ведь не даром же мне было предсказано, что аист принесет мне счастье.

— Говори же скорее! Что я должен сделать, чтобы избавиться от колдовства? — воскликнул калиф.

— Слушай меня, — сказала сова. — Раз в месяц колдун Кашнур и его сообщники собираются среди этих развалин в подземном зале. Там они пируют и похваляются друг перед другом своими проделками, открывают друг другу свои тайны. Я часто подслушивала их. Может быть, и теперь кто-нибудь из них обмолвится и назовет забытое тобой слово.

— О драгоценнейшая сова! — воскликнул калиф в нетерпении. — Скажи, когда они должны собраться и где этот подземный зал?

Сова помолчала с минуту и наконец сказала:

— Прости меня, великий калиф, но я отвечу тебе только при одном условии.

— Говори же, какое это условие! Мы готовы повиноваться тебе во всем!

И калиф вместе со своим визирем почтительно склонили перед ней головы.

Тогда сова сказала:

— Прости мою дерзость, господин, но мне тоже хотелось бы избавиться от колдовских чар, а это возможно только в том случае, если один из вас возьмет меня в жены...

Услышав об этом, аисты несколько растерялись.

Калиф сделал знак визирю, и они отошли в дальний угол.

— Послушай, визирь, — шепотом сказал калиф, — это предложение не из приятных, но, по моему, тебе следует согласиться.

— Великий калиф! — прошептал визирь в ужасе. — Вы забываете, что у меня есть жена! К тому же я старик, а вы еще молоды. Нет, нет, это

вы должны жениться на молодой прекрасной принцессе!

— Откуда же ты знаешь, что она молода и прекрасна? — печально сказал калиф. У него даже крылья опустились — так он был огорчен.

Долго еще они спорили и уговаривали друг друга. В конце концов визирь прямо заявил, что лучше навсегда останется аистом, чем женится на сове.

Что было делать калифу? В другое время он приказал бы казнить непокорного визиря, но сейчас об этом было бесполезно говорить.

Он набрался мужества и, подойдя к сове, сказал:

— Прекрасная принцесса, я принимаю твое условие.

Сова была вне себя от радости.

— Теперь я могу открыть вам, что волшебники соберутся сегодня. Вы пришли как раз вовремя! Идите за мной, я покажу вам дорогу.

И она повела их по темным переходам и полуразрушенным лестницам.

Вдруг навстречу им вырвался откуда-то яркий луч света.

Сова подвела их к пролому в стене и сказала:

— Стойте здесь. Но смотрите, будьте осторожны: если вас увидят — все пропало.

Калиф и визирь осторожно заглянули через пролом. Они увидели огромный зал, в котором было светло как днем от тысяч горевших светильников.

Посередине стоял круглый стол, а за столом сидели восемь колдунов. В одном из них калиф и визирь сразу узнали того торговца, который подсунил им волшебный порошок.

— Ну, сегодня мне есть чем похвастать! — говорил он, посмеиваясь. — На этот раз я провел самого калифа и его визиря. Клянусь аллахом,

которым они клянутся, им никогда не вспомнить слова, которое может снять с них колдовские чары!

— А что же это за слово? — спросил один колдун.

— Слово очень трудное, его никто не может запомнить и никто не должен знать. Но вам я открою его — слово это: «Мутабор».

Аисты чуть не заплясали от радости, когда услышали заветное слово. Со всех ног — а ведь ноги у них были предлинные — они бросились бежать, так что бедная сова едва поспевала за ними на своих коротеньких ножках.

Выбравшись наверх, калиф с почтительным поклоном сказал ей:

— О мудрейшая сова, о добрейшая принцесса, тебе обязаны мы своим спасением. Позволь же мне в знак благодарности просить твоей руки.

Потом калиф и визирь поспешно повернулись к востоку и трижды поклонились солнцу, выходявшему из-за гор.

— Мутабор! — воскликнули они в один голос.

И тотчас перья упали с них, клювы исчезли, и они стали такими, какими были всегда. От радости калиф даже забыл, что он хотел казнить визиря за непослушание. Повелитель и слуга бросились друг другу в объятия, они плакали и смеялись, дергали друг друга за бороды и ощупывали свои халаты, чтобы убедиться в том, что все это не сон.

Наконец они вспомнили про сову и обернулись.

И что же! Не сову с круглыми глазами и крючковатым носом увидели они, а красавицу принцессу.

Можете себе представить, как обрадовался калиф!

Если бы он был аистом, он, наверно, пошел бы

сейчас плясать и выкидывать разные коленца, совсем так, как аистиха Щелкунья, виновница всех бед, которые свалились на его голову. Но теперь он был уже не аистом, а калифом, поэтому он приложил руку к сердцу и сказал:

— Все к лучшему! Если бы меня не постигло великое несчастье, я не узнал бы теперь величайшего счастья!

И вот, все трое, они отправились в Багдад. И хотя крыльев у них теперь не было, они летели как на крыльях.

Увидев калифа Хасида живым и невредимым, жители Багдада выбегали на улицу, чтобы приветствовать своего владыку.

Правда, и при Хасиде им жилось не очень сладко, но, с тех пор как во дворце поселился злой колдун, им стало еще хуже.

Хасид приказал тотчас схватить калифа-самозванца и его отца — колдуна Кашнура.

Старому колдуну отрубили голову, а его сына Мизру калиф заставил понюхать черного порошка, и тот превратился в аиста. Калиф посадил его в большую клетку и выставил клетку в сад.

Конечно, Мизра мог бы снова сделаться человеком — стоило ему только поклониться три раза на восток и сказать: «Мутабор». Уж конечно, он хорошо помнил это слово, потому что ему было не до смеха.

Но Мизра даже не пытался вернуть себе человеческий вид. Он рассудил — и, пожалуй, рассудил правильно, — что если уж сидишь в клетке, то лучше быть птицей.

Так кончилось это приключение.

Калиф Хасид еще долго и счастливо жил со своей красавицей женой.

По-прежнему каждый день, в час послеобеден-

ного отдыха, к нему приходил великий визирь, и калиф всегда охотно с ним беседовал.

Они часто вспоминали минувшие дни, когда они были аистами, и калиф пресмешно изображал, как расхаживал визирь на длинных птичьих ногах, весь обросший перьями, с большущим клювом. Калиф становился на кончики пальцев, неуклюже переступал с ноги на ногу, взмахивал руками, словно он тонул, и изо всех сил вытягивал шею. А потом поворачивался лицом к востоку и, низко кланяясь, приговаривал:

— Муртурбур! Бурмуртур! Турбурмур!

Жена калифа и его дети смеялись до слез над этим представлением. Да и сам визирь не мог удержаться от смеха. Он, конечно, не смел передразнивать своего повелителя, но если калиф очень уж над ним потешался, визирь заводил разговор о том, как два аиста уговаривали друг друга жениться на страшной сове. Тут калиф сердито хмурил брови, и визирь сразу замолкал. Так не будем же больше вспоминать об этом и мы.

ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ

I

Всякий, кому случалось побывать в Шварцвальде (по-русски это слово значит Чернолесье), скажет вам, что никогда в другом

месте не увидишь таких высоких и могучих елей, нигде больше не встретишь таких рослых и сильных людей. Кажется, будто самый воздух, пропитанный солнцем и смолой, сделал обитателей Шварцвальда непохожими на их соседей, жителей окрестных равнин. Даже одежда у них не такая, как у других. Особенно затейливо наряжаются обитатели гористой стороны Шварцвальда. Мужчины там носят черные камзолы, широкие, в мелкую складку шаровары, красные чулки и островерхие шляпы с большими полями. И надо признаться, что наряд этот придает им весьма внушительный и почтенный вид.

Все жители здесь отличные мастера стекольного дела. Этим ремеслом занимались их отцы, деды и прадеды, и слава о шварцвальдских стеклодувах издавна идет по всему свету.

В другой стороне леса, ближе к реке, живут те же шварцвальдцы, но ремеслом они занимаются другим, и обычаи у них тоже другие. Все они, так же как их отцы, деды и прадеды, — лесорубы и плотгоны. На длинных плотах сплавляют они лес вниз по Неккару в Рейн, а по Рейну — до самого моря.

Они останавливаются в каждом прибрежном городе и ждут покупателей, а самые толстые и длинные бревна гонят в Голландию, и голландцы строят из этого леса свои корабли.

Плотгоны привыкли к суровой, бродячей жизни. Поэтому и одежда у них совсем не похожа на одежду мастеров стекольного дела. Они носят куртки из темного холста и черные кожаные штаны на зеленых, шириною в ладонь, помочах. Из глубоких карманов их штанов всегда торчит медная линейка — знак их ремесла. Но больше всего они гордятся своими сапогами. Да и есть чем гордиться! Никто на свете не носит таких сапог. Их можно

натянуть выше колен и ходить в них по воде, как посуху.

Еще недавно жители Шварцвальда верили в лесных духов. Теперь-то, конечно, все знают, что никаких духов нет, но от дедов к внукам перешло множество преданий о таинственных лесных жителях.

Рассказывают, что эти лесные духи носили платье точь-в-точь такое, как и люди, среди которых они жили.

Стеклянный Человечек — добрый друг людей — всегда являлся в широкополой островерхой шляпе, в черном камзоле и шароварах, а на ногах у него были красные чулочки и черные башмачки. Ростом он был с годовалого ребенка, но это нисколько не мешало его могуществу.

А Михель-Великан носил одежду сплавщиков, и те, кому случалось его видеть, уверяли, будто на сапоги его должно было пойти добрых полсотни телячьих кож и что взрослый человек мог бы спрятаться в этих сапожищах с головой. И все они клялись, что нисколько не преувеличивают.

С этими-то лесными духами пришлось как-то раз познакомиться одному шварцвальдскому парню.

О том, как это случилось и что произошло, вы сейчас узнаете.

Много лет тому назад жила в Шварцвальде бедная вдова по имени и прозвищу Барбара Мунк.

Муж ее был угольщиком, а когда он умер, за это же ремесло пришлось взяться ее шестнадцатилетнему сыну Петеру. До сих пор он только смотрел, как его отец тушит уголь, а теперь ему самому довелось просиживать дни и ночи возле дымящейся угольной ямы, а потом колесить с тележкой по

дорогам и улицам, предлагая у всех ворот свой черный товар и пугая ребятишек лицом и одежей, потемневшими от угольной пыли.

Ремесло угольщика тем хорошо (или тем плохо), что оставляет много времени для размышлений.

И Петер Мунк, сидя в одиночестве у своего костра, так же как и многие другие угольщики, думал обо всем на свете. Лесная тишина, шелест ветра в верхушках деревьев, одинокий крик птицы — все наводило его на мысли о людях, которых он встречал, странствуя со своей тележкой, о себе самом и о своей печальной судьбе.

«Что за жалкая участь быть черным, грязным угольщиком! — думал Петер. — То ли дело ремесло стекольщика, часовщика или башмачника! Даже музыкантов, которых нанимают играть на воскресных вечеринках, и тех почитают больше, чем нас!» Вот, случись, выйдет Петер Мунк в праздничный день на улицу — чисто умытый, в парадном отцовском кафтане с серебряными пуговицами, в новых красных чулках и в башмаках с пряжками... Всякий, увидев его издали, скажет: «Что за парень — молодец! Кто бы это был?» А подойдет ближе, только рукой махнет: «Ах, да ведь это всего-навсего Петер Мунк, угольщик!..» И пройдет мимо.

Но больше всего Петер Мунк завидовал плотонам. Когда эти лесные великаны приходили к ним на праздник, навесив на себя с полпуда серебряных побрякушек — всяких там цепочек, пуговиц да пряжек, — и, широко расставив ноги, глядели на танцы, затягиваясь из аршинных кёльнских трубок, Петеру казалось, что нет на свете людей счастливее и почтеннее. Когда же эти счастливицы запускали в карман руку и целыми пригоршнями вытаскивали серебряные монеты, у Петера спирало дыхание, мутилось в голове, и он, печальный, возвращался в

свою хижину. Он не мог видеть, как эти «дровяные господа» проигрывали за один вечер больше, чем он сам зарабатывал за целый год.

Но особенное восхищение и зависть вызывали в нем три плотогона: Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый.

Иезекиил Толстый считался первым богачом в округе. Везло ему необыкновенно. Он всегда продавал лес втридорога, денежки сами так и текли в его карманы.

Шлюркер Тощий был самым смелым человеком из всех, кого знал Петер. Никто не решался с ним спорить, а он не боялся спорить ни с кем. В харчевне он и ел-пил за троих, и место занимал на троих, но никто не смел сказать ему ни слова, когда он, растопырив локти, усаживался за стол или вытягивал вдоль скамьи свои длинные ноги, — уж очень много было у него денег.

Вильм Красивый был молодой, статный парень, лучший танцор среди плотогонов и стекольщиков. Еще совсем недавно он был таким же бедняком, как Петер, и служил в работниках у лесоторговцев. И вдруг ни с того ни с сего разбогател! Одни говорили, что он нашел в лесу под старой елью горшок серебра. Другие уверяли, что где-то на Рейне он подцепил багром мешок с золотом.

Так или иначе, он вдруг сделался богачом, и плотогоны стали почитать его, точно он был не простой плотогон, а принц.

Все трое — Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый — были совсем не похожи друг на друга, но все трое одинаково любили деньги и были одинаково бессердечны к людям, у которых денег не было. И однако же, хоть за жадность их недолюбливали, за богатство им все прощали. Да и как не простить! Кто, кроме них, мог разбрасывать

направо и налево звонкие талеры, словно деньги достаются им даром, как еловые шишки?!

«И откуда только они берут столько денег? — думал Петер, возвращаясь как-то с праздничной пирушки, где он не пил, не ел, а только смотрел, как ели и пили другие. — Ах, кабы мне хоть десятую долю того, что пропил и проиграл нынче Иезекиил Толстый!»

Петер перебирал в уме все известные ему способы разбогатеть, но не мог придумать ни одного мало-мальски верного.

Наконец он вспомнил рассказы о людях, которые будто бы получили целые горы золота от Михеля-Великана или от Стеклянного Человечка.

Еще когда был жив отец, у них в доме часто собирались бедняки-соседи помечтать о богатстве, и не раз они поминали в разговоре маленького покровителя стеклодувов.

Петер даже припомнил стишки, которые нужно было сказать в чаще леса, у самой большой ели, для того чтобы вызвать Стеклянного Человечка:

Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник,
Меж корней живет старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад...¹

Были в этих стишках еще две строчки, но как Петер ни ломал голову, он ни за что не мог их припомнить.

Ему часто хотелось спросить у кого-нибудь из стариков, не помнят ли они конец этого заклина-

¹ Стихи в этой сказке перевел С. Я. Маршак.

ния, но не то стыд, не то боязнь выдать свои тайные мысли удерживали его.

«Да они, наверно, и не знают этих слов,— утешал он себя.— А если бы знали, то почему бы им самим не пойти в лес и не вызвать Стеклянного Человечка!..»

В конце концов он решил завести об этом разговор со своей матерью — может, она припомнит что-нибудь.

Но если Петер забыл две последние строчки, то матушка его помнила только две первые.

Зато он узнал от нее, что Стеклянный Человечек показывается только тем, кому посчастливилось родиться в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни.

— Если бы ты знал это заклинание от слова до слова, он непременно бы явился тебе,— сказала мать, вздыхая.— Ты ведь родился как раз в воскресенье, в самый полдень.

Услышав это, Петер совсем потерял голову.

«Будь что будет,— решил он,— а я должен попытать свое счастье». И вот, распродав весь заготовленный для покупателей уголь, он надел отцовский праздничный камзол, новые красные чулки, новую воскресную шляпу, взял в руки палку и сказал матери:

— Мне нужно сходить в город. Говорят, скоро будет набор в солдаты, так вот, я думаю, следовало бы напомнить начальнику, что вы вдова и что я ваш единственный сын.

Мать похвалила его за благоразумие и пожелала счастливого пути. И Петер бодро зашагал по дороге, но только не в город, а прямо в лес. Он шел все выше и выше по склону горы, поросшей ельником, и наконец добрался до самой вершины.

Место было глухое, безлюдное. Нигде никакого

жилья — ни избушки дровосеков, ни охотничьего шалаша.

Редко какой человек заглядывал сюда. Среди окрестных жителей поговаривали, что в этих местах нечисто, и всякий старался обойти Еловую гору стороной.

Здесь росли самые высокие, самые крепкие ели, но давно уже не раздавался в этой глуши стук топора. Да и не мудрено! Стоило какому-нибудь дровосеку заглянуть сюда, как с ним непременно случалась беда: либо топор соскакивал с топорница и вонзался в ногу, либо подрубленное дерево падало так быстро, что человек не успевал отскочить и его зашибало насмерть, а плот, в который попадало хоть одно такое дерево, непременно шел ко дну вместе с плотогоном. Наконец люди совсем перестали тревожить этот лес, и он разросся так буйно и густо, что даже в полдень здесь было темно, как ночью.

Страшно стало Петеру, когда он вошел в чащу. Кругом было тихо — нигде ни звука. Он слышал только шорох собственных шагов. Казалось, даже птицы не залетают в этот густой лесной сумрак.

Около огромной ели, за которую голландские корабельщики не задумываясь дали бы не одну сотню гульденов, Петер остановился.

«Наверно, это самая большая ель на всем свете! — подумал он. — Стало быть, тут и живет Стекланный Человечек».

Петер снял с головы свою праздничную шляпу, отвесил перед деревом глубокий поклон, откашлялся и робким голосом произнес:

— Добрый вечер, господин стекольный мастер! Но никто не ответил ему.

«Может быть, все-таки лучше сначала сказать

стишки», — подумал Петер и, запинаясь на каждом слове, пробормотал:

Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник,
Меж корней живет старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад...

И тут — Петер едва мог поверить своим глазам! — из-за толстого ствола кто-то выглянул. Петер успел заметить островерхую шляпу, темный кафтанчик, ярко-красные чулочки... Чьи-то быстрые, зоркие глаза на мгновение встретились с глазами Петера.

Стекланный Человечек! Это он! Это, конечно, он! Но под елкой уже никого не было. Петер чуть не заплакал от огорчения.

— Господин стекольный мастер! — закричал он. — Где же вы? Господин стекольный мастер! Если вы думаете, что я вас не видел, вы ошибаетесь. Я отлично видел, как вы выглянули из-за дерева.

И опять никто ему не ответил. Но Петеру показалось, что за елкою кто-то тихонько засмеялся.

— погоди же! — крикнул Петер. — Я тебя поймаю! — И он одним прыжком очутился за деревом.

Но Стекланного Человечка там не было. Только маленькая пушистая белочка молнией взлетела вверх по стволу.

«Ах, если бы я знал стишки до конца, — с грустью подумал Петер, — Стекланный Человечек, наверно, вышел бы ко мне. Недаром же я родился в воскресенье!..»

Наморщив лоб, нахмутив брови, он изо всех сил

старался вспомнить забытые слова или даже придумать их, но у него ничего не выходило.

А в то время как он бормотал себе под нос слова заклинанья, белочка появилась на нижних ветвях елки, прямо у него над головой. Она охорашивалась, распушив свой рыжий хвост, и лукаво поглядывала на него, не то посмеиваясь над ним, не то желая его подзадорить.

И вдруг Петер увидел, что голова у белки вовсе не звериная, а человечесь, только очень маленькая — не больше беличьей. А на голове — широкополая, островерхая шляпа. Петер так и замер от изумления. А белка уже снова была самой обыкновенной белкой, и только на задних лапках у нее были красные чулочки и черные башмачки.

Тут уж Петер не выдержал и со всех ног бросился бежать.

Он бежал не останавливаясь и только тогда перевел дух, когда услышал лай собак и завидел вдалеке дымок, поднимающийся над крышей какой-то хижины. Подойдя поближе, он понял, что со страху сбился с дороги и бежал не к дому, а прямо в противоположную сторону. Здесь жили дровосеки и плотогоны.

Хозяева хижины встретили Петера приветливо и, не спрашивая, как его зовут и откуда он, предложили ему ночлег, зажарили к ужину большого глухаря — это любимое кушанье местных жителей — и поднесли ему кружку яблочного вина.

После ужина хозяйка с дочерьми взяли прялки и подсели поближе к лучине. Ребятишки следили, чтоб она не погасла, и поливали ее душистой еловой смолой. Старик хозяин и старший его сын, покуривая свои длинные трубки, беседовали с гостем, а младшие сыновья принялись вырезать из дерева ложки и вилки.

К вечеру в лесу разыгралась буря. Она выла за окнами, сгибая чуть не до земли столетние ели. То и дело слышались громовые удары и страшный треск, словно где-то невдалеке ломались и падали деревья.

— Да, никому бы я не посоветовал выходить в такую пору из дому,— сказал старый хозяин, вставая с места и покрепче закрывая дверь.— Кто выйдет, тому уж не вернуться. Нынче ночью Михель-Великан рубит лес для своего плота.

Петер сразу насторожился.

— А кто такой этот Михель? — спросил он у старика.

— Он хозяин этого леса,— сказал старик.— Вы, должно быть, нездешний, если ничего не слышали о нем. Ну хорошо, я расскажу вам, что знаю сам и что дошло до нас от наших отцов и дедов.— Старик уселся поудобнее, затянулся из своей трубки и начал: — Лет сто назад — так, по крайней мере, рассказывал мой дед — не было на всей земле народа честнее шварцвальдцев. Теперь-то, когда на свете завелось столько денег, люди потеряли стыд и совесть. Про молодежь и говорить нечего — у той только и дела, что плясать, ругаться да сорить деньгами. А прежде было не то. И виной всему — я это раньше говорил и теперь повторю, хотя бы он сам заглянул вот в это окошко,— виной всему Михель-Великан. От него все беды и пошли.

Так вот, значит, лет сто тому назад жил в этих местах богатый лесоторговец. Торговал он с далекими рейнскими городами, и дела у него шли как нельзя лучше, потому что он был человек честный и трудолюбивый.

И вот однажды приходит к нему наниматься какой-то парень. Никто его не знает, но видно, что здешний,— одет как шварцвальдец. А ростом чуть

не на две головы выше всех. Наши парни и сами народ не мелкий, а этот настоящий великан.

Лесоторговец сразу сообразил, как выгодно держать такого дюжего работника. Он назначил ему хорошее жалованье, и Михель (так звали этого парня) остался у него.

Что и говорить, лесоторговец не прогадал.

Когда надо было рубить лес, Михель работал за троих. А когда пришлось перетаскивать бревна, за один конец бревна лесорубы брались вшестером, а другой конец поднимал Михель.

Послужив так с полгода, Михель явился к своему хозяину.

«Довольно,— говорит,— нарубил я деревьев. Теперь охота мне поглядеть, куда они идут. Отпусти-ка меня, хозяин, разок с плотами вниз по реке».

«Пусть будет по-твоему,— сказал хозяин.— Хоть на плотях нужна не столько сила, сколько ловкость, и в лесу ты бы мне больше пригодился, но я не хочу мешать тебе поглядеть на белый свет. Собирайся!»

Плот, на котором должен был отправиться Михель, был составлен из восьми звеньев отборного строевого леса. Когда плот был уже связан, Михель принес еще восемь бревен, да таких больших и толстых, каких никто никогда не видывал. И каждое бревно он нес на плече так легко, будто это было не бревно, а простой багор.

«Вот на них я и поплыву,— сказал Михель.— А ваши щепочки меня не выдержат».

И он стал вязать из своих огромных бревен новое звено.

Плот вышел такой ширины, что едва поместился между двумя берегами.

Все так и ахнули, увидев такую махину, а хозяин Михеля потирал руки и уже прикидывал

в уме, сколько денег можно будет выручить на этот раз от продажи леса.

На радостях он, говорят, хотел подарить Михелю пару самых лучших сапог, какие носят плотогоны, но Михель даже не поглядел на них и принес откуда-то из лесу свои собственные сапоги. Мой дедушка уверял, что каждый сапог был пуда в два весом и футов в пять высотой.

И вот все было готово. Плот двинулся.

До этой поры Михель, что ни день, удивлял лесорубов, теперь пришла очередь удивляться плотогонам.

Они-то думали, что их тяжелый плот будет еле-еле тянуться по течению. Ничуть не бывало — плот неся по реке, как парусная лодка.

Всем известно, что труднее всего приходится плотогонам на поворотах: плот надо удержать на середине реки, чтобы он не сел на мель. Но на этот раз никто и не замечал поворотов. Михель, чуть что, соскакивал в воду и одним толчком направлял плот то вправо, то влево, ловко огибая мели и подводные камни.

Если же впереди не было никаких излучин, он перебегал на переднее звено, с размаху втыкал свой огромный багор в дно, отталкивался — и плот летел с такой быстротой, что казалось, прибрежные холмы, деревья и села так и проносятся мимо.

Плотогоны и оглянуться не успели, как пришли в Кёльн, где обычно продавали свой лес. Но тут Михель сказал им:

«Ну и сметливые же вы купцы, как погляжу я на вас! Что ж вы думаете — здешним жителям самим нужно столько леса, сколько мы сплавляем из нашего Шварцвальда? Как бы не так! Они его скупают у вас за полцены, а потом перепродают втри-

дорога голландцам. Давайте-ка мелкие бревна пустим в продажу здесь, а большие погоним дальше, в Голландию, да сами и сбудем тамошним корабельщикам. Что следует хозяину по здешним ценам, он получит сполна. А что мы выручим сверх того — то будет наше».

Долго уговаривать сплавщиков ему не пришлось. Все было сделано точь-в-точь по его слову.

Плотогоны погнали хозяйский товар в Роттердам и там продали его вчетверо дороже, чем им давали в Кёльне!

Четверть выручки Михель отложил для хозяина, а три четверти разделил между сплавщиками. А тем во всю жизнь не случалось видеть столько денег. Головы у парней закружились, и пошло у них такое веселье, пьянство, картежная игра! С ночи до утра и с утра до ночи... Словом, до тех пор не возвратились они домой, пока не пропили и не проиграли все до последней монетки.

С той поры голландские харчевни и кабаки стали казаться нашим парням сущим раем, а Михель-Великан (его стали после этого путешествия называть Михель-Голландец) сделался настоящим королем плотогонов.

Он не раз еще водил наших плотогонов туда же, в Голландию, и мало-помалу пьянство, игра, крепкие словечки — словом, всякая гадость перекочевала в эти края.

Хозяева долго ничего не знали о проделках плотогонов. А когда вся эта история вышла наконец наружу и стали допытываться, кто же тут главный зачинщик, — Михель-Голландец исчез. Искали его, искали — нет! Пропал — как в воду канул...

— Помер, может быть? — спросил Петер.

— Нет, знающие люди говорят, что он и до сих пор хозяйничает в нашем лесу. Говорят еще, что,

если его как следует попросить, он всякому поможет разбогатеть. И помог уже кое-кому... Да только идет молва, что деньги он дает не даром, а требует за них кое-что подороже всяких денег... Ну и больше я об этом ничего не скажу. Кто знает, что в этих рассказах правда, что басня? Одно только, пожалуй, верно: в такие ночи, как нынешняя, Михель-Голландец рубит и ломает старые ели там, на вершине горы, где никто не смеет рубить. Мой отец однажды сам видел, как он, словно тростинку, сломал ель в четыре обхвата. В чьи плоты потом идут эти ели, я не знаю. Но знаю, что на месте голландцев я бы платил за них не золотом, а картечью, потому что каждый корабль, в который попадает такое бревно, непременно идет ко дну. А все дело здесь, видите ли, в том, что стоит Михелю сломать на горе новую ель, как старое бревно, вытесанное из такой же горной ели, трескается или выскакивает из пазов, и корабль дает течь. Потому-то мы с вами так часто и слышим о кораблекрушениях. Поверьте моему слову: если бы не Михель, люди странствовали бы по воде, как посуху.

Старик замолчал и принялся выколачивать свою трубку.

— Да...— сказал он опять, вставая с места.— Вот что рассказывали наши деды о Михеле-Голландце... И как там ни поверни, а все беды у нас пошли от него. Богатство он дать, конечно, может, но не желал бы я оказаться в шкуре такого богача, будь это хоть сам Иезекиил Толстый, или Шлюркер Тоций, или Вильм Красивый.

Пока старик рассказывал, буря улеглась. Хозяйка дала Петеру мешок с листьями вместо подушки, пожелали ему спокойной ночи, и все улеглись спать. Петер устроился на лавке под окном и скоро уснул.

...Никогда еще угольщику Петеру Мунку не снились такие страшные сны, как в эту ночь.

То чудилось ему, будто Михель-Великан с треском распахивает окно и протягивает ему огромный мешок с золотыми. Михель трясет мешок прямо у него над головой, и золото звенит, звенит — звонко и заманчиво.

То ему чудилось, что Стекланный Человечек верхом на большой зеленой бутылки разъезжает по всей комнате, и Петер опять слышит лукавый тихий смехок, который донесся до него утром из-за большой ели.

И всю ночь Петера тревожили, будто споря между собой, два голоса. Над левым ухом гудел хриплый густой голос:

Золотом, золотом,
Чистым — без обмана,—
Полновесным золотом
Набивай карманы!
Не работай молотом,
Плугом и лопатой!
Кто владеет золотом,
Тот живет богато!..

А над правым ухом звенел тоненький голосок:

Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник,
Меж корней живет старик...

Ну а как дальше, Петер? Как там дальше? Ах, глупый, глупый угольщик Петер Мунк! Не может вспомнить такие простые слова! А еще родился в воскресный день, ровно в полдень... Придумай

только рифму к слову «воскресный», а уж остальные слова сами придут!..

Петер охал и стонал во сне, стараясь припомнить или придумать забытые строчки. Он метался, вертелся с боку на бок, но так как за всю свою жизнь не сочинил ни одного стишка, то и на этот раз ничего не выдумал.

Угольщик проснулся, едва только рассвело, уселся, скрестив руки на груди и принялся размышлять все о том же: какое слово идет в пару со словом «воскресный»?

Он стучал пальцами по лбу, тер себе затылок, но ничего не помогало.

И вдруг до него донеслись слова веселой песни. Под окном проходили трое парней и распевали во все горло:

За рекою в деревушке
Варят мед чудесный...
Разопьем с тобой по кружке
В первый день воскресный!..

Петера словно обожгло. Так вот она эта рифма к слову «воскресный»! Да полно, так ли? Не ослышался ли он?

Петер вскочил и сломя голову кинулся догонять парней.

— Эй, приятели! Подождите! — кричал он.

Но парни даже не оглянулись.

Наконец Петер догнал их и схватил одного за руку.

— Повтори-ка, что ты пел! — закричал он, задыхаясь.

— Да тебе-то что за дело! — ответил парень. — Что хочу, то и пою. Пусти сейчас же мою руку, а не то...

— Нет, сперва скажи, что ты пел! — настаивал Петер и еще сильнее стиснул его руку.

Тут два других парня, не долго думая, накинудись с кулаками на бедного Петера и так отколодили его, что у бедняги искры из глаз посыпались.

— Вот тебе на закуску! — сказал один из них, награждая его увесистым тумакон.— Будешь помнить, каково задевать почтенных людей!..

— Еще бы не помнить! — сказал Петер, охая и потирая ушибленные места.— А теперь, раз уж вы меня все равно отколотили, сделайте милость — спойте мне ту песню, которую вы только что пели.

Парни так и прыснули со смеху. Но потом все-таки спели ему песню от начала до конца.

После этого они по-приятельски распрощались с Петером и пошли своей дорогой.

А Петер вернулся в хижину дровосека, поблагодарил хозяев за приют и, взяв свою шляпу и палку, снова отправился на вершину горы.

Он шел и все время повторял про себя заветные слова «воскресный — чудесный, чудесный — воскресный»... И вдруг, сам не зная, как это случилось, прочитал весь стишок от первого до последнего слова.

Петер даже подпрыгнул от радости и подбросил вверх свою шляпу.

Шляпа взлетела и пропала в густых ветках ели. Петер поднял голову, высматривая, где она там зацепилась, да так и замер от страха.

Перед ним стоял огромный человек в одежде плотогона. На плече у него был багор длиной с хорошую мачту, а в руке он держал шляпу Петера.

Не говоря ни слова, великан бросил Петеру его шляпу и зашагал с ним рядом.

Петер робко, искоса поглядывал на своего стра-

шного спутника. Он словно сердцем почуял, что это и есть Михель-Великан, о котором ему вчера столько рассказывали.

— Петер Мунк, что ты делаешь в моем лесу? — вдруг сказал великан громовым голосом.

У Петера затряслись колени.

— С добрым утром, хозяин, — сказал он, стараясь не показать виду, что боится. — Я иду лесом к себе домой — вот и все мое дело.

— Петер Мунк! — снова загремел великан и посмотрел на Петера так, что тот невольно зажмурился. — Разве эта дорога ведет к твоему дому? Ты меня обманываешь, Петер Мунк!

— Да, конечно, она ведет не совсем прямо к моему дому; — залепетал Петер, — но сегодня такой жаркий день... Вот я и подумал, что идти лесом хоть и дальше, да прохладнее!

— Не лги, угольщик Мунк! — крикнул Михель-Великан так громко, что с елок дождем посыпались на землю шишки. — А не то я одним щелчком вышибу из тебя дух!

Петер весь съежился и закрыл руками голову, ожидая страшного удара.

Но Михель-Великан не ударил его. Он только насмешливо поглядел на Петера и расхохотался.

— Эх ты дурак! — сказал он. — Нашел, к кому на поклон ходить!.. Думаешь, я не видел, как ты распинался перед этим жалким старикашкой, перед этим стеклянным пузырьком. Счастье твое, что ты не знал до конца его дурацкого заклинания! Он скряга, дарит мало, а если и подарит что-нибудь, так ты жизни рад не будешь. Жаль мне тебя, Петер, от души жаль! Такой славный, красивый парень мог бы далеко пойти, а ты сидишь возле своей дымной ямы да угли жжешь. Другие не задумываясь швыряют направо и налево талеры и дукаты, а ты

боишься истратить медный грош... Жалкая жизнь!

— Что правда, то правда. Жизнь невеселая.

— Вот то-то же!..— сказал великан Михель.— Ну да мне не впервой выручать вашего брата. Говори попросту, сколько сот талеров нужно тебе для начала?

Он похлопал себя по карману, и деньги забренчали там так же звонко, как то золото, которое приснилось Петеру ночью.

Но сейчас этот звон почему-то не показался Петеру заманчивым. Сердце его испуганно сжалось. Он вспомнил слова старика о страшной расплате, которую требует Михель за свою помощь.

— Благодарю вас, сударь,— сказал он,— но я не желаю иметь с вами дело. Я знаю, кто вы такой!

И с этими словами он бросился бежать что было мочи.

Но Михель-Великан не отставал от него. Он шагал рядом с ним огромными шагами и глухо бормотал:

— Ты еще раскаешься, Петер Мунк! Я по твоим глазам вижу, что раскаешься... На лбу у тебя это написано. Да не беги же так быстро, послушай-ка, что я тебе скажу!.. А то будет поздно... Видишь вон ту канаву? Это уже конец моих владений...

Услышав эти слова, Петер бросился бежать еще быстрее. Но уйти от Михеля было не так-то просто. Десять шагов Петера были короче, чем один шаг Михеля. Добежав почти до самой канавы, Петер оглянулся и чуть не вскрикнул — он увидел, что Михель уже занес над его головой свой огромный багор.

Петер собрал последние силы и одним прыжком перескочил через канаву.

Михель остался на той стороне.

Страшно ругаясь, он размахнулся и швырнул

Петеру вслед тяжелый багор. Но гладкое, с виду крепкое, как железо, дерево разлетелось в щепки, словно ударились о какую-то невидимую каменную стену. И только одна длинная щепка перелетела через канаву и упала возле ног Петера.

— Что, приятель, промахнулся? — закричал Петер и схватил щепку, чтобы запустить ею в Михеля-Великана.

Но в ту же минуту он почувствовал, что дерево ожило у него в руках.

Это была уже не щепка, а скользкая ядовитая змея.

Он хотел было отшвырнуть ее, но она успела крепко обвиться вокруг его руки и, раскачиваясь из стороны в сторону, все ближе и ближе придвигала свою страшную узкую голову к его лицу.

И вдруг в воздухе прошумели большие крылья.

Огромный глухарь с лёта ударил змею своим крепким клювом, схватил ее и взвился в высоту. Михель-Великан заскрежетал зубами, завыл, закричал и, погрозив кулаком кому-то невидимому, зашагал к своему логову.

А Петер, полуживой от страха, отправился дальше своей дорогой.

Тропинка становилась все круче, лес — все гуще и глуше, и наконец Петер опять очутился возле огромной косматой ели на вершине горы.

Он снял шляпу, отвесил перед елью три низких — чуть не до самой земли — поклона и срывающимся голосом произнес заветные слова:

Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник,
Меж корней живет старик.

Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный!

Не успел он выговорить последнее слово, как чей-то тоненький, звонкий, как хрусталь, голосок сказал:

— Здравствуй, Петер Мунк!

И в ту же минуту он увидел под корнями старой ели крошечного старичка в черном кафтанчике, в красных чулочках, с большой остроконечной шляпой на голове. Старичок приветливо смотрел на Петера и поглаживал свою небольшую бородку — такую легкую, словно она была из паутины. Во рту у него была трубка из голубого стекла, и он то и дело попыхивал ею, выпуская густые клубы дыма.

Не переставая кланяться, Петер подошел и, к немалому своему удивлению, увидел, что вся одежда на старичке: кафтанчик, шаровары, шляпа, башмаки, — все было сделано из разноцветного стекла, но только стекло это было совсем мягкое, словно еще не остыло после плавки.

— Этот грубиян Михель, кажется, здорово напугал тебя, — сказал старичок. — Но я его славно проучил и даже отнял у него его знаменитый багор.

— Благодарю вас, господин Стекланный Человек, — сказал Петер. — Я и вправду натерпелся страха. А вы, верно, и были тем почтенным глухарем, который заклевал змею? Вы мне спасли жизнь! Пропал бы я без вас. Но уж если вы так добры ко мне, сделайте милость, помогите мне еще в одном деле. Я бедный угольщик, и живется мне очень трудно. Вы и сами понимаете, что если с утра до ночи сидеть возле угольной ямы — далеко не

уйдешь. А я еще молодой, мне хотелось бы узнать в жизни что-нибудь получше. Вот гляжу я на других — все люди как люди, им и почет, и уважение, и богатство... Взять хотя бы Иезекиила Толстого или Вильма Красивого, короля танцев,— так ведь у них денег что соломы!..

— Петер,— строго перебил его Стекланный Человечек и, запыхтев трубкой, выпустил густое облако дыма,— никогда не говори мне об этих людях. И сам не думай о них. Сейчас тебе кажется, что на всем свете нет никого, кто был бы счастливее их, а пройдет год или два, и ты увидишь, что нет на свете никого несчастнее. И еще скажу тебе: не презирай своего ремесла. Твой отец и дед были почтеннейшими людьми, а ведь они были угольщиками. Петер Мунк, я не хочу думать, что тебя привела ко мне любовь к безделью и легкой наживе.

Говоря это, Стекланный Человечек пристально смотрел Петеру прямо в глаза.

Петер покраснел.

— Нет, нет,— забормотал он,— я ведь и сам знаю, что лень — мать всех пороков, и все такое прочее. Но разве я виноват, что мое ремесло мне не по душе? Я готов быть стекольщиком, часовщиком, сплавщиком — кем угодно, только не угольщиком.

— Станный вы народ — люди! — сказал, усмехаясь, Стекланный Человечек.— Всегда недовольны тем, что есть. Был бы ты стекольщиком — захотел бы стать сплавщиком, был бы сплавщиком — захотел бы стать стекольщиком. Ну да пусть будет по-твоему. Если ты обещаешь мне работать честно, не лентясь, я помогу тебе. У меня заведен такой обычай: я исполняю три желания каждого, кто рожден в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни и кто сумеет меня найти. Два желания я исполняю, какие бы они

ни были, даже самые глупые. Но третье желание сбывается только в том случае, если оно стоит того. Ну, Петер Мунк, подумай хорошенько и скажи мне, чего ты хочешь.

Но Петер не стал долго раздумывать.

От радости он подбросил вверх свою шляпу и закричал:

— Да здравствует Стекланный Человечек, самый добрый и могущественный из всех лесных духов!.. Если вы, мудрейший властелин леса, в самом деле хотите осчастливить меня, я скажу вам самое заветное желание моего сердца. Во-первых, я хочу уметь танцевать лучше самого короля танцев и всегда иметь в кармане столько же денег, сколько у самого Иезекиила Толстого, когда он садится за игорный стол...

— Безумец! — сказал, нахмурившись, Стекланный Человечек. — Неужели ты не мог придумать что-нибудь поумнее? Ну посуди сам: какая будет польза тебе и твоей бедной матери, если ты научишься выкидывать разные коленца и дрыгать ногами, как этот бездельник Вильм? И какой толк в деньгах, если ты будешь оставлять их за игорным столом, как этот плут Иезекиил Толстый? Ты сам губишь свое счастье, Петер Мунк. Но сказанного не воротишь — твое желание будет исполнено. Говори же, чего бы ты хотел еще! Но смотри, на этот раз будь поумнее!

Петер задумался. Он долго морщил лоб и тер затылок, пытаясь придумать что-нибудь умное, и наконец сказал:

— Я хочу быть владельцем самого лучшего и самого большого стекольного завода, какой только есть в Шварцвальде. Ну и конечно, мне нужны деньги, чтобы пустить его в ход.

— И это все? — спросил Стекланный Челове-

чек, испытующе глядя на Петера.— Неужели это все? Подумай хорошенько, что еще тебе нужно?

— Ну, если вам не жалко, прибавьте ко второму желанию еще пару лошадок и коляску! И хватит...

— Глупый же ты человек, Петер Мунк! — воскликнул Стеклянный Человечек и со злости так швырнул свою стеклянную трубку, что она ударилась о ствол ели и разлетелась вдребезги.— «Лошадок, коляску»!.. Ума-разума надо тебе, понимаешь? Ума-разума, а не лошадок и коляску. Ну да все-таки второе твое желание поумней первого. Стекольный завод — это дело стоящее. Если вести его с умом, и лошадки, и коляска, и все у тебя будет.

— Так ведь у меня остается еще одно желание,— сказал Петер,— и я могу пожелать себе ума, если это так уж необходимо, как вы говорите.

— погоди, побереги третье желание про черный день. Кто знает, что еще ждет тебя впереди! А теперь ступай домой. Да возьми для начала вот это,— сказал Стеклянный Человечек и вынул из кармана кошелек, набитый деньгами.— Здесь ровно две тысячи гульденов. Три дня тому назад умер старый Винкфриц, хозяин большого стекольного завода. Предложи его вдове эти деньги, и она с радостью продаст тебе свой завод. Но помни: работа кормит только того, кто любит работу. Да не водись с Иезекиилом Толстым и пореже заходи в трактир. Это к добру не приведет. Ну, прощай. Я буду изредка заглядывать к тебе, чтобы помочь советом, когда тебе не будет хватать своего ума-разума.

С этими словами человечек вытащил из кармана новую трубку из самого лучшего матового стекла и набил сухими еловыми иглами.

Потом, крепко прикусив ее мелкими, острыми,

как у белки, зубками, он достал из другого кармана огромное увеличительное стекло, поймал в него солнечный луч и закурил.

Легкий дымок поднялся над стеклянной чашечкой. На Петера пахнуло нагретой солнцем смолой, свежими еловыми побегами, медом и почему-то самым лучшим голландским табаком. Дым делался все гуще, гуще и наконец превратился в целое облако, которое, клубясь и курчавясь, медленно растаяло в верхушках елей. А вместе с ним исчез и Стекланный Человечек.

Петер еще долго стоял перед старой елью, протирая глаза и вглядываясь в густую, почти черную хвою, но так никого и не увидел. На всякий случай он низко поклонился большой елке и пошел домой.

Свою старую мать он застал в слезах и тревоге. Бедная женщина думала, что ее Петера забрали в солдаты и ей не скоро уже придется с ним увидеться.

Какова же была ее радость, когда ее сын вернулся домой, да еще с кошельком, набитым деньгами! Петер не стал рассказывать матери о том, что с ним было на самом деле. Он сказал, что повстречал в городе одного доброго приятеля, который дал ему взаймы целых две тысячи гульденов, чтобы Петер мог начать стекольное дело.

Мать Петера прожила всю жизнь среди угольщиков и привыкла видеть все вокруг черным от сажи, как мельничиха привыкает видеть все кругом белым от муки. Поэтому сначала ее не очень-то обрадовала предстоящая перемена. Но в конце концов она и сама размечталась о новой, сытой и спокойной жизни.

«Да что там ни говори,— думала она,— а быть матерью стекольного заводчика почетнее, чем быть матерью простого угольщика. Соседки Грета и Бета

мне теперь не чета. И в церкви я с этих пор буду сидеть не у стены, где меня никто не видит, а на передних скамейках, рядом с женой господина бургомистра, матерью господина пастора и тетушкой господина судьи...»

На следующий день Петер чуть свет отправился к вдове старого Винкфрица.

Они быстро поладили, и завод со всеми работниками перешел к новому хозяину.

Вначале стекольное дело очень нравилось Петеру.

Целые дни, с утра до вечера, он проводил у себя на заводе. Придет, бывало, не спеша и, заложив руки за спину, как делал это старый Винкфриц, важно расхаживает по своим владениям, заглядывая во все углы и делая замечания то одному работнику, то другому. Он и не слышал, как за его спиной работники посмеивались над советами неопытного хозяина.

Больше всего нравилось Петеру смотреть, как работают стеклодувы. Иногда он и сам брал длинную трубку и выдувал из мягкой неостывшей массы пузатую бутыль или какую-нибудь затейливую, ни на что не похожую фигурку.

Но скоро все это ему надоело. Он стал приходить на завод всего на часок, потом через день, через два и под конец не чаще, чем раз в неделю.

Работники были очень довольны и делали что хотели. Словом, порядка на заводе не стало никакого. Все пошло вкривь и вкось.

А началось все с того, что Петеру вздумалось заглянуть в трактир.

Он отправился туда в первое же воскресенье после покупки завода.

В трактире было весело. Играла музыка, и пос-

реди зала, на удивление всем собравшимся, лихо отплясывал король танцев — Вильм Красивый.

А перед кружкой пива сидел Иезекиил Толстый и играл в кости, не глядя бросая на стол звонкие монеты.

Петер поспешно сунул руку в карман, чтобы проверить, сдержал ли Стеклянный Человечек свое слово. Да, сдержал! Карманы его были битком набиты серебром и золотом.

«Ну так, верно, и насчет танцев он меня не подвел», — подумал Петер.

И как только музыка заиграла новый танец, он подхватил какую-то девушку и стал с ней в пару против Вильма Красивого.

Ну и пляска же это была! Вильм подпрыгивал на три четверти, а Петер — на четыре, Вильм кружился волчком, а Петер ходил колесом, Вильм выгибал ноги кренделем, а Петер закручивал штопором.

С тех пор как стоял этот трактир, никто никогда не видел ничего подобного.

Петеру кричали «Ура!» и единодушно провозгласили его королем над всеми королями танцев.

Когда же все трактирные завсегдатаи узнали, что Петер только что купил себе стекольный завод, когда заметили, что каждый раз, проходя в танце мимо музыкантов, он бросает им золотую монетку, — общему удивлению не было конца.

Одни говорили, что он нашел в лесу клад, другие — что он получил наследство, но все сходились на том, что Петер Мунк самый славный парень во всей округе.

Наплясавшись вволю, Петер подсел к Иезекиилу Толстому и вызвался сыграть с ним партию-другую. Он сразу же поставил двадцать гульденов и тут же проиграл их. Но это его нисколько не сму-

тило. Как только Иезекиил положил свой выигрыш в карман, в кармане у Петера тоже прибавилось ровно двадцать гульденов.

Словом, все получилось точь-в-точь как хотел Петер. Он хотел, чтобы в кармане у него всегда было столько же денег, сколько у Иезекиила Толстого, и Стекланный Человечек исполнил его желание. Поэтому, чем больше денег переходило из его кармана в карман толстого Иезекиила, тем больше денег становилось в его собственном кармане.

А так как игрок он был из рук вон плохой и все время проигрывал, то нет ничего удивительного, что он постоянно был в выигрыше.

С тех пор Петер стал проводить за игорным столом все дни, и праздничные и будничные.

Люди так привыкли к этому, что называли его уже не королем над всеми королями танцев, а просто Петером-игроком.

Но хоть он стал теперь бесшабашным кутилой, сердце у него по-прежнему было доброе. Он без счета раздавал деньги беднякам, так же как без счета пропивал и проигрывал.

И вдруг Петер с удивлением стал замечать, что денег у него становится все меньше и меньше. А удивляться было нечему. С тех пор как он стал бывать в трактире, стекольное дело он совсем забросил, и теперь завод приносил ему не доходы, а убытки. Заказчики перестали обращаться к Петеру, и скоро ему пришлось за полцены продать весь товар бродячим торговцам только для того, чтобы расплатиться со своими мастерами и подмастерами.

Однажды вечером Петер шел из трактира домой. Он выпил изрядное количество вина, но на этот раз вино нисколько не развеселило его.

С ужасом думал он о своем неминуемом разоре-

нии. И вдруг Петер заметил, что рядом с ним кто-то идет мелкими быстрыми шажками. Он оглянулся и увидел Стеклянного Человечка.

— Ах, это вы, сударь! — сказал Петер сквозь зубы. — Пришли полюбоваться моим несчастьем? Да, нечего сказать, щедро вы наградили меня!.. Врагу не пожелаю такого покровителя! Ну что вы мне теперь прикажете делать? Того и гляди, пожалует сам начальник округа и пустит за долги с публичного торга все мое имущество. Право же, когда я был жалким угольщиком, у меня было меньше огорчений и забот...

— Так, — сказал Стеклянный Человечек, — так! Значит, по-твоему, это я виноват во всех твоих несчастьях? А по-моему, ты сам виноват в том, что не сумел пожелать ничего путного. Для того чтобы стать хозяином стекольного дела, голубчик, надо прежде всего быть толковым человеком и знать мастерство. Я тебе и раньше говорил, и теперь скажу: ума тебе не хватает, Петер Мунк, ума и сообразительности!

— Какого там еще ума!.. — закричал Петер, задыхаясь от обиды и злости. — Я нисколько не глупее всякого другого и докажу тебе это на деле, еловая шишка! — С этими словами Петер схватил Стеклянного Человечка за шиворот и стал трясти его изо всех сил. — Ага, попался, властелин лесов? Ну-ка, исполняй третье мое желание! Чтобы сейчас же на этом самом месте был мешок с золотом, новый дом и... Ай-ай!.. — завопил он вдруг не своим голосом.

Стеклянный Человечек как будто вспыхнул у него в руках и засветился ослепительно белым пламенем. Вся его стеклянная одежда раскалилась, и горячие, колючие искры так и брызнули во все стороны.

Петер невольно разжал пальцы и замахал в воздухе обожженной рукой.

В это самое мгновение над ухом у него раздался легкий, как звон стекла, смех — и все стихло.

Стеклянный Человечек пропал.

Несколько дней не мог Петер позабыть об этой неприятной встрече.

Он бы и рад был не думать о ней, да распухшая рука все время напоминала ему о его глупости и неблагодарности.

Но мало-помалу рука у него зажила, и на душе стало легче.

— Если даже они и продадут мой завод, — успокаивал он себя, — у меня все-таки останется толстый Иезекиил. Пока у него в кармане есть деньги, и я не пропаду.

Так-то оно так, Петер Мунк, а вот если денег у Иезекиила не станет, что тогда? Но Петеру это даже и в голову не приходило.

А между тем случилось именно то, чего он не предвидел, и в один прекрасный день произошла очень странная история, которую никак нельзя объяснить законами арифметики.

Однажды в воскресенье Петер, как обычно, пришел в трактир.

— Добрый вечер, хозяин, — сказал он с порога. — Что, толстый Иезекиил уже здесь?

— Заходи, заходи, Петер, — отозвался сам Иезекиил. — Место для тебя оставлено.

Петер подошел к столу и сунул руку в карман, чтобы узнать, в проигрыше или выигрыше толстый Иезекиил. Оказалось, в большом выигрыше. Об этом Петер мог судить по своему собственному туго набитому карману.

Он подсел к игрокам и так провел время до

самого вечера, то выигрывая партию, то проигрывая. Но сколько он ни проигрывал, деньги у него в кармане не убывали, потому что Иезекиилу Толстому все время везло.

Когда за окнами стемнело, игроки один за другим стали расходиться по домам. Поднялся и толстый Иезекиил. Но Петер так уговаривал его остаться и сыграть еще партию-другую, что тот наконец согласился.

— Ну, хорошо,— сказал Иезекиил.— Только сначала я пересчитаю свои деньги. Будем бросать кости. Ставка — пять гульденов. Меньше нет смысла: детская игра!..— Он вытащил свой кошелек и стал считать деньги.— Ровно сто гульденов! — сказал он, пряча кошелек в карман.

Теперь и Петер знал, сколько у него денег: ровно сто гульденов. И считать не надо было.

И вот игра началась. Первым бросил кости Иезекиил — восемь очков! Бросил кости Петер — десять очков!

Так и пошло: сколько раз ни бросал кости Иезекиил Толстый, у Петера всегда было больше ровно на два очка.

Наконец толстяк выложил на стол свои последние пять гульденов.

— Ну, бросай еще раз! — крикнул он.— Но так и знай, я не сдамся, даже если проиграю и теперь. Ты одолжишь мне несколько монет из своего выигрыша. Порядочный человек всегда выручает приятеля в затруднении.

— Да о чем там говорить! — сказал Петер.— Мой кошелек всегда к твоим услугам.

Толстый Иезекиил встряхнул кости и бросил на стол.

— Пятнадцать! — сказал он.— Теперь посмотрим, что у тебя.

Петер не глядя швырнул кости.

— Моя взяла! Семнадцать!..— крикнул он и даже засмеялся от удовольствия.

В ту же минуту за его спиной раздался чей-то глухой, хриплый голос:

— Это была твоя последняя игра!

Петер в ужасе оглянулся и увидел за своим стулом огромную фигуру Михеля-Голландца. Не смея пошевелинуться, Петер так и замер на месте.

А толстый Иезекиил никого и ничего не видел.

— Дай мне скорей десять гульденов, и будем продолжать игру! — нетерпеливо сказал он.

Петер как во сне сунул руку в карман. Пусто! Он пошарил в другом кармане — и там не больше.

Ничего не понимая, Петер вывернул оба кармана наизнанку, но не нашел в них даже самой мелкой монетки.

Тут он с ужасом вспомнил о своем первом желании. Проклятый Стекланный Человечек сдержал свое слово до конца: Петер хотел, чтобы денег у него было столько же, сколько в кармане у Иезекиила Толстого, и вот у Иезекиила Толстого нет ни гроша, и в кармане у Петера — ровно столько же!

Хозяин трактира и Иезекиил Толстый смотрели на Петера, вытаращив глаза. Они никак не могли понять, куда же девал он выигранные деньги. А так как Петер на все их вопросы не мог ответить ничего путного, то они решили, что он попросту не хочет расплачиваться с трактирщиком и боится поверить в долг Иезекиилу Толстому.

Это привело их в такую ярость, что они вдвоем накинулись на Петера, избили его, сорвали с него кафтан и вытолкали за дверь.

Ни одной звездочки не видно было на небе, когда Петер пробирался к себе домой.

Темень была такая, что хоть глаз выколи, и все-

таким он различил рядом с собой какую-то огромную фигуру, которая была темней темноты.

— Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета! — сказал знакомый хриплый голос. — Теперь ты видишь, каково приходится тем, кто не хочет слушать моих советов. А ведь сам виноват! Вольно же тебе было водиться с этим скупым старикашкой, с этим жалким стеклянным пузырьком!.. Ну да еще не все потеряно. Я не злопамятен. Слушай, завтра я целый день буду у себя на горе. Приходи и позови меня. Не раскаешься!

Сердце похолодело у Петера, когда он понял, кто с ним говорит. Михель-Великан! Опять Михель-Великан!.. Сломая голову Петер бросился бежать, сам не зная куда.

II

Когда в понедельник утром Петер пришел на свой стекольный завод, он застал там непрощенных гостей — начальника округа и трех судейских.

Начальник вежливо поздоровался с Петером, спросил, хорошо ли он почивал и как его здоровье, а потом вытащил из кармана длинный список, в котором стояли имена всех, кому Петер был должен.

— Собираетесь ли вы, сударь, заплатить всем этим лицам? — спросил начальник, строго глядя на Петера. — Если собираетесь, прошу вас поторопиться. Времени у меня немного, а до тюрьмы добрых три часа ходу.

Петеру пришлось сознаться, что платить ему нечем, и судейские без долгих разговоров приступили к описи его имущества.

Они описали дом и пристройки, завод и конюшню, коляску и лошадей. Описали стеклянную

посуду, которая стояла в кладовых, и метлу, которой подметают двор... Словом, все-все, что только попало им на глаза.

Пока они расхаживали по двору, все разглядывая, ощупывая и оценивая, Петер стоял в стороне и посвистывал, стараясь показать, что это его нимало не беспокоит. И вдруг в ушах у него зазвучали слова Михеля: «Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета!..»

Сердце у него тревожно екнуло и кровь застучала в висках.

«А ведь до Еловой горы совсем не так далеко, ближе, чем до тюрьмы,— подумал он.— Если маленький не захотел помочь, что ж, пойду попрошу большого...»

И, не дожидаясь, покуда судейские кончат свое дело, он украдкой вышел за ворота и бегом побежал в лес.

Он бежал быстро — быстрее, чем заяц от гончих собак,— и сам не заметил, как очутился на вершине Еловой горы.

Когда он пробежал мимо старой большой ели, под которой в первый раз разговаривал со Стеклянным Человечком, ему показалось, что чьи-то невидимые руки стараются поймать и удержать его. Но он вырвался и опрометью побежал дальше...

Вот и канава, за которой начинаются владения Михеля-Великана!..

Одним прыжком перемахнул Петер на ту сторону и, едва отдышавшись, крикнул:

— Господин Михель! Михель-Великан!..

И не успело эхо откликнуться на его крик, как перед ним словно из-под земли выросла знакомая страшная фигура — чуть ли не в сосну ростом, в одежде плотогона, с огромным багром на плече...

Михель-великан явился на зов.

— Ага, пришел-таки! — сказал он смеясь. — Ну что, дочиста облупили тебя? Шкура-то еще целая или, может, и ту содрали и продали за долги? Да полно, полно, не горюй! Пойдем-ка лучше ко мне, потолкуем... Авось и сговоримся...

И он зашагал сажеными шагами в гору по каменной узкой тропинке.

«Сговоримся?.. — думал Петер, стараясь не отстать от него. — Чего же ему от меня надо? Сам ведь знает, что у меня ни гроша за душой... Работать на себя заставит, что ли?»

Лесная тропинка становилась все круче и круче и наконец оборвалась. Они очутились перед глубоким темным ущельем.

Михель-Великан не задумываясь сбежал по отвесной скале, словно это была пологая лестница. А Петер остановился на самом краю, со страхом глядя вниз и не понимая, что же ему делать дальше. Ущелье было такое глубокое, что сверху даже Михель-Великан казался маленьким, как Стекланный Человечек.

И вдруг — Петер едва мог поверить своим глазам — Михель стал расти. Он рос, рос, пока не стал вышиной с кёльнскую колокольню. Тогда он протянул Петеру руку, длинную, как багор, подставил ладонь, которая была больше, чем стол в трактире, и сказал голосом гулким, как погребальный колокол:

— Садись ко мне на руку да покрепче держись за палец! Не бойся, не упадешь!

Замирая от ужаса, Петер перешагнул на ладонь великана и ухватился за его большой палец. Великан стал медленно опускать руку, и чем ниже он ее опускал, тем меньше становился сам.

Когда он наконец поставил Петера на землю, он уже опять был такого роста, как всегда, — гораз-

до больше человека, но немного меньше сосны.

Петер оглянулся по сторонам. На дне ущелья было так же светло, как наверху, только свет здесь был какой-то неживой — холодный, резкий. От него делалось больно глазам.

Вокруг не было видно ни дерева, ни куста, ни цветка. На каменной площадке стоял большой дом, обыкновенный дом, не хуже и не лучше, чем те, в которых живут богатые шварцвальдские плотогоны, разве что побольше, а так — ничего особенного.

Михель, не говоря ни слова, отворил дверь, и они вошли в горницу. И здесь все было как у всех: деревянные стенные часы — изделие шварцвальдских часовщиков, — изразцовая расписная печь, широкие скамьи, всякая домашняя утварь на полках вдоль стен.

Только почему-то казалось, что здесь никто не живет, — от печки веяло холодом, часы молчали.

— Ну, присаживайся, приятель, — сказал Михель. — Выпьем по стакану вина.

Он вышел в другую комнату и скоро вернулся с большим кувшином и двумя пузатыми стеклянными стаканами — точь-в-точь такими, какие делали на заводе у Петера.

Налив вина себе и гостю, он завел разговор о всякой всячине, о чужих краях, где ему не раз довелось побывать, о прекрасных городах и реках, о больших кораблях, пересекающих моря, и наконец так раззадорил Петера, что тому до смерти захотелось поездить по белу свету и посмотреть на все его диковинки.

— Да, вот это жизнь!.. — сказал он. — А мы-то, дураки, сидим весь век на одном месте и ничего не видим, кроме елок да сосен.

— Что ж, — лукаво прищурившись, сказал

Михель-Великан.— И тебе пути не заказаны. Можно и постранствовать, и делом позаняться. Все можно — только бы хватило смелости, твердости, здравого смысла... Только бы не мешало глупое сердце!.. А как оно мешает, черт побери!.. Вспомни-ка, сколько раз тебе в голову приходили какие-нибудь славные затеи, а сердце вдруг дрогнет, заколотится, ты и трусишь ни с того ни с сего. А если кто-нибудь обидит тебя, да еще ни за что ни про что? Кажется, и думать не о чем, а сердце ноет, щемит... Ну вот скажи-ка мне сам: когда тебя вчера вечером обозвали обманщиком и вытолкали из трактира, голова у тебя заболела, что ли? А когда судейские описали твой завод и дом, у тебя, может быть, заболел живот? Ну, говори прямо, что у тебя заболело?

— Сердце,— сказал Петер.

И, словно подтверждая его слова, сердце у него в груди тревожно сжалось и забилося часто-часто.

— Так,— сказал Михель-Великан и покачал головой.— Мне вот говорил кое-кто, что ты, покуда у тебя были деньги, не жалея, раздавал их всяким побирушкам да попрошайкам. Правда это?

— Правда,— шепотом сказал Петер.

Михель кивнул головой.

— Так,— повторил он опять.— А скажи мне, зачем ты это делал? Какая тебе от этого польза? Что ты получил за свои деньги? Пожелания всяких благ и доброго здоровья! Ну и что же, ты стал от этого здоровее? Да половины этих выброшенных денег хватило бы, чтобы держать при себе хорошего врача. А это было бы гораздо полезнее для твоего здоровья, чем все пожелания, вместе взятые. Знал ты это? Знал. Что же тебя заставляло всякий раз, когда какой-нибудь грязный нищий протягивал тебе свою помятую шляпу, опускать руку в карман?

Сердце, опять-таки сердце, а не глаза, не язык, не руки и не ноги. Ты, как говорится, слишком близко все принимал к сердцу.

— Но как же сделать, чтобы этого не было? — спросил Петер. — Сердцу не прикажешь!.. Вот и сейчас — я бы так хотел, чтоб оно перестало дрожать и болеть. А оно дрожит и болит.

Михель засмеялся.

— Ну еще бы! — сказал он. — Где тебе с ним справиться! Люди покрепче и те не могут совладать со всеми его прихотями и причудами. Знаешь что, братец, отдай-ка ты его лучше мне. Увидишь, как я с ним управлюсь.

— Что? — в ужасе закричал Петер. — Отдать вам сердце?.. Но ведь я же умру на месте. Нет, нет, ни за что!

— Пустое! — сказал Михель. — Это если бы кто-нибудь из ваших господ хирургов вздумал вынуть из тебя сердце, тогда ты бы, конечно, не прожил и минуты. Ну а я — другое дело. И жив будешь, и здоров, как никогда. Да вот поди сюда, погляди своими глазами... Сам увидишь, что бояться нечего. — Он встал, отворил дверь в соседнюю комнату и поманил Петера рукой: — Входи сюда, приятель, не бойся! Тут есть на что поглядеть.

Петер переступил порог и невольно остановился, не смея поверить своим глазам.

Сердце в груди у него так сильно сжалось, что он едва перевел дыхание.

Вдоль стен на длинных деревянных полках стояли рядами стеклянные банки, до самых краев налитые какой-то прозрачной жидкостью.

А в каждой банке лежало человеческое сердце. Сверху на ярлычке, приклеенном к стеклу, было написано имя и прозвище того, в чьей груди оно раньше билось.

Петер медленно пошел вдоль полка, читая ярлычок за ярлычком. На одном было написано: «Сердце господина начальника округа», на другом — «Сердце главного лесничего». На третьем просто — «Иезекиил Толстый», на четвертом — «Король танцев».

Дальше подряд стояли шесть сердец скупщиков хлеба, три сердца богатых ростовщиков, два таможенных сердца, четыре судейских...

Словом, много сердец и много почтенных имен, известных всей округе.

— Видишь, — сказал Михель-Великан, — ни одно из этих сердец не сжимается больше ни от страха, ни от огорчения. Их бывшие хозяева избавились раз навсегда от всяких забот, тревог, пороков сердца и прекрасно чувствуют себя, с тех пор как выселили из своей груди беспокойного жильца.

— Да, но что же теперь у них в груди вместо сердца? — спросил, запинаясь, Петер, у которого голова пошла кругом от всего, что он видел и слышал.

— А вот что, — спокойно ответил Михель.

Он выдвинул какой-то ящик и достал оттуда каменное сердце.

— Это? — переспросил Петер, задыхаясь, и холодная дрожь пробежала у него по спине. — Мраморное сердце?.. Но ведь от него, должно быть, очень холодно в груди?

— Конечно, оно немного холодит, — сказал Михель, — но это очень приятная прохлада. Да и зачем, собственно, сердце непременно должно быть горячим? Зимой, когда холодно, вишневая наливка греет куда лучше, чем самое горячее сердце. А летом, когда и без того душно и жарко, ты и не поверишь, как славно освежает такое мраморное сердечко. А главное — оно-то уж не забьется у тебя

ни от страха, ни от тревоги, ни от глупой жалости. Очень удобно!

Петер пожал плечами.

— И это все, зачем вы меня позвали? — спросил он у великана. — По правде сказать, не того я ожидал от вас. Мне нужны деньги, а вы мне предлагаете камень.

— Ну, я думаю, ста тысяч гульденов хватит тебе на первое время, — сказал Михель. — Если сумеешь выгодно пустить их в оборот, ты можешь стать настоящим богачом.

— Сто тысяч!.. — закричал, не веря своим ушам, бедный угольщик, и сердце его забилося так сильно, что он невольно придержал его рукой. — Да не колотись ты, неугомонное! Скоро я навсегда разделяюсь с тобой... Господин Михель, я согласен на все! Дайте мне деньги и ваш камешек, а этого бестолкового барабанщика можете взять себе.

— Я так и знал, что ты парень с головой, — дружески улыбаясь, сказал Михель. — По этому случаю следует выпить. А потом и делом займемся.

Они уселись за стол и выпили по стакану крепкого, густого, точно кровь, вина, потом еще по стакану, еще по стакану, и так до тех пор, пока большой кувшин не опустел совсем.

В ушах у Петера зашумело и, уронив голову на руки, он заснул мертвым сном.

Петера разбудили веселые звуки почтового рожка. Он сидел в прекрасной карете. Лошади мерно стучали копытами, и карета быстро катилась. Выглянув из окошка, он увидел далеко позади горы Шварцвальда в дымке синего тумана.

Сначала он никак не мог поверить, что это он сам, угольщик Петер Мунк, сидит на мягких подушках в богатой барской карете. Да и платье на

нем было такое, какое ему и во сне не снилось... А все-таки это был он, угольщик Петер Мунк!..

На минуту Петер задумался. Вот он первый раз в жизни покидает эти горы и долины, поросшие еловым лесом. Но почему-то ему совсем не жалко уезжать из родных мест. Да и мысль о том, что он оставил свою старуху мать одну, в нужде и тревоге, не сказав ей на прощание ни одного слова, тоже нисколько не опечалила его.

«Ах да,— вспомнил он вдруг,— ведь у меня теперь каменное сердце!.. Спасибо Михелю-Голландцу — он избавил меня от всех этих слез, вздохов, сожалений...»

Он приложил руку к груди и почувствовал только легкий холодок. Каменное сердце не билось.

«Ну, относительно сердца он сдержал свое слово,— подумал Петер.— А вот как насчет денег?»

Он принялся осматривать карету и среди вороха всяких дорожных вещей нашел большую кожаную сумку, туго набитую золотом и чеками на торговые дома во всех больших городах.

«Ну, теперь все в порядке»,— подумал Петер и уселся поудобнее среди мягких кожаных подушек.

Так началась новая жизнь господина Петера Мунка.

Два года ездил он по белу свету, много видел, но ничего не заметил, кроме почтовых станций, вывесок на домах да гостиниц, в которых он останавливался.

Впрочем, Петер всегда нанимал человека, который показывал ему достопримечательности каждого города.

Глаза его смотрели на прекрасные здания, картины и сады, уши слушали музыку, веселый смех, умные беседы, но ничто его не занимало и не радо-

вало, потому что сердце у него всегда оставалось холодным.

Только и было у него удовольствия что сытно есть и сладко спать.

Однако все кушанья ему почему-то скоро приелись, а сон стал бежать от него. И ночью, ворочаясь с боку на бок, он не раз вспоминал о том, как хорошо ему спалось в лесу около угольной ямы и как вкусен был жалкий обед, который приносила из дому мать.

Ему никогда теперь не бывало грустно, но зато не бывало и весело.

Если другие смеялись при нем, он только из вежливости растягивал губы.

Ему даже казалось иногда, что он просто разучился смеяться, а ведь прежде, бывало, его мог насмешить всякий пустяк.

В конце концов ему стало так скучно, что он решил вернуться домой. Не все ли равно, где скучать?

Когда он снова увидел темные леса Шварцвальда и добродушные лица земляков, кровь на мгновение прилила к его сердцу, и ему даже показалось, что он сейчас обрадуется. Нет! Каменное сердце осталось таким же холодным, как было. Камень — это камень.

Вернувшись в родные места, Петер раньше всего пошел повидаться с Михелем-Голландцем. Тот встретил его по-приятельски.

— Здорово, дружище! — сказал он. — Ну что, хорошо съездил? Повидал белый свет?

— Да как вам сказать... — ответил Петер. — Видел я, разумеется, немало, но все это глупости, одна скука... Вообще должен вам сказать, Михель, что этот камешек, которым вы меня наградили, не такая уж находка. Конечно, он меня избавляет от

многих неприятностей. Я никогда не сержусь, не грущу, но зато никогда и не радуюсь. Словно я живу наполовину... Нельзя ли сделать его хоть немного поживее? А еще лучше — отдайте мне мое прежнее сердце. За двадцать пять лет я порядком привык к нему, и хоть иной раз оно и пошаливало — все же это было веселое, славное сердце.

Михель-Великан расхохотался.

— Ну и дурак же ты, Петер Мунк, как я погляжу, — сказал он. — Ездил-ездил, а ума не набрался. Ты знаешь, отчего тебе скучно? От безделья. А ты все валишь на сердце. Сердце тут решительно ни при чем. Ты лучше послушай меня: построй себе дом, женись, пусти деньги в оборот. Когда каждый гульден будет у тебя превращаться в десять, тебе станет так весело, как никогда. Деньгам даже камень обрадуется.

Петер без долгих споров согласился с ним. Михель-Голландец тут же подарил ему еще сто тысяч гульденов, и они расстались друзьями.

Скоро по всему Шварцвальду пошла молва о том, что угольщик Петер Мунк воротился домой еще богаче, чем был до отъезда.

И тут случилось то, что обычно бывает в таких случаях. Он опять стал желанным гостем в трактире, все кланялись ему, спешили пожать руку, каждый рад был назвать его своим другом.

Стекольное дело он бросил и начал торговать лесом. Но и это было только для вида.

На самом деле он торговал не лесом, а деньгами: давал их взаймы и получал назад с лихвою.

Мало-помалу половина Шварцвальда оказалась у него в долгу.

С начальником округа он был теперь запанибрата. И стоило Петеру только заикнуться, что кто-

то не уплатил ему деньги в срок, как судейские мигом налетали на дом несчастного должника, все описывали, оценивали и продавали с молотка. Таким образом каждый гульден, который Петер получил от Михеля-Голландца, очень скоро превратился в десять.

Правда, сначала господину Петеру Мунку немного докучали мольбы, слезы и упреки. Целые толпы должников днем и ночью осаждали его двери. Мужчины умоляли об отсрочке, женщины старались слезами смягчить его каменное сердце, дети просили хлеба...

Однако все это уладилось как нельзя лучше, когда Петер обзавелся двумя огромными овчарками. Стоило спустить их с цепи, как вся эта, по выражению Петера, «кошачья музыка» мигом прекращалась.

Но больше всего досаждала ему «старуха» (так называл он свою мать, госпожу Мунк).

Когда Петер вернулся из странствий, снова разбогатевший и всеми уважаемый, он даже не зашел в ее бедную хижину.

Старая, полуголодная, больная, она приходила к нему во двор, опираясь на палку, и робко останавливалась у порога.

Просить у чужих она не смела, чтобы не позорить своего богатого сына, и каждую субботу приходила к его дверям, ожидая подаяния и не решаясь войти в дом, откуда один раз ее уже выгнали.

Завидя старуху из окна, Петер, сердито хмурясь, доставал из кармана несколько медяков, заворачивал их в клочок бумаги и, кликнув слугу, высылал матери. Он слышал, как она дрожащим голосом благодарила его и желала ему всякого благополучия, слышал, как, покашливая и постукивая палочкой, пробиравась она мимо его окон, но думал

только о том, что вот опять понапрасну истратил несколько грошей.

Да что и говорить, теперь это был уже не тот Петер Мунк, бесшабашный весельчак, который без счета бросал деньги бродячим музыкантам и всегда был готов помочь первому встречному бедняку. Нынешний Петер Мунк хорошо знал цену деньгам и ничего другого не желал знать.

С каждым днем он делался все богаче и богаче, но веселее ему не становилось.

И вот, вспомнив совет Михеля-Великана, он решил жениться.

Петер знал, что любой почтенный человек в Шварцвальде с радостью отдаст за него свою дочь, но он был разборчив. Ему хотелось, чтобы все хвалили его выбор и завидовали его счастью. Он объехал весь край, заглянул во все углы и закоулки, посмотрел всех невест, но ни одна из них не показалась ему достойной стать супругой господина Мунка.

Наконец на одной вечеринке ему сказали, что самая красивая и скромная девушка во всем Шварцвальде — это Лизбет, дочь бедного дровосека. Но она никогда не бывает на танцах, сидит дома, шьет, хозяйничает и ухаживает за стариком отцом. Лучше этой невесты нет не только в здешних местах, но и на всем свете.

Не откладывая дела, Петер собрался и поехал к отцу красавицы. Бедный дровосек был очень удивлен посещением такого важного господина. Но еще больше удивился он, когда узнал, что этот важный господин хочет посвататься к его дочери.

Как было не ухватиться за такое счастье!

Старик решил, что его горестям и заботам пришел конец, и, не долго думая, дал Петеру согласие, даже не спросив красавицу Лизбет.

А красавица Лизбет была покорной дочерью. Она беспрекословно исполнила волю отца и стала госпожою Мунк.

Но невесело жилось бедняжке в богатом доме ее мужа. Все соседи считали ее примерной хозяйкой, а господину Петеру она никак не могла угодить.

У нее было доброе сердце, и, зная, что в доме сундуки ломаются от всякого добра, она не считала за грех накормить какую-нибудь бедную старушку, вынести рюмку вина прохожему старику или дать несколько мелких монеток соседским детям на сласти.

Но когда Петер однажды узнал об этом, он весь побагровел от злости и сказал:

— Как ты смеешь швырять направо и налево мое добро? Забыла, что сама нищая?.. Смотри у меня, чтобы это было в последний раз, а не то...

И он так взглянул на нее, что сердце похолодело в груди у бедной Лизбет. Она горько заплакала и ушла к себе.

С тех пор всякий раз, когда какой-нибудь бедняк проходил мимо их дома, Лизбет закрывала окно или отворачивалась, чтобы не видеть чужой бедности. Но ни разу не посмела она послушаться своего сурового мужа.

Никто не знал, сколько слез она пролила по ночам, думая о холодном, безжалостном сердце Петера, но все знали теперь, что госпожа Мунк не даст умирающему глотка воды и голодному корки хлеба. Она прослыла самой скупой хозяйкой в Шварцвальде.

Однажды Лизбет сидела перед домом, пряла пряжу и напевала какую-то песенку. На душе у нее было в этот день легко и весело, потому что погода была отличная, а господин Петер уехал по делам.

И вдруг она увидела, что по дороге идет какой-то дряхлый старичок. Сгибаясь в три погибели, он тащил на спине большой, туго набитый мешок.

Старичок то и дело останавливался, чтобы перевести дух и стереть пот со лба.

«Бедный,— подумала Лизбет,— как трудно ему нести такую непосильную ношу!»

А старичок, подойдя к ней, сбросил на землю свой огромный мешок, тяжело опустился на него и сказал едва слышным голосом:

— Будьте милостивы, хозяйшшка! Дайте мне глоток воды. До того измучился, что просто с ног валяюсь.

— Как же можно в ваши годы таскать такие тяжести! — сказала Лизбет.

— Что поделаешь! Бедность!..— ответил старичок.— Жить-то ведь чем-нибудь надо. Конечно, такой богатой женщине, как вы, это и понять мудрено. Вот вы, наверно, кроме сливок, и не пьете ничего, а я и за глоток воды скажу спасибо.

Ничего не ответив, Лизбет побежала в дом и налила полный ковшик воды. Она хотела уже отнести его прохожему, но вдруг, не дойдя до порога, остановилась и снова вернулась в комнату. Отворив шкаф, она достала большую узорчатую кружку, налила до краев вином и, прикрыв сверху свежим, только что испеченным хлебцем, вынесла старику.

— Вот,— сказала она,— подкрепитесь на дорогу.

Старичок с удивлением посмотрел на Лизбет своими выцветшими, светлыми, как стекло, глазами.

Он медленно выпил вино, отломил кусочек хлеба и сказал дрожащим голосом:

— Я человек старый, но мало видел на своем веку людей с таким добрым сердцем, как у

вас. А доброта никогда не остается без награды...

— И свою награду она получит сейчас же! — загремел у них за спиной страшный голос.

Они обернулись и увидели господина Петера.

— Так вот ты как!..— проговорил он сквозь зубы, сжимая в руках кнут и подступая к Лизбет.— Самое лучшее вино из моего погреба ты наливаешь в мою самую любимую кружку и угощаешь каких-то грязных бродяг... Вот же тебе! Получай свою награду!..

Он размахнулся и изо всей силы ударил жену по голове тяжелым кнутовищем из черного дерева.

Не успев даже вскрикнуть, Лизбет упала на руки старика.

Каменное сердце не знает ни сожаления, ни раскаяния. Но тут даже Петеру стало не по себе, и он бросился к Лизбет, чтобы поднять ее.

— Не трудись, угольщик Мунк! — вдруг сказал старик хорошо знакомым Петеру голосом.— Ты сломал самый прекрасный цветок в Шварцвальде, и он никогда больше не зацветет.

Петер невольно отшатнулся.

— Так это вы, господин Стекланный Человечек! — в ужасе прошептал он.— Ну да что сделано, того уж не воротить. Но я надеюсь, по крайней мере, что вы не донесете на меня в суд...

— В суд? — Стекланный Человечек горько усмехнулся.— Нет, я слишком хорошо знаю твоих приятелей — судейских... Кто мог продать свое сердце, тот и совесть продаст, не задумавшись. Я сам буду судить тебя!..

От этих слов в глазах у Петера потемнело.

— Не тебе меня судить, старый скряга! — закричал он, потрясая кулаками.— Это ты погубил меня! Да, да, ты, и никто другой! По твоей милости пошел я на поклон к Михелю-Голландцу. И теперь

ты сам должен держать ответ передо мной, а не я перед тобой!..

И он вне себя замахнулся кнутом. Но рука его так и застыла в воздухе.

На глазах у него Стеклянный Человечек вдруг стал расти. Он рос все больше, больше, пока не заслонил дом, деревья, даже солнце... Глаза его метали искры и были ярче самого яркого пламени. Ондохнул — и палящий жар пронизал Петера насквозь, так что даже его каменное сердце согрелось и дрогнуло, как будто снова забилося. Нет, никогда даже Михель-Великан не казался ему таким страшным! Петер упал на землю и закрыл голову руками, чтобы защититься от мести разгневанного Стеклянного Человечка, но вдруг почувствовал, что огромная рука, цепкая, словно когти коршуна, схватила его, подняла высоко в воздух и, завертев, как ветер крутит сухую былинку, швырнула оземь.

— Жалкий червяк!.. — загремел над ним громовой голос. — Я мог бы на месте испепелить тебя! Но, так и быть, ради этой бедной, кроткой женщины дарю тебе еще семь дней жизни. Если за эти дни ты не раскаешься — берегись!..

Точно огненный вихрь промчался над Петером — и все стихло.

Вечером люди, проходившие мимо, увидели Петера лежащим на земле у порога своего дома.

Он был бледен, как мертвец, сердце у него не билось, и соседи уже решили, что он умер (ведь они-то не знали, что сердце его не бьется, потому что оно каменное). Но тут кто-то заметил, что Петер еще дышит. Принесли воды, смочили ему лоб, и он очнулся...

— Лизбет!.. Где Лизбет? — спросил он хриплым шепотом.

Но никто не знал, где она.

Он поблагодарил людей за помощь и вошел в дом. Лизбет не было и там.

Петер совсем растерялся. Что же это значит? Куда она исчезла? Живая или мертвая, она должна быть здесь.

Так прошло несколько дней. С утра до ночи бродил он по дому, не зная, за что взяться. А ночью, стоило ему только закрыть глаза, его будил тихий голос:

— Петер, достань себе горячее сердце! Достань себе горячее сердце, Петер!..

Это был голос Лизбет. Он вскакивал, озибался по сторонам, но ее нигде не было.

Соседям он сказал, что жена поехала на несколько дней навестить отца. Ему, конечно, поверили. Но ведь рано или поздно они узнают, что это неправда. Что сказать тогда? А дни, отпущенные ему, для того чтобы он раскаялся, все шли и шли, и час расплаты приближался. Но как он мог раскаяться, когда его каменное сердце не знало раскаяния? Ах, если бы в самом деле он мог добыть себе сердце погорячей!

И вот, когда седьмой день был уже на исходе, Петер решился. Он надел праздничный камзол, шляпу, вскочил на коня и поскакал к Еловой горе.

Там, где начинался частый ельник, он спешился, привязал лошадь к дереву, а сам, цепляясь за колючие ветки, полез наверх.

Около большой ели он остановился, снял шляпу и, с трудом припоминая слова, медленно проговорил:

Под косматой елью,
В темном подземелье,

Где рождается родник,
Меж корней живет старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный.

И Стекланный Человечек появился. Но теперь он был весь в черном: кафтанчик из черного матового стекла, черные панталоны, черные чулки... Черная хрустальная лента обвивала его шляпу.

Он едва взглянул на Петера и спросил безучастным голосом:

— Что тебе надо от меня, Петер Мунк?

— У меня осталось еще одно желание, господин Стекланный Человечек,— сказал Петер, не смея поднять глаза.— Я хотел бы, чтобы вы его исполнили.

— Разве у каменного сердца могут быть желания? — ответил Стекланный Человечек.— У тебя уже есть все, что нужно таким людям, как ты. А если тебе еще чего-нибудь не хватает, проси у своего друга Михеля. Я вряд ли смогу тебе помочь.

— Но ведь вы сами обещали мне исполнить три желания. Одно еще остается за мной!..

— Я обещал исполнить третье твое желание, только если оно не будет безрассудным. Ну, говори, что ты там еще придумал?

— Я хотел бы... Я хотел бы...— начал прерывающимся голосом Петер.— Господин Стекланный Человечек! Выньте из моей груди этот мертвый камень и дайте мне мое живое сердце.

— Да разве ты со мной заключил эту сделку? — сказал Стекланный Человечек.— Разве я Михель-Голландец, который раздает золотые монеты и

каменные сердца? Ступай к нему, проси у него свое сердце!

Петер грустно покачал головой:

— Ах, он ни за что не отдаст мне его.

Стеклянный Человечек помолчал с минуту, потом вынул из кармана свою стеклянную трубку и закурил.

— Да,— сказал он, пуская кольца дыма,— конечно, он не захочет отдать тебе твое сердце... И хотя ты очень виноват перед людьми, передо мной и перед собой, но желание твое не так уж глупо. Я помогу тебе. Слушай: силой ты от Михеля ничего не добьешься. Но перехитрить его не так уж трудно, хоть он и считает себя умнее всех на свете. Нагнись ко мне, я скажу, как выманить у него твое сердце.

И Стеклянный Человечек сказал Петеру на ухо все, что надо делать.

— Запомни же,— добавил он на прощание,— если в груди у тебя будет опять живое, горячее сердце и если перед опасностью оно не дрогнет и будет тверже каменного, никто не одолеет тебя, даже сам Михель-Великан. А теперь ступай и возвращайся ко мне с живым, бьющимся, как у всех людей, сердцем. Или совсем не возвращайся.

Так сказал Стеклянный Человечек и скрылся под корнями ели, а Петер быстрыми шагами направился к ущелью, где жил Михель-Великан.

Он трижды окликнул его по имени, и великан явился.

— Что, жену убил? — сказал он, смеясь. — Ну и ладно, поделом ей! Зачем не берегла мужнино добро! Только, пожалуй, приятель, тебе придется на время уехать из наших краев, а то заметят добрые соседи, что она пропала, поднимут шум, начнутся

всякие разговоры... Не оберешься хлопот. Тебе, верно, деньги нужны?

— Да,— сказал Петер,— и на этот раз побольше. Ведь до Америки далеко.

— Ну, за деньгами дело не станет,— сказал Михель и повел Петера к себе в дом.

Он открыл сундук, стоявший в углу, вытащил несколько больших свертков золотых монет и, разложив их на столе, стал пересчитывать.

Петер стоял рядом и ссыпал в мешок сосчитанные монеты.

— А какой ты все-таки ловкий обманщик, Михель! — сказал он, хитро поглядев на великана.— Ведь я было совсем поверил, что ты вынул мое сердце и положил вместо него камень.

— То есть как это так? — сказал Михель и даже раскрыл рот от удивления.— Ты сомневаешься в том, что у тебя каменное сердце? Что же, оно у тебя бьется, замирает? Или, может быть, ты чувствуешь страх, горе, раскаяние?

— Да, немного,— сказал Петер.— Я прекрасно понимаю, приятель, что ты его попросту заморозил, и теперь оно понемногу оттаивает... Да и как ты мог, не причинив мне ни малейшего вреда, вынуть у меня сердце и заменить его каменным? Для этого надо быть настоящим волшебником!..

— Но уверяю тебя,— закричал Михель,— что я это сделал! Вместо сердца у тебя самый настоящий камень, а настоящее твое сердце лежит в стеклянной банке, рядом с сердцем Иезекиила Толстого. Если хочешь, можешь посмотреть сам.

Петер засмеялся.

— Есть на что смотреть! — сказал он небрежно.— Когда я путешествовал по чужим странам, я видел много диковин и почище твоих. Сердца, которые лежат у тебя в стеклянных банках,

сделаны из воска. Мне случалось видеть даже восковых людей, не то что сердца! Нет, что там ни говори, а колдовать ты не умеешь!..

Михель встал и с грохотом отбросил стул.

— Иди сюда! — крикнул он, распахивая дверь в соседнюю комнату. — Смотри, что тут написано! Вот здесь, на этой банке! «Сердце Петера Мунка»! Приложи ухо к стеклу — послушай, как оно бьется. Разве восковое может так биться и трепетать?

— Конечно, может. Восковые люди на ярмарках ходят и говорят. У них внутри есть какая-то пружинка...

— Пружинка? А вот ты у меня сейчас узнаешь, что это за пружинка! Дурак! Не умеет отличить восковое сердце от своего собственного!..

Михель сорвал с Петера камзол, вытащил у него из груди камень и, не говоря ни слова, показал его Петеру. Потом он вытащил из банки сердце, подышал на него и осторожно положил туда, где ему и следовало быть.

В груди у Петера стало горячо, весело, и кровь быстрее побежала по жилам.

Он невольно приложил руку к сердцу, слушая его радостный стук.

Михель поглядел на него с торжеством.

— Ну, кто был прав? — спросил он.

— Ты, — сказал Петер. — Вот уж не думал, признаться, что ты такой колдун.

— То-то же!.. — ответил Михель, самодовольно ухмыляясь. — Ну, теперь давай — я положу его на место.

— Оно и так на месте! — сказал Петер спокойно. — На этот раз ты остался в дураках, господин Михель, хоть ты и великий колдун. Я больше не отдам тебе моего сердца.

— Оно уже не твое! — закричал Михель. —

Я купил его. Отдавай сейчас же мое сердце, жалкий воришка, а не то я раздавлю тебя на месте!

И, стиснув свой огромный кулак, он занес его над Петером. Но Петер даже головы не нагнул. Он поглядел Михелю прямо в глаза и твердо сказал:

— Не отдам!

Должно быть, Михель не ожидал такого ответа. Он отшатнулся от Петера, словно споткнулся на бегу. А сердца в банках застучали так громко, как стучат в мастерской часы, вынутые из своих оправ и футляров.

Михель обвел их своим холодным, мертвящим взглядом — и они сразу притихли.

Тогда он перевел взгляд на Петера и сказал тихо:

— Вот ты какой! Ну полно, полно, нечего корчить из себя храбреца. Уж кто-кто, а я-то знаю твое сердце, в руках держал... Жалкое сердечко — мягкое, слабенькое... Дрожит небось со страху... Давай-ка его сюда, в банке ему будет спокойнее.

— Не дам! — еще громче сказал Петер.

— Посмотрим!

И вдруг на том месте, где только что стоял Михель, появилась огромная скользкая зеленовато-бурая змея. В одно мгновение она обвилась кольцами вокруг Петера и, сдавив его грудь, словно железным обручем, заглянула ему в глаза холодными глазами Михеля.

— Отдаш-ш-шь? — прошипела змея.

— Не отдам! — сказал Петер.

В ту же секунду кольца, сжимавшие его, распались, змея исчезла, а из-под змеи дымными языками вырвалось пламя и со всех сторон окружило Петера.

Огненные языки лизали его одежду, руки, лицо...

— Отдашь, отдашь? — шумело пламя.

— Нет! — сказал Петер.

Он почти задохнулся от нестерпимого жара и серного дыма, но сердце его было твердо.

Пламя сникло, и потоки воды, бурля и бушуя, обрушились на Петера со всех сторон.

В шуме воды слышались те же слова, что и в шипении змеи, и в свисте пламени: «Отдашь? Отдашь?»

С каждой минутой вода подымалась все выше и выше. Вот уже она подступила к самому горлу Петера...

— Отдашь?

— Не отдам! — сказал Петер.

Сердце его было тверже каменного.

Вода пенистым гребнем встала перед его глазами, и он чуть было не захлебнулся.

Но тут какая-то невидимая сила подхватила Петера, подняла над водой и вынесла из ущелья.

Он и очнуться не успел, как уже стоял по ту сторону канавы, которая разделяла владения Михеля-Великана и Стеклянного Человечка.

Но Михель-Великан еще не сдался. Вдогонку Петеру он послал бурю.

Как подкошенные травы, валились столетние сосны и ели. Молнии раскалывали небо и падали на землю, словно огненные стрелы. Одна упала справа от Петера, в двух шагах от него, другая — слева, еще ближе.

Петер невольно закрыл глаза и ухватился за ствол дерева.

— Грози, грози! — крикнул он, с трудом переводя дух. — Сердце мое у меня, и я его тебе не отдам!

И вдруг все разом стихло. Петер поднял голову и открыл глаза.

Михель неподвижно стоял у границы своих владений. Руки у него опустились, ноги словно вросли в землю. Видно было, что волшебная сила покинула его. Это был уже не прежний великан, повелевающий землей, водой, огнем и воздухом, а дряхлый, сгорбленный, изъеденный годами старик в ветхой одежде плотогона. Он оперся на свой багор, как на костыль, вобрал голову в плечи, съежился...

С каждой минутой на глазах у Петера Михель становился все меньше и меньше. Вот он стал тише воды, ниже травы и наконец совсем прижался к земле. Только по шелесту и колебанию стебельков можно было заметить, как он уполз червяком в свое логово.

...Петер еще долго смотрел ему вслед, а потом медленно побрел на вершину горы, к старой ели.

Сердце у него в груди билось, радуясь тому, что оно опять может биться.

Но чем дальше он шел, тем печальнее становилось у него на душе. Он вспомнил все, что с ним случилось за эти годы,— вспомнил старуху мать, которая приходила к нему за жалким подаянием, вспомнил бедняков, которых травил собаками, вспомнил Лизбет... И горькие слезы покатались у него из глаз.

Когда он подошел к старой ели, Стекланный Человек сидел на мшистой кочке под ветвями и курил свою трубочку.

Он посмотрел на Петера ясными, прозрачными, как стекло, глазами и сказал:

— О чем ты плачешь, угольщик Мунк? Разве ты не рад, что в груди у тебя опять бьется живое сердце?

— Ах, оно не бьется, оно разрывается на части,— сказал Петер.— Лучше бы мне не жить на свете, чем помнить, как я жил до сих пор. Матушка

никогда не простит меня, а у бедной Лизбет я даже не могу попросить прощения. Лучше убейте меня, господин Стеклянный Человечек,— по крайней мере, этой постыдной жизни наступит конец. Вот оно, мое последнее желание!

— Хорошо,— сказал Стеклянный Человечек.— Если ты этого хочешь, пусть будет по-твоему. Сейчас я принесу топор.

Он неторопливо выколотил трубочку и спрятал ее в карман. Потом встал и, приподняв мохнатые, колючие ветви, исчез где-то за елью.

А Петер, плача, опустил на траву. О жизни он нисколько не жалел и терпеливо ждал своей последней минуты.

И вот за спиной у него раздался легкий шорох.

«Идет! — подумал Петер.— Сейчас всему конец!»

И, закрыв лицо руками, он еще ниже склонил голову.

— Петер Мунк! — услышал он голос Стеклянного Человечка, тонкий и звонкий, как хрусталь.— Петер Мунк! Оглянись вокруг в последний раз.

Петер поднял голову и невольно вскрикнул. Перед ним стояли его мать и жена.

— Лизбет, ты жива! — закричал Петер, задыхаясь от радости.— Матушка! И вы тут!.. Как мне вымолить у вас прощение?!

— Они уже простили тебя, Петер,— сказал Стеклянный Человечек.— Да, простили, потому что ты раскаялся от всего сердца. А ведь оно у тебя теперь не каменное. Воротись домой и будь по-прежнему угольщиком. Если ты станешь уважать свое ремесло, то и люди будут уважать тебя, и всякий с радостью пожмет твою почерневшую от угля,

но чистую руку, даже если у тебя не будет бочек с золотом.

С этими словами Стекланный Человечек исчез.

А Петер с женой и матерью пошел домой.

От богатой усадьбы господина Петера Мунка не осталось и следа. Во время последней бури молния ударила прямо в дом и сожгла его дотла. Но Петер нисколько не жалел о своем потерянном богатстве.

До старой отцовской хижины было недалеко, и он весело зашагал туда, вспоминая то славное время, когда был беспечным и веселым угольщиком...

Как же удивился он, когда увидел вместо бедной, покривившейся хижины новый красивый домик. В палисаднике цвели цветы, на окошках белели накрахмаленные занавески, а внутри все было так прибрано, словно кто-то поджидал хозяев. В печке весело потрескивал огонь, стол был накрыт, а на полках вдоль стен переливалась всеми цветами радуги разноцветная стеклянная посуда.

— Это все подарил нам Стекланный Человечек! — воскликнул Петер.

И началась новая жизнь в новом домике. С утра до вечера Петер работал у своих угольных ям и возвращался домой усталый, но веселый — он знал, что дома его ждут с радостью и нетерпением.

За карточным столом и перед трактирной стойкой его больше никогда не видели. Но свои воскресные вечера он проводил теперь веселее, чем раньше. Двери его дома были широко открыты для гостей, и соседи охотно заходили в дом угольщика Мунка, потому что их встречали хозяйки, гостеприимные и приветливые, и хозяин, добродушный, всегда готовый порадоваться с приятелем его радости или помочь ему в беде.

А через год в новом домике произошло большое

событие: у Петера и Лизбет родился сын, маленький Петер Мунк.

— Кого ты хочешь позвать в крестные отцы? — спросила у Петера старуха мать.

Петер ничего не ответил. Он смыл угольную пыль с лица и рук, надел праздничный кафтан, взял праздничную шляпу и пошел на Еловую гору.

Возле знакомой старой ели он остановился и, низко кланяясь, произнес заветные слова:

Под косматой елью,
В темном подземелье...

Он ни разу не сбился, ничего не забыл и сказал все слова, как надо, по порядку, от первого до последнего.

Но Стекланный Человечек не показывался.

— Господин Стекланный Человечек! — закричал Петер. — Мне ничего не надо от вас, я ни о чем не прошу и пришел сюда только для того, чтобы позвать вас в крестные отцы к моему новорожденному сыночку!.. Слышите вы меня, господин Стекланный Человечек?..

Но кругом все было тихо. Стекланный Человечек не отозвался и тут.

Только легкий ветер пробежал по верхушкам елей и сбросил к ногам Петера несколько шишек.

— Ну что ж, возьму на память хоть эти еловые шишки, если уж хозяин Еловой горы не хочет больше показываться, — сказал сам себе Петер и, поклонившись на прощание большой ели, пошел домой.

Вечером старая матушка Мунк, убирая в шкаф праздничный кафтан сына, заметила, что карманы его чем-то набиты. Она вывернула их, и оттуда выпало несколько больших еловых шишек.

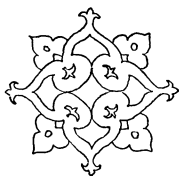
Ударившись об пол, шишки рассыпались, и все их чешуйки превратились в новенькие блестящие талеры, среди которых не оказалось ни одного фальшивого.

Это был подарок Стеклянного Человечка маленькому Петеру Мунку.

Еще много лет в мире и согласии прожила на свете семья угольщика Мунка. Маленький Петер вырос, большой Петер состарился.

И когда молодежь окружала старика и просила его рассказать что-нибудь о прошлых днях, он рассказывал им эту историю и всегда кончал ее так:

— Знал я на своем веку и богатство, и бедность. Беден я был, когда был богат, богат — когда беден. Были у меня раньше каменные палаты, да зато и сердце в моей груди было каменное. А теперь у меня только домик с печью — да зато сердце человека.

МАЛЕНЬКИЙ МУК

В городе Никее, на моей родине, жил человек, которого звали Маленький Мук. Хотя я был тогда мальчиком, я очень хорошо его помню, тем более что мой отец как-то задал

мне из-за него здоровую трепку. В то время Маленький Мук был уже стариком, но рост имел крошечный. Вид у него был довольно смешной: на маленьком, тощем тельце торчала огромная голова, гораздо больше, чем у других людей.

Маленький Мук жил в большом старом доме совсем один. Даже обед он себе сам стряпал. Каждый полдень над его домом появлялся густой дым; не будь этого, соседи не знали бы, жив карлик или умер. Маленький Мук выходил на улицу только раз в месяц — каждое первое число. Но по вечерам люди часто видели, как Маленький Мук гуляет по плоской крыше своего дома. Снизу казалось, будто одна огромная голова движется взад и вперед по крыше.

Я и мои товарищи были злые мальчишки и любили дразнить прохожих. Когда Маленький Мук выходил из дому, для нас был настоящий праздник. В этот день мы толпой собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Вот осторожно раскрывалась дверь. Из нее высовывалась большая голова в огромной чалме. За головой следовало все тело в старом, полинялом халате и просторных шароварах. У широкого пояса болтался кинжал, такой длинный, что трудно было сказать — кинжал ли прицеплен к Муку или Мук прицеплен к кинжалу.

Когда Мук наконец выходил на улицу, мы приветствовали его радостными криками и плясали вокруг него точно шальные. Мук с важностью кивал нам головой и медленно шел по улице, шлепая туфлями. Туфли у него были прямо огромные — таких никто никогда раньше не видал. А мы, мальчишки, бежали за ним и кричали: «Маленький Мук! Маленький Мук!» Мы даже сочинили про него такую песенку:

Крошка Мук, крошка Мук,
Оглянись скорей вокруг,
Оглянись скорей вокруг
И поймай нас, крошка Мук!

Мы часто потешались над бедным карликом, и приходится сознаться, хоть мне и стыдно, что я больше всех обижал его. Я всегда норовил схватить Мука за полу халата, а раз даже нарочно наступил ему на туфлю так, что бедняга упал. Это показалось мне очень смешно, но у меня сразу пропала охота смеяться, когда я увидел, что Маленький Мук, с трудом поднявшись, пошел прямо к дому моего отца. Он долго не выходил оттуда. Я спрятался за дверь и с нетерпением ожидал, что будет дальше.

Наконец дверь открылась, и карлик вышел. Отец проводил его до порога, почтительно поддерживая под руку, и низко поклонился ему на прощание. Я чувствовал себя не очень-то приятно и долго не решался вернуться домой. Наконец голод перешибил мой страх, и я робко проскользнул в дверь, не смея поднять голову.

— Ты, я слышал, обижаешь Маленького Мука,— строго сказал мне отец.— Я расскажу тебе его приключения, и ты, наверно, больше не станешь смеяться над бедным карликом. Но сначала ты получишь то, что тебе полагается.

А полагалась мне за такие дела хорошая порка. Отсчитав шлепков сколько следует, отец сказал: — Теперь слушай внимательно.

И он рассказал мне историю Маленького Мука.

Отец Мука (на самом деле его звали не Мук, а Мукра) жил в Никее и был человек почтенный, но небогатый. Так же как Мук, он всегда сидел дома и редко выходил на улицу. Он очень не любил Мука

за то, что тот был карлик, и ничему не учил его.

— Ты уже давно сносил свои детские башмаки,— говорил он карлику,— а все только шалишь и бездельничаешь.

Как-то раз отец Мука упал на улице и сильно ушибся. После этого он заболел и вскоре умер. Маленький Мук остался один, без гроша. Родственники отца выгнали Мука из дому и сказали:

— Иди по свету, может, и найдешь свое счастье.

Мук выпросил себе только старые штаны и куртку — все, что осталось после отца. Отец у него был высокий и толстый, но карлик, не долго думая, укоротил и куртку и штаны и надел их. Правда, они были слишком широки, но с этим уж карлик ничего не мог поделать. Он обмотал голову вместо чалмы полотенцем, прицепил к поясу кинжал, взял в руку палку и пошел куда глаза глядят.

Скоро он вышел из города и целых два дня шел по большой дороге. Он очень устал и проголодался. Еды у него с собой не было, и он жевал коренья, которые росли в поле. А ночевать ему приходилось прямо на голой земле.

На третий день утром он увидел с вершины холма большой красивый город, украшенный флагами и знаменами. Маленький Мук собрал последние силы и пошел к этому городу.

«Может быть, я наконец найду там свое счастье»,— говорил он себе.

Хотя казалось, что город совсем близко, Муку пришлось идти до него целое утро. Только в полдень он наконец достиг городских ворот. Город был весь застроен красивыми домами. Широкие улицы были полны народа. Маленькому Муку очень хотелось есть, но никто не открыл перед ним двери и не пригласил его зайти и отдохнуть.

Карлик уныло брел по улицам, еле волоча ноги. Он проходил мимо одного высокого красивого дома, и вдруг в этом доме распахнулось окно и какая-то старуха, высунувшись, закричала:

Сюда, сюда —
Готова еда!
Столик накрыт,
Чтоб каждый был сыт.
Соседи, сюда —
Готова еда!

И сейчас же двери дома открылись, и туда стали входить собаки и кошки — много-много кошек и собак. Мук подумал, подумал и тоже вошел. Как раз перед ним вошли двое котят, и он решил не отставать от них — котята-то, уж наверно, знали, где кухня.

Мук поднялся наверх по лестнице и увидел ту старуху, которая кричала из окна.

— Что тебе нужно? — сердито спросила старуха.

— Ты звала обедать, — сказал Мук, — а я очень голоден. Вот я и пришел.

Старуха громко рассмеялась и сказала:

— Откуда ты взялся, парень? Все в городе знают, что я варю обед только для моих милых кошек. А чтобы им не было скучно, я приглашаю к ним соседей.

— Накорми уж и меня заодно, — попросил Мук.

Он рассказал старухе, как ему пришлось туго, когда умер его отец, и старуха пожалела его. Она досыта накормила карлика и, когда Маленький Мук наелся и отдохнул, сказала ему:

— Знаешь что, Мук? Оставайся-ка ты у меня

служить. Работа у меня легкая, и жить тебе будет хорошо.

Муку понравился кошачий обед, и он согласился. У госпожи Ахавзи (так звали старуху) было два кота и четыре кошки. Каждое утро Мук расчесывал им шерстку и натирал ее драгоценными мазями. За обедом он подавал им еду, а вечером укладывал их спать на мягкой перине и укрывал бархатным одеялом.

Кроме кошек, в доме жили еще четыре собаки. За ними карлику тоже приходилось смотреть, но с собаками возни было меньше, чем с кошками. Кошек госпожа Ахавзи любила, точно родных детей.

Маленькому Муку было у старухи так же скучно, как у отца: кроме кошек и собак, он никого не видел.

Сначала карлику все-таки жилось неплохо. Работы не было почти никакой, а кормили его сытно, и старуха была им очень довольна. Но потом кошки что-то избаловались. Только старуха за дверь — они сейчас же давай носиться по комнатам как бешеные. Все вещи разбрасают, да еще посуду дорогую перебьют. Но стоило им услышать шаги Ахавзи на лестнице, они мигом прыг на перину, свернутся калачиком, подожмут хвосты и лежат как ни в чем не бывало. А старуха видит, что в комнате разгром, и ну ругать Маленького Мука. Пусть сколько хочет оправдывается — она больше верит своим кошкам, чем слуге. По кошкам сразу видно, что они ни в чем не виноваты.

Бедный Мук очень горевал и наконец решил уйти от старухи. Госпожа Ахавзи обещала платить ему жалованье, да все не платила.

«Вот получу с нее жалованье, — думал Маленький Мук, — сразу уйду. Если бы я знал, где у нее

спрятаны деньги, давно бы сам взял, сколько мне следует».

В доме старухи была маленькая комнатка, которая всегда стояла запертой. Муку было очень любопытно, что такое в ней спрятано. И вдруг ему пришло на ум, что в этой комнате, может быть, лежат старухины деньги. Ему еще больше захотелось войти туда.

Как-то раз утром, когда Ахавзи ушла из дому, к Муку подбежала одна из собачонок и схватила его за полу (старуха очень не любила эту собачонку, а Мук, напротив, часто гладил и ласкал ее). Собачонка тихо визжала и тянула карлика за собой. Она привела его в спальню старухи и остановилась перед маленькой дверью, которую Мук никогда раньше не замечал.

Собака толкнула дверь и вошла в какую-то комнату; Мук пошел за ней и застыл на месте от удивления: он оказался в той самой комнате, куда ему так давно хотелось попасть.

Вся комната была полна старых платьев и диковинной старинной посуды. Муку особенно понравился один кувшин — хрустальный, с золотым рисунком. Он взял его в руки и начал рассматривать, и вдруг крышка — Мук и не заметил, что кувшин был с крышкой, — упала на пол и разбилась.

Бедный Мук не на шутку испугался. Теперь уж рассуждать не приходилось — надо было бежать: когда старуха вернется и увидит, что он разбил крышку, она изобьет его до полусмерти.

Мук в последний раз оглядел комнату, и вдруг он увидел в углу туфли. Они были очень большие и некрасивые, но его собственные башмаки совсем развалились. Муку даже понравилось, что туфли такие большие: когда он их наденет, все увидят, что он уже не ребенок.

Он быстро скинул башмаки с ног и надел туфли. Рядом с туфлями стояла тоненькая тросточка с львиной головой.

«Эта тросточка все равно стоит здесь без дела,— подумал Мук.— Возьму уж и тросточку кстати».

Он захватил тросточку и бегом побежал к себе в комнату. В одну минуту он надел плащ и чалму, прицепил кинжал и помчался вниз по лестнице, торопясь уйти до возвращения старухи.

Выйдя из дома, он пустился бежать и мчался без оглядки, пока не выбежал из города в поле. Тут карлик решил немного отдохнуть. И вдруг он почувствовал, что не может остановиться. Ноги у него бежали сами и тащили его, как он ни старался их задержать. Он и падать пробовал, и поворачиваться — ничто не помогало. Наконец он понял, что все дело в его новых туфлях. Это они толкали его вперед и не давали остановиться.

Мук совсем выбился из сил и не знал, что ему делать. В отчаянии он взмахнул руками и закричал, как кричат извозчики:

— Тпру! Тпру! Стой!

И вдруг туфли сразу остановились, и бедный карлик со всего маха упал на землю.

Он до того устал, что сразу заснул. И приснился ему удивительный сон. Он увидел во сне, что маленькая собачка, которая привела его в потайную комнату, подошла к нему и сказала:

«Милый Мук, ты еще не знаешь, какие у тебя чудесные туфли. Стоит тебе три раза повернуться на каблуке, и они перенесут тебя, куда ты захочешь. А тросточка поможет тебе искать клады. Там, где зарыто золото, она стукнет о землю три раза, а там, где зарыто серебро, она стукнет два раза».

Когда Мук проснулся, он сразу захотел проверить, правду ли сказала маленькая собачонка. Он поднял левую ногу и попробовал повернуться на правом каблуке, но упал и больно ударился носом о землю. Он попытался еще и еще раз и наконец научился вертеться на одном каблуке и не падать. Тогда он потуже затянул пояс, быстро перевернулся три раза на одной ноге и сказал туфлям:

— Перенесите меня в соседний город.

И вдруг туфли подняли его на воздух и быстро, как ветер, побежали по облакам. Не успел Маленький Мук опомниться, как очутился в городе, на базаре.

Он присел на завалинке около какой-то лавки и стал думать, как бы ему раздобыть хоть немного денег. У него, правда, была волшебная тросточка, но как узнать, в каком месте спрятано золото или серебро, чтобы пойти и найти его? На худой конец, он мог бы показываться за деньги, но для этого он слишком горд.

И вдруг Маленький Мук вспомнил, что он умеет теперь быстро бегать.

«Может быть, мои туфли принесут мне доход,— подумал он.— Попробую-ка я наняться к королю в скороходы».

Он спросил хозяина лавки, как пройти во дворец, и через каких-нибудь пять минут уже подходил к дворцовым воротам. Привратник спросил его, что ему нужно, и, узнав, что карлик хочет поступить к королю на службу, повел его к начальнику рабов. Мук низко поклонился начальнику и сказал ему:

— Господин начальник, я умею бегать быстрее всякого скорохода. Возьмите меня к королю в гонцы.

Начальник презрительно посмотрел на карлика и сказал с громким смехом:

— У тебя ножки тоненькие, как палочки, а ты хочешь поступить в скороходы! Убирайся подобиру-поздорову. Я не для того поставлен начальником рабов, чтобы всякий урод надо мной потешался!

— Господин начальник,— сказал Маленький Мук,— я не смеюсь над вами. Давайте спорить, что я обгону вашего самого лучшего скорохода.

Начальник рабов расхохотался еще громче прежнего. Карлик показался ему до того забавным, что он решил не прогонять его и рассказать о нем королю.

— Ну, ладно,— сказал он,— так уж и быть, я испытаю тебя. Ступай на кухню и готовься к состязанию. Тебя там накормят и напоят.

Потом начальник рабов отправился к королю и рассказал ему про диковинного карлика. Король захотел повеселиться. Он похвалил начальника рабов за то, что тот не отпустил Маленького Мука, и приказал ему устроить состязание вечером на большом лугу, чтобы все его приближенные могли прийти посмотреть.

Принцы и принцессы услышали, какое будет вечером интересное зрелище, и рассказали своим слугам, а те разнесли эту новость по всему дворцу. И вечером все, у кого только были ноги, пришли на луг посмотреть, как будет бегать этот хвостун карлик.

Когда король с королевой сели на свои места, Маленький Мук вышел на середину луга и отвесил низкий поклон. Со всех сторон раздался громкий хохот. Уж очень этот карлик был смешон в своих широких шароварах и длинных-предлинных туфлях. Но Маленький Мук нисколько не смутился. Он с гордым видом оперся на свою тросточку, подбоченился и спокойно ждал скорохода.

Вот наконец появился и скороход. Начальник

рабов выбрал самого быстрого из королевских бегунов. Ведь Маленький Мук сам захотел этого.

Скороход презрительно посмотрел на Мука и стал с ним рядом, ожидая знака начинать состязание.

— Раз, два, три! — крикнула принцесса Амарза, старшая дочь короля, и взмахнула платком.

Оба бегуна сорвались с места и помчались как стрела. Сначала скороход немножко обогнал карлика, но вскоре Мук настиг его и опередил. Он уже давно стоял у цели и обмахивался концом своей чалмы, а королевский скороход все еще был далеко. Наконец и он добежал до конца и как мертвый повалился на землю. Король и королева захлопали в ладоши, и все придворные в один голос закричали:

— Да здравствует победитель — Маленький Мук!

Маленького Мука подвели к королю. Карлик низко поклонился ему и сказал:

— О могущественный король! Я сейчас показал тебе только часть моего искусства! Возьми меня к себе на службу.

— Хорошо, — сказал король. — Я назначаю тебя моим личным скороходом. Ты всегда будешь находиться при мне и исполнять мои поручения.

Маленький Мук очень обрадовался — наконец-то он нашел свое счастье! Теперь он может жить безбедно и спокойно.

Король высоко ценил Мука и постоянно оказывал ему милости. Он посылал карлика с самыми важными поручениями, и никто лучше Мука не умел их исполнять. Но остальные королевские слуги были недовольны. Им очень не нравилось, что ближе всех к королю стал какой-то карлик, который только и умеет, что бегать. Они то и дело

сплетничали на него королю, но король не хотел их слушать. Он все больше и больше доверял Муку и вскоре назначил его главным скороходом.

Маленького Мука очень огорчало, что придворные ему так завидуют. Он долго старался что-нибудь придумать, чтобы они его полюбили. И наконец он вспомнил про свою тросточку, о которой совсем было позабыл.

«Если мне удастся найти клад,— раздумывал он,— эти гордые господа, наверно, перестанут меня ненавидеть. Говорят, что старый король, отец теперешнего, зарыл в своем саду большие богатства, когда к его городу подступили враги. Он, кажется, так и умер, никому не сказав, где закопаны его сокровища».

Маленький Мук только об этом и думал. Он целыми днями ходил по саду с тросточкой в руках и искал золото старого короля.

Как-то раз он гулял в отдаленном углу сада, и вдруг тросточка у него в руках задрожала и три раза ударила о землю. Маленький Мук весь затрясся от волнения. Он побежал к садовнику и выпросил у него большой заступ, а потом вернулся во дворец и стал ждать, когда стемнеет. Как только наступил вечер, карлик отправился в сад и начал копать в том месте, где стукнула палочка. Заступ оказался слишком тяжел для слабых рук карлика, и он за час выкопал яму глубиной в каких-нибудь пол-аршина.

Долго еще трудился Маленький Мук, и наконец его заступ ударился обо что-то твердое. Карлик наклонился над ямой и нащупал руками в земле какую-то железную крышку. Он поднял эту крышку и обомлел. При свете луны перед ним засверкало золото. В яме стоял большой горшок, доверху наполненный золотыми монетами.

Маленький Мук хотел вытащить горшок из ямы, но не мог: не хватило сил. Тогда он напихал в карманы и за пояс как можно больше золотых и потихоньку вернулся во дворец. Он спрятал деньги у себя в постели под периной и лег спать довольный и радостный.

На другое утро Маленький Мук проснулся и подумал: «Теперь все переменится и мои враги будут меня любить».

Он принялся раздавать свое золото направо и налево, но придворные стали только еще больше ему завидовать. Главный повар Ахули злобно шептал:

— Смотрите, Мук делает фальшивые деньги.

Ахмед, начальник рабов, говорил:

— Он выпросил их у короля.

А казначей Архаз, самый злой враг карлика, который уже давно тайком запускал руку в королевскую сокровищницу, кричал на весь дворец:

— Карлик украл золото из королевской казны!

Чтобы наверняка узнать, откуда у Мука взялись деньги, его враги сговорились между собой и придумали такой план.

У короля был один любимый слуга, Корхуз. Он всегда подавал королю кушанья и наливал вино в его кубок. И вот как-то раз этот Корхуз пришел к королю грустный и печальный. Король сразу заметил это и спросил:

— Что с тобой сегодня, Корхуз? Почему ты такой грустный?

— Я грустный потому, что король лишил меня своей милости,— ответил Корхуз.

— Что ты болтаешь, мой добрый Корхуз! — сказал король. — С каких это пор я лишил тебя своей милости?

— С тех пор, ваше величество, как к вам посту-

пил ваш главный скороход, — ответил Корхуз. — Вы осыпаете его золотом, а нам, вашим верным слугам, не даете ничего.

И он рассказал королю, что у Маленького Мука появилось откуда-то много золота и что карлик без счета раздает деньги всем придворным. Король очень удивился и велел позвать к себе Архаза — своего казначея и Ахмеда — начальника рабов. Те подтвердили, что Корхуз говорит правду. Тогда король приказал своим сыщикам потихоньку проследить и узнать, откуда карлик достает деньги.

На беду, у Маленького Мука как раз в этот день вышло все золото, и он решил сходить в свою сокровищницу. Он взял заступ и отправился в сад. Сыщики, конечно, пошли за ним, Корхуз и Архаз — тоже. В ту самую минуту, когда Маленький Мук наложил полный халат золота и хотел идти обратно, они бросились на него, связали ему руки и повели к королю.

А этот король очень не любил, когда его будили среди ночи. Он встретил своего главного скорохода злой и недовольный и спросил сыщиков:

— Где вы накрыли этого бесчестного карлика?

— Ваше величество, — сказал Архаз, — мы поймали его как раз в ту минуту, когда он зарывал это золото в землю.

— Правду ли они говорят? — спросил король карлика. — Откуда у тебя столько денег?

— Милостивый король, — простодушно ответил карлик, — я ни в чем не виноват. Когда ваши люди меня схватили и связали мне руки, я не зарывал это золото в яму, а, напротив, вынимал его оттуда.

Король решил, что Маленький Мук все лжет, и страшно рассердился.

— Несчастный! — закричал он. — Ты сначала меня обокрал, а теперь хочешь обмануть такой глупо-

пой ложью! Казначей! Правда ли, что здесь как раз столько золота, сколько не хватает в моей казне?

— В вашей казне, милостивый король, не хватает гораздо больше,— ответил казначей.— Могу поклясться, что это золото украдено из королевской сокровищницы.

— Заковать карлика в железные цепи и посадить его в башню! — закричал король.— А ты, казначей, пойди в сад, возьми все золото, которое найдешь в яме, и положи его обратно в казну.

Казначей исполнил приказание короля и принес горшок с золотом в сокровищницу. Он принялся считать блестящие монетки и пересыпать их в мешки. Наконец в горшке больше ничего не осталось. Казначей в последний раз взглянул в горшок и увидел на дне его бумажку, на которой было написано:

ВРАГИ НАПАЛИ НА МОЮ СТРАНУ. Я ЗАКОПАЛ
В ЭТОМ МЕСТЕ ЧАСТЬ МОИХ СОКРОВИЩ.
ПУСТЬ ЗНАЕТ ВСЯКИЙ, КТО НАЙДЕТ ЭТО
ЗОЛОТО, ЧТО, ЕСЛИ ОН СЕЙЧАС ЖЕ НЕ ОТДАСТ
ЕГО МОЕМУ СЫНУ, ОН ЛИШИТСЯ МИЛОСТИ
СВОЕГО КОРОЛЯ.

Король Сади

Хитрый казначей разорвал бумажку и решил никому не говорить про нее.

А Маленький Мук сидел в высокой дворцовой башне и думал, как ему спастись. Он знал, что за кражу королевских денег его должны казнить, но ему все-таки не хотелось рассказывать королю про волшебную трость: ведь король сейчас же ее отнимет, а с нею вместе, пожалуй, и туфли. Туфли все еще были у карлика на ногах, но от них не было никакого проку — Маленький Мук был прикован

к стене короткой железной цепью и никак не мог повернуться на каблуке.

Утром в башню пришел палач и приказал карлику готовиться к казни. Маленький Мук понял, что раздумывать нечего — надо открыть королю свою тайну. Ведь все-таки лучше жить без волшебной палочки и даже без туфель-скороходов, чем умереть на плахе.

Он попросил короля выслушать его наедине и все ему рассказал. Король сначала не поверил и решил, что карлик все это выдумал.

— Ваше величество, — сказал тогда Маленький Мук, — обещайте мне пощаду, и я вам докажу, что говорю правду.

Королю было интересно проверить, обманывает его Мук или нет. Он велел потихоньку закопать в своем саду несколько золотых монет и приказал Муку найти их. Карлику не пришлось долго искать. Как только он дошел до того места, где было закопано золото, палочка три раза ударила о землю. Король понял, что казначей сказал ему неправду, и велел его казнить вместо Мука. А карлика он позвал к себе и сказал:

— Я обещал не убивать тебя и сдержу свое слово. Но ты, наверно, открыл мне не все твои тайны. Ты будешь сидеть в башне до тех пор, пока не скажешь мне, отчего ты так быстро бегаешь.

Бедному карлику очень не хотелось возвращаться в темную, холодную башню. Он рассказал королю про свои чудесные туфли, но самого главного — как их остановить — не сказал. Король решил сам испытать эти туфли. Он надел их, вышел в сад и как бешеный помчался по дорожке. Скоро он захотел остановиться, но не тут-то было. Напрасно он хватался за кусты и деревья — туфли все тащи-

ли и тащили его вперед. А карлик стоял и посмеивался. Ему было очень приятно хоть немного отомстить этому жестокому королю. Наконец король выбился из сил и упал на землю.

Опомнившись немного, он вне себя от ярости набросился на карлика.

— Так вот как ты обращаешься со своим королем! — закричал он. — Я обещал тебе жизнь и свободу, но, если ты через двенадцать часов еще будешь на моей земле, я тебя поймаю, и тогда уж не рассчитывай на пощаду. А туфли и тросточку я возьму себе.

Бедному карлику ничего не оставалось, как поскорей убраться из дворца. Печально плелся он по городу. Он был такой же бедный и несчастный, как прежде, и горько проклинал свою судьбу.

Страна этого короля была, к счастью, не очень большая, так что уже через восемь часов карлик дошел до границы. Теперь он был в безопасности, и ему захотелось отдохнуть. Он свернул с дороги и вошел в лес. Там он отыскал хорошее местечко около пруда, под густыми деревьями, и лег на траву.

Маленький Мук так устал, что почти сейчас же заснул. Спал он очень долго и, когда проснулся, почувствовал, что голоден. Над его головой, на деревьях, висели винные ягоды — спелые, мясистые, сочные. Карлик взобрался на дерево, сорвал несколько ягод и с удовольствием съел их. Потом ему захотелось пить. Он подошел к пруду, наклонился над водой и весь похолодел: из воды на него смотрела огромная голова с ослиными ушами и длинным-предлинным носом.

Маленький Мук в ужасе схватился за уши. Они и вправду были длинные, как у осла.

— Так мне и надо! — закричал бедный Мук. —

У меня было в руках мое счастье, а я, как осел, погубил его.

Он долго ходил под деревьями, все время ощущая свои уши, и наконец опять проголодался. Пришлось снова приняться за винные ягоды. Ведь больше есть было нечего.

Наевшись досыта, Маленький Мук по привычке поднес руки к голове и радостно вскрикнул: вместо длинных ушей у него опять были его собственные уши. Он сейчас же побежал к пруду и посмотрелся в воду. Нос у него тоже стал такой же, как прежде.

«Как же это могло случиться?» — подумал карлик. И вдруг он сразу все понял: первое дерево, с которого он поел ягоды, наградило его ослиными ушами, а от ягод второго они исчезли.

Маленький Мук мигом сообразил, какое ему опять привалило счастье. Он нарвал с обоих деревьев столько ягод, сколько мог унести, и пошел обратно в страну жестокого короля. В ту пору была весна, и ягоды считались редкостью.

Вернувшись в тот город, где жил король, Маленький Мук переоделся, чтобы никто его не мог узнать, наполнил целую корзину ягодами с первого дерева и пошел к королевскому дворцу. Дело было утром, и перед воротами дворца сидело много торговков со всякими припасами. Мук также уселся рядом с ними. Вскоре из дворца вышел главный повар и принялся обходить торговков и осматривать их товар. Дойдя до Маленького Мука, повар увидел винные ягоды и очень обрадовался.

— Ага,— сказал он,— вот подходящее лакомство для короля! Сколько ты хочешь за всю корзину?

Маленький Мук не стал дорожиться, и главный повар взял корзину с ягодами и ушел. Только он успел уложить ягоды на блюдо, как король потре-

бывал завтрак. Он ел с большим удовольствием и то и дело похваливал своего повара. А повар только посмеивался себе в бороду и говорил:

— Подождите, ваше величество, самое вкусное блюдо еще впереди.

Все, кто был за столом — придворные, принцы и принцессы, — напрасно старались догадаться, какое лакомство приготовил им сегодня главный повар. И когда наконец на стол подали хрустальное блюдо, полное спелых ягод, все в один голос воскликнули: «Ах!» — и даже захлопали в ладоши.

Король сам взялся делить ягоды. Принцы и принцессы получили по две штуки, придворным досталось по одной, а остальные король приберег для себя — он был очень жадный и любил сладкое. Король положил ягоды на тарелку и с удовольствием принялся их есть.

— Отец, отец, — вдруг закричала принцесса Амарза, — что случилось с твоими ушами?

Король потрогал свои уши руками и вскрикнул от ужаса. Уши у него стали длинные, как у осла. Нос тоже вдруг вытянулся до самого подбородка. Принцы, принцессы и придворные были немногим лучше на вид: у каждого на голове появилось такое же украшение.

— Доктора, доктора скорей! — закричал король.

Сейчас же послали за докторами. Их пришла целая толпа. Они прописывали королю разные лекарства, но лекарства не помогали. Одному принцу даже сделали операцию — отрезали уши, но они снова отросли.

Дня через два Маленький Мук решил, что пришло время действовать. На деньги, полученные за винные ягоды, он купил себе большой черный плащ и высокий остроконечный колпак. Чтобы его совсем

*Вильгельм Гауф.
Маленький Мук.*

не могли узнать, он привязал себе длинную белую бороду. Захватив с собой корзину ягод со второго дерева, карлик пришел во дворец и сказал, что может вылечить короля. Сначала ему никто не поверил. Тогда Мук предложил одному принцу попробовать его лечение. Принц съел несколько ягод, и длинный нос и ослиные уши у него пропали. Тут уж придворные толпой бросились к чудесному доктору. Но король опередил всех. Он молча взял карлика за руку, привел его в свою сокровищницу и сказал:

— Вот перед тобой все мои богатства. Бери что хочешь, только вылечи меня от этой ужасной болезни.

Маленький Мук сейчас же заметил в углу комнаты свою волшебную тросточку и туфли-скороходы. Он принялся ходить взад и вперед, словно разглядывая королевские богатства, и незаметно подошел к туфлям. Мигом надел он их на ноги, схватил тросточку и сорвал с подбородка бороду. Король чуть не упал от удивления, увидев знакомое лицо своего главного скорохода.

— Злой король! — закричал Маленький Мук. — Так-то ты оплатил мне за мою верную службу? Оставайся же на всю жизнь длинноухим уродом и вспоминай Маленького Мука!

Он быстро повернулся три раза на каблуке и, прежде чем король успел сказать слово, был уже далеко...

С тех пор Маленький Мук живет в нашем городе. Ты видишь, как много он испытал. Его нужно уважать, хоть с виду он и смешной.

Вот какую историю рассказал мне мой отец. Я передал все это другим мальчишкам, и ни один из нас никогда больше не смеялся над карликом.

Напротив, мы его очень уважали и так низко кланялись ему на улице, словно он был начальник города или главный судья.

КАРЛИК НОС

В одном большом германском городе жил когда-то сапожник Фридрих со своей женой Ханной. Весь день он сидел у окна и клал заплатки на башмаки и туфли. Он и новые башмаки брался шить, если кто заказывал, но тогда ему приходилось сначала покупать кожу. Запастись товар заранее он не мог — денег не было.

А Ханна продавала на рынке плоды и овощи со своего маленького огорода. Она была женщина опрятная, умела красиво разложить товар, и у нее всегда было много покупателей.

У Ханны и Фридриха был сын Якоб — стройный, красивый мальчик, довольно высокий для своих двенадцати лет. Обыкновенно он сидел возле ма-

тери на базаре. Когда какой-нибудь повар или кухарка покупали у Ханны сразу много овощей, Якоб помогал им донести покупку до дому и редко возвращался назад с пустыми руками.

Покупатели Ханны любили хорошенького мальчика и почти всегда дарили ему что-нибудь: цветок, пирожное или монетку.

Однажды Ханна, как всегда, торговала на базаре. Перед ней стояло несколько корзин с капустой, картошкой, кореньями и всякой зеленью. Тут же в маленькой корзинке красовались ранние груши, яблоки, абрикосы.

Якоб сидел возле матери и громко кричал:

— Сюда, сюда, повара, кухарки!.. Вот хорошая капуста, зелень, груши, яблоки! Кому надо? Мать дешево отдаст!

И вдруг к ним подошла какая-то бедно одетая старуха с маленькими красными глазками, острым, сморщенным от старости личиком и длинным-предлинным носом, который спускался до самого подбородка. Старуха опиралась на костыль, и удивительно было, что она вообще может ходить: она хромала, скользила и переваливалась, точно у нее на ногах были колеса. Казалось, она вот-вот упадет и ткнется своим острым носом в землю.

Ханна с любопытством смотрела на старуху. Вот уже без малого шестнадцать лет, как она торгует на базаре, а такой чудной старушонки еще ни разу не видела. Ей даже немного жутко стало, когда старуха остановилась возле ее корзин.

— Это вы Ханна, торговка овощами? — спросила старуха скрипучим голосом, все время тряся головой.

— Да, — ответила жеца сапожника. — Вам угодно что-нибудь купить?

— Увидим, увидим, — пробормотала себе под

нос старуха.— Зелень поглядим, корешки посмотрим. Есть ли еще у тебя то, что мне нужно...

Она нагнулась и стала шарить своими длинными коричневыми пальцами в корзине с пучками зелени, которые Ханна разложила так красиво и аккуратно. Возьмет пучок, поднесет к носу и обнюхивает со всех сторон, а за ним — другой, третий.

У Ханны прямо сердце разрывалось — до того тяжело ей было смотреть, как старуха обращается с зеленью. Но она не могла сказать ей ни слова — покупатель ведь имеет право осматривать товар. Кроме того, она все больше и больше боялась этой старухи.

Переворотив всю зелень, старуха выпрямилась и проворчала:

— Плохой товар!.. Плохая зелень!.. Ничего нет из того, что мне нужно. Пятьдесят лет назад было куда лучше!.. Плохой товар! Плохой товар!

Эти слова рассердили маленького Якоба.

— Эй ты, бессовестная старуха! — крикнул он.— Перенюхала всю зелень своим длинным носом, перемяла корешки корявыми пальцами, так что теперь их никто не купит, и еще ругаешься, что плохой товар! У нас сам герцогский повар покупает!

Старуха искоса поглядела на мальчика и сказала хриплым голосом:

— Тебе не нравится мой нос, мой нос, мой прекрасный длинный нос? И у тебя такой же будет, до самого подбородка.

Она подкатилась к другой корзине — с капустой, вынула из нее несколько чудесных белых кочанов и так сдавила их, что они жалобно затрещали. Потом она кое-как побросала кочаны обратно в корзину и снова проговорила:

— Плохой товар! Плохая капуста!

— Да не тряси ты так противно головой! —

закричал Якоб.— У тебя шея не толще кочерыжки — того и гляди, обломится, и голова упадет в нашу корзину. Кто у нас тогда что купит?

— Так у меня, по-твоему, слишком тонкая шея? — сказала старуха, все так же усмехаясь.— Ну, а ты будешь совсем без шеи. Голова у тебя будет торчать прямо из плеч — по крайней мере, не свалится с тела.

— Не говорите мальчику таких глупостей! — сказала наконец Ханна, не на шутку рассердившись.— Если вы хотите что-нибудь купить, так покупайте скорей. Вы у меня разгоните всех покупателей.

Старуха сердито поглядела на Ханну.

— Хорошо, хорошо,— проворчала она.— Пусть будет по-твоему. Я возьму у тебя эти шесть кочанов капусты. Но только у меня в руках костыль, и я не могу сама ничего нести. Пусть твой сын донесет мне покупку до дому. Я его хорошо награжу за это.

Якобу очень не хотелось идти, и он даже заплакал — он боялся этой страшной старухи. Но мать строго приказала ему слушаться — ей казалось грешно заставлять старую, слабую женщину нести такую тяжесть. Вытирая слезы, Якоб положил капусту в корзину и пошел следом за старухой.

Она брела не очень-то скоро, и прошел почти час, пока они добрались до какой-то дальней улицы на окраине города и остановились перед маленьким полуразвалившимся домиком.

Старуха вынула из кармана какой-то заржавленный крючок, ловко всунула его в дырочку в двери, и вдруг дверь с шумом распахнулась. Якоб вошел и застыл на месте от удивления: потолки и стены в доме были мраморные, кресла, стулья и столы — из черного дерева, украшенного золотом

и драгоценными камнями, а пол был стеклянный и до того гладкий, что Якоб несколько раз поскользнулся и упал.

Старуха приложила к губам маленький серебряный свисток и как-то по-особенному, раскатисто, свистнула — так, что свисток затрещал на весь дом. И сейчас же по лестнице быстро сбежали вниз морские свинки — совсем необыкновенные морские свинки, которые ходили на двух лапках. Вместо башмаков у них были ореховые скорлупки, и одеты эти свинки были совсем как люди — даже шляпы не забыли захватить.

— Куда вы девали мои туфли, негодницы? — закричала старуха и так ударила свинок палкой, что они с визгом подскочили. — Долго ли я еще буду здесь стоять?..

Свинки бегом побежали вверх по лестнице, принесли две скорлупки кокосового ореха на кожаной подкладке и ловко надели их старухе на ноги.

Старуха сразу перестала хромать. Она отшвырнула свою палку в сторону и быстро-быстро заскользила по стеклянному полу, таща за собой маленького Якоба. Ему было даже трудно поспевать за ней, до того проворно она двигалась в своих кокосовых скорлупках.

Наконец старуха остановилась в какой-то комнате, где было много всякой посуды. Это, видимо, была кухня, хотя полы в ней были устланы коврами, а на диванах лежали вышитые подушки, как в каком-нибудь дворце.

— Садись, сынок, — ласково сказала старуха и усадила Якоба на диван, пододвинув к дивану стол, чтобы Якоб не мог никуда уйти со своего места. — Отдохни хорошенько — ты, наверно, устал. Ведь человеческие головы — не легкая ноша.

— Что вы болтаете! — закричал Якоб. —

Устать-то я и вправду устал, но я нес не головы, а кочаны капусты. Вы купили их у моей матери.

— Это ты неверно говоришь,— сказала старуха и засмеялась.

И, раскрыв корзинку, она вытащила из нее за волосы человеческую голову.

Якоб чуть не упал, до того испугался. Он сейчас же подумал о своей матери. Ведь если кто-нибудь узнает про эти головы, на нее мигом донесут, и ей придется плохо.

— Нужно тебя еще наградить за то, что ты такой послушный,— продолжала старуха.— Потерпи немного: я сварю тебе такой суп, что ты его до смерти вспоминать будешь.

Она снова свистнула в свой свисток, и на кухню примчались морские свинки, одетые как люди: в передниках, с поварешками и кухонными ножами за поясом. За ними прибежали белки — много белок, тоже на двух ногах; они были в широких шароварах и зеленых бархатных шапочках. Это, видно, были поварята. Они быстро-быстро карабкались по стенам и приносили к плите миски и сковородки, яйца, масло, коренья и муку. А у плиты суетилась, катаясь назад и вперед на своих кокосовых скорлупках, сама старуха — ей, видно, очень хотелось сварить для Якоба что-нибудь хорошее. Огонь под плитой разгорался все сильнее, на сковородках что-то шипело и дымилось, по комнате разносился приятный, вкусный запах. Старуха металась то туда, то сюда и то и дело совала в горшок с супом свой длинный нос, чтобы посмотреть, не готово ли кушанье.

Наконец в горшке что-то заклокотало и забулькало, из него повалил пар, и на огонь полилась густая пена.

Тогда старуха сняла горшок с плиты, отлила из

него супу в серебряную миску и поставила миску перед Якобом.

— Кушай, сынок, — сказала она. — Поешь этого супу — и будешь такой же красивый, как я. И поваром хорошим сделаешься — надо же тебе знать какое-нибудь ремесло.

Якоб не очень хорошо понимал, что это старуха бормочет себе под нос, да и не слушал ее — больше был занят супом. Мать часто стряпала для него всякие вкусные вещи, но ничего лучше этого супа ему еще не приходилось пробовать. От него так хорошо пахло зеленью и кореньями, он был одновременно и сладкий, и кисловатый, и к тому же очень крепкий.

Когда Якоб почти что доел суп, свинки зажгли на маленькой жаровне какое-то куренье с приятным запахом, и по всей комнате поплыли облака голубоватого дыма. Он становился все гуще и гуще, все плотней и плотней окутывал мальчика, так что у Якоба наконец закружилась голова. Напрасно говорил он себе, что ему пора возвращаться к матери, напрасно пытался встать на ноги. Стоило ему приподняться, как он снова падал на диван — до того ему вдруг захотелось спать. Не прошло и пяти минут, как он и вправду заснул на диване в кухне безобразной старухи.

И увидел Якоб удивительный сон. Ему приснилось, будто старуха сняла с него одежду и вернула его в беличью шкурку. Он научился прыгать и скакать, как белка, и подружился с другими белками и свинками. Все они были очень хорошие.

И стал Якоб, как они, прислуживать старухе. Сначала ему пришлось быть чистильщиком обуви. Он должен был смазывать маслом кокосовые скорлупки, которые старуха носила на ногах, и так натирать их тряпочкой, чтобы они блестели. Дома Якобу часто приходилось чистить туфли и баш-

маки, так что дело быстро пошло у него на лад.

Примерно через год его перевели на другую, более трудную должность. Вместе с несколькими другими белками он вылавливал пылинки из солнечного луча и просеивал их сквозь самое мелкое сито, а потом из них пекли для старухи хлеб. У нее во рту не осталось ни одного зуба, потому-то ей и приходилось есть булки из солнечных пылинок, мягче которых, как все знают, нет ничего на свете.

Еще через год Якобу было поручено добывать старухе воду для питья. Вы думаете, у нее был вырыт на дворе колодец или поставлено ведро, чтобы собирать в него дождевую воду? Нет, простой воды старуха и в рот не брала. Якоб с белками собирал в ореховые скорлупки росу с цветов, и старуха только ее и пила. А пила она очень много, так что работы у водоносов было по горло.

Прошел еще год, и Якоб перешел служить в комнаты — чистить полы. Это тоже оказалось не очень-то легким делом: полы-то ведь были стеклянные — на них дохнешь, и то видно. Якоб чистил их щетками и натирал суконкой, которую наворачтывал себе на ноги.

На пятый год Якоб стал работать на кухне. Это была работа почетная, к которой допускали с разбором, после долгого испытания. Якоб прошел все должности, от поваренка до старшего пирожного мастера, и стал таким опытным и искусным поваром, что даже сам себе удивлялся. Чего только он не выучился стряпать! Самые замысловатые кушанья: пирожное двухсот сортов, супы из всех трав и кореньев, какие есть на свете, — все он умел приготовить быстро и вкусно.

Так Якоб прожил у старухи лет семь. И вот однажды она надела на ноги свои ореховые скорлупки, взяла костыль и корзину, чтобы идти в

город, и приказала Якову ощипать курицу, начинить ее зеленью и хорошенько подрумянить. Яков сейчас же принялся за работу. Он свернул птице голову, ошпарил ее всю кипятком, ловко ощипал с нее перья, выскоблил кожу, так что она стала нежная и блестящая, и вынул внутренности. Потом ему понадобились травы, чтобы начинить ими курицу. Он пошел в кладовую, где хранилась у старухи всякая зелень, и принялся отбирать то, что ему было нужно. И вдруг он увидел в стене кладовой маленький шкафчик, которого раньше никогда не замечал. Дверца шкафчика была приоткрыта. Яков с любопытством заглянул в него и видит — там стоят какие-то маленькие корзиночки. Он открыл одну из них и увидел диковинные травы, какие ему еще никогда не попадались. Стебли у них были зеленоватые, и на каждом стебельке — ярко-красный цветочек с желтым ободком.

Яков поднес один цветок к носу и вдруг почувствовал знакомый запах — такой же, как у супа, которым старуха накормила его, когда он к ней пришел. Запах был до того сильный, что Яков громко чихнул несколько раз и проснулся.

Он с удивлением осмотрелся кругом и увидел, что лежит на том же диване, в кухне у старухи.

«Ну и сон же это был! Прямо будто наяву! — подумал Яков. — То-то матушка посмеется, когда я ей все это расскажу! И попадет же мне от нее за то, что я заснул в чужом доме, вместо того чтобы вернуться к ней на базар!»

Он быстро вскочил с дивана и хотел бежать к матери, но почувствовал, что все тело у него точно деревянное, а шея совсем окоченела — он еле-еле мог шевельнуть головой. Он то и дело задевал носом за стену или за шкаф, а раз, когда быстро повернулся, даже больно ударился о дверь. Белки и

свинки бегали вокруг Якоба и пищали — видно, им не хотелось его отпускать. Выходя из дома старухи, Якоб поманил их за собой — ему тоже было жалко с ними расставаться, но они быстро укатили назад в комнаты на своих скорлупках, и мальчик долго еще слышал издали их жалобный писк.

Домик старухи, как мы уже знаем, был далеко от рынка, и Якоб долго пробирался узкими, извилистыми переулками, пока не добрался до рынка. На улицах толпилось очень много народу. Где-то поблизости, наверное, показывали карлика, потому что все вокруг Якоба кричали:

— Посмотрите, вот безобразный карлик! И откуда он только взялся? Ну и длинный же у него нос! А голова — прямо на плечах торчит, без шеи! А руки-то, руки!.. Поглядите — до самых пяток!

Якоб в другое время с удовольствием сбегал бы поглядеть на карлика, но сегодня ему было не до того — надо было спешить к матери.

Наконец Якоб добрался до рынка. Он порядком побаивался, что ему попадет от матери. Ханна все еще сидела на своем месте, и у нее в корзине было порядочно овощей — значит, Якоб проспал не особенно долго. Уже издали он заметил, что его мать чем-то опечалена. Она сидела молча, подперев рукой щеку, бледная и грустная.

Якоб долго стоял, не решаясь подойти к матери. Наконец он собрался с духом и, подкравшись к ней сзади, положил ей руку на плечо и сказал:

— Мама, что с тобой? Ты на меня сердишься?

Ханна обернулась и, увидев Якоба, вскрикнула от ужаса.

— Что тебе нужно от меня, страшный карлик? — закричала она. — Уходи, уходи! Я не терплю таких шуток!

— Что ты, матушка? — испуганно сказал

Якоб.— Ты, наверно, нездорова. Почему ты гонишь меня?

— Говорю тебе, уходи своей дорогой! — сердито крикнула Ханна.— От меня ты ничего не получишь за твои шутки, противный урод!

«Она сошла с ума! — подумал бедный Якоб.— Как мне теперь увести ее домой?»

— Мапочка, посмотри же на меня хорошенько,— сказал он, чуть не плача.— Я ведь твой сын Якоб!

— Нет, это уж слишком! — закричала Ханна, обращаясь к своим соседкам.— Посмотрите на этого ужасного карлика! Он отпугивает всех покупателей, да еще смеется над моим горем! Говорит: «Я твой сын, твой Якоб». Негодяй этакий!

Торговки, соседки Ханны, разом вскочили на ноги и принялись ругать Якоба:

— Как ты смеешь шутить над ее горем! Ее сына украли семь лет назад. А какой мальчик был — прямо картинка! Убирайся сейчас же, не то мы тебе глаза выцарапаем!

Бедный Якоб не знал, что подумать. Ведь он же сегодня утром пришел с матерью на базар и помог ей разложить овощи, потом отнес к старухе домой капусту, зашел к ней, поел у нее супу, немного поспал и вот теперь вернулся. А торговки говорят про какие-то семь лет. И его, Якоба, называют противным карликом. Что же с ними такое случилось?

Со слезами на глазах побрел Якоб с рынка. Раз мать не хочет его признавать, он пойдет к отцу.

«Посмотрим,— думал Якоб.— Неужели и отец тоже прогонит меня? Я стану у двери и заговорю с ним».

Он подошел к лавке сапожника, который, как всегда, сидел там и работал, стал возле двери и заглянул в лавку. Фридрих был так занят работой,

что сначала не заметил Якоба. Но вдруг случайно поднял голову, выронил из рук шило и дратву и вскрикнул:

— Что это такое? Что такое?

— Добрый вечер, хозяин,— сказал Якоб и вошел в лавку.— Как поживаете?

— Плохо, сударь мой, плохо! — ответил сапожник, который тоже, видно, не узнал Якоба.— Работа совсем не ладится. Мне уже много лет, а я один — чтобы нанять подмастерья, денег не хватает.

— А разве у вас нет сына, который мог бы вам помочь? — спросил Якоб.

— Был у меня один сын, Якобом его звали,— ответил сапожник.— Теперь было бы ему годов двадцать. Он бы здорово поддержал меня. Ведь ему всего двенадцать лет было, а такой был умница! И в ремесле уже кое-что смекал, и красавец был писаный. Он бы уж сумел приманить заказчиков, не пришлось бы мне теперь класть заплатки — одни бы новые башмаки шил. Да уж, видно, такая моя судьба!

— А где же теперь ваш сын? — робко спросил Якоб.

— Про то один господь знает,— ответил с тяжелым вздохом сапожник.— Вот уже семь лет прошло, как его увели от нас на базаре.

— Семь лет! — с ужасом повторил Якоб.

— Да, сударь мой, семь лет. Как сейчас помню, жена прибежала с базара, воеет, кричит: уж вечер, а дитя не вернулось. Она целый день его искала, всех спрашивала, не видали ли,— и не нашла. Я всегда говорил, что этим кончится. Наш Якоб — что правда, то правда — был пригожий ребенок, жена гордилась им и частенько посылала его отнести добрым людям овощи или что другое. Грех ска-

зять — его всегда хорошо награждали, но я частенько говорил жене: «Смотри, Ханна! Город большой, в нем много злых людей. Как бы чего не случилось с нашим Якобом!» Так и вышло! Пришла в тот день на базар какая-то женщина, старая, безобразная, выбирала, выбирала товар и столько в конце концов накупила, что самой не отнести. Ханна, добрая душа, и пошли с ней мальчика... Так мы его больше и не видали.

— И значит, с тех пор прошло семь лет?

— Весной семь будет. Уж мы и объявляли о нем, и по людям ходили, спрашивали про мальчишку — его ведь многие знали, все его, красавчика, любили, — но, сколько ни искали, так и не нашли. И женщину ту, что у Ханны овощи покупала, никто с тех пор не видал. Одна древняя старуха — девяносто уже лет на свете живет — говорила Ханне, что это, может быть, злая колдунья Крейтервейс, что приходит в город раз в пятьдесят лет закупать провизию.

Так рассказывал отец Якоба, постукивая молотком по сапогу и вытягивая длинную вощеную дратву. Теперь наконец Якоб понял, что с ним случилось. Значит, он не во сне это видел, а вправду семь лет был белкой и служил у злой колдуньи. У него прямо сердце разрывалось с досады. Семь лет жизни у него украла старуха, а что он за это получил? Научился чистить кокосовые скорлупки и натирать стеклянные полы да всякие вкусные кушанья выучился готовить!

Долго стоял он на пороге лавки, не говоря ни слова. Наконец сапожник спросил его:

— Может быть, вам что-нибудь у меня приглянулось, сударь? Не возьмете ли пару туфель или хотя бы, — тут он вдруг прыснул со смеху, — футляр для носа?

— А что такое с моим носом? — сказал Якоб. — Зачем мне для него футляр?

— Воля ваша, — ответил сапожник, — но будь у меня такой ужасный нос, я бы, осмелюсь сказать, прятал его в футляр — хороший футляр из розовой лайки. Взгляните, у меня как раз есть подходящий кусочек. Правда, на ваш нос понадобится немало кожи. Но как вам будет угодно, сударь мой. Ведь вы, верно, частенько задеваете носом за двери.

Якоб ни слова не мог сказать от удивления. Он пощупал свой нос — нос был толстый и длинный, четверти в две, не меньше. Видно, злая старуха превратила его в урод. Вот почему мать не узнала его.

— Хозяин, — чуть не плача, сказал он, — нет ли у вас здесь зеркала? Мне нужно посмотреться в зеркало, обязательно нужно.

— Сказать по правде, сударь, — ответил сапожник, — не такая у вас наружность, чтобы было чем гордиться. Незачем вам каждую минуту глядеться в зеркало. Бросьте эту привычку — уж вам-то она совсем не к лицу.

— Дайте, дайте мне скорей зеркало! — взмолился Якоб. — Уверяю вас, мне очень нужно. Я, правда, не из гордости...

— Да ну вас совсем! Нет у меня зеркала! — рассердился сапожник. — У жены было одно малюсенькое, да не знаю, куда она его задевала. Если уж вам так не терпится на себя посмотреть — вон напротив лавка цирюльника Урбана. У него есть зеркало раза в два больше вас. Глядитесь в него сколько душе угодно. А затем — пожелаю вам доброго здоровья.

И сапожник легонько вытолкнул Якоба из лавки и захлопнул за ним дверь. Якоб быстро перешел через улицу и вошел к цирюльнику, которого он раньше хорошо знал.

— Доброе утро, Урбан,— сказал он.— У меня к вам большая просьба: будьте добры, позвольте мне посмотреться в ваше зеркало.

— Сделайте одолжение. Вон оно стоит в левом простенке! — крикнул Урбан и громко расхохотался.— Полюбуйтесь, полюбуйтесь на себя, вы ведь настоящий красавчик — тоненький, стройный, шея лебединая, руки словно у королевы, а носик курносенький,— лучше нет на свете! Вы, конечно, немножко им щеголяете, ну да все равно, посмотрите на себя. Пусть не говорят, что я из зависти не позволил вам посмотреться в мое зеркало.

Посетители, которые пришли к Урбану бриться и стричься, оглушительно хохотали, слушая его шутки. Якоб подошел к зеркалу и невольно отшатнулся. Слезы выступили у него на глазах. Неужели это он, этот уродливый карлик! Глаза у него стали маленькие, как у свиньи, огромный нос свешивался ниже подбородка, а шеи как будто и совсем не было. Голова глубоко ушла в плечи, и он почти совсем не мог ее повернуть. А ростом он был такой же, как семь лет назад,— совсем маленький. Другие мальчишки за эти годы выросли вверх, а Якоб рос в ширину. Спина и грудь у него были широкие-преширокие, и он был похож на большой, плотно набитый мешок. Тоненькие коротенькие ножки едва несли его тяжелое тело. А руки с крючковатыми пальцами были, наоборот, длинные, как у взрослого мужчины, и свисали почти до земли. Таков был теперь бедняга Якоб.

«Да,— подумал он, глубоко вздыхая,— немудрено, что ты не узнала своего сына, матушка! Не таков он был раньше, когда ты любила похвастать им перед соседками!»

Ему вспомнилось, как старуха подошла в то утро к его матери. Все, над чем он тогда смеял-

ся — и длинный нос, и безобразные пальцы, — получил он от старухи за свои насмешки. А шею она у него отняла, как обещала...

— Ну что, вдоволь насмотрелись на себя, мой красавчик? — спросил со смехом Урбан, подходя к зеркалу и оглядывая Якоба с головы до ног. — Честное слово, такого смешного карлика и во сне не увидишь. Знаете, малыш, я хочу вам предложить одно дело. В моей цирюльне бывает порядочно народу, но не так много, как раньше. А все потому, что мой сосед, цирюльник Шаум, раздобыл себе где-то великана, который переманивает к нему посетителей. Ну, стать великаном, вообще говоря, уж не так хитро, а вот таким крошкой, как вы, — это другое дело. Поступайте ко мне на службу, малыш. И жилье, и пищу, и одежду — все от меня будете получать, а работы-то всего — стоять у дверей цирюльни и зазывать народ. Да, пожалуй, еще взбивать мыльную пену и подавать полотенце. И наверняка вам скажу, мы оба останемся в выгоде: у меня будет больше посетителей, чем у Шаума с его великаном, а вам каждый еще на чаек даст.

Якоб в душе очень обиделся — как это ему предлагают быть приманкой в цирюльне! — но что поделаешь, пришлось стерпеть это оскорбление. Он спокойно ответил, что слишком занят и не может взяться за такую работу, и ушел.

Хотя тело у Якоба было изуродовано, голова работала хорошо, как прежде. Он почувствовал, что за эти семь лет сделался совсем взрослым.

«Не то беда, что я стал уродом, — размышлял он, идя по улице. — Обидно, что и отец, и мать прогнали меня прочь, как собаку. Попробую еще раз поговорить с матерью. Может быть, она меня все-таки узнает».

Он снова отправился на рынок и, подойдя к Ханне, попросил ее спокойно выслушать, что он хочет ей сказать. Он напомнил ей, как его увела старуха, перечислил все, что случилось с ним в детстве, и рассказал, что семь лет прожил у колдуньи, которая превратила его сначала в белку, а потом в карлика за то, что он над ней посмеялся.

Ханна не знала, что ей и думать. Все, что говорил карлик про свое детство, было правильно, но чтобы он семь лет был белкой, этому она поверить не могла.

— Это невозможно! — воскликнула она.

Наконец Ханна решила посоветоваться с мужем.

Она собрала свои корзины и предложила Якобу пойти вместе с ней в лавку сапожника. Когда они пришли, Ханна сказала мужу:

— Этот карлик говорит, что он наш сын Якоб. Он мне рассказал, что его семь лет назад у нас украла и заколдовала волшебница...

— Ах, вот как! — сердито перебил ее сапожник. — Он тебе, значит, все это рассказал? Подожди, глупая! Я сам ему только что рассказывал про нашего Якоба, а он, вишь, прямо к тебе и давай тебя дурачить... Так тебя, говоришь, заколдовали? А ну-ка, я тебя сейчас расколдую.

Сапожник схватил ремень и, подскочив к Якобу, так отхлестал его, что тот с громким плачем выскочил из лавки.

Целый день бродил бедный карлик по городу не евши, не пивши. Никто не пожалел его, и все над ним только смеялись. Ночевать ему пришлось на церковной лестнице, прямо на жестких, холодных ступеньках.

Как только взошло солнце, Якоб встал и опять пошел бродить по улицам.

«Как же я буду жить дальше? — думал он. — Быть вывеской у цирюльника или показываться за деньги я не хочу, а мать и отец меня прогнали. Что же мне придумать, чтобы не умереть с голоду?»

И тут Якоб вспомнил, что, пока он был белкой и жил у старухи, ему удалось научиться хорошо стряпать. И он решил поступить поваром к герцогу.

А герцог, правитель той страны, был известный объедала и лакомка. Он больше всего любил хорошо поест и выписывал себе поваров со всех концов земли.

Якоб подождал немного, пока совсем рассвело, и направился к герцогскому дворцу.

Громко стучало у него сердце, когда он подошел к дворцовым воротам. Привратники спросили его, что ему нужно, и начали над ним потешаться, но Якоб не растерялся и сказал, что хочет видеть главного начальника кухни. Его повели какими-то дворами, и все, кто его только видел из герцогских слуг, бежали за ним и громко хохотали.

Скоро у Якоба образовалась огромная свита. Конюхи побросали свои скребницы, мальчишки мчались наперегонки, чтобы не отстать от него, полотеры перестали выколачивать ковры. Все теснились вокруг Якоба, и на дворе стоял такой шум и гомон, словно к городу подступили враги. Всюду слышались крики:

— Карлик! Карлик! Видели вы карлика?

Наконец во двор вышел дворцовый смотритель — заспанный толстый человек с огромной плеткой в руке.

— Эй вы, собаки! Что это за шум? — закричал он громовым голосом, немилосердно колотя своей плеткой по плечам и спинам конюхов и прислужников. — Не знаете вы разве, что герцог еще спит?

— Господин, — отвечали привратники, — посмо-

трите, кого мы к вам привели! Настоящего карлика! Такого вы еще, наверное, никогда не встречали.

Увидев Якоба, смотритель сделал страшную гримасу и как можно плотнее сжал губы, чтобы не рассмеяться, — важность не позволяла ему хохотать перед конюхами. Он разогнал собравшихся своей плеткой и, взяв Якоба за руку, ввел его во дворец и спросил, что ему нужно. Услышав, что Якоб хочет видеть начальника кухни, смотритель воскликнул:

— Неправда, сынок! Это я тебе нужен, дворцовый смотритель. Ты ведь хочешь поступить к герцогу в карлики?

— Нет, господин, — ответил Якоб. — Я хороший повар и умею готовить всякие редкостные кушанья. Отведите меня, пожалуйста, к начальнику кухни. Может быть, он согласится испытать мое искусство.

— Твоя воля, малыш, — ответил смотритель, — ты еще, видно, глупый парень. Будь ты придворным карликом, ты мог бы ничего не делать, есть, пить, веселиться и ходить в красивой одежде, а ты хочешь на кухню! Но мы еще посмотрим. Едва ли ты достаточно искусный повар, чтобы готовить кушанья самому герцогу, а для поваренка ты слишком хорош.

Сказав это, смотритель отвел Якоба к начальнику кухни. Карлик низко поклонился ему и сказал:

— Милостивый господин, не нужен ли вам искусный повар?

Начальник кухни оглядел Якоба с головы до ног и громко расхохотался.

— Ты хочешь быть поваром? — воскликнул он. — Что же, ты думаешь, у нас в кухне плиты такие низенькие? Ведь ты ничего на них не увидишь, даже если поднимешься на цыпочки. Нет, мой маленький друг, тот, кто тебе посоветовал по-

ступить ко мне поваром, сыграл с тобой скверную шутку.

И начальник кухни снова расхохотался, а за ним — дворцовый смотритель и все те, кто был в комнате. Якоб, однако, не смутился.

— Господин начальник кухни! — сказал он. — Вам, наверно, не жалко дать мне одно-два яйца, немного муки, вина и приправ. Поручите мне приготовить какое-нибудь блюдо и велите подать все, что для этого нужно. Я состряпаю кушанье у всех на глазах, и вы скажете: «Вот это настоящий повар!»

Долго уговаривал он начальника кухни, поблескивая своими маленькими глазками и убедительно качая головой. Наконец начальник согласился.

— Ладно! — сказал он. — Давай попробуем шутки ради! Идемте все на кухню, и вы тоже, господин смотритель дворца.

Он взял дворцового смотрителя под руку и приказал Якобу следовать за собой. Долго шли они по каким-то большим роскошным комнатам и длинным коридорам и наконец пришли на кухню. Это было высокое просторное помещение с огромной плитой на двадцать конфорок, под которыми день и ночь горел огонь. Посреди кухни был бассейн с водой, в котором держали живую рыбу, а по стенам стояли мраморные и деревянные шкафчики, полные драгоценной посуды. Рядом с кухней, в десяти громадных кладовых, хранились всевозможные припасы и лакомства. Повара, поварята, судомойки носились по кухне взад и вперед, гремя кастрюлями, сковородками, ложками и ножами. При появлении начальника кухни все замерли на месте, и в кухне сделалось совсем тихо; только огонь продолжал потрескивать под плитой и вода по-прежнему журчала в бассейне.

— Что заказал сегодня господин герцог к первому завтраку? — спросил начальник кухни главного заведующего завтраками — старого толстого повара в высоком колпаке.

— Его светлость изволили заказать датский суп с красными гамбургскими клецками, — почтительно ответил повар.

— Хорошо, — продолжал начальник кухни. — Ты слышал, карлик, чего господин герцог хочет покушать? Можно ли тебе доверить такие трудные блюда? Гамбургских клецек тебе ни за что не состряпать. Это тайна наших поваров.

— Нет ничего легче, — ответил карлик (когда он был белкой, ему часто приходилось стряпать для старухи эти кушанья). — Для супа дайте мне таких-то и таких-то трав и пряностей, сала дикого кабана, яиц и кореньев. А для клецек, — он заговорил тише, чтобы его не слышал никто, кроме начальника кухни и заведующего завтраками, — а для клецек мне нужны четыре сорта мяса, немножко пива, гусиный жир, имбирь и трава, которая называется «утешение желудка».

— Клянусь честью, правильно! — закричал удивленный повар. — Какой это чародей учил тебя стряпать? Ты все до тонкости перечислил. А про травку «утешение желудка» я и сам в первый раз слышу. С нею клецки, наверно, еще лучше выйдут. Ты прямо чудо, а не повар!

— Вот никогда бы не подумал этого! — сказал начальник кухни. — Однако сделаем испытание. Дайте ему припасы, посуду и все, что требуется, и пусть приготовит герцогу завтрак.

Поварята исполнили его приказание, но когда на плиту поставили все, что было нужно, и карлик хотел приняться за стряпню, оказалось, что он едва достает до верха плиты кончиком своего длинного

носа. Пришлось пододвинуть к плите стул, карлик взобрался на него и начал готовить. Повара, поварята, судомойки плотным кольцом окружили карлика и, широко раскрыв глаза от удивления, смотрели, как проворно и ловко он со всем управляется.

Подготовив кушанья к варке, карлик велел поставить обе кастрюли на огонь и не снимать их, пока он не прикажет. Потом он начал считать:

— Раз, два, три, четыре...— И, досчитав ровно до пятисот, крикнул: — Довольно!

Поварята сдвинули кастрюли с огня, и карлик предложил начальнику кухни отведать его стряпни.

Главный повар приказал подать золотую ложку, сполоснул ее в бассейне и передал начальнику кухни. Тот торжественно подошел к плите, снял крышки с дымящихся кастрюль и попробовал суп и клецки. Проглотив ложку супа, он зажмурил глаза от наслаждения, несколько раз прищелкнул языком и сказал:

— Прекрасно, прекрасно, клянусь честью! Не хотите ли и вы убедиться, господин дворцовый смотритель?

Смотритель дворца с поклоном взял ложку, попробовал и чуть не подскочил от удовольствия.

— Я не хочу вас обидеть, дорогой заведующий завтраками,— сказал он,— вы прекрасный, опытный повар, но такого супа и таких клецек вам состряпать еще не удавалось.

Повар тоже попробовал оба кушанья, почтительно пожал карлику руку и сказал:

— Малыш, ты — великий мастер! Твоя травка «утешение желудка» придает супу и клецкам особый вкус.

В это время в кухне появился слуга герцога и потребовал завтрак для своего господина. Кушанье тотчас же налили в серебряные тарелки и послали

наверх. Начальник кухни, очень довольный, увел карлика в свою комнату и хотел его расспросить, кто он и откуда явился. Но только что они уселись и начали беседовать, как за начальником пришел посланный от герцога и сказал, что герцог его зовет. Начальник кухни поскорее надел свое лучшее платье и отправился вслед за посланным в столовую.

Герцог сидел там, развалиясь в своем глубоком кресле. Он дочиста съел все, что было на тарелках, и вытирал губы шелковым платком. Его лицо сияло, и он сладко жмурился от удовольствия.

— Послушай-ка,— сказал он, увидев начальника кухни,— я всегда был очень доволен твоей стряпней, но сегодня завтрак был особенно вкусен. Скажи мне, как зовут повара, который его готовил: я пошлю ему несколько дукатов в награду.

— Господин, сегодня случилась удивительная история,— сказал начальник кухни.

И он рассказал герцогу, как к нему привели утром карлика, который непременно хочет стать дворцовым поваром. Герцог, выслушав его рассказ, очень удивился. Он велел позвать карлика и стал его расспрашивать, кто он такой. Бедному Якобу не хотелось говорить, что он семь лет был белкой и служил у старухи, но и лгать он не любил. Поэтому он только сказал герцогу, что у него теперь нет ни отца, ни матери и что его научила стряпать одна старуха. Герцог долго потешался над странным видом карлика и наконец сказал ему:

— Так и быть, оставайся у меня. Я дам тебе в год пятьдесят дукатов, одно праздничное платье и, сверх того, две пары штанов. За это ты будешь каждый день сам готовить мне завтрак, наблюдать за тем, как стряпают обед, и вообще заведовать моим столом. А кроме того, всем, кто у меня слу-

жит, я даю прозвища. Ты будешь называться Карлик Нос и получишь звание помощника начальника кухни.

Карлик Нос поклонился герцогу до земли и поблагодарил его за милость. Когда герцог отпустил его, Якоб радостный вернулся на кухню. Теперь наконец он мог не беспокоиться о своей судьбе и не думать о том, что будет с ним завтра.

Он решил хорошенько отблагодарить своего хозяина, и не только сам правитель страны, но и все его придворные не могли нахвалиться маленьким поваром. С тех пор как Карлик Нос поселился во дворце, герцог стал, можно сказать, совсем другим человеком. Прежде ему частенько случалось швырять в поваров тарелками и стаканами, если ему не нравилась их стряпня, а один раз он так рассердился, что запустил в самого начальника кухни плохо прожаренной телячьей ногой. Нога попала бедняге в лоб, и он после этого три дня пролежал в кровати. Все повара дрожали от страха, когда готовили кушанья.

Но с появлением Карлика Носа все изменилось. Герцог теперь ел не три раза в день, как раньше, а пять раз и только похваливал искусство карлика. Все казалось ему превкусным, и он становился день ото дня толще. Он часто приглашал карлика к своему столу вместе с начальником кухни и заставлял их отведать кушанья, которые они приготовили.

Жители города не могли надивиться на этого замечательного карлика.

Каждый день у дверей дворцовой кухни толпилось множество народу — все просили и умоляли главного повара, чтобы он позволил хоть одним глазком посмотреть, как карлик готовит кушанья. А городские богачи старались получить у герцога

разрешение посылать на кухню своих поваров, чтобы они могли учиться у карлика стряпать. Это давало карлику немалый доход — за каждого ученика ему платили в день по полдуката, — но он отдавал все деньги другим поварам, чтобы они ему не завидовали.

Так Якоб прожил во дворце два года. Он был бы, пожалуй, даже доволен своей судьбой, если бы не вспоминал так часто об отце и матери, которые не узнали его и прогнали. Только это его и огорчало.

И вот однажды с ним произошел такой случай.

Карлик Нос очень хорошо умел закупать припасы. Он всегда сам ходил на рынок и выбирал для герцогского стола гусей, уток, зелень и овощи. Как-то раз утром он пошел на базар за гусями и долго не мог найти достаточно жирных птиц. Он несколько раз прошелся по базару, выбирая гуся получше. Теперь уже никто не смеялся над карликом. Все низко ему кланялись и почтительно уступали дорогу. Каждая торговка была бы счастлива, если бы он купил у нее гуся.

Расхаживая взад и вперед, Якоб вдруг заметил в конце базара, в стороне от других торговых, одну женщину, которую не видел раньше. Она тоже продавала гусей, но не расхваливала свой товар, как другие, а сидела молча, не говоря ни слова. Якоб подошел к этой женщине и осмотрел ее гусей. Они были как раз такие, как он хотел. Якоб купил трех птиц вместе с клеткой — двух гусаков и одну гусыню, — поставил клетку на плечо и пошел обратно во дворец. И вдруг он заметил, что две птицы гогочут и хлопают крыльями, как полагается хорошим гусакам, а третья — гусыня — сидит тихо и даже как будто вздыхает.

«Эта гусыня больна, — подумал Якоб. — Как

только приду во дворец, сейчас же велю ее прирезать, пока она не издохла».

И вдруг птица, словно разгадав его мысли, сказала:

Ты не режь меня —
Заклюю тебя.
Если шею мне свернешь,
Раньше времени умрешь.

Якоб чуть не уронил клетку.

— Вот чудеса! — закричал он. — Вы, оказываетесь, умеете говорить, госпожа гусыня! Не бойтесь, такую удивительную птицу я не убью. Готов спорить, что вы не всегда ходили в гусиных перьях. Ведь был же и я когда-то маленькой белочкой.

— Твоя правда, — ответила гусыня. — Я не родилась птицей. Никто не думал, что Мими, дочь великого Веттербока, кончит жизнь под ножом повара на кухонном столе.

— Не беспокойтесь, дорогая Мими! — воскликнул Якоб. — Не будь я честный человек и главный повар его светлости, если до вас кто-нибудь дотронется ножом! Вы будете жить в прекрасной клетке у меня в комнате, и я стану вас кормить и разговаривать с вами. А другим поварам скажу, что откармливаю гуся особыми травами для самого герцога. И не пройдет и месяца, как я придумаю способ выпустить вас на волю.

Мими со слезами на глазах поблагодарила карлика, и Якоб исполнил все, что обещал. Он сказал на кухне, что будет откармливать гусыню особым способом, которого никто не знает, и поставил ее клетку у себя в комнате. Мими получала не гусиную пищу, а печенье, конфеты и всякие лакомства, и как только у Якоба выдавалась свободная минутка, он тотчас же прибегал к ней поболтать.

Мими рассказала Якобу, что ее превратила в гусыню и занесла в этот город одна старая колдунья, с которой когда-то поссорился ее отец, знаменитый волшебник Веттербок. Карлик тоже рассказал Мими свою историю, и Мими сказала:

— Я кое-что понимаю в колдовстве — мой отец немножко учил меня своей мудрости. Я догадываюсь, что старуха заколдовала тебя волшебной травкой, которую она положила в суп, когда ты принес ей домой капусту. Если ты найдешь эту травку и понюхаешь ее, ты, может быть, снова станешь таким же, как все люди.

Это, конечно, не особенно утешило карлика: как же он мог найти эту травку? Но у него все-таки появилась маленькая надежда.

Через несколько дней после этого к герцогу приехал погостить один князь — его сосед и друг. Герцог тотчас же позвал к себе карлика и сказал ему:

— Теперь пришло время показать, верно ли ты мне служишь и хорошо ли знаешь свое искусство. Этот князь, который приехал ко мне в гости, любит хорошо поесть и понимает толк в стряпне. Смотри же, готовь нам такие кушанья, чтобы князь каждый день удивлялся. И не вздумай, пока князь у меня в гостях, два раза подать к столу одно кушанье. Тогда тебе не будет пощады. Бери у моего казначея все, что тебе понадобится, хоть золото запеченное нам подавай, только бы не осрамиться перед князем.

— Не беспокойтесь, ваша светлость,— ответил Якоб, низко кланяясь.— Я уж сумею угодить вашему лакомке князю.

И Карлик Нос горячо принялся за работу. Целый день он стоял у пылающей плиты и без

умолку отдавал приказания своим тоненьким голоском. Толпа поваров и поварят металась по кухне, ловя каждое его слово. Якоб не щадил ни себя, ни других, чтобы угодить своему хозяину.

Уже две недели гостил князь у герцога. Они ели не меньше чем по пять раз в день, и герцог был в восторге. Он видел, что его гостю нравится стряпня карлика. На пятнадцатый день герцог позвал Якоба в столовую, показал его князю и спросил, доволен ли князь искусством его повара.

— Ты прекрасно готовишь,— сказал князь карлику,— и понимаешь, что значит хорошо есть. За все время, пока я здесь, ты ни одного кушанья не подал на стол два раза, и все было очень вкусно. Но скажи мне, почему ты до сих пор не угостил нас «пирогом королевы»? Это самый вкусный пирог на свете.

У карлика упало сердце: он никогда не слышал о таком пироге. Но он и виду не подал, что смущен, и ответил:

— О господин, я надеялся, что вы еще долго пробудете у нас, и хотел угостить вас «пирогом королевы» на прощанье. Ведь это — король всех пирогов, как вы сами хорошо знаете.

— Ах, вот как! — сказал герцог и рассмеялся.— Ты ведь и меня ни разу не угостил «пирогом королевы». Наверно, ты испечешь его в день моей смерти, чтобы последний раз побаловать меня. Но придумай на этот случай другое кушанье! А «пирог королевы» чтобы завтра был на столе! Слышишь?

— Слушаюсь, господин герцог,— ответил Якоб и ушел, озабоченный и огорченный.

Вот когда наступил день его позора! Откуда он узнает, как пекут этот пирог?

Он пошел в свою комнату и стал горько пла-

кать. Гусыня Мими увидела это из своей клетки и пожалела его.

— О чем ты плачешь, Якоб? — спросила она, и, когда Якоб рассказал ей про «пирог королевы», она сказала: — Вытри слезы и не огорчайся. Этот пирог часто подавали у нас дома, и я, кажется, помню, как его надо печь. Возьми столько-то муки и положи еще такую-то и такую-то приправу — вот пирог и готов. А если в нем чего-нибудь не хватит — беда невелика. Герцог с князем все равно не заметят. Не такой уж у них разборчивый вкус.

Карлик Нос подпрыгнул от радости и сейчас же принялся печь пирог. Сначала он сделал маленький пирожок и дал его попробовать начальнику кухни. Тот нашел, что вышло очень вкусно. Тогда Якоб испек большой пирог и прямо из печи послал его к столу. А сам надел свое праздничное платье и пошел в столовую смотреть, как герцогу с князем понравится этот новый пирог.

Когда он входил, дворецкий как раз отрезал большой кусок пирога, на серебряной лопаточке подал его князю, а потом другой такой же — герцогу. Герцог откусил сразу полкуска, прожевал пирог, проглотил его и с довольным видом откинулся на спинку стула.

— Ах, как вкусно! — воскликнул он. — Недаром этот пирог называют королем всех пирогов. Но и мой карлик — король всех поваров. Не правда ли, князь?

Князь осторожно откусил крохотный кусочек, хорошенько прожевал его, растер языком и сказал, снисходительно улыбаясь и отодвигая тарелку:

— Недурное кушанье! Но только ему далеко до «пирога королевы». Я так и думал!

Герцог покраснел с досады и сердито нахмурился.

— Скверный карлик! — закричал он. — Как ты смел так опозорить своего господина? За такую стряпню тебе следовало бы отрубить башку!

— Господин! — закричал Якоб, падая на колени. — Я испек этот пирог как полагается. В него положено все, что надо.

— Ты лжешь, негодяй! — закричал герцог и отпихнул карлика ногой. — Мой гость не стал бы напрасно говорить, что в пироге чего-то не хватает. Я тебя самого прикажу размолоть и запечь в пирог, урод ты этакий!

— Сжальтесь надо мной! — жалобно закричал карлик, хватая князя за полы его платья. — Не дайте мне умереть из-за горстки муки и мяса! Скажите, чего не хватает в этом пироге, чем он вам так не понравился?

— Это мало тебе поможет, мой милый Нос, — ответил князь со смехом. — Я уже вчера подумал, что тебе не испечь этого пирога так, как его печет мой повар. В нем не хватает одной травки, которой у вас никто не знает. Она называется «чихай на здоровье». Без этой травки у «пирога королевы» не тот вкус, и твоему господину никогда не придется попробовать его таким, каким его делают у меня.

— Нет, я его попробую, и очень скоро! — закричал герцог. — Клянусь моей герцогской честью, либо вы завтра увидите на столе такой пирог, либо голова этого негодяя будет торчать на воротах моего дворца. Пошел вон, собака! Даю тебе срок двадцать четыре часа, чтобы спасти свою жизнь.

Бедный карлик, горько плача, пошел к себе в комнату и пожаловался гусыне на свое горе. Теперь ему уже не миновать смерти! Ведь он никогда и не слышивал о траве, которая называется «чихай на здоровье».

— Если в этом все дело, — сказала Мими, — то я

могу тебе помочь. Мой отец научил меня узнавать все травы. Будь это недели две назад, тебе, может быть, и вправду грозила бы смерть, но, к счастью, теперь новолуние, а в это время как раз и цветет та трава. Есть где-нибудь около дворца старые каштаны?

— Да! Да! — радостно закричал карлик. — В саду, совсем близко отсюда, растет несколько каштанов. Но зачем они тебе?

— Эта трава, — ответила Мими, — растет только под старыми каштанами. Не будем попусту терять время и пойдем сейчас же ее искать. Возьми меня на руки и вынеси из дворца.

Карлик взял Мими на руки, подошел с ней к дворцовым воротам и хотел выйти. Но привратник преградил ему дорогу.

— Нет, мой милый Нос, — сказал он, — мне строго-настрого велено не выпускать тебя из дворца.

— Неужели мне и в саду нельзя погулять? — спросил карлик. — Будь добр, пошли кого-нибудь к смотрителю и спроси, можно ли мне ходить по саду и собирать траву.

Привратник послал спросить смотрителя, и смотритель позволил: сад ведь был обнесен высокой стеной и убежать из него было невозможно.

Выйдя в сад, карлик осторожно поставил Мими на землю, и она, ковыляя, побежала к каштанам, которые росли на берегу озера. Якоб, пригорюнившись, шел за нею.

«Если Мими не найдет той травки, — думал он, — я утоплюсь в озере. Это все-таки лучше, чем дать отрубить себе голову».

Мими между тем побывала под каждым каштаном, перевернула клювом всякую былинку, но напрасно — травки «чихай на здоровье» нигде не

Вильгельм Гауф.
Карлик Нос.

было видно. Гусыня от горя даже заплакала. Приближался вечер, темнело, и становилось все труднее различать стебли трав. Случайно карлик взглянул на другой берег озера и радостно закричал:

— Посмотри, Мими, видишь — на той стороне еще один большой старый каштан! Пойдем туда и поищем, может быть, под ним растет мое счастье.

Гусыня тяжело захлопала крыльями и полетела, а карлик во всю прыть побежал за нею на своих маленьких ножках. Перейдя через мост, он подошел к каштану. Каштан был густой и развесистый, под ним в полутьме почти ничего не было видно. И вдруг Мими замахала крыльями и даже подскочила от радости. Она быстро сунула клюв в траву, сорвала какой-то цветок и сказала, осторожно протягивая его Якобу:

— Вот трава «чихай на здоровье». Здесь ее растет много-много, так что тебе надолго хватит.

Карлик взял цветок в руку и задумчиво посмотрел на него. От него шел сильный приятный запах, и Якобу почему-то вспомнилось, как он стоял у старухи в кладовой, подбирая травы, чтобы начинить ими курицу, и нашел такой же цветок — с зеленоватым стебельком и ярко-красной головкой, украшенной желтой каймой.

И вдруг Якоб весь задрожал от волнения.

— Знаешь, Мими,— закричал он,— это, кажется, тот самый цветок, который превратил меня из белки в карлика! Попробую-ка я его понюхать.

— Подожди немножко,— сказала Мими.— Возьми с собой пучок этой травы, и вернемся к тебе в комнату. Собери свои деньги и все, что ты нашёл, пока служил у герцога, а потом мы испробуем силу этой чудесной травки.

Якоб послушался Мими, хотя сердце у него громко стучало от нетерпения. Он бегом прибежал

к себе в комнату. Завязав в узелок сотню дукатов и несколько пар платья, он сунул свой длинный нос в цветы и понюхал их. И вдруг его суставы затрещали, шея вытянулась, голова сразу поднялась из плеч, нос стал делаться все меньше и меньше, а ноги все длиннее и длиннее, спина и грудь выровнялись, и он стал такой же, как все люди. Мими с великим удивлением смотрела на Якоба.

— Какой ты красивый! — закричала она. — Ты теперь совсем не похож на уродливого карлика!

Якоб очень обрадовался. Ему захотелось сейчас же бежать к родителям и показаться им, но он помнил о своей спасительнице.

— Не будь тебя, дорогая Мими, я бы на всю жизнь остался карликом и, может быть, умер бы под топором палача, — сказал он, нежно поглаживая гусыню по спине и по крыльям. — Я должен тебя отблагодарить. Я отвезу тебя к твоему отцу, и он тебя расколдует. Он ведь умнее всех волшебников.

Мими залилась слезами от радости, а Якоб взял ее на руки и прижал к груди. Он незаметно вышел из дворца — ни один человек не узнал его — и отправился с Мими к морю, на остров Готланд, где жил ее отец, волшебник Веттербок.

Они долго путешествовали и наконец добрались до этого острова. Веттербок сейчас же снял чары с Мими и дал Якобу много денег и подарков. Якоб немедленно вернулся в свой родной город. Отец и мать с радостью встретили его — он ведь стал такой красивый и привез столько денег!

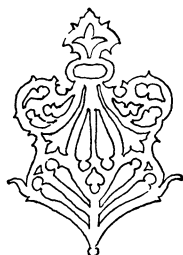
Надо еще рассказать про герцога.

Утром на другой день герцог решил исполнить свою угрозу и отрубить карлику голову, если он не нашел той травы, о которой говорил князь. Но Якоба нигде не могли отыскать.

Тогда князь сказал, что герцог нарочно спрятал

карлика, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и назвал его обманщиком. Герцог страшно рассердился и объявил князю войну. После многих битв и сражений они наконец помирились, и князь, чтобы отпраздновать мир, велел своему повару испечь настоящий «пирог королевы». Этот мир между ними так и называли — «Пирожный мир».

Вот и вся сказка о Карлике Носе.

СПАСЕНИЕ ФАТЬМЫ

Мой брат Мустафа и моя сестра Фатьма были почти одного возраста. Брат был старше ее самое большее на два года. Они горячо любили друг друга и вместе делали все, что могло облегчить бремя старости нашему слабому здоровью отцу. В день шестнадцатилетия сестры брат устроил праздник. Он пригласил всех ее подруг детства, угостил их в саду отца изысканными кушаньями, а когда наступил вечер, предложил им немного покататься по морю в нанятой им и празднично украшенной лодке. Фатьма и ее подружки с радостью согласились, ибо вечер был прекрасный, а

с моря на город открывался, особенно вечерами, великолепный вид. Девушкам так понравилось катанье, что они все время упрашивали брата отплыть подальше от берега. Их просьбам Мустафа уступал неохотно, потому что за несколько дней до того в этих водах появлялся корсар. Неподалеку от города в море выходит мыс. Девушкам захотелось добраться до него, чтобы оттуда поглядеть, как солнце садится в море. Заворачивая за мыс, они увидели невдалеке лодку, полную вооруженных людей. Предчувствуя недоброе, мой брат приказал гребцам повернуть к берегу. Его опасения не замедлили подтвердиться: быстро догнав лодку моего брата и опередив ее благодаря большему числу весел, та лодка упорно держалась между берегом и нашим суденышком. Поняв, в какой они оказались опасности, девушки вскочили, стали кричать и причитать. Тщетно успокаивал их Мустафа, тщетно убеждал оставаться на местах, потому что из-за их беготни лодка могла опрокинуться. Никакие уговоры не помогали, и, когда при приближении другой лодки все они ринулись к корме, их лодка в конце концов опрокинулась. С берега, однако, следили за движением незнакомой лодки, и, поскольку нападения корсаров с недавних пор ждали, лодка эта вызвала подозрение, и несколько лодок отчалило на помощь нашим. Но они успели только подобрать утопающих. Вражеская лодка в суматохе скрылась, и на тех двух лодках, что подобрали тонувших, не знали, всех ли удалось спасти. Но вот обе лодки приблизились друг к другу, и тут — о горе! — обнаружилось, что моей сестры и одной ее подруги недостает. Одновременно в одной из лодок заметили никому не известного человека. Угрозы Мустафы заставили его признаться, что он с вражеского судна, которое стоит на якоре в двух милях к

востоку от этого места, и что его товарищи, поспешно пустившись в бегство, бросили его на произвол судьбы, когда он помогал спасать девушек. Еще он сказал, что видел, как двух девушек потащили на судно.

Скорбь моего старого отца была беспредельна. Но и Мустафа умирал от горя. Мало того что он потерял любимую сестру и считал себя виновником ее беды — подруга Фатьмы, что разделила ее участь, была обещана ему в жены ее родителями, только он не отваживался признаться в этом нашему отцу, потому что родители ее были людьми бедными и низкого происхождения. А отец мой был человек суровый. Когда его боль немного утихла, он позвал Мустафу и сказал ему:

— Твоя глупость отняла у меня утешение моей старости и усладу очей моих. Уходи, я прогоняю тебя навеки с глаз моих, я проклиная тебя и твоих потомков, и только если ты вернешь мне мою Фатьму, проклятие отца спадет с головы твоей.

Этого мой бедный брат не ожидал. Он уже и раньше решил пуститься на поиски своей сестры и ее подруги и только хотел испросить благословения у отца, а теперь тот посылал его в мир с тяжестью своего проклятия. Но если то несчастье его согнуло, то теперь избыток горя, им не заслуженного, закалил его дух.

Он пошел к пленному пирату, спросил, куда направлялся его корабль, и узнал, что пираты эти торгуют невольниками и большой рынок бывает у них обычно в Бальзоре. Когда он вернулся домой, чтобы собраться в путь, гнев отца приутих, ибо тот прислал ему на дорогу кошелек с золотом. Мустафа в слезах простился с родителями Зораиды — так звали его похищенную невесту — и отправился в Бальзору.

Путь он держал по суше, поскольку из нашего городка ни одно судно в Бальзоре не шло. Ему пришлось поэтому делать каждый день очень большие переходы, чтобы прибыть в Бальзоре вслед за пиратами как можно скорее. Но, скача налегке и на хорошем коне, он надеялся достичь этого города к исходу шестого дня. Однако вечером четвертого дня, когда он ехал в полном одиночестве, на него вдруг напали трое неизвестных. Увидев, что они хорошо вооружены и сильны и посягают не столько на деньги и его коня, сколько на его жизнь, он крикнул им, что сдается. Они спешились, связали ему ноги под брюхом его коня, поводья которого схватил один из них, взяли его в окружение и, не говоря ни слова, помчались с ним вместе.

Мустафа предался тупому отчаянию. Проклятие отца уже, казалось, настигло несчастного, и как ему было надеяться спасти свою сестру и Зораиду, если он, лишившись всех средств, мог отдать для их освобождения только свою жалкую жизнь! Проскакав около часа, Мустафа и его безмолвные спутники свернули с дороги в небольшую долину. Долинка эта была окружена высокими деревьями. Мягкая, темно-зеленая трава, быстро бегущий среди поляны ручей так и приглашали отдохнуть. И действительно, Мустафа увидел, что там разбито полтора или два десятка шатров. К колышкам шатров были привязаны верблюды и отличные лошади, а из одного шатра доносились веселые звуки цитры и двух прекрасных мужских голосов. Моему брату подумалось, что люди, выбравшие для привала такое отрадное местечко, не могут замышлять против него ничего дурного, и поэтому он без страха повиновался своим провожатым, которые, развязав ему ноги, знаком велели ему слезть с лошади. Его привели в шатер, который был больше других и

красиво, даже изящно убран внутри. Великолепные, расшитые золотом подушки, пестротканые ковры, золоченые курильницы свидетельствовали бы где-нибудь в другом месте о богатстве и благополучии, а здесь они говорили только о дерзком разбое. На одной из подушек сидел низкорослый старик, лицо у него было безобразное, кожа смуглая до черноты и лоснящаяся, и омерзительно-коварное выражение глаз и рта придавало ему самый отталкивающий вид. Хотя старик напускал на себя важность, Мустафа вскоре догадался, что шатер так богато украшен не для этого человека, и разговор провожатых подтвердил его догадку.

— Где Сильный? — спросили они коротышку.

— Поехал поохотиться, — ответил тот, — но он посадил на свое место меня.

— Напрасно он это сделал, — возразил один из разбойников. — Надо поскорее решить, убить ли этого пса или взять с него выкуп, а Сильному это видней, чем тебе.

Коротышка поднялся с сознанием своего достоинства и, выпрямившись, дотянулся лишь кончиками пальцев до уха своего обидчика: ему хотелось, видно, в отместку ударить того. Но, убедившись, что усилия его напрасны, он принялся браниться, а поскольку другие не оставались в долгу, шатер прямо-таки дрожал от их перебранки. Вдруг дверь шатра открылась, и в него вошел высокий, видный мужчина, молодой и прекрасный, как персидский принц. Его одежда и его оружие, за исключением усеянного драгоценными камнями кинжала и блестящей сабли, были скромны и просты. Но его строгий взгляд, вся его осанка внушали уважение, не вселяя при этом страха.

— Кто смеет устраивать перебранку в моем шатре? — крикнул он испуганным спорщикам.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Наконец один из тех, что привели Мустафу, рассказал, как было дело. Лицо Сильного, как они его называли, загорелось гневом.

— Когда это я сажал тебя на свое место, Хасан? — закричал он на коротышку в ярости.

Тот сжался от страха, отчего сделался еще меньше, и шмыгнул к двери. Получив от Сильного мощный пинок, он одним махом вылетел из шатра.

Когда коротышка исчез, те трое подвели Мустафу к хозяину шатра, улегшемуся уже на подушки.

— Вот тот, кого ты велел схватить!

Сильный долго глядел на пленника, а потом произнес:

— Паша зулейкский! Твоя совесть подскажет тебе, почему ты стоишь перед Орбазаном.

Услыхав это, мой брат пал перед ним на колени и отвечал:

— О господин! Ты, по-видимому, ошибся. Я бедный горемыка, а не паша, которого ты ищешь...

Все удивились этим словам. А хозяин шатра сказал:

— Отпираться бесполезно, я сейчас призову людей, которые хорошо знают тебя.

Он приказал привести Зулейму. В шатер ввели старуху, которая на вопрос, узнает ли она в моем брате зулейкского пашу, ответила:

— Так точно!

И поклялась гробницей пророка, что это не кто иной, как паша.

— Видишь, несчастный, как твоя хитрость пошла на ветер? — разгневался Сильный. — Ты слишком жалок, чтобы марать твоей кровью мой добрый кинжал. Но завтра, когда взойдет солнце, я

привяжу тебя к хвосту моего коня и буду скакать с тобой по лесам, пока оно не зайдет за холмы Зулейки!

Тут бедный мой брат пал духом.

— Это проклятье моего жестокого отца обрекает меня на позорную смерть! — воскликнул он со слезами. — И ты, милая сестра, и ты, Зораида, — вы тоже погибли!

— Притворство тебе не поможет, — сказал один из разбойников, связывая ему руки за спиной. — Убирайся из шатра, а то Сильный уже закусил губу и поглядывает на свой кинжал. Если хочешь прожить еще одну ночь, пошли!

Не успев вывести моего брата из шатра, разбойники встретили трех других, которые подгоняли какого-то пленника. Они вошли с ним в шатер.

— Мы доставили тебе пашу, как ты нам приказал, — сказали они, ведя пленника к подушкам, на которых возлежал Сильный.

Когда они вели его туда, мой брат смог разглядеть пленника и заметить сходство с собой этого человека. Только тот был смуглее лицом, и борода была у него чернее. Сильного, видимо, очень поразила внешность второго пленника.

— Кто же из вас настоящий? — спросил он, глядя то на моего брата, то на того, другого.

— Если ты имеешь в виду пашу зулейкского, — гордо отвечал второй пленник, — то это я.

Сильный долго глядел на него суровым, страшным взглядом, затем молча дал знак увести пашу. После этого он подошел к моему брату, разрезал кинжалом веревку, связывавшую его руки, и знаком велел ему сесть на подушку.

— Мне жаль, чужеземец, — сказал он, — что я принял тебя за этого изверга. Но такова странная воля неба, отдавшая тебя в руки моих братьев

именно в тот час, который был назначен для гибели этого нечестивца.

Мой брат попросил об одной-единственной милости — отпустить его сразу же снова в путь, потому что любая задержка может оказаться пагубной. Сильный осведомился о причине такой поспешности и, когда Мустафа рассказал ему всё, убедил моего брата провести эту ночь в его шатре, поскольку и он, Мустафа, и его конь нуждаются в отдыхе, и обещал показать ему завтра дорогу, которая приведет его в Бальзору через полтора дня. Брат согласился, был превосходно накормлен и спокойно проспал до утра в шатре разбойника.

Проснувшись, он оказался в шатре один, но услышал за его занавеской голоса, которые, как показалось ему, принадлежали хозяину шатра и темнокожему коротышке. Прислушавшись, он, к своему ужасу, услышал, что коротышка настойчиво убеждает Сильного убить чужеземца, ибо, выйдя на волю, тот может их всех выдать. Мустафа понял, что коротышка зол на него, потому что из-за него получил вчера нахлобучку. Сильный, казалось, на несколько мгновений задумался.

— Нет,— сказал он,— он мой гость, а закон гостеприимства для меня свят. К тому же он не похож на предателя.

Сказав это, он откинул занавеску и вошел в шатер.

— Мир тебе, Мустафа! — сказал он.— Подкрепимся утренняя напитком, а затем собирайся в путь!

Он подал моему брату чашу с шербетом, выпив которой они взнуздали коней, и Мустафа вскочил в седло поистине с более легким сердцем, чем приехал сюда. Вскоре они оставили шатры позади и свернули на широкую дорогу, уходящую в лес.

Сильный рассказал моему брату, что когда они однажды во время охоты захватили пашу в плен, тот обещал им не преследовать их в своих владениях, но несколько недель назад, поймав одного из их храбрецов, велел его после жесточайших пыток повесить. После этого он, Сильный, долго выслеживал пашу, и не далее как сегодня тот наконец умрет. Мустафа не осмелился перечить, он был рад, что сам уцелел.

У выезда из леса Сильный остановил своего коня, описал моему брату дальнейший путь, прощанул ему на прощание руку и сказал:

— Мустафа, по странному стечению обстоятельств ты оказался гостем и другом разбойника Орбазана. Не стану предупреждать тебя, чтобы ты не выдавал того, что видел и слышал. Ты незаслуженно испытал страх смерти, и я обязан загладить свою вину перед тобой. Возьми на память этот кинжал и, если тебе понадобится помощь, пришли его мне, и я поспешу тебе на выручку. А этот кошелек тебе, наверно, пригодится в дороге.

Мой брат поблагодарил его за великодушие. Кинжал он взял, а от кошелька отказался. Но, еще раз пожав ему руку, Орбазан бросил кошелек на землю и как ветер умчался в лес. Увидев, что его уже не догнать, Мустафа слез с коня, чтобы подобрать кошелек, и прямо-таки испугался щедрости своего гостеприимца, ибо кошелек был битком набит золотом. Он поблагодарил аллаха за спасение, поручил благородного разбойника его милосердию и с бодростью в душе продолжил свой путь в Бальзору...

На седьмой день после отъезда из дому, в полдень, Мустафа въехал в ворота Бальзоры. Остановившись в караван-сараяе, он спросил, когда откроется невольничий рынок, который устраивают здесь

каждый год. Но, к его ужасу, ему ответили, что он опоздал на два дня. Сожалеея по поводу его опоздания, ему сказали, что он много потерял, ибо в самый последний день рынка привели двух невольниц такой красоты, что на них заглядывались все покупатели. Из-за них шла настоящая драка, но и запросили за них, правда, такую высокую цену, что она не отпугнула только их теперешнего хозяина. Он подробно расспросил об обеих, и у него не осталось сомнения, что это и есть несчастные девушки, которых он ищет. Он узнал также, что тот, кто купил их, живет в сорока часах езды от Бальзоры, что зовут его Тиули-Кос, что человек это знатный, богатый, но уже пожилой, что раньше он был капудан-пашой верховного повелителя, а теперь ушел на покой с накопленным богатством.

Сначала Мустафа хотел сразу же сесть на коня и догнать Тиули-Коса, который не мог опередить его больше чем на один день. Но, рассудив, что одному ему не удастся и подступиться к могущественному путешественнику, а не то что отнять у него добычу, Мустафа стал искать другой способ, каковой вскоре и нашел. Сходство с зулейкским пашой, чуть не оказавшееся для него гибельным, навело его на мысль проникнуть под этим именем в дом Тиули-Коса и попытаться спасти несчастных девушек. Он нанял нескольких слуг и лошадей, для чего деньги Орбазана пришлось ему весьма кстати, приобрел себе и слугам великолепную одежду и отправился в замок Тиули. Через пять дней он был вблизи этого замка, расположенного в прекрасной долине и окруженного высокими стенами, над которыми лишь чуть-чуть возвышались постройки. Прибыв туда, Мустафа выкрасил волосы и бороду в черный цвет, а лицо смазал растительным соком, от которого оно стало таким же смуглым, как у того

паши. Затем он послал одного из слуг в замок, велел ему попросить от имени зулейкского паши пристанища на ночь. Слуга вскоре вернулся с четырьмя прекрасно одетыми рабами, которые взяли коня Мустафы под уздцы и повели его во двор замка. Там они помогли моему брату спешиться, а четверо других проводили его по мраморной лестнице к Тиули.

Этот старый весельчак принял моего брата с почетом и угостил самыми изысканными блюдами своей кухни. После еды Мустафа постепенно навел разговор на новых невольниц, и Тиули стал расхваливать их красоту, сетуя лишь на то, что они всегда так печальны. Он полагал, однако, что это скоро пройдет. Брат был очень доволен таким приемом и лег спать, полный радостных надежд.

Он не проспал и часа, как его разбудил слепящий свет лампы. Приподнявшись, он решил, что все еще видит сон: перед ним стоял тот смуглый коротышка из шатра Орбазана с лампой в руке, гнусно осклабив свою широкую пасть. Мустафа ущипнул себя за руку и потерел за нос, чтобы убедиться, что это не сон, но видение не исчезло.

— Что тебе нужно у моей постели?! — вскричал Мустафа, оправившись от изумления.

— Не надо так суетиться, господин, — сказал коротышка. — Я прекрасно догадался, зачем вы сюда пожаловали, да и ваше досточтимое лицо запомнилось мне прекрасно. Но, право, если б я собственноручно не помогал вешать пашу, вы, пожалуй, провели бы меня. А теперь я пришел задать вам один вопрос.

— Прежде всего скажи, как ты попал сюда? — спросил Мустафа, взбешенный своим провалом.

— Это я вам скажу, — отвечал тот. — Я не мог

больше ладить с Сильным и потому сбежал. Но ты, Мустафа, собственно, и был причиной нашей ссоры, и за это ты отдашь мне свою сестру в жены, а я помогу вам бежать. А не отдашь — я пойду к своему новому хозяину и кое-что расскажу ему о новом паше.

От ужаса и от гнева Мустафа был вне себя. Надо же было теперь, когда он считал свою цель почти достигнутой, явиться этому мерзавцу и все испортить! Оставалось только одно средство спасти дело — убить этого маленького изверга. Одним прыжком бросился он с постели на коротышку. Но тот, предвидя, должно быть, что-то подобное, уронил лампу, отчего она погасла, и нырнул в темноту, зовя на помощь дурным голосом. Тут никак нельзя было оплошать. От девушек Мустафе пришлось пока отступить и думать только о собственном спасении. Поэтому он подошел к окну — посмотреть, нельзя ли выпрыгнуть. Высота была довольно большая, а дальше шла высокая стена, через которую надо было перелезть. Он в задумчивости стоял у окна, как вдруг услышал приближавшиеся к его комнате голоса. Вот уже они были у двери. Тогда он в отчаянии схватил свой кинжал и одежду и выпрыгнул в окно. При падении он сильно ударился, но, чувствуя, что все кости целы, вскочил на ноги, побежал к окружавшей двор стене, взобрался на нее, к удивлению своих преследователей, и вскоре оказался на воле. Он добежал до лесочка, где и свалился без сил на землю. Теперь он стал думать, что делать. Лошадей и слуг ему пришлось бросить на произвол судьбы, но деньги, которые он носил за поясом, удалось сохранить.

Его находчивый ум вскоре указал ему другой путь к спасению. Углубившись в лес, он дошел до деревни, где задешево купил лошадь, которая

быстро доставила его в город. Там он спросил о враче, и его направили к одному старому, опытному человеку. С помощью нескольких золотых монет Мустафа убедил лекаря дать ему лекарство, вызывающее похожий на смерть сон, который, однако, можно мгновенно прекратить другим снадобьем. Получив это средство, он купил себе длинную накладную бороду, черную мантию и кучу всяких банок и склянок, благодаря чему мог вполне сойти за странствующего лекаря, погрузил свое добро на осла и поехал обратно в замок Тиули-Коса. Он был уверен, что на сей раз его не узнают, ибо борода преобразила его так, что он и сам-то себя почти не узнавал. Прибыв к Тиули, он велел доложить о себе как о враче по имени Хакаманкабудибаба, и все вышло так, как он и думал. Пышное это имя внушило старому дураку огромное уважение, и он сразу же пригласил гостя к столу. Хакаманкабудибаба явился к Тиули, и после беседы, которая не продлилась и часа, старик решил подвергнуть всех своих невольниц лечению у этого мудрого врача. С трудом скрывая свою радость, что теперь он увидит свою любимую сестру, Мустафа с бьющимся сердцем последовал за Тиули, который повел его в сераль. Они пришли в прекрасно убранную комнату, где, однако, не было ни души.

— Хамбаба, или как там тебя зовут, милейший врач,— сказал Тиули-Кос,— взгляни-ка на отверстие в стене! Каждая из моих невольниц высунет в него руку, и ты по пульсу определишь, здорова она или больна.

Никакие возражения Мустафы не помогли, увидеть их ему разрешено не было. Но Тиули согласился сообщать каждый раз, каково обычное самочувствие той или иной невольницы. Вынув из-за пояса длинный список, Тиули стал громко выкли-

кать имена своих невольниц одно за другим, и каждый раз в отверстии появлялась рука и врач щупал пульс. Уже были вызваны и признаны здоровыми шесть невольниц, когда Тиули прочел седьмым имя Фатьма и маленькая белая ручка проскользнула в отверстие. Дрожа от радости, Мустафа схватил эту ручку и с важным видом заявил, что ее обладательница опасно больна. Тиули очень встревожился и велел своему мудрому Хакаманкабудибаве срочно приготовить лекарство для нее. Врач вышел и написал записочку: «Фатьма! Я спасу тебя, если ты решишься принять лекарство, которое на два дня сделает тебя мертвой. Но у меня есть средство вернуть тебя к жизни. Если ты согласна, то скажи только, что питье не помогло, и это будет мне знаком твоей готовности».

Вскоре он вернулся в комнату, где его ждал Тиули. Он принес безвредное питье, еще раз пощупал пульс больной Фатьмы и одновременно сунул ей под браслет записку. А питье подал ей через отверстие в стене. Тиули был, по-видимому, очень озабочен болезнью Фатьмы и отложил осмотр остальных до более подходящего времени. Выйдя с Мустафой из этой комнаты, он сказал печальным голосом:

— Хадибаба, скажи откровенно, что ты думаешь о болезни Фатьмы?

Хакаманкабудибав ответил с глубоким вздохом:

— Ах, господин, да ниспошлет тебе пророк утешение! У нее изнуряющая лихорадка, которая может, чего доброго, свести ее в могилу.

Тут Тиули воспыал гневом:

— Что ты говоришь? Проклятый ты пес, а не врач! Чтобы она, за которую я отдал две тысячи золотых, издохла, как какая-нибудь корова! Так

знай же: если ты не спасешь ее, я отрублю тебе голову!

Брат понял, что сглупил, и поспешил вернуть Тиули надежду. Они еще не закончили этот разговор, когда из сераля пришел черный раб сказать врачу, что питье не помогло.

— Пусти в ход все свое искусство, Хакамдабабельба, или как там тебя величать, я заплачу тебе сколько захочешь! — закричал Тиули-Кос, чуть ли не взыв от страха, что потеряет такие большие деньги из-за смерти рабыни.

— Я дам ей снадобье, которое избавит ее от всяких мучений, — ответил врач.

— Да, дай ей какое-нибудь снадобье... — захныкал старик.

Довольный, Мустафа отправился за своим сонным напитком и, отдав его черному рабу с указанием, сколько принять сразу, пошел к Тиули и, сказав, что ему нужно собрать еще кое-какие целебные травы у озера, поспешил за ворота. У озера, находившегося неподалеку от замка, он снял с себя одежду, которая помогла ему выдать себя за врача, и бросил ее в воду, где она теперь преспокойно и плавала, а сам спрятался в кустах и, дождавшись ночи, прокрался к месту погребения при замке Тиули.

Не прошло и часа после ухода Мустафы из замка, как Тиули получил ужасную весть, что его невольница Фатма при смерти. Он тотчас послал рабов к озеру за врачом. Но гонцы его вскоре вернулись и сказали, что бедный врач упал в воду и утонул: среди озера плавает его черная мантия, а время от времени из воды выглядывает и его пышная борода. Увидев, что спасения нет, Тиули проклял себя и весь мир, стал рвать на себе бороду и биться головою об стену. Но все это не помогло.

Фатьма вскоре испустила дух на руках у других женщин. Услышав об ее смерти, Тиули приказал поскорей изготовить гроб, ибо не терпел в своем доме мертвецов, и велел отнести труп в склеп. Носильщики отнесли туда гроб, быстро опустили его и убежали, ибо слышали среди гробов какие-то стоны и вздохи.

Мустафа, который прятался за гробами и оттуда обратил в бегство носильщиков, вышел из своего укрытия и зажег предусмотрительно принесенную лампу. Затем он достал склянку с пробуждающим снадобьем и поднял крышку гроба Фатьмы. Но каков был его ужас, когда при свете лампы показались совсем незнакомые черты! В гробу лежала не моя сестра и не Зораида, а совсем другая девушка. Мустафе понадобилось много времени, чтобы оправиться от нового удара судьбы. Наконец сострадание пересилило его гнев. Он открыл свою склянку и влил лекарство в рот несчастной. Она вздохнула, открыла глаза и долго, видимо, не могла понять, где находится. Наконец она вспомнила все, что произошло. Она встала из гроба и упала к ногам Мустафы.

— Как мне отблагодарить тебя, добрая душа, — воскликнула она, — за то, что ты освободил меня из страшного плена?!

Мустафа прервал ее благодарственную речь вопросом — как вышло, что спасена она, а не его сестра Фатьма. Незнакомка взглянула на него удивленно.

— Теперь-то мне понятно мое спасение, которое было для меня загадкой, — ответила она. — Знай же, что в этом замке меня называли Фатьмой и записку и спасительный напиток ты передал мне.

Мой брат попросил спасенную сообщить ему что-либо о своей сестре и о Зораиде и узнал, что

обе они находятся в замке, но, как то принято у Тиули, носят другие имена: их зовут теперь Мирза и Нурмахаль.

Увидев, что мой брат так удручен этой ошибкой, Фатьма, спасенная невольница, ободрила его и пообещала назвать ему способ, каким можно все-таки спасти обеих девушек. От этой мысли Мустафа взбодрился и снова загорелся надеждой. Он попросил ее назвать ему этот способ, и она сказала:

— Я в невольницах у Тиули всего, правда, пять месяцев, но я с самого начала думала, как спастись, однако спастись одной мне было слишком трудно. Во внутреннем дворе замка ты, наверно, заметил фонтан, где вода бьет из десяти труб. Я обратила внимание на этот фонтан. Я вспомнила, что в доме отца видела похожий фонтан, в который вода поступала по широкому акведуку. Чтобы узнать, устроен ли этот фонтан так же, я однажды восхитилась его великолепием при Тиули и спросила, кто его строил. «Я сам построил его,— ответил он,— и то, что ты здесь видишь, сущий пустяк. Вода поступает в фонтан из ручья, находящегося не меньше чем в тысяче шагов отсюда, по сводчатому акведуку высотой по меньшей мере в человеческий рост. И все это я придумал сам». Услыхав это, я не раз мечтала обрести хоть на миг силу мужчины, чтобы вынуть какой-нибудь камень из кладки фонтана: тогда я убежала бы куда угодно. Так вот, этот акведук я тебе покажу. По нему ты сможешь пробраться ночью в замок и освободить их. Но тебе нужно иметь с собой самое меньшее двух человек, чтобы справиться с рабами, охраняющими сераль по ночам.

Так сказала она, и мой брат Мустафа, хотя он уже дважды обманывался в своих надеждах, еще раз воспрянул духом и понадеялся с помощью

аллаха осуществить этот замысел невольницы. Он пообещал ей позаботиться о ее возвращении на родину, если она поможет ему проникнуть в замок. Но тревожила его еще одна мысль: где найти двух или трех верных помощников? Тут он вспомнил о кинжале Орбазана и о его обещании поспешить, если понадобится, ему, Мустафе, на помощь. И он вместе с Фатьмой покинул склеп, чтобы навестить разбойника.

В том же городе, где он превратился во врача, он на последние деньги купил коня и снял у одной бедной женщины в предместье угол для Фатьмы. А сам поспешил к тем горам, где впервые встретился с Орбазаном, и добрался туда за три дня. Вскоре он нашел те шатры и неожиданно-негаданно явился к Орбазану, который принял его радушно. Брат рассказал ему о своих неудачах, и во время этого рассказа суровый Орбазан то и дело прыскал со смеху, особенно когда представлял себе врача Хакаманкабудибабу. Но предательство коротышки привело его в ярость. Он поклялся, что повесит его собственными руками, если тот попадется. А брату обещал оказать помощь сразу же, как только тот отдохнет с дороги. Поэтому Мустафа провел эту ночь снова в шатре Орбазана. Но с первыми лучами зари они тронулись в путь, и Орбазан взял с собой трех своих храбрецов, отлично вооруженных и на отличных конях. Они скакали во весь опор и через два дня прибыли в городок, где Мустафа оставил спасенную Фатьму. Затем они доехали вместе с ней до леска, откуда невядалеке виден был замок Тиули. Там они расположились, чтобы дожидаться ночи. Как только стемнело, Фатьма провела их к ручью, где начинался акведук, каковой они вскоре и отыскали. Оставив Фатьму и одного из слуг с лошадьми, они приготовились к спуску. Но прежде чем они

стали спускаться, Фатъма еще раз повторила им все наперечет, а именно: что через фонтан они проникнут во внутренний двор замка, что там справа и слева, по углам, возвышаются две башни, что за шестой дверью, считая от правой башни, находятся Фатъма и Зораида, которых охраняют два черных раба. Хорошенько снарядившись оружием и ломами, Мустафа, Орбазан и двое других спустились в акведук. Хоть и по пояс в воде, они смело шагали вперед. Через полчаса они дошли наконец до фонтана и сразу же взялись за ломы. Стена была толстая и крепкая, но долго сопротивляться соединенным усилиям четырех мужчин она не могла. Вскоре они сделали пролом, достаточно большой, чтобы свободно пролезть в него. Орбазан пролез первым и помог остальным, и, оказавшись во дворе, все стали разглядывать обращенную к ним сторону замка, чтобы определить нужную дверь. Но их мнения на этот счет разошлись, ибо, считая от правой башни к левой, они наткнулись на замурованную дверь и не знали, пропустила ли ее Фатъма или зачла. Но Орбазан не стал долго раздумывать.

— Мой добрый меч откроет мне любую дверь! — воскликнул он, направившись к шестой двери, и остальные последовали за ним.

Отворив ее, они увидели шестерых спавших на полу черных рабов. Они хотели было тихонько удалиться, поняв, что ошиблись дверью, как вдруг в углу поднялась какая-то фигура и позвала на помощь знакомым голосом. Это был коротышка из лагеря Орбазана. Но черные рабы и опомниться не успели, как Орбазан бросился на коротышку и, разорвав свой пояс надвое, заткнул ему рот и связал за спиной руки. Затем он принялся за рабов, иные из которых были уже наполовину связаны Мустафой и двумя другими, и помог одолеть их

окончательно. Приставив рабам кинжал к груди, их спросили, где Нурмахаль и Мирза, и они сказали, что девушки в соседней комнате. Мустафа ринулся туда и увидел Фатьму и Зораиду, которых разбудил шум. Они быстро собрали свои украшения и одежду и последовали за Мустафой. Оба разбойника предложили тем временем Орбазану награбить всего, что попадется под руку, но тот запретил им это, сказав:

— Негоже, чтобы об Орбазане говорили, что он забирается ночью в чужие дома, чтобы украсть золото!

Мустафа и спасенные девушки быстро пролезли в акведук, куда Орбазан обещал вскоре за ними последовать. Когда те удалились, Орбазан и один из разбойников взяли коротышку и вывели его во двор. Здесь они накиннули ему на шею шелковый шнурок, который захватили для этого с собой, и повесили его на верхушке фонтана. Наказав так мерзавца за предательство, они тоже спустились в акведук и последовали за Мустафой. Со слезами на глазах девушки стали благодарить своего великодушного освободителя Орбазана. Но тот велел им бежать поскорее, ибо было весьма вероятно, что Тиули-Кос разошлет погоню во все стороны. Глубоко тронутые, Мустафа и спасенные девушки простились на следующий день с Орбазаном. Право же, они никогда его не забудут. А Фатьма, освобожденная невольница, отправилась переодетой в Бальзору, чтобы сесть там на судно и вернуться к себе на родину.

После короткого и веселого путешествия мои брат и сестра прибыли на родину. Радость свидания чуть не убила моего старого отца. На следующий день после их возвращения он устроил большой праздник, в котором участвовал весь город. Брату

пришлось рассказать свою историю перед целой толпой родственников и друзей, и все в один голос хвалили его и благородного разбойника. А когда брат закончил рассказ, мой отец встал и подвел к нему Зораиду.

— Теперь,— сказал он торжественно,— я снимаю проклятие с твоей головы. Возьми эту девушку как награду, которую ты заслужил своим рвением. Прими мое отцовское благословение, и пусть не переводятся в нашем городе люди, которые могут сравниться с тобой в братской любви, разумности и усердии!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ САИДА

о времена Гарун аль-Рашида, владыки Багдада, в Бальзоре жил человек по имени Бенезар. Он был как раз настолько богат, чтобы жить уютно и спокойно, не занимаясь ни торговлей, ни каким-либо другим делом. И когда у него родился сын, он тоже не отступил от этого образа жизни.

— Зачем мне в моем возрасте искать наживы и торговать,— говорил он соседям,— чтобы, может быть, оставить Саиду, моему сыну, на тысячу золотых больше, если мне повезет, а если не повезет, то

на тысячу меньше? «Где двое сыты, там и третий прокормится» — гласит пословица, и был бы он только хорошим парнем, а все остальное приложится.

Так говорил Бенезар, и слову своему он был верен. Он не учил сына ни торговле, ни какому-либо ремеслу, но всегда читал с ним мудрые книги и, полагая, что, кроме учености и почтения к старости, ничто так не украшает молодого человека, как твердая рука и мужество, стал рано учить его воинскому искусству, и вскоре Саид прослыл среди своих сверстников, да и среди юношей постарше, сильным бойцом, и ни в плавание, ни в верховой езде никто не мог с ним тягаться.

Когда ему исполнилось восемнадцать лет, отец послал его в Мекку, к могиле пророка, чтобы он там, как велит обычай, помолился и совершил религиозные обряды. Перед отъездом отец еще раз позвал его к себе, похвалил его добрый нрав, дал ему всякие наставления, снабдил его деньгами и затем сказал:

— Вот еще что, сын мой Саид! Я стою выше предрассудков черни. Хотя я и люблю слушать рассказы о феях и волшебниках, потому что это приятный способ проводить время, однако я, в отличие от многих невежд, вовсе не склонен верить, что эти сверхъестественные существа, или кто бы там они ни были, влияют на жизнь и дела людей. Но твоя мать — вот уже двенадцать лет, как она умерла, — твоя мать верила в это твердо, как в коран. И однажды, в минуту одиночества, после того как я поклялся не делиться этим ни с кем, кроме ее ребенка, она поведала мне, что сама всю жизнь, от рождения, имела дело с феей. Я высмеял ее, и все же я должен признаться, что твое рождение, Саид, сопровождалось явлениями, удивившими меня са-

мого. Весь день шел дождь и гремел гром, и небо было такое черное, что нельзя было читать, не зажегши света. Но в четыре часа пополудни мне сообщили, что родился мальчик. Я поспешил в покои твоей матери, чтобы увидеть и благословить своего первенца, но у ее двери стояли все ее служанки, и на мои вопросы они ответили, что сейчас никому нельзя входить в комнату, что Земира, твоя мать, велела всем выйти, потому что хотела остаться одна. Я постучал в дверь, но напрасно: она не открылась.

Когда я вот так, недовольный, стоял у двери среди служанок, небо вдруг прояснилось с невиданной быстротой, и удивительнее всего было то, что чистый небосвод синел только над нашей любимой Бальзорой, а со всех сторон клубились черные тучи и вокруг сверкали зигзаги молний. Я все еще глядел с любопытством на это зрелище, когда дверь в комнату моей жены вдруг распахнулась. Оставив служанок ждать, я вошел к ней один, чтобы спросить, почему она заперлась. Войдя, я почувствовал такой одуряющий запах роз, гвоздик и гиацинтов, что чуть не опьянел. Твоя мать поднесла мне тебя и сразу указала на серебряную свистульку, висевшую у тебя на шее на золотой, тонкой, как шелковинка, цепочке: «Добрая госпожа, о которой я тебе рассказывала, была здесь,— сказала твоя мать,— это ее подарок твоему мальчику». — «Значит, и ненастье рассеяла, и этот запах роз и гвоздик оставила тоже эта ведьма? — сказал я со смехом и недоверием. — Могла бы уж подарить что-нибудь получше, чем эта свистулька. Например, кошелек с золотом, лошадь или еще что-нибудь». Твоя мать стала заклинать меня не глумиться, потому что феи вспыльчивы и могут превратить свое благословение в проклятие.

Я не стал спорить и замолчал, ведь она была больна, и мы заговорили об этом странном происшествии только спустя шесть лет, когда она почувствовала, что, несмотря на свою молодость, скоро умрет. Тогда она и дала мне этот свисток, наказав мне отдать его тебе, когда тебе исполнится двадцать лет, и ни на час раньше не отпускать тебя из дому. Она умерла. Вот этот подарок,— продолжал Бенезар, извлекая из шкатулки серебряный свисток на длинной золотой цепочке.— Я передаю его тебе на восемнадцатом году твоей жизни, а не на двадцатом, потому что ты уезжаешь, а я, может быть, еще до твоего возвращения отойду к праотцам. Я не вижу никакой разумной причины держать тебя здесь еще два года, как того желала твоя заботливая мать. Ты юноша добрый и умный, а оружием владеешь не хуже двадцатичетырехлетнего, поэтому я и сегодня могу считать тебя совершеннолетним с таким же правом, как если бы тебе уже минуло двадцать. А теперь отправляйся с миром и в счастье и среди несчастий, от которых да убережет тебя небо, помни о своем отце!

Так сказал Бенезар из Бальзоры, отпуская сына. Саид нежно простился с ним, надел цепочку на шею, сунул свисток за кушак, вскочил на коня и поскакал в то место, откуда отправлялся караван в Мекку. Вскоре там собралось около восьмидесяти верблюдов и несколько сот всадников. Караван тронулся, и Саид выехал из ворот Бальзоры, своего родного города, который ему суждено было не скоро увидеть.

Сначала его развлекали новизна подобного путешествия и всякие невиданные дотоле картины, попадавшие ему на глаза. Но когда путники приблизились к пустыне и места пошли все более голые и заброшенные, он начал о многом задумываться, и

среди прочего о словах, с которыми его отпустил Бенезар, его отец.

Он вытащил свистульку, осмотрел ее со всех сторон и наконец приложил к губам, чтобы узнать, издает ли она красивый и громкий звук. Но она не издала вообще никакого звука. Он надул щеки, дуя изо всех сил, но так и не добился никаких звуков и, подосадовав на бесполезный подарок, засунул свисток опять за кушак. Но вскоре все его мысли снова обратились к загадочным словам его матери. Он многое слышал о феях, но никогда не слышал, чтобы в Бальзоре тот или иной сосед был связан со сверхъестественными силами: сказания о духах всегда относились к дальним странам и древним временам, и поэтому он считал, что ныне фей либо вообще нет, либо они перестали посещать людей и вмешиваться в их судьбы. Но хотя он так думал, у него снова и снова возникало желание верить, что с его матерью произошло что-то таинственное и сверхъестественное, и поэтому он почти весь день сидел в седле, словно во сне, не участвуя в разговорах попутчиков и не обращая внимания ни на их песни, ни на их смех.

Саид был красивый юноша. Взгляд его был отважен и смел, рот приятно очерчен, и, несмотря на молодость, во всем его облике было уже какое-то редкое в этом возрасте достоинство, и осанка, с какой он легко, но твердо и в полном воинском облачении сидел на коне, привлекала к себе взгляды многих путников. Один старик, ехавший с ним рядом, проникся расположением к нему и попытался путем расспросов узнать его мысли. Саид, воспитанный в почтении к старости, отвечал скромно, но умно и рассудительно, чем доставил старику большую радость. А поскольку ум молодого человека был уже весь день занят одним предметом, то

разговор вскоре зашел о таинственном царстве фей, и наконец Саид напрямик спросил старика, верит ли тот в существование фей и духов, которые опекают или преследуют человека. Старик погладил бороду, покачал головой и сказал:

— Нельзя отрицать, что такие истории случались, хотя я до сих пор ни разу не видел ни духов, будь то гномы или великаны, ни волшебников, ни фей.

Затем старик рассказал молодому человеку столько всяких чудесных историй, что у того закружилась голова и он уверился, что всё сопутствовавшее его рождению: перемена погоды, благоухание гиацинтов и роз — таит в себе какое-то великое и счастливое предзнаменование, что сам он состоит под особым покровительством какой-то могучей, доброй феи, а свистулька подарена ему ни больше ни меньше как для того, чтобы вызвать при помощи ее фею в случае нужды. Всю ночь ему снились замки, волшебные кони, духи и тому подобное, и он поистине жил в царстве фей.

Но, увы, на следующий же день ему довелось убедиться, как пусты все его видения во сне или наяву. Караван, двигаясь размеренным шагом, провёл в пути уже большую часть дня и Саид по-прежнему ехал рядом со своим престарелым спутником, когда вдали, на самом краю пустыни, вдруг показались какие-то темные тени. Одни приняли их за барханы, другие за тучи, третьи за еще один караван, но старик, который уже немало поездил по свету, громко призвал своих спутников принять меры предосторожности, ибо понял, что это приближается разбойничья орава арабов-кочевников. Мужчины схватили оружие, окружив кольцом женщин и товары, и все приготовились к нападению разбойников. Темная масса медленно приближа-

лась, покрывая равнину, как большая стая аистов, готовящихся к отлету в дальние страны.

Потом они начали приближаться все быстрее и быстрее, и едва стали различимы люди и конья, как они уже налетели со скоростью ветра на караван.

Путники храбро оборонялись, но разбойников было больше четырехсот. Окружив караван со всех сторон, они многих убили еще издали, а затем пошли в атаку с копьями. В этот ужасный миг Саид, дотоле храбро сражавшийся в первом ряду, вспомнил о своем свистке, быстро поднес его к губам и подул в него, но... тут же горестно опустил, ибо свисток не издал и самого тихого звука. Ожесточившись после этого жестокого разочарования, он прицелился и прострелил грудь одному из арабов, выделявшемуся великолепной одеждой. Тот закачался и упал с коня.

— Аллах! — воскликнул ехавший рядом старик. — Что вы натворили, юноша! Теперь мы все пропали.

Так оно, кажется, и было. Как только разбойники увидели, что этот человек упал, они подняли страшный крик и ринулись вперед с такой яростью, что вскоре обратили в бегство и тех немногих, кто еще не был ранен. Саид вдруг оказался окруженным пятью или шестью разбойниками. Он действовал копьем так ловко, что никто не осмеливался приблизиться к нему. Наконец один из них остановил коня, взял лук на изготовку, прицелился и уже хотел спустить тетиву, но тут другой подал ему знак. Молодой человек приготовился к новому натиску, но не успел он оглянуться, как один из арабов накинул ему петлю на шею, и как он ни старался разорвать веревку, это ему не удавалось — петля затягивалась все туже, и Саид попал в плен.

Караван был наконец частично совсем уничтожен, частично взят в плен, и арабы, принадлежавшие к разным племенам, разделили пленников и остальную добычу, после чего одни двинулись на юг, другие — на восток. Рядом с Саидом ехали четыре вооруженных всадника, которые часто окидывали его злобными взглядами и осыпали проклятиями. Он понял, что убил какого-то знатного человека, может быть даже принца. Предстоявшее Саиду рабство было хуже, чем смерть, поэтому он втайне считал своим счастьем, что навлек на себя гнев всей шайки, ибо не сомневался, что они убьют его у себя в кочевье. Стражи следили за каждым его движением и, стоило Саиду оглянуться, грозили ему копьями. Но однажды, когда лошадь одного из них споткнулась, он быстро повернул голову и с радостью увидел своего попутчика, старика, которого считал убитым. Наконец вдаль показались деревья и шатры. Когда они подъехали ближе, им навстречу высыпала целая орава детей и женщин, но едва те обменялись несколькими словами с разбойниками, как подняли страшный вой и стали глядеть на Саида, замахиваясь на него и выкрикивая проклятья.

— Это он, — кричали они, — убил великого Альманзора, храбрейшего из всех! Смерть ему! Мы отдадим его тело на съедение шакалам пустыни!

Затем они, схватив что попало — кто деревяшку, кто ком земли, кинулись к Саиду с такой яростью, что самим разбойникам пришлось вмешаться.

— Прочь, молокососы, прочь, женщины! — закричали они, разгоняя толпу копьями. — Он убил великого Альманзора в бою, и его постигнет смерть, но не от руки женщины, а от меча храбрых!

Достигнув свободной площадки среди шатров,

они остановились. Пленников связали по двое, добычу снесли в шатры, а Саида, связанного отдельно, отвели в большой шатер. Там сидел роскошно одетый старик, чье строгое, гордое лицо говорило, что он — главарь этой орды. Стражи, приведшие Саида, приблизились к нему с печально опущенными головами.

— Вой женщин известил меня о том, что случилось, — сказал величавый старик, оглядывая разбойников одного за другим, — ваши лица подтверждают это. Альманзор погиб?

— Альманзор погиб, — отвечали разбойники. — Но перед тобой, Селим, властитель пустыни, его убийца. Мы привели его, чтобы ты совершил суд над ним. Какой смертью должен он умереть? Расстрелять ли его издали стрелами, прогнать ли сквозь строй копий, или ты хочешь, чтобы его повесили или чтобы лошади разорвали его на части?

— Кто ты? — спросил Селим, мрачно взглянув на пленника, который приготовился к смерти, но мужественно стоял перед ним.

Саид ответил на его вопрос кратко и честно.

— Ты убил моего сына злодейски? Ты поразил его стрелой или копьем в спину?

— Нет, господин! — ответил Саид. — Я убил его в открытом бою, поразив его в грудь, во время атаки на наши ряды, потому что он уже уложил у меня на глазах восьмерых моих товарищей.

— Так ли было дело, как он говорит? — спросил Селим тех, что привели Саида.

— Да, господин, он убил Альманзора в открытом бою, — сказал один из спрошенных.

— В таком случае, он сделал в точности то, что сделали бы и мы, — заключил Селим. — Он сразился с врагом, который хотел отнять у него свободу и

жизнь, и убил его. Поэтому сейчас же развяжите его!

Разбойники взглядели на него с удивлением и приступили к делу медлительно и нехотя.

— Значит, убийца твоего сына, храброго Альманзора, не умрет? — спросил один из них, бросая на Саида злобные взгляды. — Лучше бы мы убили его сразу!

— Он не умрет! — воскликнул Селим. — И я даже возьму его к себе в шатер как причитающуюся мне долю добычи. Пусть он будет моим слугой.

Саид не нашел слов, чтобы поблагодарить старика, а разбойники с ропотом покинули шатер, и когда они сообщили о решении старого Селима женщинам и детям, собравшимся поблизости и ждавшим казни Саида, те подняли страшный вой и галдеж и закричали, что сами отомстят за смерть Альманзора его убийце, если его родной отец отказывается от кровной мести.

Остальных пленников разбойники поделили между собой. Одних отпустили, чтобы получить выкуп за более богатых, других приставили пастухами к стадам, а многие, которым раньше прислуживало по десятку рабов, сами должны были исполнять в этом лагере самую черную работу. Иное дело Саид. Что расположило старого Селима к юноше — его ли мужественный, геройский вид или таинственное волшебство доброй феи? Этого никто не знал, но Саид жил в его шатре скорее как сын, чем как слуга. Такая, однако, непонятная привязанность старика вызывала у остальных слуг вражду к Саиду. Он встречал повсюду только недобрые взгляды и, проходя в одиночестве через лагерь, слышал со всех сторон брань и проклятия, а бывало даже, что у самой его груди пролетала стрела, предназначенная, несомненно, ему, и такие про-

махи он объяснял себе только тем, что свистулька, которую он все еще носил на груди, охраняет его. Он часто жаловался Селиму на эти коварные покушения, но найти виновных тому никак не удавалось, ибо все племя было, казалось, едино в своей вражде к удачливому чужаку. И вот однажды Селим сказал ему:

— Я надеялся, что ты, может быть, заменишь мне сына, павшего от твоей руки. Не твоя и не моя вина, что так не вышло. Все злы на тебя, и даже я тебе не защита на будущее, ибо, если тебя убьют из-за угла, что толку нам с тобой от того, что виновный будет наказан? Поэтому, когда мои воины вернутся с набега, я скажу, что твой отец прислал мне выкуп, и верные люди проводят тебя через пустыню.

— Но разве я могу доверять кому-либо, кроме тебя? — спросил Саид в замешательстве. — Не убьют ли они меня дорогой?

— От этого тебя защитит клятва, которую они дадут мне и которой еще никто не нарушал, — ответил Селим с полным спокойствием.

Через несколько дней воины вернулись в лагерь, и Селим сдержал свое обещание. Он подарил юноше оружие, одежду и лошадь, созвал бойцов, выбрал в провожатые пятерых, велел им поклясться страшной клятвой, что они не убьют Саида, и затем со слезами отпустил его в путь.

Хмуро и молча ехали эти пятеро с Саидом через пустыню. Юноша видел, с какой неохотой исполняли они это поручение, и его очень тревожило, что двое из них участвовали в том бою, где он убил Альманзора. Когда они проскакали около восьми часов, Саид услышал, что его провожатые шепчутся, и заметил, что их лица стали еще мрачнее, чем прежде. Он прислушался и услышал, что гово-

рят они на языке, которым пользовалось только это племя и только для каких-нибудь таинственных и опасных дел. Намереваясь оставить молодого человека в своем шатре навсегда, Селим затратил не один час на то, чтобы обучить его этой таинственной речи. Но ничего утешительного Саид не услышал.

— Вот то место,— сказал один из них,— где мы напали на караван, и храбрый боец пал здесь от руки мальчишки.

— Ветер развеял следы его коня,— продолжал беседу другой,— но я не забыл их.

— И тому, чьей рукой он убит, суждено, к стыду нашему, остаться в живых и быть свободным? Где это слышано, чтобы отец не отомстил за смерть своего единственного сына?! Но Селим стареет и попадает в детство.

— Если не мстит отец,— сказал четвертый,— то отомстить за гибель друга — долг друга. На этом месте нам следовало бы его зарубить. Так ведется издревле.

— Но мы же поклялись старику! — воскликнул пятый.— Мы не смеем его убивать, не смеем нарушать клятву.

— Это верно,— сказали остальные,— мы дали клятву, и убийца уйдет от своих врагов целым и невредимым.

— Постойте! — воскликнул самый мрачный из всех.— У старого Селима умная голова, но не такая умная, как думают. Разве мы поклялись ему, что доставим этого малого туда-то и туда-то? Нет, он взял с нас только клятву, что мы не лишим его жизни, и жизнь мы ему даруем. Но палящее солнце и острые зубы шакала отомстят вместо нас. На этом месте мы свяжем его и бросим.

Так сказал разбойник, но Саид уже несколько

минут был готов ко всему, и не успел тот договорить, как он уже рванул своего коня в сторону, подхлестнул его как следует и полетел по равнине как птица. На мгновение разбойники опешили, но, поскольку такая погоня была им не внове, они быстро разделились, одни поскакали направо, другие налево, и так как скакать верхом по пустыне они были более искусные мастера, чем Саид, двое из них вскоре опередили его и, повернув, помчались наперерез. Он метнулся в сторону, но увидел и там двух противников, а в тылу у себя — пятого. Клятва, что они не убьют его, удерживала их от применения оружия. Они и сейчас накинули ему петлю на шею, стащили его с коня, немилосердно избили, связали по рукам и ногам и положили на раскаленный песок.

Саид молил их сжалиться, он, крича, обещал им большой выкуп, но они со смехом вскочили в седла и ускакали. Еще несколько мгновений он прислушивался к легкому бегу их коней, а потом понял, что все кончено. Он думал о своем отце, о горе старика, к которому не вернется сын. Думал и о собственной беде, о том, что ему суждено умереть так рано, ибо нисколько не сомневался, что либо умрет в муках на горячем песке от жары и от жажды, либо будет растерзан шакалом. Солнце поднималось все выше и жгло ему лоб. Наконец с невероятным трудом ему удалось повернуться. Но это не принесло ему большого облегчения. Из-за этих усилий из его одежды выпала свистулька. Он долго пытался дотянуться до нее ртом. Наконец его губы коснулись ее, он подул, но и при таком бедственном положении она отказалась служить. В отчаянии он запрокинул голову, и наконец палящее солнце лишило его сознания. Он впал в глубокое забытие.

Через много часов Саид встрепенулся от како-

го-то близкого шороха. Одновременно он почувствовал, что кто-то схватил его за плечо, и в ужасе закричал, решив, что это шакал и сейчас он растерзает его. Но вот кто-то тронул его и за ноги, и тут он почувствовал, что это не когти хищного зверя, а руки человека, который осторожно его осматривает, разговаривая с двумя или тремя другими людьми.

— Он жив,— шептали они,— но он считает нас врагами.

Наконец Саид открыл глаза и увидел над собой лицо низенького толстяка с маленькими глазками и длинной бородой. Тот заговорил с ним, помог ему приподняться, угостил его едой и питьем и, пока Саид подкреплялся, рассказал ему, что он купец из Багдада, что зовут его Калум-бек и торгует он шальями и тонкими женскими покрывалами. Он ездил по торговым делам, сейчас возвращается восвояси и вот вдруг увидел, что кто-то лежит в песке, измученный, полумертвый. Роскошная одежда и сверкающий драгоценными камнями кинжал Саида насторожили Калум-бека. Он сделал все, чтобы его оживить, и эти старания увенчались успехом. Юноша поблагодарил своего спасителя, прекрасно понимая, что без вмешательства этого человека умер бы жалкой смертью. А поскольку Саид был не способен самостоятельно двигаться да и не хотел держать путь через пустыню пешком и в одиночестве, он с благодарностью принял предложение сесть на одного из тяжело нагруженных верблюдов купца и решил пока что добраться с ним до Багдада, а там, может быть, и присоединиться к путникам, следующим в Бальзору.

Добрый купец много рассказывал своему попутчику о славном повелителе правоверных Гарун аль-Рашиде. Он рассказывал о его любви к

справедливости и о его остроумии, о том, как замечательно просто решал он самые запутанные дела...

— Наш господин — повелитель правоверных, — продолжал купец, — наш господин человек замечательный. Если вы думаете, что он спит, как прочие люди, вы глубоко заблуждаетесь. Два-три часа на рассвете — и все. Уж я-то это знаю, ибо Месур, его первый казначей, доводится мне двоюродным братом, и, хотя он нем как могила, когда дело касается тайн его господина, он ради добрых родственных отношений нет-нет да и намекнет на что-нибудь, видя, что человек с ума сходит от любопытства.

Вместо того чтобы спать, как прочие люди, калиф бродит ночами по улицам Багдада, и редко проходит неделя, чтобы с ним не случилось какое-нибудь приключение. Ибо вы должны знать — да ведь это явствует и из истории с горшком маслин, — что совершает он свои вылазки не верхом, в полном параде, не с охраной и сотней факельщиков, как мог бы при желании сделать, нет, он ходит и смотрит, все ли кругом в порядке, переодетый то купцом, то моряком, то воином, то муфтием. Поэтому ни в одном городе не бывают ночью так вежливы, как в Багдаде, с любым глупцом. Ведь он может оказаться калифом с такой же вероятностью, как и грязным арабом из пустыни, а деревьев растет достаточно, чтобы наказать палочными ударами по пяткам всех, кто живет в Багдаде и его окрестностях.

Так говорил купец, и Саид, как ни мучила его время от времени тоска по отцу, все-таки радовался, что увидит Багдад и знаменитого Гарун аль-Рашида.

Через десять дней они прибыли в Багдад, и Саид восхищенно залюбовался этим городом, который как раз тогда блистал своим величием. Купец

предложил ему остановиться у себя в доме, и Саид с радостью принял приглашение, ибо только теперь, в людской толчее, сообразил, что здесь, наверно, кроме воздуха, воды Тигра и ночлега на ступенях мечети, ничего не получишь даром. На другой день после прибытия, когда он, одевшись, подумал, что в этом роскошном воинском снаряжении можно будет покрасоваться в Багдаде и, чего доброго, обратить на себя внимание, в его комнату вошел хозяин дома. Оглядев красавца юношу с лукавой усмешкой, он погладил себе бороду и сказал:

— Все это прекрасно, молодой человек! Но что будет с вами теперь? Вы, сдается мне, большой мечтатель и не думаете о завтрашнем дне. Или у вас достаточно денег, чтобы жить по одежде, которую вы носите?

— Дорогой господин Калум-бек, — отвечал юноша, смутившись и покраснев, — денег у меня нет, но, может быть, вы немного одолжите мне на дорогу домой. Отец мой, разумеется, исправно вернет долг.

— Твой отец, братец? — воскликнул купец, громко смеясь. — Видимо, солнце растопило тебе мозги. Думаешь, я так и поверил тебе на слово, так и принял на веру сказки, которые ты рассказывал мне в пустыне, будто твой отец — богач в Бальзоре, а ты его единственный сын, и про то и про се. Уже тогда меня злила твоя наглая ложь и твоя бессовестность. Я знаю, что в Бальзоре все богатые люди — купцы, мне доводилось делать дела со всеми, и я-то уж услыхал бы о Бенезаре, даже если бы добра у него было только на шесть тысяч туманов. Либо, значит, это ложь, что ты из Бальзоры, либо твой отец несчастный бедняк, приبلудному сыну которого я и медяка не дам в долг. А нападение в пустыне! С тех пор как мудрый калиф обезо-

пасил торговые пути через пустыню, слышал ли кто-нибудь, чтобы разбойники осмеливались грабить караваны и даже уводить в плен людей? Да такое было бы у всех на языке, а на всем моем пути и здесь в Багаде, где бывает народ со всех концов мира, никто об этом и слова не сказал. Вот вторая твоя ложь, юный наглец!

Побледнев от гнева и негодования, Саид хотел прервать эту речь злого коротышки, но тот перекрикивал его да еще размахивал руками:

— А третья твоя ложь, наглый ты лжец, это история с лагерем Селима. Имя Селима отлично известно всем, кто когда-либо видел хоть одного араба, но Селим известен как самый страшный и самый жестокий разбойник, а ты смеешь утверждать, что убил его сына и не был тут же изрублен на куски. У тебя даже хватает наглости рассказывать всякие небылицы насчет того, как Селим защитил тебя от своей шайки, взял в свой шатер и отпустил без выкупа. Да он повесил бы тебя на первом же попавшемся дереве, ведь он перевешал уже множество путников, только чтобы поглядеть, какое будет у человека лицо, когда его вздернут. О гнусный лжец!

— Могу только еще раз сказать,— воскликнул юноша,— что все это правда, клянусь своей душой и бородой пророка!

— Что? Ты клянешься своей душой? — закричал купец.— Своей черной, лживой душой? Да кто же тебе поверит? И бородой пророка, хотя у самого еще нет бороды? Да какая же тут может быть вера?

— У меня, правда, нет свидетелей,— продолжал Саид,— но разве вы не нашли меня связанным и полуживым?

— Это ничего не доказывает,— сказал купец.—

Ты одет как заправский разбойник, и вполне возможно, что ты напал на человека, который, будучи сильнее, чем ты, одолел тебя и связал.

— Хотел бы я поглядеть на того, кто в одиночку или даже вдвоем с кем-нибудь, — возразил Саид, — умудрился бы повалить меня и связать, не накинув мне сзади петлю на шею. Вы у себя на базаре, конечно, не представляете себе, на что способен даже один человек, если он умеет обращаться с оружием. Но вы спасли мне жизнь, и я благодарен вам. Что же, однако, намерены вы теперь со мной сделать? Если вы не поддержите меня, мне придется нищенствовать, а я не хочу просить милостыню у тех, кто мне равен. Я обращаюсь к калифу.

— Вот как? — сказал купец, насмешливо улынувшись. — Вы обратитесь не к кому иному, как к нашему всемилостивейшему владыке? Это называется нищенствовать по-благородному! Ну-ну! Только имейте в виду, благородный молодой человек, что путь к калифу проходит мимо моего родственника Месура, а мне достаточно сказать слово, чтобы обратить внимание главного казначея на ваше недюжинное умение лгать... Но мне жаль твоей молодости, Саид. Ты еще можешь исправиться, из тебя еще может что-нибудь выйти. Я возьму тебя в свою лавку на базаре, там ты прослужишь у меня годик, а потом, если ты не захочешь остаться у меня, я заплачу тебе за работу и отпущу тебя на все четыре стороны: в Алеппо, Медину, Стамбул, Бальзору или хоть к неверным. Даю тебе до полудня время на размышление. Если согласишься — отлично, если нет — я подсчитаю по низким ценам, сколько ты мне должен за издержки в пути и за место на верблюде, возьму в уплату твою одежду и все, что у тебя есть, и выброшу тебя на улицу. И тогда проси себе на здоровье милос-

тыню хоть у калифа, хоть у муфтия, хоть на ступенях мечети, хоть на базаре.

С этими словами злобный купец покинул несчастного юношу. Саид бросил ему вслед взгляд, полный презрения. Он был донельзя возмущен низостью этого человека, который нарочно взял его с собой и заманил к себе в дом, чтобы получить над ним полную власть. Он попытался было бежать, но на окнах его комнаты были решетки, а дверь была заперта. Наконец, после долгого внутреннего сопротивления, он решил на первое время принять предложение купца и послужить у него в лавке. Он понимал, что ничего другого ему не остается. Ведь даже если бы ему и удалось убежать, он не добрался бы до Бальзоры без денег. Но он намеревался при первой же возможности попросить защиты у самого калифа.

На следующий день Калум-бек отвел своего нового слугу на базар, в свою лавку. Он показал ему все шали, покрывала и прочий товар и определил его обязанности. Они состояли в том, что Саид, одетый приказчиком, уже не в убранстве воина, стоял в дверях лавки с шалью в одной руке и великолепным покрывалом в другой и окликал прохожих, мужчин и женщин, показывая свой товар, называя его цену и приглашая купить. Теперь Саид понял, почему Калум-бек назначил его на эту работу. Сам-то он был уродливый старикашка, и, когда он сам зазывал покупателей, стоя у лавки, соседи, а то и прохожие отпускали всякие остроты, мальчишки дразнили его, а женщины называли пугалом. На юного же и стройного Саида, который скромно окликал покупателей и держал покрывала и шали изящно и ловко, всем было приятно смотреть.

Увидев, что покупателей в его лавке на базаре

прибавилось, с тех пор как у дверей стал Саид, Калум-бек подобрел к молодому человеку, теперь он кормил его лучше, чем прежде, и всегда старался приодеть его и принарядить. Но Саида мало трогали такие свидетельства того, что его хозяин смягчился, и целыми днями и даже во сне юноша думал, как бы ему вернуться в свой родной город. Однажды, когда было распродано много товару и упаковщики, разносившие покупки по домам, уже разошлись, в лавку Калум-бека вошла какая-то женщина и купила еще что-то. Быстро выбрав нужное, она потребовала, чтобы кто-нибудь за особое вознаграждение отнес ее покупку к ней домой.

— Я могу доставить все только через полчаса,— отвечал Калум-бек,— вам придется либо подождать, либо нанять носильщика на стороне.

— Вы купец и навязываете своим покупателям чужих носильщиков? — воскликнула женщина. — А не сбежит ли, воспользовавшись давкой, такой малый с моей покупкой? Кому мне жаловаться тогда? Нет, по закону рынка вы обязаны доставить покупку мне на дом, и ни к кому другому я обращаться не стану.

— Подождите только полчаса, уважаемая,— отвечал купец, вертясь все угодливее.— Все мои носильщики разошлись.

— Плоха та лавка, где не держат на всякий случай лишних слуг,— возразила разгневанная женщина.— Да ведь вон еще один молодой бездельник! Эй, малый, бери мой сверток и неси за мной.

— Постойте, постойте! — закричал Калум-бек.— Это моя вывеска, мой зазывала, мой магнит! Ему нельзя отходить от порога!

— Вот еще! — сказала старая дама и, не долго думая, сунула свой сверток Саиду под мышку.— Плох тот купец, и грош цена товарам, которые не

говорят сами за себя и нуждаются в вывеске в виде какого-то лоботряса. Иди, иди, парень, сегодня ты заработаешь на чай.

— Ну так ступай во имя Аримана и всех злых духов, — проворчал Калум-бек своему «магниту», — да поскорей возвращайся. Эта старая ведьма осрамит меня, пожалуй, на весь базар, если я буду стоять на своем.

Саид последовал за женщиной, которая шагала по рынку и по улицам легче, чем полагалось бы ей по возрасту. Наконец она остановилась перед роскошным домом, постучала — распахнулась двустворчатая дверь, и, поднявшись по мраморной лестнице, женщина поманила за собой Саида. Наконец они оказались в высоком просторном зале, где всяких роскошных и великолепных вещей было больше, чем Саиду когда-либо случалось видеть. Там старуха опустилась в изнеможении на подушку, сделала Саиду знак, чтобы он положил сверток, протянула ему серебряную монетку и отпустила его. Он был уже в дверях, когда чей-то звонкий, нежный голос воскликнул:

— Саид!

Удивившись, что его здесь знают, он обернулся и увидел, что на подушке вместо старухи сидит дивной красоты дама, окруженная множеством рабов и прислужниц. Потеряв дар речи от изумления, Саид скрестил руки на груди и отвесил низкий поклон.

— Саид, милый мой мальчик, — сказала дама, — как ни сожалею я о злоключениях, приведших тебя в Багдад, это единственное — так назначено судьбой — место, где решится твоя участь, если ты покинул родительский дом, не достигнув двадцати лет. Саид, при тебе ли еще твой свисточек?

— Как же! — воскликнул он радостно, вытаски-

вая золотую цепочку.— А вы, наверно, та добрая фея, что сделала мне этот подарок, когда я родился?

— Я была другом твоей матери,— отвечала фея,— и буду твоим другом, пока ты будешь добр. Ах, если бы твой отец, этот легкомысленный человек, послушался моего совета! Ты был бы избавлен от многих бед.

— Ну, видно, так было суждено! — возразил Саид.— Но велите, любезнейшая фея, запрячь в вашу облачную колесницу сильный северо-восточный ветер, посадите меня на нее и за несколько минут доставьте в Бальзору к моему отцу. Я терпеливо проживу там шесть месяцев, оставшихся до моего двадцатилетия.

Фея улыбнулась.

— Ты мастер говорить с нами,— отвечала она,— но, увы, бедный Саид, это невозможно. Сейчас, когда ты не в родительском доме, я не могу совершить для тебя никаких чудес. Даже из-под власти этого жалкого Калум-бека освободить я тебя сейчас не могу. Он находится под покровительством твоей могущественной противницы.

— Значит, у меня есть не только добрая заступница, но и противница? Ну, ее влияние я, кажется, уже не раз ощущал. Но уж советом-то вы можете мне помочь? Следует ли мне пойти к калифу и попросить у него защиты? Он человек мудрый, он защитит меня от Калум-бека.

— Да, Гарун мудр! — сказала фея.— Но к сожалению, он тоже всего-навсего человек. Он доверяет своему казначею Месуру, как себе самому, и он прав, ибо испытал Месура и убедился в его верности. Но и Месур доверяет своему другу Калум-беку, как себе самому, и тут он не прав, ибо Калум человек скверный, хотя и доводится родственником

Месуру. К тому же Калум хитер, и, приехав сюда, он сразу наплел о тебе небылицу своему двоюродному брату, главному казначею, а тот в свою очередь рассказал ее калифу, и приди ты сейчас во дворец Гаруна, тебя приняли бы там плохо, потому что он не поверил бы тебе. Но есть другие способы приблизиться к нему, и звездами предначертано, что ты завоюешь его расположение.

— Это, конечно, скверно,— сказал Саид грустно.— Придется еще некоторое время торчать у лавки гнусного Калум-бека. Но одну милость, глубокоуважаемая фея, вы все-таки могли бы мне оказать. Я обучен воинскому искусству, и нет для меня большей радости, чем военная игра, где всю идут в ход копы, луки и тупые мечи. Знатнейшие юноши этого города устраивают такие игры каждую неделю. Но выступать в состязаниях позволено только людям прекрасно снаряженным и, кроме того, только свободным, а не каким-то там слугам с базара. И вот если бы вы смогли устроить так, чтобы у меня раз в неделю были конь, доспехи и оружие и чтобы узнать меня в лицо было не так-то легко...

— На такое желание благородный молодой человек, пожалуй, имеет право,— сказала фея.— Отец твоей матери был храбрейшим человеком в Сирии, и его дух, по-видимому, ты унаследовал. Запомни этот дом. Здесь раз в неделю тебя будут ждать лошадь и два конных оруженосца, а также оружие и доспехи и еще вода, умывшись которой ты сделаешь неузнаваемым свое лицо. А теперь, Саид, прощай! Будь терпелив, умен и добродетелен. Через шесть месяцев твой свисточек зазвучит, и слух Зулимы будет открыт его звукам.

Юноша простился со своей чудесной покровительницей с благодарностью и благоговением. Он

хорошенько запомнил дом и улицу и пошел назад на базар.

На базар он вернулся как раз вовремя, чтобы поддержать и спасти своего хозяина. Около лавки собралась большая толпа, мальчишки плясали вокруг купца и дразнили его, а старики смеялись. Он стоял перед лавкой, дрожа от ярости, с шалью в одной руке и покрывалом в другой. А вызвано это странное зрелище было происшествием, случившимся в отсутствие Саида. Калум стал у двери вместо своего красавца слуги и принялся хвалить свой товар, но никто не хотел покупать у безобразного старика. В это время по базару ходили двое мужчин, они хотели купить подарки для своих жен. В поисках чего-либо подходящего они уже несколько раз обошли базар и сейчас, шаря глазами, опять приблизились к лавке Калум-бека.

Заметив это, Калум-бек решил воспользоваться случаем и крикнул:

— Сюда, господа, сюда! Чего вы ищете? Вот прекрасные шали, прекрасный товар!

— Вполне возможно, любезный,— ответил один из них,— что твой товар и хорош, но жены у нас привередливы, а в городе теперь вошло в обычай не покупать шалей ни у кого, кроме как у красавца зазывалы Саида. Мы уже полчаса ищем его повсюду, но никак не можем найти. Но если ты скажешь нам, где он, то в другой раз мы купим что-нибудь у тебя.

— Аллахит аллах! — воскликнул Калум-бек, любезно осклабившись.— Пророк привел вас туда, куда следует! Вы ведь искали красавца зазывалу, чтобы купить шали? Ну, так входите, это его лавка.

Один из них стал смеяться над неказистой фигурой коротышки Калума и над его утверждением, будто он и есть красавец зазывала. А другой,

решив, что Калум глумится над ним, не остался в долгу и осыпал его бранью. Тут Калум-бек вышел из себя. Он стал призывать соседей в свидетели, что именно его лавку, а не чью другую называют лавкой красавца зазывалы. Но соседи, завидовавшие его бойкой в последнее время торговле, отмалчивались, и тогда незнакомцы накинулись на старого лгуна, как они его называли, самым нешуточным образом. Калум защищался больше криком и бранью, чем кулаками, и тем самым привлек к своей лавке тьму народа. Полгорода знало его как мерзавца и скрягу, поэтому все злорадствовали, когда на него посыпались тумак, и один из этих двух незнакомцев уже вцепился ему в бороду, как вдруг был схвачен за руку и одним махом брошен на землю, да так, что с него свалился тюрбан, а туфли его отлетели далеко в сторону.

Толпа, которой, наверно, приятно было бы посмотреть, как бьют Калум-бека, громко заворчала, а спутник поваленного оглянулся, ища того, кто посмел сбить с ног его друга. Но, увидев перед собой рослого, сильного юношу со сверкающими глазами и мужественным выражением лица, он не осмелился напасть на него, тем более что Калум, которому его спасение показалось чудом, указал на этого молодого человека и закричал:

— Ну, чего вам еще нужно? Вот же он, господа! Это Саид, тот самый красавец!

Окружающие засмеялись, ведь они знали, что досталось Калум-беку ни за что ни про что. Упавший сконфуженно поднялся и заковылял со своим товарищем прочь, не купив ни шали, ни покрывала.

— О звезда зазывал, венец базара! — воскликнул Калум, войдя со своим слугой в лавку. — Это называется воистину прийти вовремя, это называется воистину заступиться! Ведь тот малый лежал

на земле так, словно никогда не стоял на ногах, а я... а мне не понадобился бы больше цирюльник, чтобы причесывать и умащать мою бороду, приходи ты хотя бы на две минуты позже. Как мне вознаградить тебя?

Рукой и сердцем Саида управляло только мгновенное чувство жалости. Теперь, когда это чувство утихло, он чуть ли не раскаивался в том, что избавил этого негодяя от хорошей трепки. Потеря десятка-другого волосков, думал он, сделала бы Калума недели на две мягким и уступчивым. Но Саид решил все-таки воспользоваться благосклонностью купца и в награду себе попросил разрешения свободно располагать вечером раз в неделю — для прогулок или для чего-либо еще. Калум согласился, прекрасно понимая, что его подневольный слуга слишком разумен, чтобы сбежать без денег и хорошей одежды.

Вскоре Саид добился того, чего хотел. В следующую же среду, в день, когда молодые люди из знати собирались на одной из площадей города, чтобы поупражняться в воинском искусстве, он сказал Калуму, что хочет провести этот вечер по собственному усмотрению, и, когда тот разрешил, отправился на улицу, где жила фея, и постучался в нужную дверь, которая тотчас же отворилась. Слуги были, казалось, подготовлены к его появлению, ибо, не спросив, что ему угодно, они отвели его по лестнице в какую-то прекрасную комнату. Там они первым делом подали ему воду для умывания, которая должна была сделать его неузнаваемым. Омочив ею лицо, он погляделся в металлическое зеркало и почти не узнал себя самого: он оказался загорелым, с красивой черной бородой и выглядел по меньшей мере на десять лет старше, чем был на самом деле.

Затем они отвели его во вторую комнату, где он нашел полный набор превосходной одежды, в какой не стыдно было бы показаться и самому калифу багдадскому в день, когда тот во всем блеске своего великолепия делал смотр своему войску. Кроме тюрбана тончайшей ткани с алмазной пряжкой и высоко торчащими перьями цапли, кроме платья из тяжелой красной шелковой материи, затканной серебряными цветами, Саид нашел серебряную кольчугу настолько тонкой работы, что она повторяла каждое движение тела и в то же время была так крепка, что ее нельзя было пробить ни копьем, ни мечом. Завершил его воинское облачение дамаский клинок в богато украшенных ножнах, с двумя бесценными, как показалось Саиду, камнями на рукоятке. Когда он, полностью переодевшись, вышел за дверь, слуга подал ему шелковый платок и сказал, что платок этот посылает ему хозяйка дома. Если он вытрет им лицо, борода и загар исчезнут.

Во дворе стояли три прекрасные лошади. На самую лучшую сел Саид, на двух других — его слуги, и он радостно поскакал к площади, где проходили военные игры. Блеском своей одежды и великолепием своего оружия он привлекал к себе всеобщее внимание, и шепот восхищения пробежал по толпе, когда он вошел в круг, который она обступала. Это было блестящее собрание храбрейших и благороднейших юношей Багдада. Даже братья калифа гарцевали здесь на конях и держали на весу копыя. Когда появился Саид, которого никто не знал, к нему подъехал сын великого ви-зиря с несколькими друзьями, почтительно поклонился ему, пригласил его принять участие в играх и спросил, как его зовут и откуда он родом. Саид назвал Альманзором из Каира, сказал, что сейчас

путешествует и, наслышавшись о храбрости и ловкости знатных багдадских юношей, не преминул увидеть их и познакомиться с ними. Молодым людям понравились учтивость и мужественность Саида-Альманзора. Они велели подать ему копье и предложили выбрать себе соратников, ибо все уже разделились на два отряда, чтобы сражаться друг с другом один на один и скопом.

Но если внешность Саида уже привлекла к нему внимание, то еще больше изумила теперь всех его необыкновенная ловкость и расторопность. Конь его был быстрее птицы, а его меч и того стремительней. Он метал копье так легко, далеко и метко, словно это была стрела, пущенная из хорошего лука. Он победил самых храбрых из дружины противников и в конце игр признан был победителем настолько единодушно, что один из братьев калифа и сын великого визиря попросили его померяться силами и с ними. Али, брата калифа, он победил. А сын великого визиря сопротивлялся так отважно, что после долгого боя сочли за лучшее отложить решение до следующего раза.

На другой день после этих игр во всем Багдаде только и было разговоров что о красивом, богатом и отважном чужеземце. Все, кто его видел, и даже те, кого он победил, были в восторге от его благородных манер. В лавке Калум-бека он и сам слышал разговоры о себе, и все жалели только, что никто не знает, где он живет. В следующий раз он нашел в доме феи еще более красивую одежду и еще более драгоценное оружие. На сей раз собралось чуть ли не пол-Багдада, даже калиф взирал с балкона на это зрелище. Он тоже пришел в восхищение от чужеземца Альманзора и, когда игры закончились, повесил ему на шею в знак своего восхищения большую золотую медаль на золотой цепочке. Эта

вторая, еще более блестящая победа не могла не вызвать зависти у багдадских молодых людей.

— Какой-то чужеземец, — говорили они, — приезжает в Багдад, чтобы отнять у нас славу, честь и победу! И теперь станет хвалиться в других местах, что среди цвета багдадской молодежи не нашлось никого, кто мог бы хоть как-то тягаться с ним! .

Так говорили они и решили как бы случайно напасть на него впятером или вшестером во время ближайших игр.

От острого взгляда Саида не ускользнули эти признаки недовольства. Он видел, как молодые люди собирались по углам, шушукались, поглядывали на него со злостью. Он понимал, что никто, кроме брата калифа и сына великого визиря, не питает к нему особой приязни, да и эти двое докучали ему вопросами, где можно его навестить, чем он занимается, что ему понравилось в Багдаде, и тому подобными.

По странной случайности молодой человек, бросавший на Саида самые злобные взгляды и настроенный против него, казалось, враждебнее всех, был не кем иным, как драчуном, которого он недавно сбил с ног возле Калум-бековой лавки, когда тот готов был вырвать бороду у незадачливого купца. Человек этот глядел на него всегда внимательно и завистливо. Саид, правда, несколько раз его побеждал, но этой причины было для такой враждебности недостаточно, и Саид уже опасался, что тот узнал в нем по росту или по голосу слугу Калум-бека, а такое разоблачение сделало бы его жертвой насмешек и мести этих людей. Покушение, предпринятое его завистниками, не удалось благодаря его осторожности и храбрости, а также благодаря дружескому отношению к нему брата калифа и

сына великого визиря. Увидав, что его окружило по меньшей мере шесть человек, которые пытаются выбить его из седла или обезоружить, они поскакали на помощь, разогнали нападавших и пригрозили молодым людям отстранить их от игр за бесчестное поведение.

Больше четырех месяцев показывал уже таким образом Саид, на удивление всему Багдаду, свою храбрость, когда как-то вечером, возвращаясь домой с игр, он услышал чьи-то как будто знакомые голоса. Впереди него медленным шагом, о чем-то, видимо, совещаясь, шли четверо. Тихонько приблизившись к ним, Саид услышал, что говорят они на жаргоне орды Селима, и догадался, что эти четверо вышли из пустыни на какое-то разбойное дело. Первым его побуждением было уйти от них подальше, но, подумав, что он может предотвратить какое-нибудь злодеяние, он подкрался еще ближе, чтобы подслушать их разговор.

— Привратник ясно сказал: улица справа от базара,— говорил один,— по ней он должен пройти сегодня ночью с великим визирем.

— Хорошо,— отвечал другой,— великого визиря я не боюсь: он стар и, наверно, не такой уж герой, а вот калиф, говорят, хорошо владеет мечом, и нет у меня к нему доверия: за ним крадется, скорее всего, целая дюжина телохранителей.

— Ни единого,— возразил ему третий.— Всякий раз, когда его видели и узнавали ночью, он бывал только с визирем или с главным казначеем. Сегодня ночью он должен быть в наших руках, но ранить его нельзя.

— Лучше всего, по-моему,— сказал первый,— накинуть ему петлю на шею. Убивать его нам нельзя, ведь за его труп дадут небольшой выкуп, а то и вовсе не дадут ничего.

— Значит, за час до полуночи! — сказали все хором и разошлись кто куда.

Саид был сильно испуган готовящимся покушением. Он решил поспешить во дворец калифа и предупредить о грозящей опасности. Но, пробежав уже несколько улиц, он вспомнил слова феи насчет того, что он у калифа на очень плохом счету. Он сообразил, что над его доносом могут посмеяться или увидеть в нем попытку подольститься к владыке Багдада, и поэтому он замедлил шаг и почел за лучшее положиться на свой добрый меч и самому спасти калифа от разбойников.

Он не стал возвращаться в дом Калум-бека, а сел на ступени мечети и дождался там наступления ночи. Затем он прошел мимо базара в ту улицу, которую называли разбойники, и спрятался за выступом дома. Простояв там около часа, он услышал, как по улице медленно приближаются два человека. Сначала он подумал, что это калиф и его визирь, но один из них хлопнул в ладоши, и тотчас со стороны базара очень тихо и быстро пришли двое других. Они пошептались, а затем разделились. Трое спрятались неподалеку от Саида, а четвертый стал ходить по улице взад и вперед. Ночь была очень темная, но тихая, и поэтому Саиду приходилось полагаться почти целиком на свой острый слух.

Прошло еще около получаса, когда со стороны базара слышались шаги. Разбойник, по-видимому, тоже услышал их. Он шмыгнул мимо Саида к базару. Шаги приближались, и Саид различал уже какие-то темные фигуры, как вдруг разбойник хлопнул в ладоши, и в тот же миг выскочили из засады те трое. Люди, на которых они напали, были, вероятно, вооружены, ибо Саид услышал звон скрестившихся мечей. Он тотчас выхватил свой дамаский клинок и с криком «Смерть врагам вели-

кого Гаруна!» ринулся на разбойников. Первым ударом он уложил одного из них и бросился на двух других, которые как раз собирались обезоружить человека, которому они накинули петлю на шею. Саид вслепую ударил клинком по веревке, чтобы ее разрубить, но размахнулся так сильно, что заодно отхватил одному из разбойников кисть руки. Разбойник упал на колени со страшным воплем. Теперь к Саиду, еще сражавшемуся с третьим, повернулся четвертый разбойник, который дотоле дрался с другим человеком. Но, едва обретя свободу, тот, на кого была накинута петля, выхватил свой кинжал и всадил его сбоку в грудь нападавшему. Увидев это, разбойник, еще оставшийся целым, бросил саблю и убежал.

Саид не долго пребывал в неведении, кого он спас, ибо более рослый из тех двоих подошел к нему и сказал:

— И это покушение на мою жизнь или на мою свободу, и эта непонятная помощь и спасение одинаково странны. Откуда вы знали, кто я такой? Вы знали о намерении этих людей?

— Повелитель правоверных, — отвечал Саид, — ибо я не сомневаюсь, что это ты. Сегодня вечером мне довелось идти по улице Эль-Малек позади нескольких незнакомцев, неведомому и тайному языку которых я некогда обучился. Они говорили о том, чтобы взять тебя в плен, а этого достойного человека, твоего визиря, убить. Поскольку предупредить тебя было уже поздно, я решил помочь тебе, отправившись на то место, где они будут тебя поджидать.

— Спасибо тебе, — сказал Гарун, — однако задерживаться здесь не следует. Возьми это кольцо и приди с ним завтра ко мне во дворец. Мы подробнее поговорим тогда о тебе и о твоей помощи и погля-

дим, как мне вознаградить тебя наилучшим образом. Пошли, визирь, здесь оставаться опасно: они могут вернуться.

Сказав это и надев кольцо на палец юноше, он хотел увести великого визиря. Но тот попросил его еще немного подождать, повернулся и протянул изумленному юноше тяжелый кошелек.

— Молодой человек, — сказал он, — мой повелитель калиф может сделать тебя кем угодно, даже моим преемником, я же мало что могу сделать, а что могу, то лучше сделать сегодня, чем завтра. Поэтому возьми этот кошелек. Но этим, конечно, не исчерпывается моя благодарность. Каждый раз, когда у тебя появится какое-нибудь желание, приходи смело ко мне.

Сам не свой от счастья, Саид поспешил домой. Но здесь ему был оказан скверный прием. Из-за его долгого отсутствия Калум-бек сперва рассердился, а потом забеспокоился, подумав, что вполне может лишиться красивой вывески для своей лавки. Он встретил его бранью и бушевал как сумасшедший. Но Саид, заглянув в кошелек и обнаружив, что там полно золотых монет, решил, что отправиться на родину он может теперь и без милости калифа, которая оказалась бы, конечно, не меньшей, чем благодарность его визиря, и поэтому Саид не стал молчать, а твердо и ясно сказал Калум-беку, что не останется у него больше ни на час. Сначала Калум-бек пришел от этого в ужас, но потом презрительно засмеялся и сказал:

— Ах ты оборванец, бродяга, босяк! Где ты будешь обед и найдешь ночлег?

— Это не ваша забота, господин Калум-бек, — ответил Саид упрямо. — Прощайте, больше вы меня не увидите.

Сказав это, он выбежал из дому, и Калум-бек

глядел ему вслед, потеряв дар речи от удивления. Но на следующее утро, хорошенько обдумав случившееся, он разослал во все стороны своих упаковщиков, чтобы они выследили беглеца. Они долго искали напрасно, но наконец один вернулся и сказал, что видел, как Саид, зазывала при лавке, вышел из мечети и направился в караван-сарай. Но его не узнать: он носит прекрасное платье, кинжал, саблю и великолепный тюрбан.

Услыхав это, Калум-бек разразился проклятиями и воскликнул:

— Он обокрал меня и на эти деньги оделся! О горе мне!

Затем он побежал к начальнику городской стражи и, поскольку все знали, что Калум-бек родственник Месура, главного казначея, без труда заполучил нескольких стражников, чтобы арестовать Саида. Саид сидел у караван-сарая и спокойно договаривался с купцом, которого там нашел, на счет поездки в Бальзору, свой родной город. Тут на него вдруг напали несколько человек и, несмотря на его сопротивление, связали ему за спиной руки. Он спросил, чем оправдано их насилие, и они ответили, что действуют от имени городской стражи и его законного хозяина Калум-бека. Тут подошел и сам урод-коротышка, стал смеяться и глумиться над Саидом, а потом залез к нему в карман и с торжествующим криком вынул оттуда, к изумлению окружающих, большой кошелек с золотом.

— Смотрите! Все это он понемногу наворовал у меня, мерзавец! — закричал Калум-бек.

И, с отвращением глядя на арестованного, стражники воскликнули:

— Подумать только! Такой еще молодой, такой красавец, а такой негодяй! На суд, на суд его, пускай отведаст палок!

Стражники потащили его с собой, и огромная толпа людей всякого звания пошла за ним, крича:

— Смотрите, это красавец зазывала с базара, он обокрал своего хозяина и бежал, он украл двести золотых!

Начальник городской стражи встретил арестованного с мрачным выражением лица. Саид хотел объясниться, но начальник велел ему молчать и допросил только коротышку купца. Он показал ему кошелек и спросил, украли ли у него эти деньги. Калум-бек поклялся, что деньги украдены. Однако благодаря своей ложной клятве получил только деньги, но не красавца зазывалу, стоившего доброй тысячи золотых, ибо судья сказал:

— По закону, который всего несколько дней назад издал мой могущественный повелитель калиф, всякая кража на сумму более чем в сто золотых, совершенная на базаре, карается пожизненной ссылкой на пустынный остров. Этот вор подоспел как раз вовремя: он дополнит число таких молодцов до двадцати. Завтра их погрузят на барку и повезут в море.

Саид был в отчаянии, он заклинал начальника выслушать его, позволить ему сказать хоть одно слово калифу, но в этой милости ему отказали. Калум-бек, который теперь жалел, что дал клятву, тоже вступился за него, но судья ответил:

— Ты получил свои деньги и можешь быть доволен, ступай домой и веди себя смирно, не то я взыщу с тебя по десяти золотых за каждое возражение.

Калум в смущении умолк, а судья сделал знак, и несчастного Саида увели. Его доставили в темную и сырую тюрьму. Девятнадцать горемык, которые лежали там на соломе, встретили его как товарища по несчастью грубым смехом и проклятиями судье и

калифу. Как ни страшна была Саиду ожидавшая его участь, как ни ужасна мысль, что его сошлют на пустынный остров, он нашел некоторое утешение в том, что не далее как завтра покинет эту страшную тюрьму. Но он сильно ошибся, вообразив, что на корабле ему будет лучше. Все двадцать преступников были брошены в трюм, где нельзя было стоять во весь рост, и они, толкаясь, дрались за лучшие места.

Подняли якоря, и Саид горько заплакал, когда судно, увозившее его от родины, тронулось. Лишь раз в день давали им немного хлеба и фруктов и по глотку пресной воды, и так темно было в трюме, что всякий раз, когда узников кормили, приходилось приносить свечи. Чуть ли не каждые два-три дня кто-нибудь умирал — такой нездоровый воздух был в этой плавучей тюрьме, и Саида спасли только его молодость и его крепкое здоровье.

Две недели уже были они в море, когда волны вдруг зашумели сильнее и на корабле поднялась необычная суeta. Саид догадался, что надвигается буря. Это было ему даже по душе, ибо он надеялся, что теперь погибнет. Корабль все сильнее швыряло туда и сюда, и наконец он со страшным треском сел на мель. Крики и вопли донеслись с палубы, смешавшись с завыванием бури. Наконец все снова затихло, но тут же один из узников обнаружил, что в судно проникает вода. Они стали стучать в крышку люка, но им никто не ответил. Когда течь усилилась, они дружно уперлись в крышку и высадили ее.

Они поднялись по трапу, но на палубе не нашли ни души. Вся команда спаслась на шлюпках. Тут большинство узников впало в отчаяние, ибо буря делалась все неистовее, корабль трещал и погружался в воду. Еще несколько часов провели они на

палубе и поели напоследок, найдя на судне съестные припасы, а потом буря вдруг опять грянула с прежней силой, корабль сорвало с рифа, за который он зацепился, и разнесло в щепы.

Саид успел ухватиться за мачту и все еще держался за нее, когда судно разбилось. Волны бросали его туда и сюда. Но он, гребя ногами, каждый раз удерживался над водой. Так плыл он уже около получаса, все время подвергаясь смертельной опасности, как вдруг цепочка со свистком выпала у него из-за кушака, и он еще раз решил испытать, издает ли свисток звук. Вцепившись в мачту одной рукой, он другою поднес свисток к губам и подул в него. Раздался звонкий, чистый свист, и буря мгновенно утихла, и волны улеглись, как будто их полили маслом. Не успел он, переведя дух, оглядеться, не видно ли где-нибудь суши, как мачта под ним начала странным образом раздуваться и шевелиться, и, к немалому своему ужасу, он увидел, что сидит верхом уже не на бревне, а на огромном дельфине. Но через несколько мгновений он снова оправился от испуга и, увидев, что дельфин хоть и быстро, но спокойно и уверенно плывет своим путем, приписал свое чудесное спасение серебряному свистку и доброй фее и громко выкрикнул слова самой искренней благодарности.

С быстротой стрелы нес его чудесный его конь по волнам, и еще не успело стемнеть, когда он увидел землю и различил широкую реку, в которую дельфин тотчас же и свернул. Вверх по течению плылось медленнее, и, чтобы не обессилеть, Саид, помнивший, как поступают в старых волшебных сказках, достал свой свисток, громко и решительно свистнул и пожелал хорошенько поесть. Дельфин тотчас остановился, и из воды вынырнул стол, несколько не мокрый, словно он неделю стоял на

солнце, и весь уставленный вкуснейшими кушаньями. Саид прямо накинудся на еду, ибо во время заключения кормился скудно и скверно. Насытившись, он сказал спасибо, и стол ушел под воду, а Саид шлепнул дельфина по боку, и тот сразу поплыл дальше вверх по реке. Солнце уже садилось, когда Саид увидал в темной дали большой город, минареты которого походили, как показалось ему, на багдадские. Мысль о Багдаде была ему не очень приятна, но, вполне полагаясь на добрую фею, он твердо верил, что она не отдаст его больше в руки гнусного Калум-бека. В стороне, приблизительно в миле от города, возле реки, он увидел великолепный загородный замок, и, к великому его удивлению, дельфин направился именно туда.

На крыше стояло несколько прекрасно одетых мужчин, а на берегу Саид увидел множество слуг, и все глядели в его сторону и всплескивали руками от изумления. Рыба остановилась у мраморной лестницы, поднимавшейся от реки к замку, и, едва Саид ступил на нее, бесследно исчезла. Несколько слуг тут же сбегали с лестницы, попросили его от имени своего господина подняться к нему и предложили Саиду сухую одежду. Он быстро переоделся и последовал за слугами на крышу, где застал троих мужчин, один из которых, самый рослый и самый красивый, приветливо и милостиво шагнул навстречу ему.

— Кто ты, чудесный незнакомец? — сказал он. — Ты укрощаешь рыб морских и направляешь их налево и направо, как отличный наездник своего боевого коня! Ты волшебник или такой же человек, как мы?

— Господин! — отвечал Саид. — В последнее время мне приходилось тужо. Если вам это угодно, я расскажу.

И он начал рассказывать и изложил им свою историю с того дня, как он покинул отцовский дом, и до своего чудесного спасения. Они часто прерывали его знаками изумления, а когда он кончил, хозяин дома, так радушно принявший его, сказал:

— Я верю твоему рассказу, Саид! Но ты говоришь, что был награжден за победу в состязании цепью и что калиф подарил тебе кольцо. Можешь ли ты показать их нам?

— Здесь, у сердца, я сохранил то и другое,— сказал юноша.— Такие дорогие подарки я отдал бы только вместе со своей жизнью, ибо считаю самым достойным своим поступком спасение великого калифа от рук убийц.

С этими словами он извлек цепь и кольцо и подал их своим слушателям.

— Клянусь бородой пророка, это он, это мое кольцо! — воскликнул рослый красавец.— Обнимем его, великий визирь, ведь перед нами наш спаситель.

Когда оба стали его обнимать, Саиду казалось, что он видит все это во сне, но он сразу же пал ниц и сказал:

— Прости, повелитель правоверных, что я так свободно держался перед твоим лицом, ведь ты же не кто иной, как Гарун аль-Рашид, великий калиф багдадский!

— Да, я калиф и твой друг! — отвечал калиф.— Отныне твоя печальная судьба изменится. Поезжай со мной в Багдад, оставайся в моем окружении и будь одним из самых близких мне моих придворных, ибо в ту ночь ты поистине доказал, что Гарун тебе не безразличен, а ведь не каждого даже из самых верных своих слуг я решился бы подвергнуть такому же испытанию.

Саид поблагодарил калифа. Он обещал ему на-

всегда остаться у него, после того как съездит к отцу, который, наверно, очень тревожится о сыне, и калиф нашел это желание законным и естественным. Вскоре они сели на коней и еще до захода солнца прибыли в Багдад. Калиф велел, чтобы в его дворце Саиду отвели длинный ряд комнат с роскошным убранством, и сверх того обещал приказать, чтобы ему выстроили собственный дом. Узнав об этом событии, к Саиду сразу же поспешили его старые товарищи по оружию, брат калифа и сын великого визиря. Они обняли его, как спасителя дорогих им людей, и попросили его стать их другом. Но они потеряли дар речи от изумления, когда он сказал: «Ваш друг я давно» — и, достав цепь, полученную за победу в боевом состязании, напомнил им разные подробности этих игр. Они всегда видели его смуглым и с длинной бородой, и только после того, как он рассказал им, как и почему он изменил свою наружность, только после того, как он, в подтверждение сказанного, велел принести тупое оружие и, пофехтовав с ними, доказал, что он и есть храбрец Альманзор, — только тогда они снова обняли его с ликованием и сочли счастьем иметь такого друга.

На следующий день, когда Саид как раз сидел с великим визирем у Гаруна, в покой калифа вошел Месур, главный казначей, и сказал:

— Повелитель правоверных, не зная, как ты посмотришь на это, я хотел бы попросить тебя об одной милости.

— Сначала хочу выслушать, в чем дело, — ответил Гарун.

— У ворот дожидается мой любимый двоюродный брат Калум-бек, знаменитый на базаре купец, — сказал Месур, — у него вышла странная тяжба с одним человеком из Бальзоры, чей сын слу-

жил у Калум-бека, а потом обокрал его и сбежал неизвестно куда. Так вот, отец требует от Калума своего сына, которого у того нет. Поэтому он хочет, чтобы ты оказал ему милость и со свойственной тебе проницательностью и мудростью рассудил его спор с этим человеком из Бальзоры.

— Рассужу,— ответил калиф.— Пусть через полчаса твой уважаемый двоюродный брат со своим противником явятся в зал суда.

Когда Месур, поблагодарив, удалился, Гарун сказал:

— Это не кто иной, как твой отец, Саид, и, поскольку я теперь, к счастью, знаю, как обстоит дело, я буду судить не хуже, чем Соломон. Ты, Саид, прячься за занавеской моего трона, пока я не позову тебя, а ты, великий визирь, сейчас же доставь мне того скверного, торопливого судью из городской стражи. Он мне понадобится во время допроса.

Оба сделали так, как он приказал. Сердце Саида забилося сильнее, когда он увидел, как в зал суда нетвердым шагом, бледный, измученный, вошел его отец, а хитрая, самоуверенная усмешка Калум-бека, с которой тот что-то шептал своему родственнику главному казначею, привела Саида в такую ярость, что он почти готов был выскочить из-за занавески и броситься на него. Ведь этому дурному человеку он был обязан самыми тяжкими страданиями и огорчениями. В зале собралось много людей, которым хотелось услышать, как будет вершить суд калиф. Когда повелитель Багдада занял свое место на троне, великий визирь велел соблюдать тишину и спросил, кто пришел к своему господину с жалобой. Калум-бек дерзко вышел вперед и сказал:

— Несколько дней назад я стоял на базаре

у дверей своей лавки, когда выкликала с кошельем в руке ходил с этим вот человеком между палатками и кричал: «Кошель золота тому, кто может дать какие-либо сведения о Саиде из Бальзоры». Этот Саид одно время состоял у меня на службе, и поэтому я крикнул: «Сюда, дружище! Я заслужил твой кошель». Этот человек, который теперь полон вражды ко мне, подошел с приветливым видом и спросил, что мне известно. Я ответил: «Вы, наверно, Бенезар, его отец?» И когда он радостно подтвердил это, я рассказал ему, как я нашел юношу в пустыне, как спас и выходил его и привез в Багдад. На радостях он подарил мне свой кошель. Но послушайте этого вздорного человека: когда я затем рассказал ему, что его сын, служа у меня, был нечист на руку, обокрал меня и сбежал, он не поверил мне и вот уже несколько дней спорит со мной, требуя, чтобы я вернул ему сына и деньги, а я не могу вернуть ни того ни другого, ибо деньги причисляются мне за сведения, которые я ему дал, а его негодного малого я не могу раздобыть.

Затем стал говорить Бенезар. Он описал своего сына как человека благородного и добродетельного и сказал, что тот никогда не унизился бы до воровства. Он призвал калифа тщательно расследовать дело.

— Надеюсь,— сказал Гарун,— ты заявил о краже, как то обязан был сделать, Калум-бек?

— Ну конечно! — воскликнул тот, улыбаясь.— Я отвел его к судье городской стражи.

— Привести сюда судью городской стражи! — приказал калиф.

Ко всеобщему удивлению, судья появился мгновенно, словно по волшебству. Калиф спросил его, помнит ли он об этом деле, и тот отвечал утвердительно.

— Ты допросил этого молодого человека, он признался в воровстве? — спросил Гарун.

— Нет, он был настолько упрям, что никому, кроме вас, не пожелал давать никаких объяснений! — ответил судья.

— Но я не припоминаю, чтобы я его видел, — сказал калиф.

— Да и зачем! Тогда бы мне каждый день пришлось посылать к вам целыми толпами всяких темных людишек, которые хотят поговорить с вами.

— Ты знаешь, что мои уши открыты каждому, — ответил Гарун, — но, видимо, доказательства кражи были настолько ясны, что этого молодого человека незачем было доставлять ко мне. У тебя, наверно, нашлись свидетели, что украденные у тебя деньги принадлежали тебе, Калум?

— Свидетели? — спросил тот, побледнев. — Нет, свидетелей у меня не было, и вы же знаете, повелитель правоверных, что все золотые монеты на вид одинаковы. Как же я мог найти свидетелей, что в моей кассе не хватало именно этих ста золотых?

— Как же ты узнал, что эта сумма принадлежит именно тебе? — спросил калиф.

— По кошельку, в котором она находилась, — ответил Калум.

— При тебе ли этот кошелек? — продолжил допрос Гарун.

— Вот он, — сказал купец и, достав кошелек, протянул его великому визирю, чтобы тот подал его калифу.

Но тот с притворным изумлением воскликнул:

— Клянусь бородой пророка! Ты утверждаешь, собака, что кошелек твой? Кошелек этот принадлежал мне, и его вместе с лежавшими в нем ста золо-

тыми я отдал одному храброму молодому человеку, который спас меня от большой опасности.

— Ты можешь поклясться в этом? — спросил калиф.

— Это так же верно, как то, что я хочу попасть некогда в рай, — отвечал визирь, — ибо кошелек сделан руками моей дочери.

— Ну и ну! — воскликнул Гарун. — Значит, тебе, судья, дали ложные показания? Почему же ты поверил, что кошелек принадлежит этому купцу?

— Он дал клятву, — ответил судья робко.

— Значит, ты дал ложную клятву? — закричал калиф на купца, который стоял перед ним, дрожа и бледнея.

— Аллах, аллах! — воскликнул тот. — Разумеется, я ничего не хочу сказать против господина великого визиря, он заслуживает всяческого доверия, но, увы, кошелек принадлежал все-таки мне, и Саид его украл. Я бы отдал тысячу туманов за то, чтобы этот негодяй оказался сейчас здесь.

— Как ты поступил с Саидом? — спросил калиф. — Скажи, куда нужно послать за ним, чтобы он дал мне свои показания?

— Я отправил его на пустынный остров, — сказал судья.

— О Саид! Мой сын, мой сын! — воскликнул несчастный отец и заплакал.

— Значит, он сознался в своем преступлении? — спросил Гарун.

Судья побледнел. Он стал вращать глазами и наконец сказал:

— Насколько я помню... да.

— Значит, ты не вполне уверен в этом? — продолжал калиф грозно. — Ну, так спросим его самого. Выходи, Саид, а ты, Калум-бек, прежде всего уплати тысячу золотых, потому что он здесь.

Калум и судья подумали, что перед ними призрак. Они пали ниц и закричали:

— Смилуйся, смилуйся!

Бенезар, чуть не упав в обморок от радости, бросился в объятия своего потерянного было сына. Но калиф с железной строгостью спросил:

— Судья, Саид перед нами. Он признал себя виновным?

— Нет, нет! — завопил судья. — Я выслушал только показания Калума, потому что он человек уважаемый.

— Для того ли я поставил тебя судьей над всеми, чтобы ты выслушивал только знатных? — воскликнул в благородном гневе Гарун аль-Рашид. — Я сошлю тебя на десять лет на пустынный остров в открытом море, там ты поразмыслишь о справедливости, а ты, несчастный, ты, возвращающийся к жизни полумертвых не для того, чтобы спасти их, а чтобы сделать своими рабами, ты, как я уже сказал, уплатишь тысячу туманов, потому что ты обещал уплатить эти деньги, если явится Саид, чтобы подтвердить твои показания.

Калум обрадовался, что так дешево отделался, и уже хотел поблагодарить доброго калифа. Но тот продолжал:

— За ложную клятву насчет ста золотых ты получишь сто ударов по пяткам. Затем предоставлю Саиду на выбор — либо забрать всю твою лавку и взять тебя в носильщики, либо удовлетвориться десятью золотыми за каждый день, что он прослужил у тебя.

— Отпустите этого мерзавца на все четыре стороны, калиф! — воскликнул юноша. — Из его рук мне ничего не нужно.

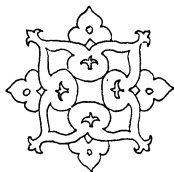
— Нет, — отвечал калиф, — я хочу, чтобы ты был вознагражден. Я вместо тебя выбираю десять

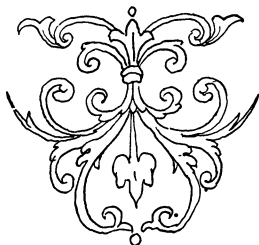

золотых за каждый день, а ты уж подсчитай, сколько дней ты пробыл в его когтях. А теперь уведите этих мерзавцев.

Их увели, а калиф отвел Бенезара и Саида в другой зал, где сын рассказал отцу о своем чудесном спасении, и рассказ его лишь время от времени прерывали вопли Калум-бека, которому во дворе как раз отсчитывали по пяткам его сто полновесных золотых.

Калиф пригласил Бенезара поселиться с Саидом у него в Багдаде. Тот согласился и только съездил домой за своим большим имуществом. А Саид по-княжески жил во дворце, который построил для него благодарный калиф. Брат калифа и сын великого визиря были его товарищами, и в Багдаде вошло в поговорку: «Хотел бы я быть таким добрым и таким счастливым, как Саид, сын Бенезара».

ГАДКИЙ
УТЕНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами темнел большой лес, а в лесу прятались глубокие синие озера. Да, хорошо было за городом! Солнце освещало старую усадьбу, окруженную глубокими канавами с водой. Вся земля — от стен дома до самой воды — заросла лопухом, да таким высоким, что маленькие дети могли стоять под самыми крупными его листьями во весь рост.

В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это занятие порядком надоело. К тому же ее редко навещали, — другим уткам больше нравилось плавать по канавам, чем сидеть в лопухе да крякать вместе с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

Утята зашевелились, застучали клювами и высунули головки.

— Пип, пип! — сказали они.

— Кряк, кряк! — ответила утка. — Поторапливайтесь!

Утята выкарабкались кое-как из скорлупы и стали озиаться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха. Мать не мешала им — зеленый цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, за поле... Но по правде говоря, там я отроду не бывала!.. Ну что, все уже выбрались? — И она поднялась на ноги. — Ах нет, еще не все... Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, просунув голову в чашу лопуха.

— Да вот с одним яйцом никак не могу справиться, — сказала молодая утка. — Сижусь, сижу, а оно все не лопается. Зато посмотри на тех малюток, что уже вылупились. Просто прелесть! Все, как один, — в отца! А он-то, негодный, даже не навестил меня ни разу!

— Постой, покажи-ка мне сперва то яйцо, которое не лопается, — сказала старая утка. — Уж не индюшечье ли оно, чего доброго? Ну да, конечно!.. Вот точно так же и меня однажды провели. А сколько хлопот было у меня потом с этими индюшатами! Ты не поверишь: они до того боятся

воды, что их и не загонишь в канаву. Уж я и шипела, и крикала, и просто толкала их в воду — не идут, да и только. Дай-ка я еще раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать!

— Нет, я, пожалуй, посижу, — сказала молодая утка. — Уж столько терпела, что можно еще немного потерпеть.

— Ну и сиди! — сказала старая утка и ушла. И вот наконец большое яйцо треснуло.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из скорлупы.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его со всех сторон и всплеснула крыльями.

— Ужасный урод! — сказала она. — И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк-кряк! За мной! Живо! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и заработали, так и заработали. Даже гадкий серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не так дурен, если хорошенько присмотреться к нему. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-

нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро утка со всем своим выводком добралась до птичьего двора. Бог ты мой! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

— Вот так всегда и бывает в жизни! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — скомандовала она, поворачиваясь к утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток! До чего красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, — по этому лоскутку ее сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!»

Утята так и сделали.

Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой гадкий! Этого уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, что так. Но какой-то он большой и несуразный! — прошипела злая утка. — Не меша-ет его немного проучить.

А знатная утка с красным лоскутком на лапке сказала:

— Славные у тебя детки! Все очень, очень

милы, кроме одного, пожалуй... Бедняга не удался! Хорошо бы его переделать.

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив — это правда, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому немного перерос. — И она разгладила клювом перышки на его спине. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьет себе дорогу в жизни.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала знатная утка. — Ну, будьте как дома, а если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

И вот утята стали вести себя как дома. Только бедному утенку, который вылутился позже других и был такой гадкий, никто не давал проходу. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя чуть не императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же было ему уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним!

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза б мои на тебя не глядели!» Утки щипали его,

куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утенок не выдержал. Он перебежал через двор и, распустив свои неуклюжие крылышки, кое-как перевалился через забор прямо в колючие кусты.

Маленькие птички, сидевшие на ветках, разом вспорхнули и разлетелись в разные стороны.

«Это оттого, что я такой гадкий», — подумал утенок и, зажмурив глаза, бросился бежать, сам не зная куда. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки.

Тут он провел всю ночь. Бедный утенок устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки проснулись в своих гнездах и увидели нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они.

Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам до этого нет никакого дела, только бы ты не лез к нам в родню.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы ему позволили жить в камышах да пить болотную воду — о большем он и не мечтал. Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они совсем недавно научились летать и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой чудной, что на тебя смотреть весело. Хочешь дружить с нами? Мы птицы вольные — куда хотим, туда и летим. Здесь поблизости есть еще болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап! Рап!» Ты так забавен, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми, а вода покраснела от крови.

Пиф! Паф! — раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над болотом. Выстрел гремел за выстрелом. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них забрались на деревья и вели стрельбу сверху. Голубой дым облаками окутывал вершины деревьев и стлался над водой. По болоту рыскали охотничьи собаки. Только и слышно было: шлеп-шлеп! А камыш раскачивался из стороны в сторону. Бедный утенок от страха был ни жив ни мертв. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним выросла охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утенка, оскалила острые зубы и — шлеп-шлеп! — побежала дальше.

«Кажется, пронесло, — подумал утенок и перевел дух. — Видно, я такой гадкий, что даже собаке противно съесть меня!»

И он притаился в камышах. А над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелинуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся вокруг и пустился бежать дальше по полям и лугам.

Дул такой сильный встречный ветер, что утенок еле-еле передвигал лапками.

К ночи он добрался до маленькой убогой избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка — приходилось прижиматься к самой земле, чтобы не унесло.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и так перекосилась, что сквозь щель можно легко пробраться внутрь. И утенок пробрался.

В избушке жила старуха со своей курицей и котом. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже сыпать искрами, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали Коротконожкой. Она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром утенка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

— Что там такое? — спросила старушка.

Она поглядела кругом и увидела в углу утенка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень.

И она решила оставить бездомную птицу у себя.

Но прошло недели три, а яиц все не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица. Оба они всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Утенку, правда, казалось, что на сей счет можно быть другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, сыпать искрами и мурлыкать?

— Нет!

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу нахохлившись.

Как-то раз дверь широко отворилась, и в комнату ворвались струя свежего воздуха и яркий солнечный луч. Утенка так сильно потянуло на волю, так захотелось ему поплавать, что он не мог удержаться и сказал об этом курице.

— Ну что еще выдумал? — напустилась на него курица. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлыч, дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утенок. — Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубь!

— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота — он рассудительней всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей госпожи старушки, умнее ее, уж наверное, никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубь!

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Ты, видно, хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне! Не дури и будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда поступают истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да сыпать искрами!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утенок.

— Ну и ступай себе! — ответила курица.

И утенок ушел. Он жил на озере, плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

А между тем настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели. Они так и сыпались с ветвей, а ветер подхватывал их и кружил по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сеяли на землю то град, то снег. Даже ворон, сидя на изгороди, каркал от холода во все горло. Бррр! Замерзнешь при одной мысли о такой стуже!

Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудесных, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда еще не видел — все белые как снег, с длинными гибкими шеями...

Это были лебеди.

Их крик был похож на звуки трубы. Они распростерли свои широкие, могучие крылья и полетели с холодных лугов в теплые края, за синие моря... Вот уж они поднялись высоко-высоко, а бедный утенок все смотрел им вслед, и какая-то непонятная тревога охватила его. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Он не мог оторвать глаз от этих прекрасных птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, потом выплыл опять и все-таки долго еще не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не

завидовал. Ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радехонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по озеру без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Мороз был такой, что даже лед потрескивал. Утенок без усталости работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примерзшего ко льду утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утенка отогрели.

Дети задумали поиграть с ним, но утенку показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха в угол и попал прямо в подойник с молоком. Молоко потекло по полу. Хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утенок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Легко представить, на что он стал похож!

Хозяйка бранила утенка и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, — утенок выбежал, растопырив крылья, кинулся в кусты, прямо на свежавывающий снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья гадкого утенка в эту суровую зиму.

Наконец солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами. Зазвенели жаворонки в полях. Вернулась весна!

Утенок выбрался из камышей, где он прятался всю зиму, взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и подняли его над землей. Не успел он опомниться, как долетел уже до большого сада. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

«Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но все равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!»

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, а лебеди, завидев его, замахали крыльями и поплыли прямо к нему.

— Убейте меня! — сказал гадкий утенок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое собственное отражение. Он был уже не гадким темно-серым утенком, а красивым белым лебедем!

Теперь утенок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети. Они стали бросать лебедям кусочки хлеба и зерно, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду кусочки хлеба и пирожного.

И дети и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. Но все это было позади. Теперь люди говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняет к нему в воду душистые ветки, а солнышко ласкает своими теплыми лучами... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

СОЛОВЕЙ

ы, верно, знаешь, что в Китае все жители китайцы и сам император китаец.

Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она еще не забылась совсем.

В целом мире не нашлось бы дворца лучше, чем

дворец китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что страшно было до него и дотронуться.

Дворец стоял в прекрасном саду, в котором росли чудесные цветы. К самым красивым цветам были привязаны серебряные колокольчики. И когда дул ветерок, цветы покачивались и колокольчики звенели. Это было сделано для того, чтобы никто не прошел мимо цветов, не поглядев на них. Вот как умно было придумано!

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что даже главный садовник и тот не знал, где он кончается. А сразу за садом начинался дремучий лес. Этот лес доходил до самого синего моря, и корабли проплывали под сенью могучих деревьев.

Тут в лесу, у самого берега моря, жил соловей. Он пел так чудесно, что даже бедный рыбак, слушая его песни, забывал о своем неводе.

— Ах, как хорошо! — говорил он, вздыхая, но потом снова принимался за свое дело и не думал о лесном певце до следующей ночи.

А когда наступала следующая ночь, он опять, как зачарованный, слушал соловья и снова повторял то же самое:

— Ах, как хорошо, как хорошо!

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники. Все они любовались великолепным дворцом и прекрасным садом, но, услышав пение соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Вернувшись домой, путешественники рассказывали обо всем, что видели. Ученые описывали столицу Китая, дворец и сад императора и никогда не забывали упомянуть о соловье. А поэты слагали в честь крылатого певца, живущего в китайском лесу на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот одна толстая книга дошла до самого китайского императора. Он сидел на своем золотом троне, читал и кивал головой. Ему очень нравилось читать о том, как хороша его столица, как прекрасны его дворец и сад. Но вот на последней странице книги император прочитал: «В Китае много чудесного, но лучше всего маленькая птичка по имени соловей, которая живет в лесу близ императорского сада. Ради того, чтобы послушать ее пение, советуем каждому съездить в Китай».

— Что такое? — сказал император. — Как?! В моем государстве, и даже рядом с моим собственным дворцом, живет такая удивительная птица, а я ни разу не слышал, как она поет! И я узнаю о ней из иноземных книг!

Он захлопнул книгу и велел позвать своего первого министра. Этот министр напускал на себя такую важность, что, если кто-нибудь из людей пониже его чином осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, он отвечал только: «Пф!», а это ведь ровно ничего не означает.

— Я прочел в одной ученой книге, что у нас есть замечательная птица, которую зовут соловей, — сказал император министру. — Ее считают первой достопримечательностью моего государства. Почему же мне ни разу не докладывали об этой птице?

— Ваше величество! — отвечал первый министр и поклонился императору. — Я даже и не слышал о ней. Она никогда не была представлена ко двору.

— Весь свет знает, что у меня есть такая редкостная птица, и только я один не знаю этого, — сказал император. — Я хочу, чтобы сегодня же вечером она была здесь и пела передо мной!

— Я разыщу ее, ваше величество,— сказал первый министр.

Сказать-то было нетрудно. А где ее сыщешь?

И вот первый министр забегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из придворных не мог ему сказать, что за птица соловей и где этот самый соловей живет.

Первый министр вернулся к императору и доложил, что соловья в Китае нет и никогда не было.

— Ваше величество напрасно изволит верить всему, что пишут в книгах,— сказал он.— Все это одни пустые выдумки.

— Не говори глупостей! — сказал император.— Я хочу слышать соловья. Он должен быть во дворце сегодня же вечером! А если его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина отколотить тебя и всех министров палками по пяткам.

— Тзинг-пе! — сказал первый министр и опять принялся бегать вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам.

С ним бегали все сановники и придворные — никому не хотелось отвежать палок.

То и дело они сталкивались носами и спрашивали друг друга:

— Что такое со-ло-вей?

— Где найти со-ло-вья?

Но никто в императорском дворце даже не слышал о соловье, про которого знал уже весь свет.

Наконец придворные прибежали в кухню. Там сидела маленькая девочка и вытирала тарелки.

Первый министр спросил девочку, не знает ли она, где живет соловей.

— Соловей? — сказала девочка.— Да как же мне не знать! Он живет в нашем лесу. А уж как поет! Я каждый день ношу моей больной маме остатки обеда с императорской кухни. Живем мы у

самого моря. Рядом в лесной чаще есть старое дерево с большим дуплом и густыми-густыми ветвями. И каждый раз, когда я сажусь отдохнуть под этим деревом, я слышу песню соловья. Он поет так нежно, что слезы сами собой текут у меня из глаз, а на душе становится так радостно, будто меня целует матушка.

— Девочка,— сказал первый министр,— я назначу тебя шестой придворной судомойкой и даже позволю посмотреть, как обедает сам император, если ты покажешь нам, где живет соловей. Он приглашен сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес.

Впереди шла девочка, а за ней министры и сановники.

Шли они, шли, и вдруг где-то неподалеку замычала корова.

— О! — сказали придворные.— Это, наверно, и есть соловей. Какой, однако, у него сильный голос!

— Это корова мычит,— сказала девочка.— Еще далеко до того дерева, на котором живет соловей.

И все пошли дальше.

Вдруг в болоте заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза.— Наконец-то я слышу соловья. Точь-в-точь серебряные колокольчики в нашей молельне!..

— Нёт, это лягушки,— сказала девочка.— Но теперь, я думаю, мы скоро услышим и самого соловья.

И в самом деле, из чащи ветвей послышалось чудесное пение.

— Вот это и есть соловей! — сказала девочка.— Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, которая сидела на ветке.

— Пф! — сказал первый министр.— Никак не

думал, что этот знаменитый соловей так невзрачен с виду. Наверно, он посерел от страха, увидев так много знатных особ.

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш милостивый император хочет послушать тебя.

— Очень рад! — ответил соловей и запел еще звонче.

— Пф, пф! — сказал первый министр. — Его голос звенит так же звонко, как стеклянные колокольчики на парадном балдахине императора. Взгляните только, как работает это маленькое горлышко! Странно, что мы до сих пор никогда не слышали такого замечательного певца. Он, несомненно, будет иметь огромный успех при дворе.

— Не желает ли император, чтобы я спел еще? — спросил соловей. Он думал, что с ним говорит сам император.

— Несравненный господин соловей! — сказал первый министр. — Его величества императора здесь нет, но он возложил на меня приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением.

— Песни мои гораздо лучше слушать в зеленом лесу, — сказал соловей. — Но я охотно полечу с вами, если это будет приятно императору.

А во дворце между тем готовились к празднику. Все бегали, хлопотали и суетились. В фарфоровых стенах и в стеклянном полу отражались сотни тысяч золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены прекрасные цветы, а привязанные к цветам колокольчики от всей этой беготни, суматохи и сквозного ветра звенели так громко, что никто не слышал своего собственного голоса.

И вот наступил вечер. Посреди огромной залы восседал император. Напротив императорского

трона поставили золотой шест, а на самой верхушке его сидел соловей. Все придворные были в полном сборе. Даже бедной девочке из кухни позволили стоять в дверях — ведь она была теперь не простая девочка, а придворная судомойка. Все были разодеты в пух и прах и не сводили глаз с маленькой серенькой птички.

Но вот император милостиво кивнул головой. И соловей запел.

Он пел так нежно, так чудесно, что даже у самого императора выступили на глазах слезы и покатались по щекам.

Тогда соловей залился еще громче, еще нежнее. Пение его так и хватало за сердце.

Когда он кончил, император сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался.

— Я уже и так вознагражден, — сказал соловей. — Я видел слезы на глазах императора. Какой же еще желать мне награды?

И опять зазвучал его чудесный голос.

— Ах, это очаровательно! — восклицали наперебой придворные дамы.

И с тех пор, когда им нужно было разговаривать с кем-нибудь, кому они хотели понравиться, они набирали в рот воды, чтобы она булькала у них в горле. Придворные дамы, видите ли, вообразили, что это бульканье похоже на соловьиные трели.

Соловья оставили при дворе и отвели ему особую комнату. Два раза в день и один раз ночью ему разрешали гулять на свободе.

Но к нему приставили двенадцать слуг, и каждый из них держал привязанную к ножке соловья шелковую ленточку.

Нечего сказать, большое удовольствие могла доставить такая прогулка!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если на улице встречались трое знакомых, один из них говорил: «со», другой подхватывал: «ло», а третий заканчивал: «вей», после чего все трое вздыхали и поднимали к небу глаза.

Одиннадцать лавочников дали своим сыновьям новое имя Соловей — в честь императорского соловья, — хотя голоса у этих младенцев были похожи на скрип несмазанных колес.

Словом, маленькая лесная птичка прославилась на весь Китай.

Но вот однажды императору прислали из Японии ящичек, завернутый в шелковую материю. На ящичке было написано: «Соловей».

— Это, наверно, новая книга о нашей знаменитой птице, — сказал император.

Ящик открыли, но в нем была не книга, а разукрашенная коробочка. А в коробочке лежал искусственный соловей. Он был очень похож на живого, но весь осыпан брильянтами, рубинами и сапфирами. Стоило завести игрушечную птицу — и она начинала петь одну из тех песен, которые пел настоящий соловей, и вертеть позолоченным хвостиком. На шейке у птицы была ленточка с надписью: «Соловей императора японского ничто в сравнении с соловьем императора китайского».

— Какая прелесть! — сказали все.

А того, кто привез драгоценную птицу, сейчас же возвели в чин придворного поставщика соловьев.

— Теперь пускай этот новый соловей и наш старый певец споют вместе, — решил император.

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей каждый раз пел свою песню по-новому, а искусственный повторял одну и ту же песенку, как заведенная шарманка.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как и настоящий соловей, но при этом был куда красивее — весь так и блестел, так и сверкал драгоценными камнями. Тридцать три раза пропел он одно и то же и ни сколько не устал.

Придворные охотно послушали бы его песенку еще тридцать три раза, но император сказал, что теперь надо послушать для сравнения и настоящего соловья. Тут все обернулись и посмотрели на золотой шест. Но соловья там не было. Куда же он девался?

Никто и не заметил, как соловей выпорхнул в открытое окно и улетел домой, в свой зеленый лес.

— Что же это, однако, такое? — сказал император.

И все придворные стали бранить соловья и называть его неблагодарной тварью.

— Лучшая-то птица все-таки осталась у нас! — говорили все, и заводному соловью пришлось спеть свою единственную песню в тридцать четвертый раз.

Придворный капельмейстер всячески расхваливал искусственную птицу и уверял, что она гораздо лучше настоящей и наружностью и голосом.

— Я возьму на себя смелость утверждать, высокий повелитель мой, и вы, достопочтенные господа, — говорил он, — что преимущества искусственного соловья перед живым соловьем неоспоримы. Извольте ли видеть, имея дело с живым, вы никогда не знаете заранее, что ему заблагорассудится спеть, в то время как вам всегда известно наперед, что именно будет петь искусственный. Если вам угодно, вы даже можете разобрать его и посмотреть, как он устроен, как расположены и

действуют все его валики, винтики и пружинки — плод человеческого ума и учености.

— О да, мы тоже так думаем,— сказали придворные.

А император велел показать птицу всему городу в следующее же воскресенье.

— Пусть и народ послушает ее,— сказал он.

Горожане послушали с удовольствием и выразили свое полное одобрение, словно их угостили отличным чаем, а ведь китайцы, как известно, ничто так не любят, как чай.

Все в один голос восклицали «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами.

Только бедные рыбаки, которым доводилось слышать настоящего соловья, говорили:

— Недурно поет! Даже похоже на живого соловья. Но все-таки не то! Чего-то недостает, а чего — мы и сами не знаем!

А тем временем император издал указ, скрепленный самой большой императорской печатью. В этом указе настоящего соловья объявили навсегда изгнанным из китайского государства. А искусственный занял место на шелковой подушке, возле самой императорской постели. Вокруг него были разложены все пожалованные ему драгоценности, в том числе золотая императорская туфля.

Заводной птице дали особое звание — Первый певец императорского ночного столика с левой стороны, потому что император считал более важной ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у императора!

Ученые написали об искусственном соловье двадцать пять толстенных книг, полных самых мудреных и непонятных китайских слов. Однако все придворные уверяли, что прочли эти книги и поняли от слова до слова,— иначе ведь их прозвали

бы невеждами и отколотили бы палками по пяткам.

Так прошел год. Император, весь двор и даже весь город знали наизусть каждую нотку в песне искусственного соловья. Поэтому-то пение его так нравилось. Все теперь сами могли подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клю-клюк-клюк!» И даже сам император напевал иногда: «Ци-ци-ци! Клю-клюк-клюк!» Ну что за прелесть!

И вот однажды вечером искусственная птица распевала перед императором, а он лежал в постели и слушал ее. Вдруг внутри птицы что-то зашипело, зажужжало, колесики быстро завертелись и остановились. Музыка смолкла.

Император вскочил с постели и послал за своим личным лекарем. Но что тот мог поделать? Ведь он никогда не лечил соловьев — ни живых, ни искусственных.

Тогда призвали часовщика. Часовщик разобрал птицу на части и долго рассматривал какие-то колесики и подвинчивал какие-то винтики. Потом он сказал, что птица хоть и будет петь, но обращаться с ней надо очень осторожно: маленькие зубчики истерлись, а поставить новые нельзя. Вот какое горе!

Все были очень опечалены. Император издал новый указ, в котором говорилось, что Первого певца императорского ночного столика с левой стороны разрешается заводить только раз в год, да и то ненадолго.

Для успокоения горожан придворный капельмейстер произнес речь, в которой он с большим искусством доказал, что заводной соловей нисколько не стал хуже. Ну а если это сказал придворный капельмейстер, значит, так оно и было.

Прошло еще пять лет.

Однажды император простудился и заболел.

Доктора уже не надеялись на его выздоровление. Министры и придворные собирались провозгласить нового императора, а народ толпился на улице и спрашивал первого министра о здоровье старого императора.

— Пф! — отвечал первый министр и покачивал головой.

Бледный и похолодевший, лежал император на своем великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперед по дворцу и узнавали последние новости, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. Во всех залах и коридорах были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мертвая тишина.

Но старый император еще не умер, хотя и лежал совсем неподвижно на своем великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями. Окно было раскрыто, и месяц глядел на императора и заводного соловья, который лежал так же неподвижно, как и сам император, на шелковой подушке возле постели больного.

Бедный император едва дышал, ему казалось, что кто-то сжимает его горло. Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидит Смерть. Она надела себе на голову корону императора, в одной руке у нее была его золотая сабля, а в другой — императорское знамя. А кругом из всех складок бархатного балдахина выглядывали какие-то страшные рожи: одни безобразные и злые, другие — красивые и добрые. Но злых было гораздо больше. Это были злые и добрые дела императора. Они смотрели на него и наперебой шептали.

— Помнишь ли ты это? — слышалось с одной стороны.

— А это помнишь? — доносилось с другой.

И они рассказывали ему такое, что холодный пот выступал у императора на лбу.

— Я забыл об этом, — бормотал он. — А этого никогда и не знал...

Ему стало так тяжело, так страшно, что он закричал:

— Музыку сюда, музыку! Бейте в большой китайский барабан! Я не хочу видеть и слышать их!

Но страшные голоса не умолкали, а Смерть, словно старый китаец, кивала при каждом их слове.

— Музыку сюда, музыку! — еще громче вскричал император. — Пой хоть ты, моя славная золотая птичка! Я одарил тебя драгоценностями, я повесил тебе на шею золотую туфлю!.. Пой же, пой!

Но птица молчала: некому было завести ее, а без этого она петь не умела.

Смерть, усмехаясь, глядела на императора своими пустыми глазными впадинами. Мертвая тишина стояла в покоях императора.

И вдруг за окном раздалось чудное пение. То был маленький живой соловей. Он узнал, что император болен, и прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он сидел на ветке и пел, и страшные призраки, обступившие императора, все бледнели и бледнели, а кровь все быстрее, все жарче прилиwała к сердцу императора.

Сама Смерть заслушалась соловья и лишь тихо повторяла:

— Пой, соловушка! Пой еще!

— А ты отдашь мне за это драгоценную саблю? И знамя? И корону? — спрашивал соловей.

Смерть кивала головой и отдавала одно сокровище за другим, а соловей все пел и пел. Вот он запел песню о тихом кладбище, где цветет бузина, благоухают белые розы и в свежей траве на моги-

лах блестят слезы живых, оплакивающих своих близких. Тут Смерти так захотелось вернуться к себе домой, на тихое кладбище, что она закуталась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо тебе, милая птичка! — сказал император. — Я узнаю тебя. Когда-то я прогнал тебя из моего государства, а теперь ты своей песней отогнала от моей постели Смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже наградил меня, — сказал соловей. — Я видел слезы на твоих глазах, когда первый раз пел перед тобой, — этого я не забуду никогда. Искренние слезы восторга — самая драгоценная награда певцу!

И он запел опять, а император заснул здоровым, крепким сном.

А когда он проснулся, в окно уже ярко светило солнце. Никто из придворных и слуг даже не заглядывал к императору. Все думали, что он умер. Один соловей не покидал больного: Он сидел за окном и пел еще лучше, чем всегда.

— Останься у меня! — просил император. — Ты будешь петь только тогда, когда сам захочешь. А искусственную птицу я разобью.

— Не надо! — сказал соловей. — Она служила тебе, как могла. Оставь ее у себя. Я не могу жить во дворце. Я буду прилетать к тебе, когда сам захочу, и буду петь о счастливых и несчастных, о добре и зле, обо всем, что делается вокруг тебя и чего ты не знаешь. Маленькая певчая птичка летает повсюду — залетает и под крышу бедной крестьянской хижины, и в рыбацкий домик, которые стоят так далеко от твоего дворца. Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне...

— Все, что хочешь! — воскликнул император и встал с постели.

Он успел уже надеть свое императорское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую саблю.

— Обещай мне не говорить никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем большом мире. Так дело пойдет лучше.

И соловей улетел.

Тут вошли придворные, они собрались поглядеть на умершего императора, да так и застыли на пороге.

А император сказал им:

— Здравствуйте! С добрым утром!

ДЮЙМОВОЧКА

Жила на свете одна женщина. У нее не было детей, а ей очень хотелось ребеночка. Вот пошла она к старой колдунье и говорит:

— Мне так хочется, чтоб у меня была дочка, хоть самая маленькая!..

— Чего же проще! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не из тех, что зреют у вас на полях и рождаются птице на корм. Возьми-ка его да посади в цветочный горшок. Увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать медяков.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зернышко в цветочный горшок.

Только она его полила, зернышко сразу же проросло. Из земли показались два листочка и нежный стебель. А на стебле появился большой чудесный цветок, вроде тюльпана. Но лепестки цветка были плотно сжаты: он еще не распустился.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

В ту же минуту в сердцевине цветка что-то шелкнуло, и он раскрылся. Это был в самом деле большой тюльпан, но в чашечке его сидела живая девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм¹ ростом. Поэтому ее так и прозвали — Дюймовочка.

Колыбельку для Дюймовочки сделали из блестящей лакированной скорлупки грецкого ореха. Вместо перинки туда положили несколько фиалок, а вместо одеяльца — лепесток розы. В эту колыбельку девочку укладывали на ночь, а днем она играла на столе.

Посередине стола женщина поставила глубокую тарелку с водой, а по краю тарелки разложила цветы. Длинные стебельки их купались в воде, и цветы долго оставались свежими и душистыми.

Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и она плавала по этому озеру

¹ В одном дюйме 2,5 см.

на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо весел у нее были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоса, как у нее, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату пробралась большущая старая жаба, мокрая и безобразная. С подоконника она прыгнула на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Как хороша! — сказала старая жаба. — Славная невеста будет моему сыну!

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Возле сада протекала речка, а под самым ее берегом было топкое болотце. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь мамаша.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Еще разбудишь, чего доброго, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Ведь она легче перышка. Давай-ка отнесем ее на середину реки и посадим там на лист кувшинки — для такой крошки это целый остров. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнездышко.

В реке росло много кувшинок. Их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега! Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спала девочка.

Ах, как испугалась бедная Дюймовочка, про-

снувшись поутру! Да и как было не испугаться! Со всех сторон ее окружала вода, а берег чуть виднелся вдали. Дюймовочка закрыла глаза руками и горько заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда все было готово, она подплыла со своим гадким сынком к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять ее кроватку и перенести к себе в дом.

Сладко улыбнувшись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем! Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней. А Дюймовочка все стояла одна посреди реки на большом зеленом листе кувшинки и горько-горько плакала — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, услышали, что сказала старуха жаба. Жениха с матушкой они видели и раньше. Теперь они высунули из воды головы, чтобы поглядеть на невесту.

Взглянув на Дюймовочку своими круглыми глазками, они ушли на самое дно и стали думать, что же теперь делать. Им было ужасно жалко, что такой миленькой маленькой девочке придется жить вместе с этими отвратительными жабами где-нибудь под корягой в густой жирной тине. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки собрались у листа кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелек листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, и лист плыл очень быстро.

Теперь-то уж старая жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

Дюймовочка плыла все дальше и дальше, а маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на нее и пели:

— Какая миленькая маленькая девочка!

Легкий белый мотылек все кружился над Дюймовочкой и наконец опустился на лист — уж очень ему понравилась эта крошечная путешественница.

А Дюймовочка сняла свой шелковый пояс, один конец набросила на мотылька, другой привязала к листу, и листок поплыл еще быстрее. В это время мимо пролетал майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил ее и унес на дерево. Зеленый лист кувшинки поплыл без нее дальше и скоро скрылся из виду, а с ним вместе и мотылек: ведь он был крепко привязан к листу шелковым поясом.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда рогатый жук обхватил ее лапками и взвился с ней высоко в воздух! Да и белого мотылька ей было очень жалко. Что-то с ним теперь будет? Ведь он умрет с голоду, если ему не удастся освободиться.

А майскому жуку и горя мало. Он уселся на ветке большого дерева, усадил рядом Дюймовочку и сказал ей, что она ему очень нравится, хоть и совсем не похожа на майских жуков.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они с любопытством разглядывали Дюймовочку, а их дочери в недоумении разводили крылышками.

— У нее только две ножки! — говорили одни.

— У нее даже нет щупалец! — говорили другие.

— Какая она слабенькая, тоненькая! Того и гляди, переломится пополам, — говорили третьи.

— Очень на человека похожа, и к тому же некрасивая, — решили наконец все жуки.

Даже майскому жуку, который принес Дюймовочку, показалось теперь, что она совсем нехороша, и он решил с ней распрощаться — пусть идет куда знает. Он слетел с Дюймовочкой вниз и посадил ее на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было грустно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали ее!

А на самом деле она была премиленькая. Пожалуй, лучше ее и на свете-то никого не было.

Все лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в большом лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и подвесила ее под большим листом лопуха, чтобы укрываться от дождя и от солнышка. Она ела сладкий цветочный мед и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Близилась долгая холодная зима. Птицы улетели, цветы завяли, а большой лист лопуха, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубку.

Холод пробирал Дюймовочку насквозь. Платьице ее все изорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как тут не мерзнуть! Пошел снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снега. Мы-то ведь большие, а она была ростом всего-навсего с дюйм. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала, как осенний листок на ветру.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приют на зиму.

За лесом, в котором она жила, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мерзлой земли.

В поле было еще холоднее, чем в лесу, и Дюймовочка совсем замерзла, пока пробиралась между высохшими жесткими стеблями.

Наконец она добрела до норки полевой мыши. Вход в норку был заботливо прикрыт травинками и былинками.

Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у нее были битком набиты хлебными зернами. Дюймовочка, как нищенка, остановилась у порога и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зерна — вот уже два дня во рту у нее не было ни крошки.

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). — Ну иди сюда, погрейся да поешь со мною!

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела.

— Ты мне нравишься, — сказала ей мышь, поглядев на нее блестящими, как бисер, черными глазками. — Оставайся-ка у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты прибирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка осталась. Она делала все, что приказывала ей старая мышь, и жилось ей совсем неплохо в теплой укромной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала ей однажды полевая мышь. — Раз в неделю меня приходит навестить мой сосед. Он очень богат и живет куда лучше меня. У него большой дом под землей, а шубу он носит такую, какой ты, верно, и не видывала, — великолепную черную шубу! Выходи, девочка, за него замуж! С ним не пропадешь! Одна беда: он слеп и не разглядит, какая ты хорошенькая. Ну, уж ты зато расскажешь ему самую лучшую сказку, какую только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за богатого соседа: ведь это был крот — угрюмый подземный житель.

Вскоре сосед и в самом деле пришел к ним в гости.

Правда, шубу он носил очень нарядную — из темного бархата. К тому же, по словам полевой мыши, он был ученый и очень богатый, а дом его был чуть ли не в двадцать раз больше, чем у мыши. Но он терпеть не мог солнца и ругал все цветы. Да и не мудрено! Ведь он никогда в жизни не видел ни одного цветка.

Хозяйка-мышь заставила Дюймовочку спеть для дорогого гостя, и девочка волей-неволей спела две песенки, да так хорошо, что крот пришел в восхищение. Но он не сказал ни слова — он был такой важный, степенный, неразговорчивый...

Побывав в гостях у соседки, крот прорыл под землей длинный коридор от своего дома до самой норки полевой мыши и пригласил старушку вместе с приемной дочкой прогуляться по этой подземной галерее.

Он взял в рот гнилушку — в темноте гнилушка светит не хуже свечки — и пошел вперед, освещая дорогу.

На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но нам ее нечего бояться — она мертвая. Да вот можете сами поглядеть.

И крот стал тыкаться своим широким носом в потолок, пока не прорыл в нем дыру. Дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мертвую ласточку.

Должно быть, бедная птичка погибла от холода. Ее крылья были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в перышки.

Дюймовочке стало очень жалко ее. Она так любила этих веселых легкокрылых птичек — ведь они целое лето пели ей чудесные песни и учили ее петь. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и проворчал:

— Что, небось притихла? Не свистишь больше? Вот то-то и есть!.. Да, не хотел бы я быть такой пичужкой. Только и умеют носиться в воздухе да щебетать. А придет зима — что им делать? Помирай, и все тут. Нет уж, моим детям не придется пропадать зимой от голода и холода.

— Да, да,— сказала полевая мышь.— Какой прок от этого чириканья и щебета? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

Дюймовочка молчала. Но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, она нагнулась к ласточке, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глаза.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно пела летом,— подумала девочка.— Сколько радости принесла ты мне, милая ласточка!»

А крот тем временем снова заделал дыру в потолке. Потом, подобрав гнилушку, он проводил домой старуху мышь и Дюймовочку.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой ковер и, пробравшись в подземную галерею, прикрыла им мертвую птичку. Потом она отыскала в кладовой у полевой мыши теплого пуха, сухого мха и устроила для ласточки что-то вроде гнездышка, чтобы ей не так жестко и холодно было лежать на мерзлой земле.

— Прощай, милая ласточка,— сказала Дюймовочка.— Прощай! Спасибо тебе за то, что ты пела мне свои чудесные песни летом, когда деревья

были еще зеленые, а солнышко так славно грело.

И она прижалась головой к шелковистым перышкам на груди у птички.

И вдруг она услышала, что в груди у ласточки что-то мерно застучало: стук, стук,— сначала тихо, а потом громче и громче. Это забилося сердце ласточки. Ласточка была не мертвая — она только ооченела от холода, а теперь согрелась и ожила.

На зиму стаи ласточек всегда улетають в теплые края. Осень еще не успела сорвать с деревьев зеленый наряд, а крылатые путницы уже собираются в дальнюю дорогу. Если же какая-нибудь из них отстанет или запоздает, колючий ветер мигом оледенит ее легкое тело. Она ооченеет, упадет на землю замертво, и ее занесет холодным снегом.

Так случилось и с этой ласточкой, которую отогрела Дюймовочка.

Когда девочка поняла, что птица жива, она и обрадовалась и испугалась. Еще бы не испугаться! Ведь рядом с ней ласточка казалась такой огромной птицей.

Но все-таки Дюймовочка собралась с духом, потеплее укрыла ласточку своим плетеным ковром, а потом сбегала домой, принесла листочек мяты, которым сама укрывалась вместо одеяла, и укутала им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потионьку пробралась к ласточке. Птица уже совсем ожила, но была еще очень слаба и еле-еле открывала глаза, чтобы посмотреть на девочку.

Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у нее не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так хо-

лодно, идет снег! Останься лучше в своей теплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

И она принесла ласточке ячменных зернышек и воды в цветочном лепестке. Ласточка попила, поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше уже ласточка ничего не помнила. Она даже не знала, как попала сюда, в это подземелье.

Всю зиму прожила ласточка в подземной галерее, а Дюймовочка ухаживала за ней, кормила и поила ее. Ни кроту, ни полевой мыши она не сказала об этом ни слова — ведь оба они совсем не любили птиц.

Когда настала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка открыла то окошко, которое проделал в потолке крот, и теплый солнечный луч проскользнул под землю.

Ласточка простилась с девочкой, расправила крылышки, но, прежде чем вылететь, спросила, не хочет ли Дюймовочка выбраться вместе с ней на волю. Пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес.

Но Дюймовочке было жалко бросить старую полевую мышь — она знала, что старушке будет очень скучно без нее.

— Нет, мне нельзя! — сказала она, вздыхая.

— Ну что ж, прощай! Прощай, милая девочка! — пощebetала ласточка.

Дюймовочка долго глядела ей вслед, и слезы капали у нее из глаз: ей тоже хотелось на простор да и грустно было расставаться с ласточкой.

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула в последний раз ласточка и скрылась в зеленом лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе.

С каждым днем ей жилось все хуже, все скучнее. Старая мышь не позволяла ей уходить далеко от дома, а поле вокруг норки заросло высокими толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды старуха мышь сказала Дюймовочке:

— Наш сосед, старый крот, приходил свататься к тебе. Теперь тебе нужно готовить приданое. Ты выходишь замуж за важную особу, и надо, чтоб у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням прясть пряжу.

Старуха мышь наняла четырех пауков. Они днем и ночью сидели по углам мышиной норки и втихомолку делали свое дело — ткали разные ткани и плели кружева из самой тонкой паутины.

А слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова сделается мягкой и рыхлой. Вот тогда-то они и сыграют свадьбу. Но Дюймовочка все грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж, да еще за толстого слепого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила за порог мышиной норки. Иногда веселый ветерок раздвигал верхушки колосьев, и девочке удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут на воле!» — думала Дюймовочка и все вспоминала о ласточке. Ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточка не показывалась над полем. Должно быть, она вилась и носилась далеко-далеко там, в зеленом лесу над голубой рекой...

И вот наступила осень. Приданое для Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и ответила, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

Старуха мышь рассердилась.

— Пустяки! — сказала она. — Не упрямясь, а не то попробуешь моих зубов. Чем тебе крот не муж? Одна шуба чего стоит! У самого короля нет такой шубы! Да и в погребах у него не пусто. Благодарю судьбу за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришел за своей невестой. Значит, ей все-таки придется идти с ним в его темную нору, жить там, глубоко-глубоко под землей, и никогда не видеть ни белого света, ни ясного солнышка — ведь крот их терпеть не может! А бедной Дюймовочке было так тяжело распрощаться навсегда с высоким небом и красным солнышком! У полевой мыши она могла хоть издали, с порога норки, любоваться ими.

И вот она вышла взглянуть на белый свет в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и опять из земли торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла подальше от мышиной норки и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Милый цветочек, если увидишь ласточку, передай ей поклон от Дюймовочки.

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось у нее над головой.

Дюймовочка подняла голову и увидела ласточку, которая пролетала над полем. Ласточка

тоже увидела девочку и очень обрадовалась. Она опустилась на землю, и Дюймовочка, плача, рассказала своей подруге, как ей не хочется выходить замуж за старого угрюмого крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглядывает солнце.

— Уже наступает холодная зима,— сказала ласточка,— и я улетаю далеко-далеко, в дальние страны. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синие моря, в теплые края, где солнышко светит ярче, где стоит вечное лето и всегда цветут цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому и крепкому перу.

Ласточка стрелой взвилась к небу и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Вот наконец и теплые края! Солнце сияло тут гораздо ярче, чем у нас, небо было выше, а вдоль изгородей вился кудрявый зеленый виноград. В рощах поспевали апельсины и лимоны, а по дорожкам бегали веселые дети и ловили больших пестрых бабочек.

Но ласточка летела дальше и дальше.

На берегу прозрачного голубого озера посреди

раскидистых деревьев стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнезда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом! — сказала она. — А ты выбери себе самый красивый цветок. Я посажу тебя в его чашечку, и ты отлично заживешь.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу, в траве, лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три части. Между мраморными обломками росли крупные белые как снег цветы.

Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо? В чашечке цветка оказался маленький человечек, такой светлый и прозрачный, словно он был из хрусталя или утренней росы. За плечами у него дрожали легкие крылышки, на голове блестела маленькая золотая корона, а ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф не на шутку перепугался. Ведь он был такой маленький, а ласточка такая большая!

Зато как же он обрадовался, когда ласточка улетела, оставив в цветке Дюймовочку! Никогда еще он не видал такой красивой девочки одного с ним роста. Он низко поклонился ей и спросил, как ее зовут.

— Дюймовочка! — ответила девочка.

— Милая Дюймовочка, — сказал эльф, — согласна ли ты быть моей женой, королевой цветов?

Дюймовочка поглядела на красивого эльфа. Ах, он был совсем не похож на глупого, грязного сына

старой жабы и на слепого крота в бархатной шубе! И она сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка, перегоняя друг друга, вылетели эльфы. Они окружили Дюймовочку и одарили ее чудесными подарками.

Но больше всех других подарков понравились Дюймовочке крылья — пара прозрачных легких крылышек, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке за плечами, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то была радость!

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой. У нас, эльфов, другие имена, — сказал Дюймовочке король. — Мы будем называть тебя Майей!

И все эльфы закружились над цветами в веселом хороводе, сами легкие и яркие, как лепестки цветов.

А ласточка сидела наверху в своем гнезде и распевала песни, как умела.

Всю теплую зиму эльфы плясали под ее песни. А когда в холодные страны пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощеветала она своей маленькой подруге и полетела через моря, горы и леса домой, в Данию.

Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали эту историю.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

БЫЛО когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все сыновья одной матери — старой оловянной ложки, — и, значит, приходились они друг другу родными братьями. Это были славные; brave ребята: ружье на плече, грудь колесом, мундир красный, отвороты синие, пуговицы блестят... Ну, словом, чудо что за солдатики!

Все двадцать пять лежали рядком в картонной коробке. В ней было темно и тесно. Но оловянные солдатики — терпеливый народ, они лежали не шевелясь и ждали дня, когда коробку откроют.

И вот однажды коробка открылась.

— Оловянные солдатики! Оловянные солдатики! — закричал маленький мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Ему подарили оловянных солдатиков в день его рождения.

Мальчик сейчас же принялся расставлять их на столе. Двадцать четыре были совершенно одинаковые — одного от другого не отличить, а двадцать пятый солдатик был не такой, как все. Он оказался одноногим. Его отливали последним, и олова немного не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твердо, как другие на двух.

Вот с этим-то одноногим солдатиком и произошла замечательная история, которую я вам сейчас расскажу.

На столе, где мальчик построил своих солдатиков, было много разных игрушек. Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Через его окошки можно было заглянуть внутрь и увидеть все комнаты. Перед самым дворцом лежало круглое зеркальце. Оно было совсем как настоящее озеро, и вокруг этого зеркального озера стояли маленькие зеленые деревья. По озеру плавали восковые лебеди и, выгнув длинные шеи, любовались своим отражением.

Все это было прекрасно, но самой красивой была хозяйка дворца, стоявшая на пороге, в широко раскрытых дверях. Она тоже была вырезана из картона; на ней была юбочка из тонкого батиста, на плечах — голубой шарф, а на груди — блестящая брошка, почти такая же большая, как голова ее владелицы, и такая же красивая.

Красавица стояла на одной ножке, протянув вперед обе руки, — должно быть, она была танцовщицей. Другую ножку она подняла так высоко, что наш оловянный солдатик сначала даже решил, что красавица тоже одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену! — подумал оловянный солдатик. — Да только она, наверно, знатного рода. Вон в каком прекрасном дворце живет!.. А мой дом — простая коробка, да еще набилось нас туда чуть не целая рота — двадцать пять солдат. Нет, ей там не место! Но познакомиться с ней все же не мешает...»

И солдатик притаился за табакеркой, стоявшей тут же, на столе.

Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу, которая все время стояла на одной ножке и при этом ни разу даже не покачнулась!

Поздно вечером всех оловянных солдатиков, кроме одного — его так и не могли най-

ти,— уложили в коробку, и все люди легли спать.

И вот когда в доме стало совсем тихо, игрушки сами стали играть: сначала в гости, потом в войну, а под конец устроили бал. Оловянные солдатики стучали ружьями в стенки своей коробки — им тоже хотелось выйти на волю и поиграть, но они никак не могли поднять тяжелую крышку. Даже щелкунчик принялся кувыркаться, а грифель пошел плясать по доске, оставляя на ней белые следы,— тра-та-та-та, тра-та-та-та! Поднялся такой шум, что в клетке проснулась канарейка и начала болтать на своем языке так быстро, как только могла, да при этом еще стихами.

Только одноногий солдатик и танцовщица не двигались с места.

Она по-прежнему стояла на одной ножке, протянув вперед обе руки, а он застыл с ружьем в руках, как часовой, и не сводил с красавицы глаз.

Пробило двенадцать. И вдруг — щелк! — раскрылась табакерка.

В этой табакерке никогда и не пахло табаком, а сидел в ней маленький злой тролль. Он выскочил из табакерки, как на пружине, и огляделся кругом.

— Эй ты, оловянный солдат! — крикнул тролль.— Не больно заглядывайся на плясунью! Она слишком хороша для тебя.

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

— Ах, вот ты как! — сказал тролль.— Ладно же, погоди до утра! Ты меня еще вспомнишь!

Утром, когда дети проснулись, они нашли одноногого солдатика за табакеркой и поставили его на окно.

И вдруг — то ли это подстроил тролль, то ли просто потянуло сквозняком, кто знает? — но только окно распахнулось, и одноногий солдатик

полетел с третьего этажа вниз головой, да так, что в ушах у него засвистело. Ну и натерпелся он страху!

Минуты не прошло — и он уже торчал из земли вверх ногой, а его ружье и голова в каске застряли между булыжниками.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на улицу, чтобы отыскать солдатика. Но сколько ни смотрели они по сторонам, сколько ни шарили по земле, так и не нашли.

Один раз они чуть было не наступили на солдатика, но и тут прошли мимо, не заметив его. Конечно, если бы солдатик крикнул: «Я тут!» — его бы сейчас же нашли. Но он считал непристойным кричать на улице — ведь он носил мундир и был солдат, да притом еще оловянный.

Мальчик и служанка ушли обратно в дом. И тут вдруг хлынул дождь, да какой! Настоящий ливень!

По улице расползлись широкие лужи, потекли быстрые ручьи. А когда наконец дождь кончился, к тому месту, где между булыжниками торчал оловянный солдатик, прибежали двое уличных мальчишек.

— Смотри-ка,— сказал один из них.— Да, никак, это оловянный солдатик!.. Давай-ка отправим его в плавание!

И они сделали из старой газеты лодочку, посадили в нее оловянного солдатика и спустили в канавку.

Лодочка поплыла, а мальчики бежали рядом, подпрыгивая и хлопая в ладоши.

Вода в канаве так и бурлила. Еще бы ей не бурлить после такого ливня! Лодочка то ныряла, то взлетала на гребень волны, то ее кружило на месте, то несло вперед.

Оловянный солдатик в лодочке весь дро-

жал — от каски до сапога, — но держался стойко, как полагается настоящему солдату: ружье на плече, голова кверху, грудь колесом.

И вот лодочку занесло под широкий мост. Стало так темно, словно солдатик опять попал в свою коробку.

«Где же это я? — думал оловянный солдатик. — Ах, если бы со мной была моя красавица танцовщица! Тогда мне все было бы нипочем...»

В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Ты кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Предъяви паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и только крепко сжимал ружье. Лодку его несло все дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щелкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите его! Держите! У него нет паспорта!

И она изо всех сил загребала лапами, чтобы догнать солдатика. Но лодку несло так быстро, что даже крыса не могла угнаться за ней. Наконец оловянный солдатик увидел впереди свет. Мост кончился.

«Я спасен!» — подумал солдатик.

Но тут послышался такой гул и грохот, что любой храбрец не выдержал бы и задрожал от страха. Подумать только: за мостом вода с шумом падала вниз — прямо в широкий бурный канал!

Оловянному солдатiku, который плыл в маленьком бумажном кораблике, грозила такая же опасность, как нам, если бы нас в настоящей лодке несло к настоящему большому водопаду.

Но остановиться было уже невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в большой канал. Волны подбрасывали и швыряли ее то вверх, то

вниз, но солдатик по-прежнему держался молодцом и даже глазом не моргнул.

И вдруг лодочка завертелась на месте, зачерпнула воду правым бортом, потом левым, потом опять правым и скоро наполнилась водой до самых краев.

Вот солдатик уже по пояс в воде, вот уже по горло... И наконец вода накрыла его с головой.

Погружаясь на дно, он с грустью подумал о своей красавице. Не видать ему больше милой плясуньи!

Но тут он вспомнил старую солдатскую песню:

Шагай вперед, всегда вперед!
Тебя за гробом слава ждет!..—

и приготовился с честью встретить смерть в страшной пучине. Однако случилось совсем другое.

Откуда ни возьмись, из воды вынырнула большая рыба и мигом проглотила солдатика вместе с его ружьем.

Ах, как темно и тесно было в желудке у рыбы, темнее, чем под мостом, теснее, чем в коробке! Но оловянный солдатик и тут держался стойко. Он вытянулся во весь рост и еще крепче сжал свое ружье. Так он пролежал довольно долго.

Вдруг рыба заметалась из стороны в сторону, стала нырять, извиваться, прыгать и, наконец, замерла.

Солдатик не мог понять, что случилось. Он приготовился мужественно встретить новые испытания, но вокруг по-прежнему было темно и тихо.

И вдруг словно молния блеснула в темноте.

Потом стало совсем светло, и кто-то закричал: — Вот так штука! Оловянный солдатик!

А дело было вот в чем: рыбу поймали, свезли на

рынок, а потом она попала на кухню. Кухарка распорола ей брюхо большим блестящим ножом и увидела оловянного солдатика. Она взяла его двумя пальцами и понесла в комнату.

Весь дом сбежался посмотреть на замечательного путешественника. Солдатику поставили на стол, и вдруг — каких только чудес не бывает на свете! — он увидел ту же комнату, того же мальчика, то же самое окно, из которого вылетел на улицу... Вокруг были те же игрушки, а среди них возвышался картонный дворец, и на пороге стояла красавица танцовщица. Она стояла по-прежнему на одной ножке, высоко подняв другую. Вот это называется стойкость!

Оловянный солдатик так растрогался, что из глаз у него чуть не покатались оловянные слезы, но он вовремя вспомнил, что солдату плакать не полагается. Не мигая, смотрел он на танцовщицу, танцовщица смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг один из мальчиков — самый маленький — схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, его подучил злой тролль из табакерки.

В печке ярко пылали дрова, и оловянному солдатику стало ужасно жарко. Он чувствовал, что весь горит — то ли от огня, то ли от любви, — он и сам не знал. Краска сбежала с его лица, он весь полинял — может быть, от огорчения, а может быть, оттого, что побывал в воде и в желудке у рыбы.

Но и в огне он держался прямо, крепко сжимал свое ружье и не сводил глаз с прекрасной плясуньи. А плясунья смотрела на него. И солдатик почувствовал, что тает...

В эту минуту дверь в комнату распахнулась настежь, сквозной ветер подхватил прекрасную тан-

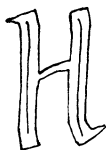
цовщицу, и она, как бабочка, порхнула в печку прямо к оловянному солдатику. Пламя охватило ее, она вспыхнула — и конец. Тут уж и оловянный солдатик совсем расплавился.

На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, черную, как уголь, брошку.

Это было все, что осталось от стойкого оловянного солдатика и прекрасной плясуньи.

СВИНЬЯ-КОПИЛКА

у и много же игрушек было в детской — прямо не сосчитать! А высоко над ними, на шкафу, стояла копилка — глиняная свинья. В спине у нее, как и полагается, была прорезана щель для монет. Сначала эта щель была узенькая, но потом ее чуточку расширили перочинным ножиком, чтобы в нее пролезали и крупные серебряные монеты. Две такие монеты уже лежали на дне ее брюшка, а уж про мелочь и говорить нечего. Мелочью свинья была, как говорится, битком набита, так что и брякнуть не могла. Чего же больше? Ни одна свинья с деньгами не могла бы пожелать лучшей участи. К тому же она еще занимала очень высокое положение: стояла на шкафу и

смотрела на всех сверху вниз. Она знала, что денег у нее по горло и, стоит только захотеть, она может купить все игрушки, которые лежат и стоят внизу. А сознавать это довольно приятно, уж во всяком случае свинье.

Игрушки знали, чего стоит свинья и что она о себе думает, но не говорили об этом. Да и к чему? Они и без того находили о чем поболтать.

Однажды, когда в детской никого не было, из полуоткрытого ящика выглянула большая кукла. Она была уже не слишком молода, не раз теряла голову, и поэтому шея у нее была подклеена.

Кукла поглядела направо, налево и сказала:

— Давайте играть в людей. От скуки и это не худо!

— Давайте, давайте! — закричали все и засуетились в своих коробках и ящиках.

Даже картины и те закачались на стенах, хотя им и не следовало бы показывать свою оборотную сторону, потому что на ней, как известно, ничего не нарисовано.

Было уже совсем поздно. Пробило двенадцать часов. В окна заглядывал месяц и светил вовсю, не требуя за освещение никакой платы.

В игре приняли участие все игрушки до одной, даже детская коляска, хотя она была такая большая и неуклюжая, что ее считали скорее мебелью, чем игрушкой.

Но коляска на это не обижалась.

— Каждому — свое, — говорила она. — Не всем же быть знатными господами и забавляться с утра до вечера. Надо кому-нибудь и дело делать.

Только одной свинье-копилке послали приглашенный билет. Ее нельзя было просто позвать — она стояла так высоко над всеми, что могла и не расслышать.

Впрочем, и на письменное приглашение свинья не соизволила ответить, придет она или не придет. Да в конце концов так и не пришла. В самом деле, зачем ей опускаться до других? Пусть другие позаботятся, чтоб она все видела, не сходя со своего места.

Делать нечего, пришлось исполнить ее желание. Кукольный театр поставили прямо против шкафа, сценой к свинье. Праздник решили начать с веселой дружеской беседы, потом предполагалось представление и, наконец, общее чаепитие.

Именно с беседы и началось. Лошадь-качалка высказала несколько мыслей о бегах, скачках и чистоте конской породы, детская коляска — о железных дорогах, о поездках, которые будто бы движутся паром, и о прочих новинках. В самом деле, кто же мог об этом судить, если не они... Лошадь — о лошадях, коляска — о поездках!.. Стенные часы рассуждали по поводу политики-тики-тики!.. Часы думали, что идут впереди своего времени, но злые языки утверждали, что они порядком отстают. Бамбуковая тросточка хвалилась своим серебряным колпачком и железным башмачком. Еще бы! Ведь она могла считать себя щеголихой с головы до ног! По углам дивана молча лежали две пухленькие, расшитые шелками подушечки. Обе были премиленькие и преглупенькие.

Наконец началась кукольная комедия.

Куклы на нитках представляли, а куклы без ниток и другие игрушки должны были смотреть и хлопать в ладоши. Те же, у кого не было ладоней, могли щелкать и стучать чем попало.

Впрочем, один бойкий хлыстик наотрез отказался щелкать, когда на сцену выходят старые, потрепанные куклы, и сказал, что он щелкает только молоденьким нарядным куколкам.

— Нет, по-моему, уж если хлопать, так всем, — заявил пистон.

«А мне бы только свой угол! — думала плеватьница. — Лишь бы плевать в меня удобно было».

Одним словом, каждый рассуждал по-своему.

Комедия, если говорить по правде, не стоила и гроша ломаного, но актеры играли превосходно. Они показывались зрителям только лучшей своей стороной, потому что эта сторона была раскрашена. А нитки у них были такие длинные, что каждая кукла могла играть выдающуюся роль, или, как говорится, быть из ряда вон выходящей.

Зрители были очень растроганы. Кукла с подклеенной шеей до того размякла, что опять потеряла голову.

Даже свинья с деньгами и та чуть не прослезилась. Ей захотелось сделать что-нибудь хорошее, доброе, — например, упомянуть в своем завещании лучшего из актеров: пусть его похоронят рядом с ней, когда придет пора...

Короче говоря, все были очень, очень довольны. На радостях даже отказались от чая — и хорошо сделали, потому что его не было. Вместо этого опять принялись болтать. Это называлось у них «играть в людей». Не то чтобы они передразнивали людей или насмехались над ними. Нет, они просто старались вести себя «по-людски»: каждый думал о себе да еще о том, что скажет о нем свинья с деньгами.

А свинья, подумав о своем завещании, уже не могла больше думать ни о чем другом. «Когда придет пора...» Ах, она всегда приходит неожиданно-негаданно...

Хлоп! Неизвестно отчего, свинья вдруг свалилась со шкафа и разбилась вдребезги. Монеты и монетки раскатились во все стороны. Мелочь при этом

крутилась волчком, а большие тяжелые монеты неторопливо катились вдоль половиц. Дальше всех катилась одна. Ей очень наскучило лежать в темноте без движения и теперь хотелось постраниествовать по белу свету — других посмотреть и себя показать. Что ж, так оно и случилось: все монеты и монетки разбрелись в разные стороны, кто куда.

А глиняные черепки от свиньи-копилки вымели вместе с мусором.

Но уже на другой день на верхушке шкафа появилась новая свинья-копилка. В брюхе у нее еще не было ни одной монетки, и поэтому, сколько бы ее ни трясли, она не могла брякнуть — совсем как та старая свинья, у которой брюхо было до отказа набито серебряными и медными деньгами. А на первых порах и этого вполне довольно.

Довольно и с вас, милые читатели. Сказке конец.

НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ

Много лет назад жил-был король, который страсть как любил наряды и обновки и все свои деньги на них тратил. И к солдатам своим выходил, и в театр выезжал либо в лес на прогулку не иначе как затем, чтобы только в новом наряде щегольнуть. На каждый час дня был у него особый камзол, и как про королев

говорят: «Король в совете», так про него всегда говорили: «Король в гардеробной».

Город, в котором жил король, был большой и бойкий; что ни день, приезжали чужестранные гости, и как-то раз заехали двое обманщиков. Они сказались ткачами и заявили, что могут выткать замечательную ткань, лучше которой и помыслить нельзя. И расцветкой-то она необыкновенно хороша, и узором, да и к тому же платье, сшитое из этой ткани, обладает чудесным свойством становиться невидимым для всякого человека, который не на своем месте сидит или непроходимо глуп.

«Вот было бы замечательное платье! — подумал король. — Надел такое платье — и сразу видать, кто в твоём королевстве не на своем месте сидит. А еще я смогу отличать умных от глупых! Да, пусть мне скорее соткут такую ткань!»

И он дал обманщикам много денег, чтобы они немедленно приступили к работе.

Обманщики поставили два ткацких станка и ну показывать, будто работают, а у самих на станках ровнехонько ничего нет. Не церемонясь, потребовали они тончайшего шелку и чистейшего золота, прикарманили все и продолжали работать на пустых станках до поздней ночи.

«Хорошо бы посмотреть, как подвигается дело!» — подумал король, но таково-то смутно стало у него на душе, когда он вспомнил, что глупец или тот, кто не годится для своего места, не увидит ткани. И хотя верил он, что за себя-то ему нечего бояться, все же рассудил, что лучше послать на разведку кого-нибудь еще.

Ведь весь город уже знал, каким чудесным свойством обладает ткань, и каждому не терпелось убедиться, какой никудышный или глупый его сосед.

«Пошлю к ткачам своего честного старого

министра! — решил король. — Уж кому-кому, как не ему, рассмотреть ткань, ведь он умен и как никто лучше подходит к своему месту!..»

И вот пошел бравый старый министр в зал, где два обманщика работали на пустых станках.

«Господи помилуй! — подумал старый министр, вытаращив глаза. — Ведь я ничего-таки не вижу!»

Но вслух он этого не сказал.

А обманщики приглашают его подойти поближе, спрашивают, веселы ли краски, хороши ли узоры, и при этом все указывают на пустые станки, а бедняга министр как ни таращил глаза, все равно ничего не увидел, потому что и видеть-то было нечего.

«Господи Боже! — думал он. — Неужто я глупец? Вот уж никогда не думал! Только чтоб никто не узнал! Неужто я не гожусь для своего места? Нет, никак нельзя признаться, что я не вижу ткани!»

— Что ж вы ничего не скажете? — спросил один из ткачей.

— О, это очень мило! Совершенно очаровательно! — сказал старый министр, глядя сквозь очки. — Какой узор, какие краски!.. Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно нравится!

— Ну что ж, мы рады! — сказали обманщики и ну называть краски, объяснять редкостные узоры.

Старый министр слушал и запоминал, чтобы в точности все доложить королю.

Так он и сделал.

А обманщики потребовали еще денег, шелку и золота: дескать, все это нужно им для тканья. Но все это они опять прикарманили, на ткань не пошло ни нитки, а сами по-прежнему продолжали ткать на пустых станках.

Скоро послал король другого честного чиновника посмотреть, как идет дело, скоро ли будет

готова ткань. И с этим случилось то же, что и с мини-стром, он все смотрел, смотрел, но так ничего и не высмотрел, потому что, кроме пустых станков, ничего и не было.

— Ну как? Правда, хороша ткань? — спрашивают обманщики и ну объяснять-показывать великолепный узор, которого и в помине не было.

«Я не глуп! — подумал чиновник. — Так, стало быть, не подхожу к доброму месту, на котором сижу? Странно! Во всяком случае, нельзя и виду подавать!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, и выразил свое восхищение прекрасной расцветкой и замечательным узором.

— О да, это совершенно очаровательно! — доложил он королю.

И вот уж весь город заговорил о том, какую великолепную ткань соткали ткачи. А тут и сам король надумал посмотреть на нее, пока она еще не снята со станка.

С целой толпой избранных придворных, среди них и оба честных старых чиновника, которые уже побывали там, вошел он к двум хитрым обманщикам. Они ткали изо всех сил, хотя на станках не было ни нитки.

— *Magnifique!*¹ Не правда ли? — сказали оба бравых чиновника. — Соизвольте видеть, ваше величество, какой узор, какие краски!

И они указали на пустой станок, так как думали, что другие-то уж непременно увидят ткань.

«Что такое? — подумал король. — Я ничего не вижу! Это ужасно. Неужто я глуп? Или не гожусь в короли? Хуже не придумаешь!»

¹ Великолепно! (*франц.*)

— О, это очень красиво! — сказал король. — Даю свое высочайшее одобрение!

Он довольно кивал и рассматривал пустые станки, не желая признаться, что ничего не видит. И вся его свита глядела, глядела и тоже видела не больше всех прочих, но говорила вслед за королем: «О, это очень красиво!» — и советовала ему сшить из новой великолепной ткани наряд к предстоящему торжественному шествию. «*C'est magnifique! C'est excellent!*» — только и слышалось со всех сторон. Все были в совершенном восторге. Король пожаловал каждому из обманщиков рыцарский крест в петлицу и удостоил их звания придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за шитьем и сожгли больше шестнадцати свечей. Всем видно было, что они очень торопятся управиться в срок с новым нарядом короля. Они делали вид, будто снимают ткань со станков, они резали воздух большими ножницами, они шили иглой без нитки и наконец сказали:

— Ну вот наряд и готов!

Король вошел к ним со своими самыми знатными придворными, и обманщики, высоко поднимая руки, как будто держали в них что-то, говорили:

— Вот панталоны! Вот камзол! Вот мантия! — И так далее. — Все легкое, как паутинка! Впору подумать, будто на теле и нет ничего, но в этом-то и вся хитрость!

— Да, да! — говорили придворные, хотя они ровно ничего не видели, потому что и видеть-то было нечего.

— А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите снять ваше платье! — сказали обман-

¹ Превосходно! (*франц.*)

щики.— Мы оденем вас в новое, вот тут, перед большим зеркалом!

Король разделся, и обманщики сделали вид, будто надевают на него одну часть новой одежды за другой. Они обхватили его за талию и сделали вид, будто прикрепляют что-то — это был шлейф, и король закрутился-завертелся перед зеркалом.

— Ах, как идет! Ах, как дивно сидит! — в голос говорили придворные.— Какой узор, какие краски! Слов нет, роскошное платье!

— Балдахин ждет, ваше величество! — доложил обер-церемониймейстер.— Его понесут над вами в процессии.

— Я готов,— сказал король.— Хорошо ли сидит платье?

И он еще раз повернулся перед зеркалом — ведь надо было показать, что он внимательно рассматривает наряд.

Камергеры, которым полагалось нести шлейф, пошарили руками по полу и притворились, будто приподнимают шлейф, а затем пошли с вытянутыми руками — они не смели и виду подать, что нести-то нечего.

Так и пошел король во главе процессии под роскошным балдахином, и все люди на улице и в окнах говорили:

— Ах, новый наряд короля бесподобен! А шлейф-то какой красивый! А камзол-то как чудно сидит!

Ни один человек не хотел признаться, что он ничего не видит, ведь это означало бы, что он либо глуп, либо не на своем месте сидит. Ни одно платье короля не вызывало еще такого восторга.

— Да ведь король голый! — сказал вдруг какой-то ребенок.

— Господи Боже, послушайте-ка, что говорит невинный младенец! — сказал его отец.

И все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

— Он голый! Вот ребенок говорит, что он голый!

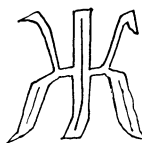
— Он голый! — закричал наконец весь народ.

И королю стало не по себе: ему казалось, что люди правы, но он думал про себя: «Надо же выдержать процессию до конца».

И он выступал еще величавее, а камергеры шли за ним, неся шлейф, которого не было.

СВИНОПАС

ил-был бедный принц. Королевство у него было совсем маленькое, но какое-никакое, а все же королевство,— хоть женись, и вот жениться-то он как раз и хотел.

Оно, конечно, дерзко было взять да спросить дочь императора: «Пойдешь за меня?» Но он осмелился. Имя у него было известное на весь свет, и сотни принцесс сказали бы ему спасибо, но вот что ответит императорская дочь?

А вот послушаем.

На могиле отца принца рос розовый куст, да какой красивый! Цвел он только раз в пять лет, и

*Гажс Христиан Андерсен.
Свинопас.*

распускалась на нем одна-единственная роза. Зато сладок был ее аромат, понюхаешь — и сразу забудутся все твои горести и заботы. А еще был у принца соловей, и пел он так, будто в горлышке у него были собраны все самые чудесные напевы на свете. Вот и решил принц подарить принцессе розу и соловья. Положили их в большие серебряные ларцы и отослали ей.

Повелел император принести ларцы к себе в большой зал — принцесса играла там в гости со своими фрейлинами, ведь других-то дел у нее не было. Увидела принцесса ларцы с подарками, захлопала в ладоши от радости.

— Ах, если б тут была маленькая киска! — сказала она.

Но появилась чудесная роза.

— Ах, как мило сделано! — в голос сказали фрейлины.

— Мало сказать мило, — отозвался император, — прямо-таки недурно!

Только принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! Она не искусственная, она настоящая.

— Фи! — в голос повторили придворные. — Настоящая!

— Погодим сердиться! Посмотрим сначала, что в другом ларце! — сказал император.

И вот выпорхнул из ларца соловей и запел так дивно, что поначалу не к чему и придраться было.

— *Superbe! Charmant!*¹ — сказали фрейлины; все они болтали по-французски одна хуже другой.

— Эта птица так напоминает мне органчик покойной императрицы! — сказал один старый

¹ Бесподобно! Великолепно! (*франц.*)

придворный.— Да, да, и звук тот же, и манера!

— Да! — сказал император и заплакал, как ребенок.

— Надеюсь, птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Настоящая! — ответили посланцы, доставившие подарки.

— Ну так пусть летит, — сказала принцесса и наотрез отказалась принять принца.

Только принц не унывал — вымазал лицо черной и бурой краской, нахлобучил на глаза шапку и постучался в дверь.

— Здравствуйте, император! — сказал он. — Не найдется ли у вас во дворце местечка для меня?

— Много вас тут ходит да ищет! — отвечал император. — Впрочем, постой, мне нужен свинопас! У нас пропасть свиней!

Так и определили принца свинопасом его величества и убогую каморку рядом со свинарником отвели, и там он должен был жить. Ну вот, просидел он целый день за работой и к вечеру сделал чудесный маленький горшочек. Весь увешан бубенцами горшочек, и, когда в нем что-нибудь варится, бубенцы вызывают старинную песенку:

Ах, мой милый Августин,
Все прошло, прошло, прошло!

Но только самое занятное в горшочке то, что если подержать над ним в пару палец — сейчас можно узнать, что у кого готовится в городе. Слов нет, это было почище, чем роза.

Вот раз прогуливается принцесса со всеми фрейлинами и вдруг слышит мелодию, что вызывали бубенцы. Стала она на месте, а сама так вся и сияет, потому что она тоже умела наигрывать: «Ах,

мой милый Августин...» — только эту мелодию и только одним пальцем.

— Ах, ведь и я это могу! — сказала она. — Свинопас-то у нас, должно быть, образованный. Послушайте, пусть кто-нибудь пойдет и спросит, что стоит этот инструмент.

И вот одной из фрейлин пришлось пройти к свинопасу, только она надела для этого деревянные башмаки.

— Что возьмешь за горшочек? — спросила она.

— Десять поцелуев принцессы! — отвечал свинопас.

— Господи помилуй!

— Да уж никак не меньше! — отвечал свинопас.

— Ну, что он сказал? — спросила принцесса.

— Это и выговорить-то невозможно! — отвечала фрейлина. — Это ужасно!

— Так шепни на ухо!

И фрейлина шепнула принцессе.

— Какой невежа! — сказала принцесса и пошла дальше, да не успела сделать и нескольких шагов, как бубенцы опять зазвенели так славно:

Ах, мой милый Августин,
Все прошло, прошло, прошло!

— Послушай, — сказала принцесса, — поди спроси, может, он согласится на десять поцелуев моих фрейлин?

— Нет, спасибо! — отвечал свинопас. — Десять поцелуев принцессы — или горшочек останется у меня.

— Какая скука! — сказала принцесса. — Ну, станьте вокруг меня, чтобы никто не видел!

Загородили фрейлины принцессу, растопырили юбки, и свинопас получил десять поцелуев принцессы, а принцесса — горшочек.

Вот радости-то было! Весь вечер и весь следующий день стоял на огне горшочек, и в городе не осталось ни одной кухни, будь то дом камергера или сапожника, о которой бы принцесса не знала, что там стряпают. Фрейлины плясали от радости и хлопали в ладоши.

— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

— В высшей степени интересно! — подтвердила обер-гофмейстерина.

— Но только держите язык за зубами, ведь я дочь императора!

— Помилуйте! — сказали все.

А свинопас — то есть принц, но для них-то он был по-прежнему свинопас — даром времени не терял и смастерил трещотку. Стоит повертеть ею в воздухе — и вот уж она сыплет всеми вальсами и польками, какие только есть на свете.

— Но это же *superbe*! — сказала принцесса, проходя мимо. — Просто не слыхала ничего лучше! Послушайте, спросите, что он хочет за этот инструмент. Только целоваться я больше не стану!

— Он требует сто поцелуев принцессы! — доложила фрейлина, выйдя от свинопаса.

— Да он, верно, сумасшедший! — сказала принцесса и пошла дальше, но, сделав два шага, остановилась. — Искусство надо поощрять! — сказала она. — Я дочь императора. Скажите ему, я согласна на десять поцелуев, как вчера, а остальные пусть получит с моих фрейлин!

— Ах, нам так не хочется! — сказали фрейлины.

— Какой вздор! — сказала принцесса. — Уж если я могу целовать его, то вы и подавно! Не забы-

вайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

Пришлось фрейлине еще раз сходить к свинопасу.

— Сто поцелуев принцессы! — сказал он. — А нет — каждый останется при своем.

— Становитесь вокруг! — сказала принцесса, и фрейлины обступили ее и свинопаса.

— Это что еще за сборище у свинарника? — спросил император, выйдя на балкон. Он протер глаза и надел очки. — Не иначе как фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

И он расправил задники своих туфель — туфлями-то ему служили стоптанные башмаки. И-эх, как быстро он зашагал!

Спустился император во двор, подкрадывается потихоньку к фрейлинам, а те только тем и заняты, что поцелуи считают: ведь надо же, чтобы дело сладилось честь по чести и свинопас получил ровно столько, сколько положено, — ни больше ни меньше. Вот почему никто и не заметил императора, а он привстал на цыпочки и глянул.

— Это еще что такое? — сказал он, разобрав, что принцесса целует свинопаса, да как хватит их туфлей по голове!

Случилось это в ту минуту, когда свинопас получал свой восемьдесят шестой поцелуй.

— Neraus!¹ — в гневе сказал император и вытолкал принцессу со свинопасом из пределов своего государства.

Стоит и плачет принцесса, свинопас ругается, а дождь так и поливает.

— Ах я горемычная! — причитает принцесса. — Что бы мне выйти за прекрасного принца! Ах я несчастная!..

¹ Вон! (нем.)

А свинопас зашел за дерево, стер с лица черную и бурую краску, сбросил грязную одежду — и вот перед ней уже принц в царственном облачении, да такой пригожий, что принцесса невольно сделала реверанс.

— Теперь я презираю тебя! — сказал он. — Ты не захотела выйти за честного принца. Ты ничего не поняла ни в соловье, ни в розе, зато могла целовать за безделки свинопаса. Поделом тебе!

Он ушел к себе в королевство и закрыл дверь на засов. А принцессе только и оставалось стоять да петь:

Ах, мой милый Августин,
Все прошло, прошло, прошло!

ОГНИВО

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку — отвоевал свое, а теперь держал путь к дому. Как вдруг навстречу ему старая ведьма, уродина уродиной: нижняя губа чуть ли не до самой груди висит.

— Добрый вечер, служивый! — молвила она. — Ишь сабля-то у тебя славная какая и ранец-то какой большой! Словом, молодчина солдат! Ну, сейчас у тебя будет денег сколько хочешь.

— Спасибо, старая карга! — отвечал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — продолжала ведьма и показала на дерево, стоявшее обок дороги. — Внутри оно совсем пустое. Полезай наверх — увидишь дупло, спускайся в него до самого низу. Я обвяжу тебя веревкой, а как кликнешь, вытащу назад.

— Да зачем я туда полезу? — спросил солдат.

— За деньгами! — ответила ведьма. — Дело-то вот какое. Как спустишься в самый низ, окажешься в большом подземном ходе, там совсем светло, потому как горит там сто, а то и несколько раз по сто ламп. Еще увидишь три двери, их можно отворить, ключи торчат снаружи. Зайдешь в первую комнату — увидишь посреди большой сундук, а на нем собака. Глаза у нее с чайную чашку, только ты не робей! Я дам тебе свой синий клетчатый передник. Расстели его на полу, потом мигом к собаке, хватай и сажай ее на передник, открывай сундук и бери денег сколько хочешь. Только в сундуке этом сплошь медяки, а захочешь серебра, ступай в другую комнату; только и там сидит собака, глаза что мельничные колеса, но ты не робей, сажай ее на передник и бери деньги! Ну а уж захочется золота, добудешь и золота, унесешь, сколько силы станет, зайди только в третью комнату. И там тоже сундук с деньгами, а на нем собака, и глаза у нее большущие, что твоя Круглая башня¹. Всем собакам собака, верь моему слову! Только ты и тут не робей! Знай сажай ее на передник, и ничего она тебе не сделает, а сам бери золота из сундука сколько хочешь!

— Так-то оно так, — молвил солдат, — да вот

¹ Башня, воздвигнутая в Копенгагене астрономом Тихо Браге, который устроил в ней обсерваторию.

что ты с меня за это запросишь, старая карга? Ведь не даром же ты для меня стараешься!

— Ни гроша я с тебя не возьму,— отвечала ведьма.— Только принеси мне старое огниво, его там позабыла моя бабка, когда спускалась туда в последний раз.

— Ну, ладно, обвязывай меня веревкой! — сказал солдат.

— Вот! — сказала ведьма.— А вот и мой синий клетчатый передник.

Залез солдат на дерево, забрался в дупло и — верно ведь сказала ведьма! — очутился в большом проходе, и горит там не одна сотня ламп.

Открывает солдат первую дверь. В комнате и впрямь сидит собака, глаза с чайные чашки, тарасится на солдата.

— Хороша красotka! — сказал солдат, посадил собаку на ведьмин передник, набрал медяков, сколько влезло в карман, закрыл сундук, водворил собаку на место и пошел в другую комнату.

Эге! И тут сидит собака, глаза что мельничные колеса.

— Ну, чего выставилась, смотри, глаза протаращишь! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник, а когда увидел, сколько в сундуке серебра, вытряхнул медяки и набил оба кармана и ранец серебром.

Ну, теперь в третью комнату. Вот так страшилище! Сидит там собака, глаза и впрямь как Круглая башня и ворочаются, ровно колеса.

— Добрый вечер! — сказал солдат и взял под козырек: такой собаки он отродясь не видывал.

«Ну да что мне в ней», — подумал он, но не удержался, ссадил собаку и открыл сундук.

Господи Боже! Золота-то сколько! Хоть весь Копенгаген покупай, всех сахарных поросят у тор-

говок сластями, всех оловянных солдатиков, всех лошадок-качалок и все кнутики на свете! Вот это деньги так деньги! Выбросил солдат все свое серебро из карманов и из ранца и набрал золота взамен; до того набил все карманы, и ранец, и кивер, и сапоги, что насилу с места мог сдвинуться. Ну, теперь-то он при деньгах! Посадил он собаку на сундук, захлопнул дверь и закричал наверх:

— А ну тащи меня, старая карга!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— И то верно, — отвечал солдат, — совсем было забыл. — Пошел и взял огниво.

Вытащила его наверх ведьма, и вот он опять на дороге, только теперь карманы его, и сапоги, и ранец, и кивер полны денег.

— На что тебе огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — отвечала ведьма. — Получил свое — отдавай мое! Ну же!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сей же час говори, на что оно тебе, не то саблю из ножен — и голова с плеч!

— Не скажу! — упорствовала ведьма.

Тут солдат взял да и отрубил ей голову. Упала ведьма замертво, а он связал все деньги в ее передник, взвалил узел на спину, огниво — в карман и прямым ходом в город.

Хорош был город, и на самый хороший постоянный двор явился солдат, спросил лучшие комнаты и свою любимую еду — ведь он теперь богатый, вон сколько у него денег.

Стал слуга чистить его сапоги и подивился, как это у такого богатого барина такие старые сапоги, да только солдат еще не успел купить новых. Но уже завтра были у него и добрые сапоги, и платье под стать! Теперь уж солдат знатный барин, и стали ему рассказывать обо всем, чем славился город, а

также о короле и о том, какая прелестная у него дочь-принцесса.

— А как бы ее повидать? — спросил солдат.

— Ее совсем нельзя повидать! — отвечали ему в голос. — Живет она в большом медном замке, а вокруг столько стен да башен! Никто, разве что сам король, не смеет бывать у ней, потому как было гаданье, что дочь его выйдет замуж за совсем простого солдата, а это королю не по вкусу.

«Эх, как бы на нее поглядеть!» — думал солдат, да только кто бы ему позволил!

Жил он теперь куда как весело: ходил в театры, выезжал на прогулки в королевский сад и много денег раздавал беднякам, и хорошо делал! Ведь он по себе знал, каково сидеть без гроша в кармане. Ну, а теперь он был богат, разодет в пух и прах, и столько друзей у него объявилось, и все называли его славным малым, кавалером что надо, и это ему очень нравилось. Но так как деньги-то солдат, что ни день, только тратил, а взамен ничего не получал, то и осталось у него под конец всего-навсего два гроша, и пришлось ему перебраться из отменных комнат в крохотную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги да подлатывать, а из прежних дружков никто больше к нему не навещался — уж больно много ступенек надо было пересчитать, чтобы до него добраться.

Как-то раз совсем темный был вечер, а солдат не мог купить себе даже свечу; и тут вспомнилось ему, что при огниве, которое он взял в пустом дереве, куда спускала его ведьма, был огарок. Достал солдат огниво с огарком и только ударил по кремню и высек огонь, как дверь распахнулась, и перед ним предстала собака с глазами в чайную чашку, та самая, что он видел в подземелье.

— Чего изволите, господин? — спросила она.

— Вот так штука! — сказал солдат. — Огниво-то, видать, не простое, теперь у меня будет все, чего захочу! А ну, добудь мне денег! — сказал он собаке — и вот уж ее нет как нет, а вот уж она опять тут как тут, и в зубах у нее большой мешок с деньгами.

Распознал солдат, какое чудесное это огниво. Ударишь раз — явится собака, что сидела на сундуке с медяками; ударишь два — явится та, у которой серебро; ударишь три — явится та, у которой золото.

Вновь перебрался солдат в отменные комнаты, стал ходить в добром платье, и все его прежние дружки сей же час признали его, и вновь стал он им мил и люб.

И вот пришло солдату на ум: «Экая несусразица — нельзя повидать принцессу! Уж такая, говорят, красавица, да что толку, раз сидеть ей весь век в медном замке с башнями! Неужто мне так и не доведется взглянуть на нее? А ну-ка где мое огниво?» И он ударил по кремню, и вот уж перед ним собака с глазами в чайную чашку.

— Оно хотя и позднеенько, — сказал солдат, — да уж так-то мне захотелось взглянуть на принцессу, ну хоть одним глазком!

Собака сейчас за дверь, и не успел солдат оглянуться, как она опять тут как тут, и на спине у нее принцесса сидит спит. Чудо как хороша принцесса, сразу видать, не какая-нибудь, а самая настоящая! Не утерпел солдат, поцеловал ее — недаром он был молодчина солдат.

Отнесла собака принцессу обратно, а как наступило утро и стали король с королевой чай разливать, рассказала принцесса, какой ей был нынче удивительный сон. Будто ехала она верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

— Хорошенькое дело! — сказала королева.

И вот на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину, наказали ей разузнать, было ли то в сон или въявь.

А солдату опять страх как захотелось повидать прекрасную принцессу! И вот ночью явилась собака, схватила принцессу и бросилась с ней со всех ног, только старуха фрейлина вскочила в непромокаемые сапоги и, не отставая, вдогонку. Как увидела фрейлина, что собака скрылась с принцессой в большом доме, подумала: «Ну, теперь-то я знаю, где и что!» — и поставила мелом большой крест на воротах. А потом отправилась домой спать. А собака снова вышла с принцессой, да только, как заметила крест, взяла кусок мела и понаставила крестов на всех воротах в городе, и ловко сделала: теперь уж фрейлине никак не найти ворота дома, где живет солдат, раз на всех остальных тоже кресты.

С утра пораньше король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, где же это была ночью принцесса!

— Вот где! — сказал король, как только увидел первые ворота с крестом.

— Нет, вот где, муженек! — сказала королева, завидя крест на других воротах.

— А вот еще один и еще! — сказали все в голос.

Куда ни глянь — везде были кресты на воротах. Тут уж все поняли, что не найти им того, кого искали.

Только королева была ох как умна и умела не только в карете разъезжать. Взяла она свои большие золотые ножницы, нарезала из шелка лоскутов и сшила этакий маленький хорошенький мешочек, насыпала его мелкой-мелкой гречневой крупой и привязала на спину принцессе, а потом прорезала в

нем дырочку, чтобы крупа сыпалась на дорогу, которой ездил принцесса.

И вот опять явилась собака, посадила принцессу на спину и побежала к солдату, который уж так полюбил принцессу, что стал жалеть, отчего он не принц и не может взять ее в жены.

Не заметила собака, что от самого замка до окна солдата, куда она вскочила с принцессой, за нею сыплется крупа. Так вот и узнали король с королевой, куда отлучалась их дочь, и солдата посадили в тюрьму.

Темно было в тюрьме и тоскливо. Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Весело ли слышать такие слова, а огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром увидел солдат сквозь железные прутья оконца, торопится народ за город — смотреть, как его будут вешать. Били барабаны, маршировали солдаты. Все бежали сломя голову, и среди прочих сапожный подмастерье в кожаном переднике и башмаках. Он не то что бежал, а прямо-таки мчался галопом, так что один башмак слетел у него с ноги и угодил прямо в стену, у которой сидел и смотрел сквозь решетку солдат.

— Эй, мастеровой! — крикнул солдат. — Не торопись, не такая уж у тебя срочная работа! Без меня ведь все равно дело не сделается! А вот коли сбегашь ко мне домой да принесешь мне мое огниво, заработаешь четыре гроша. Только одна нога здесь, другая там!

Не прочь был заработать четыре гроша мальчишка и стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату, и тут... А вот сейчас и узнаем, что тут!

За городом была построена большая виселица, а вокруг стояли солдаты и тьма-тьмущая народу. Король с королевой восседали на пышном троне

прямо напротив судей и всего королевского совета.

Стоит уже солдат на лестнице, и вот-вот накинута ему петлю на шею, и тогда сказал он, что ведь всегда, когда казнят преступника, исполняют какое-нибудь его невинное желание. А ему так хочется выкурить трубочку, ведь это будет его последняя на этом свете!

Снизолел король к этой просьбе, и тут достал солдат огниво и ударил по кремню. Раз, два, три! — и вот стоят перед ним все три собаки: и та, что с глазами в чайную чашку, и та, что с глазами как мельничные колеса, и та, что с глазами как Круглая башня.

— Ну-ка, пособите, не хочу, чтоб меня вешали! — сказал солдат, и тут как кинутся собаки на судей да на королевский совет: кого за ноги схватят, кого за нос, и ну подбрасывать, да так высоко, что все как падали наземь, так и разбивались вдребезги.

— Не хочу! — закричал король, да только самая большая собака схватила и его вместе с королевой да как подбросит вслед за остальными!

Тут уж испугались солдаты, а народ закричал:

— Солдатик, будь нам королем и возьми себе прекрасную принцессу!

И вот солдата посадили в королевскую карету. Три собаки плясали перед каретой и кричали «ура!», мальчишки свистели, засунув в рот пальцы, а солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из медного замка и стала королевой, и это ей очень понравилось!

Свадьбу играли восемь дней, и собаки тоже сидели за столом и делали от удивления большие глаза.

икто на свете не знает столько историй, сколько Оле-Лукойе. Вот мастер рассказывать-то!

Вечером, когда дети смирно сидят за столом или на своих скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он подымается тихонько по лестнице, потом осторожно приотворит дверь, неслышно шагнет в комнату и слегка прыснет детям в глаза сладким молоком. Веки у детей начинают слипаться, и они уже не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Подует — и головки у них сейчас отяжелеют. Это совсем не больно — у Оле-Лукойе нет ведь злого умысла; он хочет только, чтобы дети уgomонились, а для этого их непременно надо уложить в постель! Ну вот он и уложит их, а потом уж начинает рассказывать истории.

Когда дети заснут, Оле-Лукойе присаживается к ним на постель. Одет он чудесно: на нем шелковый кафтан, только нельзя сказать, какого цвета, — он отликает то голубым, то зеленым, то красным, смотря по тому, в какую сторону повернется Оле. Под мышками у него по зонтику: один с картинками — его он раскрывает над хорошими детьми, и тогда им всю ночь снятся волшебные сказки; другой совсем простой, гладкий, — его он раскрывает над нехорошими детьми; ну, они и спят всю ночь как убитые, и поутру оказывается, что они ровно ничего не видали во сне!

Послушаем же о том, как Оле-Лукойе навещал

каждый вечер одного мальчика, Яльмара, и рассказывал ему истории! Это будет целых семь историй: в неделе ведь семь дней.

П о н е д е л ь н и к

— Ну вот,— сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель,— теперь украсим комнату!

И в один миг все комнатные цветы превратились в большие деревья, которые тянули свои длинные ветви вдоль стен к самому потолку, а вся комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев были усеяны цветами; каждый цветок по красоте и запаху был лучше розы, а вкусом (если бы только вы захотели его попробовать) слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. Еще на деревьях были пышки, которые чуть не лопались от изюмной начинки. Просто чудо что такое!

Вдруг в ящике стола, где лежали учебные принадлежности Яльмара, поднялись ужасные стоны.

— Что там такое? — сказал Оле-Лукойе, пошел и выдвинул ящик.

Оказывается, это рвала и метала аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все вычисления готовы были рассыпаться; грифель скакал и прыгал на своей веревочке, точно собачка,— он очень хотел помочь делу, да не мог. Громко стонала и тетрадь Яльмара, слушать ее было просто ужасно! На каждой странице стояли большие буквы, а с ними рядом маленькие, и так целым столбцом одна под другой — это была пропись; сбоку же шли другие, воображавшие, что держатся так же твердо. Их писал Яльмар, и они, казалось, спотыкались об линейки, на которых должны были стоять.

— Вот как надо держаться! — говорила пропись. — Вот так, с легким наклоном вправо!

— Ах, мы бы и рады, — отвечали буквы Яльмара, — да не можем! Мы такие плохонькие!

— Так вас надо немного подтянуть! — сказал Оле-Лукойе.

— Ой, нет! — закричали они и выпрямились так, что любо было глядеть.

— Ну, теперь нам не до историй! — сказал Оле-Лукойе. — Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он довел все буквы Яльмара так, что они стояли уже ровно и бодро, как твоя пропись. Но утром, когда Оле-Лукойе ушел и Яльмар проснулся, они выглядели такими же жалкими, как прежде.

В т о р н и к

Как только Яльмар улегся, Оле-Лукойе дотронулся своею волшебной брызгалкой до мебели, и все вещи сейчас же начали болтать, и болтали они о себе все, кроме плевательницы; эта молчала и сердилась про себя на их тщеславие: говорят только о себе да о себе и даже не подумают о той, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золоченой раме; на ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо дворцов за лес, в далекое море.

Оле-Лукойе дотронулся волшебной брызгалкой до картины, и нарисованные на ней птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака понеслись по небу; видно было даже, как скользила по земле их тень.

Затем Оле приподнял Яльмара к раме, и маль-

чик стал ногами прямо в высокую траву. Солнышко светило на него сквозь ветви деревьев, он побежал к воде и уселся в лодочку, которая колыбалась у берега. Лодочка была выкрашена в красное с белым, паруса блестели, как серебряные, и шесть лебедей с золотыми коронами на шеях и сияющими голубыми звездами на головах повлекли лодочку вдоль зеленых лесов, где деревья рассказывали о разбойниках и ведьмах, а цветы — о прелестных маленьких эльфах и о том, что они слышали от бабочек.

Чудеснейшие рыбы с серебристою и золотистою чешуей плыли за лодкой, ныряли и плескали в воде хвостами; красные и голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами; комары танцевали, а майские жуки гудели: «Жуу! Жуу!»; всем хотелось провожать Яльмара, и у каждого была для него наготове история.

Да, вот это было плавание!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на прекрасные сады, озаренные солнцем и усеянные цветами. По берегам реки возвышались большие хрустальные и мраморные дворцы; на балконах их стояли принцессы, и все это были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл.

Каждая держала в правой руке славного обсахаренного пряничного поросенка — такого редко купишь у торговли. Яльмар, проплывая мимо, хватался за один конец пряника, принцесса крепко держалась за другой, и пряник разламывался пополам, каждый получал свою долю: Яльмар — побольше, принцесса — поменьше. У всех дворцов стояли на часах маленькие принцы; они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками — вот что значит настоящие-то принцы!

Яльмар плыл через леса, через какие-то огромные залы и города... Проплыл он и через город, где жила его старая няня, которая носила его на руках, когда он был еще малюткой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел ее: она кланялась, посылала ему рукою воздушные поцелуи и пела хоршенькую песенку, которую сама сложила и прислала Яльмару:

Мой Яльмар, тебя вспоминаю
Почти каждый день, каждый час!
Сказать не могу, как желаю
Тебя увидеть вновь хоть раз!
Тебя ведь я в люльке качала,
Учила ходить, говорить
И в щечки и в лоб целовала.
Так как мне тебя не любить!

И птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали, как будто Оле-Лукойе и им рассказывал историю.

С р е д а

Ну и дождь лил! Яльмар слышал этот страшный шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепнейший корабль.

— Хочешь прогуляться, Яльмар? — спросил Оле. — Побываешь ночью в чужих землях, а к утру — опять дома!

И вот Яльмар, разодетый по-праздничному, очутился на корабле. Погода сейчас же прояснилась; они проплыли по улицам, мимо церкви и ока-

зались среди сплошного огромного озера. Наконец они уплыли так далеко, что земля совсем скрылась из глаз. По поднебесью неслась стая аистов; они тоже собрались в чужие теплые края и летели длинною вереницей, один за другим. Они были в пути уже много-много дней, и один из них так устал, что крылья отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться на своих распушенных крыльях все ниже и ниже, вот взмахнул ими раз, другой, но напрасно... Скоро он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и — бах! — упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к курам, уткам и индейкам. Бедняга аист стоял и уныло озирался кругом.

— Ишь какой! — сказали куры.

А индейский петух надулся и спросил у аиста, кто он таков; утки же пятились, подталкивая друг друга крыльями, и кричали:

— Дур-рак! Дур-рак!

Аист рассказал им про жаркую Африку, про пирамиды и страусов, которые носят по пустыне с быстротой диких лошадей, но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать одна другую:

— Ну не дурак ли?

— Конечно, дурак! — сказал индейский петух и сердито забормотал.

Аист замолчал и стал думать о своей Африке.

— Какие у вас чудесные тонкие ноги! — сказал индейский петух. — Почему аршин?

— Кряк! Кряк! Кряк! — закричали смешливые утки, но аист как будто и не слышал.

— Могли бы и вы посмеяться с нами! — сказал аисту индейский петух. — Очень забавно было сказано! Да куда там, для него это слишком низменно! И вообще, нельзя сказать, чтобы он отличался

понятливостью. Что ж, будем забавлять себя сами!

И куры кудахтали, утки крякали, и это их ужасно забавляло.

Но Яльмар подошел к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу — он уже успел отдохнуть. Аист как будто поклонился Яльмару в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в теплые края. Куры кудахтали, утки крякали, а индейский петух так надулся, что гребешок у него весь налился кровью.

— Завтра из вас сварят суп! — сказал Яльмар и проснулся опять в своей маленькой кровати.

Славное путешествие проделали они ночью с Оле-Лукойе!

Ч е т в е р г

— Знаешь что? — сказал Оле-Лукойе. — Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! — И правда, в руке у него была хорошенькая мышка. — Она явилась пригласить тебя на свадьбу! Две мышки собираются сегодня ночью вступить в брак. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, говорят!

— А как же я пролезу сквозь маленькую дырочку в полу? — спросил Яльмар.

— Уж положишься на меня! — сказал Оле-Лукойе.

Он дотронулся до мальчика своею волшебной брызгалкой, и Яльмар вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и наконец сделался величиною с палец.

— Теперь можно одолжить мундир у оловянного солдатика. По-моему, такой наряд тебе вполне подойдет: мундир ведь так красит, а ты идешь в гости!

— Хорошо! — согласился Яльмар, переоделся и стал похож на образцового оловянного солдата.

— Не угодно ли вам сесть в наперсток вашей матушки? — сказала Яльмару мышка. — Я буду иметь честь отвезти вас.

— Ах, какое беспокойство для фрекен! — сказал Яльмар, и они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дыру, прогрызенную мышами в полу, они попали сначала в длинный узкий коридор, здесь как раз только и можно было проехать в наперстке. Коридор был ярко освещен гнилушками.

— Правда ведь, чудный запах? — спросила мышка-возница. — Весь коридор смазан салом! Что может быть лучше?

Наконец добрались и до зала, где праздновалась свадьба. Направо, перешептываясь и пересмеиваясь, стояли мышки-дамы, налево, покручивая лапками усы, — мышки-кавалеры, а посередине, на выеденной корке сыра, возвышались сами жених с невестой и целовались на глазах у всех. Что ж, они ведь были обручены и готовились вступить в брак.

А гости все прибывали да прибывали; мыши чуть не давили друг друга насмерть, и вот счастливую парочку оттеснили к самым дверям, так что никому больше нельзя было ни войти, ни выйти. Зал, как и коридор, был весь смазан салом, другого угощения и не было; а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, то есть, конечно, всего-навсего первые буквы. Диво, да и только!

Все мыши объявили, что свадьба была великолепно и что они очень приятно провели время.

Яльмар поехал домой. Довелось ему побывать в знатном обществе, хоть и пришлось порядком съежиться и облечься в мундир оловянного солдата.

— Просто не верится, сколько есть пожилых людей, которым страх как хочется залучить меня к себе! — сказал Оле-Лукойе. — Особенно желают этого те, кто сделал что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, — говорят они мне, — мы просто не можем сомкнуть глаз, лежим без сна всю ночь напролет и видим вокруг себя все свои дурные дела. Они, точно гадкие маленькие тролли, сидят по краям постели и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришел и прогнал их. Мы бы с удовольствием заплатили тебе, Оле! — добавляют они с глубоким вздохом. — Спокойной же ночи, Оле! Деньги на окне!» Да что мне деньги! Я ни к кому не прихожу за деньги!

— А что мы будем делать сегодня ночью? — спросил Яльмар.

— Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком и зовется Германом, хочет повенчаться с куклой Бертой; а еще сегодня день рождения куклы, и потому готовится много подарков!

— Знаю, знаю! — сказал Яльмар. — Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас празднует их рождение или свадьбу. Это уж было сто раз!

— Да, а сегодня ночью будет сто первый, и, значит, последний! Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар взглянул на стол. Там стоял домик из картона; окна были освещены, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой задумчиво сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да, им было о чем задуматься! Оле-Лукойе,

нарядившись в бабушкину черную юбку, обвенчал их.

Затем молодые получили подарки, но от угощения отказались: они были сыты своей любовью.

— Что ж, поедем теперь на дачу или отправимся за границу? — спросил молодой.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз была наседкой. Ласточка рассказала о теплых краях, где зреют сочные, тяжелые кисти винограда, где воздух так мягок, а горы расцвечены такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

— Зато там нет нашей кудрявой капусты! — сказала курица. — Раз я со всеми своими цыплятами провела лето в деревне; там была целая куча песку, в котором мы могли рыться и копать сколько угодно! А еще нам был открыт вход в огород с капустой! Ах, какая она была зеленая! Не знаю, что может быть красивее!

— Да ведь кочаны похожи как две капли воды! — сказала ласточка. — К тому же здесь так часто бывает дурная погода.

— Ну, к этому можно привыкнуть! — сказала курица.

— А какой тут холод! Того и гляди, замерзнешь! Ужасно холодно!

— То-то и хорошо для капусты! — сказала курица. — Да, в конце-то концов, и у нас бывает тепло! Ведь четыре года тому назад лето стояло у нас целых пять недель! Да какая жарница-то была! Все задыхались! Кстати сказать, у нас нет ядовитых тварей, как у вас там! Нет и разбойников! Надо быть отщепенцем, чтобы не находить нашу страну самой лучшей в мире! Такой недостоин и жить в ней! — Тут курица заплакала. — Я ведь тоже путешествовала, как же! Целых двенадцать миль про-

ехала в бочонке! И никакого удовольствия нет в путешествии!

— Да, курица — особа вполне достойная! — сказала кукла Берта. — Мне тоже вовсе не нравится ездить по горам — то вверх, то вниз! Нет, мы поедем на дачу в деревню, где есть песочная куча, и будем гулять в огороде с капустой.

На том и порешили.

С у б б о т а

— А сегодня будешь рассказывать? — спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

— Сегодня некогда! — ответил Оле и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. — Погляди-ка вот на этих китайцев!

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головами.

— Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! — продолжал Оле. — Завтра ведь праздник, воскресенье! Мне надо пойти на колокольню — посмотреть, вычистили ли церковные карлики все колокола, не то они плохо будут звонить завтра; потом надо в поле — посмотреть, смел ли ветер пыль с травы и листьев. Самая же трудная работа еще впереди: надо снять с неба и перечистить все звезды. Я собираю их в свой передник, но приходится ведь нумеровать каждую звезду и каждую дырочку, где она сидела, чтобы потом каждую поставить на свое место, иначе они не будут держаться и посыплются с неба одна за другой!

— Послушайте-ка вы, господин Оле-Лукойе! —

сказал вдруг висевший на стене старый портрет. — Я прадедушка Яльмара и очень вам признателен за то, что вы рассказываете мальчику сказки; но вы не должны извращать его понятий. Звезды нельзя снимать с неба и чистить. Звезды — такие же небесные тела, как наша Земля, тем-то они и хороши!

— Спасибо тебе, прадедушка! — отвечал Оле-Лукойе. — Спасибо! Ты — глава фамилии, родоначальник, но я все-таки постарше тебя! Я старый язычник; римляне и греки звали меня богом сновидений! Я имел и имею вход в знатнейшие дома и знаю, как обходиться и с большими и с малыми. Можешь теперь рассказывать сам!

И Оле-Лукойе ушел, взяв под мышку свой зонтик.

— Ну, уж нельзя и высказать своего мнения! — сказал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

В о с к р е с е н ь е

— Добрый вечер! — сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор.

— А теперь ты расскажи мне историю про пять зеленых горошин, родившихся в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, что воображала себя швейной иглой.

— Ну нет, хорошенького понемножку! — сказал Оле-Лукойе. — Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе. Но он знает только две сказки: одна беспо-

добно хороша, а другая так ужасна, что... да нет, невозможно даже и сказать как!

Тут Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднес его к окну и сказал:

— Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Кафтан на нем весь расшит серебром, что твой гусарский мундир; за плечами развевается черный бархатный плащ! Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчался во весь опор другой Оле-Лукойе и сажал к себе на лошадь и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади; но сначала каждого спрашивал:

— Какие у тебя отметки за поведение?

— Хорошие! — отвечали все.

— Покажи-ка! — говорил он.

Приходилось показывать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им чудесную сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, — позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись от страха, плакали и хотели прыгнуть с лошади, да не могли — они сразу крепко прирастали к седлу.

— А я ничуть не боюсь его! — сказал Яльмар.

— Да и нечего бояться! — сказал Оле. — Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки!

— Вот это поучительно! — пробормотал прадедушкин портрет. — Все-таки, значит, не мешает иногда высказать свое мнение.

Он был очень доволен.

Вот и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе еще что-нибудь.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

ил-был принц, он хотел взять себе в жены принцессу, да только настоящую принцессу. Вот он и объехал весь свет, искал такую, да повсюду было что-то не то; принцесс было полно, а вот настоящие ли они, этого он никак не мог распознать до конца, всегда с ними было что-то не в порядке. Вот и воротился он домой и очень горевал: уж так ему хотелось настоящую принцессу.

Как-то ввечеру разыгралась страшная буря: сверкала молния, гремел гром, дождь лил как из ведра, ужас что такое! И вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она была похожа от дождя и непогоды! Вода стекала с ее волос и платья, стекала прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она говорила, что она настоящая принцесса.

«Ну, это мы разузнаем!» — подумала старая королева, но ничего не сказала, а пошла в опочивальню, сняла с кровати все тюфяки и подушки и положила на доски горошину, а потом взяла двадцать тюфяков и положила их на горошину, а на тюфяки еще двадцать перин из гагачьего пуха.

На этой постели и уложили на ночь принцессу.

Утром ее спросили, как ей спалось.

— Ах, ужасно плохо! — отвечала принцесса. — Я всю ночь не сомкнула глаз. Бог знает что там у

меня было в постели! Я лежала на чем-то твердом, и теперь у меня все тело в синяках! Это просто ужас что такое!

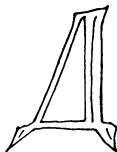
Тут все поняли, что перед ними настоящая принцесса. Еще бы, она почувствовала горошину через двадцать тюфяков и двадцать перин из гагачьего пуха! Такой нежной может быть только настоящая принцесса.

Принц взял ее в жены, ведь теперь-то он знал, что берет за себя настоящую принцессу, а горошина попала в кунсткамеру, где ее можно видеть и поныне, если только никто ее не стащил.

Знайте, что это правдивая история!

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

алеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. Было у него одиннадцать сыновей и одна дочь, Элиза. Одиннадцать братьев-принцев ходили в школу со звездами на груди и саблями у ноги. Писали они на золотых досках алмазными грифельными и наизусть умели читать не хуже, чем по книжке. Сразу было видно, что они настоящие принцы. А их сестрица Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было отдано полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго.

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, и она с самого начала невзлюбила бедных детей. Они испытали это в первый же день. Во дворце шел пир, и дети затеяли игру в гости. Но вместо пирожных и печеных яблок, которые они всегда получали вдоволь, мачеха дала им чайную чашку речного песка — пусть представят себе, что это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу в деревню крестьянам на воспитание, а прошло еще немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

— Летите на все четыре стороны и заботьтесь о себе сами! — сказала злая королева. — Летите большими птицами без голоса!

Но не случилось так, как она хотела: они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо дома, где спала еще крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись кружить над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто их не слышал, не видел. Так и пришлось им улететь ни с чем. Взвились они под самые облака и полетели в большой темный лес у берега моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянском доме и играла зеленым листком — других игрушек у нее не было. Она проткнула в листке дырочку, смотрела сквозь нее на солнце, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев. А когда теплый луч солнца падал ей на щеку, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Порой

ветер колыхал розовые кусты, росшие возле дома, и нашептывал розам:

— Есть ли кто красивее вас?

Розы качали головками и отвечали:

— Элиза.

И это была сущая правда.

Но вот минуло Элизе пятнадцать лет, и ее отослали домой. Увидала королева, какая она хорошенькая, разгневалась и еще больше возненавидела ее. И хотелось бы мачехе превратить Элизу в дикого лебедя, как ее братьев, да не посмела она сделать это сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот с утра пораньше пошла королева в мраморную купальню, убранную мягкими подушками и чудесными коврами, взяла трех жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

— Как войдет Элиза в купальню, сядь ей на голову, пусть она станет такой же ленивой, как ты. А ты сядь Элизе на лоб,— сказала она другой.— Пусть она станет такой же безобразной, как ты, чтобы и отец ее не узнал. Ну а ты ляг Элизе на сердце,— сказала она третьей.— Пусть она станет злой и мучается от этого!

Пустила королева жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же позеленела. Позвала королева Элизу, раздела и велела ей войти в воду. Послушалась Элиза, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, третья на грудь, но Элиза даже не заметила этого, а как только вышла из воды, по воде поплыли три алых мака. А были бы жабы не ядовиты и не целованы ведьмой, превратились бы они в алые розы. Так невинна была Элиза, что колдовство оказалось против нее бессильным.

Увидала это злая королева, натерла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем

черной, вымазала ей лицо вонючей мазью, разломатила волосы. Совсем теперь было не узнать хорошенькую Элизу.

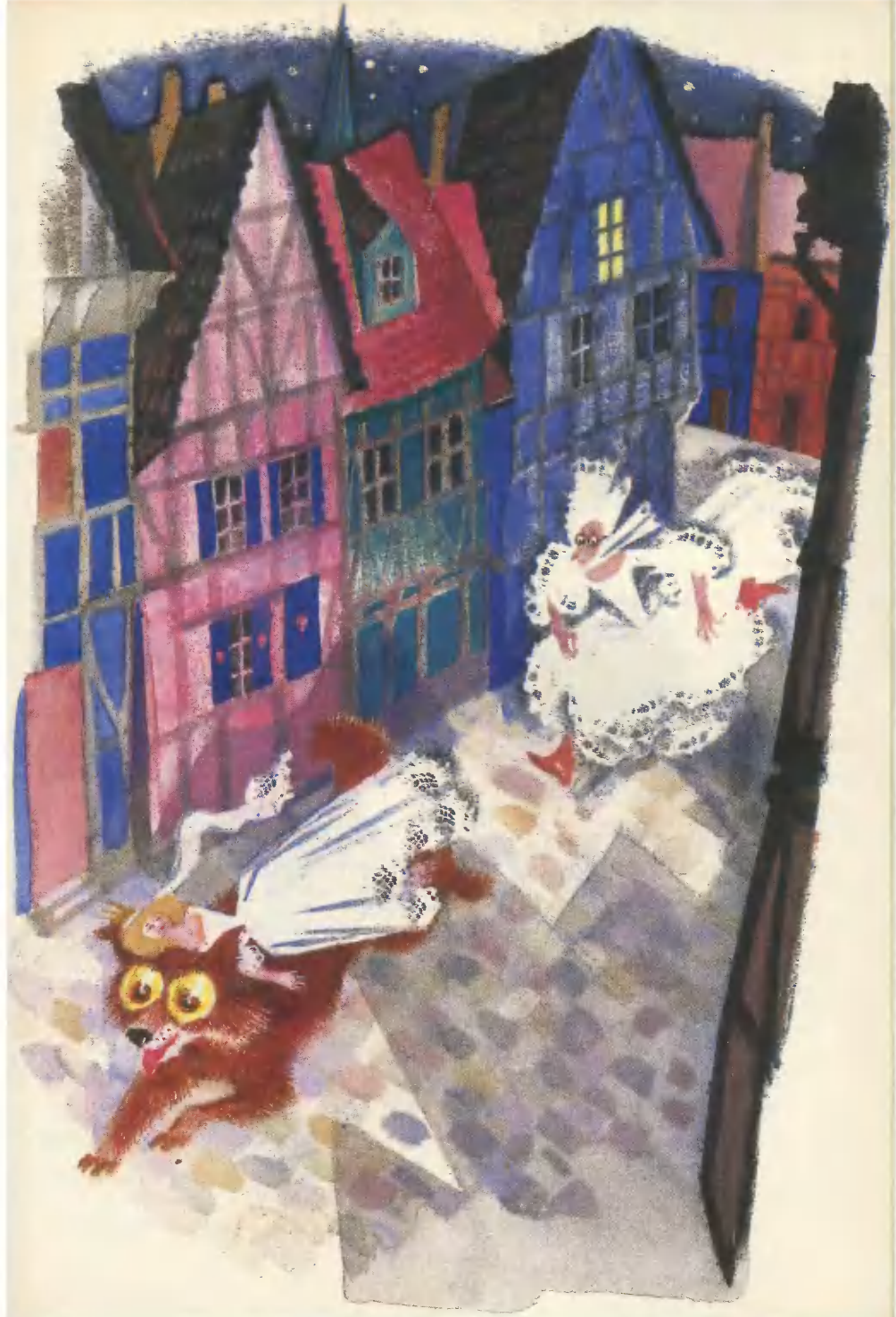
Увидел ее отец, испугался и сказал, что не его это дочь. Никто не признавал ее, кроме цепной собаки да ласточек, только кто же станет слушать бедных тварей!

Заплакала бедняжка Элиза и подумала о своих выгнанных братьях. Печальная ушла она из дворца и целый день брела по полям и болотам к большому лесу. Куда ей идти, она и сама толком не знала, но так тяжело было у нее на сердце и так стосковалась она по своим братьям, что решила искать их, пока не найдет.

Не долго шла она по лесу, как уж ночь настала. Совсем сбилась с пути Элиза, прилегла на мягкий мох и склонила голову на пень. Тихо было в лесу, воздух был такой теплый, вокруг зелеными огоньками мерцали сотни светлячков, и когда она тихонько тронула ветку, они посыпались на нее звездным дождем.

Всю ночь снились Элизе братья. Все они опять были детьми, играли вместе, писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали чудесную книжку с картинками, за которую было отдано полкоролевства. Но писали они на досках не черточки и нолики, как прежде, нет, они описывали все, что видели и пережили. Все картинки в книжке ожили, птицы пели, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и ее братьями, но когда она переворачивала страницу, они впрыгивали обратно, чтоб не получалось путаницы в картинках.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко. Она не могла хорошо видеть его за густой листвой деревьев, но лучи его реяли в вышине, словно колеблющаяся золотая кисея. Пахло травой,

~ Ганс Христиан Андерсен.
Огниво.

а птицы чуть не садились Элизе на плечи. Слышался плеск воды — поблизости бежало несколько больших ручьев, вливавшихся в пруд с чудесным песчаным дном. Пруд был окружен густыми кустами, но в одном месте дикие олени проделали большой проход, и Элиза могла спуститься к воде, такой прозрачной, что если бы ветер не колыхал ветви деревьев и кустов, можно было бы подумать, что они нарисованы на дне, так ясно отражался в воде каждый листочек, и освещенный солнцем, и укрытый в тени.

Увидала в воде свое лицо Элиза и совсем перепугалась — такое оно было черное и гадкое. Но вот она зачерпнула горстью воды, обмыла лоб и глаза, и опять заблестела ее белая, нежная кожа. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладную воду. Краше принцессу поискать было по всему свету!

Оделась Элиза, заплела в косы свои длинные волосы и пошла к роднику, напилась из пригоршни и побрела дальше в лес, сама не зная куда. По пути ей попалась дикая яблоня, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Поела Элиза яблочек, подперла ветви колышками и углубилась в самую чашу леса. Тишина стояла такая, что Элиза слышала собственные шаги и шуршание каждого сухого листка, на который ступала. Здесь не было видно ни одной птицы, ни один солнечный луч не пробивался сквозь сплошное сплетение ветвей. Высокие деревья стояли так плотно, что, когда она смотрела перед собой, казалось ей, что ее окружают бревенчатые стены. Никогда еще Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало еще темнее, ни единого светлячка не светилось во мху. Печальная улеглась Элиза на траву, а рано утром отправилась дальше. Тут

встретилась ей старушка с корзинкой ягод. Старушка дала Элизе горстку ягод, а Элиза спросила, не проезжали ли тут по лесу одиннадцать принцев.

— Нет,— отвечала старушка.— Но вот одиннадцать лебедей в коронах видела, они плавали на реке тут неподалеку.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала речка. Деревья, росшие по ее берегам, тянули друг к другу длинные, покрытые густой листвой ветви, и там, где они не могли дотянуться друг до друга, их корни выпирали из земли и, сплетаясь с ветвями, свисали над водой.

Элиза простилась со старушкой и пошла вдоль речки к тому месту, где речка впадала в большое море.

И вот перед девушкой открылось чудесное море. Но ни единого паруса не виднелось на нем, ни единой лодки. Как же ей было продолжать свой путь? Весь берег был усыпан бесчисленными камешками, вода обкатала их, и они были совсем круглые. Стекло, железо, камни — все, что выбросило волнами на берег, получило свою форму от воды, а ведь вода была куда мягче нежных рук Элизы.

«Волны неустомимо катятся одна за другой и сглаживают все твердое, буду и я неустомимой! Спасибо вам за науку, светлые, быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесете меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем водорослях лежало одиннадцать белых лебединых перьев, и Элиза собрала их в пучок. На них блестели капли — росы или слез, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не замечала этого: море вечно менялось, и за несколько часов тут можно было увидеть больше, чем за целый год на пресноводных озерах на суше. Вот надвигается большая черная туча, и море как

будто говорит: «Я тоже могу выглядеть мрачным», — и налетает ветер, и волны показываются своей белой изнанкой. А вот облака отсвечивают розовым, ветер спит, и море похоже на лепесток розы. Иной раз оно зеленое, иной раз белое, но как бы спокойно оно ни было, у берега оно постоянно в тихом движении. Вода легонько вздымается, словно грудь спящего ребенка.

На закате увидала Элиза одиннадцать диких лебедей в золотых коронах. Они летели к суше, следуя один за другим, и похоже было, что в небе колышется длинная белая лента. Элиза взобралась на верх береговой кручи и спряталась за куст. Лебеди спустились неподалеку и захлопали своими большими белыми крыльями.

И вот как только солнце село в море, сбросили лебеди перья и превратились в одиннадцать прекрасных принцев — братьев Элизы. Громко вскрикнула Элиза, сразу узнала их, сердцем почуяла, что это они, хотя братья сильно изменились. Она бросилась к ним в объятия, называла их по именам, и как же они обрадовались, увидав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела! И смеялись и плакали Элиза и ее братья и скоро узнали друг от друга, как жестоко обошлась с ними мачеха.

— Мы, — сказал самый старший из братьев, — летаем дикими лебедями, пока солнце стоит на небе. А когда оно заходит, опять принимаем человеческий образ. Вот почему к заходу солнца мы всегда должны быть на суше. Случись нам превратиться в людей, когда мы летим под облаками, мы упадем в пучину. Живем мы не здесь. За морем лежит такая же чудесная страна, как эта, но путь туда далек, приходится лететь через все море, а по пути нет ни единого острова, где можно было бы переночевать. Только на самой середине из моря

торчит одинокий утес, и мы можем отдохнуть на нем, тесно прижавшись друг к дружке, вот какой он маленький. Когда море волнуется, брызги так и летят прямо через нас, но мы рады и такому пристанищу. Там ночуем мы в нашем человеческом обличье. Не будь утеса, нам бы и вовсе не видеть нашей милой родины: два самых длинных дня в году нам надо для этого перелета, и только раз в году дозволено нам прилетать на родину. Мы можем жить здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, смотреть на дворец, где мы родились и где живет наш отец. Тут нам знаком каждый куст, каждое дерево, тут, как в дни нашего детства, бегают по равнинам дикие лошади, а угольщики поют те же песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда стремимся мы всей душой, и здесь-то мы и нашли тебя, дорогая наша сестрица! Два дня еще можем мы пробыть здесь, а затем должны лететь за море в чудесную, но не родную нам страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки!

— Ах, если б я могла снять с вас заклатье! — сказала сестра.

Так проговорили они всю ночь и задремали лишь на несколько часов.

Проснулась Элиза от шума лебединых крыльев. Братья вновь обратились в птиц, они кружили над ней, а потом скрылись из виду. Только один из лебедей, самый младший, остался с ней. Он положил голову ей на колени, и она гладила его белые крылья. Весь день провели они вместе, а к вечеру прилетели остальные, и, когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

— Завтра мы должны улететь и сможем вернуться не раньше чем через год. Хватит у тебя мужества лететь с нами? Я один могу пронести тебя

на руках через весь лес, так неужто мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

...Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Большая и прочная вышла сетка. Элиза легла в нее, и, чуть взошло солнце, братья обратились в лебедей, подхватили сетку клювами и взвились с милой, еще спавшей сестрицей под облака. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, и один лебедь летел над ее головой, прикрывая ее от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было лететь по воздуху. Рядом с ней лежала ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев. Их набрал самый младший из братьев, и Элиза улыбнулась ему — она догадалась, что это он летит над ней и прикрывает ее от солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летели лебеди, так что первый корабль, который они увидели, показался им плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако — настоящая гора! — и на нем Элиза увидела гигантские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Никогда раньше не видела она такого великолепного зрелища. Но все выше поднималось солнце, все дальше позади оставалось облако, и мало-помалу движущиеся тени исчезли.

Целый день летели лебеди, словно пущенная из лука стрела, но все же медленнее обычного, ведь на этот раз им приходилось нести сестру. Близился вечер, собиралась буря. Со страхом следила Элиза за тем, как заходит солнце, — одинокого морского утеса все еще не было видно. И еще ей казалось, что лебеди машут крыльями как будто бы через силу. Ах, это она виновата, что они не могут лететь

быстрее! Вот зайдет солнце, и они обратятся в людей, упадут в море и утонут...

Черная туча надвигалась все ближе, сильные порывы ветра предвещали бурю. Облака собрались в грозный свинцовый вал, катившийся по небу. Молнии сверкали одна за другой.

Солнце уже коснулось воды, сердце Элизы затрепетало. Лебеди вдруг начали снижаться, да так стремительно, что Элизе показалось, будто они падают. Но нет, они продолжали лететь. Вот солнце наполовину скрылось под водой, и тут только Элиза увидела под собою утес не больше головы тюленя, высунувшегося из воды. Солнце быстро погружалось в море и казалось теперь не больше звезды. Но вот лебеди ступили на камень, и солнце погасло, словно последняя искра догорающей бумаги. Братья стояли рука об руку вокруг Элизы, и все они едва уместались на утесе. Волны с силой ударяли в него и обдавали их брызгами. Небо не переставая озарялось молниями, каждую минуту гремел гром, но сестра и братья, взявшись за руки, находили друг в друге мужество и утешение.

На рассвете опять стало ясно и тихо. Как только вошло солнце, лебеди с Элизой полетели дальше. Море еще волновалось, и с высоты было видно, как плывет по темно-зеленой воде, точно несметные голубиные стаи, белая пена.

Но вот солнце поднялось выше, и Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе горную страну с глыбами сверкающего льда на скалах, а прямо посередине высился замок, растянувшийся, наверное, на целую милю, с какими-то удивительными галереями одна над другой. Внизу под ним колыхались пальмовые рощи и роскошные цветы величиной с мельничные колеса. Элиза спросила, не та ли это страна, куда они держат путь, но

лебеди только покачали головами: это был всего лишь чудесный, вечно меняющий очертания облачный замок фата-морганы.

Элиза все смотрела и смотрела на него, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе и образовали двадцать величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Церкви совсем было приблизились, как вдруг превратились в целую флотилию кораблей. Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымающийся над водой. Да, перед глазами у нее были вечно сменяющиеся образы и картины!

Но вот показалась и суша, к которой они держали путь. Там высились чудесные горы с кедровыми лесами, городами и замками. И уже задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, словно обвешанной расшитыми зелеными коврами — так обросла она нежно-зелеными вьющимися растениями.

— Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! — молвил младший из братьев и указал сестре ее спальню.

— Ах, если бы мне открылось во сне, как снять с вас заклятье! — отвечала она, и эта мысль не выходила у нее из головы.

И вот пригрезилось ей, будто она летит высоко-высоко по воздуху к замку Фата-Морганы и фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на старушку, которая дала Элизе ягод в лесу и рассказала о лебедях в золотых коронах.

«Твоих братьев можно спасти, — сказала она. — Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих рук и все-таки окатывает камни, но она не чувствует боли, которую будут чувствовать

твои пальцы. У воды нет сердца, которое стало бы изнывать от муки и страха, как твое. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растет здесь возле пещеры, и только она, да еще та, что растет на кладбищах, может помочь тебе. Заметь же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов. Потом разомнешь ее ногами, получится волокно. Из него ты сплетишь одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей. Тогда колдовство развеется. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь работу, и до тех пор, пока не окончишь, пусть даже она растянется на годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, как смертоносный кинжал пронзит сердца твоих братьев. Их жизнь и смерть будут в твоих руках. Запомни все это!»

И фея коснулась ее руки крапивою. Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Уже рассвело, и рядом с нею лежала крапива, точь-в-точь как та, что она видела во сне. Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ее покрывались волдырями, но она с радостью терпела боль — только бы спасти милых братьев! Босыми ногами она разминала крапиву и пряла зеленые нити.

Но вот зашло солнце, вернулись братья, и как же они испугались, увидя, что сестра их стала немой! Это не иначе как новое колдовство злой мачехи, решили они. Но взглянули братья на ее руки и поняли, что она задумала ради их спасения. Заплакал младший из братьев, и там, куда падали его слезы, боль утихала, жгучие волдыри исчезали.

Всю ночь провела за работой Элиза, ведь не было ей покоя, пока не освободит она милых бра-

тьев. И весь следующий день, пока лебеди были в отлучке, просидела она одна-одинешенька, но никогда еще время не бежало для нее так быстро.

Одна рубашка-панцирь была готова, и она принялась за другую, как вдруг в горах затрубили охотничьи рога. Испугалась Элиза. А звуки все приближались, раздался лай собак. Убежала в пещеру Элиза, связала в пучок собранную ею крапиву и села на него.

Тут из-за кустов выскочила большая собака, за ней другая, третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперед у входа в пещеру. Не прошло и нескольких минут, как у пещеры собрались все охотники. Самый красивый среди них был король той страны. Он подошел к Элизе — никогда еще не встречал он такой красавицы.

— Как ты попала сюда, прекрасное дитя? — спросил он, но Элиза только головой покачала в ответ, ведь говорить-то ей нельзя было: от этого зависела жизнь и спасение братьев.

Руки свои она спрятала под передник, чтобы король не увидел, какие муки приходится ей терпеть.

— Пойдем со мной! — сказал он. — Здесь тебе не место! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шелк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моем великолепном дворце!

И он посадил ее на своего коня. Плакала и ломала руки Элиза, но король сказал:

— Я хочу только твоего счастья! Когда-нибудь ты будешь благодарна мне за это!

И он повез ее через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру показалась великолепная столица короля с храмами и куполами, и привел король

Элизу в свой дворец. В высоких мраморных залах там журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но ни на что не смотрела Элиза, а только плакала и тосковала. Как неживая позволила она прислужницам надеть на себя королевские одежды, вплести в волосы жемчуга и натянуть на обожженные пальцы тонкие перчатки.

Ослепительно прекрасная стояла она в роскошном убранстве, и весь двор низко ей поклонился, а король провозгласил ее своею невестой, хотя архиепископ покачивал головой и нашептывал королю, что эта лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела всем глаза и околдовала короля.

Но король не стал его слушать, сделал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать дорогие кушанья, а сам повел Элизу через благоухающие сады в роскошные палаты. Но не было улыбки ни на губах, ни в глазах ее, а только печаль, словно было ей так на роду написано. Но вот открыл король дверь в маленькую комнатку рядом с ее спальней. Комнатка была увешана дорогими зелеными коврами и напоминала пещеру, где нашли Элизу. На полу лежала связка крапивного волокна, а под потолком висела сплетенная Элизой рубашка-панцирь. Все это как диковинку захватил с собой из лесу один из охотников.

— Здесь ты можешь вспоминать свое прежнее жилище! — сказал король. — Здесь и работа, которой ты занималась. Может быть, теперь, в славе твоей, воспоминания о прошлом развлекут тебя.

Увидела Элиза дорогую ее сердцу работу, и улыбка заиграла на ее губах, кровь прилила к щекам. Она подумала о спасении братьев и поцеловала королю руку, а он прижал ее к сердцу.

Архиепископ по-прежнему нашептывал королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону. С досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно. Но другой, более тяжелый обруч сдавливал ей сердце — печаль за ее братьев, и она не заметила боли. Уста ее были по-прежнему замкнуты — одно-единственное слово могло стоять братьям жизни, — но в глазах ее светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал все, чтобы порадовать ее. С каждым днем она привязывалась к нему больше и больше. Ах, если б только можно было довериться ему, поведать ему свою муку! Но она должна была молчать, должна была делать свое дело молча. Вот почему по ночам она тихонько уходила из королевской опочивальни в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой. Но когда она принялась за седьмую, у нее кончилось волокно.

Найти нужную ей крапиву, знала она, можно на кладбище, но она сама должна была рвать ее. Как же быть?

«Ах, что значит боль в пальцах по сравнению с мукой моего сердца? — думала Элиза. — Я должна решиться!»

Сердце ее сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунной ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели безобразные ведьмы и таращились на нее злыми глазами, но она набрала крапивы и вернулась обратно во дворец.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел ее — архиепископ. Только получалось, что он был

прав, подозревая, что с королевой дело нечисто. И впрямь выходило, что она ведьма, потому-то и сумела околдовать короля и весь народ.

Утром он рассказал королю о том, что видел и что подозревал. Две тяжелые слезы скатились по щекам короля, и сомнение закралось в его сердце. Ночью он притворился, будто спит, но сон не шел к нему, и заметил король, как Элиза встала и скрылась из опочивальни. И так повторялось каждую ночь, и каждую ночь он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потайной комнате.

День ото дня все мрачнел и мрачнел король. Элиза видела это, но не понимала почему, и боязно ей было, и сердце ее болело за братьев. На королевский бархат и пурпур катились ее горькие слезы. Они блестели, как алмазы, и люди, видевшие ее в великолепном одеянии, желали быть на ее месте.

Но скоро, скоро конец работе! Недоставало всего лишь одной рубашки, и тут у нее опять кончилось волокно. Еще раз — последний — нужно было сходить на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Со страхом думала она о безлюдном кладбище и ужасных ведьмах, но решимость ее была непоколебима.

И Элиза пошла, но король с архиепископом пошли за ней следом. Увидели они, как она скрылась за кладбищенскими воротами, а когда подошли к воротам, увидели и ведьм на могильных плитах, и король повернул назад.

— Пусть судит ее народ! — сказал он.

И народ присудил — сжечь ее на костре.

Из роскошных королевских палат Элизу отвели в мрачное сырое подземелье с решеткой на окне, в которое со свистом задувал ветер. Вместо бархата и шелка ей дали под голову связку набранной ею на кладбище крапивы, а жесткие, жгучие рубашки-

панцири должны были служить ей ложем и одеялом. Но лучшего подарка ей и не надо было, и она вновь принялась за работу. Уличные мальчишки пели ей за окном глумливые песни, и ни одна живая душа не нашла для нее слова утешения.

Но под вечер у решетки раздался шум лебединых крыльев — это отыскал сестру младший из братьев, и она заплакала от радости, хотя и знала, что жить ей осталось, быть может, всего одну ночь. Зато работа ее была почти закончена и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Чтобы хоть немножко помочь ей, мыши, бегавшие по подземелью, приносили к ее ногам стебли крапивы, а у решетки окна сел дрозд и всю ночь подбодрял ее своей веселой песней.

Еще только начинался рассвет и солнце должно было показаться лишь через час, а к воротам дворца уже явились одиннадцать братьев и потребовали, чтобы их пропустили к королю. Им отвечали, что это никак невозможно: король спит и его нельзя будить. Братья продолжали просить, потом стали угрожать, явилась стража, а потом вышел и сам король узнать, в чем дело. Но тут взошло солнце, и братья исчезли, а над дворцом взлетели одиннадцать лебедей.

Народ валом валил за город смотреть, как будут сжигать ведьму. Жалкая кляча тащила повозку, в которой сидела Элиза. На нее накинули балахон из грубой мешковины. Ее чудные, дивные волосы спадали на плечи, в лице не было ни кровинки, губы беззвучно шевелились, а пальцы плели зеленую пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук свою работу. У ее ног лежали десять рубашек-панцирей, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

— Посмотрите на ведьму! Ишь шамкает губами да все никак не расстанется со своими колдовскими штуками! Вырвать их у нее да порвать в клочья!

И толпа бросилась к ней и хотела разорвать крапивные рубашки, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели вокруг нее по краям повозки и захлопали могучими крыльями. Толпа отхлынула.

— Это знамение небесное! Она невинна! — шептали многие, но сказать это вслух не решались.

Вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей крапивные рубашки, и все они превратились в прекрасных принцев, только у самого младшего вместо одной руки так и осталось крыло: не успела Элиза закончить последнюю рубашку, не доставало в ней одного рукава.

— Теперь я могу говорить! — сказала она. — Я невинна!

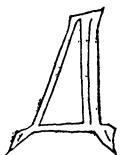
И народ, видевший все, преклонился перед ней, а она без чувств упала в объятия братьев, так измучена была она страхом и болью.

— Да, она невинна! — молвил старший из братьев и рассказал все, как было, и, пока он говорил, в воздухе разлился аромат, как от миллиона роз, — это каждое полено в костре пустило корни и ветви, и вот уже на месте костра стоял благоухающий куст, весь в алых розах. А на самом верху сиял, словно звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его и положил Элизе на грудь, и она очнулась, и в сердце ее были покой и счастье.

Тут сами собой зазвонили в городе все колокола, и слетелись несметными стаями птицы, и к дворцу потянулось такое радостное шествие, какого еще не видывал ни один король!

РУСАЛОЧКА

алеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло, только очень глубока, так глубока, что никакого якорного каната не хватит. Много колоколен надо поставить одну на другую, тогда только верхняя выглянет на поверхность. Там на дне живет подводный народ.

Только не подумайте, что дно голое, один только белый песок. Нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, словно живые, от малейшего движения воды. А между ветвями снуют рыбы, большие и маленькие, совсем как птицы в воздухе у нас наверху. В самом глубоком месте стоит дворец морского царя — стены его из кораллов, высокие стрельчатые окна из самого чистого янтаря, а крыша сплошь раковины; они то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив, и это очень красиво, ведь в каждой лежат сияющие жемчужины и любая была бы великим украшением в короне самой королевы.

Царь морской давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, только больно уж гордившаяся своей родovitостью: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть. В остальном же она заслуживала всяческой похвалы, особенно потому, что души не чаяла в своих маленьких внучках — принцессах. Их

было шестеро, все прехорошенькие, но милее всех самая младшая, с кожей чистой и нежной, как лепесток розы, с глазами синими и глубокими, как море. Только у нее, как, впрочем, и у остальных, ног не было, а вместо них был хвост, как у рыб.

День-деньской играли принцессы во дворце, в просторных палатах, где из стен росли живые цветы. Раскрывались большие янтарные окна, и внутрь вплывали рыбы, совсем как у нас ласточки влетают в дом, когда окна стоят настежь, только рыбы подплывали прямо к маленьким принцессам, брали из их рук еду и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был большой сад, в нем росли огненно-красные и темно-синие деревья, плоды их сверкали золотом, цветы — горячим огнем, а стебли и листья непрестанно колыхались. Земля была сплошь мелкий песок, только голубоватый, как серное пламя. Все там внизу отдавало в какую-то особенную синеву, — в пору было подумать, будто стоишь не на дне морском, а в воздушной вышине и небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна видно было солнце, оно казалось пурпурным цветком, из чаши которого льется свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко, здесь они могли копать и сажать что угодно. Одна устроила себе цветочную грядку в виде кита, другой вздумалось, чтобы ее грядка гляделась русалкой, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнце, и цветы на ней сажала такие же алые, как оно само. Странное дитя была эта русалочка, тихое, задумчивое. Другие сестры украшали себя разными разностями, которые находили на потонувших кораблях, а она только и любила что цветы, ярко-красные, как солнце, там, наверху, да еще красивую мраморную статую. Это был прекрасный мальчик, высеченный из чистого белого камня и

спустившийся на дно морское после кораблекрушения. Возле статуи русалочка посадила розовую плакучую иву, она пышно разрослась и свешивала свои ветви над статуей к голубому песчаному дну, где получалась фиолетовая тень, зыблущаяся в лад колыханию ветвей, и от этого казалось, будто верхушка и корни ластятся друг к другу.

Больше всего русалочка любила слушать рассказы о мире людей там, наверху. Старой бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно чудесным и удивительным казалось русалочке то, что цветы на земле пахнут — не то что здесь, на морском дне, — леса там зеленые, а рыбы среди ветвей поют так громко и красиво, что просто заслушаешься. Рыбами бабушка называла птиц, иначе внушки не поняли бы ее: они ведь сроду не видавали птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам позволят всплывать на поверхность, сидеть в лунном свете на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз исполнилось пятнадцать лет, но сестры были погодки, и выходило так, что только через пять лет самая младшая сможет подняться со дна морского и увидеть, как живет на нам здесь наверху. Но каждая обещала рассказать остальным, что она увидела и что ей больше всего понравилось в первый день, — рассказов бабушки им было мало, хотелось знать побольше.

Ни одну из сестер не тянуло так на поверхность, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Ночь за ночью проводила она у открытого окна и

все смотрела наверх сквозь темно-синюю воду, в которой плескали хвостами и плавниками рыбы. Месяц и звезды виделись ей, и хоть светили они совсем бледно, зато казались сквозь воду много больше, чем нам. А если под ними скользило как бы темное облако, знала она, что это либо кит проплывает, либо корабль, а на нем много людей, и уж конечно, им и в голову не приходило, что внизу под ними хорошенькая русалочка тянется к кораблю своими белыми руками.

И вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Ну а лучше всего, рассказывала она, было лежать в лунном свете на отмели, когда море спокойно, и рассматривать большой город на берегу: точно сотни звезд там мерцали огни, слышалась музыка, шум экипажей, говор людей, виднелись колокольни и шпили, звонили колокола. И как раз потому, что туда ей было нельзя, туда и тянуло ее больше всего.

Как жадно внимала ее рассказам самая младшая сестра! А потом, вечером, стояла у открытого окна и смотрела наверх сквозь темно-синюю воду и думала о большом городе, шумном и оживленном, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и второй сестре позволили подняться на поверхность и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и решила, что прекраснее зрелища нет на свете. Небо было сплошь золотое, сказала она, а облака — ах, у нее просто нет слов описать, как они красивы! Красные и фиолетовые, плыли они по небу, но еще быстрее неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая диких лебедей. Она тоже

поплыла к солнцу, но оно погрузилось в воду, и розовый отсвет на море и облаках погас.

Еще через год поднялась на поверхность третья сестра. Эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Она увидела там зеленые холмы с виноградниками, а из чащи чудесного леса выглядывали дворцы и усадьбы. Она слышала, как поют птицы, а солнце пригревало так сильно, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы остудить свое пылающее лицо. В бухте ей попалась целая стая маленьких человеческих детей, они бегали нагишом и плескались в воде. Ей захотелось поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них явился какой-то черный зверек — это была собака, только ведь ей еще ни разу не доводилось видеть собаку — и залаял на нее так страшно, что она перепугалась и уплыла назад в море. Но никогда не забыть ей чудесного леса, зеленых холмов и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть и нет у них рыбьего хвоста.

Четвертая сестра не была такой смелой, она держалась в открытом море и считала, что там-то и было лучше всего: море видно вокруг на много-много миль, небо над головой как огромный стеклянный купол. Видела она и корабли, только совсем издалека, и выглядели они совсем как чайки, а еще в море кувыркались резвые дельфины и киты пускали из ноздрей воду, так что казалось, будто вокруг били сотни фонтанов.

Дошла очередь и до пятой сестры. Ее день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не удалось увидеть другим. Море было совсем зеленое, рассказывала она, повсюду плавали огромные ледяные горы, каждая ни дать ни взять жемчужина, только куда выше любой колокольни, построенной людьми. Они были самого причудливого вида и

сверкали, словно алмазы. Она уселась на самую большую из них, ветер развевал ее длинные волосы, и моряки испуганно обходили это место подальше. К вечеру небо заволокло тучами, засверкали молнии, загредел гром, почерневшее море вздымало ввысь огромные ледяные глыбы, озаряемые вспышками молний. На кораблях убрали паруса, вокруг был страх и ужас, а она как ни в чем не бывало плыла на своей ледяной горе и смотрела, как молнии синими зигзагами ударяют в море.

Так вот и шло: выплывает какая-нибудь из сестер первый раз на поверхность, восхищается всем новым и красивым, ну а потом, когда взрослой девушкой может подниматься наверх в любую минуту, все становится ей неинтересно и она стремится домой и уже месяц спустя говорит, что у них внизу лучше всего, только здесь и чувствуешь себя дома.

Часто по вечерам, обнявшись, всплывали пять сестер на поверхность. У всех были дивные голоса, как ни у кого из людей, и когда собиралась буря, грозившая гибелью кораблям, они плыли перед кораблями и пели так сладко о том, как хорошо на морском дне, уговаривали моряков без боязни спуститься вниз. Только моряки не могли разобрать слов, им казалось, что это просто шумит буря, да и не довелось бы им увидеть на дне никаких чудес — когда корабль тонул, люди захлебывались и попадали во дворец морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, когда сестры ее всплывали вот так на поверхность, оставалась одна-одиношенька и смотрела им вслед, и ей в пору было заплакать, да только русалкам не дано слез, и от этого ей было еще горше.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет! — говорила она. — Я знаю, что очень люблю тот мир и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди-ка сюда, я украшу тебя, как остальных сестер!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, только каждый лепесток был половинкой жемчужины, а потом нацепила ей на хвост восемь устриц в знак ее высокого сана.

— Да это больно! — сказала русалочка.

— Чтоб быть красивой, можно и потерпеть! — сказала бабушка.

Ах, как охотно скинула бы русалочка все это великолепие и тяжелый венок! Красные цветы с ее грядки пошли бы ей куда больше, но ничего не поделаешь.

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, словно пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Когда она подняла голову над водой, солнце только что село, но облака еще отсвечивали розовым и золотым, а в бледно-красном небе уже зажглись ясные вечерние звезды; воздух был мягкий и свежий, море спокойно. Неподалеку стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом — не было ни малейшего ветерка. Повсюду на снастях и реях сидели матросы. С палубы раздавалась музыка и пение, а когда совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков и в воздухе словно бы замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла прямо к окну каюты, и всякий раз, как ее приподымало волной, она могла заглянуть внутрь сквозь прозрачные стекла. Там было множество нарядно одетых людей, но красивее всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет. Праздновался его день рождения, оттого-то на корабле и шло такое веселье. Матросы

плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, в небо взмыли сотни ракет, и стало светло как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но тут же опять высунула голову, и казалось, будто все звезды с неба падают к ней в море. Никогда еще не видала она такого фейерверка. Вертелись колесом огромные солнца, взлетали в синюю высь чудесные огненные рыбы, и все это отражалось в тихой ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждый канат, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал всем руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в чудной ночи.

Уже поздно было, а русалочка все не могла глаз оторвать от корабля и от прекрасного принца. Погасли разноцветные фонарики, не взлетали больше ракеты, не гремели пушки, зато загудело и заворчал в глуби морской. Русалочка качалась на волнах и все заглядывала в каюту, а корабль стал набирать ход, один за другим распускались паруса, все выше вздымались волны, собирались тучи, вдали засверкали молнии.

Надвигалась буря, матросы принялись убирать паруса. Корабль, раскачиваясь, летел по разбушевавшемуся морю, волны вздымались огромными черными горами, норовя перекатиться через мачту, а корабль нырял, словно лебедь, между высоченными валами и вновь возносился на гребень громаздящейся волны. Русалочке все это казалось приятной прогулкой, но не матросам. Корабль стонал и трещал; вот подалась под ударами волн толстая обшивка бортов, волны захлестнули корабль, переломилась пополам, как тростинка, мачта, корабль лег на бок, и вода хлынула в трюм. Тут уж русалочка поняла, какая опасность угрожает людям,—

ей и самой приходилось увертываться от бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту стало темно, хоть глаз выколи, но вот блеснула молния, и русалочка опять увидела людей на корабле. Каждый спасался, как мог. Она искала глазами принца и увидела, как он упал в воду, когда корабль развалился на части. Сперва она очень обрадовалась — ведь он попадет теперь к ней на дно, но тут же вспомнила, что люди не могут жить в воде и он приплывет во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем не думая о том, что они могут ее раздавить. Она то ныряла глубоко, то взлетала на волну и наконец доплыла до юного принца. Он почти уже совсем выбился из сил и плыть по бурному морю не мог. Руки и ноги отказывались ему служить, прекрасные глаза закрылись, и он утонул бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно...

К утру буря стихла. От корабля не осталось и щепки. Опять засверкало над водой солнце и как будто вернуло краски щекам принца, но глаза его все еще были закрыты.

Русалочка откинула со лба принца волосы, поцеловала его в высокий, красивый лоб, и ей показалось, что он похож на мраморного мальчика, который стоит у нее в саду. Она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела сушу, высокие синие горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленели чудесные леса, а перед ними стояла не то церковь, не то монастырь — она не могла сказать точно, знала только, что это было здание. В саду росли апель-

синные и лимонные деревья, а у самых ворот высокие пальмы. Море вдавалось здесь в берег небольшим заливом тихим, но очень глубоким, с утесом, у которого море намыло мелкий белый песок. Сюда-то и приплыла русалочка с принцем и положила его на песок так, чтобы голова его была повыше на солнце.

Тут в высоком белом здании зазвонили колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла свои волосы и грудь морскою пеной, так что теперь никто не различил бы ее лица, и стала ждать, не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Вскоре к утесу подошла молодая девушка и поначалу очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала других людей, и русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь. Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

Теперь она стала еще тише, еще задумчивее, чем прежде. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто по утрам и вечерам приплывала она к тому месту, где оставила принца. Она видела, как созревали в саду плоды, как их потом собирали, видела, как стаял снег на высоких горах, но принца так больше и не видала и возвращалась домой каждый раз все печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвив руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за своими цветами она больше не ухаживала. Они одичали и разрослись по дорожкам, переплелись стеб-

лями и листьями с ветвями деревьев, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из сестер. За ней узнали и остальные сестры, но больше никто, разве что еще две-три русалки да их самые близкие подруги. Одна из них тоже знала о принце, видела празднество на корабле и даже знала, откуда принц родом и где его королевство.

— Поплыли вместе, сестрица! — сказали русалочке сестры и, обнявшись, поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные позолоченные купола высились над крышей, а между колоннами, окружавшими здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшали большие картины. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал фонтан; струи воды били высоко-высоко под стеклянный купол потолка, через который воду и диковинные растения, росшие по краям бассейна, озаряло солнце.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, ну а она заплывала даже в узкий канал, который проходил как раз под мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на юного принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами. Русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иногда замечали, как полощется по ветру ее длинная серебристо-белая вуаль, им казалось, что это плещет крыльями лебедь.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам с факелом рыбу, они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его, полумертвого, носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы выше облаков, а их страны с лесами и полями раскинулись так широко, что и глазом не охватишь! Очень хотелось русалочке побольше узнать о людях, о их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут,— спрашивала русалочка,— тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

— Ну что ты! — отвечала старуха.— Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет; только когда мы перестаем быть, нас не хоронят, у нас даже нет могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

— Я бы отдала все свои сотни лет за один день

человеческой жизни, — проговорила русалочка.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыку волн, не увижу ни чудесных цветов, ни красного солнца! Неужели я никак не могу пожить среди людей?

— Можешь, — сказала бабушка, — пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами, сделает тебя своей женой и поклянется в вечной верности. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, — твой рыбий хвост, например, — люди находят безобразным. Они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки, или ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю, триста лет — срок немалый... Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены — и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нем танцевали под свое чудное пение водяные

и русалки. Таких прекрасных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно. Незаметно выскользнула она из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла — только бы мне быть с ним. Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Еще ни разу не доводилось ей проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава — кругом был только голый серый песок; вода за ним бурлила и шумела, как под мельничным колесом, и увлекала за собой в пучину все, что только встречала на своем пути. Как раз между такими бурлящими водоворотами и пришлось плыть русалочке, чтобы попасть в тот край, где владычила ведьма. Дальше путь лежал через горячий пузырящийся ил, это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилья, окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нем росли полипы — полуживотные-полурастения, похожие на стоглавых змей, выраставших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым

рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелиться от корня до самой верхушки и хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уж больше не выпускали. Русалочка в испуге остановилась, сердечко ее забилося от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянулись к ней своими извивающимися руками. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплетками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе — на твою же беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди. Хочешь, чтобы юный принц полюбил тебя.

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и

жаба и ужи попадали с нее и шлепнулись на песок.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой, но помни: ты будешь ступать, как по острым ножам, и твои ноги будут кровоточить. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом, подумав о принце.

— Помни, — сказала ведьма, — раз ты примешь человеческий облик, тебе уж не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет ради тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не сделает тебя своей женой, ты погибнешь; с первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской.

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— А еще ты должна заплатить мне за помощь, — сказала ведьма. — И я недешево возьму! У тебя чудный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку

свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

— Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне? — спросила русалочка.

— Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза — этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся: высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

— Чистота — лучшая красота! — сказала она и обтерла котел связкой живых ужей.

Потом она расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, и скоро стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и когда питье закипело, оно забулькало так, будто плакая крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой.

— Бери! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток.

Потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить.

— Схватят тебя полипы, когда поплывешь назад, — напутствовала ведьма, — брызни на них каплю питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусочков.

Но русалочке не пришлось этого делать — полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела

больше войти туда — ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на широкую мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто ее пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял прекрасный принц и с удивлением рассматривал ее. Она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у нее появились две маленькие беленькие ножки. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-синими глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Правду сказала ведьма: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла рука об руку с принцем легко, точно по воздуху. Принц и его свита только дивились ее чудной, плавной походке.

Русалочку нарядили в шелк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Как-то раз к принцу и его царственным родителям позвали девушек-рабынь, раздетых в шелк и золото. Они стали петь, одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей.

Грустно стало русалочке: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, только чтобы быть возле него!»

Потом девушки стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые прекрасные руки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц; он называл русалочку своим маленьким найденышем, а русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птицы, а зеленые ветви касались ее плеч. Они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

А ночью во дворце у принца, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, ставила пылающие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а

один раз она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много лет не подымалась из воды, и самого царя морского с короной на голове, они простирали к ней руки, но не смели подплыть к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и принцессой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе, если бы он отдал свое сердце и руку другой, она стала бы пеной морской.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал ее и целовал в губ.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль затонул, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но только ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка при-

надлежит храму, никогда не вернется в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не полюблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденныш с говорящими глазами!

И он целовал ее в розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и любви.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на корабле, который должен был отвезти их в страну соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штите, о диковинных рыбах, что живут в пучине, и о том, что видели там ныряльщики, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смот-

реть в прозрачные волны, и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старая бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и протягивали к ней свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, а юнга подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань нарядной столицы соседнего королевства. В городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов; на площадях стояли полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было — она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

— Это ты! — сказал принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зардевшуюся невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня.

Русалочка поцеловала ему руку, а сердце ее, казалось, вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить ее, превратить в пену морскую.

В тот же вечер принц с молодой женой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскинут шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; в шатре они должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно заскользил по волнам и понесся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись разноцветные фонарики, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда еще не танцевала она так чудесно! Ее нежные ножки резало как ножами, но этой боли она не чувствовала — сердцу ее было еще больнее. Она знала, что один лишь вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и терпела невыносимые мучения, о которых принц и не догадывался. Лишь одну ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой на сердце; принц же целовал красавицу жену, а она играла его черными кудрями; наконец рука об руку они удалились в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, только рулевой остался у руля. Русалочка оперлась о поручни и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, она знала, должен был убить ее.

И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем превратишься в соленую пену морскую. Но спеши! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца. Убей принца и вернись к нам! Поспеш. Видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка молодой жены покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей жены — она одна была у него в мыслях! — и нож дрогнул в руках у русалочки. Еще минута — и она бросила его в волны, и они покраснели, как будто в том месте, где он упал, из моря выступили капли крови.

В последний раз взглянула она на принца полугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и

русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. Она видела сквозь них белые паруса корабля и розовые облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не расслышало бы ее, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, легкие и прозрачные. Русалочка заметила, что и она стала такой же, оторвавшись от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь в воздухе, и ее голос звучал такую же дивную музыкой.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — Мы летаем повсюду и всем стараемся приносить радость. В жарких странах, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, мы навеем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несем людям исцеление и отраду... Летим с нами в заоблачный мир! Там ты обретешь любовь и счастье, каких не нашла на земле.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с молодой женой ищут ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и вознеслась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

ЕЛКА

стояла в лесу этакая славенькая елочка; место у нее было хорошее: и солнышко ее пригревало, и воздуха было вдосталь, а вокруг росли товарищи постарше, ель да сосна. Только не терпелось елочке самой стать взрослой; не думала она ни о теплом солнышке, ни о свежем воздухе; не замечала и говорливых деревенских детишек, когда они приходили в лес собирать землянику или малину. Наберут полную кружку, а то нанижут ягоды на соломины, подсядут к елочке и скажут:

— Какая славная елочка!

А ей хоть бы и вовсе не слушать таких речей.

Через год подросла елочка на один побег, через год вытянулась еще немножко; так, по числу побегов, всегда можно узнать, сколько лет росла елка.

— Ах, быть бы мне такой же большой, как другие! — вздыхала елка. — Уж как бы широко раскинулась я ветвями да выглянула макушкой на вольный свет! Птицы вили бы гнезда у меня в ветвях, а как подует ветер, я кивала бы с достоинством, не хуже других!

И не были ей в радость ни солнце, ни птицы, ни алые облака, утром и вечером проплывавшие над нею.

Когда стояла зима и снег лежал вокруг искрящейся белой пеленой, частенько являлся вприпрыжку заяц и перескакивал прямо через елочку — такая обида! Но прошло две зимы, и на третью

елка так подросла, что зайцу уже приходилось обегать ее кругом.

«Ах! Вырасти, вырасти, стать большой и старой — лучше этого нет ничего на свете!» — думала елка.

По осени в лес приходили дровосеки и валили сколько-то самых больших деревьев. Так случалось каждый год, и елка, теперь уже совсем взрослая, всякий раз трепетала — с таким стоном и звоном падали наземь большие прекрасные деревья. С них срубали ветви, и они были такие голые, длинные, узкие — просто не узнать. Но потом их укладывали на повозки, и лошади увозили их прочь из лесу. Куда? Что их ждало?

Весной, когда прилетели ласточки и аисты, елка спросила у них:

— Вы не знаете, куда их увезли? Они вам не попадались?

Ласточки не знали, но аист призадумался, кивнул головой и сказал:

— Пожалуй что, знаю. Когда я летел из Египта, мне встретилось много новых кораблей с великолепными мачтами. По-моему, это они и были: от них пахло елью. Я с ними много раз здоровался, и голову они держали высоко, очень высоко.

— Ах, если б и я была взрослой и могла поплыть через море! А какое оно из себя, это море? На что оно похоже?

— Ну, это долго рассказывать, — ответил аист и улетел.

— Радуйся своей молодости! — говорили солнечные лучи. — Радуйся юной жизни, которая играет в тебе!

И ветер ласкал елку, и роса проливалась над ней слезы, но она этого не понимала.

Как подходило Рождество, рубили в лесу совсем

юные елки, иные из них были даже моложе и ниже ростом, чем наша, которая не знала покоя и все рвалась из лесу. Эти деревца, а они, кстати сказать, были самые красивые, всегда сохраняли свои ветки, их сразу укладывали на повозки, и лошади увозили их из лесу.

— Куда они? — спрашивала елка. — Они ведь не больше меня, а одна так и вовсе меньше. Почему они сохранили все свои ветки? Куда они едут?

— Мы знаем! Мы знаем! — чирикали воробьи. — Мы бывали в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда они едут! Их ждет такой блеск и слава, что и не придумаешь! Мы заглядывали в окна, мы видели! Их сажают посреди теплой комнаты и украшают замечательными вещами — золочеными яблоками, медовыми пряниками, игрушками и сотнями свечей!

— А потом? — спрашивала елка, трепеща ветвями. — А потом? Потом что?

— Больше мы ничего не видали! Это было бесподобно!

— А может, и мне суждено пойти этим сияющим путем! — ликовала елка. — Это еще лучше, чем плавать по морю. Ах, как я томлюсь! Хоть бы поскорей опять Рождество! Теперь и я такая же большая и рослая, как те, которых увезли в прошлом году... Ах, только бы мне попасть на повозку! Только бы попасть в теплую комнату со всей этой славой и великолепием! А потом?.. Ну, а потом будет что-то еще лучше, еще прекраснее, а то к чему же еще так наряжать меня? Уж конечно, потом будет что-то еще более величественное, еще более великолепное!.. Но что? Ах, как я тоскую, как томлюсь! Сама не знаю, что со мной делается!

— Радуйся мне! — говорили воздух и солнечный

свет.— Радуйся своей юной свежести здесь, на при-
волье!

Но она ни капельки не радовалась; она росла и росла, зиму и лето стояла она зеленая; темно-зеленая стояла она, и все, кто ни видел ее, говорили: «Какая славная елка!» — и под Рождество срубили ее первую. Глубоко, в самое нутро ее вошел топор, елка со вздохом пала наземь, и было ей больно, было дурно, и не могла она думать ни о каком счастье, и тоска была разлучаться с родиной, с клочком земли, на котором она выросла: знала она, что никогда больше не видать ей своих милых старых товарищей, кустиков и цветков, росших вокруг, а может, даже и птиц. Отъезд был совсем невеселым.

Очнулась она, лишь когда ее сгрузили во дворе вместе с остальными и чей-то голос сказал:

— Вот эта просто великолепна! Только эту!

Пришли двое слуг при полном параде и внесли елку в большую красивую залу. Повсюду на стенах висели портреты, на большой изразцовой печи стояли китайские вазы со львами на крышках; были тут кресла-качалки, шелковые диваны и большие столы, а на столах книжки с картинками и игрушки, на которые потратили, наверное, сто раз по сто риксдалеров,— во всяком случае, дети говорили так. Елку поставили в большую бочку с песком, но никто бы и не подумал, что это бочка, потому что она была обернута зеленой материей, а стояла на большом пестром ковре. Ах, как трепетала елка! Что-то будет теперь? Девушки и слуги стали наряжать ее. На ветвях повисли маленькие сумочки, вырезанные из цветной бумаги, и каждая была наполнена сладостями; золоченые яблоки и грецкие орехи словно сами выросли на елке, и больше ста маленьких свечей, красных, белых и голубых, вот-

кнули ей в ветки, а на ветках среди зелени закачались куколки, совсем как живые человечки,— елка еще ни разу не видела таких,— закачались среди зелени, а вверху, на самую макушку, ей посадили усыпанную золотыми блестками звезду. Это было великолепно, совершенно бесподобно...

— Сегодня вечером,— говорили все,— сегодня вечером она засияет!

«Ах! — подумала елка.— Скорей бы вечер! Скорей бы зажгли свечи! И что же будет тогда? Уж не придут ли из леса деревья посмотреть на меня? Уж не слетятся ли воробьи к окнам? Уж не приживусь ли я здесь, уж не буду ли стоять разубранная зиму и лето?»

Да, она изрядно во всем разбиралась и томилась до того, что у нее прямо-таки раззуделась кора, а для дерева это все равно что головная боль для нашего брата. И вот зажгли свечи. Какой блеск, какое великолепие! Елка затрепетала всеми своими ветвями, так что одна из свечей пошла огнем по ее зеленой хвое; горячо было ужасно.

— Господи помилуй! — закричали девушки и бросились гасить огонь.

Теперь елка не смела даже и трепетать. О, как страшно ей было! Как боялась она потерять хоть что-нибудь из своего убранства, как была ошеломлена всем этим блеском... И тут распахнулись створки дверей, и в зал гурьбой ворвались дети, и было так, будто они вот-вот свалят елку. За ними степенно следовали взрослые. Малыши замерли на месте, но лишь на мгновение, а потом пошло такое веселье, что только в ушах звенело. Дети пустились в пляс вокруг елки и один за другим срывали с нее подарки.

«Что они делают? — думала елка.— Что будет дальше?»

Свечи выгорали вплоть до самых ветвей, и, когда они выгорели, их потушили, и дозволено было детям обобрать елку. О, как они набросились на нее! Только ветки затрещали. Не будь она привязана макушкой с золотой звездой к потолку, ее бы опрокинули.

Дети кружились в хороводе со своими великолепными игрушками, а на елку никто и не глядел, только старая няня высматривала среди ветвей, не осталось ли где забытого яблока или финика.

— Сказку! Сказку! — закричали дети и подтащили к елке маленького толстого человечка, и он уселся прямо под ней.

— Так мы будем совсем как в лесу, да и елке не мешает послушать, — сказал он. — Только я расскажу всего одну сказку. Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который с лестницы свалился, а все ж таки в честь попал да принцессу за себя взял?

— Про Иведе-Аведе! — кричали одни.

— Про Клумпе-Думпе! — кричали другие.

И был шум и гам, одна только елка молчала и думала: «А я-то что же, уж больше не с ними, ничего уж больше не сделаю?» Она свое отыграла, она, что ей было положено, сделала.

И толстый человечек рассказал про Клумпе-Думпе, что с лестницы свалился, а все ж таки в честь попал да принцессу за себя взял. Дети захлопали в ладоши, закричали: «Еще, еще расскажи!», им хотелось послушать и про Иведе-Аведе, но пришлось остаться при Клумпе-Думпе. Совсем притихшая, задумчивая стояла елка, птицы в лесу ничего подобного не рассказывали.

«Клумпе-Думпе с лестницы свалился, а все ж таки принцессу за себя взял! Вот-вот, бывает же такое на свете! — думала елка и верила, что все это

правда, ведь рассказывал-то такой славный человек.— Вот-вот, почему знать? Может, и я с лестницы свалюсь и выйду за принца».

И она радовалась, что завтра ее опять украсят свечами и игрушками, золотом и фруктами.

«Уж завтра-то я не буду так трястись! — думала она.— Завтра я вдосталь натешусь своим торжеством. Опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может, и про Иведе-Аведе». Так, тихая и задумчивая, простояла она всю ночь.

Попутру пришел слуга со служанкой.

«Сейчас меня опять начнут наряжать!» — подумала елка. Но ее волоком потащили из комнаты, потом вверх по лестнице, потом на чердак, а там сунули в темный угол, куда не проникал дневной свет. «Что бы это значило? — думала елка.— Что мне тут делать? Что я могу тут услышать?» И она прислонилась к стене и так стояла и все думала, думала. Времени у нее было достаточно.

Много дней и ночей миновало; на чердак никто не приходил. А когда наконец кто-то пришел, то затем лишь, чтобы поставить в угол несколько больших ящиков. Теперь елка стояла совсем запятанная в угол, о ней как будто окончательно забыли.

«На дворе зима! — подумала она.— Земля затвердела и покрылась снегом, люди не могут пересадить меня, стало быть, я, верно, простою тут под крышей до весны. Как умно придумано! Какие они все-таки добрые, люди!.. Вот если б только тут не было так темно, так страшно одиноко... Хоть бы один зайчишка какой! Славно все-таки было в лесу, когда вокруг снег, да еще заяц проскочит, пусть даже и перепрыгнет через тебя, хотя когда-то я этого терпеть не могла. Все-таки ужасно одиноко здесь наверху!»

— Пип! — сказала вдруг маленькая мышь и выскочила из норы, а за нею следом еще одна малышка.

Они обнюхали елку и стали шмыгать по ее ветвям.

— Тут жутко холодно! — сказали мыши. — А то бы просто благодать! Правда, старая елка?

— Я вовсе не старая! — отвечала елка. — Есть много деревьев куда старше меня!

— Откуда ты? — спросили мыши. — И что ты знаешь? — Они были ужасно любопытные. — Расскажи нам про самое чудесное место на свете! Ты была там? Ты была когда-нибудь в кладовке, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока, где можно плясать по сальным свечам, куда войдешь тощей, откуда выйдешь жирной?

— Не знаю я такого места, — сказала елка, — зато знаю лес, где светит солнце и поют птицы!

И рассказала елка все про свою юность, а мыши отродясь ничего такого не слышали и, выслушав елку, сказали:

— Ах, как много ты видела! Ах, как счастлива ты была!

— Счастлива? — переспросила елка и задумалась над своими словами. — Да, пожалуй, веселые были денечки!

И тут рассказала она про Сочельник, про то, как ее разубрали пряниками и свечами.

— О! — сказали мыши. — Какая же ты была счастливая, старая елка!

— Я вовсе не старая! — сказала елка. — Я пришла из лесу только нынешней зимой! Я в самой поре! Я только что вошла в рост!

— Как славно ты рассказываешь! — сказали мыши и на следующую ночь привели с собой еще четырех послушать ее.

И чем больше елка рассказывала, тем яснее припоминала все и думала: «А ведь и в самом деле веселые были денечки! Но они вернутся, вернутся! Клумпе-Думпе с лестницы свалился, а все ж таки принцессу за себя взял, так, может, и я за принца выйду!» И вспомнился елке этакий хорошенький молоденький дубок, что рос в лесу, и был он для елки настоящий прекрасный принц.

— А кто такой Клумпе-Думпе? — спросили мыши.

И елка рассказала всю сказку, она запомнила ее слово в слово. И мыши подпрыгивали от радости чуть ли не до самой ее верхушки.

На следующую ночь мышей пришло куда больше, а в воскресенье явились даже две крысы. Но крысы сказали, что сказка вовсе не так уж хороша, и мыши очень огорчились, потому что теперь и им сказка стала меньше нравиться.

— Вы только одну эту историю и знаете? — спросили крысы.

— Только одну! — отвечала елка. — Я слышала ее в самый счастливый вечер всей моей жизни, но тогда я и не думала, как счастлива я была.

— Чрезвычайно убогая история! А вы не знаете какой-нибудь еще — со шпиком, с сальными свечами? Истории про кладовую?

— Нет, — отвечала елка.

— Так премного благодарны! — сказали крысы и убрались восвояси.

Мыши в конце концов тоже разбежались, и тут елка сказала, вздыхая:

— А все ж хорошо было, когда они сидели вокруг, эти резвые мышки, и слушали, что я им рассказываю! Теперь и этому конец. Но уж теперь-то я не упущу случая порадоваться, как только меня снова вынесут на белый свет!

Но когда это случилось... Да, это было утром, пришли люди и шумно завозились на чердаке. Ящики передвинули, елку вытащили из угла; ее, правда, болезнхонько шваркнули об пол, но слуга тут же поволок ее к лестнице, где брезжил дневной свет.

«Ну вот, это начало новой жизни!» — подумала елка. Она почувствовала свежий воздух, первый луч солнца, и вот уж она на дворе. Все произошло так быстро; елка даже забыла оглядеть себя, столько было вокруг такого, на что стоило посмотреть. Двор примыкал к саду, а в саду все цвело. Через изгородь перевешивались свежие, душистые розы, стояли в цвету липы, летали ласточки. «Вить-вить! Вернулась моя женушка!» — щебетали они, но говорилось это не про елку.

«Уж теперь-то я заживу!» — радовалась елка, расправляя ветви. А ветви-то были все высохшие да пожелтевшие, и лежала она в углу двора в крапиве и сорняках. Но на верхушке у нее все еще сидела звезда из золоченой бумаги и сверкала на солнце.

Во дворе весело играли дети — те самые, что в Сочельник плясали вокруг елки и так радовались ей. Самый младший подскочил к елке и сорвал звезду.

— Поглядите, что еще осталось на этой гадкой старой елке! — сказал он и стал топтать ее ветви, так что они захрустели под его сапожками.

А елка взглянула на сад в свежем убранстве из цветов, взглянула на себя и пожалела, что не осталась в своем темном углу на чердаке; вспомнила свою свежую юность в лесу, и веселый Сочельник, и маленьких мышек, которые с таким удовольствием слушали сказку про Клумпе-Думпе.

— Конец, конец! — сказало бедное дерево. — Уж хоть бы я радовалась, пока было время! Конец, конец!

Пришел слуга и разрубил елку на щепки — вышла целая охапка; жарко запылали они под большим пивоваренным котлом; и так глубоко вздыхала елка, что каждый вздох был как маленький выстрел; игравшие во дворе дети сбежались к костру, уселись перед ним и, глядя в огонь, кричали:

— Пиф-паф!

А елка при каждом выстреле, который был ее глубоким вздохом, вспоминала то солнечный летний день, то звездную зимнюю ночь в лесу, вспоминала Сочельник и сказку про Клумпе-Думпе — единственную, которую слышала и умела рассказывать... Так она и сгорела.

Мальчишки играли во дворе, и на груди у самого младшего красовалась звезда, которую носила елка в самый счастливый вечер своей жизни; он прошел, и с елкой все кончено, и с этой историей тоже. Кончено, кончено, и так бывает со всеми историями.

ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА

ила-была штопальная игла. Она так важничала, словно была тонкой швейной иголкой.

— Осторожнее! — сказала она пальцам, которые вынимали ее из коробки. — Не уроните меня! Упаду на пол — чего доброго, затеряюсь, такая я тонкая.

— Будто уж! — ответили пальцы и крепко обхватили штопальную иглу.

— Вот видите, — сказала штопальная игла, — со мной целая свита! — И она потянула за собой длинную нитку, только без узелка.

Пальцы ткнули иглу в старый кухаркин башмак: на нем лопнула кожа и надо было зашить дыру.

— Фу, какая черная работа! — сказала штопальная игла. — Я не выдержу. Я сломаюсь!

И сломалась.

— Ну вот! — сказала игла. — Я же говорила, что я слишком тонка.

«Теперь она никуда не годится», — подумали пальцы, но все же продолжали крепко держать иглу; кухарка накапала на сломанный конец сургуча и заколола иглой свой шейный платок.

— Вот теперь я брошка! — сказала штопальная игла. — Я всегда знала, что займу высокое положение: в ком есть толк, тот не пропадет.

И она усмехнулась про себя — никто ведь не слышал, чтобы штопальные иглы смеялись вслух. Вид у нее был такой гордый, будто она ехала в карете и поглядывала по сторонам.

— Позвольте спросить, вы из золота? — обратилась игла к своей соседке-булавке. — Вы очень милы, и у вас собственная голова. Жаль только, маловата. Постарайтесь отрастить ее — не всякому ведь достается головка из настоящего сургуча.

При этом штопальная игла так гордо выпрямилась, что вылетела из платка и угодила прямо в сточный желоб, куда кухарка выливала помой.

— Отправляюсь в плавание! — заявила штопальная игла. — Только бы не застрять тут.

Но она застряла.

— Ах, я слишком тонка, я не создана для этого мира! — вздохнула она, сидя на дне уличной

канавы.— Но не надо падать духом — я ведь знаю себе цену.

И она тянулась в струнку и духом не падала.

Над ней проплывала всякая всячина — щепки, соломинки, клочки старых газет...

— Ишь плывут! — говорила штопальная игла.— И ни один не догадается, кто торчит здесь, под водой. А ведь это я здесь торчу! Я сижу! Вон плывет щепка. У нее только и мыслей что о щепках. Щепкой она и останется. А вон соломинка несется... Вертится-то, вертится-то как! Не задирай носа! Смотри, наткнешься на камень. А вон обрывок газеты. Все давно уж забыто, что на нем напечатано, а он глядите как важничает... Одна я сижу тихо и смирно. Я знаю себе цену, и этого у меня никто не отнимет.

Вдруг возле нее что-то блеснуло. «Брильянт!» — подумала штопальная игла. А это был простой бутылочный осколок, но он ярко блестел на солнце. И штопальная игла с ним заговорила.

— Я брошка! — сказала она.— А вы, должно быть, брильянт?

— Да, в этом роде,— ответил бутылочный осколок.

И они разговорились — каждый считал другого и себя настоящей драгоценностью, а все прочие на свете казались им зазнайками.

Штопальная игла сказала:

— Я жила в коробке у одной девицы. Девица эта была кухаркой. У нее на каждой руке было по пять пальцев, и вы не можете себе представить, до чего доходило их чванство. А ведь у них только и дела было, что вынимать меня из коробки да класть обратно.

— А они блестели? — спросил бутылочный осколок.

— Блестели? — переспросила игла. — Нет, блеска в них не было, зато чванства хоть отбавляй. Их было пять родных братьев. Все были разного роста, но держались всегда вместе — шеренгой. Только крайний из них, Толстяк, выдавался из ряда. Кланяясь, он сгибался только пополам, а не в три погибели, как остальные братья. Зато он хвастался, что если его отрубят, то весь человек будет негоден для военной службы. Второй палец звался Лакомкой. Куда только он не тыкался — и в сладкое, и в кислое, и в солнце, и в луну. А когда кухарка писала, он нажимал на перо. Третьего брата звали Долговязым. Он смотрел на всех свысока. Четвертый, по прозвищу Златоперст, носил вместо пояса золотое кольцо. Ну а самый маленький — Пер-музыкант — ничего не делал и очень этим гордился. Хвастунами они были, хвастунами и остались, а я вот угодила из-за них в канаву.

— Зато теперь мы сидим и блестим, — сказал бутылочный осколок.

Но тут воды в канаве прибывало, она хлынула через край и унесла с собой бутылочный осколок.

— Вот и он пошел на повышение! — вздохнула штопальная игла. — А я осталась. Видно, я слишком тонка. Но я горжусь этим, и это благородная гордость.

И она сидела прямо на дне канавы и передумала много дум.

«Я, наверно, родилась от солнечного луча — так я тонка. Недаром мне кажется, что солнце все время ищет меня под водой. Ах, я так тонка, что мой бедный отец никак не может меня найти! Не отломись моя старая головка с глазком, я, кажется, заплакала бы сейчас. Впрочем, нет, я бы этого не сделала. Это неприлично».

Однажды пришли уличные мальчишки и стали

копаться в канаве, выискивая старые гвозди, монетки и все в том же духе. Перепачкались они страшно, но это-то и доставляло им удовольствие.

— Ай! — вскрикнул вдруг один из мальчишек. Он укололся о штопальную иглу. — Гляди-ка, что за штука!

— Я не штука, я барышня! — заявила штопальная игла, но никто ее не услышал.

Старую штопальную иглу трудно было узнать. Сургучная головка отвалилась, сама игла вся почернела. Но в черном всегда выглядишь стройнее, и игла воображала, что стала еще тоньше прежнего.

— Вон плывет яичная скорлупа! — закричали мальчишки, поймали скорлупу и воткнули в нее штопальную иглу.

«Белое идет к черному, — подумала штопальная игла. — Теперь меня всем видать! Только бы не поддаться морской болезни, это меня сломит».

Но она не поддавалась морской болезни и не сломилась.

«Против морской болезни хорошо иметь стальной желудок и притом никогда не забывать, что ты выше простого смертного. Теперь я совсем оправилась. Кто поблагороднее, тот, оказывается, и выносливее».

— Крак! — сказала яичная скорлупа. Ее переехал тяжело груженный воз.

— Ой, как давит! — завопила штопальная игла. — Теперь уж меня непременно скрутит морская болезнь! Я не выдержу!

Но она выдержала. Воз проехал, а штопальная игла осталась лежать на мостовой, как лежала.

Ну и пусть себе лежит.

ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ

Видали вы когда-нибудь старинный-старинный шкаф, почерневший от времени и украшенный резными завитушками и листьями? Такой вот шкаф — прабабушкино наследство — стоял в гостиной. Он был весь покрыт резьбой — розами, тюльпанами и самыми затейливыми завитушками. Между ними вытлывали оленьи головки с ветвистыми рогами, а на самой середке был вырезан во весь рост человек. На него нельзя было глядеть без смеха, да и сам он ухмылялся от уха до уха — улыбкой такую гримасу никак не назовешь. У него были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода. Дети звали его обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног, потому что выговорить такое имя трудно и дается такой титул не многим. Зато и вырезать такую фигуру не легко, ну да все-таки вырезали. Человек все время смотрел на подзеркальный столик, где стояла хорошенькая фарфоровая пастушка. Позолоченные башмаки, юбочка, грациозно подколотая пунцовой розой, позолоченная шляпа на головке и пастуший посох в руке — ну разве не красота!

Рядом с нею стоял маленький трубочист, черный как уголь, но тоже из фарфора и такой же чистенький и милый, как все иные прочие. Он ведь только изображал трубочиста, и мастер точно так же мог бы сделать его принцем — все равно!

Он стоял грациозно, с лестницей в руках, и лицо

у него было бело-розовое, словно у девочки, и это было немножко неправильно, он мог бы быть и почумазей. Стоял он совсем рядом с пастушкой — как их поставили, так они и стояли. А раз так, они взяли да обручились. Парочка вышла хоть куда: оба молодые, оба из одного и того же фарфора и оба одинаково хрупкие.

Тут же рядом стояла еще одна кукла, втрое больше их ростом, — старый китаец, умевший кивать головой. Он был тоже фарфоровый и называл себя дедушкой маленькой пастушки, вот только доказательств у него не хватало. Он утверждал, что она должна его слушаться, и потому кивал головою обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

— Хороший у тебя будет муж! — сказал старый китаец. — Похоже, даже из красного дерева. С ним ты будешь обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержантшей. У него целый шкаф серебра, не говоря уж о том, что лежит в потайных ящиках.

— Не хочу в темный шкаф! — отвечала пастушка. — Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жен!

— Ну так будешь двенадцатой! — сказал китаец. — Ночью, как только старый шкаф закричит, сыграем вашу свадьбу, иначе не быть мне китайцем!

Тут он кивнул головой и заснул.

А пастушка расплакалась и, глядя на своего милого фарфорового трубочиста, сказала:

— Прошу тебя, убежим со мной куда глаза глядят. Тут нам нельзя оставаться.

— Ради тебя я готов на все! — отвечал трубочист. — Уйдем сейчас же! Уж наверное, я сумею прокормить тебя своим ремеслом.

— Только бы спуститься со столика! — сказала

она.— Я не вздохну свободно, пока мы не будем далеко-далеко!

Трубочист успокаивал ее и показывал, куда ей лучше ступать своей фарфоровой ножкой, на какой выступ или золоченую завитушку. Его лестница также сослужила им добрую службу, и в конце концов они благополучно спустились на пол. Но, взглянув на старый шкаф, они увидели там страшный переполох. Резные олени вытянули вперед головы, выставили рога и вертели ими во все стороны, а обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног высоко подпрыгнул и крикнул старому китайцу:

— Они убегают! Убегают!

Пастушка и трубочист испугались и шмыгнули в подоконный ящик. Тут лежали разрозненные колоды карт, был кое-как установлен кукольный театр. На сцене шло представление.

Все дамы — бубновые и червонные, трефовые и пиковые — сидели в первом ряду и обмахивались тюльпанами, а за ними стояли валеты и старались показать, что и они о двух головах, как все фигуры в картах. В пьесе изображались страдания влюбленной парочки, которую разлучали, и пастушка заплакала: это так напомнило ее собственную судьбу.

— Сил моих больше нет! — сказала она трубочисту.— Уйдем отсюда!

Но когда они очутились на полу и взглянули на свой столик, они увидели, что старый китаец проснулся и раскачивается всем телом — ведь внутри него перекачивался свинцовый шарик.

— Ай, старый китаец гонится за нами! — вскрикнула пастушка и в отчаянии упала на свои фарфоровые колени.

— Стой! Придумал! — сказал трубочист.—

Видишь вон там, в углу, большую вазу с сушеными душистыми травами и цветами? Спрячемся в нее! Ляжем там на розовые и лавандовые лепестки, и если китаец доберется до нас, засыплем ему глаза солью¹.

— Ничего из этого не выйдет! — сказала пастушка. — Я знаю, китаец и ваза были когда-то помолвлены, а от старой дружбы всегда что-нибудь да остается. Нет, нам одна дорога — пуститься по белу свету!

— А у тебя хватит на это духу? — спросил трубочист. — Ты подумала о том, как велик свет? О том, что нам уж никогда не вернуться назад?

— Да, да! — отвечала она.

Трубочист пристально посмотрел на нее и сказал:

— Мой путь ведет через дымовую трубу! Хватит ли у тебя мужества залезть со мной в печку, а потом в дымовую трубу? Там-то уж я знаю, что делать! Мы поднимемся так высоко, что до нас и не доберутся. Там, на самом верху, есть дыра, через нее можно выбраться на белый свет!

И он повел ее к печке.

— Как тут черно! — сказала она, но все-таки полезла за ним и в печку, и в дымоход, где было темно, хоть глаз выколи.

— Ну вот мы и в трубе! — сказал трубочист. — Смотри, смотри! Прямо над нами сияет чудесная звездочка!

На небе и в самом деле сияла звезда, словно указывая им путь. А они лезли, карабкались ужасной дорогой все выше и выше. Но трубочист подерживал пастушку и подсказывал, куда ей удобнее

¹ В старину в комнатах ставили для запаха вазы с сухими цветами и травами; смесь эта посыпалась солью, чтобы сильнее пахла.

ставить свои фарфоровые ножки. Наконец они добрались до самого верха и присели отдохнуть на край трубы — они очень устали, и не мудрено.

Над ними было усеянное звездами небо, под ними все крыши города, а кругом на все стороны, и вширь и вдаль, распахнулся вольный мир. Бедная пастушка никак не думала, что свет так велик. Она склонилась головкой к плечу трубочиста и заплакала так горько, что слезы смыли всю позолоту с ее пояса.

— Это для меня слишком! — сказала пастушка. — Этого мне не вынести! Свет слишком велик! Ах, как мне хочется обратно на подзеркальный столик! Не будет у меня ни минуты спокойной, пока я туда не вернусь! Я ведь пошла за тобой на край света, а теперь ты проводи меня обратно домой, если любишь меня!

Трубочист стал ее вразумлять, напоминал о старом китайце и обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанте Козлоноге, но она только рыдала безутешно да целовала своего трубочиста. Делать нечего, пришлось уступить ей, хоть это и было неразумно.

И вот они спустились обратно вниз по трубе. Не легко это было! Оказавшись опять в темной печи, они сначала постояли у дверцы, прислушиваясь к тому, что делается в комнате. Все было тихо, и они выглянули из печи. Ах, старый китаец валялся на полу: погнавшись за ними, он свалился со столика и разбился на три части. Спина отлетела начисто, голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант стоял, как всегда, на своем месте и раздумывал.

— Какой ужас! — воскликнула пастушка. — Старый дедушка разбился, и виною этому мы! Ах, я этого не переживу!

И она заломила свои крошечные ручки.

— Его еще можно починить! — сказал трубочист. — Его отлично можно починить! Только не волнуйся! Ему приклеят спину, а в затылок вгонят хорошую заклепку, и он опять будет совсем как новый и сможет наговорить нам кучу неприятных вещей!

— Ты думаешь? — сказала пастушка.

И они снова вскарабкались на свой столик.

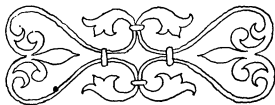
— Далеко же мы с тобою ушли! — сказал трубочист. — Не стоило и трудов!

— Только бы дедушку починили! — сказала пастушка. — Или это очень дорого обойдется?..

Дедушку починили: приклеили ему спину и вогнали в затылок хорошую заклепку. Он стал как новый, только головой кивать перестал.

— Вы что-то загордились с тех пор, как разбились! — сказал ему обер-унтер-генерал-кригс-комиссар-сержант Козлоног. — Только с чего бы это? Ну так как, отдадите за меня внучку?

Трубочист и пастушка с мольбой взглянули на старого китайца: они так боялись, что он кивнет. Но кивать он уже больше не мог, а объяснять посторонним, что у тебя в затылке заклепка, тоже радости мало. Так и осталась фарфоровая парочка неразлучна. Пастушка и трубочист благословляли дедушкину заклепку и любили друг друга, пока не разбились.

СТАРЫЙ ДОМ

Н

а одной улице стоял старый-престарый дом, построенный лет триста тому назад. Это можно было прочесть на балке, где год его постройки был вырезан в обрамлении тюльпанов и плетей хмеля. Там же было целое стихотворение, написанное так, как писали в старину, а на балках над каждым окном красовались уморительные рожи. Верхний этаж далеко выступал над нижним, а под самой крышей проходил водосточный желоб, оканчивавшийся головой дракона. Дождевая вода должна была вытекать у дракона из пасти, но текла из брюха — желоб-то был дырявый.

Все прочие дома на улице были такие новенькие, опрятные, с большими окнами и ровными стенами. Сразу видно было, что они не желают иметь ничего общего со старым домом и, пожалуй, даже думают про себя: «Долго ли это старье будет торчать тут на позор всей улице? Из-за этого выступа нам не видно, что делается дальше на нашей стороне улицы. А лестница-то! Широченная, будто во дворце, высоченная, словно ведет на колокольню. Железные перила как у входа в могильный склеп, да еще с медными шишками. Какая безвкусица!»

На другой стороне улицы дома были такие же новенькие, опрятные, и думали они то же самое. Но в одном из них сидел у окна маленький краснощечный мальчик с ясными лучистыми глазами. Ему старый дом и при солнце и при луне нравился куда больше всех остальных. Он глядел на стену старого дома с облупившейся штукатуркой, и его воображе-

нию рисовались самые причудливые картины прошлого: целая улица, застроенная такими же домами с широкими лестницами, выступами и островерхими кровлями, солдаты с алебардами и водосточные желоба, извивающиеся, словно драконы и змеи. Да, на этот дом можно было заглядеться!

А жил в нем старик, носивший панталоны до колен, камзол с большими металлическими пуговицами и парик — самый настоящий, это сразу было видно. По утрам к старику являлся старый слуга, который прибирал в доме и ходил за покупками. Остальное время старик оставался в доме совсем один. Случалось, он подходил к окну и выглядывал на улицу. Мальчик кивал ему, и старик кивал в ответ. Так они познакомились и подружились, хотя не обмолвились ни словом. Ну да это ничуть им не мешало.

Мальчик слышал, как родители его говорили:

— Старику живется неплохо, вот только он ужасно одинок!

И вот в ближайшее же воскресенье мальчик завернул что-то в бумагу, вышел за ворота и остановил проходившего мимо слугу старика.

— Послушай! Снеси-ка это от меня старому господину напротив! У меня два оловянных солдата, так вот ему один! Пусть возьмет его, ведь я знаю, что он ужасно одинок!

Старый слуга обрадованно кивнул и отнес солдата в старый дом. Потом тот же слуга вернулся спросить, не хочет ли мальчик сам побывать у старика. Родители позволили, и мальчик отправился в гости.

Медные шишки на перилах блестели ярче обычного, как будто их вычистили к приходу гостя. А резные трубачи — на дверях были вырезаны трубачи, выглядывающие из тюльпанов, — казалось,

трубили изо всех сил, и щеки их так и раздувались: «Ту-ру-ру! Мальчик идет! Ту-ру-ру!»

Двери открылись, и мальчик вошел в коридор. Стены здесь были увешаны старинными портретами рыцарей в доспехах и дам в шелковых платьях. Доспехи бряцали, платья шуршали... Внутренняя лестница сначала поднималась высоко вверх, а потом приспускалась вниз, и вот уж мальчик на изрядно ветхой террасе с большими дырами и длинными щелями в полу, через которые пробивались зеленая трава и листья. Вся терраса, весь двор и стена дома так густо поросли зеленью, что терраса казалась настоящим садом, хотя на самом-то деле она была всего-навсего терраса! Тут стояли старинные цветочные горшки в виде голов с ослиными ушами. Цветы в них росли как хотели. В одном горшке так и лезла через край гвоздика. Зеленые ростки ее разбегались во все стороны и как будто говорили: «Ветерок ласкает меня, солнышко целует и обещает подарить мне еще один цветок в воскресенье! Цветок в воскресенье!»

С террасы мальчика провели в комнату, обитую свиной кожей, тисненной золотыми цветами.

— Позолота сотрется, свиная кожа остается! — сказали стены.

В этой комнате стояли резные кресла с высокими спинками и подлокотниками.

— Присядь! Присядь! — приглашали они. — Ох, какая ломота в костях! И мы схватили ревматизм, как и старый шкаф. Ревматизм в пояснице!

Наконец мальчик попал в комнату с выступом на улицу. Тут сидел старичок хозяин.

— Спасибо за оловянного солдатика, дружок! — сказал он. — И спасибо за то, что зашел поведать!

«Так, так!» или, скорее, «кряк, кряк!» закрывала вся мебель. Стульев, столов и кресел было так

много, что они чуть ли не выглядывали друг у дружки из-за спины, чтобы посмотреть на мальчика.

На стене висел портрет молодой дамы с красивым живым лицом, но причесанной и одетой по старинной моде: волосы напудрены, платье колоколом. Она не сказала ни «так», ни «крак», а только ласково посмотрела на мальчика, и он сразу же спросил у старика:

— Где ты ее достал?

— Напротив, у старьевщика, — отвечал тот. — Там много таких портретов, но никому до них дела нет: никто не знает, с кого они писаны, все эти люди давным-давно покоятся в земле. Вот и эта дама умерла лет пятьдесят назад, но я знал ее.

За стеклом под картиной висел букет сухих цветов. Им, верно, тоже было лет под пятьдесят, такие старые они были на вид.

Маятник больших часов качался взад и вперед, стрелка двигалась по кругу, и все в комнате старело с каждой минутой, само того не замечая.

— У нас дома говорят, что ты ужасно одинок, — сказал мальчик.

— О, меня постоянно навещают воспоминания прошлого... Они приводят с собой столько знакомых лиц и образов! А теперь вот и ты навестил меня! Нет, мне хорошо!

И старичок снял с полки книгу с картинками. Тут были целые процессии, диковинные кареты, каких сегодня уже не увидишь, солдаты, похожие на трюфовых валетов, ремесленники с развевающимися цеховыми знаменами. У портных на знаменах были изображены ножницы, поддерживаемые двумя львами, а у сапожников не сапоги, а двуглавый орел — сапожники ведь делают все парные вещи.

Да, это была книга так книга!

*Ганс Христиан Андерсен.
Старый дом.*

Старичок хозяин пошел в другую комнату за вареньем, яблоками и орехами. Нет, в старом доме было чудо как хорошо!

— А я здесь не выдержу! — сказал оловянный солдатик, стоявший на сундуке. — Тут так пусто, так печально. Нет, кто привык к жизни в семье, тому здесь не житье. Я здесь не выдержу! День тянется здесь без конца, а вечер и того дольше. Тут не услышишь ни приятных бесед, какие вели, бывало, твои родители, ни веселой возни ребятишек. Нет, старый хозяин так одинок! Ты думаешь, его кто-нибудь целует? Глядит на него ласково? Устраивает у него елку? Ничего у него нет впереди, кроме похорон. Я здесь не выдержу!

— Ну, полно! — сказал мальчик. — По-моему, здесь чудесно. А еще сюда приходят старые воспоминания и приводят с собою столько знакомых лиц!

— Не видал, не знаю! — отвечал оловянный солдатик. — Я здесь не выдержу!

— Должен выдержать! — сказал мальчик.

Тут в комнату вошел сияющий хозяин с отменным вареньем, яблоками и орехами, и мальчик думать забыл об оловянном солдатике.

Веселый и довольный, вернулся он домой. Проходили дни и недели. Мальчик просил слугу кланяться хозяину старого дома, и тот просил кланяться в ответ, и вот мальчик опять отправился к нему в гости.

Резные трубачи затрубили: «Ту-ру-ру! Мальчик идет! Ту-ру-ру!» Рыцари на портретах забряцали мечами и доспехами, дамы зашелестели платьями; свиная кожа заговорила, а старые кресла закрипели и закричали от ревматизма в пояснице: «Ох!» Словом, все было как в первый раз, потому что часы и дни в старом доме шли один как другой, без всякой перемены.

— Я не выдержу! — сказал оловянный солдатик. — Я уже плакал оловом. Здесь чересчур тоскливо. Отправьте меня лучше на войну, пусть я лишусь рук и ног — все-таки перемена. Сил моих больше нет! Теперь я знаю, как это приходят старые воспоминания и приводят с собой знакомые лица! Меня они тоже посетили, и, поверь, им не обрадуешься! Особенно если они зачествят. Под конец я чуть не прыгнул с сундука. Я видел тебя и всех твоих, вы все стояли передо мной как живые. Было то самое воскресное утро, ты помнишь. Все вы, ребятишки, стояли в столовой и пели. Мать и отец стояли рядом. Вдруг дверь отворилась, и вошла ваша двухгодовалая сестренка Мария. А ей стоит только услышать музыку или пение — все равно какое, — сейчас же в пляс. Вот она и давай танцевать, только никак в такт не попадет — вы пели так протяжно. А она вытянет шейку и то одну ножку поднимет, то другую — нет, все не ладится! Я не удержался, засмеялся про себя да и кувырк со стола! Набил себе шишку, до сих пор не прошла, и поделом мне. И еще много чего вспоминается мне. Все, что я видел, слышал и пережил у вас дома, стоит у меня перед глазами. Так вот, оказывается, какие они, эти воспоминания, вот что они приводят с собой... Скажи, вы по-прежнему поете по воскресеньям? Расскажи мне что-нибудь про малютку Марию! И еще — как поживает мой товарищ, второй оловянный солдатик? Вот счастливец! Нет, нет, я просто не выдержу!

— Я тебя подарил! — сказал мальчик. — И ты должен оставаться тут! Как ты этого не понимаешь!

Вошел старичок со шкатулкой, доверху набитой разными занятными вещами: баночками для белил и притинок, старинными картами — таких больших, расписанных золотом, теперь уж не увидишь. Ста-

ричок отпер для гостя и большие ящики старинного бюро, открыл клавикорды, на крышке которых изнутри был нарисован ландшафт. Инструмент издавал тихие дребезжащие звуки, а сам хозяин напевал при этом какую-то песню.

— Это она певала когда-то! — сказал старичок, кивнув на портрет, купленный у старьевщика, и глаза его заблестели.

— Хочу на войну! Хочу на войну! — во все горло закричал оловянный солдатик и бросился с сундука на пол.

Куда же он девался? Искал его и сам старичок хозяин, искал и мальчик — нет нигде, да и только!

— Ну, я найду его после! — сказал старичок, но так и не нашел.

Пол был весь в щелях, солдатик упал в одну из них и лежал там, как в открытой могиле.

День прошел, и мальчик вернулся домой, и прошла неделя, а за ней и еще несколько недель. Окна замерзли, и мальчику приходилось дышать на стекло, чтобы оттаял глазок и можно было взглянуть на старый дом. Снег запорошил все завитушки и надпись на балке, завалил лестницу — дом стоял словно нежилой. Так оно и было: старичок, хозяин его, умер.

Вечером к старому дому подъехала повозка, на нее поставили гроб и повезли старичка за город — его должны были похоронить в фамильном склепе. Никто не шел за гробом — все друзья старика давным-давно умерли. Мальчик послал вслед гробу воздушный поцелуй.

Несколько дней спустя в старом доме назначен был аукцион. Мальчик видел из окна, как уносили старинные портреты рыцарей и дам, цветочные горшки с ослиными ушами, старинные стулья и шкафы.

Все это разошлось что куда. Портрет дамы, купленный в лавке старьевщика, вернулся туда же да так там и остался — никто ведь не знал этой дамы, никому не нужен был ее портрет.

А весной снесли и сам старый дом — эту развалюху, как говорили люди. С улицы можно было видеть комнату, обитую свиной кожей, которая была порвана и свисала клочьями. Зелень террасы густо обвивала падающие балки. А потом место это расчистили совсем.

— Вот и отлично! — сказали соседние дома.

Вместо старого дома появился новый, с большими окнами и ровными белыми стенами. Перед ним, там, где стоял старый дом, разбили садик, и виноградные лозы потянулись оттуда к стене соседнего дома. Перед садиком поставили железную решетку с железной калиткой. Все это выглядело так красиво, что прохожие останавливались и глядели сквозь решетку. Воробьи стайками усаживались на виноградные лозы и чирикали наперебой, да только не о старом доме — они ведь не могли его помнить. С тех пор прошло столько лет, что мальчик успел стать мужчиной — дельным мужчиной, на радость своим родителям. Он только что женился и переехал со своей молодой женой в этот новый дом. И вот он стоял в садике и глядел, как его жена сажала в клумбу приглянувшийся ей полевой цветок. Посадив цветок, она хотела примять землю пальцами и вскрикнула:

— Ой! Что это?

Она укололась — из рыхлой земли торчало что-то острое.

Это был — представьте себе! — оловянный солдатик, тот самый, что пропал у старика, завалялся-затерялся в мусоре и много лет пролежал в земле.

Молодая женщина обтерла солдатика сначала

зеленым листом, а затем своим тонким носовым платком. Какой чудесный аромат исходил от него! Оловянный солдатик словно от обморока очнулся.

— Дай-ка взглянуть! — сказал молодой человек, смеясь и качая головой. — Это, конечно, не тот самый, но он напоминает мне историю с оловянным солдатиком, когда я был еще маленьким.

И он рассказал своей жене о старом доме, его хозяине и оловянном солдатике, которого послал старику, потому что тот был ужасно одинок и рассказывал он так точно и живо, что у молодой женщины навернулись на глаза слезы.

— А может, это все же тот самый? — сказала она. — Спрячу его на память об этой истории. А ты непременно покажи мне могилу старика!

— Я не знаю, где она! — отвечал он. — Да и никто не знает! Все его друзья умерли раньше его, никому не было до него дела, а я тогда был еще совсем маленьким.

— Как ужасно быть таким одиноким! — сказала она.

— Ужасно! — откликнулся оловянный солдатик. — Но какое счастье сознавать, что тебя не забыли!

— Счастье! — повторил чей-то голос совсем рядом, но никто не расслышал его, кроме оловянного солдатика.

А был это лоскуток свиной кожи, которой когда-то была обита комната старого дома. Позолота с него вся сошла, но у него был свой взгляд на вещи, и он его высказал:

— Позолота сотрется, свиная кожа остается.

Только оловянный солдатик с этим не согласился.

СТАРЫЙ УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

Слыхали вы историю про старый уличный фонарь? Она не то чтобы так уж занята, но послушать ее разок не мешает.

Так вот, жил-был этаким почтенный старый уличный фонарь; он честно служил много-много лет и наконец должен был выйти в отставку.

Последний вечер висел фонарь на своем столбе, освещая улицу, и на душе у него было как у старой балерины, которая в последний раз выступает на сцене и знает, что завтра будет всеми забыта в своей каморке.

Завтрашний день страшил старого служаку: он должен был впервые явиться в ратушу и предстать перед «тридцатью шестью отцами города», которые решат, годен он еще к службе или нет. Возможно, его еще отправят освещать какой-нибудь мост или пошлют в провинцию на какую-нибудь фабрику, а возможно, просто сдадут в переплавку, и тогда из него может получиться что угодно. И вот его мучила мысль: сохранит ли он воспоминание о том, что был когда-то уличным фонарем? Так или иначе, он знал, что ему в любом случае придется расстаться с ночным сторожем и его женой, которые стали для него все равно что родная семья. Оба они — и фонарь и сторож — поступили на службу одновременно. Жена сторожа тогда высоко метила и, проходя мимо фонаря, достаивала его взглядом

только по вечерам, а днем никогда. В последние же годы, когда все трое — и сторож, и его жена, и фонарь — состарились, она тоже стала ухаживать за фонарем, чистить лампу и наливать в нее ворвань. Честные люди были эти старики, ни разу не обделили фонарь ни на капельку.

Итак, светил он на улице последний вечер, а поутру должен был отправиться в ратушу. Мрачные эти мысли не давали ему покоя, и не мудрено, что и горел он неважно. Впрочем, мелькали у него и другие мысли; он многое видел, на многое довелось ему пролить свет, быть может, он не уступал в этом всем «тридцати шести отцам города». Но он молчал и об этом. Он ведь был почтенный старый фонарь и не хотел никого обижать, а уж свое начальство тем более.

А между тем многое вспоминалось ему, и время от времени пламя его вспыхивало как бы от таких примерно мыслей: «Да, и обо мне кто-нибудь вспомнит! Вот хоть бы тот красивый юноша... Много лет прошло с тех пор. Он подошел ко мне с письмом в руках. Письмо было на розовой бумаге, тонкой-претонкой, с золотым обрезаем, и написано изящным женским почерком. Он прочел его дважды, поцеловал и поднял на меня сияющие глаза. «Я самый счастливый человек на свете!» — говорили они. Да, только он да я знали, что написала в своем первом письме его любимая.

Помню я и другие глаза... Удивительно, как перескакивают мысли! По нашей улице двигалась пышная похоронная процессия. На обитой бархатом повозке везли в гроб молодую прекрасную женщину. Сколько было венков и цветов! А факелов горело столько, что они совсем затмили мой свет. Тротуары были заполнены людьми, провожавшими гроб. Но когда факелы скрылись из виду, я огля-

делся и увидел человека, который стоял у моего столба и плакал. Никогда мне не забыть взгляда его скорбных глаз, смотревших на меня!»

И много о чем еще вспоминал старый уличный фонарь в этот последний вечер. Часовой, сменяющийся с поста, тот хоть знает, кто заступит его место, и может перекинуться со своим товарищем несколькими словами. А фонарь не знал, кто придет ему на смену, и не мог рассказать ни о дожде и непогоде, ни о том, как месяц освещает тротуар и с какой стороны дует ветер.

В это-то время на мостик через водосточную канаву и явились три кандидата на освобождающееся место, полагавшие, что назначение на должность зависит от самого фонаря. Первым была селедочная головка, светящаяся в темноте; она полагала, что ее появление на столбе значительно сократит расход ворвани. Вторым была гнилушка, которая тоже светила, и, по ее словам, даже ярче, чем вяленая треска; к тому же она считала себя последним остатком всего леса. Третьим кандидатом был светлячок; откуда он явился, фонарь никак не мог взять в толк, но тем не менее светлячок был тут и тоже светился, хотя селедочная головка и гнилушка клятвенно уверяли, что он светит только временами, а потому не в счет.

Старый фонарь сказал, что ни один из них не светит настолько ярко, чтобы служить уличным фонарем, но ему, конечно, не поверили. А узнав, что назначение на должность зависит вовсе не от него, все трое выразили глубокое удовлетворение,— он ведь слишком стар, чтобы сделать верный выбор.

В это время из-за угла налетел ветер и шепнул фонарю под колпак:

— Что такое? Говорят, ты уходишь завтра в

отставку? И я вижу тебя здесь в последний раз? Ну, так вот тебе от меня подарок. Я проветрю твою черепную коробку, и ты будешь не только ясно и отчетливо помнить все, что видел и слышал сам, но и видеть как наяву все, что будут рассказывать или читать при тебе. Вот какая у тебя будет свежая голова!

— Не знаю, как тебя и благодарить! — сказал старый фонарь. — Лишь бы не попасть в переплавку!

— До этого еще далеко, — отвечал ветер. — Ну, сейчас я проветрю твою память. Если б ты получил много таких подарков, у тебя была бы приятная старость.

— Лишь бы не попасть в переплавку! — повторил фонарь. — Или, может, ты и в этом случае сохранишь мне память?

— Будь же благоразумен, старый фонарь! — сказал ветер и дунул.

В эту минуту выглянул месяц.

— А вы что подарите? — спросил ветер.

— Ничего, — ответил месяц. — Я ведь на ущербе, к тому же фонари никогда не светят за меня, всегда я за них.

И месяц опять спрятался за тучи — он не хотел, чтобы ему надоедали.

Вдруг на железный колпак фонаря капнула капля. Казалось, она скатилась с крыши, но капля сказала, что упала из серых туч, и тоже — как подарок, пожалуй даже самый лучший.

— Я проточу тебя, — сказала капля, — так что ты получишь способность в любую ночь, когда только пожелаешь, обратиться в ржавчину и рассыпаться прахом.

Фонарю этот подарок показался плохим, ветру — тоже.

— Кто даст больше? Кто даст больше? — зашумел он что было сил.

И в эту же минуту с неба скатилась звезда, оставив за собой длинный светящийся след.

— Что это? — вскрикнула селедочная головка. — Никак, звезда с неба упала? И кажется, прямо на фонарь. Ну, если этой должности помогают столь высокопоставленные особы, нам остается только откланяться и убраться восвояси.

Так все трое и сделали. А старый фонарь вдруг вспыхнул особенно ярко.

— Вот это чудесный подарок! — сказал он. — Я всегда так любовался ясными звездами, их дивным светом! Сам я никогда не мог светить, как они, хотя стремился к этому всем сердцем. И вот они заметили меня, жалкий старый фонарь, и послали мне в подарок одну из своих сестриц. Они одарили меня способностью показывать тем, кого я люблю, все, что я помню и вижу сам. Вот это поистине удовольствие! А то и радость не в радость, если нельзя поделиться ею с другими.

— Почтенная мысль, — сказал ветер. — Но ты, верно, не знаешь, что к этому дару полагается восковая свеча. Ты никому ничего не сможешь показать, если в тебе не будет гореть восковая свеча. Вот о чем не подумали звезды. И тебя, и все то, что светится, они принимают за восковые свечи. Ну, а теперь я устал, пора улечься, — сказал ветер и улегся.

На другое утро... нет, через день мы лучше перескачем — на следующий вечер фонарь лежал в кресле, и у кого же? У старого ночного сторожа. За свою долгую верную службу старик попросил у «тридцати шести отцов города» старый уличный фонарь. Те посмеялись над ним, но фонарь отдали. И вот теперь фонарь лежал в кресле возле теплой

печи, и казалось, будто вырос от этого — он занимал чуть ли не все кресло. Старички уже сидели за ужином и ласково поглядывали на старый фонарь: они охотно посадили бы его с собой хоть за стол.

Правда, жили они в подвале, на несколько локтей под землей, и, чтобы попасть в их каморку, надо было пройти через вымощенную кирпичом прихожую, зато в самой каморке было тепло и уютно. Двери были обиты по краям войлоком, кровать пряталась за пологом, на окнах висели занавески, а на подоконниках стояли два диковинных цветочных горшка. Их привез матрос Христиан не то из Ост-Индии, не то из Вест-Индии. Это были глиняные слоны с углублением на месте спины, в которое насыпалась земля. В одном слоне рос чудесный лук-порей — это был огород старичков, в другом пышно цвела герань — это был их сад. На стене висела большая масляная картина, изображающая Венский конгресс, на котором присутствовали разом все императоры и короли. Старинные часы с тяжелыми свинцовыми гирями тикали без умолку и вечно убегали вперед, но это было лучше, чем если бы они отставали, говорили старички.

Итак, сейчас они ужинали, а старый уличный фонарь лежал, как сказано выше, в кресле возле теплой печки, и ему казалось, будто весь мир перевернулся вверх дном. Но вот старик сторож взглянул на него и стал припоминать все, что им довелось пережить вместе в дождь и в непогоду, в ясные, короткие летние ночи и в снежные метели, когда так и тянет в подвальчик, — и старый фонарь словно очнулся и увидел все это как наяву.

Да, славно его проветрил ветер!

Старички были люди работающие и любознательные, ни один час не пропадал у них зря. По воскресеньям после обеда на столе появлялась какая-

нибудь книга, чаще всего описание путешествия, и старик читал вслух про Африку, про ее огромные леса и диких слонов, которые бродят на воле. Старушка слушала и поглядывала на глиняных слонов, служивших цветочными горшками.

— Воображаю! — приговаривала она.

А фонарю так хотелось, чтобы в нем горела восковая свеча, — тогда старушка, как и он сам, наяву увидела бы все: и высокие деревья с переплетающимися густыми ветвями, и голых черных людей на лошадях, и целые стада слонов, утаптывающих толстыми ногами тростник и кустарник.

— Что проку в моих способностях, если нет восковой свечи? — вздыхал фонарь. — У стариков только ворвань да сальные свечи, а этого мало.

Но вот в подвале оказалась целая куча восковых огарков. Длинные шли на освещение, а короткими старушка вошила нить, когда шила. Восковые свечи теперь у стариков были, но им и в голову не приходило вставить хоть один огарок в фонарь.

— Ну, вот и стою я тут со всеми моими редкими способностями, — говорил фонарь. — Внутри у меня целое богатство, а я не могу им поделиться! Ах, вы не знаете, что я могу превратить эти белые стены в чудесную обивку, в густые леса, во все, чего вы пожелаете!.. Ах, вы не знаете!

Фонарь, всегда вычищенный и опрятный, стоял в углу, на самом видном месте. Люди, правда, называли его старым хламом, но старики пропускали такие слова мимо ушей — они любили старый фонарь.

Однажды, в день рождения старого сторожа, старушка подошла к фонарю, улыбнулась и сказала:

— Сейчас мы зажжем в его честь иллюминацию!

Фонарь так и задремал колпаком от радости.
«Наконец-то их осенило!» — подумал он.

Но досталась ему опять ворвань, а не восковая свеча. Он горел весь вечер и знал теперь, что дар звезд — чудеснейший дар — так и не пригодится ему в этой жизни.

И вот пригрезилось фонарю — с такими способностями немудрено и грезить, — будто старики умерли, а сам он попал в переплавку. И страшно ему, как в тот раз, когда предстояло явиться в ратушу на смотр к «тридцати шести отцам города». И хотя он обладает способностью по своему желанию рассыпаться ржавчиной и прахом, он этого не сделал, а попал в плавильную печь и превратился в чудесный подсвечник в виде ангела с букетом в руке. В букет вставили восковую свечу, и подсвечник занял свое место на зеленом сукне письменного стола. Комната очень уютна; все полки заставлены книгами, стены увешаны великолепными картинами. Здесь живет поэт, и все, о чем он думает и пишет, разворачивается перед ним, как в панораме. Комната становится то дремучим темным лесом, то озаренными солнцем лугами, по которым расхаживает аист, то палубой корабля, плывущего по бурному морю...

— Ах, какие способности скрыты во мне! — сказал старый фонарь, очнувшись от грез. — Право, мне даже хочется попасть в переплавку. Впрочем, нет! Пока живы старички — не надо. Они любят меня таким, какой я есть, я для них все равно что сын родной. Они чистят меня, заливают ворванью, и мне здесь не хуже, чем всем этим высокопоставленным особам на конгрессе.

С тех пор старый уличный фонарь обрел душевное спокойствие — и он его заслужил.

ТЕНЬ

от уж где печет солнце — так это в жарких странах! Люди загорают там до того, что кожа их становится цвета красного дерева, а в самых жарких — черная, как у негров.

Но пока речь пойдет только о жарких странах: сюда приехал из холодных один ученый. Он было думал и тут бегать по городу, как у себя дома, да скоро отвык и, как все благоразумные люди, стал сидеть весь день дома с закрытыми ставнями и дверьми. Можно было подумать, что весь дом спит или никого нет дома. Узкая улица, застроенная высокими домами, располагалась так, что жарилась на солнце с утра до вечера, и просто сил не было выносить эту жару! Ученому, приехавшему из холодных стран, — он был человек умный и молодой еще, — казалось, будто он сидит в раскаленной печи. Жара сильно сказывалась на его здоровье. Он исхудал, и даже тень его как-то вся съежилась и стала куда меньше, чем была на родине, — жара сказывалась и на ней. Оба они — и ученый и тень — оживали только с наступлением вечера.

И право, любо было посмотреть на них! Как только в комнату вносили свечу, тень растягивалась во всю стену, захватывала даже часть потолка — ей ведь надо было потянуться хорошенько, чтобы вновь набраться сил.

Ученый выходил на балкон и тоже потягивался и, как только в ясном вечернем небе зажигались звезды, чувствовал, что вновь возрождается к жизни. На все другие балконы — а в жарких стра-

нах перед каждым окном балкон — тоже выходили люди: ведь свежий воздух был необходим даже тем, кому нипочем быть цвета красного дерева!

Оживление царило и внизу — на улице, и наверху — на балконах. Башмачники, портные и прочий рабочий люд — все высыпали на улицу, выносили на тротуары столы и стулья и зажигали свечи. Их были сотни, этих свечей, а люди — кто пел, кто разговаривал, кто просто гулял. По мостовой катили экипажи, семенили ослы. Динь-динь-динь! — звякали они бубенцами. Тут проходила с пением похоронная процессия, там уличные мальчишки взрывали на мостовой хлопушки, звонили колокола.

Да, оживление царило повсюду. Тихо было в одном только доме, стоявшем как раз напротив того, где жил ученый. И все же дом этот не пустовал: на балконе, на самом солнцепеке, стояли цветы, без поливки они не могли бы цвести так пышно, кто-нибудь да поливал их! Стало быть, в доме кто-то жил. Дверь на балкон отворяли по вечерам, но в самих комнатах было всегда темно, по крайней мере в той, что выходила окнами на улицу. А где-то в глубине дома звучала музыка. Ученому слышалось в ней дивно прекрасное, но, может статься, ему только так казалось: по его мнению, здесь, в жарких странах, все было прекрасно; одна беда — солнце! Хозяин дома, где поселился ученый, тоже не знал, кто живет в доме напротив: там никогда не показывалось ни души, а что до музыки, то он находил ее страшно скучной.

— Словно кто сидит и долбит одну и ту же пьесу, и ничего-то у него не получается, а он все долбит: дескать, добьюсь своего, — и по-прежнему ничего не получается, сколько б ни играл.

Как-то ночью ученый проснулся; дверь на бал-

кон стояла настезь, ветер шевелил портьеры, и ему показалось, что балкон дома напротив озарен каким-то удивительным сиянием; цветы пламенели самыми чудесными красками, а между цветами стояла стройная прелестная девушка и, казалось, тоже светилась. Все это так ослепило его, что ученый еще шире раскрыл глаза и тут только окончательно проснулся. Он вскочил, тихонько подошел к двери и стал за портьерой, но девушка исчезла, исчез свет и блеск, и цветы не пламенели больше, а просто стояли прекрасные, как всегда. Дверь на балкон была приотворена, и из глубины дома слышались нежные, чарующие звуки музыки, которые хоть кого могли унести в мир сладких грез.

Все это было похоже на колдовство. Кто же там жил? Где, собственно, был вход в дом? Весь нижний этаж был занят магазинами — не могли же жильцы постоянно входить через них!

Однажды вечером ученый сидел на своем балконе. В комнате позади него горела свеча, и, вполне естественно, тень его падала на стену дома напротив. Больше того, она даже расположилась между цветами на балконе, и стоило ученому шевельнуться, шевелилась и тень — такое уж у нее свойство.

— Право, моя тень — единственное живое существо в том доме, — сказал ученый. — Ишь как ловко устроилась между цветами. А дверь-то ведь приотворена. Вот бы тени догадаться войти в дом, все высмотреть, а потом вернуться и рассказать мне, что она там видела. Да, ты сослужила бы мне хорошую службу, — как бы в шутку сказал ученый. — Будь добра, войди туда! Ну, идешь?

И он кивнул тени, а тень ответила ему кивком.

— Ну, ступай, смотри только не пропади там!

С этими словами ученый встал, и тень его на

балконе напротив — тоже. Ученый повернулся — повернулась и тень, и если бы кто-нибудь внимательно наблюдал за ними в эту минуту, то увидел бы, как тень скользнула в полуотворенную балконную дверь дома напротив как раз в то мгновение, когда ученый ушел с балкона в комнату и опустил за собой портьеру.

Наутро ученый вышел в кондитерскую попить кофе и почитать газеты.

— Что такое? — сказал он, выйдя на солнце. — У меня нет тени! Стало быть, она и вправду ушла вчера вечером и не вернулась. Вот досада-то!

Ему стало неприятно — не столько потому, что тень ушла, сколько потому, что он вспомнил историю о человеке без тени, известную всем и каждому у него на родине, в холодных странах. Вернись он теперь домой и расскажи, что с ним приключилось, все сказали бы, что он пустился в подражание, а ему это было без нужды. Вот почему он решил даже не заикаться о происшествии с тенью, и умно сделал.

Вечером он опять вышел на балкон и поставил свечу прямо позади себя, зная, что тень всегда старается загородиться от света хозяином. Но выманить свою тень таким образом ему не удалось. Уж он и садился, и выпрямлялся — тени не было, тень не являлась. Он хмыкнул — да что толку?

Досадно было, но в жарких странах все растет необычайно быстро, и вот через неделю ученый, выйдя на солнце, к своему величайшему удовольствию, заметил, что от его ног начала расти новая тень — должно быть, корешки-то старой остались. Через три недели у него уже была сносная тень, а за время обратного путешествия ученого на родину она подросла еще и под конец стала такой большой и длинной, что хоть убавляй.

Итак, ученый вернулся домой и стал писать книги об истине, добре и красоте. Шли дни, шли годы... Так прошло много лет.

И вот сидит он однажды вечером у себя дома, как вдруг послышался тихий стук в дверь.

— Войдите! — сказал он, но никто не вошел.

Тогда он отворил дверь сам и увидел перед собой необыкновенно тощего человека, так что ему даже как-то чудно стало. Впрочем, одет тот был очень элегантно, по-господски.

— С кем имею честь говорить? — спрашивает ученый.

— Я так и думал, что вы не узнаете меня, — сказал элегантный господин. — Я обрел телесность, обзавелся плотью и платьем. Вы, конечно, и не предполагали встретить меня когда-нибудь таким благоденствующим. Неужели вы все еще не узнаете свою бывшую тень? Да, пожалуй, вы думали, что я уже больше не вернусь. Мне очень повезло с тех пор, как я расстался с вами. Я во всех отношениях завоевал себе прочное положение в свете и могу откупиться от службы, когда пожелаю!

При этих словах он забренчал множеством дорогих брелоков, висевших на цепочке для часов, а потом начал играть толстой золотой цепью, которую носил на шее. Пальцы его так и сверкали бриллиантовыми перстнями! Драгоценности были настоящие, не поддельные.

— Я просто не могу прийти в себя от удивления! — сказал ученый. — Что все это означает?

— Да, явление не совсем обыкновенное, это правда, — сказала тень. — Но ведь и вы сами не относитесь к числу людей обыкновенных, а я, как вы знаете, с детства ходил по вашим стопам. Как только вы нашли, что я достаточно созрел, чтобы

зажить самостоятельно, я и пошел своею дорогой, добился, как видите, полного благосостояния; да вот взгрустнулось что-то по вас, захотелось пови-даться с вами, пока вы еще не умерли — должны же вы когда-нибудь умереть! — и, кстати, взглянуть еще разок на здешние края. Любовь к родине, пони-маете ли, никогда нас не покидает. Я знаю, что у вас теперь новая тень. Скажите, не должен ли я что-нибудь ей или вам? Только скажите слово — и я заплачу.

— Так неужели это в самом деле ты? — воскли-кнул ученый. — Это в высшей степени замеча-тельно! Вот уж никогда бы не поверил, что моя быв-шая тень вернется ко мне, да еще человеком!

— Скажите же, не должен ли я вам? — вновь спросила тень. — Мне не хотелось бы быть у кого-нибудь в долгу!

— Что за разговор! — сказал ученый. — Какой там долг! Ты вполне свободен! Я ужасно рад, что ты счастлив! Садись же, старина, и Расскажи мне, как все это вышло и что ты увидел в доме напротив?

— Извольте, — сказала тень, усаживаясь. — Но обещайте мне не говорить никому здесь, в городе, где бы вы меня ни встретили, что я был когда-то вашей тенью. Я собираюсь жениться! Я в состоянии содержать семью, и даже неплохо!..

— Будь спокоен! — сказал ученый. — Никто не будет знать, кто ты, собственно, есть! Вот моя рука! Даю тебе слово! А ведь слово — человек...

— Слово — тень! — вставила тень, ведь иначе она и не могла сказать.

А ученому оставалось только удивляться, как много в ней было человеческого, начиная с самого платья: черная пара из тонкого сукна, лакирован-ные ботинки, цилиндр, который мог складываться, так что оставались только донышко да поля; о бре-

локах, золотой цепи на шее и бриллиантовых перстнях мы уже говорили. Да, тень была одета превосходно, и это-то, собственно, и придавало ей вид настоящего человека.

— Ну, теперь к рассказу! — сказала тень и придавила ногами в лакированных ботинках руку новой тени ученого, которая, словно пудель, лежала у его ног. Зачем она это сделала — то ли из высокомерия, то ли в надежде прилепить ее к своим ногам, — неизвестно.

А тень, лежавшая на полу, даже не шевельнулась, вся превратившись в слух. Должно быть, ей очень хотелось знать, как это можно добиться свободы и стать хозяином самому себе.

— Знаете, кто жил в доме напротив? — начала бывшая тень. — Нечто прекраснейшее в мире — сама Поэзия! Я провел там три недели, а это все равно что прожить на свете три тысячи лет и прочесть все, что сочинено и написано поэтами, уверяю вас! Я видел все и знаю все!

— Поэзия! — воскликнул ученый. — Да, да! Она часто живет отшельницей в больших городах. Поэзия! Я видел ее лишь мельком, да и то спросонок! Она стояла на балконе и сияла, как северное сияние. Рассказывай же, рассказывай! Ты был на балконе, проскользнул в дверь и...

— И оказался в передней! — подхватила тень. — Вы ведь всегда сидели и смотрели только на переднюю. Она не была освещена, в ней царил полумрак, но в отворенную дверь виднелась целая анфилада освещенных покоев. Этот свет начисто уничтожил бы меня, если б я сейчас же вошел к деве, но я проявил благоразумие и выждал время. Так и следует всегда поступать!

— И что же ты там увидел? — спросил ученый.

— Я видел все и расскажу вам обо всем, вот

только... Видите ли, не из гордости, а... ввиду той свободы и знаний, которыми я располагаю, не говоря уже о моем исключительном финансовом и общественном положении... я очень бы желал, чтобы вы обращались ко мне на «вы».

— Прошу прощения! — сказал ученый. — Стара я привычка, не так легко избавиться... Вы совершенно правы! Постараюсь следить за собой... Так расскажите же, что вы там видели?

— Все! — отвечала тень. — Я видел все и знаю все!

— На что же были похожи эти внутренние покои? — спросил ученый. — Свежий зеленый лес? Святой храм? Или вашему взору открылось звездное небо, каким его можно видеть только с горных высей?

— Там было все! — сказала тень. — Правда, я не входил в самые покои, а все время оставался в передней, в полумраке, там мне было отлично, и я видел все и знаю все! Ведь я был в передней при дворе Поэзии.

— Но что же вы там видели? Величавые шествия древних богов? Борьбу героев седой старины? Игры милых детей?

— Говорю же вам, я был там и, следовательно, видел все, что только можно было видеть! Явись вы туда, вы бы не сделали человеком, а я сделался! И вместе с тем я познал там мою внутреннюю сущность, все, что есть во мне прирожденного, мое кровное сродство с Поэзией. Да, в те времена, когда я был при вас, я ни о чем таком и не помышлял. Но припомните только, как я всегда удивительно вырастал на восходе и при закате солнца. А при лунном свете я был чуть ли не заметнее вас самих! Но тогда я еще не понимал своей натуры, меня осенило только в передней Поэзии. Там я стал

человеком, вполне созрел. Но вас уже не было в жарких странах. А между тем в качестве человека я уже стеснялся показываться в своем прежнем виде. Мне нужны были обувь, платье, весь тот внешний человеческий лоск, по которому признают вас за человека. И вот я нашел себе убежище... да, вам я могу в этом признаться, вы ведь не напечатаете этого в книге... я нашел себе убежище у торговки сладостями. Она и не подозревала, что она скрывает! Выходил я только по вечерам, бегал при лунном свете по улицам, растягивался во всю длину на стенах — это так приятно щекочет спину! Я взбегал вверх по стенам, сбегал вниз, заглядывал в окна самых верхних этажей, в залы и на чердаки, заглядывал туда, куда не мог заглянуть никто, видел то, чего не видел никто другой, да и не должен видеть! Как, в сущности, низок свет! Право, я даже не хотел бы быть человеком, если бы только не было раз навсегда принято считать это чем-то особенным! Я подмечал самые невероятные вещи у женщин, у мужчин, у родителей и даже у их милых, бесподобных деток. Я видел то, чего никто не должен знать, но что всем так хочется знать, — тайные пороки и грехи людские. Издавай я газету, вот бы ее читали! Но я писал непосредственно заинтересованным лицам и нагонял на них страх во всех городах, где мне приходилось бывать. Меня так боялись и так любили! Профессора признавали меня коллегой, портные одевали — платья теперь у меня вдоволь, — монетки чеканили для меня монету, а женщины восхищались моей красотой! И вот я стал тем, что я есть. А теперь я распрощаюсь с вами; вот моя карточка. Живу я на солнечной стороне и в дождливую погоду всегда дома!

С этими словами тень ушла.

— Как это все-таки странно! — сказал ученый.

Шли дни и годы, и вот тень опять явилась к нему.

— Ну, как дела? — спросила она.

— Увы! — отвечал ученый. — Я пишу об истине, добре и красоте, а никому до этого и дела нет. Я просто в отчаянии, меня это так огорчает!

— А меня нет! — сказала тень. — Я все толстею, и именно к этому надо стремиться. Да, не умеете вы жить на свете. Еще заболеее, пожалуй. Вам надо путешествовать. Я как раз собираюсь летом в небольшое путешествие, поедете со мной? Мне нужен компаньон, так не поедете ли вы в качестве моей тени? Право, ваше общество доставило бы мне большое удовольствие. Все издержки беру на себя!

— Ну, это уж слишком! — сказал ученый.

— Да ведь как взглянуть на дело! — сказала тень. — Поездка принесла бы вам большую пользу! Стоит вам согласиться быть моей тенью — и вы поедете на всем готовом.

— Вы сумасшедший! — сказал ученый.

— Но ведь таков мир, — сказала тень. — Таким он и останется!

И тень ушла.

А ученому приходилось круто, его снедали печаль и забота. Он писал об истине, добре и красоте, а люди в этом нисколько не разбирались. Наконец он совсем расхворался.

— Вы неузнаваемы, вы стали просто тенью! — говорили ученому люди, и он весь дрожал от мысли, мелькавшей у него при этих словах.

— Вам следует побывать на водах! — сказала тень, опять заглянув к нему. — Ничего другого не остается! Я готов взять вас с собой ради старого знакомства. Я беру на себя все издержки по путешествию, а вы будете описывать поездку и развле-

кать меня в дороге. Я собираюсь на воды: у меня что-то не отрастает борода, а это своего рода болезнь — борода нужна! Ну, будьте благоразумны, принимайте мое предложение. Ведь мы же поедем как товарищи.

И они поехали. Тень стала хозяином, хозяин — тенью. Они были неразлучны: и ехали, и беседовали, и ходили всегда вместе, то бок о бок, то тень впереди ученого, то позади, смотря по положению солнца. Но тень отлично умела держаться хозяином, и ученый как-то не замечал этого. Он вообще был добродушный, славный, сердечный человек, и вот раз возьми да и скажи тени:

— Мы ведь теперь товарищи да и выросли вместе, не выпить ли нам на брудершафт? Это будет по-приятельски!

— В ваших словах много искреннего доброжелательства, — сказала тень-господин. — И я тоже хочу быть с вами откровенным. Вы человек ученый и, вероятно, знаете, какими странностями отличается натура человеческая. Некоторым, например, неприятно дотрагиваться до серой бумаги, у других мороз по коже подирает, если при них провести гвоздем по стеклу. Вот такое же ощущение овладевает и мною, когда вы говорите мне «ты». Это меня угнетает, я чувствую себя как бы низведенным до прежнего моего положения. Вы понимаете, это просто ощущение, тут нет гордости. Я не могу позволить вам говорить мне «ты», но сам охотно буду говорить с вами на «ты». Таким образом ваше желание будет исполнено хотя бы наполовину.

И вот тень стала говорить своему бывшему хозяину «ты».

«Это, однако, никуда не годится, — подумал ученый. — Я должен обращаться к нему на «вы», а он мне «тыкает».

Но делать было нечего.

Наконец они прибыли на воды. Наехало много иностранцев. В числе их была и одна красавица принцесса — ее болезнь состояла в том, что у нее было слишком зоркое зрение, а это ведь не шутка, хоть кого испугает.

Она сразу заметила, что вновь прибывший иностранец совсем не похож на остальных.

— Хоть и говорят, что он приехал сюда ради того, чтобы отрастить себе бороду, но меня-то не проведешь. Я вижу, что он просто-напросто не может отбрасывать тени.

Любопытство не давало ей покоя, и она, не долго думая, подошла к незнакомцу на прогулке и завязала с ним беседу. Как принцесса, она, не церемонясь, сказала ему:

— Ваша болезнь заключается в том, что вы не можете отбрасывать тени!

— А ваше королевское высочество, должно быть, уже близки к выздоровлению! — сказала тень. — Я знаю, что вы страдали слишком зорким зрением, а теперь, как видно, исцелились от недуга! У меня как раз весьма необыкновенная тень. Или вы не заметили особу, которая постоянно следует за мной? У всех других людей тени обыкновенные, но я вообще враг всего обыкновенного, и как другие одевают своих слуг в ливреи из более тонкого сукна, чем носят сами, так я нарядил свою тень настоящим человеком и, как видите, даже и к ней приставил тень. Все это обходится мне, конечно, недешево, но уж я в таких случаях за расходами не стою!

«Вот как! — подумала принцесса. — Так я и в самом деле выздоровела? Да, лучше этих вод нет на свете. Вода в наше время обладает поистине чудодейственной силой. Но с отъездом я повременю —

теперь здесь будет еще интереснее. Мне ужасно нравится этот иностранец. Лишь бы борода у него не росла, а то он уедет!»

Вечером был бал, и принцесса танцевала с тенью. Принцесса танцевала легко, но тень еще легче, такого танцора принцесса никогда до этого не встречала. Она сказала ему, из какой страны приехала, и оказалось, что он знает эту страну и даже был там, только она в это время была в отлучке. А он заглядывал в окна повсюду, видел кое-что и потому мог отвечать принцессе на все вопросы и даже делать такие намеки, от которых она приходила в полное изумление и стала считать его умнейшим человеком на свете. Его знания прямо-таки поражали ее, и она прониклась к нему глубочайшим уважением. А протанцевав с ним еще раз, она влюбилась в него, и тень это отлично заметила: принцесса чуть ли не пронизывала ее насквозь своим взглядом. Протанцевав же с тенью третий раз, принцесса готова была признаться ей в любви, но рассудок все же взял верх, когда она подумала о своей стране, государстве и народе, которым ей придется управлять.

«Умен-то он умен,— говорила она себе,— и это прекрасно. Танцует он восхитительно, и это тоже хорошо, но обладает ли он основательными познаниями, вот что важно! Надо его проэкзаменовать».

И она опять завела с ним разговор и стала задавать ему такие трудные вопросы, на которые и сама не смогла бы ответить.

Тень сделала удивленное лицо.

— Так вы не можете ответить мне! — сказала принцесса.

— Все это я изучил еще в детстве! — отвечала тень. — Я думаю, даже тень моя — вон она стоит у дверей! — сумеет вам ответить.

— Ваша тень? — переспросила принцесса. — Это было бы просто поразительно!

— Я, видите ли, не утверждаю, — сказала тень, — но думаю, что сможет, она ведь столько лет неразлучна со мной и кое-чего от меня понаслышалась. Но, ваше королевское высочество, позвольте мне обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Тень моя очень горда тем, что слывет за человека, и, если вы не желаете привести ее в дурное расположение духа, вам следует обращаться с ней как с человеком. Иначе она, пожалуй, не будет в состоянии отвечать как следует.

— Это мне нравится! — ответила принцесса и, подойдя к ученому, стоявшему у дверей, заговорила с ним о солнце, о луне, о внешних и внутренних сторонах и свойствах человеческой натуры.

Ученый отвечал на все ее вопросы хорошо и умно.

«Каким же должен быть человек, если даже тень его так умна! — подумала принцесса. — Сущее благодеение для народа и государства, если я изберу его в супруги. Да, так и сделаю!»

И они — принцесса и тень — скоро договорились между собой обо всем. Никто, однако, не должен был знать ничего, пока принцесса не вернется к себе на родину.

— Никто, даже моя собственная тень! — настаивала тень, имея на то свои причины.

Наконец они прибыли в страну, которой управляла принцесса, когда бывала дома.

— Послушай, старина! — сказала тут тень ученому. — Теперь я достиг верха счастья и могущества человеческого и хочу сделать кое-что и для тебя! Ты останешься при мне, будешь жить в моем дворце, разъезжать со мною в королевской карете и получать сто тысяч риксдалеров в год. Но за это

позволь называть тебя тенью всем и каждому. Ты не должен и заикаться, что был когда-то человеком! А раз в год, в солнечный день, когда я буду восседать на балконе перед народом, ты должен будешь лежать у моих ног, как и подобает тени. Надо тебе сказать, я женюсь на принцессе. Свадьба сегодня вечером.

— Нет, это уж слишком! — воскликнул ученый. — Я этого не хочу и не сделаю! Это значило бы обманывать всю страну и принцессу! Я скажу все! Скажу, что я человек, а ты только переодетая тень!

— Тебе никто не поверит! — сказала тень. — Ну, будь же благоразумен, не то кликну стражу!

— Я пойду прямо к принцессе! — сказал ученый.

— Ну, я-то попаду к ней прежде тебя! — сказала тень. — А ты отправишься под арест.

Так и вышло: стража повиновалась тому, за кого, как все знали, выходила замуж принцесса.

— Ты весь дрожишь! — сказала принцесса, когда тень вошла к ней. — Что-нибудь случилось? Смотри не захворай до вечера, сегодня ведь наша свадьба.

— Ах, я пережил сейчас ужаснейшую минуту! — сказала тень. — Подумай только... Да много ли, в сущности, нужно мозгам какой-то несчастной тени! Подумай только, моя тень сошла с ума, вообразила себя человеком, а меня называет — подумай только! — своею тенью!

— Какой ужас! — сказала принцесса. — Надеюсь, ее заперли?

— Разумеется, но, боюсь, она уже никогда не придет в себя.

— Бедная тень! — вздохнула принцесса. — Она так несчастна! Было бы сущим благодеянием избавить ее от той частицы жизни, которая в ней еще

есть. А подумать хорошенько, то, по-моему, даже лучше покончить с ней поскорее и без шума!

— Все-таки это жестоко! — сказала тень. — Она была мне верным слугой! — И тень притворно вздохнула.

— У тебя благородная душа! — сказала принцесса.

Вечером весь город был расцвечен огнями иллюминации, гремели пушечные выстрелы, солдаты брали ружья на караул. Вот была свадьба так свадьба! Принцесса с тенью вышли к народу на балкон, и народ еще раз прокричал им «ура!».

Ничего этого ученый не слышал — с ним уже покончили.

О ТОМ,
КАК БУРЯ
ПЕРЕВЕСИЛА
ВЫВЕСКИ

старину, когда дедушка был еще совсем маленьким мальчиком и разгуливал в красных штанишках, красной курточке с кушаком и шапочке с пером — а надо вам сказать, что тогда детей именно так и одевали, ежели хотели их нарядить, — так вот, в те далекие-далекие времена все было совершенно иначе, чем теперь.

Ведь какие, бывало, торжества устраивались на улицах! Нам с вами таких уже не видать: их давным-давно упразднили, они, видите ли, вышли из моды. Но до чего же занятно теперь послушать дедушкины рассказы об этом, вы и представить себе не можете!

Что это было за великолепие, когда, скажем, сапожники меняли помещение цеха и переносили на новое место цеховую вывеску. Во главе процессии величественно колыхалось шелковое знамя с изображением большого сапога и двуглавого орла. Младшие подмастерья торжественно несли заздравный кубок и большой ларец, а на руках у них развевались по ветру красные и белые ленты. Старшие подмастерья держали в руках обнаженные шпаги с насаженными на острия лимонами. Музыка гремела так, что небо сотрясилось, и самым замечательным инструментом в оркестре была «птица» — так называл дедушка длинный шест, увенчанный полумесяцем и обвешанный всевозможными колокольчиками и бубенчиками, — настоящая турецкая музыка! Шест поднимали и раскачивали из стороны в сторону, колокольчики звенели и бренчали, а в глазах просто рябило от золота, серебра и меди, сверкавших на солнце.

Впереди всех бежал арлекин в костюме из разноцветных лоскутков; лицо у него было вымазано сажей, а колпак украшен бубенчиками — ни дать ни взять лошадь, запряженная в сани! Он размахивал палкой направо и налево, но это была палка-хлопушка: она только громко хлопала и пугала людей, а вреда от нее никому не было. Люди толпились и толкались, стараясь протиснуться — одни вперед, другие назад; мальчишки и девчонки спотыкались и летели прямо в канаву, а пожилые кумушки отчаянно работали локтями, сердито озирались по

сторонам и бранились. Всюду слышались говор и смех. Люди стояли на лестницах, высовывались из окон, а иные даже забирались на крышу. На небе ярко светило солнышко. Правда, случалось, что на процессию попрыскает небольшой дождик, но ведь дождь крестьянину не помеха: пусть хоть весь город насквозь промокнет, зато урожай будет богаче!

До чего хорошо рассказывал наш дедушка, просто заслушаешься! Ведь еще маленьким мальчиком он все это видел своими глазами. Старший цеховой подмастерье всегда залезал на помост, построенный под самой вывеской, и говорил речь — да не как-нибудь, а в стихах, словно по вдохновению. Впрочем, тут и вправду не обходилось без вдохновения, ведь речь он сочинял вместе с двумя друзьями, и работу они начинали с того, что осушали целую кружку пунша — для пользы дела, конечно. Народ встречал эту речь криками «ура!». Но еще громче кричали «ура!» арлекину, когда он тоже вылезал на помост и передразнивал оратора. Все хохотали до упаду, а он попивал себе мед из водочных рюмок и бросал рюмки в толпу, и люди ловили их на лету. У дедушки была такая рюмочка: ее поймал какой-то штукатур и подарил ему на память. Да, вот это было веселье так веселье! А вывеска, вся в цветах и зелени, красовалась на новом месте.

— Такого праздника не забудешь, хоть до ста лет живи! — говорил дедушка.

Да он и вправду ничего не забыл, хотя каких только не перевидал празднеств и торжеств на своем веку. Много кое-чего мог он порассказать, но забавнее всего рассказывал о том, как в одном большом городе переносили вывески.

Дедушка был еще совсем маленьким, когда при-

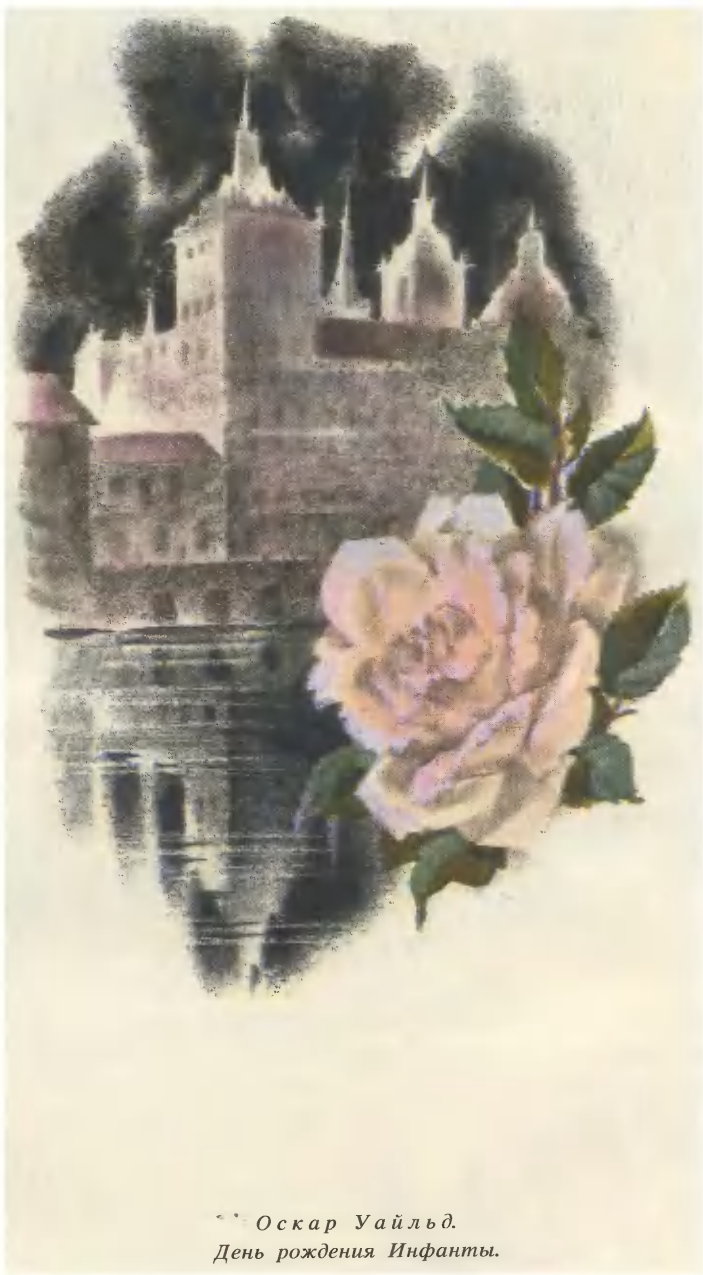
ехал с родителями в этот город, самый большой в стране. На улицах было полным-полно народа, и дедушка даже подумал, что здесь тоже будут торжественно переносить вывески, которых, к слову сказать, здесь оказалось великое множество, — сотни комнат можно было бы заполнить этими картинками, если бы их вешали не снаружи, а внутри дома. На вывеске портного было изображено разное платье, и если бы он захотел, то мог бы даже перекрыть самого неказистого человека в самого красивого. А на вывеске торговца табаком — хорошенькие мальчики с сигарами в зубах, эдакие озорники! Были тут вывески с маслом и селедками, были вывески с пасторскими воротниками и гробами, а сколько всюду висело объявлений и афиш — видимо-невидимо! Ходи себе целый день взад и вперед по улицам да любуйся сколько душе угодно — ведь картинки. А заодно узнаешь и что за люди живут на улице — ведь они сами вывесили свои вывески.

— К тому же, — говорил дедушка, — когда ты попал в большой город, полезно и поучительно знать, что кроется за толстыми каменными стенами домов.

И надо же было, чтобы вся эта кутерьма с вывесками приключилась как раз в тот день, когда в город приехал дедушка. Он сам рассказывал об этом, и очень складно, хоть мама и уверяла, что он морочит мне голову. Нет, на этот раз дедушка говорил всерьез.

В первую же ночь, когда он приехал в город, здесь разыгралась страшная буря, до того страшная, что такой ни в газетах никогда не описывали, ни старожилы не помнили. Ветер срывал черепицу с крыш, трескали и валялись старые заборы, а одна тачка вдруг взяла да и покатилась по улице, чтобы убежать от бури. А буря бушевала все сильнее и

*** Оскар Уайльд.
День рождения Инфанти.

сильнее, ветер дико завывал, ревел и стучал в ставни, стены и крыши. Вода в каналах вышла из берегов и теперь просто не знала, куда ей деваться. Буря неслась над городом, ломала и уносила трубы. А сколько старых высокомерных церковных шпилей согнулось в эту ночь — просто не сосчитать! И они так никогда и не выпрямились.

Перед домом почтенного брандмайора, который прибывал на пожар, когда от строения оставались только головешки, стояла караульная будка. Так вот, буря почему-то захотела лишить его этого скромного символа пожарной доблести и, опрокинув будку, с грохотом покатила ее по улице. Как ни странно, будка остановилась перед домом бедного плотника — того самого, который во время последнего пожара вынес из огня трех человек, — да так и осталась там стоять, но, конечно, без всякого умысла.

Вывеску цирюльника — большой медный таз — ветер забросил на подоконник дома советника юстиции. Вот это было сделано уж явно с целью, поговаривали соседи, ибо все-все, даже самые близкие приятельницы его жены, называли госпожу советницу бритвой. Она была такая умная, такая умная, что знала о людях куда больше, чем они сами о себе знали.

А вывеска с нарисованной на ней вяленой треской перелетела на дверь редактора одной газеты. Подумать только, какая нелепость! Буря, как видно, забыла, что с журналистом шутки плохи: ведь в своей газете он сам себе голова и никакой закон ему не писан.

Флюгерный петух перелетел на крышу соседнего дома, да там и остался — с каким-то злым умыслом, конечно, говорили соседи. Бочка бондаря очутилась под вывеской «Дамские моды». Меню,

висевшее у входа в кухмистерскую, ветер перенес к подъезду театра, в который редко кто заходил. Ничего себе, забавная получилась афиша: «Суп из хрена и фаршированная капуста». Публика валом повалила в театр.

Лисья шкурка с вывески скорняка повисла на шнурке колокольчика у дверей одного молодого человека, который исправно ходил в церковь, вел себя тише воды, ниже травы, стремился к истине и всем служил примером, по словам его тетки.

Доска с надписью: «Высшее учебное заведение» — оказалась на бильярдном клубе, а на питейном заведении появилась вывеска детского врача: «Здесь дети приучаются к бутылочке». И вовсе это было не остроумно, а просто невежливо! Но уж если буря захочет что-нибудь натворить, то натворит непременно, и ничего ты с ней не поделаешь.

Да, ну и выдалась же погода! Наутро — только подумайте! — все вывески в городе поменялись местами, а кое-где получилось такое безобразие, что дедушка, уж как ни хотелось ему рассказать об этом, только помалкивал да посмеивался про себя — я это сразу заметил, — а значит, у него что-нибудь да было на уме.

Каково же было жителям этого города, а особенно приезжим! Они совершенно сбились с толку и ходили как потерянные. Да иначе и быть не могло: ведь они привыкли искать дорогу по вывескам! Например, кто-нибудь хотел попасть на заседание деятелей, обсуждающих важнейшие государственные вопросы, а попадал в школу к мальчишкам, которые изо всех сил старались перекричать друг друга и только что не ходили на головах.

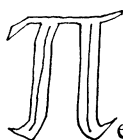
А были и такие, что из-за вывески вместо церкви попадали — о ужас! — в театр.

Теперь подобных бурь больше не бывает: такую

только дедушке довелось повидать, и то тогда он был еще мальчишкой. Да и вряд ли такая буря повторится при нас; разве что при наших внуках. А мы дадим им благой совет: «Пока буря перевешивает вывески, сидите-ка лучше дома».

СУДЬБА РЕПЕЙНИКА

Перед богатой усадьбой был разбит чудесный сад с редкостными деревьями и цветами. Гости, приезжавшие к господам, громко восторгались садом. А горожане и жители окрестных деревень специально являлись сюда по праздникам и воскресеньям и просили позволения осмотреть его. Приходили сюда с тою же целью и ученики разных школ со своими учителями.

За забором сада, отделявшим его от поля, рос репейник. Он был такой большой, густой и раскидистый, что по всей справедливости заслуживал название куста. Но никто не любовался им, кроме старого осла, возившего тележку молочницы. Он вытягивал свою длинную шею и говорил репейнику:

— Как ты хорош! Так бы и съел тебя!

Но веревка была коротка, никак не дотянуться до репейника ослу.

Как-то раз в саду собралось большое общество: к хозяевам приехали знатные гости из столицы,

молодые люди, прелестные девушки, и в их числе одна барышня издалека, из Шотландии, знатного рода и очень богатая.

— Завидная невеста! — говорили холостые молодые люди и их маменьки.

Молодежь резвилась на лужайке, играла в крокет. Затем все отправились гулять по саду. Каждая барышня сорвала цветок и воткнула его в петлицу своему кавалеру. А юная шотландка долго озиралась кругом, выбирала, выбирала, но так ничего и не выбрала: ни один из садовых цветов не пришелся ей по вкусу. Но вот она глянула через забор, где рос репейник, увидела его иссиня-красные пышные цветы, улыбнулась и попросила сына хозяина дома сорвать ей цветок.

— Это цветок Шотландии! — сказала она. — Он украшает шотландский герб. Дайте мне его!

И он сорвал самый красивый, исколов себе при этом пальцы, словно колючим шиповником.

Барышня продела цветок молодому человеку в петлицу, и он был очень польщен, да и каждый из молодых людей охотно отдал бы свой роскошный садовый цветок, чтобы только получить из рук прекрасной шотландки репейник. Но уж если был польщен хозяйский сын, то что же почувствовал сам репейник? Его словно окропило росой, осветило солнцем...

«Однако я поважнее, чем думал! — сказал он про себя. — Место-то мое, пожалуй, в саду, а не за забором. Вот, право, как странно играет нами судьба! Но теперь хоть одно из моих детищ перебралось за забор, да еще попало в петлицу!»

И с тех пор репейник рассказывал об этом событии каждому вновь распускавшемуся бутону. А затем не прошло и недели, как репейник услышал новость, и не от людей, не от щебетуний пташек, а

от самого воздуха, который воспринимает и разносит повсюду малейший звук, раздающийся в самых глухих аллеях сада или во внутренних покоях дома, где окна и двери стоят настежь. Ветер сказал, что молодой человек, получивший из прекрасных рук шотландки цветок репейника, удостоился получить также руку и сердце красавицы. Славная вышла пара, вполне приличная партия.

«**Это** я их сосватал!» — решил репейник, вспоминая свой цветок, попавший в петлицу. И каждый вновь распускавшийся цветок должен был выслушивать эту историю.

— Меня, конечно, пересадят в сад! — рассуждал репейник. — Может быть, даже посадят в горшок. Тесновато будет, ну да зато честь-то какая!

И репейник так увлекся этой мечтою, что уже с полной уверенностью говорил:

— Я попаду в горшок! — и обещал каждому своему цветку, который распускался вновь, что и он тоже попадет в горшок, а то и в петлицу — уж выше этого попасть было некуда!

Но ни один из цветов не попал в горшок, не говоря уже о петлице. Они впивали в себя воздух и свет, солнечные лучи днем и капельки росы ночью, они цвели, принимали визиты женихов — пчел и ос, которые искали приданого — цветочного сока, получали его и покидали цветы.

— Разбойники этакие! — говорил про них репейник. — Так бы и проколол их насквозь, да не могу!

Цветы поникали головками, блекли и увядали, но на смену им распускались новые.

— Вы являетесь как раз вовремя! — говорил им репейник. — Я с минуты на минуту жду пересадки туда, за забор.

Невинные ромашки и мокричник слушали его

с глубоким изумлением, искренне веря каждому его слову.

А старый осел, таскавший тележку молочницы, стоял на привязи у дороги и любовно косился на цветущий репейник, но веревка была коротка, никак не добраться ослу до куста.

А репейник так много думал о своем родиче, репейнике шотландском, что под конец уверовал в свое шотландское происхождение и в то, что именно его родители и красовались в гербе страны. Великая была мысль, но отчего бы такому большому репейнику и не иметь великих мыслей?

— Иной раз происходишь из такого знатного рода, что не смеешь и догадываться об этом! — сказала крапива, росшая неподалеку. У нее тоже было смутное ощущение, что при надлежащем уходе и она могла бы превратиться во что-нибудь этакое благородное.

Прошло лето, прошла осень. Листья с деревьев облетели, цветы стали ярче, но почти без запаха. Ученик садовника распевал в саду по ту сторону забора:

Вверх на горку,
Вниз под горку
Пролетает жизнь!

Молоденькие елки в лесу уже начали томиться предрождественской тоской, хотя до Рождества было еще далеко.

— А я так все здесь и стою! — сказал репейник. — Слово никому до меня и дела нет, а ведь я устроил свадьбу! Они обручились да и поженились вот уж неделю тому назад! Что ж, сам я шагу не сделаю — не могу!

Прошло еще несколько недель. На репейнике

красовался всего лишь один цветок, последний, зато какой большой, какой пышный! Вырос он почти у самых корней, ветер обдавал его холодом, краски его поблекли, и чашечка, большая, словно у цветка артишока, напоминала теперь высеребренный подсолнечник.

В сад вышла молодая пара — муж и жена. Они шли вдоль садового забора, и молодая женщина заглянула через него.

— А вот он, большой репейник! Все еще стоит! — воскликнула она. — Но на нем нет больше цветов!

— А вон, видишь, призрак последнего! — сказал муж, указывая на высеребренную чашечку цветка.

— Все-таки он красив! — сказала она. — Надо велеть вырезать такой на рамке нашего портрета.

Пришлось молодому мужу опять лезть через забор за цветком репейника. Цветок уколол его пальцы — ведь молодой человек обозвал его призраком. И вот цветок попал в сад, в дом и даже в залу, где висел масляный портрет молодых супругов. В петлице у молодого был изображен цветок репейника. Поговорили и об этом цветке, и о том, который только что принесли, чтобы вырезать на рамке.

Ветер подхватил этот разговор и разнес далеко-далеко по округе.

— Чего только не приходится переживать! — сказал репейник. — Мой первенец попал в петлицу, мой последыш попадет на рамку! Куда же попаду я?

А осел стоял у дороги и косился на него:

— Подойди ко мне, сладостный мой! Сам я не могу подойти к тебе — веревка коротка!

Но репейник не отвечал. Он все больше и больше погружался в думы. Так он продумал вплоть до Рождества и наконец расцвел мыслью:

— Коли детки пристроены хорошо, родители могут постоять и за забором!

— Вот это благородная мысль! — сказал солнечный луч. — Но и вы займете почетное место!

— В горшке или на рамке? — спросил репейник.

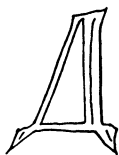
— В сказке! — ответил луч.

Вот она, эта сказка!

КАЛОШИ СЧАСТЬЯ

1. Начало

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой Королевской площади. В одном доме собралось большое общество — иногда ведь все-таки приходится принимать гостей, зато, глядишь, и сам дождешься когда-нибудь приглашения.

Гости разбились на две большие группы: одна немедленно засела играть в карты, другая образовала кружок вокруг хозяйки, которая предложила «придумать что-нибудь поинтереснее», и беседа потекла сама собой.

Между прочим, речь зашла про средние века, и многие находили, что в те времена жилось гораздо лучше, чем теперь. Да, да! Советник юстиции Кнап отстаивал это мнение так рьяно, что хозяйка тут же с ним согласилась, и они вдвоем накинулись на бед-

ного Эрстеда, который доказывал в своей статье в «Альманахе», что наша эпоха кое в чем все-таки выше средневековья. Но советник утверждал, что времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества.

Пока ведется этот жаркий спор, который прервался лишь на мгновение, когда принесли вечернюю газету (впрочем, читать в ней было решительно нечего), пройдем в переднюю, где гости оставили свои пальто, палки, зонтики и калоши! Сюда только что вошли две женщины, молодая и старая.

На первый взгляд их можно было принять за горничных, сопровождающих каких-нибудь старых барынь, которые пришли в гости к хозяйке, но, приглядевшись повнимательнее, вы бы заметили, что эти женщины ничуть не похожи на служанок: слишком уж мягки и нежны были у них руки, слишком величавы осанка и все движения, а платье их отличалось каким-то особо смелым покроем.

Вы, конечно, уже догадались, что это были феи. Младшая была если и не самой феей Счастья, то, уж наверно, одной из ее верных помощниц и занималась тем, что приносила людям разные мелкие дары счастья. Старшая казалась гораздо более серьезной — она была феей Печали и всегда управлялась со своими делами сама, не перепоручая их никому: тогда, по крайней мере, она знала, что все будет сделано, как она хотела.

Стоя в передней, они рассказывали друг другу о том, где побывали за день. Помощница феи Счастья сегодня выполнила всего лишь несколько маловажных поручений: спасла от ливня чью-то новую шляпу, передала одному почтенному человеку поклон от высокопоставленного ничтожества, и все в том же духе. Но зато в запасе у нее осталось нечто совершенно необыкновенное.

— Нужно тебе сказать,— закончила она,— что у меня сегодня день рождения, и в честь этого события мне дали пару калош, с тем чтобы я отнесла их людям. Эти калоши обладают одним замечательным свойством: того, кто их наденет, они могут мгновенно перенести в любое место и любую эпоху — стоит ему только пожелать,— и от этого он почувствует себя совершенно счастливым.

— Ты так думаешь? — отозвалась фея Печалы.— Знай же: он будет самым несчастным человеком на земле и благословит ту минуту, когда наконец избавится от своих калош.

— Ну, это мы еще посмотрим! — проговорила помощница феи Счастья.— А пока что я поставлю их у дверей. Авось кто-нибудь их наденет по ошибке вместо своих и обретет счастье.

Вот какой между ними произошел разговор.

II. Что случилось с советником юстиции

Было уже поздно. Советник юстиции Кнап собирался домой, все еще размышляя о временах короля Ганса. И надо же было так случиться, чтобы вместо своих калош он надел калоши счастья. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош немедленно перенесла его во времена короля Ганса, и ноги его тотчас же утонули в непролазной грязи, потому что при короле Гансе улиц, конечно, не мостили.

— Ну и грязища! Просто ужас что такое! — пробормотал советник.— И к тому же ни один фонарь не горит.

Луна еще не взошла, стоял густой туман, и все вокруг тонуло во мраке.

На углу перед изображением мадонны висела лампада, но она чуть теплилась, так что советник заметил картину, лишь поравнявшись с нею, и только тогда разглядел Божью мать с младенцем на руках.

«Здесь, наверно, была мастерская художника,— решил он,— а вывеску позабыли убрать».

Тут мимо него прошло несколько человек в средневековых костюмах.

«Чего это они так вырядились? — подумал советник.— Должно быть, с маскарада идут».

Но внезапно послышался барабанный бой и свист дудок, замелькали факелы, и взорам советника представилось удивительное зрелище! Навстречу ему по улице двигалась странная процессия: впереди шли барабанщики, искусно выбивая дробь, а за ними стражники с луками и арбалетами. Повидимому, то была свита, сопровождавшая какое-то важное лицо. Изумленный советник спросил, что это за шествие и кто этот сановник.

— Епископ Зеландский! — послышалось в ответ.

— Господи помилуй! Что еще такое приключилось с епископом? — вздохнул советник Кнап, грусто покачивая головой.

Размышляя обо всех этих чудесах и не глядя по сторонам, советник медленно шел по Восточной улице, пока наконец не добрался до площади Высокого Мыса. Однако моста, ведущего к Дворцовой площади, на месте не оказалось,— бедный советник едва разглядел в крошечной тьме какую-то речонку и в конце концов заметил лодку, в которой сидели двое парней.

— Прикажете переправить вас на остров? — спросили они.

— На остров? — переспросил советник, не зная

 еще, что он теперь живет во времена средневековья. — Мне нужно попасть в Христианову гавань, на Малую Торговую улицу.

Парни вытаращили на него глаза.

— Скажите мне хотя бы, где мост? — продолжал советник. — Ну что за безобразие! Фонари не горят, а грязь такая, что кажется, будто по болоту бродишь!

Но чем больше он говорил с перевозчиками, тем меньше понимал их.

— Не понимаю я вашей тарабарщины! — рассердился наконец советник и повернулся к ним спиной.

Моста он все-таки не нашел; каменный парапет набережной тоже исчез.

«Что делать? Вот безобразие!» — думал он. Да, никогда еще действительность не казалась ему такой жалкой и мерзкой, как в этот вечер. «Нет, лучше взять извозчика, — решил он. — Но, господи, куда же они все запропастились? Как назло, ни одного! Вернусь-ка я на Новую Королевскую площадь, там, наверно, стоят экипажи, а то мне вовек не добраться до Христиановой гавани!»

Он снова вернулся на Восточную улицу и успел уже пройти ее почти всю, когда взошла луна.

«Господи, что это здесь понастроили?» — изумился советник, увидев перед собой Восточные городские ворота, которые в те далекие времена стояли в конце Восточной улицы.

Наконец он отыскал калитку и вышел на теперешнюю Новую Королевскую площадь, которая в старину была просто большим лугом. На лугу там и сям торчали кусты, его пересекал не то широкий канал, не то река. На противоположном берегу расположились жалкие лавчонки халландских шкипе-

ров, отчего место это называлось Халландской высотой.

— Боже мой! Или это мираж, фата-моргана, или я... господи... пьян? — застонал советник юстиции. — Что же это такое? Что же это такое?

И советник опять повернул назад, подумав, что заболел. Шагая по улице, он теперь внимательнее приглядывался к домам и заметил, что все они старинной постройки и многие крыты соломой.

«Да, конечно, я заболел, — вздыхал он, — а ведь всего-то стаканчик пунша выпил, но мне и это повредило. И надо же додуматься — угощать гостей пуншем и горячей лососиной! Нет, я непременно поговорю об этом с госпожой советницей. Вернуться разве к ней и рассказать, какая со мной приключилась беда? Неудобно, пожалуй. Да они там все, наверное, уже давно спать улеглись».

Он стал искать дом одних своих знакомых, но его тоже не оказалось на месте.

«Нет, это просто наваждение какое-то! Не узнаю Восточной улицы. Ни одного магазина! Все только старые, жалкие лачуги — можно подумать, что я попал в Роскилле или Рингстед. Да, плохо мое дело! Ну что уж тут стесняться, вернусь к советнице! Но, черт возьми, как мне найти ее дом? Я больше не узнаю его. Ага, здесь, кажется, еще не спят!.. Ах, я совсем расхворался, совсем расхворался...»

Он наткнулся на полуоткрытую дверь, из-за которой лился свет. Это был один из тех старинных трактиров, которые походили на теперешние наши пивные. Общая комната напоминала голштинскую харчевню. В ней сидело несколько завсегдатаев — шкипера, копенгагенские бургеры и еще какие-то люди, с виду ученые. Попивая пиво из кружек, они

вели какой-то жаркий спор и не обратили ни малейшего внимания на нового посетителя.

— Простите,— сказал советник подошедшей к нему хозяйке,— мне вдруг стало дурно. Вы не достанете мне извозчика? Я живу в Христиановой гавани.

Хозяйка посмотрела на него и грустно покачала головой, потом что-то сказала по-немецки. Советник подумал, что она плохо понимает по-датски, и повторил свою просьбу на немецком языке. Хозяйка уже заметила, что посетитель одет как-то странно, а теперь, услышав немецкую речь, окончательно убедилась в том, что перед ней иностранец. Решив, что он плохо себя чувствует, она принесла ему кружку солоноватой колодезной воды. Советник оперся головой на руку, глубоко вздохнул и задумался: куда же все-таки он попал?

— Это вечерний «День»? — спросил он, просто чтобы сказать что-нибудь, увидев, как хозяйка убирает большой лист бумаги.

Она его не поняла, но все-таки протянула ему лист: это была старинная гравюра, изображавшая странное свечение неба, которое однажды наблюдали в Кёльне.

— Антикварная картина! — сказал советник, увидев гравюру, и сразу оживился: — Где вы достали эту редкость? Очень, очень интересно, хотя и сплошная выдумка. На самом деле это было просто северное сияние, как объясняют теперь ученые; и вероятно, подобные явления вызываются электричеством.

Те, что сидели близко и слышали его слова, посмотрели на него с уважением; один человек даже встал, почтительно снял шляпу и сказал с самым серьезным видом:

— Вы, очевидно, крупный ученый, мосье?

— О нет,— ответил советник,— просто я могу поговорить о том о сем, как и всякий другой.

— Скромность—прекраснейшая добродетель,— изрек его собеседник.— Впрочем, о сути вашего высказывания я другого мнения, хотя и воздержусь пока делиться моим собственным суждением.

— Осмелюсь спросить, с кем имею удовольствие беседовать? — осведомился советник.

— Я бакалавр¹ богословия,— ответил тот.

Эти слова все объяснили советнику — незнакомец был одет в соответствии со своим ученым званием.

«Должно быть, это какой-то старый сельский учитель,— подумал он,— человек не от мира сего, каких еще можно встретить в отдаленных уголках Ютландии».

— Здесь, конечно, не место для ученых бесед,— говорил богослов,— но я все-таки очень прошу вас продолжать свою речь. Вы, конечно, весьма начитанны в древней литературе?

— О да! Вы правы, я частенько-таки почитаю древних авторов, то есть все их хорошие произведения; но очень люблю и новейшую литературу, только не «Обыкновенные истории», их хватает и в жизни.

— «Обыкновенные истории»? — переспросил богослов.

— Да, я говорю об этих новых романах, которых столько теперь выходит.

— О, они очень остроумны и пользуются успехом при дворе,— улыбнулся бакалавр.— Король особенно любит романы об Ифвенте и Гаудиане, в

¹ Бакалавр — низшая ученая степень в старинных университетах.

которых рассказывается о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, и даже изволил шутить по этому поводу со своими приближенными¹.

— Этих романов я еще не читал,— сказал советник юстиции.— Должно быть, это Хольберг что-нибудь новое выпустил?

— Нет, что вы, не Хольберг, а Готфред фон Гемен,— ответил бакалавр.

— Так вот кто автор! — воскликнул советник.— Какое древнее имя! Ведь это наш первый датский книгопечатник, не так ли?

— Да, он наш первопечатник! — подтвердил богослов.

Таким образом, пока что все шло прекрасно. Когда один из горожан заговорил о чуме, свирепствовавшей в Дании несколько лет назад, а именно в 1484 году, советник подумал, что речь идет о недавней эпидемии холеры, и разговор благополучно продолжался. А после как было не вспомнить окончившуюся совсем недавно пиратскую войну 1490 года, когда английские каперы захватили стоящие на рейде датские корабли. Тут советник, вспомнив о событиях 1801 года, охотно присоединил свой голос к общим нападкам на англичан. Но дальше разговор что-то перестал клеиться и все чаще прерывался гробовой тишиной. Добрый бака-

Знаменитый датский писатель Хольберг рассказывает в своей «Истории Датского государства», что, прочитав роман о рыцарях Круглого стола, король Ганс однажды сказал в шутку своему приближенному Отто Руду, которого очень любил: «Эти господа Ифвент и Гаудиан, о которых говорится в этой книге, были замечательные рыцари. Таких теперь больше не встретишь». На что Отто Руд ответил: «Если бы теперь встречались такие короли, как король Артур, то, наверное, нашлось бы немало таких рыцарей, как Ифвент и Гаудиан». (*Примеч. Андерсена.*)

лавр был очень уж невежественный: самые простые суждения советника казались ему чем-то необычайно смелым и фантастичным. Собеседники смотрели друг на друга со все возрастающим недоумением, и, когда наконец окончательно перестали понимать один другого, бакалавр, пытаясь поправить дело, заговорил по-латыни, но это мало помогло.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросила хозяйка, потянув советника за рукав.

Тут он опомнился и в изумлении воззрился на своих собеседников, потому что за разговором совсем забыл, что с ним происходит.

«Господи, где я?» — подумал он, и при одной мысли об этом у него закружилась голова.

— Давайте пить кларет, мед и бременское пиво! — закричал один из гостей. — И вы с нами!

Вошли две девушки, одна из них была в двухцветном чепчике, они подливали гостям вино и низко приседали. У советника даже мурашки забегали по спине.

— Что же это такое? Что это такое? — шептал он, но вынужден был пить вместе со всеми.

Собутельники так на него насели, что бедный советник пришел в совершеннейшее смятение, и когда кто-то сказал, что он, должно быть, пьян, ничуть в этом не усомнился и только попросил, чтобы ему наняли извозчика. Но все подумали, что он говорит по-московитски. В жизни советник не попадал в такую грубую и неотесанную компанию.

«Можно подумать, — говорил он себе, — что мы вернулись ко временам язычества. Нет, это ужаснейшая минута в моей жизни!»

Тут ему пришло в голову: а что, если залезть под стол, подползти к двери и улизнуть? Но когда он был уже почти у цели, гуляки заметили, куда он

ползет, и схватили его за ноги. К счастью, при этом у него с ног свалились калоши, а с ними рассеялось и волшебство.

При ярком свете фонаря советник отчетливо увидел большой дом и все соседние, узнал и Восточную улицу. Сам он лежал на тротуаре, упираясь ногами в чьи-то ворота, а рядом сидел ночной сторож, спавший крепким сном.

— Господи! Значит, я заснул прямо на улице! — сказал советник. — А вот и Восточная улица... Как здесь светло и красиво! Кто бы мог подумать, что один стакан пунша так подействует на меня!

Спустя две минуты советник уже ехал на извозчике в Христианову гавань. Всю дорогу он вспоминал пережитые им ужасы и от всего сердца благословлял счастливую действительность и свой век, который, несмотря на все его пороки и недостатки, все-таки был лучше средневековья, в котором ему только что довелось побывать. И надо сказать, что на этот раз советник юстиции мыслил вполне разумно.

III. Приключения ночного сторожа

— Гм, кто-то оставил здесь свои калоши! — сказал сторож. — Это, наверно, лейтенант, что живет наверху. Вот ведь какой, бросил их у самых ворот!

Честный сторож, конечно, хотел было немедленно позвонить и отдать калоши их законному владельцу, тем более что у лейтенанта еще горел свет, но побоялся разбудить соседей.

— Ну и тепло, должно быть, ходить в таких калошах! — сказал сторож. — А кожа до чего мягкая!

Калоши пришлись ему как раз впору.

— И ведь как странно устроен мир! — продолжал он. — Взять хотя бы этого лейтенанта: мог бы сейчас преспокойно спать в теплой постели, так нет же, всю ночь шагает взад и вперед по комнате. Вот кому счастье! Нет у него ни жены, ни детей, ни тревог, ни забот; каждый вечер по гостям разъезжает. Хорошо бы мне поменяться с ним местами: я бы тогда стал самым счастливым человеком на земле!

Не успел он это подумать, как волшебной силой калош мгновенно перевоплотился в того офицера, что жил наверху. Теперь он стоял посреди комнаты, держа в руках листок розовой бумаги со стихами, которые написал сам лейтенант.

БУДЬ Я БОГАТ

«Будь я богат, — мальчишкой я мечтал, —
Я непременно б офицером стал,
Носил бы форму, саблю и плюмаж!»
Но оказалось, что мечты — мираж.
Шли годы — эполеты я надел,
Но, к сожаленью, бедность — мой удел.

Веселым мальчиком, в вечерний час,
Когда, ты помнишь, я бывал у вас,
Тебя я детской сказкой забавлял,
Что составляло весь мой капитал.
Ты удивлялась, милое дитя,
И целовала губы мне шутя.

Будь я богат, я б и сейчас мечтал
О той, что безвозвратно потерял...
Она теперь красива и умна.*
Но до сих пор сума моя бедна,

А сказки не заменят капитал,
Которого всевышний мне не дал.

Будь я богат, я б горечи не знал
И на бумаге скорбь не изливал,
Но в эти строки душу я вложил
И посвятил их той, которую любил.
В стихи мои вложил я пыл любви!
Бедняк я, Бог тебя благослови!

Да, влюбленные вечно пишут подобные стихи, но люди благоразумные их все-таки не печатают. Чин лейтенанта, любовь и бедность — вот злополучный треугольник или, вернее, треугольная половина игральной кости, брошенной на счастье и расколовшейся. Так думал и лейтенант, опустив голову на подоконник и тяжело вздыхая: «Бедняк сторож и тот счастливей, чем я. Он не знает моих мучений. У него есть домашний очаг, а жена и дети делят с ним и радость и горе. Ах, как бы мне хотелось быть на его месте, ведь он гораздо счастливей меня!»

И в тот же миг ночной сторож снова стал ночным сторожем: ведь офицером он сделался лишь благодаря калошам, но, как мы видели, не стал от этого счастливее и захотел вернуться в свое прежнее состояние. И очень вовремя!

«Какой скверный сон мне приснился, — подумал он. — А впрочем, довольно забавный. Надо же, я стал тем самым лейтенантом, который живет у нас наверху. И до чего же скучно он живет! Как мне не хватало жены и ребятишек: кто-кто, а они всегда готовы зацеловать меня до смерти».

Ночной сторож сидел на прежнем месте и кивал в такт своим мыслям. Сон никак не выходил у него из головы, а на ногах все еще были надеты калоши счастья. По небу покати́лась звезда.

«Ишь как покатилась,— сказал себе сторож.— Ну ничего, их там еще много осталось. А хорошо бы увидеть поближе все эти небесные штуковины. Особенно луну...»

Он так размечтался, что палка со звездой на конце — у нас ее прозвали утренней звездой — выпала у него из рук, а глаза уставились на луну, но вот они закрылись, веки слиплись, и сторож начал клевать носом.

— Эй, сторож, который час? — спросил какой-то прохожий.

Не дождавшись ответа, он слегка щелкнул спящего по носу. Тело сторожа потеряло равновесие и во всю длину растянулось на тротуаре.

Решив, что сторож умер, прохожий пришел в ужас и поспешил сообщить об этом куда следует. Сторожа отвезли в больницу и там с него первым делом, конечно, сняли калоши.

А как только сняли калоши, волшебство рассеялось, и сторож немедленно ожил. Потом он уверял, что это была самая бредовая ночь в его жизни. Он даже за две марки не согласился бы вновь пережить все эти ужасы. Впрочем, теперь все это позади.

Сторожа выписали в тот же день, а калоши остались в больнице.

IV. Приключения молодого медика

Каждый житель Копенгагена много раз видел главный вход в главную городскую больницу, но, так как эту историю, возможно, будут читать не только копенгагенцы, нам придется дать кое-какие разъяснения.

Дело в том, что больницу отделяет от улицы

довольно высокая решетка из толстых железных прутьев. Прутья эти расставлены так редко, что многие практиканты, если только они худощавы, ухитряются протиснуться между ними, когда в Neurочный час хотят выбраться в город. Трудней всего им просунуть голову, так что и в этом случае, как, впрочем, нередко бывает в жизни, большеголовым приходилось труднее всего... Ну, для вступления об этом хватит.

В тот вечер в главной больнице как раз дежурил один молодой медик, о котором хоть и можно было сказать, что «голова у него большая», но... лишь в самом прямом смысле слова.

Шел проливной дождь; однако, невзирая на непогоду и дежурство, медик все-таки решил сбегать в город по каким-то неотложным делам хотя бы на четверть часика.

«Незачем, — думал он, — связываться с привратником, если можно легко пролезть сквозь решетку».

В вестибюле все еще валялись калоши, забытые сторожем. В такой ливень они были очень кстати, и медик надел их, не догадываясь, что это калоши счастья. Теперь осталось только протиснуться между железными прутьями, чего ему еще ни разу не приходилось делать.

— Господи, только бы просунуть голову, — промолвил он.

И в тот же миг голова его, хотя и очень большая, благополучно проскочила между прутьями — не без помощи калош, разумеется. Теперь дело было за туловищем, но ему никак не удавалось пролезть.

— Ух, какой я толстый! — сказал студент. — А я-то думал, что голову просунуть всего труднее будет. Нет, не пролезть мне!

Он хотел было сразу же втянуть голову обратно, но не тут-то было: она застряла безнадежно, он мог лишь крутить ею сколько угодно и без всякого толка. Сначала медик просто рассердился, но вскоре настроение его испортилось вконец: калоши поставили его прямо-таки в ужасное положение.

К несчастью, он никак не догадывался, что надо просто пожелать освободиться, и сколько ни вертел головой, она не пролезала обратно.

Дождь все лил и лил, и на улице не было ни души. До звонка к дворнику все равно никак было не дотянуться, а сам освободиться он не мог. Он думал, что, чего доброго, придется простоять так до утра: ведь только утром можно будет послать за кузнецом, чтобы он перепилил решетку. И вряд ли удастся перепилить ее быстро, а на шум сбегутся школьники, все окрестные жители, — да, да, сбегутся и будут глазеть на медика, который прикован к решетке, как преступник к позорному столбу! Глазеть, как в прошлом году на огромную агаву, когда она расцвела.

— Ой, кровь так и приливает к голове. Нет, я так с ума сойду! Просто сойду с ума! Ох, только бы мне освободиться!

Давно нужно было медику сказать это: в ту же минуту голова его освободилась, и он стремглав кинулся назад, совершенно обезумев от страха, в который повергли его калоши счастья.

Но если вы думаете, что этим дело и кончилось, то глубоко ошибаетесь. Почувствовав себя худо, наш медик решил, что простудился там, у больницы, и решил немедля взяться за лечение.

«Говорят, в таких случаях всего полезнее русская баня, — вспомнил он. — Ах, если бы я уже лежал на полке».

И само собой, он тут же очутился в бане на

самом верхнем полке. Но лежал он там совсем одетый, в сапогах и калошах, а с потолка на лицо ему капала горячая вода.

— Ой! — закричал медик и побежал скорее принять душ.

Банщик тоже закричал: он испугался, увидев в бане одетого человека.

К счастью, медик, не растерявшись, шепнул ему:

— Не бойся, это я на пари.

Вернувшись домой, медик первым делом поставил себе один большой пластырь из шпанских мушек на шею, а другой на спину, чтобы вытянуть дурь из головы.

Наутро вся спина у него набухла кровью — вот и все, чем его благодетельствовали калоши счастья. Этого умника с большой головой — с большой, да только в самом прямом смысле слова.

V. Превращения незадачливого писаря

Между тем наш знакомый сторож вспомнил про калоши, которые нашел на улице, а потом оставил в больнице, и забрал их оттуда. Но ни лейтенант, ни соседи не признали этих калош своими, и сторож отнес их в полицию.

— Да они как две капли воды похожи на мои! — сказал один из полицейских писарей, поставив находку рядом со своими калошами и внимательно ее рассматривая. — Тут и опытный глаз сапожника не отличил бы одну пару от другой.

— Господин писарь... — обратился к нему полицейский, вошедший с какими-то бумагами.

Писарь поговорил с ним, а когда опять взглянул

на обе пары калош, то уж и сам перестал понимать, которая из них его пара — та, что стоит справа, или та, что слева.

«Мои, должно быть, вот эти, мокрые», — подумал он и ошибся: это были как раз калоши счастья.

Что же, полиция тоже иногда ошибается.

Писарь надел калоши и, сунув одни бумаги в карман, а другие — под мышку (ему нужно было кое-что перечитать и переписать дома), вышел на улицу. День был воскресный, стояла чудесная погода, и полицейский писарь подумал, что неплохо было бы прогуляться по Фредериксбергу.

Молодой человек отличался редким прилежанием и усидчивостью, так что пожелаем ему приятной прогулки после многих часов работы в душной канцелярии.

Сначала он шел, ни о чем не думая, и калошам поэтому все не представлялось удобного случая проявить свою чудодейственную силу.

Но вот он повстречал в одной аллее своего знакомого, молодого поэта, и тот сказал, что завтра отправляется путешествовать на все лето.

— Эх, вот вы опять уезжаете, а мы остаемся, — сказал писарь. — Счастливые вы люди, летаете себе где хотите и куда хотите, а у нас цепи на ногах.

— Да, но ими вы прикованы к хлебному дереву, — возразил поэт. — Вам нет нужды заботиться о завтрашнем дне, а когда вы состаритесь, получите пенсию.

— Так-то так, но вам все-таки живется гораздо привольнее, — сказал писарь. — Писать стихи — что может быть лучше! Публика носит вас на руках, и вы сами себе господа. А вот попробовали бы вы посидеть в суде, как мы сидим, да повозиться с этими скучнейшими делами!

Поэт покачал головой, писарь тоже покачал

головой, и они разошлись в разные стороны, оставшись каждый при своем мнении.

«Удивительный народ эти поэты, — думал молодой чиновник. — Хотелось бы поближе познакомиться с такими натурами, как он, и самому стать поэтом. Будь я на их месте, я бы в своих стихах не стал хныкать. Ах, какой сегодня чудесный весенний день; сколько в нем красоты, свежести, поэзии! Какой необыкновенно прозрачный воздух! Какие причудливые облака! А трава и листья так сладостно благоухают! Никогда я так остро не ощущал этого, как сейчас».

Вы, конечно, заметили, что он уже стал поэтом. Но внешне совсем не изменился — нелепо думать, что поэт не такой же человек, как все прочие. Среди простых людей часто встречаются натуры гораздо более поэтические, чем многие прославленные поэты. Только у поэтов гораздо лучше развита память, и все идеи, образы, впечатления хранятся в ней до тех пор, пока не найдут своего поэтического выражения на бумаге. Когда у простого человека проявляется его поэтически одаренная натура, происходит своего рода превращение, и такое именно превращение произошло с писарем.

«Какое восхитительное благоухание! — думал он. — Оно напоминает мне фиалки у тетушки Лоны. Я был тогда еще совсем маленьким. Господи, и как это я ни разу не вспомнил о ней раньше! Добрая старая тетушка! Она жила как раз за Биржей. Всегда, даже в самую лютую стужу, на окнах у нее зеленели в банках какие-нибудь веточки или росточки, фиалки наполняли комнату ароматом, а я прикладывал нагретые медяки к обледенелым стеклам, чтобы можно было смотреть на улицу. Какой вид открывался из этих окон! На канале стояли вмерзшие в лед корабли, огромные стаи ворон сос-

тавляли весь их экипаж. Но с наступлением весны суда преображались. С песнями и криками «ура!» матросы обкалывали лед, корабли смолили, оснащали всем, чем нужно, и они наконец уплывали в заморские страны. Они-то уплывают, а я вот остаюсь здесь; и так будет всегда; всегда я буду сидеть в полицейской канцелярии и смотреть, как другие получают заграничные паспорта. Да, таков мой удел! — И он глубоко-глубоко вздохнул, но потом вдруг опомнился: — Что это такое со мной делается сегодня? Раньше мне ничего подобного и в голову не приходило. Верно, это весенний воздух так на меня действует. А сердце сжимается от какого-то сладостного волнения».

Он полез в карман за своими бумагами.

«Возьмусь за них, буду думать о чем-нибудь другом», — решил он и пробежал глазами первый попавшийся под руку лист бумаги.

«Фру Зигбрит». Оригинальная трагедия в пяти действиях», — прочитал он. — Что такое? Странно, почерк мой! Неужели это я написал трагедию? А это еще что? «Интрига на балу, или Большой праздник». Водевиль». Но откуда все это у меня? Наверное, кто-нибудь подсунул. Да тут еще письмо...»

Письмо прислала дирекция одного театра; она не очень вежливо извещала автора, что обе его пьесы никуда не годятся.

— Гм, — произнес писарь, усаживаясь на скамейку.

В голову его вдруг хлынуло множество мыслей, а сердце исполнилось неизъяснимой нежности... к чему — он и сам не знал. Машинально он сорвал цветок и залюбовался им. Это была простая маленькая маргаритка, но она в течение одной минуты сообщила ему о себе больше, чем можно

узнать, выслушав несколько лекций по ботанике. Она рассказала ему предание о своем рождении, рассказала о том, как могуч солнечный свет — ведь это благодаря ему распустились и заблагоухали ее нежные лепестки. А поэт в это время думал о суровой жизненной борьбе, пробуждающей в человеке неведомые ему силы и чувства. Воздух и свет — возлюбленные маргаритки, но свет — ее главный покровитель, перед ним она благоговеет; а когда он уходит вечером, она засыпает в объятиях воздуха.

— Свет одарил меня красотой! — сказала маргаритка.

— А воздух дает тебе жизнь! — шепнул ей поэт.

Неподалеку стоял мальчуган и хлопал палкой по воде в грязной канаве — брызги разлетались в разные стороны. Писарь задумался вдруг о тех миллионах живых, не видимых простым глазом существ, которые взлетают вместе с водяными каплями на огромную по сравнению с их собственными размерами высоту — вот как если бы мы, например, очутились над облаками. Размышляя об этом, а также о своем превращении, наш писарь улыбнулся: «Я просто сплю и вижу сон. Но какой это все-таки удивительный сон! Оказывается, можно грезить наяву, сознавая, что это тебе только снится. Хорошо бы вспомнить обо всем этом завтра утром, когда я проснусь. Какое странное состояние! Сейчас я все вижу так четко, так ясно, чувствую себя таким бодрым и сильным — и в то же время хорошо знаю, что, если утром попытаюсь что-нибудь припомнить, в голову мне полезет только чепуха. Сколько раз это бывало со мной! Все эти чудесные вещи похожи на сокровища гномов: ночью, когда их получаешь, они кажутся драгоценными камнями, а

днем превращаются в кучу щебня и увядших листьев».

Вконец расстроенный, писарь грустно вздыхал, поглядывая на птичек, которые весело распевали свои песенки, перепархивая с ветки на ветку.

«И им живется лучше, чем мне. Уметь летать — какая чудесная способность! Счастлив тот, кто ею одарен. Если бы только я мог превратиться в птичку, я бы стал вот таким маленьким жаворонком!»

И в ту же минуту рукава и фалды его сюртука превратились в крылья и обросли перьями, а вместо калош появились коготки. Он сразу заметил все эти превращения и улыбнулся.

«Ну, теперь я убедился, что это сон. Но таких дурацких снов мне еще не приходилось видеть», — подумал он, взлетел на зеленую ветку и запел.

Однако в его пении уже не было поэзии, так как он перестал быть поэтом: калоши выполняли только одно дело зараз. Захотел писарь стать поэтом — стал, захотел превратиться в птичку — превратился, но зато утратил свои прежние свойства.

«Забавно, нечего сказать! — подумал он. — Днем я сижу в полицейской канцелярии, занимаясь важнейшими делами, а ночью мне снится, что я жаворонком летаю по Фредериксбергскому парку. Да об этом, черт возьми, можно написать целую народную комедию!»

И он слетел на траву, завертел головкой и принялся весело клевать гибкие травинки, казавшиеся ему теперь огромными африканскими пальмами. Внезапно вокруг него стало темно, как ночью; ему почудилось, будто на него набросили какое-то гигантское одеяло! На самом же деле это мальчик из слободки накрыл его своей шапкой. Мальчик

запустил руку под шапку и схватил писаря за спинку и крылья. Тот сначала запищал от страха, потом вдруг возмутился:

— Ах ты негодный щенок! Как ты смеешь! Я полицейский писарь!

Но мальчишка услышал только жалобное «пи-и, пи-и-и». Он щелкнул птичку по клюву и пошел с нею дальше, на горку.

По дороге он встретил двух школьников; оба они были в высшем классе по своему положению в обществе и в низшем — по умственному развитию и успехам в науках. Они купили жаворонка за восемь скиллингов. Таким образом, полицейский писарь вернулся в город и оказался в одной квартире на Готской улице.

— Черт побери, хорошо, что это сон,— сказал писарь,— а не то я бы здорово рассердился! Сначала я стал поэтом, потом — жаворонком. И ведь это моя поэтическая натура внушила мне желание превратиться в такую малютку. Однако невеселая это жизнь, особенно когда попадешь в лапы к подобным сорванцам. Ох, чем все это кончится?

Мальчики принесли его в красиво обставленную комнату, где их встретила толстая улыбающаяся женщина. Она ничуть не обрадовалась простой полевой птичке, как она назвала жаворонка, тем не менее разрешила мальчишкам оставить его и посадить в маленькую клетку на подоконнике.

— Быть может, он немного развлечет попochку! — добавила она и с улыбкой взглянула на большого зеленого попугая, который важно покачивался на кольце в роскошной металлической клетке. — Сегодня у попочки день рождения,— сказала она, глупо улыбаясь,— и полевая птичка хочет его поздравить.

Попугай, ничего на это не ответив, все так же важно раскачивался взад и вперед. В это время громко запела красивая канарейка, которую сюда привезли прошлым летом из теплой и благоухающей родной страны.

— Ишь крикунья! — сказала хозяйка и набросила на клетку белый носовой платок.

— Пи-пи! Какая ужасная метель! — вздохнула канарейка и умолкла.

Писаря, которого хозяйка назвала полевой птичкой, посадили в маленькую клетку рядом с клеткой канарейки и по соседству с попугаем. Попугай мог внятно выговаривать одну фразу, нередко звучавшую очень комично: «Нет, будем людьми!» — а все остальное получалось у него так же невразумительно, как щебет канарейки. Впрочем, писарь, превратившись в птичку, отлично понимал своих новых знакомых.

— Я порхала над зеленой пальмой и цветущим миндальным деревом, — пела канарейка. — Вместе с братьями и сестрами я летала над чудесными цветами и зеркальной гладью озер, и нам приветливо кивали отражения прибрежных кустов. Я видела стаи разноцветных попугаев, которые рассказывали множество чудеснейших историй.

— Это дикие птицы, — отозвался попугай, — не получившие никакого образования. Нет, будем людьми! Что же ты не смеешься, глупая птица? Если этой остроте смеется сама хозяйка и ее гости, так почему бы не посмеяться и тебе? Не ценить хороших острот — это очень большой порок, должен вам сказать. Нет, будем людьми!

— А ты помнишь красивых девушек, что плясали под сенью цветущих деревьев? Помнишь сладкие плоды и прохладный сок диких растений?

— Конечно, помню, — отвечал попугай, — но

здесь мне гораздо лучше! Меня прекрасно кормят и всячески ублажают. Я знаю, что я умен, и с меня довольно. Нет, будем людьми! У тебя, что называется, поэтическая натура, а я сведущ в науках и остроумен. В тебе есть гениальность, но не хватает рассудительности. Ты метишь слишком высоко, поэтому люди тебя осаживают. Со мной они так поступать не станут, потому что я обошелся им дорого. Я внушаю уважение уже одним своим клювом, а болтовней своей могу кого угодно поставить на место. Нет, будем людьми!

— О моя теплая, цветущая родина, — пела канарейка, — я буду петь о твоих темно-зеленых деревьях, чьи ветви целуют прозрачные воды тихих заливов, о светлой радости моих братьев и сестер, о вечнозеленых хранителях влаги в пустыне — кактусах.

— Перестань хныкать! — проговорил попугай. — Скажи лучше что-нибудь смешное. Смех — это знак высокого духовного развития. Вот разве могут, к примеру, смеяться собака или лошадь? Нет, они могут только хныкать, а способностью смеяться одарен лишь человек. Ха-ха-ха, будем людьми! — расхохотался попучка.

— И ты, маленькая серая датская птичка, — сказала канарейка жаворонку, — ты тоже стала пленницей. В твоих лесах, наверное, холодно, но зато в них ты свободна. Лети же отсюда! Смотри, они забыли запереть твою клетку! Форточка открыта, лети же — скорей, скорей!

Писарь так и сделал: вылетел из клетки и уселся возле нее.

В этот миг дверь в соседнюю комнату открылась, и на пороге появилась кошка, гибкая, страшная, с зелеными горящими глазами. Кошка уже совсем было приготовилась к прыжку, но канарейка

заметалась в клетке, а попугай захлопал крыльями и закричал:

— Нет, будем людьми!

Писарь похолодел от ужаса и, вылетев в окно, полетел над домами и улицами. Летел, летел, наконец устал и вот увидел дом, который показался ему знакомым. Одно окно в доме было открыто. Писарь влетел в комнату и уселся на стол.

К своему изумлению, он увидел, что это его собственная комната.

— Нет, будем людьми! — машинально повторил он излюбленную фразу попугая и в ту же минуту вновь стал полицейским писарем, только зачем-то усевшимся на стол.

— Господи помилуй, — сказал писарь, — как это я попал на стол, да еще заснул? И какой дикий сон мне приснился! Какая чепуха!

VI. Конец

На другой день рано утром, когда писарь еще лежал в постели, в дверь постучали, и вошел его сосед, снимавший комнату на том же этаже, — молодой студент-философ.

— Одолжи мне, пожалуйста, твои калоши, — сказал он. — Хоть в саду и сыро, да больно уж ярко светит солнышко. Хочу туда сойти выкурить трубочку.

Он надел калоши и вышел в сад, в котором росло только два дерева — слива и груша; впрочем, даже столь скудная растительность в Копенгагене большая редкость.

Студент прохаживался взад и вперед по дорожке. Время было раннее, всего шесть часов

утра. На улице заиграл рожок почтового дилижанса.

— О, путешествовать, путешествовать! — вырвалось у него. — Что может быть прекраснее! Всю жизнь я мечтал о путешествиях. Как хочется уехать подальше отсюда, увидеть волшебную Швейцарию, поездить по Италии!

Хорошо еще, что калоши счастья выполняли желания немедленно, а то бы студент, пожалуй, забрался слишком далеко и для себя самого, и для нас с вами. В тот же миг он уже путешествовал по Швейцарии, упрятанный в почтовый дилижанс вместе с восемью другими пассажирами. Голова у него трещала, шею ломило, ноги затекли и болели, потому что сапоги жали немилосердно. Он не спал и не бодрствовал, но был в состоянии какого-то мучительного оцепенения. В правом кармане у него лежал аккредитив, в левом — паспорт, а в кожаном мешочке на груди было зашито несколько золотых.

Стоило нашему путешественнику клонуть носом, как ему тут же начинало мерещиться, что он уже потерял одно из этих сокровищ, и тогда его бросало в дрожь, а рука его судорожно описывала треугольник — справа налево и на грудь, — чтобы проверить, все ли цело. В сетке над головами пассажиров болтались зонтики, палки, шляпы, и это мешало студенту наслаждаться прекрасным горным пейзажем. Но он все смотрел, смотрел и не мог насмотреться, а в сердце его звучали строки стихотворения, которое написал, хотя и не стал печатать, один известный нам швейцарский поэт:

Прекрасный край! Передо мной
Монблан белеет вдалеке,
Здесь был бы, право, рай земной,
Будь больше денег в кошельке.

Природа здесь была мрачная, суровая и величественная. Хвойные леса, покрывавшие заоблачные горные вершины, издали казались просто зарослями вереска. Пошел снег, подул резкий, холодный ветер.

— Ух! — вздохнул студент. — Если бы мы уже были по ту сторону Альп! Там теперь наступило лето, и я наконец получил бы по аккредитиву свои деньги. Я так за них боюсь, что все эти альпийские красоты перестали меня пленять. Ах, если б я уже был там!

И он немедленно очутился в самом сердце Италии, где-то на дороге между Флоренцией и Римом.

Последние лучи солнца озаряли лежащее между двумя темно-синими холмами Тразименское озеро, превращая его воды в расплавленное золото. Там, где некогда Ганнибал разбил Фламиния, теперь виноградные лозы мирно обвивали друг друга своими зелеными плетями. У дороги, под сенью благоухающих лавров, прелестные полуголые ребятишки пасли стадо черных как смоль свиней.

Да, если бы описать эту картину как следует, все бы только и твердили: «Ах, восхитительная Италия!»

Но, как ни странно, ни студент, ни его спутники этого не думали. Тысячи ядовитых мух и комаров тучами носились в воздухе; напрасно путешественники обмахивались миртовыми ветками — насекомые все равно кусали и жалили их. В карете не было человека, у которого не распухло бы все лицо, искусанное в кровь. У лошадей был еще более несчастный вид: бедных животных сплошь облепили огромные насекомые, так что кучер время от времени слезал с козел и отгонял от лошадей их мучителей, но уже спустя мгновение налетали новые.

Скоро зашло солнце, и путешественников охватила пронизывающий холод — правда, ненадолго, но все равно это было не слишком приятно. Зато вершины гор и облака окрасились в непередаваемо красивые зеленые тона, отливающие блеском последних солнечных лучей. Эта игра красок не поддается описанию, ее нужно видеть. Зрелище изумительное, все с этим согласились, но в желудке у каждого было пусто, тело устало, душа жаждала приюта на ночь, а где его найти? Теперь все эти вопросы занимали путешественников гораздо больше, чем красоты природы.

Дорога проходила через оливковую рощу, и казалось, что едешь где-нибудь у себя на родине, между знакомыми голубыми ивами. Вскоре карета подъехала к одинокой гостинице. У ворот ее сидело множество нищих-калек, даже самый бодрый из них казался страшным сыном голода.словно сама нищета тянулась к путникам из этой кучи тряпья и лохмотьев.

— Господин, помогите несчастным! — хрипели они, протягивая руки за подаванием.

Путешественников встретила хозяйка гостиницы, босая, нечесаная, в грязной кофте. Двери в комнатах держались на веревках, под потолком порхали летучие мыши, кирпичный пол был весь в выбоинах, а вонь стояла такая, что хоть топор вешай.

— Лучше бы уж она накрыла нам стол в конюшне, — сказал кто-то из путешественников. — Там, по крайней мере, знаешь, чем дышишь.

Открыли окно, чтобы впустить свежего воздуха, но тут в комнату протянулись иссохшие руки и послышалось опять:

— Господин, помогите несчастным!

Стены комнаты были сплошь исписаны, и половина надписей ругательски ругала «прекрасную Италию».

Принесли обед: водянистый суп с перцем и прогорклым оливковым маслом, потом приправленный таким же маслом салат и, наконец, несвежие яйца и жареные петушинные гребешки — в качестве украшения пиршества. Даже вино казалось не вином, а какой-то микстурой.

На ночь дверь забаррикадировали чемоданами, и одному путешественнику поручили стоять на часах, а остальные уснули. Часовым был выбран студент-философ. Ну и духота стояла в комнате! Жара нестерпимая, комары, а тут еще стоны нищих под окном, которые даже ночью не давали покою.

«Нет, уж лучше умереть, чем выносить всю эту муку,— подумал студент.— Так хочется спать. Спать, спать, спать и не просыпаться».

Не успел он так подумать, как очутился у себя дома. На окнах висели длинные белые занавески, посреди комнаты на полу стоял черный гроб, а в нем смертным сном спал он сам. Его желание исполнилось.

В этот миг в комнате появились две женщины. Мы их знаем: то были фея Печали и вестница Счастья, и они склонились над умершим.

— Ну,— спросила Печаль,— много счастья принесли человечеству твои калоши?

— Что ж, тому, кто лежит здесь, они, по крайней мере, дали вечный покой! — ответила фея Счастья.

— О нет,— сказала Печаль.— Он сам ушел из мира раньше своего срока. Но я окажу ему благодеяние! — И она стащила калоши со студента.

Смертный сон прервался. Студент-философ

проснулся и встал. Фея Печали исчезла, а с ней и калоши. Должно быть, она решила, что теперь они будут принадлежать ей.

РЕБЯЧЬЯ БОЛТОВНЯ

богатого купца был детский вечер; приглашены были все дети богатых и знатных родителей. Дела купца шли отлично; сам он был человек образованный, даже в свое время окончил гимназию. Дети болтали без умолку — у них, как известно, что на уме, то и на языке. В числе детей была одна прелестная маленькая девочка, только ужасно спесивая. Отец малютки был камер-юнкером, и она знала, что это нечто «ужасно важное».

— Я камер-юнкерская дочка! — сказала она.

Она точно так же могла быть дочкой лавочника — от человека не зависит, кем он рождается. Но она рассказывала другим детям, что она «урожденная» такая-то, а кто не «урожденный», из того ничего и не выйдет. Читай, старайся, учись сколько хочешь, но, если ты не «урожденная», толку не выйдет.

— А уж из тех, чье имя кончается на «сен», — прибавила она, — никогда ничего путного

не выйдет. Тут уж упрись руками в бока да держись подальше от всех этих «сенов»!

И она уперлась прелестными ручонками в бока и выставила острые локотки, чтобы показать, как надо держаться. Славные у нее были ручонки, да и сама она была премиленькая!

Но дочка купца обиделась: фамилия ее отца была Мадсен, стало быть, тоже оканчивалась на «сен», и вот она гордо закинула головку и сказала:

— Зато мой папа может купить леденцов на целых сто риксдалеров и разбросать их народу! А твой может?

— Ну, а мой папа, — сказала дочка писателя, — может и твоего папу, и твоего, и всех пап на свете пропечатать в газете! Все его боятся, говорит мама: ведь это он распоряжается газетой! — И девочка гордо закинула голову — ни дать ни взять принцесса крови!

А за полуотворенною дверью стоял бедный мальчик и поглядывал на детей в щелочку; мальчуган не смел войти в комнату: куда такому бедняку соваться к богатым и знатым детям! Он поворачивал на кухне для кухарки вертел, и теперь ему позволили поглядеть на разряженных, веселящихся детей в щелку; и уже одно это было для него огромным счастьем.

«Вот бы мне на их место!» — думалось ему. Он слышал болтовню девочек, а слушая ее, можно было пасть духом. Ведь у родителей его не было в копилке ни гроша; у них не было средств даже выписать газету, а не то что самим издавать ее. Ну, а хуже всего было то, что фамилия его отца, а значит, и его собственная, как раз кончалась на «сен»! Из него никогда не выйдет ничего путного! Вот горе-то! Но родился он, казалось ему, не хуже других; иначе и быть не могло.

Вот какой был этот вечер!

Прошло много лет, дети стали взрослыми людьми.

В том же городе стоял великолепный дом, полный сокровищ. Всем хотелось видеть его; для этого приезжали даже из других городов. Кто же из тех детей, о которых мы говорили, мог назвать этот дом своим? Скажете, это легко угадать? Нет, не легко! Дом принадлежал бедному мальчугану. Из него все-таки вышло кое-что, хоть фамилия его и кончалась на «сен» — Торвальдсен. Великий скульптор Торвальдсен.

Ну, а другие дети? Дети кровной, денежной и умственной спеси, из них что вышло? Да, все они друг друга стоили, все они были дети как дети! Вышло из них одно хорошее: задатки-то в них были хорошие. Мысли же и разговоры их в тот вечер были так, ребячья болтовня!

ЧЕГО ТОЛЬКО
НЕ ПРИДУМАЮТ...

Жил-был молодой человек. Он учился на поэта и хотел стать поэтом к Пасхе, а потом жениться и зажить доходом от своих сочинений. Сочинять — значит придумывать что-то новое, это он знал, вот только придумывать не умел. Слишком поздно он родился: все уже было

разобрано до того, как он появился на свет, все вос-
пето, обо всем написано.

— Как счастливы были те, что родились тысячу лет назад! — говорил он. — Им не трудно было стя-
жать бессмертие! Даже тех, кто родился сто лет назад, можно считать счастливыми: все-таки тогда еще оставалось много такого, о чем можно было писать. А теперь все сюжеты для поэзии исчерпаны — о чем же я стану писать?

И до того он доучился, бедняга, что извел себя вконец и заболел. Ни один врач не мог ему помочь, разве что знахарка. Жила она в маленьком домике у шлагбаума, который должна была поднимать перед всадниками и экипажами. Но она умела открывать не только шлагбаум и была умнее самого доктора, ездившего в собственном экипаже и платившего налог за звание.

— Надо пойти к ней! — решил молодой человек.

Жила знахарка в маленьком, чистеньком домике без затей: ни дерева рядом, ни цветов. У дверей только улей — вещь очень полезная! И маленькое картофельное поле — вещь тоже очень полезная! А еще была тут канава, поросшая терновником. Терновник уже отцвел и был усыпан ягодами, от которых сводит рот, если отведать их до того, как их прихватит морозом.

«Вот воплощение нашего лишенного поэзии века!» — подумал молодой человек, и это уже была мысль, золотое зерно, найденное на пороге дома знахарки.

— Запиши ее! — сказала она. — И крошки тоже хлеб! Я знаю, зачем ты пришел: ты не умеешь ничего придумывать, а хочешь стать к Пасхе поэ-
том!

— Обо всем уже написано! — сказал он. — Наше время — не то что доброе старое время!

— Конечно, нет! — отвечала знахарка. — В старые времена знахарок сжигали, а поэты ходили голодные, с продранными локтями. Наше время лучше, самое лучшее. Но у тебя нет правильного взгляда на вещи, нет острого слуха. Есть о чем петь и рассказывать и в наше время, надо только уметь рассказывать. А мысль можно черпать где хочешь: в злаках и травах земных, в текучих и стоячих водах, надо только уметь, надо уметь поймать солнечный луч. На вот попробуй-ка мои очки, поставь к уху мой слуховой рожок и перестань думать только о самом себе.

Не думать о самом себе было трудненько; удивительно, как такая умная женщина могла даже потребовать этого.

Он взял очки и рожок и вышел на середину картофельного поля. Старуха дала ему большую картофелину. В картофелине звенело. Затем послышалась песня со словами — история картофелин, очень интересная будничная история в десяти строках; десяти строк было достаточно.

О чем же пела картофелина?

Она пела о себе и своей семье, о том, как картофель впервые появился в Европе, и о том презрении, какое ей довелось испытать, пока ее не признали за дар более драгоценный, чем золотые самородки.

— По повелению короля нас раздавали в ратушах всех городов, всем было объявлено о нашем великом значении, но этому никто не верил, не знали даже, как нас сажать. Одни рыли яму и бросали в нее целую меру картофеля. Другие совали в землю одну картофелину здесь, другую там и ждали, что из каждой вырастет целое дерево, с которого можно будет стряхивать плоды. Появлялись отдельные кусты, цветы, водянистые плоды,

остальное же погибало. Никому не приходило в голову порыться в земле, поискать там настоящие картофелины... Да, мы много вынесли и выстрадали, то есть не мы, а наши предки, но ведь это все едино.

— Вот так история! — сказал молодой человек.

— Ну, хватит, пожалуй. Теперь посмотри на терновник!

— У нас тоже есть близкие родственники на родине картофеля, но только севернее, — рассказывал терновник. — Туда явились норманны из Норвегии, они направились на запад сквозь туманы и бури в неведомую страну и там, за льдами и снегами, нашли травы и зеленые луга, кусты с темносиними винными ягодами — терновник. Его ягоды созревали на морозе, как созреваем и мы. А та страна получила название Винланд — Винная страна, или Гренландия — Зеленая страна.

— В высшей степени романтическое повествование! — сказал молодой человек.

— Да, а теперь поднимись на насыпь, что возле канавы, — сказала старуха, — да погляди на дорогу, ты увидишь там людей.

— Вот так толпа! — сказал молодой человек. — Да тут историям конца не будет. Шум, гам! У меня просто в глазах рябит. Я лучше отойду назад.

— Нет, шагай вперед! — сказала старуха. — Шагай прямо в людскую толчею, пусть твои глаза и уши будут открыты, и сердце тоже, тогда ты скоро что-нибудь да придумаешь. Только, прежде чем идти, давай-ка сюда мои очки и слуховой рожок!

И она отняла у него и то и другое.

— Теперь я ровно ничего не вижу! — сказал молодой человек. — И ничего не слышу.

— Ну, тогда не сделаться тебе к Пасхе поэтом.

— А когда же?

— Ни к Пасхе, ни к Троице! Тебе никогда ничего не придумать!

— Так за что же мне взяться, если я хочу зарабатывать на поэзии?

— Ну, этого-то ты можешь добиться хоть к масленице! — сказала старуха. — Трави поэтов! Рази их творения, это все равно что разить их самих. Главное, не дрейфь! Бей сплеча, и тогда сколотишь деньжонок, чтобы прокормить себя и жену.

— Чего только не придумают! — сказал молодой человек и ну колотить поэтов направо и налево, раз уж сам не мог заделаться поэтом.

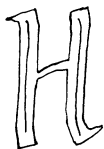
Все это нам поведала знахарка; кому же, как не ей, знать, чего только не придумают.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

*в которой рассказывается
о зеркале и о его осколках*

у, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем сейчас. Так вот, жил-был тролль, злой-презлой, сущий дьявол. Раз был он в особенно хорошем рас-

положении духа: смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось дальше некуда, а все дурное и безобразное так и выпирало, делалось еще гаже. Прекраснейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами, или казалось, будто стоят они кверху ногами, а животов у них вовсе нет! Лица искажались так, что и не узнать, а если у кого была веснушка, то уж будьте покойны — она расползлась и на нос и на губы. А если у человека являлась добрая мысль, она отражалась в зеркале такой ужимкой, что тролль так и покатывался со смеху, радуясь своей хитрой выдумке.

Ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали всем, что сотворилось чудо: теперь только, говорили они, можно увидеть весь мир и людей в их истинном свете. Они бегали повсюду с зеркалом, и скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые не отразились бы в нем в искаженном виде.

Напоследок захотелось им добраться и до неба. Чем выше они поднимались, тем сильнее кривлялось зеркало, так что они еле удерживали его в руках. Но вот они взлетели совсем высоко, как вдруг зеркало до того перекорежило от гримас, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось на миллионы, миллиарды осколков, и оттого произошло еще больше бед. Некоторые осколки, с песчинку величиной, разлетаясь по белу свету, попадали людям в глаза да так там и оставались. А человек с таким осколком в глазу начинал видеть все наизусть или замечать в каждой вещи только дурное — ведь каждый осколок сохранял свойство всего зеркала. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было страшнее всего: сердце делалось как кусок льда. Были среди

осколков и большие — их вставили в оконные рамы, и уж в эти-то окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, и худо было, если такие очки надевали для того, чтобы лучше видеть и правильно судить о вещах.

Злой тролль надрывался от смеха — так веселила его эта затея. А по свету летало еще много осколков. Послушаем же про них!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем хватает места хотя бы на маленький садик, а потому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, и садик у них был чуть побольше цветочного горшка. Они не были братом и сестрой, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители их жили в каморках под крышей в двух соседних домах. Кровли домов сходились, и между ними тянулся водосточный желоб. Здесь-то и смотрели друг на друга чердачные окошки от каждого дома. Стоило лишь перешагнуть через желоб, и можно было попасть из одного окошка в другое.

У родителей было по большому деревянному ящику, в них росла зелень для приправ и небольшие розовые кусты — по одному в каждом ящике, пышно разросшиеся. Родителям пришло в голову поставить эти ящики поперек желоба, так что от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Зелеными гирляндами спускался из ящичков горох, розовые кусты заглядывали в окна и

сплетались ветвями. Родители позволяли мальчику и девочке ходить друг к другу в гости по крыше и сидеть на скамеечке под розами. Как чудесно им тут игралось!

А зимой эти радости кончались. Окна зачастую совсем замерзали, но дети нагревали на печи медные монеты, прикладывали их к замерзшим стеклам, и сейчас же оттаивало чудесное круглое отверстие, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а потом подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик. Он знал, что у настоящих пчел есть такая.

— Есть! — отвечала бабушка. — Снежинки окружают ее густым роем, но она больше их всех и никогда не присаживается на землю, вечно носится в черном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, вот оттого-то и покрываются они морозными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что все это сушая правда.

— А сюда Снежная королева не может войти? — спрашивала девочка.

— Пусть только попробует! — отвечал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по голове и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем

разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки. Одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительно сверкающего льда, и все же живая! Глаза ее сияли, как две ясные звезды, но не было в них ни теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Кай испугался и спрыгнул со стула. А мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день было ясно и морозно, но потом настала оттепель, а там и весна пришла. Заблестало солнце, проглянула зелень, строили гнезда ласточки. Окна растворили, и дети опять могли сидеть в своем садике в водосточном желобе над всеми этажами.

Розы в то лето цвели пышно, как никогда. Дети пели, взявшись за руки, целовали розы и радовались солнцу. Ах, какое чудесное стояло лето, как хорошо было под розовыми кустами, которым, казалось, цвести и цвести вечно!

Как-то раз Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами. На больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг Кай. — Меня кольнуло прямо в сердце и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он часто-часто моргал, но в глазу как будто ничего не было.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но это было не так. Это были как раз осколки того дьявольского зеркала, о котором мы говорили вначале.

Бедняжка Кай! Теперь его сердце должно было стать как кусок льда. Боль прошла, но осколки остались.

— О чем ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно! Фу, какая ты некрасивая! — вдруг крикнул он. — Вон ту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат.

И он пнул ящик ногою и сорвал обе розы.

— Кай, что ты делаешь?! — закричала Герда, а он, видя ее испуг, сорвал еще одну розу и убежал от милой маленькой Герды в свое окно.

Принесет ли теперь ему Герда книжку с картинками, он скажет, что эти картинки хороши только для грудных ребят; расскажет ли что-нибудь старая бабушка — придерется к ее словам. А то дойдет даже до того, что начнет передразнивать ее походку, надевать ее очки, говорить ее голосом. Выходило очень похоже, и люди смеялись. Скоро Кай научился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставлять напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Удивительно способный мальчуган!

А причиной всему были осколки, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже милую маленькую Герду, а ведь она любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда шел снег, он явился с большим увеличительным стеклом и поставил под снег полу своей синей куртки.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было так красиво!

— Видишь, как хитро сделано! — сказал Кай. — Гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если б только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо:

— Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! — и убежал.

На площади каталось множество детей. Кто посмелее, привязывал свои санки к крестьянским саням и катился далеко-далеко. Это было куда как занятно. В самый разгар веселья на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее, затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и приветливо кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе все кивал ему, и он продолжал ехать за ним.

Вот они выбрались за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, и стало темно, хоть глаз выколи. Мальчик поспешно отпустил веревку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробы, перескакивая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых кур. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная,

ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно прсехались! — сказала она. — Но ты совсем замерз — полезай ко мне в шубу!

Посадила она мальчика в сани, завернула в свою медвежью шубу. Кай словно в снежный сугроб опустился.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что еще немного — и он умрет... Но только на минуту, а потом, напротив, ему стало так хорошо, что он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он.

Санки привязали на спину одной из белых кур, и она полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше не буду целовать тебя, — сказала она. — Не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на нее. Как она была хороша! Лица умней и прелестней он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему.

Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что на самом-то деле он знает совсем мало.

В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на черное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и

озерами, над морями и сушей; студеные ветры дули под ними, выли волки, искрился снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь, а днем заснул у ног Снежной королевы.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

*Цветник женщины,
которая умела колдовать*

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто этого не знал, никто не мог дать ответ.

Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много было пролито по нему слез, горько и долго плакала Герда. Наконец решили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — отвечали они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки (Кай ни разу еще не видел их), — сказала она как-то утром, — да пойду спрошу про него у реки.

Было еще очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты вернешь мне его!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у нее было, — и бросила в реку. Но они упали у самого берега, и волны сейчас же вынесли их обратно — река словно бы не хотела брать у девочки ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от ее толчка отошла от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже совсем отплыла и быстро неслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее. Воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая ее утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило все дальше. Герда сидела смирно, в одних чулках: красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

«Может быть, река несет меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишневому саду, в котором ютился домик под соломенной крышей, с красными и синими стеклами в окошках. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо. Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно,

не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла старая-престарая старушка с клюкой, в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедное дитячко! — сказала старушка. — И как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку клюкой, притянула к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась незнакомой старухи.

— Ну, пойдем, да Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старушку, не видала ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что горевать пока не о чем, пусть Герда лучше отведает вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее, чем в любой книжке с картинками, и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, синих и желтых — стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько угодно. А пока она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы с тобой заживем!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше забывала Герда своего названного братца Кая, — старушка умела колдовать. Только она была не злою колдуньей и колдовала лишь изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась клюкой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих, а там и о Кае да и убежит от нее.

Потом старушка повела Герду в цветник. Ах, какой аромат тут был, какая красота: самые разные цветы и на каждое время года! Во всем свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постель с красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветок в саду, но, как ни много их было, ей все же казалось, что какого-то недостает, только какого? И вот раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами, и самым красивым из них была роза — старушка забыла ее стереть, когда спровадила живые розы под землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала в сад, искала их, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы падали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и, как только они увлажнили землю, куст мгновенно вырос из нее, такой же цветущий, как прежде.

Обвила его ручонками Герда, принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Вы не знаете, где он? — спросила она у роз. — Правда ли, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер! — отвечали розы. — Мы ведь были под землей, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Вы не знаете, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о своей собственной сказке или истории. Много их наслушалась Герда, но ни один не сказал ни слова о Кае.

Тогда Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зеленой траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного брата?

Одуванчик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой стене соседнего дома, и

возле самой стены проглянул первый желтенький цветок, он сверкал на солнце, словно золотой. Во двор вышла посидеть старая бабушка. Вот пришла из гостей ее внучка, бедная служанка, и поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идет прямо от сердца. Золото на ее губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и все! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне и горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и его приведу с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы — толку от них не добьешься, они знай твердят свое! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и осмотрелась: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень. Только в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли ее бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один только терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Долго смотрел он на девочку, кивая ей головою, и наконец молвил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Выговаривать по-человечески чище он не мог, но он желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька. Что такое «одна-одинешенька», Герда знала очень хорошо, сама на себе испытала. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Может быть! Может быть!

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона — так крепко она его расцеловала.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Думаю, это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда. — Как жалко!

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал все, что знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя!

Прочла все газеты на свете и позабыла все, что в них прочла,— вот какая умница! Раз как-то сидит она на троне — а веселья-то в этом не так уж много, как люди говорят,— и напевает песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать такого человека, который бы умел отвечать, когда с ним говорят, а не такого, что умел бы только важничать — это ведь так скучно! И вот барабанным боем созывают всех придворных дам, объявляют им волю принцессы. Уж так они все обрадовались! «Вот это нам нравится! — говорят. — Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — ручная ворона, от нее-то я и знаю все это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя непринужденно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберет в мужья. Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ валом повалил во дворец, пошла давка и толкотня, да все без проку и в первый, и во второй день. На улице все женихи говорят отлично, а стоит им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию в серебре да лакеев в золоте и войти в огромные, залитые светом залы — и их оторопь берет. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют за ней ее же слова, а ей вовсе не это было нужно. Ну точно на них порчу напускали, опаивали дурманом! А выйдут за ворота — опять обретут дар слова. От самых

ворот до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришел свататься?

— Постой! Постой! Вот мы дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо во дворец. Глаза блестят, как твои, волосы длинные, вот только одет бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его санки! — сказала Герда. — Он ушел из дому с санками.

— Очень может быть! — сказал ворон. — Я не особенно вглядывался. Так вот, моя невеста рассказывала, как вошел он в дворцовые ворота и увидел гвардию в серебре, а по всей лестнице лакеев в золоте, ни капельки не смутился, только головой кивнул и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, войду-ка я лучше в комнаты!» А все залы залиты светом. Тайные советники и их превосходительства расхаживают без сапог, золотые блюда разносят, — торжественнее некуда! Сапоги его страшно скрипят, а ему все нипочем.

— Это, наверное, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, он был в новых сапогах. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры со слугами и слугами слуг, а у тех опять прислушники. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям,

тем выше задира́л нос. На прислужника слуги, прислуживающего слуге и стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он завел с принцессой беседу и говорил не хуже, чем я по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да-да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — трудно сделать. Постой, я поговорю с моей невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут, у решетки, — сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот хлебец. Она стащила его на кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда.

Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода и где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и, когда огни во дворце погасли, ворон провел девочку в полуотворенную дверь.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы и как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. А как обрадуется он теперь, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости!

Но вот они на площадке лестницы. На шкафу горела лампа, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, за нами кто-то идет, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они являются сюда, чтобы мысли высоких особ унеслись на охоту. Тем лучше для нас: удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первую залу, где стены были

обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой, так что было от чего прийти в замешательство. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе. Они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде — больше он пока ничего не мог для нее сделать.

А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глаза и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает.

Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадей и пару башмаков — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звезды, гербами принца и принцессы: у кучера, лакеев, фореиторов — дали ей и фореиторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиной к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета была битком набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона — тоже. Через три мили простился с девочкой и ворон. Тяжелое было

расставание! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в темный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они просто не могли этого вынести.

— Золото! Золото! — закричали они, схватив лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь какая славенькая, жиренькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жиренькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Какой ужас!

— Ай! — вскрикнула она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что просто любо. — Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постели.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на месте. Разбойники захотали.

— Ишь как пляшет со своей девчонкой!

— Хочу в карету! — закричала маленькая раз-

бойница и настояла на своем — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и кочкам в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую, мягкую, теплую муфточку.

Вот карета остановилась: они въехали во двор разбойничьего замка.

Он был весь в огромных трещинах; из них вылетали вóроны и ворóны. Откуда-то выскочили огромные бульдоги, казалось, каждому из них нипочем проглотить человека, но они только высоко подпрыгивали и даже не лаяли — это было запрещено. Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход. Над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами.

Повыше сидело на жердях больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она и ткнула голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решеткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина бяшка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Неужели ты и спишь с ножом? — спросила ее Герда.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Мало ли что может случиться! Ну, расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у нее был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица

несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенцы, еще лежали в гнезде. Онадохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Наверно, в Лапландию — ведь там вечный снег и лед. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лед. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным сверкающим равнинам. Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи смирно, — сказала маленькая разбойница. — Не то пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и вздремнет, тогда я кое-что сделаю для тебя.

И вот старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, а маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты уморительный, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть!

Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Можешь бежать в свою Лапландию, но за это ты должен отвезти к дворцу Снежной королевы эту девочку — там ее названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила громко, а у тебя вечно ушки на макушке.

Северный олень так и подпрыгнул от радости. А маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее для верности и даже подсунула под нее мягкую подушку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — ведь холодно будет! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша. Но мерзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя как у моей уродины матери.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе еще два хлеба и окорок, чтобы не пришлось голодать.

И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Выли волки, каркали вороны.

Уф! Уф! — послышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнем.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень.— Гляди, как горит.

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой лачуги. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четвереньках.

Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка.— Долгий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто с лишним миль, пока доберетесь до Финляндии, где Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу несколько слов на сушеной треске — бумаги у меня нет,— и вы снесете послание финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала несколько слов на сушеной треске, велела Герде хорошенько беречь ее, привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — слышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пла-

мени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финка, низенькая толстая женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске.

Она прочла все от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, а потом сунула треску в котел — рыба ведь годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазами, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина... — сказал олень. — Не изготовишь ли ты для девочки такое питье, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да много ли в том проку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: он был весь исписан какими-то удивительными письменами.

Финка принялась читать их, и читала до того, что пот градом покатился с ее лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо

удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает ее сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и звери? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу, ее сила в ее сердце, в том, что она невинный милый ребенок. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколок, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, обсыпанного красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами. Тут он спустил девочку, поцеловал ее в губы, и по щекам его покатились крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи. Навстречу ей несли целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и в нем полыхало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и становились все крупнее и крупнее.

Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее и все живые.

Это были передовые дозорные войска Снежной королевы.

Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоглавых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Однако Герда смело шла все вперед и вперед и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

*Что случилось
в чертогах
Снежной королевы
и что случилось потом*

Стенами чертогов были вьюги, окнами и дверями — буйные ветры. Сто с лишним зал тянулись здесь одна за другой так, как наметала их вьюга. Все они освещались северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьих балы с танцами под музыку бури, на которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою, не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки лисички.

Холодно, пустынно, грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно

было точно рассчитать, в какую минуту свет усилится, в какую померкнет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера сидела Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его было все равно что кусок льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, — которая называется китайской головоломкой. Вот и Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, только из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала.

Складывал он и такие фигуры, из которых получались целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему:

— Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков.

Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края, — сказала Снежная королева. — Загляну в черные котлы.

Так она называла кратеры огнедышащих гор — Этны и Везувия.

— Побелю их немножко. Это хорошо для лимонов и винограда.

Она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он совсем замерз.

В это-то время в огромные ворота, которыми были буйные ветры, входила Герда. И перед нею ветры улеглись, точно заснули. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. И тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили ледяную кору, растопили осколок. Кай взглянул на Герду и вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. А она смеялась и плакала от радости. И это было так чудесно, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться сам себе господином, да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зарделись, как розы; поцеловала его в глаза, и они

заблестели; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Снежная королева могла вернуться когда угодно — его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. А когда дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал юных путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птицы, деревья покрылись зелеными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке, с пистолетами за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету, — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотелось бы мне знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и сетует на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

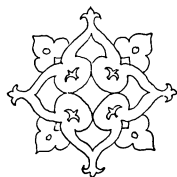
Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет к ним в город.

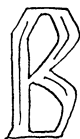
Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и на их пути расцветали весенние цветы, зеленела трава. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: часы говорили «тик-так», стрелки двигались по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали совсем взрослыми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой, взяли друг друга за руки, и холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы забылось, как тяжелый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло лето, теплое, благодатное лето.

САДОВНИК И ГОСПОДА

В миле от столицы, посреди старинной усадьбы, стоял красивый барский дом с массивными стенами, башенками и фронтонами. В этом доме жили муж и жена — богатые и знатные дворяне. Они, правда, приезжали сюда только летом, но это было самое любимое их поместье. Дом был красив снаружи, удобен и уютен внутри. Высеченный из камня родовой герб хозяев украшал парадный подъезд. Прекрасные розы обвивали этот герб и поднимались вверх по стене, а перед домом расстился густой ковер зелени. Рядом с белым и красным боярышником здесь красовались редкостные цветы, которые цвели не только в оранжерее, но и под открытым небом.

Недаром у хозяев усадьбы служил хороший садовник. Цветник, фруктовый сад, огород — все это было делом его рук и радовало глаз. За огородом еще сохранились остатки старого сада, заросшего кустами букса, которые были подстрижены в виде шаров и пирамид. А дальше высились два огромных старых дерева, почти совсем высохших. Издали казалось, что внезапный порыв урагана сверху донизу облепил их голые сучья густыми комьями навоза. На самом деле это был не навоз, а птичьи гнезда.

В этих гнездах с незапамятных времен жили крикливые стаи ворон и грачей, которые устроили тут настоящий птичий городок и безраздельно царили в усадьбе. Они ведь были первыми поселен-

цами в здешних краях, исконными владельцами поместья, его подлинными хозяевами. Двухногих обитателей усадьбы они просто презирали, хоть и мирились волей-неволей с существованием столь низменных созданий. А те иной раз падали в птиц из ружей, и тогда стаи взъерошенных, перепуганных ворон и грачей взлетали с криком: «Карр! Карр!»

Садовник не раз говорил господам, что надо бы срубить эти деревья — они портят вид сада; а как только их не станет, из сада улетят и крикливые птицы. Но господа и слышать не хотели о том, чтобы лишиться деревьев и птичьего гомона. В старых деревьях и в карканье птиц они видели особую прелесть — печать старины, которую хотели сохранить во что бы то ни стало.

— Деревья перешли к птицам по наследству от предков, так пусть же птицы и владеют ими, добрейший Ларсен! — говорили хозяева.

(Ларсеном звали садовника, но для нашей истории это не имеет значения.)

— Разве вам мало места, добрейший Ларсен? В вашем распоряжении цветники и теплицы, фруктовый сад и огород.

Садовник действительно мог распоряжаться цветниками, теплицами, садом и огородом, и он ухаживал за ними, возделывал и пестовал их с усердием и любовью. Господа были этим очень довольны, но не скрывали от садовника, что в других домах их часто угощают такими фруктами и показывают им такие цветы, до которых далеко их собственным цветам и фруктам. Эти слова огорчали садовника, потому что он всем сердцем желал, чтобы сад у его господ был лучший в мире, и ради этого трудился не покладая рук. Руки у него были умелые, а сердце доброе.

Однажды господа пригласили его к себе и сказали ему ласково и снисходительно, как и подобает господам, что вчера они были в гостях у своих знатных друзей и те угостили их яблоками и грушами, да такими сочными, такими ароматными, что сами они, хозяева Ларсена, и все остальные гости пришли в восхищение.

— Конечно, — сказали господа, — те фрукты привезены из-за границы.

Но отчего бы Ларсену не попытаться вырастить такие же в их усадьбе? Вот только смогут ли нежные плоды приспособиться к местному климату? По слухам, яблоки и груши, которые господа ели в гостях, были куплены в городе у самого крупного торговца фруктами; к нему-то господа и послали садовника, чтобы разузнать, из какой страны прибыли эти плоды, и выписать оттуда черенки.

Садовник хорошо знал этого торговца, так как по приказу господ продавал ему излишки фруктов из хозяйского сада.

И вот он поехал в город и спросил у торговца, откуда тот получил хваленые яблоки и груши.

— Из вашего собственного сада! — ответил торговец и показал Ларсену яблоки и груши, которые тот сразу узнал.

Ну и обрадовался садовник! Он поспешил к своим господам и сказал, что яблоки и груши, которые они ели в гостях, — из их собственного сада.

Господа ушам своим не верили.

— Быть не может, Ларсен! — говорили они. — Если вы хотите убедить нас, что это правда, принесите собственноручную расписку торговца фруктами.

И Ларсен принес ее господам.

— Удивительно! — воскликнули они.

Теперь каждый день к господскому столу пода-

вали большие вазы с чудесными яблоками и грушами из их собственного сада. Целыми корзинами рассылались эти фрукты друзьям по соседству, в другие города и даже за границу. Господам это было очень приятно. Однако они никогда не упускали случая напомнить садовнику, что последние две осени погода особенно благоприятствовала фруктовым садам и у всех садовников был хороший урожай.

Прошло немного времени. Однажды господа были приглашены на обед во дворец. На следующий день они вызвали к себе садовника и рассказали ему, что к королевскому столу подавали необыкновенно сочные и сладкие дыни из собственных королевских теплиц.

— Подите к придворному садовнику, любезный Ларсен, и попросите его дать вам семена этих необыкновенных дынь, хоть немножко.

— Но ведь королевский садовник сам получил от меня эти семена! — радостно воскликнул Ларсен.

— Если так, значит, он сумел вырастить из них превосходные дыни, — заявили господа. — Дыни, поданные к столу, были одна другой лучше!

— Выходит, гордиться надо мне, — сказал Ларсен. — В нынешнем году у королевского садовника дыни не удались; и вот он увидел, какие чудесные дыни растут в саду вашей милости, отведал их и заказал несколько штук для королевского стола.

— Уж не воображаете ли вы, Ларсен, что за королевским столом подавались дыни из нашего сада?

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — ответил Ларсен.

Он пошел к королевскому садовнику и получил у него свидетельство, в котором было сказано, что дыни, подававшиеся за обедом в королевском

замке, были доставлены из сада, принадлежащего господам Ларсена.

Господа были поражены. Они рассказывали об этом случае всем и каждому и всякий раз показывали свидетельство королевского садовника. А семена дынь, как прежде черенки яблонь и груш, они стали рассылать во многие страны.

Тем временем из разных мест приходили вести, что посланные черенки привились, яблони и груши приносят отменные плоды, которые названы по имени родовой господской усадьбы. Название усадьбы писали теперь на английском, немецком и французском языках.

Прежние хозяева усадьбы и мечтать об этом не могли.

— Лишь бы только садовник не возомнил о себе невесть что, — встревожились господа.

Но Ларсен думал совсем о другом: он стремился к тому, чтобы сохранить за собой славу одного из лучших садовников в стране и каждый год создавать какой-нибудь новый отличный сорт плодов или овощей. И он создавал их, но в благодарность за его труды ему часто приходилось слышать, что первые его прославившиеся фрукты — яблоки и груши — были все-таки самыми лучшими, а все остальные уже не могли с ними сравниться. Дыни, правда, очень вкусны, но все же далеко не так, как яблоки и груши. Клубника тоже хороша, но не лучше той, которую подают у других господ. А когда однажды у садовника не уродилась редиска, то господа только и говорили что о неудачной редиске, словно позабыв обо всех других овощах и фруктах своего сада.

Можно было подумать, что господам приятно говорить: «В этом году у вас все уродилось плохо, добрейший Ларсен!» Они были просто счастливы,

твердя: «Ах, как плохо все у вас уродилось нынче!»

Несколько раз в неделю садовник приносил в комнату свежие букеты, подобранные с удивительно тонким вкусом; в этих букетах каждый цветок, сочетаясь с другими цветами, становился как будто еще прекраснее.

— У вас хороший вкус, Ларсен,— говорили господа.— Но не забудьте, что этим даром вы обязаны не самому себе, а Господу Богу.

Однажды садовник принес господам большую хрустальную вазу, в которой плавал лист кувшинки, а на этом листе, опустив в воду длинный плотный стебелек, покоился ярко-голубой цветок величиной с подсолнечник.

— Индийский лотос! — воскликнули господа.

В жизни они не видавали подобного цветка. Они приказали днем выставлять его на солнце, а вечером освещать искусственным светом. И каждый, кто видел этот цветок, приходил в восторг, называя его чудом.

Так назвала его даже знатнейшая дама королевства — молодая принцесса. Она была умная и добрая девушка.

Господа сочли для себя честью преподнести принцессе голубой цветок, и она взяла его с собой во дворец. А они спустились в сад посмотреть, нет ли там другого такого же цветка, но не нашли того, что хотели. Тогда они позвали садовника и спросили, где он достал голубой лотос.

— Мы искали, но не нашли таких цветов ни в оранжерее, ни на клумбах в саду,— сказали они.

— Там их и нет,— улыбнулся садовник.— Этот скромный цветок растет на грядках в огороде. Но правда, он необыкновенно красив! Он похож на голубой кактус, а на самом деле это всего лишь цветок артишока.

— Как же вы не сказали нам раньше? — возмутились господа. — Мы думали, что это редкий заморский цветок! Вы оскрамили нас перед принцессой! Она пришла в восторг, как только взглянула на цветок, и сказала, что никогда не видела такого растения, а ведь она прекрасно разбирается в ботанике. Но теперь понятно, почему она его не узнала: науке нечего делать в огороде. И как вам могло прийти в голову, милейший Ларсен, принести в комнаты подобный цветок? Теперь над нами будут потешаться!

И прекрасный голубой цветок, сорванный на грядке, был изгнан из господских покоев, где он оказался не к месту. А господа отправились к принцессе извиняться и объясняться, что цветок был обыкновенным огородным растением, которое садовник вздумал поставить в вазу, за что и получил строгий выговор.

— Это грешно и несправедливо! — укоризненно проговорила принцесса. — Он открыл для нас цветок, о котором мы ничего не знали, показал нам красоту там, где мы и не думали ее искать! Пока артишоки в цвету, я прикажу придворному садовнику каждый день ставить их в вазу в моей комнате.

Так она и сделала.

Тогда господа объявили садовнику, что он снова может поставить в вазу свежий цветок артишока.

— В сущности, цветок и в самом деле красив, — сказали они. — Да, красив, как это ни странно!

И они даже похвалили садовника.

— Он любит, когда его хвалят, — говорили господа. — Он у нас балованное дитя!

Как-то раз осенью поднялась буря. К ночи она так разбушевалась, что вырвала с корнем нес-

колько могучих деревьев на опушке леса. И к большому горю господ (они так и говорили: «Какое горе!»), но к великой радости садовника, она повалила оба высоких дерева с птичьими гнездами. Слуги потом рассказывали, что к завыванию бури примешивались крики грачей и ворон, которые бились крыльями в оконные стекла.

— Ну, теперь вы рады, Ларсен,— сказали господа.— Буря сломала деревья, и птицы улетели в лес. Ничто здесь больше не напоминает о старине: от нее не осталось и следа. Нас это глубоко огорчает!

Садовник ничего не ответил господам. Он молча лелеял мечту о том, как он возделает теперь прекрасный, солнечный участок земли, к которому прежде не смел прикоснуться, и превратит его в украшение всего сада, на радость своим господам.

Вывранные бурей деревья, падая, смяли и поломали старые буксовые кусты, и садовник посадил на их месте простые полевые и лесные растения родной земли.

Ни один садовник, кроме Ларсена, не решился бы посадить в господском саду подобные растения. А Ларсен каждому отвел подходящий для него участок на солнце или в тени — как кому было нужно. Землю он возделывал с любовью, и земля щедро отблагодарила его.

Здесь поднялся уроженец шотландских пустошей — можжевельник, похожий цветом и очертаниями на итальянский кипарис. Расцвел блестящий колючий терновник, одетый зеленью и зимой и летом. А кругом пышно разросся папоротник разных видов, то напоминавший миниатюрные пальмы, то казавшийся предком нежного прекрасного растения, которое мы называем «венерины волосы». Здесь цвел и репейник, который люди обычно пре-

зирают, но напрасно, потому что его свежие цветы могут служить украшением любого букета. Репейник рос на сухой почве, а ниже, на более влажном месте, зеленел лопух, тоже презируемое всеми растение, хотя его королевская свеча — полевое растение с высоким стеблем и яркими цветами — тянулась ввысь, похожая на огромный многоцветный канделябр. Цвели здесь также ясменник, первоцвет, лесной ландыш, белокрыльник и нежная трехлистная кислица. Любо-дорого было смотреть на всю эту красоту!

А впереди всех, у самой проволоочной ограды, расположился ряд карликовых грушевых деревьев, привезенных из Франции. Погода стояла солнечная, уход за ними был заботливый, и они вскоре стали приносить крупные, сочные плоды — такие же, как и у себя на родине.

На месте двух старых, засохших деревьев садовник водрузил два длинных шеста: один из них был увенчан Даннеброгом — датским флагом, а другой шест летом и осенью был обвит душистыми побегами хмеля; зимой же к нему подвешивали кормушку, чтобы птицам небесным было чем поживиться на Рождество.

— Наш Ларсен становится сентиментальным на старости лет,— пожимали плечами господа.— Но он служит нам преданно и честно.

В новогоднем номере одного столичного иллюстрированного журнала появилась гравюра, изображавшая старое поместье. На ней виден был и Даннеброг, и кормушка с рождественским угощением для птиц, а подпись гласила: «Какая это прекрасная мысль — возродить давний обычай, столь характерный для подобной старинной усадьбы!»

— Что бы наш Ларсен ни придумал, об этом сейчас же раззвонят по всему свету! — удивлялись

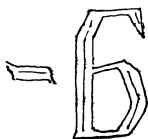
господа.— Прямо счастливцев какой-то! Право, нам, чего доброго, придется еще гордиться тем, что он служит у нас.

Но они, разумеется, и не думали этим гордиться, ибо никогда не забывали, что они знатные господа, а значит, могут в любую минуту прогнать Ларсена, если им вздумается. Но они его не прогоняли, это были добрые люди, а таких добрых людей на белом свете очень много, к счастью для разных там Ларсенов.

Вот и вся история о садовнике и господах.
Поразмысли-ка о ней на досуге.

ЦВЕТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ

едные мои цветочки совсем завяли! — сказала маленькая Ида.— Вчера вечером они были такие красивые, а теперь совсем повесили головки! Отчего это? — спросила она студента, сидевшего на диване.

Она очень любила этого студента: он умел рассказывать чудеснейшие истории и вырезать забавные фигурки — сердечки с крошками танцовщицами внутри, цветы и великолепные дворцы с дверями и окнами, которые можно было открывать. Большой забавник был этот студент!

— Что же с ними? — спросила она опять и показала ему свой завядший букет.

— Знаешь что? — сказал студент. — Цветы были сегодня ночью на балу, вот и повесили теперь головки!

— Да ведь цветы **не** танцуют! — сказала маленькая Ида.

— Танцуют! — отвечал студент. — По ночам, когда кругом темно и мы все спим, они так весело пляшут друг с другом, такие балы задают — просто чудо!

— А детям нельзя прийти к ним на бал?

— Отчего же? — сказал студент. — Ведь маленькие маргаритки и ландыши тоже танцуют.

— А где танцуют самые красивые цветы? — спросила Ида.

— Ты ведь бывала за городом, там, где большой дворец, в котором летом живет король и где такой чудесный сад с цветами? Помнишь лебедей, которые подплывали к тебе за хлебными крошками? Вот там-то и бывают настоящие балы!

— Я еще вчера была там с мамой, — сказала маленькая Ида, — но на деревьях нет больше листьев, и во всем саду ни одного цветка! Куда они все девались? Их столько было летом!

— Они все во дворце! — сказал студент. — Надо тебе сказать, что, как только король и придворные переезжают в город, все цветы сейчас же убегают из сада прямо во дворец, и там у них начинается веселье! Вот бы тебе посмотреть! Две самые красивые розы садятся на трон — это король с королевой. Красные петушки гребешки становятся по обеим сторонам и кланяются — это камер-юнкеры. Потом приходят все остальные прекрасные цветы, и начинается бал. Гиацинты и крокусы изображают маленьких морских кадетов и танцуют с бары-

шнями — голубыми фиалками, а тюльпаны и большие желтые лилии — это пожилые дамы, они наблюдают за танцами и вообще за порядком.

— А цветочкам не может достаться за то, что они танцуют в королевском дворце? — спросила маленькая Ида.

— Да ведь никто же не знает об этом! — сказал студент. — Правда, ночью заглянет иной раз во дворец старик смотритель с большою связкою ключей в руках, но цветы, как только слышат звяканье ключей, сейчас присмиреют, спрячутся за длинные занавески, которые висят на окнах, и только чуть-чуть выглядывают оттуда одним глазом.

«Тут что-то пахнет цветами!» — бормочет старик смотритель, а видеть ничего не видит.

— Вот забавно! — сказала маленькая Ида и даже в ладоши захлопала. — И я тоже могу их увидеть?

— Можешь, — сказал студент. — Стоит только, как опять пойдешь туда, заглянуть в окошки. Вот я сегодня видел там длинную желтую лилию; она лежала и потягивалась на диване — воображала себя придворной дамой.

— А цветы из Ботанического сада тоже могут прийти туда? Ведь это далеко!

— Не бойся, — сказал студент, — они могут летать, когда захотят! Ты видела красивых красных, желтых и белых бабочек, похожих на цветы? Они ведь и были прежде цветами, только прыгнули со своих стебельков высоко в воздух, забили лепестками, точно крылышками, и полетели. Они вели себя хорошо, за то и получили позволение летать и днем; другие должны сидеть смирно на своих стебельках, а они летают, и лепестки их стали наконец настоящими крылышками. Ты сама видела их! А впрочем, может быть, цветы из Бота-

нического сада и не бывают в королевском дворце! Может быть, они даже и не знают, что там идет по ночам такое веселье. Вот что я скажу тебе: то-то удивится потом профессор ботаники — ты ведь его знаешь, он живет тут рядом! — когда придешь в его сад, расскажи какому-нибудь цветочку про большие балы в королевском дворце. Тот расскажет об этом остальным, и они все убегут. Профессор придет в сад, а там ни единого цветочка, и он в толк не возьмет, куда они девались!

— Да как же цветок расскажет другим? У цветов нет языка!

— Конечно, нет,— сказал студент,— зато они умеют объясняться знаками! Ты сама видела, как они качаются и шевелят своими зелеными листочками, чуть подует ветерок. Это у них так мило выходит — точно они разговаривают!

— А профессор понимает их знаки? — спросила маленькая Ида.

— Как же! Раз утром он пришел в свой сад и видит, что большая крапива делает листочками знаки прелестной красной гвоздике; этим она хотела сказать гвоздике: «Ты так мила, я очень тебя люблю!» Профессору это не понравилось, и он сейчас же ударил крапиву по листьям — листья у крапивы все равно что пальцы, — да обжегся! С тех пор и не смеет ее трогать.

— Вот забавно! — сказала Ида и засмеялась.

— Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? — сказал скучный советник, который тоже пришел в гости и сидел на диване.

Он терпеть не мог студента и вечно ворчал на него, особенно когда тот вырезал затейливые, забавные фигурки, вроде человека на виселице и с сердцем в руках — его повесили за то, что он воровал сердца, — или старой ведьмы на помеле, с

мужем на носу. Все это очень не нравилось советнику, и он всегда повторял: «Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? Глупые выдумки!»

Но Иду очень позабавил рассказ студента о цветах, и она думала об этом целый день.

«Так цветочки повесили головки потому, что устали после бала!» И маленькая Ида пошла к своему столику, где стояли все ее игрушки; ящик столика тоже битком был набит разным добром. Кукла Софи лежала в своей кровати и спала, но Ида сказала ей:

— Тебе придется встать, Софи, и полежать эту ночь в ящике; бедные цветы больны, их надо положить в твою постельку, может быть, они и выздоравлиют!

И она вынула куклу из кровати. Софи посмотрела на Иду очень недовольно и не сказала ни слова — она рассердилась за то, что у нее отняли постель.

Ида уложила цветы, укрыла их хорошенько одеялом и велела им лежать смирно, за это она обещала напоить их чаем, и тогда они встали бы завтра утром совсем здоровыми! Потом она задернула полог, чтобы солнце не светило цветам в глаза.

Рассказ студента не шел у нее из головы, и, собираясь идти спать, Ида не могла удержаться, чтобы не заглянуть за спущенные на ночь оконные занавески; на окошках стояли чудесные мамины цветы — тюльпаны и гиацинты, и маленькая Ида шепнула им:

— Я знаю, что у вас ночью будет бал!

Цветы стояли как ни в чем не бывало и даже не шелохнулись, ну да маленькая Ида что знала, то знала.

В постели Ида долго еще думала о том же и все

представляла себе, как это должно быть мило, когда цветочки танцуют!

«Неужели и мои цветы были на балу во дворце?» — подумала она и заснула.

Но посреди ночи маленькая Ида вдруг проснулась; она видела сейчас во сне цветы, студента и советника, который бранил студента за то, что тот набивает ей голову пустяками. В комнате, где лежала Ида, было тихо, на столе горел ночник, и папа с мамой крепко спали.

«Хотелось бы мне знать: спят ли мои цветы в постельке?» — сказала маленькая Ида про себя и приподнялась с подушки, чтобы посмотреть в полуоткрытую дверь, за которой были ее игрушки и цветы; потом она прислушалась, — ей показалось, что в той комнате играют на фортепьяно, но очень тихо и нежно; такой музыки она никогда еще не слыхала.

— Это, верно, цветы танцуют! — сказала Ида. — Господи, как бы мне хотелось посмотреть!

Но она не смела встать с постели, чтобы не разбудить папу с мамой.

— Хоть бы цветы вошли сюда! — сказала она.

Но цветы не входили, а музыка все продолжалась, такая тихая, нежная, просто чудо! Тогда Идочка не выдержала, потихоньку вылезла из кровати, прокралась на цыпочках к дверям и заглянула в соседнюю комнату. Что за прелесть была там!

В той комнате не горел ночник, а было все-таки светло как днем от месяца, глядевшего из окошка прямо на пол, где в два ряда стояли тюльпаны и гиацинты; на окнах не осталось ни единого цветка — одни горшки с землей. Цветы очень мило танцевали: они то становились в круг, то, взявшись

за длинные зеленые листочки, точно за руки, кружились парами. На фортепьяно играла большая желтая лилия — это, наверное, ее маленькая Ида видела летом! Она хорошо помнила, как студент сказал: «Ах, как она похожа на фрекен Лину!» Все посмеялись тогда над ним, но теперь Иде и в самом деле показалось, будто длинная желтая лилия похожа на Лину; она и на рояле играла так же, как Лина: поворачивала свое продолговатое лицо то в одну сторону, то в другую и кивала в такт чудесной музыки. Никто не заметил Иды.

Вдруг маленькая Ида увидала, что большой голубой крокус вскочил прямо на середину стола с игрушками, подошел к кукольной кровати и отдернул полог; там лежали больные цветы, но они живо поднялись и кивнули головками, давая знать, что и они тоже хотят танцевать. Старый Курилка со сломанной нижней губой встал и поклонился прекрасным цветам; они совсем не были похожи на больных — спрыгнули со стола и принялись веселиться вместе со всеми.

В эту минуту что-то стукнуло, как будто что-то упало на пол. Ида посмотрела в ту сторону — это была масленичная верба: она тоже спрыгнула со стола к цветам, считая, что она им сродни. Верба тоже была мила; ее украшали бумажные цветы, а на верхушке сидела восковая куколка в широкополой черной шляпе, точь-в-точь такой, как у советника. Верба прыгала посреди цветов и громко топала своими тремя красными деревянными ходульками — она танцевала мазурку, а другим цветам этот танец не удавался, потому что они были слишком легки и не могли топать.

Но вот восковая кукла на вербе вдруг вытянулась, завертелась над бумажными цветами и громко закричала:

— Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

Теперь кукла была точь-в-точь советник, в черной широкополой шляпе, такая же желтая и сердитая! Но бумажные цветы ударили ее по тонким ножкам, и она опять съежилась в маленькую восковую куколку. Это было так забавно, что Ида не могла удержаться от смеха.

Верба продолжала плясать, и советнику волей-неволей приходилось плясать вместе с нею, все равно — вытягивался ли он во всю длину или оставался маленькою восковою куколкой в черной широкополой шляпе. Наконец уж цветы, особенно те, что лежали в кукольной кровати, стали просить за него, и верба оставила его в покое. Вдруг что-то громко застучало в ящике, где лежала кукла Софи и другие игрушки. Курилка побежал по краю стола, лег на живот и приотворил ящик. Софи встала и удивленно огляделась.

— Да у вас, оказывается, бал! — проговорила она. — Что же это мне не сказали?

— Хочешь танцевать со мной? — спросил Курилка.

— Хорош кавалер! — сказала Софи и повернулась к нему спиной; потом уселась на ящик и стала ждать — авось ее пригласит кто-нибудь из цветов, но никто и не думал ее приглашать. Она громко кашлянула, но и тут никто не подошел к ней.

Курилка плясал один, и очень недурно!

Видя, что цветы и не глядят на нее, Софи вдруг свалилась с ящика на пол и наделала такого шума, что все сбежались к ней и стали спрашивать: не ушиблась ли она? Все разговаривали с нею очень ласково, особенно те цветы, которые только что спали в ее кроватке; Софи нисколько не ушиблась, и цветы маленькой Иды стали благодарить ее за

чудесную постельку, потом увели с собой в лунный кружок на полу и принялись танцевать с ней, а другие цветы кружились вокруг них. Теперь Софи была очень довольна и сказала цветочкам, что охотно уступает им свою кроватку: ей хорошо и в ящике!

— Спасибо! — сказали цветы. — Но мы не можем жить так долго! Утром мы совсем умрем! Скажи только маленькой Иде, чтобы она схоронила нас в саду, где зарыта канарейка; летом мы опять вырастем и будем еще красивее!

— Нет, вы не должны умирать! — сказала Софи и поцеловала цветы.

В это время дверь отворилась, и в комнату вошла целая толпа цветов.

Ида никак не могла понять, откуда они взялись — должно быть, из королевского дворца. Впереди шли две прелестные розы с маленькими золотыми коронами на головах — это были король с королевой. За ними, раскланиваясь во все стороны, шли чудесные левкой и гвоздики. Музыканты — крупные маки и пионы — дули в шелуху от горошка и совсем покраснели от натуги, а маленькие голубые колокольчики и беленькие подснежники звенели, точно на них были надеты бубенчики. Вот была забавная музыка! Затем шла целая толпа других цветов, и все они танцевали — и голубые фиалки, и красные ноготки, и маргаритки, и ландыши. Цветы так мило танцевали и целовались, что просто загляденье!

Наконец все пожелали друг другу спокойной ночи, а маленькая Ида тихонько пробралась в свою кроватку, и ей всю ночь снились цветы и все, что она видела.

Утром она встала и побежала к своему столику посмотреть, там ли ее цветочки.

Она отдернула полог — да, они лежали в кроватке, но совсем, совсем завяли! Софи тоже лежала на своем месте в ящике и выглядела совсем сонной.

— А ты помнишь, что тебе надо передать мне? — спросила ее Ида.

Но Софи глупо смотрела на нее и не раскрывала рта.

— Какая же ты нехорошая! — сказала Ида. — А они еще танцевали с тобой!

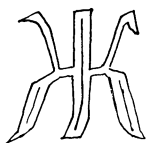
Потом она взяла картонную коробочку с нарисованною на крышке хорошенькою птичкой, открыла коробочку и положила туда мертвые цветы.

— Вот вам и гробик! — сказала она. — А когда придут мои норвежские кузены, мы вас зароем в саду, чтобы на будущее лето вы выросли еще красивее!

Йонас и Адольф, норвежские кузены, были бойкие мальчуганы; отец подарил им по новому луку, и они пришли показать их Иде. Она рассказала им про бедные умершие цветы и позволила помочь их похоронить. Мальчики шли впереди с луками на плечах; за ними маленькая Ида с мертвыми цветами в коробке. Вырыли в саду могилу, Ида поцеловала цветы и опустила коробку в яму, а Йонас с Адольфом выстрелили над могилкой из луков — ни ружей, ни пушек у них ведь не было.

СКВЕРНЫЙ МАЛЬЧИШКА

Жил-был старый поэт, настоящий хороший поэт и очень добрый. Раз вечером сидел он дома, а на дворе разыгралась непогода. Дождь лил как из ведра, но старому поэту было так уютно и тепло возле кафельной печки, где ярко горел огонь и, весело шипя, пёклись яблоки.

— Плохо попасть в такую непогоду — нитки сухой не останетсь! — сказал он.

Он был очень добрый.

— Впустите, впустите меня! Я озяб и весь промок! — закричал вдруг за дверями ребенок.

Он плакал и стучал в дверь, а дождь так и лил, ветер так и билсь в окна.

— Бедняжка! — сказал старый поэт и пошел отворять двери.

За дверями стоял маленький мальчик, совсем голенький. С его длинных золотистых волос стекала вода, он дрожал от холода; если бы его не впустили, он бы, наверное, погиб.

— Бедняжка! — сказал старый поэт и взял его за руку. — Пойдем ко мне, я обогрею тебя, дам тебе винца и яблоко; ты такой хорошенький мальчуган!

Он и в самом деле был прехорошенький. Глаза у него сияли, как две яркие звезды, а мокрые золотистые волосы вились кудрями — ну, совсем ангелочек! — хоть он весь и посинел от холода и дрожал, как осиновый лист. В руках у него был чудесный лук; беда только — он весь испортился от дождя, краска на длинных стрелах слиняла.

Старый поэт уселся поближе к печке, взял малютку на колени, выжал его мокрые кудри, согрел ручонки в своих руках и вскипятил ему сладкого вина. Мальчик повеселел, щеки у него зарумянились, он прыгнул на пол и стал плясать вокруг старого поэта.

— Ишь какой ты веселый мальчуган! — сказал старик поэт. — А как тебя зовут?

— Амур! — отвечал мальчик. — Ты разве не знаешь меня? Вот и лук мой. Я умею стрелять! Посмотри, погода разгулялась, месяц светит.

— А лук-то твой испортился! — сказал старый поэт.

— Вот было бы горе! — сказал мальчуган, взял лук и стал его осматривать. — Он совсем высох, и ему ничего не сделалось! Тетива натянута как следует! Сейчас я его испробую.

И он натянул лук, положил стрелу, прицелился и выстрелил старику поэту прямо в сердце!

— Вот видишь, мой лук совсем не испорчен! — закричал он, громко засмеялся и убежал.

Скверный мальчишка! Выстрелил в старика поэта, который пустил его обогреться, приласкал, напоил вином и дал самое лучшее яблоко!

Добрый старик лежал на полу и плакал: он был ранен в самое сердце. Потом он сказал:

— Фу, какой скверный мальчишка этот Амур! Я расскажу о нем всем хорошим детям, чтобы они береглись, не связывались с ним, — он и их обидит.

И все хорошие дети — и мальчики и девочки — стали остерегаться этого Амура, но он все-таки умеет иногда обмануть их; такой плут!

Идут студенты с лекций, и он рядом: книжка под мышкой, в черном сюртуке, и не узнаешь его! Они думают, что он тоже студент, возьмут его под руку, а он и пустит им стрелу прямо в грудь.

Или вот идут девушки от священника или в церковь — он тоже тут как тут; вечно гоняется за людьми! А то заберется иногда в большую люстру в театре и горит там ярким пламенем; люди-то думают сначала, что это лампа, и уж потом только разберут, в чем дело. Бегаёт он и по королевскому саду, и по крепостной стене. А раз так он ранил в сердце твоих родителей! Спроси-ка у них, они тебе расскажут. Да, скверный мальчишка этот Амур, ты лучше не связывайся с ним! Он только и делает, что бегаёт за людьми. Подумай, раз он пустил стрелу даже в твою старую бабушку! Было это давно, давно прошло и быльем поросло, а все-таки не забылось да и не забудется никогда! Фу! Злой Амур! Но теперь ты знаешь про него, знаешь, какой это скверный мальчишка!

ВОРОТНИЧОК

Жил-был щеголь; у него только и было за душой что сапожная подставка, гребенка да еще чудеснейший щегольской воротничок. Вот о воротничке-то и пойдет речь.

Воротничок уже довольно пожил на свете и стал подумывать о женитьбе. Случилось ему раз попасть в стирку вместе с чулочною подвязкой.

— Ах! — сказал воротничок. — Что за грация, что за нежность и миловидность! Никогда не видал ничего подобного! Позвольте узнать ваше имя?

— Ах, нет-нет! — отвечала подвязка.

— А где вы, собственно, изволите пребывать?

Но подвязка была очень застенчива, вопрос показался ей нескромным, и она молчала.

— Вы, вероятно, завязка? — продолжал воротничок. — Вроде тесемки, которая стягивает платье на талии? Да-да, я вижу, милая барышня, что вы служите и для красы и для пользы.

— Пожалуйста, не заводите со мной разговоров! — сказала подвязка. — Я, кажется, не подала вам никакого повода!

— Ваша красота — достаточный повод! — сказал воротничок.

— Ах, сделайте одолжение, держитесь подальше! — вскричала подвязка. — Вы на вид настоящий мужчина!

— Как же, я ведь щеголь! — сказал воротничок. — У меня есть сапожная подставка и гребенка!

И совсем неправда. Эти вещи принадлежали не ему, а его господину; воротничок просто хвастался.

— Подальше, подальше! — сказала подвязка. — Я не привыкла к такому обращению!

— Недотрога! — сказал воротничок.

Тут его взяли из корыта, выстирали, накрахмалили, высушили на солнце и положили на гладильную доску.

Появился горячий утюг.

— Сударыня! — сказал воротничок утюжной плитке. — Прелестная вдовушка! Я пылаю! Со мной происходит какое-то превращение! Я сгораю! Вы прожигаете меня насквозь! Ух!.. Вашу руку и сердце!

— Ах ты рвань! — сказала утюжная плитка и гордо проехала по воротничку. Она воображала себя локомотивом, который тащит за собой по рельсам вагоны. — Рвань! — повторила она.

Воротничок немножко пообтрепался по краям, и явились ножницы подрывать их.

— О! — воскликнул воротничок. — Вы, должно быть, первая танцовщица? Вы так чудесно вытягиваете ножки! Ничего подобного не видывал! Кто из людей может сравниться с вами? Вы бесподобны!

— Знаем! — сказали ножницы.

— Вы достойны быть графиней! — продолжал воротничок. — Я владею только барином-щеголем, сапожною подставкой и гребенкой... Ах, будь у меня графство...

— Он сватается?! — вскричали ножницы и, осердясь, с размаху так резанули воротничок, что совершенно искалечили его.

Пришлось его бросить.

— Остается присвататься к гребенке! — сказал воротничок. — Удивительно, как сохранились ваши зубки, барышня!.. А вы никогда не думали о замужестве?

— Как же! — сказала гребенка. — Я уже невеста! Выхожу за сапожную подставку!

— Невеста! — воскликнул воротничок.

Теперь ему не за кого было свататься, и он стал презирать всякое сватовство.

Время шло, и воротничок попал наконец с прочим тряпьем на бумажную фабрику. Тут собралось большое тряпичное общество; тонкие тряпки держались, как и подобает, подальше от грубых. У каждой нашлось о чем порассказать, у воротничка, конечно, больше всех: он был страшный хвостун.

— У меня было пропасть невест! — тараторил он. — Так и бегали за мной. Еще бы! Подкрахмаленный, я выглядел таким франтом! У меня даже были собственные сапожная подставка и гребенка, хотя я никогда и не пользовался ими. Посмотрели бы вы на меня, когда я лежал, бывало, на боку! Никогда

не забыть мне моей первой невесты — завязки! Она была такая тонкая, нежная, мягкая! Она бросилась из-за меня в лохань! Была тоже одна вдовушка; она дошла просто до белого каления!.. Но я оставил ее, и она почернела с горя! Еще была первая танцовщица; это она ранила меня — видите? Бедовая была! Моя собственная гребенка тоже любила меня до того, что порастеряла от тоски все свои зубы! Вообще немало у меня было разных приключений!.. Но больше всего жаль мне подвязку, то бишь завязку, которая бросилась из-за меня в лохань. Да, много у меня кое-чего на совести!.. Пора, пора мне стать белой бумагой!

Желание его сбылось: все тряпье стало белой бумагой, а воротничок — как раз вот этим самым листом, на котором напечатана его история, — так он был наказан за свое хвастовство. И нам тоже не мешает быть осторожнее: как знать? Может быть, и нам придется в конце концов попасть в тряпье да стать белой бумагой, на которой напечатают нашу собственную историю, и вот пойдешь разносить по белу свету всю подноготную о самом себе!

ЛЕН

ен цвел чудесными голубенькими цветочками, мягкими и нежными, как крылья мотыльков, даже еще нежнее! Солнце ласкало его, дождь поливал, и льну это было так же

полезно и приятно, как маленьким детям, когда мать сначала умоет их, а потом поцелует, дети от этого хорошеют, хорошел и лен.

— Все говорят, что я уродился на славу! — сказал лен. — Говорят, что я еще вытянусь и потом из меня выйдет отличный кусок холста! Ах, какой я счастливый! Право, я счастливее всех! Это так приятно, что и я пригожусь на что-нибудь! Солнышко меня веселит и оживляет, дождичек питает и освежает! Ах, я так счастлив, так счастлив! Я счастливее всех!

— Да, да, да! — сказали колья изгороди. — Ты еще не знаешь света, а мы так вот знаем — вишь, какие мы сучковатые! — И они жалобно заскрипели:

Оглянуться не успеешь,
Как уж песенке конец!

— Вовсе не конец! — сказал лен. — И завтра опять будет греть солнышко, опять пойдет дождик! Я чувствую, что расту и цвету! Я счастливее всех на свете!

Но вот раз явились люди, схватили лен за макушку и вырвали с корнем. Больно было! Потом его положили в воду, словно собирались утопить, а после того держали над огнем, будто хотели изжарить. Ужас что такое!

— Не вечно же нам жить в свое удовольствие! — сказал лен. — Приходится и потерпеть. Зато поумнеешь!

Но лну приходилось уж очень плохо. Чего-чего только с ним не делали: и мяли, и тискали, и трепали, и чесали — да просто всего и не упомнишь! Наконец он очутился на прялке. Жжж! Тут уж поневоле все мысли вразброд пошли!

«Я ведь так долго был несказанно счастлив! — думал он во время этих мучений.— Что ж, надо быть благодарным и за то хорошее, что выпало нам на долю! Да, надо, надо!.. Ох!»

И он повторял то же самое, даже попав на ткацкий станок. Но вот наконец из него вышел большой кусок великолепного холста. Весь лен до последнего стебелька пошел на этот кусок.

— Но ведь это же бесподобно! Вот уж не думал не гадал-то! Как мне, однако, везет! А колья-то все твердили: «Оглянуться не успеешь, как уж песенке конец!» Много они смыслили, нечего сказать! Песенке вовсе не конец! Она только теперь и начинается. Вот счастье-то! Да если мне и пришлось пострадать немножко, то зато теперь из меня и вышло кое-что. Нет, я счастливее всех на свете! Какой я теперь крепкий, мягкий, белый и длинный! Это небось получше, чем просто расти или даже цвести в поле! Там никто за мною не ухаживал, воду я только и видал что в дождик, а теперь ко мне приставили прислугу, каждое утро меня переворачивают на другой бок, каждый вечер поливают из лейки! Сама пасторша держала надо мною речь и сказала, что во всем околотке не найдется лучшего куска! Ну можно ли быть счастливее меня!

Холст взяли в дом, и он попал под ножницы. Ну и досталось же ему! Его и резали, и кроили, и кололи иголками — да, да! Нельзя сказать, чтобы это было приятно! Зато из холста вышло двенадцать пар... таких принадлежностей туалета, которые не принято называть в обществе, но в которых все нуждаются. Целых двенадцать пар вышло!

— Так вот когда только из меня вышло кое-что! Вот каково было мое назначение! Да ведь это же просто благодать! Теперь и я приношу пользу миру, а в этом ведь вся и суть, в этом-то вся и радость

жизни! Нас двенадцать пар, но все же мы одно целое, мы — дюжина! Вот так счастье!

Прошли годы, и белье изнашивалось.

— Всему на свете бывает конец! — сказало оно. — Я бы и радо было послужить еще, но невозможное — невозможно!

И вот белье разорвали на тряпки. Они было уже думали, что им совсем пришел конец, так их принялись рубить, мять, варить, тискать... Ан, глядь — они превратились в тонкую белую бумагу!

— Нет, вот сюрприз так сюрприз! — сказала бумага. — Теперь я тоньше прежнего, и на мне можно писать. Чего только на мне не напишут! Какое счастье!

И на ней написали чудеснейшие рассказы. Слушая их, люди становились добрее и умнее, — так хорошо и умно они были написаны. Какое счастье, что люди смогли их прочитать!

— Ну, этого мне и во сне не снилось, когда я цвела в поле голубенькими цветочками! — говорила бумага. — И могла ли я в то время думать, что мне выпадет на долю счастье нести людям радость и знания! Я все еще не могу прийти в себя от счастья! Самой себе не верю! Но ведь это так! Сама я тут ни при чем, я старалась только по мере слабых сил своих не даром занимать место! И вот жизнь несет меня от одной радости и почести к другой! Всякий раз, как я подумаю: «Ну вот и песенке конец», тут-то как раз и начинается для меня новая, еще высшая, лучшая жизнь! Теперь я думаю отправиться в путь-дорогу, обойти весь свет, чтобы все люди могли прочесть написанное на мне! Так ведь и должно быть! Прежде у меня были голубенькие цветочки, теперь каждый цветочек расцвел прекраснейшею мыслью! Счастливее меня нет никого на свете!

Но бумага не отправилась в путешествие, а попала в типографию, и все, что на ней было написано, перепечатали в книгу, да не в одну, а в сотни, тысячи книг. Они могли принести пользу и доставить удовольствие бесконечно большому числу людей, нежели одна та бумага, на которой были написаны рассказы: бегая по белу свету, она бы истрепалась на полпути.

«Да, конечно, так дело-то будет вернее! — подумала исписанная бумага. — Этого мне и в голову не приходило! Я останусь дома отдыхать, и меня будут почитать, как старую бабушку! На мне ведь все написано, слова стекали с пера прямо на меня! Я останусь, а книги будут бегать по белу свету! Вот это дело! Нет, как я счастлива, как я счастлива!»

Тут все отдельные листы бумаги собрали, связали вместе и положили на полку.

— Ну, можно теперь и опочить на лаврах! — сказала бумага. — Не мешает тоже собраться с мыслями и сосредоточиться! Теперь только я поняла как следует, что во мне есть! А познать себя самое — большой шаг вперед. Но что же будет со мной потом? Одно я знаю — что непременно двинусь вперед! Все на свете постоянно идет вперед, к совершенству.

В один прекрасный день бумагу взяли да и сунули в плиту; ее решили сжечь, так как ее нельзя было продать в мелочную лавочку на обертку масла и сахара.

Дети обступили плиту; им хотелось посмотреть, как бумага вспыхнет и как потом по золе начнут перебегать и потухать одна за другою шаловливые, блестящие искорки! Точь-в-точь ребятишки бегут домой из школы! После всех выходит учитель — это последняя искра. Но иногда думают, что он уже

вышел — ан нет! Он выходит еще много времени спустя, после самого последнего школьника!

И вот огонь охватил бумагу. Как она вспыхнула!

— Уф! — сказала она и в ту же минуту превратилась в столб пламени, которое взвилось в воздух высоко-высоко, лен никогда не мог поднять так высоко своих голубеньких цветочных головок, и пламя сияло таким ослепительным блеском, каким никогда не сиял белый холст.

Написанные на бумаге буквы в одно мгновение зарделись, и все слова и мысли обратились в пламя!

— Теперь я взвоюсь прямо к солнцу! — сказала пламя, словно тысячами голосов зараз, и взвилось в трубу.

А в воздухе запорхали крошечные незримые существа, легче, воздушнее пламени, из которого родились. Их было столько же, сколько когда-то было цветочков на льне. Когда пламя погасло, они еще раз проплясали по черной золе, оставляя на ней блестящие следы в виде золотых искорок.

Ребятишки выбежали из школы, за ними вышел и учитель; любо было поглядеть на них! И дети запели над мертвою золой:

Оглянуться не успеешь,
Как уж песенке конец!

Но незримые крошечные существа говорили:

— Песенка никогда не кончается — вот что самое чудесное! Мы знаем это, и потому мы счастливее всех!

Но дети не расслышали ни одного слова, а если б и расслышали, не поняли бы. Да и не надо! Не все же знать детям!

ГАНС ЧУРБАН

*Старая история,
пересказанная вновь*

БЫЛА в одной деревне старая усадьба, а у старика владельца ее было два сына, да таких умных, что и вполтину было бы хорошо. Они собирались посвататься к королевне; это было можно — она сама объявила, что выберет себе в мужа человека, который лучше всех сумеет постоять за себя в разговоре.

Оба брата готовились к испытанию целую неделю — больше времени у них не было, да и того было довольно: знания у них ведь имелись, а это важнее всего. Один знал наизусть весь латинский словарь и местную газету за три года — одинаково хорошо мог пересказывать и с начала и с конца. Другой основательно изучил все цеховые правила и все, что должен знать цеховой старшина; значит, ему ничего не стоило рассуждать и о государственных делах, думал он. Кроме того, он умел вышивать подтяжки — вот какой был искусник!

— Уж я-то добуду королевскую дочь! — говорили и тот и другой.

И вот отец дал каждому по прекрасному коню: тому, что знал наизусть словарь и газеты, вороного, а тому, что обладал государственным умом и вышивал подтяжки, белого. Затем братья смазали себе уголки рта рыбьим жиром, чтобы рот быстрее и легче открывался, и собрались в путь. Все слуги высыпали на двор поглядеть, как молодые господа сядут на лошадей. Вдруг является третий

брат — всего-то их было трое, да третьего никто и не считал: далеко ему было до своих ученых братьев, и звали его попросту Ганс Чурбан.

— Куда это вы так разрядились? — спросил он.

— Едем ко двору «выговорить» себе королевну! Ты не слыхал разве, о чем барабанили по всей стране?

И ему рассказали, в чем дело.

— Эге! Так и я с вами! — сказал Ганс Чурбан.

Но братья только засмеялись и уехали.

— Отец, дай мне коня! — закричал Ганс Чурбан. — Меня страсть забрала охота жениться! Возьмет королевна меня — ладно, а не возьмет — я сам ее возьму!

— Пустомеля! — сказал отец. — Не дам я тебе коня. Ты и говорить-то не умеешь! Вот братья твои — те молодцы!

— Коли не даешь коня, я возьму козла! Он мой собственный и отлично довезет меня! — И Ганс Чурбан уселся на козла верхом, всадил ему в бока пятки и пустился вдоль по дороге.

Эх ты! Ну как понесся!

— Знай наших! — закричал он и запел во все горло.

А братья ехали себе потихоньку, молча; им надо было хорошенько обдумать все красные словца, которые они собирались подпустить в разговоре с королевной, — тут ведь надо было держать ухо востро.

— Го-го! — закричал Ганс Чурбан. — Вот и я! Гляньте-ка, что я нашел на дороге!

И он показал дохлую ворону.

— Чурбан! — сказали те. — Куда ты ее тащишь?

— В подарок королевне!

— Вот, вот! — сказали они, расхохотались и уехали вперед.

— Го-го! Вот и я! Гляньте-ка, что я еще нашел! Такие штуки не каждый день валяются на дороге!

Братья опять обернулись посмотреть.

— Чурбан! — сказали они. — Ведь это старый деревянный башмак, да еще без верха! И его ты тоже подаришь королевне?

— И его подарю! — ответил Ганс Чурбан.

Братья засмеялись и уехали от него вперед.

— Го-го! Вот и я! — опять закричал Ганс Чурбан. — Нет, чем дальше, тем больше! Го-го!

— Ну-ка, что ты там еще нашел? — спросили братья.

— А нет, не скажу! Вот обрадуется-то королевна!

— Тьфу! — плюнули братья. — Да ведь это грязь из канавы!

— И еще какая! — ответил Ганс Чурбан. — Первейший сорт, в руках не удержишь, так и течет!

И он набил себе грязью полный карман.

А братья пустились от него вскачь и опередили его на целый час. У городских ворот они запаслись, как и все женихи, очередными билетами и стали в ряд. В каждом ряду было по шести человек, и ставили их так близко друг к другу, что им и шевельнуться было нельзя. И хорошо, что так, не то они распороли бы друг другу спины за то только, что один стоял впереди другого.

Все остальные жители страны собрались около дворца. Многие заглядывали в самые окна — любопытно было посмотреть, как королевна принимает женихов. Женихи входили в залу один за другим, и как кто войдет, так язык у него сейчас и отнимется!

— Не годится! — говорила королевна. — Вон его!

Вошел старший брат, тот, что знал наизусть

весь словарь. Но, постояв в рядах, он позабыл решительно все, а тут еще полы скрипят, потолок зеркальный, так что видишь себя вверх ногами, у каждого окна по три писца да еще один советник, и все записывают каждое слово разговора, чтобы тиснуть сейчас же в газету да продавать на углу по два скиллинга,— просто ужас. К тому же печку так натопили, что она раскалилась докрасна.

— Какая жара здесь! — сказал наконец жених.

— Да, отцу сегодня вздумалось жарить петушков! — сказала королева.

Жених и рот разинул,— такого разговора он не ожидал — и не нашелся что ответить, а ответить-то ему хотелось как-нибудь позабавнее.

— Э-э! — проговорил он.

— Не годится! — сказала королева.— Вон!

Пришлось ему убраться восвояси. За ним явился к королеве другой брат.

— Ужасно жарко здесь! — начал он.

— Да, мы жарим сегодня петушков! — ответила королева.

— Как, что, ка... — пробормотал он, и все писцы написали: «Как, что, ка...»

— Не годится! — сказала королева.— Вон!

Тут явился Ганс Чурбан. Он въехал на козле прямо в залу.

— Вот так жарница! — сказал он.

— Да, я жарю петушков! — ответила королева.

— Вот удача! — сказал Ганс Чурбан.— Так и мне можно будет зажарить мою ворону?

— Можно! — сказала королева.— А у тебя есть в чем жарить? У меня нет ни кастрюли, ни сковородки!

— У меня найдется! — сказал Ганс Чурбан.— Вот посудинка, да еще с ручкой!

И он вытащил из кармана старый деревянный башмак и положил в него ворону.

— Да это целый обед! — сказала королева. — Но где ж нам взять подливку?

— А у меня в кармане! — ответил Ганс Чурбан. — У меня ее столько, что девать некуда, хоть бросай!

И он зачерпнул из кармана горсть грязи.

— Вот это я люблю! — сказала королева. — Ты скор на ответы, за словом в карман не лезешь, тебя я и возьму в мужья! Но знаешь ли ты, что каждое наше слово записывается и завтра попадет в газеты? Видишь, у каждого окна стоят три писца да еще один советник? А советник-то хуже всех — ничего не понимает!

Это все она наговорила, чтобы испугать Ганса. А писцы заржали и посадили на пол кляксы.

— Ишь какие господа! — сказал Ганс Чурбан. — Вот я сейчас угощу его!

И он, не долго думая, выворотил карман и залепил советнику все лицо грязью.

— Вот это ловко! — сказала королева. — Я бы этого не сумела сделать, но теперь выучусь!

Так и стал Ганс Чурбан королем, женился, надел корону и сел на трон. Мы узнали все это из газеты, которую издает муниципальный советник, но на нее не след полагаться.

Оскар Уайльд

МАЛЬЧИК-ЗВЕЗДА

ак-то раз двое бедных Лесорубов возвращались домой, пробираясь через густой сосновый бор. Была зимняя ночь, стоял лютый мороз. И на земле и на деревьях лежал толстый снежный покров, и когда Лесорубы пробирались сквозь чащу, маленькие обледеневшие веточки обламывались от их движений, а когда они приблизились к Горному Водопаду, то увидели, что он неподвижно застыл в воздухе, потому что его поцеловала Королева Льда.

Мороз был так лют, что даже звери и птицы совсем растерялись от неожиданности.

— Уф! — проворчал Волк и запрыгал между кустами, поджав хвост.— Какая чудовищная погода! Не понимаю, куда смотрит правительство.

— Фью! Фью! Фью! — просвиристели зеленые Коноплянки.— Старушка Земля умерла, и ее одели в белый саван.

— Земля готовится к свадьбе, а это ее подвенечный наряд,— прошептали друг другу Горлинки. Их маленькие розовые ножки совершенно окоченели от холода, но они считали своим долгом придерживаться романтического взгляда на мир.

— Вздор! — проворчал Волк. — Говорю вам, что во всем виновато правительство, а если вы мне не верите, я вас съем. — Волк обладал очень трезвым умом и в споре никогда не лез за словом в карман.

— Ну, что касается меня, — сказал Дятел, который был прирожденным философом, — я не нуждаюсь в физических законах для объяснения явлений. Если вещь такова сама по себе, то она сама по себе такова, а сейчас адски холодно.

Холод в самом деле был адский. Маленькие Белочки, жившие в дупле высокой ели, все время терли друг другу носы, чтобы хоть немного согреться, а Кролики съежились в комочек в своих норках и не смели выглянуть наружу. И только большие рогатые Совы — одни среди всех живых существ — были, по-видимому, довольны. Их перья так обледенели, что стали совсем твердыми, но это их нисколько не смущало, они таращили свои огромные желтые глаза и перекликались друг с другом через весь лес:

— У-уу! У-уу! У-уу! У-уу! Какая нынче восхитительная погода!

А двое Лесорубов все шли и шли через бор, ожесточенно дуя на замерзшие пальцы и топая по обледенелому снегу тяжелыми, подбитыми железом сапогами. Один раз они провалились в глубокий, занесенный снегом овраг и вылезли оттуда белые, как мукомолы, когда те стоят у крутящихся жерновов; а в другой раз они поскользнулись на твердом гладком льду замерзшего болота, вязанки хвороста у них рассыпались, и пришлось им собирать их и

заново увязывать; а еще как-то им почудилось, что они заблудились, и на них напал великий страх, ибо им было известно, что Снежная Дева беспощадна к тем, кто засыпает в ее объятиях. Но они возложили свои надежды на заступничество Святого Мартина, который благоприятствует всем путешественникам, и вернулись немного обратно по своим следам, а дальше шли с большей осмотрительностью и в конце концов вышли на опушку и увидели далеко внизу в долине огни своего селения.

Они очень обрадовались, что выбрались наконец из леса, и громко рассмеялись, а долина показалась им серебряным цветком и Луна над ней — цветком золотым.

Но, посмеявшись, они снова стали печальны, потому что вспомнили про свою бедность, и один из них сказал другому:

— С чего это мы так развеселились? Ведь жизнь хороша только для богатых, а не для таких, как мы с тобой. Лучше бы нам замерзнуть в бору или стать добычей диких зверей.

— Ты прав,— отвечал его товарищ.— Одним дано очень много, а другим — совсем мало. В мире царит несправедливость, и благами она одаряет лишь немногих, а вот горе отмеряет щедрой рукой.

Но пока они сетовали так на свою горькую долю, произошло нечто удивительное и странное. Прекрасная, необычайно яркая звезда упала с неба. Она покатилась по небосводу меж других звезд, и когда изумленные Лесорубы проводили ее взглядом, им показалось, что она упала за старыми ветлами возле небольшой овчарни, неподалеку от того места, где они стояли.

— Слушай! Да ведь это же кусок золота, надо его разыскать! — разом закричали оба и тут же припустились бежать — такая жажда золота их обуяла.

Но один из них бежал быстрее другого, перегнал своего товарища, пробрался между ветлами... И что же он увидел? На белом снегу и вправду лежало что-то сверкающее, как золото. Лесоруб подбежал, наклонился, поднял этот предмет с земли и увидел, что он держит в руках плащ из золотой ткани, причудливо расшитый звездами и ниспадающий пышными складками. И он крикнул своему товарищу, что нашел сокровище, упавшее с неба, и тот поспешил к нему, и они опустились на снег и расправили складки плаща, чтобы достать оттуда золото и разделить его между собой. Но увы! В складках плаща они не обнаружили ни золота, ни серебра, ни других сокровищ, а увидели только спящее дитя. И один Лесоруб сказал другому:

— Все наши надежды пошли прахом, нет нам с тобой удачи! Ну какая польза человеку от ребенка? Давай оставим его здесь и пойдем своим путем, ведь мы люди бедные, у нас и своих детей хватает, и мы не можем отнимать у них хлеб, чтобы отдавать его другим.

Но второй Лесоруб отвечал так:

— Нет, нельзя совершить такое злое дело — оставить это дитя замерзать тут на снегу, и хоть я не богаче тебя и у меня еще больше ртов просят хлеба, а в горшках тоже не густо, все равно я отнесу этого ребенка к себе домой, и моя жена позаботится о нем.

И он осторожно поднял ребенка, завернул его в плащ, чтобы защитить от жгучего мороза, и зашагал вниз с холма к своему селению, а его товарищ очень удивился про себя такой его глупости и мягкосердечию.

А когда они пришли в селение, товарищ сказал:

— Ты взял себе ребенка, так отдай мне плащ, ты же должен поделиться со мной находкой.

Но тот отвечал ему:

— Нет, не отдам, потому что этот плащ не твой и не мой, а принадлежит только ребенку,— и, пожелав ему доброго здоровья, подошел к своему дому и постучал в дверь.

Когда жена отворила дверь и увидела, что это ее муженек возвратился домой целый и невредимый, она обвила руками его шею, и поцеловала его, и сняла с его спины вязанку хвороста, и отряхнула снег с его сапог, и пригласила его войти в дом.

Но Лесоруб сказал жене:

— Я нашел кое-что в лесу и принес тебе, чтобы ты позаботилась о нем.— И он не переступил порога.

— Что же это такое? — воскликнула жена.— Покажи скорее, ведь у нас в доме пусто, и мы во многом нуждаемся.

И тогда он распахнул плащ и показал ей спящее дитя.

— Увы мне! — горестно прошептала жена.— Разве у нас нет собственных детей, что тебе, хозяин, понадобилось сажать к нашему очагу подкидыша? А может, он принесет нам несчастье? И кто его знает, как надо за ним ухаживать? — И она очень рассердилась на мужа.

— Да ты послушай, ведь это Дитя-Звезда,— отвечал муж и рассказал жене удивительную историю о том, как он нашел этого ребенка.

Но это ее не успокоило, и она начала насмехаться над ним и бранить его:

— Наши дети сидят без хлеба, а мы будем кормить чужого ребенка? А о нас кто позаботится? Нам кто даст поесть?

— Но ведь Господь заботится даже о воробьях и дает им пропитание,— отвечал муж.

— А мало воробьев погибает от голода зи-

мой? — спросила жена. — И разве сейчас не зима?

На это муж ничего не ответил ей, но и не переступил порога.

И тут злой ветер, прилетев из леса, ворвался в распахнутую дверь, и жена вздрогнула, поежилась и сказала мужу:

— Почему ты не затворишь дверь? Смотри, какой студеный ветер, я совсем замерзла.

— В доме, где живут люди с каменными сердцами, всегда будет стужа, — сказал муж.

И жена не ответила ему ничего, только ближе подо двинулась к огню.

Но прошло еще немного времени, и она обернулась к мужу и поглядела на него, и ее глаза были полны слез. И тогда он быстро вошел в дом и положил ребенка ей на колени. А она, поцеловав ребенка, опустила его в колыбельку рядом с младшим из своих детей. А на другое утро Лесоруб взял необыкновенный плащ из золота и спрятал его в большой сундук, а его жена сняла с шеи ребенка янтарное ожерелье и тоже спрятала.

Итак, Дитя-Звезда стал расти вместе с детьми Лесоруба, и ел за одним с ними столом, и играл с ними. И с каждым годом он становился все красивее и красивее, и жители селения дивились его красоте, ибо все они были смуглые и черноволосые, а у него лицо было белое и нежное, словно выточенное из слоновой кости, и золотые кудри его были как лепестки нарцисса, а губы — как лепестки алой розы и глаза — как фиалки, отраженные в прозрачной воде ручья. И он был строен, как цветок, выросший в густой траве, где не ступала нога косца.

Но красота его принесла ему только зло, ибо он вырос себялюбивым, гордым и жестоким. На детей Лесоруба, да и на всех прочих детей в селении он смотрел сверху вниз, потому что, говорил он, все

они низкого происхождения, в то время как он — знатного рода, ибо происходит от Звезды. И он помыкал детьми и называл их своими слугами. Он не испытывал сострадания к беднякам или к слепым, недужным и увечным, но швырял в них камнями и прогонял их из селения на проезжую дорогу и кричал им, чтобы они шли побираться в другое место, после чего ни один из нищих, кроме каких-нибудь самых отчаявшихся, не осмеливался вторично прийти в это селение за милостыней. И он был точно околдован своей красотой и издевался над всеми, кто был жалок и безобразен, и выставлял их на посмешище. Себя же он очень любил и летом в безветренную погоду часто лежал у водоема в фруктовом саду священника, и глядел на свое дивное отражение, и смеялся от радости, любуясь своей красотой.

Лесоруб и его жена не раз бранили его, говоря: — Мы-то ведь не так поступили с тобой, как поступаешь ты с этими несчастными, обездоленными судьбой, у которых нет ни одной близкой души на свете. Почему ты так жесток к тем, кто нуждается в участии?

Но Мальчик-Звезда не внимал их словам, только хмурился и усмехался презрительно, а потом бежал к своим сверстникам и помыкал ими, как хотел. И его сверстники слушались его, потому что он был красив, быстроног и умел плясать, и петь, и наигрывать на свирели. И куда бы Мальчик-Звезда ни повел их, они следовали за ним, и что бы он ни приказал им сделать, они ему повиновались. И когда он проткнул острой тростинкой подслеповатые глаза крота, они смеялись, и когда он швырял камнями в прокаженного, они смеялись тоже. Всегда и во всем Мальчик-Звезда был их вожаком, и они стали столь же жестокосердны, как и он.

* * *

И вот как-то раз через селение проходила одна несчастная нищенка. Одежда ее была в лохмотьях, босые ноги, израненные об острые камни дороги, все в крови — словом, была она в самом бедственном состоянии. Изнемогая от усталости, она присела отдохнуть под каштаном.

Но тут увидел ее Мальчик-Звезда и сказал своим тозарищам:

— Гляньте! Под прекрасным зеленолистым деревом сидит отвратительная грязная нищенка. Пойдем прогоним ее, потому что она противна и безобразна.

И с этими словами он подошел к ней поближе и начал швырять в нее камнями и насмехаться над ней, а она поглядела на него, и в глазах ее отразился ужас, и она не могла отвести от него взгляда. Но тут Лесоруб, который стругал жерди под навесом, увидел, что делает Мальчик-Звезда, подбежал к нему и стал его корить, говоря:

— Воистину у тебя каменное сердце, и жалость тебе неведома. Что сделала тебе эта бедная женщина, почему ты гонишь ее отсюда?

Тогда Мальчик-Звезда покраснел от злости и сказал:

— А кто ты такой, чтобы спрашивать меня, почему я так поступаю? Я тебе не сын и не обязан тебя слушаться.

— Это верно,— отвечал Лесоруб,— однако я пожалел тебя, когда нашел в лесу.

И тут нищая, услышав эти слова, громко вскрикнула и упала без чувств. Тогда Лесоруб поднял ее и отнес к себе в дом, а его жена принялась ухаживать за ней. И когда женщина очнулась, Лесоруб и его жена поставили перед ней еду и питье и сказали, что они рады предоставить ей кров.

Но женщина не хотела ни есть, ни пить и спросила Лесоруба:

— Правду ли ты сказал, что нашел этого мальчика в лесу? И с того дня минуло десять лет, не так ли?

И Лесоруб ответил:

— Да, так оно и было, я нашел его в лесу, и с того дня минуло уже десять лет.

— А не нашел ли ты вместе с ним еще чего-нибудь? — воскликнула женщина. — Не было ли у него на шее янтарного ожерелья? И не был ли он закутан в золотой плащ, расшитый звездами?

— Все верно, — отвечал Лесоруб. И он вынул плащ и янтарное ожерелье из сундука и показал их женщине.

И когда женщина увидела эти вещи, она расплакалась от радости и сказала:

— Этот ребенок — мой маленький сын, которого я потеряла в лесу. Прошу тебя, пошли за ним скорее, ведь в поисках его я обошла всю землю.

И Лесоруб с женой вышли из дома и стали звать Мальчика-Звезду и сказали ему:

— Войди в дом, там ты найдешь свою мать, которая ждет тебя.

И Мальчик-Звезда, исполненный радости и изумления, вбежал в дом. Но когда он увидел ту, что ждала его там, он презрительно рассмеялся и сказал:

— Ну а где же моя мать? Я не вижу здесь никого, кроме этой противной нищенки.

И женщина ответила ему:

— Я — твоя мать.

— Ты, должно быть, лишилась рассудка! — гневно вскричал Мальчик-Звезда. — Я не твой сын,

ведь ты же нищенка, ты уродлива и одета в лохмотья. Ну-ка, убирайся отсюда, чтоб я не видел больше твоего мерзкого лица!

— Но ведь ты же в самом деле мой маленький сынок, которого я родила в лесу! — вскричала женщина и, упав перед ним на колени, простерла к нему руки. — Разбойники украли тебя и оставили погибать в лесу... — плача, проговорила она. — Но я сразу узнала тебя, как только увидела, и узнала вещи, по которым тебя можно опознать, — золотой плащ и янтарное ожерелье. И я молю тебя: пойдем со мной, ведь, разыскивая тебя, я обошла весь свет. Пойдем со мной, мой сын, потому что я нуждаюсь в твоей любви.

Но Мальчик-Звезда не шевельнулся; он наглухо затворил свое сердце, чтобы ее жалобы не могли туда проникнуть, и в наступившей тишине слышны были только горестные стенания женщины.

Наконец Мальчик-Звезда заговорил, и его голос звучал холодно и презрительно.

— Если это правда, что ты моя мать, — сказал он, — лучше бы тебе не приходить сюда и не позорить меня, ведь я думал, что моей матерью была Звезда, а не какая-то нищенка, как ты говоришь мне. Поэтому убирайся отсюда, чтобы я никогда тебя больше не видел.

— Увы, сын мой! — вскричала женщина. — Неужели ты не поцелуешь меня на прощанье? Ведь я столько претерпела мук, чтобы найти тебя!

— Нет, — сказал Мальчик-Звезда, — ты слишком омерзительна, и мне легче поцеловать гадюку или жабу, чем тебя.

Тогда женщина встала и, горько рыдая, скрылась в лесу, а Мальчик-Звезда, увидав, что она ушла, очень обрадовался и побежал играть со своими товарищами.

Но те, поглядев на него, начали смеяться над ним и сказали:

— Да ведь ты мерзок, как жаба, и отвратителен, как гадюка. Убирайся отсюда, мы не хотим, чтобы ты играл с нами! — И они выгнали его из сада.

Тогда Мальчик-Звезда задумался и сказал себе: «Что такое они говорят? Я пойду к водоему и погляжусь в него, и он скажет мне, что я красив».

И он пошел к водоему и поглядел в него, но что же он увидел! Лицом он стал похож на жабу, а тело его покрылось чешуей, как у гадюки. И он бросился ничком на траву, и заплакал, и сказал:

— Не иначе как это мне наказание за мой грех. Ведь я отрекся от моей матери и прогнал ее, я возгордился перед ней и был с ней жесток. Теперь я должен отправиться на поиски и обойти весь свет, пока не найду ее. А до тех пор не будет мне ни отдыха, ни покоя.

Тут подошла к нему маленькая дочка Лесоруба, и положила ему руку на плечо, и сказала:

— Это еще не беда, что ты утратил свою красоту. Оставайся с нами, и я никогда не буду дразнить тебя.

Но он сказал ей:

— Нет, я был жесток к моей матери, в наказание мне и случилось это несчастье. Поэтому я должен уйти отсюда и бродить по свету, пока не найду своей матери и не вымолю у нее прощенья.

И он побежал в лес и начал громко призывать свою мать, прося ее вернуться к нему, но не услышал ответа. Весь день он звал ее, а когда солнце закатилось, прилег на грудь листьев и уснул, и все птицы и звери оставили его, потому что знали, как жестоко он поступил, и только жаба разделяла его

одиночество и охраняла его сон, да гадюка медленно поползла мимо.

А наутро он встал, сорвал несколько кислых ягод с дерева, съел их и побрел через дремучий лес, горько плача. И всех, кто бы ни повстречался ему на пути, он спрашивал, не видали ли они его матери.

Он спросил Крота:

— Ты роешь свои ходы под землей. Скажи, не видал ли ты моей матери?

Но Крот отвечал:

— Ты выколот мне глаза, как же я мог ее увидеть?

Тогда он спросил у Коноплянки:

— Ты взлетаешь выше самых высоких деревьев и можешь видеть оттуда весь мир. Скажи, не видала ли ты моей матери?

Но Коноплянка отвечала:

— Ты подрезал мне крылья ради забавы. Как же могу я теперь летать?

И маленькую Белочку, которая жила в дупле ели одна-одинешенька, он спросил:

— Где моя мать?

И Белочка отвечала:

— Ты убил мою мать; может быть, ты разыскиваешь свою, чтобы убить ее тоже?

И Мальчик-Звезда опустил голову, и заплакал, и стал просить прощенья у всех божьих тварей, и углубился дальше в лес, продолжая свои поиски. А на третий день, пройдя через весь лес, он вышел на опушку и спустился в долину.

И когда он проходил через селение, дети дразнили его и бросали в него камнями, и крестьяне не позволяли ему даже соснуть в амбаре, боясь, что от него может сесть плесень на зерно, ибо он был очень гадок с виду, и приказывали работникам про-

гнать его прочь, и ни одна душа не сжалилась над ним. И нигде не мог он ничего узнать о нищенке, которая была его матерью, хотя вот уже три года бродил он по свету, и не раз казалось ему, что он видит ее впереди на дороге, и тогда он принимался звать ее и бежал за ней, хотя острый щебень ранил его ступни и из них сочилась кровь. Но он не мог ее догнать, а те, кто жил поблизости, утверждали, что они не видели ни ее, ни кого-нибудь похожего с виду, и потешались над его горем.

Три полных года бродил он по свету и нигде никогда не встречал ни любви, ни сострадания, ни милосердия; весь мир обошелся с ним так же, как поступал он сам в дни своей гордыни.

И вот однажды вечером он подошел к городу, расположенному на берегу реки и обнесенному высокой крепостной стеной, и приблизился к воротам. Хотя он очень устал и натрудил ноги, все же он хотел войти в город. Но воины, стоявшие у ворот на страже, скрестили свои алебарды и грубо крикнули ему:

— Что нужно тебе в нашем городе?

— Я разыскиваю мою мать,— отвечал он,— и молю вас: дозволейте мне войти в город, ведь может случиться, что она там.

Но они стали насмехаться над ним, и один из них, трясая черной бородой, поставил перед ним свой щит и закричал:

— Воистину твоя мать возрадуется, увидев тебя, ведь ты безобразней, чем жаба в болоте или гадюка, выползшая из топи! Убирайся отсюда! Убирайся! Твоей матери нет в нашем городе.

А другой, тот, что держал в руке желтый стяг на древке, сказал ему:

— Кто твоя мать и почему ты разыскиваешь ее?

И он отвечал:

— Моя мать живет подаянием, так же как и я, и я обошелся с ней очень дурно и молю тебя: дозвожь мне пройти, чтобы я мог испросить у нее прощения, если она живет в этом городе.

Но они не захотели его пропустить и стали колоть своими пиками.

А когда он с плачем повернул обратно, некто в кольчуге, разукрашенной золотыми цветами, и в шлеме с гребнем в виде крылатого льва приблизился к воротам и спросил воинов, кто тут просил дозволения войти в город. И воины отвечали ему:

— Это нищий и сын нищенки, и мы прогнали его прочь.

— Ну и зря,— рассмеявшись, сказал тот,— мы продадим это мерзкое создание в рабство, и цена его будет равна цене чаши сладкого вина.

А в это время мимо проходил какой-то страшный и злой с виду старик и, услышав эти слова, сказал:

— Я заплачу за него эту цену,— и, заплатив ее, взял Мальчика-Звезду за руку и повел в город.

Они прошли много улиц и подошли наконец к маленькой калитке в стене, затененной большим гранатовым деревом. И старик коснулся калитки яшмовым перстнем, и она отворилась, и они спустились по пяти бронзовым ступеням в сад, где цвели черные маки и стояли зеленые глиняные кувшины. И тогда старик вынул из своего тюрбана узорчатый шелковый шарф, и завязал им глаза Мальчику-Звезде, и повел его куда-то, толкая перед собой. А когда он снял повязку с его глаз, Мальчик-Звезда увидел, что он находится в темнице, которая освещалась фонарем, повешенным на крюк.

И старик положил перед ним на деревянный лоток ломоть заплесневелого хлеба и сказал:

— Ешь.

И поставил перед ним чашу с солоноватой водой и сказал:

— Пей.

И когда Мальчик-Звезда поел и попил, старик ушел и запер дверь темницы на ключ и закрепил железной цепью.

* * *

На следующее утро старик, который на самом деле был одним из самых искусных и коварных волшебников Ливии и научился своему искусству у другого волшебника, обитавшего на берегу Нила, вошел в темницу, хмуро поглядел на Мальчика-Звезду и сказал:

— В том лесу, что неподалеку от ворот этого города гяуров, скрыты три золотые монеты — из белого золота, из желтого золота и из красного золота. Сегодня ты должен принести мне монету из белого золота, а если не принесешь, получишь сто плетей. Поспеш, на закате солнца я буду ждать тебя у калитки моего сада. Смотри принеси мне монету из белого золота, или тебе будет плохо, потому что ты мой раб и я уплатил за тебя цену целой чаши сладкого вина.— И он завязал глаза Мальчику-Звезде шарфом узорчатого шелка, и вывел его из дома в сад, где росли черные маки, и, заставив подняться на пять бронзовых ступенек, otvorил с помощью своего перстня калитку.

И Мальчик-Звезда вышел из калитки, прошел через город и вступил в лес, о котором говорил ему Волшебник.

А лес этот издали казался очень красивым, и мнилось, что он полон певчих птиц и ароматных цветов, и Мальчик-Звезда радостно углубился в него. Но ему не довелось насладиться красотой

леса, ибо, куда бы он ни ступил, повсюду перед ним поднимался из земли колючий кустарник, полный острых шипов, и ноги его обжигала злая крапива, и чертополох колот его своими острыми, как кинжал, колючками, и Мальчику-Звезде приходилось очень плохо. А главное, он нигде не мог найти монету из белого золота, о которой говорил ему Волшебник, хотя и разыскивал ее с самого утра до полудня и от полудня до захода солнца. Но вот солнце село, и он побрел домой, горько плача, ибо знал, какая участь его ожидает.

Но когда он подходил к опушке леса, из чащи до него долетел крик — казалось, кто-то взывает о помощи. И, позабыв про свою беду, он побежал на этот крик и увидел маленького Зайчонка, попавшего в силок, расставленный каким-то охотником.

И Мальчик-Звезда сжалился над Зайчонок, и освободил его из силка, и сказал ему:

— Сам я всего лишь раб, но тебе я могу даровать свободу.

А Зайчонок ответил ему так:

— Да, ты даровал мне свободу, скажи, чем могу я отблагодарить тебя?

И Мальчик-Звезда сказал ему:

— Я ищу монету из белого золота, но нигде не могу найти ее, а если я не принесу ее своему хозяину, он прибьет меня.

— Ступай за мной,— сказал Зайчонок,— и я отведу тебя туда, куда тебе нужно, потому что я знаю, где спрятана эта монета и зачем.

Тогда Мальчик-Звезда последовал за маленьким Зайчонок. И что же он увидел? В дупле большого дуба лежала монета из белого золота, которую он искал. И Мальчик-Звезда безмерно обрадовался, схватил ее и сказал Зайчонку:

— За услугу, которую я оказал тебе, ты отбла-

годарил меня сторицей, и за добро, что я для тебя сделал, ты воздал мне стократ.

— Нет,— отвечал Зайчонок,— как ты поступил со мной, так и я поступил с тобой.— И он проворно поскакал прочь.

Теперь следует сказать, что у городских ворот сидел Прокаженный. Лицо его скрывал серый холщовый капюшон, и глаза его горели в прорезях, словно угли, и, когда он увидел приближавшегося к воротам Мальчика-Звезду, он загремел своей деревянной миской, и зазвонил в свой колокольчик, и крикнул ему:

— Подай мне милостыню, или я должен буду умереть с голоду, ибо они изгнали меня из города и нет никого, кто бы сжалился надо мной!

— Увы! — вскричал Мальчик-Звезда.— У меня в кошельке есть только одна-единственная монета, и если я не отнесу ее моему хозяину, он прибьет меня, потому что я его раб.

Но Прокаженный стал просить его и молить и делал это до тех пор, пока Мальчик-Звезда не сжалился над ним и не отдал ему монету из белого золота.

Когда же он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

— Ты принес монету из белого золота?

И Мальчик-Звезда ответил:

— У меня ее нет.

И тогда Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и поставил перед ним пустой деревянный лоток для хлеба:

— Ешь.

И поставил перед ним пустую чашу:

— Пей.

И снова бросил его в темницу. А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

— Если сегодня ты не принесешь мне монету из желтого золота, то навсегда останешься моим рабом и получишь от меня триста плетей.

Тогда Мальчик-Звезда направился в лес и целый день искал там монету из желтого золота, но нигде не мог найти ее. А когда закатилось солнце, он опустился на землю и заплакал. И пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок, которого он освободил из силка.

И Зайчонок спросил его:

— Почему ты плачешь? И что ты ищешь в лесу?

И Мальчик-Звезда отвечал:

— Я ищу монету из желтого золота, которая здесь спрятана, и если я не найду ее, мой хозяин прибудет меня и навсегда оставит у себя в рабстве.

— Следуй за мной! — крикнул Зайчонок и поскакал через лес, пока не прискакал к небольшому озеру. А на дне озера лежала монета из желтого золота.

— Как мне благодарить тебя? — сказал Мальчик-Звезда. — Ведь вот уж второй раз, как ты выручаешь меня.

— Ну и что ж, зато ты первый сжалился надо мной, — сказал Зайчонок и проворно поскакал прочь.

И Мальчик-Звезда взял монету из желтого золота и поспешил в город. Но Прокаженный увидел его на дороге, и побежал ему навстречу, и упал перед ним на колени, крича:

— Подай мне милостыню, или я умру с голоду!

Мальчик-Звезда сказал ему:

— У меня в кошельке нет ничего, кроме монеты из желтого золота, но если я не принесу ее моему хозяину, он прибудет меня и навеки оставит у себя в рабстве.

Но Прокаженный молил его сжалиться над ним, и Мальчик-Звезда пожалел его и отдал ему монету из желтого золота.

* * *

А когда он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

— Ты принес монету из желтого золота?

И Мальчик-Звезда ответил:

— У меня ее нет.

И Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и заковал его в цепи, и снова вверг в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

— Если сегодня ты принесешь мне монету из красного золота, я отпущу тебя на свободу, а если не принесешь, я убью тебя.

И Мальчик-Звезда отправился в лес и целый день разыскивал там монету из красного золота, но нигде не мог ее найти. Когда же стемнело, он сел и заплакал. И пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок.

— Монета из красного золота, которую ты ищешь, находится в пещере, что у тебя за спиной. Перестань же плакать и возрадуйся,— сказал Зайчонок.

— Как могу я отблагодарить тебя? — воскликнул Мальчик-Звезда.— Ведь уже третий раз ты выручаешь меня из беды.

— Но ты первый сжалился надо мной,— сказал Зайчонок и проворно ускакал прочь.

А Мальчик-Звезда вошел в пещеру и в глубине ее увидел монету из красного золота. Он положил ее в свой кошелек и поспешил вернуться в город.

Но когда Прокаженный увидел его, он стал посреди дороги и громко закричал, взывая к нему:

— Отдай мне монету из красного золота, или я умру!

И Мальчик-Звезда снова пожалел его и отдал ему монету из красного золота, сказав:

— Твоя нужда больше моей.

Однако сердце его сжалось от тоски, ибо он знал, какая страшная судьба его ожидает.

* * *

Но чудо! Когда проходил он городские ворота, воины низко склонились перед ним, отдавая ему почести и восклицая:

— Как прекрасен господин наш!

А толпа горожан следовала за ним, и все твердили:

— Воистину не найдется никого прекраснее во всем мире!

И Мальчик-Звезда заплакал и сказал себе:

— Они смеются надо мной и потешаются над моей бедой.

Но так велико было стечение народа, что он сбился с дороги и пришел на большую площадь, где стоял королевский дворец.

И ворота дворца распахнулись, и навстречу Мальчику-Звезде поспешили священнослужители и знатнейшие вельможи города и, смиренно поклонившись ему, сказали:

— Ты — наш господин, которого мы давно ожидаем, и сын нашего государя.

А Мальчик-Звезда сказал им в ответ:

— Я не королевский сын, я сын бедной нищенки. И зачем говорите вы, что я прекрасен, когда я знаю, что вид мой мерзок?

И тогда тот, чья кольчуга была разукрашена золотыми цветами и на чьем шлеме гребень был в виде крылатого льва, поднял свой щит и вскричал:

— Почему господин мой не верит, что он прекрасен?

И Мальчик-Звезда посмотрелся в щит. И что же он увидел? Его красота вернулась к нему, и лицо его стало таким же, каким было прежде, только в глазах своих он заметил что-то новое, чего раньше никогда в них не видел. А священнослужители и вельможи преклонили перед ним колена и сказали:

— Было давнее пророчество, что в этот день придет к нам тот, кому суждено править нами. Так пусть же господин наш возьмет эту корону и этот скипетр и станет нашим королем, справедливым и милосердным.

Но Мальчик-Звезда отвечал им:

— Я недостойн этого, ибо я отрекся от матери, которая носила меня под сердцем, и теперь ищу ее, чтобы вымолить у нее прощение, и не будет мне покоя, пока я не найду ее. Так отпустите же меня, ибо я должен вновь отправиться странствовать по свету, и нельзя мне медлить здесь, хоть вы и предлагаете мне корону и скипетр.

И, сказав это, он отвернулся от них и обратил свое лицо к улице, тянувшейся до самых городских ворот. И что же он увидел? Среди толпы, оттеснившей стражу, стояла нищенка, которая была его матерью, а рядом с ней стоял Прокаженный. И крик радости сорвался с его уст, и, бросившись к своей матери, он осыпал поцелуями раны на ее ногах и оросил их слезами. Он склонил свою голову в дорожную пыль и, рыдая так, словно сердце его разрывалось, сказал:

— О мать моя! Я отрекся от тебя в дни моей гордыни. Не отринь же меня в час моего смирения!

Я питал к тебе ненависть... Одари же меня любовью! Я отверг тебя. Прими же свое дитя...

Но нищенка не ответила ему ни слова.

И он простер руки к Прокаженному и припал к его стопам, говоря:

— Трижды оказал я тебе милосердие. Умоли же мою мать ответить мне хоть единый раз.

Но Прокаженный хранил безмолвие.

И снова зарыдал Мальчик-Звезда и сказал:

— О мать моя, это страдание мне не по силам! Даруй мне свое прощение и позволь вернуться в наш лес.

И нищенка положила руку на его голову и сказала:

— Встань!

И Прокаженный положил руку на его голову и тоже сказал:

— Встань!

И он встал с колен и посмотрел на них. И что же! Перед ним были Король и Королева. И Королева сказала ему:

— Вот твой отец, которому ты помог в час нужды.

А Король сказал:

— Вот твоя мать, чьи ноги ты омыл своими следами.

И они пали в его объятия, и осыпали его поцелуями, и отвели во дворец, где облекли его в дивные одежды, и возложили на его голову корону, и дали ему в руки скипетр, и он стал властелином города, который стоял на берегу реки. И был он справедлив и милосерден ко всем. Он изгнал злого Волшебника, а Лесорубу и его жене послал богатые дары, а сыновей их сделал вельможами. И он не позволял никому обращаться жестоко с птицами и лесными зверями и всех учил добру, любви и мило-

сердию. И он кормил голодных и сирых и одевал нагих, и в стране его всегда царили мир и благоденствие.

Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию — и спустя три года он умер. А преемник его был тираном.

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

На высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукоятке его шпаги.

Все восхищались Принцем.

— Он прекрасен, как флюгер-петух! — изрек Городской Советник, жаждавший прослыть за тонкого ценителя искусств. — Но конечно, флюгер куда полезнее! — прибавил он тотчас же, опасаясь, что его обвинят в непрактичности, а уж в этом он не был повинен.

— Постарайся быть похожим на Счастливого Принца! — убеждала разумная мать своего мальчугана, который все плакал, чтобы ему дали луну. — Счастливый Принц никогда не капризничает.

— Я рад, что на свете нашелся хоть один счастливец! — пробормотал гонимый судьбой горе-мыка, взирая на эту прекрасную статую.

— Ах, он совсем как ангел! — восхищались Приютские Дети, толпою выходя из собора в ярко-пунцовых пелеринках и белоснежных передниках.

— Откуда вы это знаете? — возразил Учитель Математики. — Ведь ангелов вы никогда не видали.

— О, мы их видим во сне! — отозвались Приютские Дети, и Учитель Математики нахмурился и сурово взглянул на них: ему не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Ее подруги вот уже седьмая неделя как улетели в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий, красивый Тростник. Еще ранней весной она увидела его, гоняясь за желтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщенная его стройным станом.

— Хочешь, я полюблю тебя? — спросила Ласточка с первого слова, так как любила во всем прямо; и Тростник поклонился ей.

Тогда Ласточка стала кружиться над ним, изредка касаясь воды и оставляя за собой на воде серебристую рябь. Так она выражала любовь. И так продолжалось все лето.

— Что за нелепая связь! — щебетали остальные ласточки. — Ведь у Тростника ни гроша за душой и целая куча родственников.

Действительно, вся эта речка густо заросла тростниками. Потом наступила осень, и ласточки улетели.

Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротою, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной.

— Боже, ведь он как немой, ни слова от него не

добьешься,— говорила с упреком Ласточка,— и я боюсь, что он очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком.

И правда, чуть только ветер, Тростник так и гнется, так и кланяется.

— Пускай он домосед, но ведь я-то люблю путешествовать, и моему мужу не мешало бы тоже любить путешествия. Ну что же, полетишь ты со мною? — наконец спросила она, но Тростник только головой покачал: он был так привязан к дому! — Ах, ты играл моею любовью! — крикнула Ласточка. — Прощай же, я лечу к пирамидам!

И она улетела.

Целый день летела она и к ночи прибыла в город.

«Где бы мне здесь остановиться? — задумалась Ласточка. — Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?»

Тут она увидела статую на высокой колонне.

— Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное место и много свежего воздуха.

И она приютилась у ног Счастливого Принца.

— У меня золотая спальня! — развеженно сказала она, озираясь.

И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на нее упала тяжелая капля.

— Как странно! — удивилась она. — На небе ни облачка. Звезды такие чистые, ясные — откуда же взяться дождю? Климат на севере Европы просто ужасен. Мой Тростник любил дождь, но ведь он такой эгоист.

Тут упала другая капля.

— Какая же польза от статуи, если она даже от дождя не способна укрыть! Поищу-ка себе пристанище где-нибудь у трубы на крыше.

И Ласточка решила улететь.

Но не успела она расправить крылья, как упала третья капля.

Ласточка посмотрела вверх, и что же увидела она!

Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слезы катились по его золоченым щекам. И так прекрасно было его лицо в лунном сиянии, что Ласточка преисполнилась жалостью.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я Счастливый Принц.

— Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

— Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слезы, — ответила статуя. — Я жил во дворце Sans Souci¹, куда скорби вход воспрещен. Днем я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружен высокой стеной, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня все было так прекрасно! «Счастливый Принц» — величали меня все приближенные, и вправду я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже не живой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

«А, так ты не весь золотой!» — подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

— Там, далеко, в узкой улочке, я вижу убогий дом, — продолжала статуя тихим мелодическим голосом. — Одно окошко открыто, и мне видна жен-

¹ Дворец Беззаботности (франц.).

щина, сидящая у стола. Лицо у нее изможденное, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иглой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шелковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, ее больное дитя. Ее мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. Но у матери нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Не снесешь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

— Меня ждут не дождутся в Египте,— ответила Ласточка.— Мои подруги кружатся над Нилом и беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу Великого Царя. Там почивает он сам, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благовонными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его как осенние листья.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Останься здесь на одну только ночь и будь моею посланницей. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

— Не очень-то мне по сердцу мальчики. Пролетным летом, когда я жила над рекою, дети мельника, злые мальчишки, всегда швыряли в меня камнями. Конечно, где им попасть! Мы, ласточки, слишком увертливы. К тому же мои предки славились особой ловкостью, но все-таки это было очень непочтительно.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его.

— Здесь очень холодно,— сказала она,— но

ничего, эту ночь я останусь с тобою и выполню твое поручение.

— Благодарю тебя, маленькая Ласточка,— молвил Счастливый Принц.

И вот Ласточка выклевала большой рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами.

Она пролетела над колокольной собора, где стоят беломраморные изваяния ангелов.

Она пролетела над королевским дворцом и слышала звуки музыки. На балкон вышла красивая девушка, и с нею ее возлюбленный.

— Какое чудо эти звезды,— сказал ей возлюбленный,— и как чудесна власть любви!

— Надеюсь, мое платье поспеет к придворному балу,— ответила она.— Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи такие лентяйки.

Ласточка пролетела над рекою и увидела огни на корабельных мачтах.

И наконец она прилетела к убогому дому и заглянула туда. Мальчик метался в жару, а мать его крепко заснула — она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с наперстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

— Как мне стало хорошо! — сказал ребенок.— Значит, я скоро поправлюсь.— И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всем.

— И странно,— заключила она свой рассказ,— хотя на дворе стужа, мне теперь несколько не холодно.

— Это потому, что ты сделала доброе дело! — объяснил ей Счастливый Принц.

И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же заснула. Стоило ей задуматься, и она засыпала.

На рассвете она полетела на речку купаться.
— Странное, необъяснимое явление! — сказал Профессор Орнитологии, проходивший в ту пору по мосту. — Ласточка — среди зимы!

И он напечатал об этом пространное письмо в местной газете. Все цитировали это письмо: оно было полно таких слов, которых никто не понимал.

«Сегодня же ночью — в Египет!» — подумала Ласточка, и сразу ей стало весело.

Она посетила все памятники и долго сидела на шпиле соборной колокольни. Куда бы она ни явилась, воробьи принимались чирикать: «Что за чужак! Что за чужак!» — звали ее знатной иностранкой, что было для нее чрезвычайно лестно.

Когда же взошла луна, Ласточка вернулась к Счастливому Принцу.

— Нет ли у тебя поручений в Египет? — громко спросила она. — Я сию минуту улетаю.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Останься на одну только ночь.

— Меня ожидают в Египте, — ответила Ласточка. — Завтра подружки мои полетят на вторые пороги Нила. Там в камышах лежат гиппопотамы, и на великом гранитном престоле восседает там бог Мемнон. Всю ночь он глядит на звезды, а когда засияет денница, он приветствует ее радостным кликом. В полдень желтые львы сходят к реке на водопой. Глаза их подобны зеленым бериллам, а рев их громче, чем рев водопада.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — сказал ей Счастливый Принц. — Там, далеко за городом, я вижу в мансарде юношу. Он скло-

нился над столом, над бумагами. Перед ним в стакане увядшие фиалки. Его губы алы, как гранаты, его каштановые волосы вьются, а глаза его большие и мечтательные. Он торопится закончить свою пьесу для Директора Театра, но он слишком озяб, огонь догорел у него в очаге, и от голода он вот-вот лишится чувств.

— Хорошо, я останусь с тобой до утра! — сказала Ласточка Принцу. У нее было предоброе сердце. — Где же у тебя другой рубин?

— Нет у меня больше рубинов, увя! — молвил Счастливый Принц. — Мои глаза — это все, что осталось. Они сделаны из редкостных сапфиров и тысячу лет назад были привезены из Индии. Выключи один из них и отнеси тому человеку. Он продаст его ювелиру и купит себе еды и дров и закончит свою пьесу.

— Милый Принц, я не могу сделать это! — И Ласточка стала плакать.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Сквозь эту крышу и пробралась Ласточка в комнату. Юноша сидел закрыв лицо руками и не слышал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в пучке увядших фиалок.

— Однако меня начинают ценить! — радостно воскликнул он. — Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу закончить свою пьесу. — И счастье было на лице у него.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы вытаскивают на веревках из трюма какие-то ящики.

— Дружнее! Дружнее! — кричали они, когда ящик поднимался вверх.

— Я улетаю в Египет! — сообщила им Ласточка, но на нее никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, Ласточка возвратилась к Принцу.

— Я пришла попрощаться с тобой! — издали закричала она.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Не останешься ли ты до утра?

— Теперь зима, — ответила Ласточка, — и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте солнце согревает зеленые листья пальм и крокодилы вытянулись в тине и лениво глядят по сторонам. Мои подружки выют уже гнезда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя, и, когда наступит весна, я принесу тебе из Египта два драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал. Краснее, чем красная роза, будет рубин у тебя, и сапфир голубее морской волны.

— Внизу, на площади, — сказал Счастливый Принц, — стоит маленькая девочка, которая торгует спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и отец ее прибьет, если она возвратится без денег. Она плачет. У нее ни башмаков, ни чулок, и голова у нее непокрыта. Выключи другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не побьет ее.

— Я могу остаться с тобою еще одну ночь, — ответила Ласточка, — но выклевать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь совсем слепой.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, — молвил Счастливый Принц, — исполни волю мою!

И она выклевала у Принца второй глаз, и подле-

тела к девочке, и уронила ей в руку чудесный сапфир.

— Какое красивое стеклышко! — воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой.

Ласточка возвратилась к Принцу.

— Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобой навеки.

— Нет, моя милая Ласточка, — ответил несчастный Принц, — ты должна отправиться в Египет.

— Я останусь с тобой навеки, — сказала Ласточка и уснула у его ног.

С утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далеких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят на отмелях Нила и клювами вылавливают золотых рыбок; о Сфинксе, старом как мир, живущем в пустыне и знающем все; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами и перебирают янтарные четки; о Царе Лунных гор, который черен, как черное дерево, и поклоняется большому осколку хрусталя; о великом Зеленом Змее, спящем в пальмовом дереве, где двадцать жрецов кормят его медовыми пряниками; о пигмеях, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

— Милая Ласточка, — отозвался Счастливый Принц, — все, о чем ты говоришь, удивительно. Но самое удивительное в мире — это людские страдания. Где ты найдешь им разгадку? Облети же мой город, милая Ласточка, и расскажи мне обо всем, что увидишь.

И Ласточка пролетела над всем огромным городом, и она видела, как в пышных палатах ликууют богатые, а бедные сидят у их порогов. В темных закоулках побывала она и видела бледные лица истощенных детей, печально глядящих на черную

улицу. Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

— Нам хочется есть! — повторяли они.

— Здесь не полагается валяться! — закричал Полицейский.

И снова они вышли под дождь.

Ласточка возвратилась к Принцу и поведала все, что видела.

— Я весь позолоченный, — сказал Счастливый Принц. — Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его бедным. Люди думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, покуда Счастливый Принц не сделался тусклым и серым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

— А у нас есть хлеб! — кричали они.

Потом выпал снег, а за снегом пришел и мороз. Улицы засеребрились и стали сверкать; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закутались в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы — в последний раз взобраться Принцу на плечо.

— Прощай, милый Принц! — прошептала она. — Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

— Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, — ответил Счастливый Принц. — Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня в губы, потому что я люблю тебя.

— Не в Египет я улетаю,— ответила Ласточка.— Я улетаю в Обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?

И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам.

И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это раскололось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на бульваре гулял Мэр Города, а с ним Городские Советники. Проходя мимо колонны Принца, Мэр посмотрел на статую.

— Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц! — воскликнул Мэр.

— Именно, именно оборвыш! — подхватили Городские Советники, которые всегда во всем соглашались с Мэром.

И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

— Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла,— продолжал Мэр.— Он хуже любого нищего.

— Именно хуже нищего! — подтвердили Городские Советники.

— А у ног его валяется какая-то мертвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается.

И Секретарь городского совета тотчас же занес это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

— В нем уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! — говорил в университете Профессор Эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал Мэр городской совет, и решили, что делать с металлом.

— Сделаем новую статую! — предложил Мэр.—

И эта новая статуя пускай изображает меня!

— Меня! — сказал каждый советник, и все они стали ссориться.

Недавно мне довелось слышать о них: они и сейчас еще ссорятся.

— Удивительно! — сказал Главный Литейщик. — Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

И повелел Господь ангелу своему:

— Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

— Правильно ты выбрал, — сказал Господь.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ РАКЕТА

Королевский сын намерен был сочетаться браком, и по этому поводу ликовал и стар и млад. Приезда своей невесты Принц дожидался целый год, и вот наконец она прибыла. Это была русская Принцесса, и весь путь от самой Финляндии она проделала в санях, запря-

женных шестеркой оленей. Сани были из чистого золота и имели форму лебедя, а меж крыльев лебедя возлежала маленькая Принцесса. Она была закутана до самых пят в длинную горностаевую мантию, на голове у нее была крошечная шапочка из серебряной ткани, и лицо ее было бело, как снежный дворец, в котором она жила у себя на родине. Так бледно было ее лицо, что весь народ дивился, глядя на нее, когда она проезжала по улицам.

— Она похожа на Белую розу! — восклицали все и осыпали ее цветами с балконов.

Принц вышел к воротам замка, чтобы встретить невесту. У него были мечтательные фиалковые глаза и волосы как чистое золото. Увидав Принцессу, он опустился на одно колено и поцеловал ей руку.

— Ваш портрет прекрасен, — прошептал он, — но вы прекраснее во сто крат!

И щеки маленькой Принцессы заалели.

— Она была похожа на Белую розу, — сказал молодой Паж кому-то из придворных, — но теперь она подобна Алой розе.

И это привело в восхищение весь двор.

Три дня кряду все ходили и восклицали:

— Белая роза, Алая роза, Алая роза, Белая роза...

И Король отдал приказ, чтобы Пажу удвоили жалованье.

Так как Паж не получал никакого жалованья вовсе, то пользы от этого ему было мало, но зато очень много чести, и потому об этом было своевременно оповещено в Придворной Газете.

По прошествии трех дней отпраздновали свадьбу. Это была величественная церемония: жених с невестой, держась за руки, стояли под балдахином из пурпурного бархата, расшитого мелким жемчу-

гом, а потом был устроен пир на весь мир, который длился пять часов. Принц и Принцесса сидели во главе стола в Большом зале и пили из прозрачной хрустальной чаши. Только истинные влюбленные могли пить из этой чаши, ибо стоило лживым устам прикоснуться к ней, как хрусталь становился тусклым, мутным и серым.

— Совершенно ясно, что они любят друг друга, — сказал маленький Паж. — Это так же ясно, как ясен хрусталь этой чаши!

И Король вторично удвоил ему жалованье.

— Какой почет! — хором воскликнули придворные.

* * *

После пира состоялся бал. Жениху и невесте предстояло протанцевать Танец Розы, а Король вызвался поиграть на флейте. Он играл из рук вон плохо, но никто не осмеливался сказать ему это, потому что он был Король. В сущности, он знал только две песенки и никогда не был уверен, какую именно он исполняет, но это не имело ни малейшего значения, так как, что бы он ни делал, все восклицали:

— Восхитительно! Восхитительно!

* * *

Программа празднеств должна была закончиться грандиозным фейерверком, которому надлежало состояться ровно в полночь. Маленькая Принцесса еще никогда в жизни не видала фейерверка, и поэтому Король отдал приказ, чтобы Королевский Пиротехник самолично занялся фейерверком в день свадьбы.

— Фейерверк? А на что это похоже? — спроси-

ла Принцесса у своего жениха, прогуливаясь утром по веранде.

— Это похоже на Северное Сияние,— сказал Король, который всегда отвечал на вопросы, адресованные другим лицам,— только гораздо натуральнее. Фейерверк так же прекрасен, как моя игра на флейте, и я лично предпочитаю его огни звездам, потому что, по крайней мере, знаешь наверняка, когда эти огни зажгутся. Словом, вам непременно нужно полюбоваться на него.

И вот в углу королевского сада был воздвигнут большой помост, и, как только Королевский Пиротехник разложил все, что требовалось, по местам, огни фейерверка вступили в разговор друг с другом.

— Как прекрасен мир! — воскликнула маленькая Шутиха.— Вы только взгляните на эти желтые тюльпаны. Даже если бы это были настоящие фейерверочные огни, и тогда они не могли бы быть прелестней. Я счастлива, что мне удалось совершить путешествие. Путешествия удивительно облагораживают душу и помогают освободиться от предрассудков.

— Королевский сад — это еще далеко не весь мир, глупая ты Шутиха,— сказала Большая Римская Свеча.— Мир огромен, и меньше чем за три дня с ним нельзя основательно ознакомиться.

— То место, которое мы любим, включает в себе для нас весь мир! — мечтательно воскликнул Огненный Фонтан, который был когда-то привязан к старой сосновой дощечке и очень гордился своим разбитым сердцем.— Но любовь вышла из моды, ее убили поэты. Они так много писали о ней, что все перестали им верить, и, признаться, это меня нисколько не удивляет. Истинный влюбленный страдает молча. Помнится, когда-то я... Впрочем, те-

перь это не имеет значения. Романтика отошла в прошлое.

— Чепуха! — сказала Римская Свеча. — Романтика никогда не умирает. Это как луна — она вечна. Наши жених и невеста, например, нежно любят друг друга. Мне все рассказала о них сегодня утром бумажная гильза от патрона, которая случайно попала в один ящик со мной и знала все последние придворные новости.

Но Огненный Фонтан только покачал головой и прошептал:

— Романтика умерла, Романтика умерла, Романтика умерла... — Он принадлежал к тем упрямым натурам, которые полагают, что если долго твердить одно и то же, то в конце концов это станет истиной.

Вдруг раздалось резкое, сухое покашливание, и все оглянулись. Кашляла длинная, высокомерная с виду Ракета, прикрепленная к концу длинной палки. Она всегда начинала свою речь с покашливания, дабы привлечь к себе внимание.

— Кхе! Кхе! — кашлянула она, и все обратились в слух, за исключением бедняги Огненного Фонтана, который продолжал покачивать головой и шептать:

— Романтика умерла...

— Слушайте! Слушайте! — закричал Бенгальский Огонь. Он увлекался политикой, всегда принимал деятельное участие в местных выборах и поэтому очень умело пользовался всеми парламентскими выражениями.

— Умерла безвозвратно... — прошептал Огненный Фонтан, начиная дремать.

Как только воцарилась тишина, Ракета кашлянула в третий раз и заговорила. Она говорила медленно, внятно, словно диктовала мемуары, и всегда

смотрела поверх головы собеседника. Словом, она отличалась самыми изысканными манерами.

— Какая удача для сына Короля,— сказала она,— что ему предстоит сочетаться браком в тот самый день, когда меня запустят в небо! — В самом деле, если бы даже все это было обдуманно заранее, и тогда не могло бы получиться удачнее. Но ведь принцам всегда везет.

— Вот так так! — сказала маленькая Шутиха.— А мне казалось, что все как раз наоборот: это нас будут пускать в воздух в честь бракосочетания Принца.

— Вас-то, может, и будут,— сказала Ракета.— Я даже не сомневаюсь, что с вами поступят именно так, а я — другое дело. Я весьма замечательная Ракета и происхожу от весьма замечательных родителей. Мой отец был в свое время самым знаменитым Огненным Колесом и прославился грацией своего танца. Во время своего знаменитого выступления перед публикой он девятнадцать раз повернулся вокруг собственной оси, прежде чем погаснуть, и при каждом повороте выбрасывал из себя семь розовых звезд. Он был три фута с половиной в диаметре и сделан из самого лучшего пороха. А моя мать была Ракета, как и я, и притом французского происхождения. Она взлетела так высоко, что все очень испугались — а вдруг она не вернется обратно? Но она вернулась, потому что у нее был очень кроткий характер, и возвращение ее было ослепительно эффектным — она рассыпалась дождем золотых звезд. Газеты с большой похвалой отзывались о ее публичном выступлении. Придворная Газета назвала его триумфом Пилотехнического Искусства.

— Пиротехнического, хотели вы сказать, Пиротехнического,— отозвался Бенгальский Огонь.—

Я знаю, что это называется Пиротехникой, потому что прочел надпись на своей собственной коробке.

— А я говорю — Пилотехнического! — возразила Ракета таким свирепым тоном, что Бенгальский Огонь почувствовал себя уничтоженным и тотчас стал задира́ть маленьких Шутих, дабы показать, что он тоже имеет вес.

— Итак, я говорила, — продолжала Ракета, — я говорила... О чем же я говорила?

— Вы говорили о себе, — отвечала Римская Свеча.

— Ну, разумеется. Я помню, что обсуждала какой-то интересный предмет, когда меня так невежливо прервали. Я не выношу грубости и дурных манер, ибо я необычайно чувствительна. Я уверена, что на всем свете не сыщется другой столь же чувствительной особы, как я.

— А что это такое — чувствительная особа? — спросила Петарда у Римской Свечи.

— Это тот, кто непременно будет наступать другим на мозоли, если он сам от них страдает, — шепнула Римская Свеча на ухо Петарде, и та чуть не взорвалась со смеху.

— Над чем это вы смеетесь, позвольте узнать? — осведомилась Ракета. — Я же не смеюсь.

— Я смеюсь, потому что чувствую себя счастливой, — отвечала Петарда.

— Это весьма эгоистическая причина, — сердито промолвила Ракета. — Какое вы имеете право чувствовать себя счастливой? Вам следовало бы подумать о других. Точнее, вам следовало бы подумать обо мне. Я всегда думаю о себе и от других жду того же. Это называется отзывчивостью, а отзывчивость — высокая добродетель, и я обладаю ею в полной мере. Допустим, что сегодня со мной что-нибудь случится. Представляете, какое это

будет несчастье для всех! Принц и Принцесса уже никогда не смогут быть счастливы, и вся их супружеская жизнь пойдет прахом. А что до Короля, то он, я знаю, не оправится после такого удара. Право, стоит мне подумать о том, сколь ответственно занимаемое мною положение, и я едва удерживаюсь от слез.

— Если вы хотите доставить другим удовольствие, — вскричала Римская Свеча, — так уж постарайтесь хотя бы не отсыреть!

— Ну конечно, — воскликнул Бенгальский Огонь, который уже несколько воспрял духом, — это же подсказывает простой здравый смысл!

— «Простой здравый смысл»! — возмущенно фыркнула Ракета. — Вы забываете, что я совсем не простая, а весьма замечательная. Здравым смыслом может обладать кто угодно при условии отсутствия воображения. А у меня очень богатое воображение, потому что я никогда ничего не представляю себе таким, как это есть на самом деле. Я всегда представляю себе все совсем наоборот. А насчет того, чтобы бояться отсыреть, то здесь, по-видимому, никто не в состоянии понять, что такое эмоциональная натура. По счастью, меня это мало трогает. Сознание моего неоспоримого превосходства над всеми — вот что меня поддерживает в течение всей жизни, а это качество я всегда развивала в себе по мере сил. Но ни у кого из вас нет сердца. Вы смееетесь и веселитесь, словно Принц и Принцесса и не думали сочетаться браком.

— Ну и что! — воскликнул маленький Огненный Шар. — А почему бы нет? Это же самое радостное событие, и, поднявшись в воздух, я непременно сообщу о нем звездам. Вот увидите, они будут подмигивать мне, когда я шепну им, как прелестна Принцесса.

— Боже! Какой тривиальный взгляд на вещи! — сказала Ракета. — Но ничего другого я и не ждала. В вас же решительно ничего нет — одна пустота. А что, если Принц и Принцесса поселятся где-нибудь в сельской местности и, может статься, там будет протекать глубокая река, а у Принца и Принцессы может родиться сын, маленький белокурый мальчик с фиалковыми глазами, как у отца, и, быть может, он пойдет однажды погулять со своей няней, и няня заснет под большим кустом бузины, а маленький мальчик упадет в глубокую реку и утонет? Какое страшное горе! Несчастные отец и мать — потерять единственного сына! Это ужасно! Я этого просто не переживу.

— Но они же еще не потеряли своего единственного сына, — сказала Римская Свеча. — Никакого несчастья с ними еще не произошло.

— А разве я говорила, что они потеряли? — возразила Ракета. — Я сказала только, что они могут потерять. Если бы они уже потеряли единственного сына, не было бы никакого смысла об этом говорить. Снявши голову, по волосам не плачут, и я терпеть не могу тех, кто не придерживается этого правила. Но когда я думаю о том, что Принц и Принцесса могут потерять своего единственного сына, меня это, разумеется, чрезвычайно удручает.

— Что верно, то верно! — вскричал Бенгальский Огонь. — По правде говоря, такой удрученной особы, как вы, мне еще не доводилось видеть.

— А мне никогда еще не доводилось видеть такого грубияна, как вы, — сказала Ракета. — И вы совершенно не способны понять моего дружеского расположения к Принцессе.

— Да ведь вы даже незнакомы с ней, — буркнула Римская Свеча.

— А разве я сказала, что я с ней знакома? — возразила Ракета. — Позвольте вам заметить, что я никогда не стала бы ее другом, будь я с ней знакома. Это очень опасная вещь — хорошо знать своих друзей.

— Все же вы бы лучше постарались не отсыреть, — сказал Огненный Шар. — Вот что самое главное.

— Для вас, конечно, это самое главное, можно не сомневаться, — возразила Ракета, — а я вот возьму и заплачу, если мне захочется.

И она и вправду залилась самыми настоящими слезами, и они, словно капли дождя, побежали по ее палке и едва не затопили двух маленьких жучков, которые только что задумали обзавестись своим домом и подыскивали хорошее сухое местечко.

— Должно быть, это действительно очень романтическая натура, — сказал Огненный Фонтан, — ведь она плачет абсолютно без всякой причины. — И он испустил тяжелый вздох, вспомнив свою сосновую дощечку.

Но Римская Свеча и Бенгальский Огонь были очень возмущены и долго восклицали во весь голос:

— Вздор! Вздор! — Они были чрезвычайно здравомыслящие особы, и когда им что-нибудь приходилось не по вкусу, они всегда говорили, что это вздор.

Тут взошла луна, похожая на сказочный серебряный щит, и на небе одна за другой зажглись звезды, а из дворца долетели звуки музыки.

Принц и Принцесса открыли бал, и танец их был так прекрасен, что высокие белые лилии, желая полюбоваться ими, встали на цыпочки и заглянули в окна, а большие красные маки закивали в такт головами.

Но вот пробило десять часов, а потом одина-

дцать и наконец двенадцать, и с последним ударом часов, возвестившим полночь, все вышли из дворца на веранду, а Король послал за Королевским Пиротехником.

— Повелеваю зажечь фейерверк,— сказал Король, и Королевский Пиротехник отвесил низкий поклон и направился в глубину сада.

За ним следовали шесть помощников, каждый из которых нес горящий факел, прикрепленный к концу длинного шеста, и это было поистине величественное зрелище.

— Пшш! Пшш! — зашипел, воспламеняясь, Огненный Фонтан.

— Бум! Бум! — вспыхнула Римская Свеча.

А за ними и Шутихи заплясали по саду, и Бенгальские Огни озарили все алым блеском.

— Прощайте! — крикнул Огненный Шар, взмывая ввысь и рассыпая крошечные голубые искорки.

— Хлоп! Хлоп! — вторили ему Петарды, которые веселились от души.

Все участники фейерверка имели большой успех, за исключением Замечательной Ракеты. Она настолько отсырела от слез, что ее так и не удалось запустить. Самой существенной частью ее был порох, а он намок, и от него не было никакого толку. А все бедные родственники Ракеты, которых она даже никогда не удостоивала разговором, разве что презрительной усмешкой, взлетели к небу и распустились волшебными огненными цветами на золотых стеблях.

— Ура! Ура! — закричали Придворные, а маленькая Принцесса засмеялась от удовольствия.

— Вероятно, они берегут меня для особо торжественного случая,— сказала Ракета.— Это, несомненно, так.— И она исполнилась еще большего высокомерия.

На следующий день в сад пришли слуги, чтобы привести его в порядок.

— По-видимому, это делегация,— сказала Ракета.— Надо принять их так, чтобы не уронить своего достоинства.— И она задрала нос кверху и сердито нахмурилась, делая вид, что размышляет о весьма важных материях.

Но слуги даже не заметили ее и уже собрались уходить, когда она случайно попала на глаза одному из них.

— Гляньте! — крикнул этот слуга.— Тут какая-то негодная ракета! — И он швырнул ее за ограду в канаву.

— НЕГОДНАЯ Ракета? НЕГОДНАЯ Ракета? — воскликнула она, перелетая через ограду.— Этого не может быть! ПРЕВОСХОДНАЯ Ракета — вот что, должно быть, сказал этот человек. НЕГОДНАЯ и ПРЕВОСХОДНАЯ звучат почти одинаково, да, в сущности, очень часто и означают одно и то же.— И с этими словами она шлепнулась прямо в грязь.— Не очень-то приятное место,— сказала она,— но это, без сомнения, какой-нибудь модный лечебный курорт, и они отправили меня сюда для укрепления здоровья. Что говорить, нервы у меня действительно расшатаны, и отдых мне крайне необходим.

Тут к ней подплыл маленький Лягушонок с блестящими, как драгоценные камни, глазами, одетый в зеленый пятнистый мундир.

— А! Что я вижу! К нам кто-то прибыл! Что же, в конце концов, грязь — лучшее, что есть на свете. Дайте мне хорошую дождливую погоду и канаву, и я буду вполне счастлив. Как вы полагаете, к вечеру соберется дождь? Я все-таки не теряю надежды, хотя небо синее и на нем ни облачка. Такая обида!

— Кхе! Кхе! — произнесла Ракета и раскашлялась.

— Какой у вас приятный голос! — воскликнул Лягушонок. — Он очень напоминает кваканье, а разве кваканье не самая приятная музыка на свете? Сегодня вечером вы услышите выступление нашего хора. Мы сидим в старом утином пруду, что возле фермерского дома, и, как только всходит луна, начинаем наш концерт. Это нечто настолько умопомрачительное, что никто не может уснуть — все слушают нас. Да не далее как вчера жена фермера говорила своей матушке, что она из-за нас не сомкнула глаз всю ночь. Очень приятно сознавать, что ты пользуешься таким признанием, — это доставляет большое удовлетворение.

— Кхе! Кхе! — сердито кашлянула Ракета. Она была очень раздосадована тем, что ей не дают вымолвить ни слова.

— Нет, в самом деле, какой восхитительный голос! — продолжал Лягушонок. — Я надеюсь, что вы посетите наш утиный пруд. Я отправляюсь на поиски своих дочерей. У меня шесть красавиц дочерей, и я очень боюсь, как бы их не увидела Щука. Это настоящее чудовище, она позавтракает ими и глазом не моргнет. Итак, до свидания. Наша беседа доставила мне огромное удовольствие, поверьте.

— По-вашему, это называется беседой? — сказала Ракета. — Только вы один и говорили все время, не закрывая рта. Хороша беседа!

— Кто-то же должен слушать, — возразил Лягушонок, — а говорить я люблю сам. Это экономит время и предупреждает разногласия.

— Но я люблю разногласия, — сказала Ракета.

— Ну что вы, — миролюбиво заметил Лягушонок. — Разногласия нестерпимо вульгарны. В хорошем обществе все придерживаются абсолютно оди-

наковых взглядов. Еще раз до свидания, я вижу вдали моих дочерей.— И маленький Лягушонок поплыл прочь.

— Вы чрезвычайно нудное создание,— сказала Ракета,— и очень дурно воспитаны. Я не выношу тех, кто, подобно вам, все время говорит о себе, в то время как другому хочется поговорить о себе. Как мне, например. Я это называю эгоизмом, а эгоизм — чрезвычайно отталкивающее свойство, тем более для особ моего склада, ведь общеизвестно, что у меня очень отзывчивая натура. Словом, вам бы следовало взять с меня пример, едва ли вам встретится еще когда-нибудь образец, более достойный подражания. И раз уж представился такой счастливый случай, я бы посоветовала вам воспользоваться им, ибо в самом непродолжительном времени я отправляюсь ко двору. Если хотите знать, я в большом фаворе при дворе: не далее как вчера Принц и Принцесса сочетались браком в мою честь. Вам это, конечно, никак не может быть известно, поскольку вы типичный провинциал.

— Нет никакого смысла говорить ему все это,— сказала Стрекоза, сидевшая на верхушке длинной коричневой камышины.— Совершенно никакого смысла, ведь он уже уплыл.

— Тем хуже для него,— отвечала Ракета.— Я не собираюсь молчать только потому, что он меня не слушает,— мне-то что до этого. Я люблю слушать себя. Для меня это одно из самых больших удовольствий. Порой я веду очень продолжительные беседы сама с собой, и, признаться, я настолько образованна и умна, что иной раз не понимаю ни единого слова из того, что говорю.

— Тогда вам, безусловно, необходимо выступать с лекциями по философии,— сказала Стрекоза

и, расправив свои прелестные газовые крылышки, поднялась в воздух.

— Как это глупо, что она улетела! — сказала Ракета. — Я уверена, что ей не часто представляется такая возможность расширить свой кругозор. Мне-то, конечно, все равно. Такие гениальные умы, как я, рано или поздно получают признание. — И тут она еще чуть глубже погрузилась в грязь.

Через некоторое время к Ракете подплыла большая Белая Утка. У нее были желтые перепончатые лапки, и она слыла красавицей благодаря своей грациозной походке.

— Кряк, кряк, кряк, — сказала Утка, — какое у вас странное телосложение! Осмелюсь спросить: это от рождения или результат несчастного случая?

— Сразу видно, что вы всю жизнь провели в деревне, — отвечала Ракета, — иначе вам было бы известно, кто я такая. Но я прощаю вам ваше невежество. Было бы несправедливо требовать от других, чтобы они были столь же выдающимися личностями, как ты сама. Вы, без сомнения, будете поражены, узнав, что я могу взлететь в небо и пролиться на землю золотым дождем.

— Велика важность, — сказала Утка. — Какой кому от этого прок? Вот если бы вы могли пахать землю, как вол, или возить телегу, как лошадь, или стеречь овец, как овчарка, тогда от вас еще была бы какая-нибудь польза.

— Я вижу, уважаемая, — воскликнула Ракета высокомерно-снисходительным тоном, — я вижу, что вы принадлежите к самым низшим слоям общества! Особы моего круга никогда не приносят никакой пользы. Мы обладаем хорошими манерами, и этого вполне достаточно. Я лично не испытываю влечения к полезной деятельности какого бы то ни

было рода, а уж меньше всего — к такой, какую вы изволили рекомендовать. По правде говоря, я всегда придерживалась того мнения, что в тяжелой работе ищут спасения только те, кто ничего другого не умеет делать.

— Ну хорошо, хорошо,— сказала Утка, отличавшаяся покладистым нравом и не любившая препираться попусту.— О вкусах не спорят. Я буду очень рада, если вы решите обосноваться тут, у нас.

— Да ни за что на свете! — воскликнула Ракета.— Я здесь гость, почетный гость — и только. Откровенно говоря, этот курорт кажется мне довольно унылым местом. Тут нет ни светского общества, ни уединения. По-моему, это чрезвычайно смахивает на предместье. Я, пожалуй, возвращусь ко двору, ведь я знаю, что мне суждено произвести сенсацию и прославиться на весь свет.

— Когда-то я тоже подумывала заняться общественной деятельностью,— заметила Утка.— Очень многое еще нуждается в реформах. Не так давно я даже открывала собрание, на котором мы приняли резолюцию, осуждающую все, что нам не по вкусу. Однако не заметно, чтобы это имело какие-нибудь серьезные последствия. Так что теперь я целиком посвятила себя домоводству и заботам о своей семье.

— Ну, а я создана для общественной жизни,— сказала Ракета,— так же как все представители нашего рода, вплоть до самых незначительных. Где бы мы ни появились, мы всегда привлекаем к себе всеобщее внимание. Мне самой пока еще ни разу не приходилось выступать публично, но, когда это произойдет, зрелище будет ослепительное. Что касается домоводства, то от него быстро стареют, и оно отвлекает от размышлений о возвышенных предметах.

— Ах! Возвышенные предметы — как это прекрасно! — сказала Утка. — Это напомнило мне, что я основательно проголодалась. — И она поплыла вниз по канаве, восклицая: — Кряк, кряк, кряк!

— Куда же вы?! Куда? — взвизгнула Ракета. — Мне еще очень многое необходимо вам сказать. (Но Утка не обратила никакого внимания на ее призыв.) Я очень рада, что она оставила меня в покое, — сказала Ракета. — У нее необычайно мещанские взгляды.

И она погрузилась еще чуть-чуть глубже в грязь и начала раздумывать о том, что одиночество — неизбежный удел гения, но тут откуда-то появились два мальчика в белых передниках. Они бежали по краю канавы с котелком и вязанками хвороста в руках.

— Это, вероятно, делегация, — сказала Ракета и постаралась придать себе как можно более величественный вид.

— Гляди-ка! — крикнул один из мальчиков. — Вон какая-то грязная палка! Интересно, как она сюда попала? — И он вытащил Ракету из канавы.

— ГРЯЗНАЯ Палка! — сказала Ракета. — Неловко! ГРОЗНАЯ Палка — хотел он, по-видимому, сказать. Грозная Палка — это звучит очень лестно. Должно быть, он принял меня за одного из Придворных Сановников.

— Давай положим ее в костер, — сказал другой мальчик. — Чем больше дров, тем скорее закипит котелок.

И они свалили хворост в кучу, а сверху положили Ракету и разожгли костер.

— Но это же восхитительно! — воскликнула Ракета. — Они собираются запустить меня среди бела дня, так, чтобы всем было видно.

— Ну, теперь мы можем немножко соснуть, —

сказали мальчики.— А когда проснемся, котелок уже закипит.— И они растянулись на траве и закрыли глаза.

Ракета очень отсырела и поэтому долго не могла воспламениться. Наконец ее все же охватило огнем.

— Ну сейчас я взлечу! — закричала она, напыжилась и распрямилась.— Я знаю, что взлечу выше звезд, выше луны, выше солнца. Словом, я взлечу так высоко... Пшш! Пшш! Пшш! — И она взлетела вверх.— Упоительно! — вскричала она.— Я буду лететь вечно! Воображаю, какой я сейчас произвожу фурор.

Но никто ее не видел. Тут она почувствовала странное ощущение, словно кто-то пощекотал ее.

— А теперь я взорвусь! — закричала она.— И я охвачу огнем всю землю и наделаю такого шума, что целый год никто не будет говорить ни о чем другом.

И тут она и в самом деле взорвалась: бум! бум! бум! — вспыхнул порох. В этом не могло быть ни малейшего сомнения.

Но никто ничего не услышал, даже двое мальчиков, потому что они спали крепким сном.

Теперь от Ракеты осталась только палка, и она упала прямо на спину Гусыни, которая вышла прогуляться вдоль канавы.

— Господи помилуй! — вскричала Гусыня.— Кажется, начинает накрапывать... палками! — И она поспешно плюхнулась в воду.

— Я знала, что произведу сенсацию,— прошипела Ракета и погасла.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИНФАНТЫ

Был день рождения Инфанты. Ей исполнилось ровно двенадцать лет, и солнце ярко светило в дворцовых садах.

Хотя она была настоящая Принцесса, и притом наследная Принцесса Испанская, день рождения у нее, как и у бедных детей, бывал всего раз в году, и для всей страны, разумеется, было чрезвычайно важно, чтобы погода ради такого дня стояла хорошая. И погода действительно была очень хорошая.

Высокие полосатые Тюльпаны, вытянувшись на стеблях, как длинные шеренги солдат, говорили Розам, вызываяще поглядывая на них через лужайку:

— Смотрите, теперь мы такие же пышные, как и вы.

Алые бабочки с золотой пылью на крылышках навещали по очереди все цветы; маленькие ящерицы выползали из трещин стены и грелись, недвижимые, в ярком солнечном свете; гранаты лопались от зноя, обнажая свои красные, истекающие кровью сердца.

Даже бледно-желтые лимоны, которых столько свешивалось с полуразрушенных решеток и мрачных аркад, как будто сделались ярче от такого яркого солнца, а магнолии раскрыли шары своих больших цветов, наполняя воздух сладким и густым благоуханием.

Маленькая Принцесса прогуливалась по террасе со своими подругами, играла с ними в прятки

вокруг каменных ваз и древних замшелых статуй. В обычные дни ей разрешалось играть только с детьми своего круга и звания, так что ей всегда приходилось играть одной; но день рождения был особенный день, и Король позволил Инфанте пригласить кого угодно из ее юных друзей и поиграть с ними.

Была какая-то величавая грация в этих тоненьких и хрупких испанских детях, когда они скользили неслышной поступью по дворцовому саду, — мальчики в шляпах с огромными перьями и коротеньких развевающихся плащах, девочки в тяжелых парчовых платьях с длинными шлейфами, которые они придерживали рукой, заслоняясь от солнца большими веерами, черными с серебром.

Но всех грациознее была Инфанта и всех изящнее одета, хотя мода тогда была довольно стеснительной. Ее платье было из серого атласа, юбка и рукава-буфы богато расшиты серебром, а тугой корсаж — мелким жемчугом. Когда она шла, из-под платья выглядывали крохотные туфельки с пышными розовыми бантами. Большой газовый веер Инфанта тоже был розовый с жемчугом, а в ее волосах, которые, как венчик из тусклого золота, обрамляли ее бледное личико, красовалась дивная белая роза.

Из окна во дворце за ними следил грустный, унылый Король.

У него за спиною стоял его ненавистный брат, Дон Педро Арагонский, а рядом с ним сидел его духовник, Великий Инквизитор Гренады. Король был даже грустнее обычного, потому что, глядя, как Инфанта с детской серьезностью отвечает на поклон придворных или же, прикрывшись веером, смеется над мрачной герцогиней Альбукерской, своей неизменной спутницей, он думал о юной

Королеве, ее матери, которая, как казалось ему, еще совсем недавно приехала из веселой французской земли и завяла среди мрачного великолепия испанского двора. Она умерла ровно полгода спустя после рождения Инфанты и не дождалась, чтоб еще раз зацвел в саду миндаль, и осенью того года уже не срывала плодов со старого фигового дерева, стоявшего посреди двора, ныне густо заросшего травой.

Так велика у Короля была любовь к ней, что он не позволил даже могиле скрыть возлюбленную от его взоров. Он велел набальзамировать ее мавританскому врачу, которого, как говорили, уже осудила на казнь святая инквизиция по обвинению в ереси и подозрению в магии и которому, в награду за эту услугу, была дарована жизнь. Тело ее и поныне лежало на устланном коврами ложе в черной мраморной часовне дворца — совсем такое же, каким внесли его сюда монахи в тот ветреный мартовский день почти двенадцать лет тому назад. Каждый месяц Король, закутанный в черный плащ и с потайным фонарем в руке, входил в часовню, опускался на колени перед катафалком и звал: «*Mi reina! Mi reina!*»¹ И порой, забыв об этикете, который в Испании управляет каждым шагом человека и ставит предел даже королевскому горю, он в безумной тоске хватал бледные руки, униженные дорожными перстнями, и пробовал разбудить страстными поцелуями холодное, раскрашенное лицо. Сегодня ему кажется, что он снова увидел ее такой же, как тогда, в первый раз, в замке Фонтенебло. Ему было всего пятнадцать лет, а ей и того меньше. В тот же день они были в присутствии короля и всего двора официально обручены папским нунцием, и короле-

¹ Моя королева! Моя королева! (*исп.*)

вич вернулся в Эскуриал, унося с собой легкий завиток золотистых волос и память о прикосновении детских губок, прильнувших с поцелуем к его руке, когда он садился в карету.

Некоторое время спустя их наскоро повенчали в Бургосе, маленьком городке на границе Франции и Испании, и они торжественно въехали в Мадрид, где, по обычаю, отслужили торжественную мессу в церкви La Atocha и было устроено необычайно величественное аутодафе¹, для которого светским властям было передано на сожжение около трехсот еретиков, в том числе много англичан.

Он безумно любил ее, любил, как думали многие, на погибель своей стране, воевавшей в то время с Англией за обладание империей Нового Света. Он ни на шаг не отходил от нее; ради нее он готов был, казалось, забыть самые важные государственные дела и, ослепленный страстью, не замечал, что его церемонная вежливость, которой он пытался угодить ей, только усиливала странную болезнь, подтачивавшую ее здоровье. Когда она умерла, он на какое-то время почти лишился рассудка. Он бы даже отрекся от трона и удалился бы в большой Траппистский монастырь в Гренаде, почетным приором которого состоял с давних пор, если бы только не боялся оставить маленькую Инфанту на попечение своего брата, сумевшего даже в Испании прославиться своей жестокостью. Поговаривали, что это он был причиной смерти Королевы, преподнеся ей пару отравленных перчаток во время посещения королевской четой его дворца в Араге. Даже когда истек срок трехгодичного траура, объявленного королевским указом во всех владениях испанской короны, Король не поз-

¹ Инквизиционный костер для грешников.

волил своим министрам даже и речь заводить о новом браке; а когда сам Император заслал к нему сватов, предлагая в жены свою племянницу, прелестную эрцгерцогиню Богемскую, он попросил их передать своему господину, что он уже обвенчан с Печалью и, хотя эта супруга бесплодна, он все же предпочитает ее Красоте. Ответ этот стоил испанской короне богатых нидерландских провинций, которые вскоре, по наущению Императора, восстали против Испании под предводительством нескольких фанатиков протестантов.

Вся его супружеская жизнь с ее неистовыми пылкими радостями и страшная мука, которую он пережил, когда всему вдруг пришел конец, — все это как будто вернулось к нему теперь, когда он в окно наблюдал за Инфантой, резвящейся на террасе. В ней была милая живость ее матери, та же своевольная манера вскидывать головку, тот же гордый изгиб прекрасного рта, та же дивная улыбка — *vrai sourire de France*¹, когда она порою взглядывала на окно или протягивала какому-нибудь статному испанцу свою крохотную ручку для поцелуя. Но громкий детский смех резал его ухо; безжалостно яркое солнце словно издевалось над его горем, а свежий утренний воздух был пропитан, казалось, тяжелым запахом снадобий, какие употребляют при бальзамировании. Король закрыл лицо руками, и когда Инфанта снова подняла глазки к окну, занавеси были уже спущены и Король исчез.

Инфанта сделала недовольную гримаску и пожала плечиками — уж мог бы он с ней побыть в день ее рождения. Кому они нужны, эти глупые государственные дела! Или, может быть, он отпра-

¹ Настоящая французская улыбка (франц.)

вился в ту мрачную часовню, где всегда горят свечи и куда ей запрещают входить? Как это глупо с его стороны, когда солнце светит так ярко и всем так весело! И вот теперь он не увидит шуточного боя быков, на который уже сзывают трубы, не увидит марионеток и других удивительных забав. Ее дядя и Великий Инквизитор куда разумнее. Они пришли на террасу и были с ней так любезны.

Она тряхнула своей хорошенькой головкой и, взяв под руку Дона Педро, стала медленно спускаться по ступенькам к длинному, обтянутому алым шелком павильону, воздвигнутому в конце сада; остальные дети двинулись за ней следом один за другим, соответственно знатности рода. Те, у которых были самые длинные имена, шествовали впереди.

Навстречу Инфанте вышла процессия мальчиков из самых знатных семейств, одетых в фантастические костюмы тореадоров, и юный граф Тьерра-Нуэва, изумительно красивый мальчик лет четырнадцати, обнажив голову с грацией прирожденного гидальго и гранда испанского, торжественно подвел ее к возвышению над ареной, где стояло небольшое золоченое кресло, инкрустированное слоновой костью. Дети собрались вокруг нее, перешептываясь между собой и обмахиваясь большими веерами, а Дон Педро и Великий Инквизитор, смеясь, остались у входа. Даже герцогиня — главная камерера, как ее называли, — тощая суровая женщина в желтых брыжах, не казалась такой сердитой, как обыкновенно, и что-то вроде холодной улыбки скользило по ее морщинистому лицу, кривя тонкие, бескровные губы.

Это, бесспорно, был чудесный бой быков — гораздо красивее, по мнению Инфанты, настоящего, на который ее возили в Севилью, когда у ее

отца гостил герцог Пармский. Некоторые из мальчиков гарцевали на палочках, покрытых роскошными чепраками, и размахивали длинными пиками с веселыми пучками ярких лент; другие прыгали перед быком, дразня его своими красными плащами и легко вскакивая на барьер, когда бык кидался на них; что касается самого быка, он был совсем как настоящий, хотя и сделан из ивовых прутьев, обтянутых кожей, и порой предпочитал бегать вдоль арены на задних ногах, что, конечно, никогда не взбрело бы в голову живому быку. Сражался он великолепно, и дети пришли в такое возбуждение, что вскакивали на скамейки, махали кружевными платочками и кричали: «Браво, торо! Браво, торо!» — совсем как взрослые.

Наконец, после продолжительного боя, во время которого бык проколол своими рогами немало игрушечных лошадок и выбил из седла их наездников, юный граф Тьерра-Нуэва заставил быка стать на колени и, получив от Инфанта разрешение нанести ему *coup de grâse*¹, с такой силой вонзил свою деревянную шпагу в шею животному, что голова отскочила, и все увидели смеющееся личико маленького мосье де Лоррэна, сына французского посланника в Мадриде.

Еще не смолкли громкие рукоплескания, а арена была уже очищена, и погибших лошадок торжественно уволокли со сцены два мавританских пажа в желтых с черным ливреях; и после краткой интермедии, во время которой француз-гимнаст плясал на туго натянутом канате, на сцене небольшого театратора, нарочно для этого случая построенного, была представлена итальянскими куклами полуклассическая трагедия «Софонисба». Они играли

¹ Здесь: последний удар (*франц.*).

так чудесно и жесты их были так естественны, что к концу спектакля глазки Инфанты затуманились от слез. Некоторые из детей плакали во весь голос, и приходилось утешать их сладостями. Даже сам Великий Инквизитор был так растроган, что не удержался и сказал Дону Педро, как ему больно видеть, что простые куклы на проволоках, из дерева и крашеного воска могут быть так несчастны и переживать такие тяжкие бедствия.

Затем появился африканец-фокусник, который принес с собой большую плоскую корзину, покрытую красным сукном, поставил ее посередине арены, достал из своего тюрбана какую-то чудную дудку из тростника и начал на ней играть. Немного спустя сукно зашевелилось, и, когда звуки дудки стали резче и пронзительней, из-под сукна высоко подняли свои странные клинообразные головы две изумрудно-золотистые змеи и медленно стали раскачиваться под музыку, словно растения в воде. Детей, однако, пугали их пятнистые клубочки и проворные острые жала, им гораздо больше понравилось, когда у них на глазах, по воле фокусника, выросло из песка крохотное апельсинное деревце, которое тут же покрылось хорошенькими белыми цветочками, а затем и настоящими плодами. Когда же фокусник взял у маленькой дочки маркизы де Лас-Торрес веер и превратил его в синюю птицу, которая стала с пением носиться по павильону, их изумление и восторг не знали границ.

Торжественный менуэт, исполненный маленькими танцовщиками из церкви Нуэстра Сеньора Дель Пилар, тоже понравился им. Инфанта никогда еще не видала этого удивительного обряда, совершаемого ежегодно в мае в честь пресвятой богородицы пред ее высоким престолом, потому что никто из членов испанского королевского дома ни разу не

переступил порог большого сарагосского собора с тех пор, как сумасшедший священник, подкупленный, как подозревали, королевой Елизаветой Английской, пытался причастить там принца Астурийского отравленной облаткой. Инфанта только понаслышке знала о «танце богородицы» и нашла, что он действительно очень красив. Мальчики-танцоры были в старинных придворных костюмах из белого бархата и в диковинных треуголках, обшитых серебряным галуном и увенчанных большими страусовыми плюмажами. Их смуглые лица и длинные черные волосы еще больше оттеняли ослепительную белизну этих костюмов. Все были очарованы важностью и достоинством, с которыми они выполняли замысловатые фигуры танца, изысканной грацией их медлительных жестов и величавых поклонов, и в конце, когда они, сняв свои огромные, украшенные перьями шляпы, склонились перед Инфантой, она чрезвычайно любезно ответила на их поклон и мысленно дала себе обет поставить большую восковую свечу пред алтарем пресвятой девы Дель Пилар в благодарность за доставленное удовольствие.

А потом на арене появилась группа красавцев египтян, как в те дни называли цыган; они уселись в кружок, поджав под себя ноги, и тихонько заиграли на цитрах, раскачиваясь в такт музыке и едва слышно напевая что-то мечтательное и тягучее. Когда они заметили Дона Педро, они нахмурились и на лицах некоторых из них изобразился ужас, ибо всего лишь за несколько недель перед тем Дон Педро велел повесить в Севилье на рыночной площади двух человек из их племени за колдовство, но хорошенькая Инфанта, которая слушала их, откинувшись на спинку кресла, и мечтательно глядела большими голубыми глазами поверх своего веера,

совсем их пленила. Они почувствовали уверенность, что такое прелестное существо не способно на жестокость. И они продолжали играть тихо и нежно, едва касаясь струн длинными ногтями и кивая головами словно в полудремоте. И вдруг с таким пронзительным криком, что все дети вздрогнули, а рука Дона Педро стиснула агатовую рукоять кинжала, египтяне вскочили на ноги и закружились как бешеные вокруг арены, ударяя в свои тамбурины и распевая какую-то дикую любовную песню на своем странном гортанном языке. Затем все разом кинулись на землю, и теперь только глухой звон цитр нарушал тишину. Повторив это несколько раз, они на миг исчезли и вывели на цепи косматого бурого медведя. На плечах у них сидело несколько крохотных барбарийских обезьянок. Медведь с необычайной серьезностью встал на голову, а обезьянки со сморщенными личиками стали проделывать всякие забавные штуки. Они фехтовали крохотными шпагами с двумя цыганиями, по-видимому их хозяевами, стреляли из ружей, а потом выстроились в ряд и начали делать солдатские артикулы — совсем как на ученье королевской лейб-гвардии. Цыгане очень понравились детям.

Но самым забавным развлечением этого утра были, бесспорно, танцы маленького Карлика. Когда он ввалился на арену, ковыляя на кривых, коротеньких ножках и мотая огромной безобразной головой, дети подняли восторженный крик, и даже сама Инфанта так смеялась, что Камеристка вынуждена была напомнить ей, что хотя в Испании не раз видали королевских дочерей, плачущих перед равными, однако неслыханное дело, чтобы принцесса королевской крови веселилась так в присутствии тех, кто ниже ее по рождению.

Однако Карлик был действительно неотразим, и даже при испанском дворе, известном своим пристрастием ко всему ужасному и безобразному, такого фантастического маленького чудовища еще не видали. Да этот Карлик и не выступал прежде. Его нашли всего за день до того. Двое грандов, охотившиеся в отдаленной части пробкового леса, окружавшего город, встретили его, когда он бежал опрометью через лес, и привезли с собою во дворец, чтоб устроить Инфанте сюрприз; отец его, бедный угольщик, был только рад избавиться от такого уродливого и бесполезного ребенка. Самое забавное в Карлике было, быть может, то, что сам он совершенно не сознавал, как он уродлив и смешон. Напротив, он казался счастлив и весел необычайно. Когда дети смеялись — и он смеялся так же непринужденно и радостно и по окончании каждого танца отвешивал каждому из них в отдельности уморительнейшие поклоны, улыбаясь и кивая головою, словно сам он был такой же, как они, а не маленький уродец, которого природа однажды под веселую руку создала на потеху другим. Инфантою он был очарован безмерно, не мог от нее глаз оторвать и, казалось, плясал для нее одной. И когда, вспомнив, как на ее глазах знатные придворные дамы бросали букеты Каффарелли, знаменитому итальянскому дисканту, которого папа прислал в Мадрид из собственной домово́й церкви в надежде, что сладкие звуки его голоса исцелят тоску Короля, она вынула из волос красивую белую розу и, шутки ради, а также для того, чтобы позлить Камеристку, с очаровательной улыбкой бросила эту розу через всю арену Карлику, тот принял это совсем всерьез, прижал цветок к губам, уродливым и толстым, приложил руку к сердцу и опустился перед Инфантой на одно колено, причем радостная улыбка растя-

нула рот его до ушей, а маленькие, светлые глазки заискрились от удовольствия.

После этого Инфанта положительно не в состоянии была оставаться серьезной и продолжала смеяться еще долго после того, как Карлик убежал с арены, и попросила дядю, чтобы танец немедленно был повторен. Камеристка, однако ж, сославшись на чрезмерную жару, заявила, что для ее высочества лучше будет немедленно вернуться во дворец, где для нее уже приготовлен роскошный пир и уже стоит на столе настоящий именинный пирог с инициалами новорожденной из крашеного сахара и красивым серебряным флагом на верхушке. Инфанта с большим достоинством поднялась с места, приказала, чтоб маленький Карлик еще раз проплясал перед нею после сиесты, и, поблагодарив юного графа Тьерра-Нуэва за чудесный прием, удалилась в свои апартаменты. За нею двинулись прочие дети, в том же порядке, как пришли.

Когда маленькому Карлику сказали, что он будет еще раз танцевать перед Инфантой по ее личному особому приказу, он так обрадовался, что убежал в сад, в нелепом восторге покрывая поцелуями белую розу и выражая свое счастье самыми дикими и неуклюжими жестами.

Цветы пришли в негодование от дерзкого вторжения уродца в их прекрасную обитель; когда же они увидали, как он скачет по дорожкам, смешно и неуклюже размахивая руками над головой, они уже не в состоянии были дольше сдерживаться.

— Право же, он слишком безобразен, чтобы позволять ему играть в тех местах, где находимся мы! — восклицали Тюльпаны.

— Напоить бы его маковым цветом, чтоб он уснул на тысячу лет, — говорили высокие огненно-красные Лилии и от гнева запылали еще ярче.

— Ужас, прямо ужас, до чего он безобразен! — взвизгнул Кактус. — Он весь искривленный, приземистый, и голова у него несообразно велика по сравнению с ногами. При виде его у меня колючки встают дыбом, и, если он только подойдет ко мне, я его исколю своими шипами.

— И у него в руках к тому же один из лучших моих цветков! — воскликнул Куст Белых Роз. — Я сам подарил его нынче утром Инфанте ко дню рождения, а он его украл у нее. — И он закричал что было силы: — Вор! Вор! Вор!

Даже красные Герани, которые вообще-то не спесивы — у них у самих куча бедных родственников, — так и скручивались все от отвращения, и, когда Фиалки скромно заметили, что хоть он и очень некрасив, но не по своей же вине, Герани не без основания возразили, что в том-то и беда и что, раз он неизлечим, нет оснований восхищаться им только за это. Да и некоторые из Фиалок сами чувствовали, что Карлик как будто даже кичится своим безобразием, выставляя его напоказ, и что он выказал бы гораздо больше вкуса, если б принял печальный или хотя бы задумчивый вид, вместо того чтоб прыгать и скакать по дорожкам, принимая такие причудливые и нелепые позы.

Что касается старых Солнечных Часов — особы выдающейся и некогда указывавшей время самому императору Карлу V, — то они до того были поражены видом маленького Карлика, что чуть не забыли отметить целых две минуты своим длинным теневым пальцем и не удержались, чтобы не сказать большому молочно-белому Павлину, гревшемуся на солнышке на балюстраде, что, мол, всем известно, что королевские дети — это королевские дети, а дети угольщика — это дети угольщика, и ни к чему уверять, будто это не так, с чем Павлин все-

цело согласился и даже крикнул: «Несомненно! Несомненно!» — таким пронзительным и резким голосом, что Золотые Рыбки, жившие в бассейне фонтана, от которого веяло прохладой, высунули головки из воды и спросили у огромных каменных Тритонов, в чем дело и что произошло.

А вот птицам Карлик почему-то понравился. Они и раньше часто видели в лесу, как он плясал подобно эльфу, гоняясь за подхваченными ветром листьями, или же, свернувшись клубочком где-нибудь в дупле старого дуба, делил с белками собранные им орехи. И они ничуть не возмущались его безобразием. Ведь и Соловей, который по вечерам пел в апельсиновых рощах так сладко, что даже Луна иной раз склоняла свой лик, чтобы послушать его, был не великий красавец; к тому же мальчик был добр к ним, и в жестокую зимнюю стужу, когда на деревьях нет ягод и земля становится тверда, как железо, а волки подходят в поисках пищи к самым городским воротам, он никогда не забывал о них, и всегда бросал им черные крошки от своего ломтя, и делил с ними завтрак, как бы он ни был скуден.

И птицы порхали вокруг него, задёвая крыльшками его щеки, и щебетали меж собою, и маленький Карлик был так счастлив, что не мог удержаться и похвастался перед ними пышною белою розой, сказав, что эту розу подарила ему сама Инфанта, потому что она любит его.

Птицы не поняли ни слова, но это не беда, потому что они с задумчивым видом склонили головки набок, а это все равно что понимать, да к тому же много легче.

Ящерицам он также очень понравился; и когда он устал бегать и прилег на траву отдохнуть, они подняли веселую возню вокруг него и на нем самом и всячески старались позабавить его.

— Не всем же быть такими красивыми, как ящерицы, этого нельзя и требовать,— говорили они.— И, хотя это звучит нелепо, он не так уж безобразен, если, конечно, закрыть глаза и не смотреть на него.

Ящерицы — прирожденные философы, они часами способны сидеть на одном месте и размышлять, когда им больше нечего делать или когда погода слишком дождливая.

Цветам, однако, очень не понравилось их поведение, равно как и поведение птиц.

— Это только показывает,— говорили они,— какими вульгарными становятся те, кто все время летает и бсгает. Хорошо воспитанные создания, вроде нас, всегда стоят на одном месте. Кто видел, чтобы мы метались взад и вперед по дорожкам или же скакали как безумные по траве в погоне за какою-нибудь стрекозою? Когда мы испытываем потребность в перемене воздуха, мы посылаем за садовником, и он пересаживает нас на другую клумбу. Это прилично, это вполне *comme il faut*¹, но ящерицы и птицы не ценят покоя, у птиц даже нет постоянного адреса. Они просто бродяги, вроде цыган, с ними и обращаться надо как с бродягами.

Цветы вздернули носики, приняли высокомерный вид и были очень довольны, когда немого погода маленький Карлик встал с травы и заковылял к дворцовой террасе.

— Право же, его следовало бы запереть до конца жизни,— говорили они.— Вы только посмотрите, какой у него горб на спине! А ноги какие кривые! — И они захихикали.

А маленький Карлик и не подозревал об этом. Он страшно любил птиц и ящериц и находил, что

¹ Как полагается (франц.).

цветы — самое удивительное, что только есть на свете, — конечно, за исключением Инфанта; но ведь Инфанта дала ему дивную белую розу, и она любит его, а это другое дело! Как ему хотелось быть опять вместе с нею! Она посадила бы его по правую руку от себя и улыбалась бы ему, и он никогда больше не ушел бы от нее, а сделал бы ее своим другом и научил бы ее всяким восхитительным штучкам. Ибо, хотя он никогда раньше не бывал во дворце, он знал множество удивительных вещей. Он умел, например, делать из тростника крохотные клетки для кузнечиков, чтоб они сидели и пели там, и превращать суставчатый длинный бамбук в такую свирель, которой заслушался бы сам Пан¹. Он умел подражать птичьим голосам. И мог позвать скворца с верхушки дерева и цаплю с болота. Он знал, какое животное какие оставляет за собою следы, и умел выследить зайца по легким отпечаткам его лапок и кабана по растоптанным листьям. Ему были знакомы все пляски людей, живущих среди природы: и бешеный танец осени в одежде из багряницы, и летняя пляска в васильковых сандалиях среди спелых хлебов, и танец зимы с венками из сверкающего белого снега, и вешняя пляска в цветущих фруктовых садах.

Он знал, где вьют свои гнезда дикие голуби, и как-то раз, когда голубь с голубкой попались в силки птицелова, он сам воспитал покинутых птенцов и устроил для них маленькую голубятню в трещине расколотого вяза. Голуби выросли совсем ручные и каждое утро кормились из его рук. Они, наверное, понравились бы Инфанте, как и кролики, шнырявшие в высоких папоротниках, и сойки с

¹ П а н — в греческой мифологии сын бога Гермеса, олицетворяющий природу.

твердыми перышками и черными клювами, и ежи, умеющие свертываться в колючие шарики, и большие умные черепахи, которые медленно ползают, тряся головами и грызя молодые листочки. Да, она обязательно должна прийти к нему в лес поиграть вместе с ним. Он уступит ей свою постельку, а сам будет сторожить за окном до рассвета, чтоб ее не обидели дикие зубры и не подкрались бы слишком близко к хижине отощавшие с голоду волки. А на рассвете он постучится в ставни и разбудит ее, и вместе они пойдут в лес и будут плясать целый день. В лесу, право же, совсем не скучно. Иной раз епископ проедет на своем белом муле, читая книжку с картинками. А то пройдут сокольничие в зеленых бархатных шапочках, в камзолах из дубленой оленьей кожи, и у каждого по соколу, а голова у сокола покрыта клобучком. А в ту пору уборки винограда проходят виноградари, и руки и ноги у них красные от виноградного сока, а на головах венки из глянцевого плюща, и они несут мехи, из которых каплет молодое вино; а по вечерам вокруг больших костров усаживаются угольщики и смотрят, как медленно обугливаются в огне сухие поленья, и жарят в пепле каштаны, и разбойники выходят из своих пещер повеселиться вместе с ними.

Как-то он даже видел замечательную процессию, извивавшуюся, как змея, по длинной пыльной дороге, ведущей в Толедо. Впереди шли монахи, сладостно пели и несли яркие хоругви и золотые кресты, за ними в серебряных латах, с мушкетами и пиками шли солдаты, а посреди солдат — трое босоногих людей с зажженными свечами в руках и в странной желтой одежде, сплошь разрисованной какими-то удивительными фигурами. Уж в лесу-то есть на что посмотреть; а когда она устанет, он

отыщет для нее мягкое ложе из мха или же понесет ее на руках, потому что он ведь очень сильный, хоть и сам знает, что невысок ростом. Он сделает ей ожерелье из красных ягод брионии, которые так же красивы, как те белые ягоды, что нашиты у нее на платье; а если ей надоест это ожерелье, она может его бросить, и он найдет ей другое. Он будет приносить ей чашечки от желудей и покрытые росой анемоны, и крохотных светлячков, которые будут искриться, как звезды, в бледном золоте ее волос.

Однако где же она? Он спросил об этом Белую Розу, но та не ответила. Весь дворец, казалось, спал, и даже там, где ставни не были заперты, окна были завешены от яркого солнца тяжелыми занавесями. Карлик обошел кругом весь дворец, ища, как бы пробраться внутрь, и наконец заметил небольшую открытую дверь. Он проскользнул туда и очутился в роскошном зале — увы! — гораздо более пышном, чем лес: там всюду было столько позолоты и даже пол выстлан большими цветными камнями, уложенными в какие-то геометрические фигуры. Но маленькой Инфанти там не было; были только странные белые статуи на пьедесталах из яшмы, смотревшие на него с какой-то странной улыбкой печальными пустыми глазами.

В конце зала висела богато расшитая занавесь из черного бархата, усеянная солнцами и звездами — любимый узор Короля, да и черный цвет был его самый любимый. Может быть, она спряталась за этой занавесью? Во всяком случае, надо взглянуть.

Он тихонько подкрался к портьеру и отдернул ее. Нет, за портьерой была только другая комната, и она показалась ему еще красивее той, откуда он только что вышел. Стены здесь были увешаны зеле-

ными гобеленами со множеством фигур, изображавших охоту, — произведение фламандских художников, потративших больше семи лет на эту работу. Некогда это была комната Иоанна Безумного — помешанного короля, который так страстно любил охоту, что в бреду нередко пытался вскочить на огромного вздыбившегося коня, вытканного на гобелене, стащить со стены оленя, на которого кидались большие собаки, затрубить в охотничий рог и заколоть ножом убегающую бедную лань. Ныне эта комната была превращена в зал Совета, и на стоявшем посреди нее столе лежали красные портфели министров с тисненными испанскими золотыми тюльпанами, а также гербами и эмблемами Габсбургов.

Маленький Карлик в изумлении озирался вокруг и даже немножко побаивался идти дальше. Станные, безмолвные всадники, скакавшие так быстро и бесшумно по длинным лесным дорогам, напоминали ему страшных призраков — о них он слышал от угольщиков, — компрачикосов, которые охотятся только ночью и если встретят человека, то превратят его в оленя и затравят насмерть. Но он вспомнил о маленькой Инфанте, и это придало ему мужества. Ему хотелось застать ее одну и сказать ей, что он ее тоже любит. Быть может, она в смежной комнате?

По мягким мавританским коврам он неслышно перебежал через комнату и распахнул дверь. Нет, и там ее не было. Комната была совершенно пуста.

То был тронный зал, служивший для приема иностранных послов, когда Король — что в последнее время случалось не часто — соглашался дать им личную аудиенцию; в этом самом зале много лет назад были приняты посланники из Англии, явившиеся сватать свою Королеву, тогда одну из като-

лических владык Европы, за старшего сына Императора. Стены здесь были обтянуты кордуанской золоченой кожей, а с черно-белого потолка свешивалась тяжелая люстра в триста восковых свечей. Под большим балдахином золотой парчи, на котором были вышиты мелким жемчугом кастильские львы и башни, стоял самый трон с наброшенным на него роскошным покрывалом из черного бархата, затканного серебряными тюльпанами и украшенного пышной бахромой из серебра и жемчуга. На второй ступени трона стояла скамеечка с подушкой из серебряной парчи, на которой преклоняла колена Инфанта; а еще пониже и уже не под балдахином — кресло для папского нунция, единственного, кто имел право сидеть в присутствии Короля во время публичных церемоний, и кардинальская шапка его с плетеными алыми кистями лежала спереди на красном табурете. Против трона на стене висел портрет Карла V, изображенного во весь рост, в охотничьем костюме, с большой собакой; а всю середину другой стены занимал портрет Филиппа II, принимающего дары от Нидерландов. Между окон стоял шкафчик черного дерева с инкрустацией из слоновой кости и резьбой, воспроизводившей гольбейновскую «Пляску Смерти»¹, которая, говорили, была сделана рукой самого знаменитого мастера.

Но Карлика не слишком занимало все это величие. Он не отдал бы своей розы за все жемчуга балдахины, не отдал бы даже одного белого лепестка ее за самый трон. Ему нужно было совсем другое — повидать Инфанту, прежде чем она снова войдет в павильон, и попросить ее уйти вместе с

¹ Гольбейн Ганс Младший (1497—1543) — выдающийся немецкий живописец и график эпохи Возрождения.

ним, когда он кончит танец. Здесь, во дворце, воздух тяжелый и спертый, а в лесу дует вольный ветер и солнечный свет играет на трепетных листьях, словно перебирая их золотыми руками. Там, в лесу, есть и цветы — быть может, не такие пышные, как в дворцовом саду, но зато аромат их нежнее: ранней весной — гиацинты, что заливают багряной волной прохладные доли и холмы, поросшие травой; желтые первоцветы, что гнездятся целыми семьями среди узловатых корней старого дуба; светлый чистотел и голубая вероника, золотые и лиловые ирисы. А на орешнике распускаются серенькие сережки, и наперстянка никнет под тяжестью своих пестрых чашечек, облепленных пчелами. Копья каштанов покрыты белыми звездочками, и луны боярышника бледны и прекрасны. Да, она обязательно уйдет с ним — только бы ему найти ее. Она уйдет с ним в прекрасный лес, и он целыми днями будет плясать для ее удовольствия. При одной мысли об этом глаза его засветились улыбкой, и он перешел в соседнюю комнату.

Из всех комнат эта была самая светлая и самая красивая. Стены ее были обтянуты алой камчой, расшитой птицами и хорошенькими серебряными цветочками; мебель была вся из литого серебра, с фестонами из цветочных гирлянд и раскачивающимися купидонами. Две большие ширмы, на которых были вышиты павлины и попугаи, отгораживали огромные камины, а пол из оникса цвета морской воды, казалось, уходил в бесконечность. И в этой комнате Карлик был не один. На другом конце зала, в дверях, стояла какая-то маленькая фигурка и наблюдала за ним. У него забилося сердце; крик радости сорвался с его уст, и он вышел на свет. Одновременно с ним вышла и фигурка, и теперь он ясно мог разглядеть ее.

Инфанта? Как бы не так! Это было чудовище — самое уморительное чудовище, когда-либо виденное им. Непропорционально сложенное, не так, как все прочие люди, с горбатой спиной, на кривых ногах, с огромной, мотающейся с боку на бок головой и спутанной гривой черных волос. Маленький Карлик нахмурился, и чудовище тоже нахмурилось. Он засмеялся, и оно засмеялось и уперлось руками в бока, копируя его жест. Он отвесил чудовищу насмешливый поклон, и оно ответило ему таким же низким поклоном. Он пошел к нему, и оно пошло ему навстречу, повторяя все его шаги и движения и останавливаясь, когда он останавливался. С криком изумления он устремился вперед, протянул руку, и рука чудовища, холодная как лед, коснулась его руки. Он испугался, отдернул руку, и чудовище поспешило сделать то же. Он начал было наступать на него, но что-то гладкое и твердое загородило ему дорогу. Лицо чудовища было теперь совсем близко от его лица, и в лице этом он прочел ужас. Он отвел рукой волосы, падавшие ему на глаза. Чудовище сделало то же. Он ударил его, и оно отвечало ударом. Он начал его ругать — оно строило ему какие-то гадкие гримасы. Он отшатнулся назад, и оно отшатнулось.

Что же это такое? Карлик задумался на минуту, оглядел комнату. Странно: каждый предмет здесь имеет как будто своего двойника за этой невидимой стеной светлой воды. Здесь картина — и там картина; здесь канапе — и там канапе. Здесь спящий Фавн лежит в алькове у дверей — и там, за стеною, дремлет его двойник; и серебряная Венера, вся залитая солнцем, протягивает руки к другой Венере, такой же прелестной, как она.

Что это?.. Эхо? Однажды в долине он крикнул, и эхо откликнулось, повторило за ним все слова.

Может быть, эхо умеет передразнивать и зрение, как оно умеет передразнивать голос? Может быть, оно умеет создать другой мир, совсем как настоящий? Но могут ли тени предметов иметь такие же, как предметы, краски, и жизнь, и движение? Разве могут?..

Он вздрогнул и, взяв со своей груди прелестную белую розу, повернулся и поцеловал ее. У чудовища оказалась в руках такая же роза, точно такая же — лепесток в лепесток. И оно точно так же целовало ее и прижимало к сердцу с безобразными жестами.

Когда истина вдруг открылась ему, он с диким воплем отчаяния кинулся, рыдая, на пол. Так это он сам — такой урод, горбатый, смешной, отвратительный? Это чудовище — он сам; это над ним так смеялись дети и маленькая Принцесса тоже; он-то воображал, что она любит его, а она просто, как другие, потешалась над его безобразием, над его уродливым телом. Почему не оставили его в лесу, где нет зеркала, которое бы сказало ему, как он уродлив и гадок? Почему отец не убил его, вместо того чтобы продать его на позор? По щекам его струились горячие слезы. Он изорвал в клочки белый цветок; барахтавшееся на полу чудовище сделало то же и разбросало по воздуху лепестки. Оно пресмыкалось на земле, а когда он смотрел на него, оно тоже смотрело на него, и лицо его было искажено страданием. Он отполз подальше, чтоб не видеть его, и закрыл руками глаза. Как раненый зверек, он уполз в тень и лежал, тихо стеная.

В это время через дверь с террасы в комнату вошла Инфанта со своими гостями и увидала безобразного Карлика, который лежал на полу, колотя по нему скрюченными пальцами; это было до того фантастически нелепо, что дети с веселым смехом

обступили его — посмотреть, что он такое делает.

— Его пляски были забавны,— сказала Инфанта,— но представляет он еще забавнее. Почти так же хорошо, как марионетки, только, разумеется, не так естественно.

И она обмахивалась своим огромным веером и хлопала в ладоши.

Но маленький Карлик даже не взглянул на нее; его рыдания постепенно стихали. Вдруг он как-то странно подпрыгнул и схватился за бок. Потом упал и вытянулся без движения.

— Это у тебя очень хорошо получилось,— сказала Инфанта, подождав немного,— но теперь ты должен потанцевать для меня.

— Да, да,— закричали все дети,— теперь вставай и танцуй, потому что ты ничуть не хуже барбарийской обезьянки, даже забавнее!

Но маленький Карлик не откликался.

Инфанта топнула ножкой и кликнула дядю, который гулял с Камергером по террасе, читая депеши, только что полученные из Мексики, где недавно учреждена была святая инквизиция.

— Мой смешной маленький Карлик капризничает и не хочет вставать. Поднимите его и велите ему танцевать для меня.

С улыбкой переглянувшись, они вошли в комнату, и Дон Педро нагнулся и потрепал Карлика по щеке своею вышитой перчаткой.

— Изволь плясать, *petit monstre*¹, изволь плясать. Наследная Принцесса Испании и обеих Индий желает, чтоб ее забавляли.

Но маленький Карлик не шевелился.

— Его надо отстегать хорошенько,— устало молвил Дон Педро и опять ушел на террасу.

¹ Уродец (*франц.*).

Но Камергер с озабоченным видом опустился на колени перед маленьким Карликом и приложил руку к его груди. А минуту спустя пожал плечами, поднялся и, низко поклонившись Инфанте, сказал:

— *Mi bella princesa*, ваш забавный маленький Карлик никогда больше не будет плясать. Как жаль! Он так безобразен, что, пожалуй, рассмешил бы даже Короля.

— Но почему же он никогда больше не будет плясать? — смеясь, спросила Инфанта.

— Потому что у него разбилось сердце.

Инфанта нахмурилась, и ее прелестные розовые губки сложились в хорошенькую надменную гримаску.

— На будущее время, пожалуйста, чтобы у тех, кто приходит со мною играть, не было сердца! — крикнула она и убежала в сад.

Содержание

Л. З. Лунгина. Поговорим о сказке	3
---	---

Шарль Перро

Красная Шапочка. Перевод с фр. под редакцией С. Маршака	25
Рике с хохолком. Перевод с фр. А. Федорова . . .	28
Золушка, или Хрустальная туфелька. Пересказ с фр. Т. Габбе	37
Подарки феи. Перевод с фр. Т. Габбе	47
Спящая красавица. Пересказ с фр. Т. Габбе . . .	50
Кот в сапогах. Пересказ с фр. Т. Габбе	60

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Щелкунчик и Мышиный Король. Перевод с нем. И. Татариновой	67
--	----

Вильгельм Гауф

Калиф-аист. Пересказ с нем. А. Любарской . . .	144
Холодное сердце. Пересказ с нем. Т. Габбе и А. Лю- барской	161
Маленький Мук. Перевод с нем. М. Салье . . .	222
Карлик Нос. Перевод с нем. М. Салье	242
Спасение Фатьмы. Перевод с нем. С. Анта . . .	275
Приключения Саида. Перевод с нем. С. Анта . . .	295

Ганс Христиан Андерсен

Гадкий утенок. Перевод с дат. А. Ганзен. Пере- сказ Т. Габбе и А. Любарской	341
Соловей. Перевод с дат. А. Ганзен. Пересказ Т. Габбе и А. Любарской	353
Дюймовочка. Перевод с дат. А. Ганзен. Пересказ Т. Габбе	367
Стойкий оловянный солдатик. Перевод с дат. А. Ганзен. Пересказ Т. Габбе и А. Любарской	383
Свинья-копилка. Перевод с дат. А. Ганзен. Пере- сказ Т. Габбе	390

Новый наряд короля. Перевод с дат. А. Ганзен	394
Свинопас. Перевод с дат. А. Ганзен	400
Огниво. Перевод с дат. А. Ганзен	406
Оле-Лукойе. Перевод с дат. А. Ганзен	415
Принцесса на горошине. Перевод с дат. А. Ганзен	428
Дикие лебеди. Перевод с дат. А. Ганзен	429
Русалочка. Перевод с дат. А. Ганзен	447
Елка. Перевод с дат. А. Ганзен	472
Штопальная игла. Перевод с дат. А. Ганзен	482
Пастушка и трубочист. Перевод с дат. А. Ганзен	487
Старый дом. Перевод с дат. А. Ганзен	493
Старый уличный фонарь. Перевод с дат. А. Ганзен	502
Тень. Перевод с дат. А. Ганзен	510
О том, как буря перевесила вывески. Перевод с дат. К. Телятшикова	525
Судьба репейника. Перевод с дат. А. Ганзен	531
Калоши счастья. Перевод с дат. К. Телятникова	536
Ребятня болтовня. Перевод с дат. А. Ганзен	566
Чего только не придумают... Перевод с дат. Б. Прозоровской	568
Снежная королева. Перевод с дат. А. Ганзен	572
Садовник и господа. Перевод с дат. Ю. Ях-ниной	606
Цветы маленькой Иды. Перевод с дат. А. Ганзен	615
Скверный мальчишка. Перевод с дат. А. Ганзен	625
Воротничок. Перевод с дат. А. Ганзен	627
Лен. Перевод с дат. А. Ганзен	630
Ганс Чурбан. Перевод с дат. А. Ганзен	636

Оскар Уайльд

Мальчик-Звезда. Перевод с англ. Т. Озерской	641
Счастливый Принц. Перевод с англ. К. Чуковского	663
Замечательная Ракета. Перевод с англ. Т. Озерской	675
День рождения Инфанти. Перевод с англ. З. Журав-ской	693

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА
В 10 ТОМАХ

(Том VIII)

Литературные сказки
зарубежных писателей

Ответственный редактор

А. С. Ляуэр

Художественный редактор

В. А. Тогобицкий

Технический редактор

И. П. Савенкова

Корректоры

Л. А. Рогова, В. В. Борисова

ИБ № 13050

Сдано в набор 11.01.91. Подписано к печати 11.06.93. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 42,9. Усл. кр.-отт. 46,79. Уч.-изд. л. 31,13 + 9 вкл. = 32,15. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Заказ № 5829. С 235.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и информации РФ. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Л64 Литературные сказки зарубежных писателей/Вступит. ст. Л. З. Лунгиной; Художн. Н. Гольц.— М.: Дет. лит., 1994.— 719 с.: ил.— (Сказки народов мира в 10 томах, т. VIII).

ISBN 5-08-001996-4

ISBN 5-08-001848-8

В книгу вошли лучшие произведения таких любимых детьми сказочников, как Шарль Перро, Э. Т. А. Гофман, Вильгельм Гауф, Г.-Х.Андерсен, Оскар Уайльд.

Л 4804010100—235 Подписн. изд.
М101(03)-94

ББК 84.4

